ДОНСКИЕ КАЗАКИ В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ

Воспоминания начальника штаба Донских армий и Войскового штаба
Генерального штаба ген.-майора И. А. Полякова

(в пяти частях)

МЮНХЕН
1962

Воспоминания
начальника штаба Донских армий и Войскового штаба
Генерального штаба ген. майора И. А. Полякова

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ

(в пяти частях)

МЮНХЕН
1962

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Описание гражданской смуты в России уже теперь составляет целые объемистые тома; исследованием ее причин и явлений продолжают интересоваться и поныне, а в будущем, — возможно появление еще новых трудов.

Как известно, главное внимание уделено Юго-востоку России, где разыгрались наиболее важные события, как по времени возникновения, так и по силе напряжения, где зародилась и обновилась Добровольческая Армия — как ядро предполагавшейся будущей Российской армии, где сталкивались местные жизненные интересы казачества с непониманием их ответственными вождями Добровольческого движения, где тесно переплетались, так называемые ориентации «Германская», «Союзническая» и «Русская», где, наконец, чрезвычайно ярко выявились вопросы честолюбия и соревнования и где личные счеты и упорная непримиримость высших руководителей, временами принимала столь уродливую форму, что они готовы были мириться с провалом всего дела, чем согласиться с правотой другой стороны.

Следует признать, что несмотря на условия беженского существования, за последние годы в историю Белого Движения сделан весьма ценный вклад, в виде обширной литературы, с достаточной полнотой охватывающей период 1917-1920 годов. Между прочим, увидели свет капитальный труд ген. Деникина «Очерки Русской Смуты» и «Донская Летопись» — издание Донской исторической комиссии, в которой, надо сказать, блестящая деятельность Донского Атамана ген. П. Н. Краснова, изображена словно в кривом зеркале.

Все это, я думаю, те малые камни, из которых будущий Карамзин, дополнит историю Государства Российского, на основании подробного и всестороннего изучения сырого материала, и руководясь исключительно логикой и рассудком, станет складывать фундаментальное историческое здание и скажет свое правдивое, беспристрастное слово, оттенив все явления и причины, совокупность коих и привела к краху Белого Движения на полях сражений.

Только когда уйдут из жизни современники, когда утихнут личные страсти, исчезнет тщеславие и честолюбие, когда историку станут доступны огромные архивы — тогда только будет найдена подлинная правда и народ узнает сокровенный смысл всех событий.

Такая задача современникам, конечно, не по силам. Их главная заслуга перед историей состоит в том, чтобы дать наибольшее количество сведений и фактов из виденного и пережитого ими, подкрепив таковые, по возможности, точными документами, и этим облегчить историку отыскание правды в его будущей работе.

Достигнуть современникам исторической справедливости, как людям, находящимся под непосредственным впечатлением пережитого, полагаю, будет занятием непосильным. Совершенно непроизвольно, за счет исторической объективности, ими будет вводиться коэффициент не только субъективности, но и невольного расположения или преднамеренной предвзятости к тем или иным событиям и явлениям, в которых авторы, зачастую, сами принимали деятельное участие.

Такими недостатками, несмотря на свою солидность, к сожалению, страдает труд ген. Деникина[1]) в той части, где автор касается Дона и донских событий. Умышленно или, быть может, ошибочно, по недостатку нужных документов, основываясь лишь на памяти и рассказах лиц, облеченных его доверием, ген. Деникин неоднократно грешит против истины, оценивая события не столько разумом, сколько сердцем и временами, выставляя даже общеизвестные факты не в том виде, как они, в действительности, имели место.

То же самое, но в большей степени можно сказать и о «Донской Летописи», сотрудничать в которой автор настоящих «Воспоминаний» получал повторные предложения и со стороны Донской исторической комиссии и Донского Атамана. Однако, состав названной комиссии заранее предопределял характер однобокости и тенденциозности будущего труда, что удержало автора дать свое согласие и в этом он не раскаялся.

В описании названной комиссии донские события 1918 года (Донская Летопись том III) вышли, прежде всего, довольно куцыми, главное скомкано; второстепенному и не имеющему исторического значения, отведено несоответствующее место, временами страдает и фактическая сторона изложения, неподкрепленная, к тому же, никакими документами; нередко встречаются противоречия и, в конечном результате, далеко не обрисована даже часть той огромной картины, которая тогда развернулась на Дону.

А между тем, именно этот период исторически наиболее важен, так как в это время казачество постепенно просыпалось от большевистского угара, сбрасывая с себя коммунистический налет. По Донской земле шел сполох и Донцы местами дружно поднимались, создавая отдельные очаги восстания, всюду кипела организационная работа, на развалинах и пепле шло огромное новое строительство, совершенно в необычных условиях и в особой обстановке формировались народные Донские Армии; успехи Донского оружия неслись далеко за пределы Донской земли, тревожа сильно Москву и побуждая советскую власть к крайним мерам, дабы задушить Дон и не допустить, чтобы патриотический пожар, начавшийся здесь, перебросился в Центральную Россию; мало по малу восстанавливались государственность и административный аппарат, наступило трогательное слияние и полное единение

---

[1]) Очерки Русской смуты.

казачьей массы с его руководящей интеллигенцией, пока последняя сама не оттолкнула эту массу своей безответственной болтовней, игрой в политику, преследованием под флагом общего дела личных интересов, интригами и демагогией и, наконец, несмотря на это, тогда же казачество дало небывалый для народа максимум напряжения.

Тогда же под крылышко Дона вернулась из тяжелого похода Добровольческая Армия, начала здесь оживать, залечивать раны, расти, открыла свое лицо, выкинула лозунги, закладывала фундамент своего дальнейшего существования, внешне неразрывно связав свою судьбу с казачеством, но духовно оставшись чуждой чаяниям и духу казачьему.

Даже эти краткие данные уже достаточно красноречиво говорят, что из всей гражданской войны указанный период борьбы с большевиками является не только наиболее ярким и наиболее сложным по пестроте фактов и событий, но и черзвычайно богатым разнообразием психологических переживаний и настроений, а также противоречием столкнувшихся здесь интересов и, наконец, важен тем значением, которое придавала ему тогда советская власть

Неполнота и неточность описания этого исторического периода борьбы Донского казачества объясняется тем, что лица, стоявшие во главе и руководившие казачьим освободительным движением, вынуждены были неожиданно оставить начатое и ведомое ими дело и передать его в другие руки.

Произошло то, что всегда бывает: инициаторы и борцы, выполняющие весьма трудную, опасную и неблагодарную работу, кладущие первые камни основания, обычно попадают в невыгодные условия и совокупностью обстоятельств устраняются от того дела, которое ими было начато и ими же создано.

Новые руководители Донской жизни, по неизвестным мотивам, не только не заботились сохранить важные документы этого периода, но, наоборот, проявили странную склонность к небрежному обращению с ними, а некоторые из документов предусмотрительно были уничтожены, видимо, как какое-то неприятное доказательство прежней деятельности лиц, взявших тогда бразды правления [2]).

В конечном итоге, события 1918 года на Дону описаны, главным образом, по памяти, при этом людьми, большей частью не стоявшими непосредственно у власти и, следовательно, мало осведомленными и непосвященными во все тайны управления того времени, факты редко и то односторонне подкреплены официальными отчетами, отчего, конечно, не могла не пострадать правдивость изложения.

Все вышеизложенное и побуждает меня опубликовать свои «Воспоминания» обосновав их на документальных данных, имеющихся в моем распоряжении и поныне.

Покинув Румынию в конце 1917 года и с трудом проникнув на Дон, я с января 1918 года начал работать здесь при атамане Каледине, а затем Назарове, исполняя обязанности 2-го генерал-квартирмейстера его штаба.

---

[2]) Ген. Денисов «Гражданская война на Юге России 1918—1920 гг.» стр. 4—5.

«Забытый» в числа других в Новочеркасске 12-го февраля и отсидев в городе на нелегальном положении под видом рабочего около полутора месяцев, я принял участие в обороне города в дни 1—4 апреля, а после в «Заплавском сидении» в должности Начальника Штаба войск «Южной группы», вплоть до освобождения ею столицы Дона — Новочекасска. Назначенный вслед затем начальником штаба Донских Армий и одновременно начальником штаба Всевеликого войска Донского и будучи ближайшим сотрудником генералов Краснова и Денисова, мне пришлось составлять планы военных операций по очищению Донской земли от большевиков, а вместе с тем быть непосредственным проводником в жизнь всех мудрых военных начинаний Донского Атамана и всего, что было связано с этим.

Близко стоя ко всем событиям и переживаниям, я был не только в курсе всего тогда происходившего и полностью знал всю подлинную обстановку и политику, но от меня, конечно, не могла быть скрыта закулисная, интимная сторона всего огромного механизма. Кроме того, в силу своего положения мне, неоднократно, иногда с разрешения Атамана и командующего Донскими Армиями, иногда по собственной инициативе, самостоятельно, приходилось проводить в жизнь те или иные мероприятия, каковые мною признавались необходимыми и, следовательно, мне, более чем кому-либо, известны мотивы и причины, обуславливавшие самое их возникновение. Сверх того, в силу тех же обстоятельств, я постоянно участвовал во всех совещаниях Донского и Добровольческого командования, а при обострившихся взаимоотношениях, зачастую, был официально ответственным представителем Атамана и, значит, Дона.

Но должен оговориться, что не только моя осведомленность в Донских делах этого периода и наличие документов исторического значения, заставляют меня поделиться с читателем своими воспоминаниями. К этому меня побуждают и соображения иного порядка. Надо сказать, что прежде особенно часто, но и теперь нередко многие, перебирая страницы прошлого, на столбцах современной русской прессы, вспоминают часто первых борцов за восстановление России генералов Алексеева, Корнилова, Маркова, Дроздовского, Деникина, говорят о роли и значении бывшей Добровольческой Армии, реже упоминают о генерале Каледине, почти никогда о мученически погибшем Донском Атамане ген. Назарове и совершенно замалчивают о Доне, которому Добровольческая Армия в значительной степени обязана, как зарождением, так и самим существованием в течение около года [3]). Наоборот, к казакам установилось прежнее полупренебрежительное отношение, их упрекают «в измене», не углубляясь в причину этого явления и упуская, что главная тяжесть борьбы на юге все время лежала на казаках вообще и донских преимущественно. Нельзя забывать, что в то время, когда из многомиллионной массы русского народа только тысячи геро-

---

[3]) В «Белом Деле» — книга I в предисловии указывается о борьбе на юге генералов Алексеева, Корнилова, Деникина, но ни слова не упоминается о ген. Каледине и Краснове под водительством коих Донское казачество самостоятельно вело борьбу с большевиками в течение более года, принимая на себя главный удар нескольких советских армий и своей грудью прикрывая Добровольческую армию.

ев стали на защиту поруганной родины, а остальные покорно несли ярмо интернационала, мирясь с унижениями и оскорблениями, когда, наконец, в освобожденных от большевиков краях от неказачьего населения бралось в ряды войск и то с трудом 4—6, реже 8 возрастов, Донцы дали под ружье 36 возрастов, иначе говоря все мужское население от 18 до 54 лет, способное носить оружие.

Если, поэтому, в своих «Воспоминаниях» мне удастся оттенить хотя бы небольшую долю той огромной роли, которую сыграло Донское казачество в истории освободительного Белого Движения и хотя бы частично отметить его доблесть и неисчислимые жертвы, принесенные казачеством на алтарь отечества, что, полагаю, не должно умереть в памяти русского народа, — я буду считать себя нравственно удовлетворенным.

В моих «Воспоминаниях» я пишу только о том, что сам видел, что пережил, перечувствовал, в чем сам лично принимал непосредственнное участие, останавливаясь подробно на том, что не попало еще в печать или чему, по недостатку документальных данных, придано не совсем правильное освещение.

Других событий я касаюсь лишь попутно, вскользь и только тогда, если по ходу изложения это необходимо, дабы факты связать в одно целое, причем, в таких случаях, ссылаюсь на источники, откуда они заимствованы.

Югославия — Загреб
1925 г.

АВТОР

ИСТОЧНИКИ

Помимо моих личных воспоминаний и заметок, приказов Всевеликому Войску Донскому, копий докладов и отчетов о заседаниях высших представителей командования Донской и Добровольческой армий, официальных постановлений Большого Войскового Круга, а также и многочисленных газет [4]), выходивших на Юге в период 1917—1918 годов, в том числе и большевистских, кроме всего перечисленного, при составлении «Воспоминаний», служили пособием нижеследующие труды:

1. Отчет Управляющего Военным и Морским Отделами и Командующего Донской армией и флотом — Большому Войсковому Кругу к 15 августа 1918 года.

2. Отчет Управляющего Военным и Морским Отделами и Командующего Донской армией и флотом — Большому Войсковому Кругу к 1-му февраля 1919 года.

---

[4] «Донские Ведомости», «Вечернее Время», «Приазовский Край», «Часовой», «Донской Край», «Свободный Дон», «Вольный Дон», »Россия», журнал «Донская Волна», «Известия Новочеркасского Совета рабочих и казачьих депутатов», и другие.

3. Краткий исторический очерк освобождения земли Войска Донского от большевиков и начала борьбы за восстановление единой России.

4. Всевеликое Войско Донское. П. Н. Краснов (Архив Рус. рев. Том V).

5. Гражданская война на Юге России 1918—1920 г.г. Ген. Денисов.

6. Поход Корнилова — А. Суворин — Алексей Порошин.

7. Донской Атаман П. Н. Краснов — Г. Щепкин.

8. Донская Летопись. Тома II и III.

9. Очерки Русской смуты. Ген. Деникин.

10. Из Воспоминаний ген А. Лукомского (Архив Рус. рев.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗ БОТУШАНЫ (РУМЫНИЯ) НА ДОН

Октябрьский большевистский переворот. В штабе IX армии. Тыл армии в конце 1917 года. Растерянность начальства. Поведение казачьих частей. Малая осведомленность о том, что происходит вне армии. Калединский «мятеж» и главные его вдохновители: Керенский и Верховский. Настроение офицерства. Бесцельность дальнейшего пребывания в армии. Отъезд из Румынии. Киев в декабре 1917 года. Слухи о Донских событиях. Вынужденное возвращение в Подольскую губернию в город Хмельник. Новая попытка проехать в Новочеркасск. В казачьем бюро в Киеве в январе 1918 года. Знакомство с офицерами и образование группы для совместной поездки на Дон. Отъезд из Киева. Станция Знаменка и приключения там. Присоединение к казачьему эшелону. Разговоры со стариками казаками. Большевистская пропаганда среди казаков и ее результаты. Станция Апостолово. Решение казаков пробиваться на Дон с оружием, а в итоге — бунт. Наше бегство из казачьего эшелона в г. Никополь. Уход из Никополя и следование по Таврической губернии пешком и на подводах. Настроение крестьян и отношение к нам. Бесследное исчезновение из нашей группы есаула. Снова в казачьем эшелоне от ст. Царевоконстантиновск. Большевизм в Донецком бассейне. Станция Волновахи. Отряды красной гвардии и отношение их к казакам. Арест нашего прапорщика на ст. Ясиноватая. Ст. Дебальцево и расстрел красногвардейцами нескольких офицеров, пытавшихся пробраться на Дон. Наша жизнь в эшелоне. Настроение казаков эшелона и отношение их к большевикам. В Донской области. Ст. Серебряково и оставление нами казачьего эшелона. В теплушке до Царицина. Царицин в январе 1918 года. Следование с казаками от Царицина до полустанка Злодейского. Ст. Торговая и большевистские порядки. Ночью от полустанка Злодейского до станицы Хомутовской. Прием нас здесь. На подводе до станицы Ольгинской. Ст. Аксайская и конец мытарствам. Благополучный приезд в г. Новочеркасск 23 января 1918 года.

Октябрьский большевистский переворот застал меня в Румынии в штабе IX армии в г. Ботушаны.

Происшедшее не явилось для меня неожиданностью. В нем я видел лишь неизбежный заключительный аккорд преступной нерешительности трусливой кучки политических деятелей во главе с Керенским — именовавшейся Временным Правительством. Панически боясь даже призрака контрреволюции и истерически всюду его преследуя, убогий председатель Правительства, прозевал действительную опас-

ность, вписав в историю Российского Государства бесславные и небывало позорные страницы. Уже в начале октября нельзя было сомневаться, что злополучный парламент революционного самодура доживает последние дни. Нависала багровая туча. Надвигалось новое, ужасное зло — гражданская распря.

Работа штаба в это время вообще, а в частности, генерал-квартирмейстерского отдела, почти совсем прекратилась. По старой привычке мы продолжали посещать штаб, где коротали время за игрой в шахматы, шашки, в злободневных разговорах и в обсужении назревающих событий, стараясь подняв завесу, заглянуть в будущее. Боевой темой для наших бесед, весьма часто, служили несуразные, подчас дикие постановления армейского комитета, заседавшего здесь же в Ботушанах. Это детище революции, созданное с очевидной целью подорвать престиж офицерского состава и тем ускорить развал армии, косо смотрело на нас, расценивая офицеров штаба вообще, а особенно офицеров генерального штаба, как определенных и закоренелых контрреволюционеров.

Непосредственной опасности нам не грозило. Наличие румынских частей в городе и юнкеров военного училища, в значительной степени обуздывало аппетиты товарищей. Однако, у большинства из нас душевное равновесие было нарушено, росла растерянность, не было уверенности в завтрашнем дне.

Невозможно было оставаться равнодушным и видеть, как мероприятия «Нового Правительства» окончательно разваливают в армии и то, что с больши трудом удалось сохранить. Становилось ясно, что гибнет не армия, не фронт, а гибнет Россия. Даже самые неисправимые оптимисты и те считали, что Россия катится в бездну по наклонной плоскости.

Значительная удаленность от очага заразы — Петрограда позволила армиям Румынского фронта, в том числе и нашей, дольше других сохранять, хотя бы видимый порядок. Но гнусная социалистическая пропаганда продолжала свое дело. Развал фронта, происходивший обратно пропорционально расстоянию до Петрограда, постепенно близился и, наконец, проник и в нашу армию. Жалкие попытки противодействия, не поддержанные к тому же свыше, были безуспешны. Остановить заразу мы оказались бессильны. В роли вынужденных зрителей, мы наблюдали развертывающуюся кошмарную и мучительную драму: ломались вековые устои, рушились идеалы, традиции прошлого, падали покровы, обнажая гнусное бесстыдство и отвратительное убожество многих руководителей, еще вчера купавшихся в лучах царственного блеска и ласки, а ныне делавших революционную карьеру. Несся ужасный вихрь, превращавший все в обломки.

В зависимости от впечатлительности и восприимчивости, каждый из нас переживал душевные страдания и мучился сознанием своей беспомощности.

Особенно резко, как я заметил, это отразилось на командующем нашей армией ген.-лейт. Анатолии Киприяновиче Келчевском. Раньше всегда веселый, жизнерадостный, душа общества, как принято говорить, он теперь совершенно осунулся, согнулся, пожелтел, состарился.

Военная академия, где генерал Келчевский пользовался общей любовью всего переменного состава, как отличный лектор и как человек, подкупавший всех простотой своего обращения, а затем, — долгие годы совместного пребывания в штабе IX армии — сблизили нас, и в его лице я видел не только начальника, но, несмотря на разницу лет и положения, доброго, близкого, отзывчивого своего друга

Видя ежедневно Анатолия Киприяновича, я замечал, как помимо горьких переживаний, испытываемых всеми нами, его лично гнетет еще и острая боль разочарования в результатах «бескровной». На это у меня имелись довольно веские основания. Помню, еще в самом начале революции, в марте месяце, ген. Келчевский, бывший тогда генерал-квартирмейстером штаба, как-то зашел в мою канцелярию и, будучи в хорошем настроении, шутливо обратился ко мне со словами:

«А ты, Иван Алексеевич, все сидишь насупившись, как сыч».

На что я ответил:

«Особых причин теперь веселиться не вижу».

«Ну, конечно, тебе казаку революция не по нутру, вы все больше насчет нагайки».

Слово за слово мы начали разговор, который из шутки очень скоро перешел в горячий спор. Через несколько минут комната наполнилась офицерами штаба, привлеченными шумом. По выражению лиц присутствующих, по их репликам, я безошибочно мог заметить, что часть из них сочувствует ген. Келчевскому.

Спор касался происшедшей революции и возможных ее последствий. Анатолий Киприянович, в общем, признавал необходимость совершившегося и глубоко верил в светлое будущее, как логическое следствие происшедшего переворота.

Моя точка зрения была диаметрально противоположной. Вполне понятно, что при таких разных взглядах, невозможно было найти примирительную равнодействующую в нашем споре и потому ген. Келчевский, кончая разговор, бросил мне фразу: «с твоими убеждениями тебе лучше ехать теперь же на Дон».

Я не остался в долгу и ответил: «За совет спасибо, но на Дон я уеду, когда найду нужным. Со своей же стороны, тебе пожелаю, чтобы дивизия, которой тебе предстоит командовать, состояла бы из солдат Петроградского гарнизона, т. е. элемента, по твоим словам, сознательного и каковой ты только что горячо восхвалял, а я предпочитаю командовать полком такого приблизительно состава, с которым мы выступали на войну в 1914 году».

Мое пожелание не сбылось. Командовать дивизией ему не пришлось. Революция быстро несла его вверх. После ухода ген.-лейт. А. С. Санникова, он становится начальником штаба Армии, а затем через небольшой срок, принимает на свои плечи тяжелое бремя командования армией.

Столкнувшись здесь с настоящей жизнью и действительными достижениями революции, ген. Келчевский понял свои заблуждения, а также ошибочность и необоснованность своих мартовских надежд.

После нашего спора, вопрос этот уже никогда больше не поднимался, да и все последующее само уже красноречиво говорило о достигнутых результатах «бескровной».

События развивались ускоренным темпом, опережая собою всякие возможные предположения и, зачастую, поражая нас своей последовательностью.

Дожили мы и до момента, когда вынуждены были снять погоны и помню, как встречаясь друг с другом, мы избегали смотреть в глаза, будто бы каждый из нас совершил что-то постыдное, нехорошее.

Между тем, с каждым днем становилось очевиднее, что здесь на фронте все окончательно гибнет и всякие попытки какой бы то ни было работы с представителями новой власти будут бесцельны и безрезультатны.

Боевые действия прекратились. Модные лозунги «без аннексий и контрибуций», «долой войну» — делали свое дело. Дезертирство развилось до предела; целыми ватагами солдаты оставляли позиции и распылялись в тылу, стоявшие части никаких приказов не исполняли, власти не признавали, все время шли митинги, смены и назначения себе начальников.

В это время я был начальником «Военно-дорожного отдела» штаба IX армии. У нас этот отдел возник еще в самом начале войны, так сказать явочным порядком, по мысли талантливого начальника штаба армии ген.-лейт. Санникова. Как известно, положением о полевом управлении войск в военное время он предусмотрен не был, что нельзя не признать большим упущением. Опыт войны и сама жизнь показали, что наличие такого отдела в штабе армии безусловно необходимо и, в будущем, надо полагать, на это будет обращено должное внимание.

По должности своей, я неоднократно бывал в тыловом районе корпусов и армий, наблюдая и контролируя, как состояние главных железнодорожных узлов, так и работы по постройке и поддержанию в порядке шоссейных и грунтовых дорог, а также разного рода переправ.

Само собой разумеется, что солидность, интенсивность и последовательность хода работ, а также окончание их, всегда находились в тесной зависимости от требований боевой обстановки и соображений оперативного порядка. Находясь в генерал-квартирмейстерском отделе и, следовательно, будучи всегда в курсе обстановки на фронте и оперативных предположений, а вместе с тем, непрестанно следя за тылом, я мог, внося известный корректив, приурочивать и согласовать работы с оперативными требованиями.

Мои частые поездки дали мне достаточный опыт по небольшим, не всегда заметным для непривычного глаза, признакам в тылу, делать иногда довольно правильный вывод о состоянии и боеспособности войск. К моему глубокому огорчению, я мало встречал старших военачальников, которые бы ясно сознавали всю важность поддержания порядка в тылу, видели бы непрерывную связь тыла и боевой линии и отчетливо представляли себе, что дух войск в значительной мере зависит от порядка в тылу, его жизни и настроения тыловых частей. В этом отношении яркими положительными примерами могут служить ген. Лечицкий, бессменный командующий IX армией и Донской Атаман ген. Краснов, а как отрицательный пример — тыл Добровольческой армии в 1918 и 1919 годах. И первый, и второй, мало того, что вполне понимали все огромное значение состояния тыла, но, главное, посвящали ему неустанно особенно много внимания с целью под-

держания именно здесь образцового порядка, воинской дисциплины и пунктуальности жизни всего тылового обихода.

Многим известно, что тыл это — зло и зло неизбежное. Но от старшего начальника зависит уменьшить вредные стороны тыла до минимума или дать им пышно расцвести и своим ядовитым запахом не только одурманить, но и отравить все прекрасное, героическое — боевое. Тыл как магнит, тянет к себе все трусливое, малодушное, темное, жадное до личной наживы и внешнего блеска. Здесь несется беспорядочная, полная интруиг и сплетен жизнь. Злостная спекуляция, тунеядство и выслуживание с «черных ходов» — обычные спутники тыловой жизни. Здесь неудержимая погоня и лихорадочная поспешность в короткий срок использовать всю сумму возможных благ и удовольствий. Тыл и не любит и боится фронта. Крепнет фронт — наглеет тыл, совершенно забывая фронт; последний приближается — тыл волнуется, трусливо мечется во все стороны и, возмущаясь, бранит фронт, не сумевший охранить благополучие тыла. Тыл — царство темных героев с громадной популярностью и апломбом, но совершенно неизвестных на фронте. Развязно, самоуверенно, подчас открыто, они цинично критикуют действия фронта. Обычно это — щеголи, одетые с иголочки и обвешенные всеми принадлежностями боевого воинского отличия; ведут беспечный и шикарный образ жизни, располагая неизвестно каким способом, добытыми огромными суммами денег. Они горды и на особом привеллигированном положении, ибо за каждым из них стоят «высокие покровители» и потому они неуязвимы. Чем дальше от фронта, чем глубже в тыл, тем резче меняется картина тыловой жизни, поражая своей беззаботностью, сытостью, пышностью и бесшабашным разгулом. Победа и неуспех воспринимаются здесь очень чутко, комментируются на все лады, рождая необоснованные слухи и сплетни и создавая нездоровую зараженную атмосферу. И каждый рядовой боец и офицер должен так или иначе вдыхать эту атмосферу. Первое представление о фронте у них зарождается, в сущности, уже в армейском районе, передвижение в котором, зачастую, совершается по шоссейным и грунтовым дорогам, иначе говоря, — по этапам. И, конечно, то, что они видят, слышат, та или иная жизнь здесь оставляет на них первое, а, следовательно и наиболее острое впечатление.

Вопрос тыла настолько большой, настолько важный и интересный, что мог бы послужить самостоятельной темой для отдельного исследования, но это не входит в мою программу. Я хочу только сказать, на основании практики и наблюдения тыла и фронта, что между ними, помимо железнодорожных путей, шоссе и грунтовых дорог, помимо телеграфных, телефонных линий и других видов связи, — существует непрерывно духовное единение, есть тысячи невидимых, неуловимых нитей, делающих из двух, как будто бы противоположных частей, одно целое. По моему убеждению, армия с неустроенным, недисциплинированным и дезорганизованным тылом, в смысле не только материальном, но и духовном, обречена на неуспех, как бы ни были доблестны и самоотвержены ее боевые части.

Такая армия, быть может, одержит одну, даже несколько временных побед, но, в конечном результате, она обречена на неудачу. Ее за-

разит, разложит морально и материально ее же тыл. И это одинаково применимо к армии, группе армий и целому государству.

Общераспространенное мнение, что в будущих войнах победит тот у кого нервы окажутся крепче. Если это так, то значит надо, еще в мирное время, суметь выковать крепкие нервы с тем, чтобы в начале войны окончательно их закалить. И надо полагать, эта закалка будет происходить главным образом в тылу, в самом широком смысле этого слова, и конечно, дух тыла, его атмосфера, моральное настроение, распорядок жизни, наконец, дисциплина, — все это вместе взятое и явится главным фактором, который отразится на качестве и годности этой закалки в предстоящем испытании.

К описываемому мною времени, т. е. к началу ноября 1917 г., район нашей армии резко изменил свою физиономию. Ничто уже не напоминало прежнего образцового порядка, изучать который к нам неоднократно командировались офицеры генерального штаба из других армий. Везде бродили праздные толпы солдат, потерявших воинский облик и превратившихся в опасные банды разбойников. Они быстро усвоили лозунги революции, осознали свою силу и нагло, при каждом случае, подчеркивали безнаказанность своих поступков. Начальство растерялось. Вместе с тем резче и резче сказывалось бессилие власти. Некоторые старшие воинские чины начали поигрывать в товарищи, жали солдатам руки, сопровождали приветствие поклоном, а иногда и снятием головного убора. В угоду солдатской массе украшали себя красными бантами, как символ воспринятия революции. Солдаты это оценивали по-своему и становились еще наглее и самоувереннее. Только местами, кое-где оставались, как единственные представители задержавшегося порядка, стойкие казачьи части. Следует указать, что революционный переворот казачьи части встретили особенно, по-своему, с разными оттенками переживаний. Местами произошли незначительные эпизоды, были увлечения, иногда отказы повиновения, митинги с красными бантами и выражением «недоверия», главным образом, офицерам, не умевшим хранить «казачью деньгу», но справедливость требует сказать, что такие случаи являлись весьма редкими исключениями в казачьей среде. Революционный угар быстро прошел, и у казаков наступило деловито-спокойное настроение. Их сильно беспокоило неясное будущее, но предметом всегдашних разговоров было настоящее. К сожалению, Временное Правительство, совершило огромную и непоправимую ошибку, не сумев разобраться в казачьей псиохологии. Казаки слабость власти по отношению к нарушителям государственного порядка расценивали, как простое попустительство, а Временное Правительство, под влиянием совета рабочих и солдатских депутатов, в позиции, занятой казаками, видело проявление контрреволюционности и, вместе с тем, угрозу и самой революции. Казакам было ясно, что правительство не на их стороне, однако, несмотря на это, они дольше всех держали дисциплину, оставаясь верными законности, порядку и казачьей идеологии. Даже когда в солдатские массы был брошен страшный лозунг — мир во что бы то ни стало . . . и всех властно потянуло домой, на родные нивы и тогда, к чести казачества, нужно сказать, — ни один казак не ушел с фронта, ни один не дезертировал. С

глубоким презрением смотрели казаки на товарищей, покидавших позиции и трусливо расползавшихся по своим деревням.

Гордое, полное сознания исполнения казаками своего воинского долга, выполнение ими приказов об обезоруживании бунтующих полков, возбудили против казаков солдатские массы и положение казачьих сотен и полков, вкрапленных единицами среди солдатских корпусов, сделалось жутким.

К казакам жалось запуганное и загнанное офицерство, а в глазах высших начальников они из «мародеров», «опричников», «нагаечников» и в лучшем случае иронического слова «казачков» — превратились в героев. Товарищи это видели и ненависть и злобное чувство к казакам постепенно росло в солдатских массах. Бывать офицеру среди бушующих солдатских толп стало опасно. Мои поездки по тылу становились реже и, наконец, совсем прекратились. При новых порядках нельзя было и думать вести какие-либо работы в тылу. Всякая подобная попытка заранее обрекалась на неудачу. В лучшем случае, ее сочли бы за контрреволюционную затею, что вызвало бы среди «товарищей» только озлобление и эксцессы по отношению к руководителям и техническому персоналу. В это время уже пышно цвели безграничное бесчинство праздных солдат и дикий бессмысленный вандализм русского разгильдяйства и хамства.

Работать никто не желал. Все стояло, словно заколдованное, в том виде, как застала «бескровная», производя ужасно жуткое и тяжелое впечатление. Дороги не ремонтировались, рабочие самовольно разошлись, многочисленный технический персонал номинально сорганизовался в комитеты, а фактически каждый делал все, что хотел и устраивал свою судьбу, как ему казалось лучше. На железных дорогах было еще хуже. Здесь царил неописуемый хаос. Все станции были запружены дезертирами. Забыв долг и стыд солдата, они партиями бродили по тылам, грабя население, военные склады и совершая насилия. Шло самовольное распоряжение паровозами, подвижным составом и регулирование движения стало невозможным. Администрация железных дорог была терроризирована и бессильна как либо противодействовать. И только энергичные меры Румынского Правительства, принятые им для установления здесь порядка, мало-помалу, начали давать положительные результаты.

Наблюдая часто бесчинства солдат, я видел, что большинство «товарищей», творя те или другие безобразия, делали это обычно крайне трусливо. Быть может, бессознательно, но в них все же что-то говорило, что они совершают беззакония, за которые может последовать и должное возмездие. Вот почему, часто тупая их злоба, неожиданно сменялась страхом перед возможностью расплаты. И мне думается, располагай мы тогда, хотя бы небольшими, но стойкими воинскими частями (толко не казачьими, так как они, выполняя фактически полицейскую службу, уже сильно возбудили против себя солдатскую массу), развал фронта, если и не был бы совершенно предотвращен, то во всяком случае прошел бы более безболезненно и, быть может, без всех тех роковых последствий.

В этом отношении большая вина наших союзников. Они не только не помогли нам в тяжелую минуту, но, наоборот, поддерживая рево-

люционную блажь Керенского, тем самым играли в руку нашим врагам, способствуя и развалу армии, и прогрессу внутренней смуты, — в конечном результате совершенно ослабившим Россию и надолго выбросившим ее с мировой сцены, как великую державу. Разочарованность в наших союзниках, начавшись вместе с революцией среди некоторых кругов русской интеллигенции, а отчасти и офицерства, росла по мере углубления завоеваний «бескровной» и достигла высшего напряжения, когда Россия одинокой была брошена на съедение большевикам, оставленная всеми своими друзьями. Освобождение, хотя и временное, австро-германскими войсками значительной части территории из-под красного террора, еще боле усилило эту разочарованность и побудило многих призадуматься о принципах верности союзникам.

Мне вспоминается такой случай. Было сообщено, что на узловой станции Роман, собравшиеся товарищи отказываются грузиться в товарные вагоны, требуя подачи пассажирских и в случае неисполнения грозят разгромить станцию и учинить самосуд над администрацией. Одновременно, командующий армией, генерал Келчевский, настойчиво просил меня, как можно скорее, уладить этот вопрос. На станции создалось весьма критическое положение, ибо товарищи каждую минуту могли привести свои угрозы в исполнение. Никакой воинской надежной части, которая бы восстановила порядок на станции, у меня не было. Пришлось ехать лично. Не доезжая до станции, сошел с автомобиля и пошел пешком, дабы меньше обратить на себя внимания. Меня встретил комендант станции и передал все подробности происшествия. Перрон, пути, станция и все прилегающие строения были заполнены вооруженными солдатами, из которых многие находились в состоянии опьянения. У двух разбитых вагонов товарищи митинговали, обсуждая программу дальнейших действий. Раздавались угрозы по отношению железнодорожного персонала, офицерства, буржуев. Большинство, повидимому, склонялось к тому, чтобы силой забрать наличные составы, устроить 1—2 эшелона и, следуя всем вместе, громить попутные станции, предавая их огню и мечу. Настроение солдат было таково, что никакие увещевания не помогли бы. Что было делать? Пассажирских вагонов почти не было, а если бы они имелись, то я не дал бы их,дабы этим не узаконить подобных требований на будущее время. В этот момент, мое внимание привлек подходивший поезд, оказавшийся румынским эшелоном новобранцев, сопровождаемых вооруженной командой в 16 человек при одном офицере.

Вагоны были заперты и, как после я узнал, новобранцам запрещалось выходить на больших станциях. Поезд остановился. На перроне появился румынский офицер. Увидев одного новобранца, выскочившего из вагона, он подскочил к нему, схватил за шиворот, и силой водворил обратно в вагон. Наши солдаты, оставивши митинг, наблюдали эту картину с большим любопытством, но затем какой-то плюгавенький солдатишка крикнул: «товарищи, не позволим издеваться над пролетариатом, открывай вагоны, выручай своих братьев, бей офицера». Эти слова оказались искрой брошенной в пороховой погреб. Схватив винтовки, озверелые солдаты устремились к офицеру, еще момент и он был бы растерзан. Однако, не потеряв присутствия духа, он в мгновенье ока очутился возле караульного вагона и на бегу отдал какое-то

приказание караулу. В один момент 16 вооруженных человек по команде ощетинились для стрельбы. Раздался залп в воздух и нужно было видеть, как сотни вооруженных людей с исказившимися лицами от животного страха, бросая винтовки, давя один другого, кинулись во все стороны ища спасения. Через минуту станция и ближайший район были совершенно пусты и долгое время, пока стоял эшелон, я разговаривал с румынским офицером, обмениваясь мнением по поводу только что происшедшего. После понадобились большие усилия коменданта станции и администрации, чтобы собрать разбежавшихся солдат и уговорить их вернуться на станцию. Они стали спокойны и послушны. Охотно сели в товарные вагоны и без всяких инциндентов были отправлены по назначению.

Жизнь в штабе армии текла довольно монотонно. О том, что происходило вне армии, информации обычно были запоздалые, питались больше слухами. Газеты получались изредка и, кроме того, сведения одних явно противоречили другим, а потому уяснить из них истинное положение России было невозможно. Все носило характер неопределенный, туманный. Однако, даже и из этих, скупо долетавших до нас известий, разговоров и слухов, нам было ясно, что в армии делать нечего, что мы обрекаемся на бездействие, но как долго продлится такое состояние и каковы будут последствия, никто сказать не мог. Каждый день приносил все новые и новые сенсации, значительная часть коих касалась Дона и событий, происходящих там. Слухи о Доне порой были невероятны, даже легендарны с точки зрения логики и разума, но мы жадно их ловили, верили им, или вернее говоря, хотели верить, с какой то тайной надеждой, что именно оттуда, с Дона должно начаться общее оздоровление. Уже с мая месяца, внимание всех стало сосредоточиваться на популярном имени ген. Каледина, герое Луцкого прорыва, бывшего долгое время нашим соседом, в качестве командующего VIII армией. Мне было известно, что еще весной ген. Каледин оставил армию и не столько по болезни, сколько под влиянием иных причин, разочарованный и непонятый даже своими близкими помощниками и сотрудниками. Покидая армию, он был полон любви и веры в Дон, он верил в крепость старых традиций казачества и считал, что только там на Дону еще можно работать.

С 18-го июня 1917 года генерал Каледин становится во главе войска Донского, как выборный Атаман и с ним объединяются Атаманы Кубанского и Терского войск. Вскоре ему по праву и достоинству выпадает честь быть представителем Казачества на Московском совещании в августе месяце. Отлично защищал армию бывший здесь ген. Алексеев, но еще выпуклее обрисовала положение казачья декларация, прочитанная Донским Атаманом и названная газетами речью Каледина.

Прекрасная по содержанию, уверенная по тону, полная патриотизма, в ней открыто указывалась Временному Правительству та смертельная опасность и безпредельная пропасть, над которой повисла Россия. В противоположность речи Керенского, она с восторгом читалась нами, рождая массу надежд.

Ценность выступления ген. Каледина на этом совещании состояла в том, что впервые за все время всеобщего революционного развала раздался твердый голос объединенной, крупной народной силы, а не

голос партии, организации, комитета, обычно не имевших за собой никакой реальной силы.

Устами своего представителя, Казачество, как бы предопределило себя для будущего выступления против тех, кто, пользуясь слабостью Временного Правительства, готовил гибель России. И действительно, примерно через полгода, выступив с оружием в руках против советской власти, казаки тем самым доказали, что заявление, сделанное в августе от Российского Казачества не было пустым звуком партийно-общественных деятелей, а явилось глубоко продуманным актом, вышедшим из глубины народной.

С этого момента ген. Каледин делается центром внимания всех, а в глазах Керенского становится контрреволюционером и явным противником его взглядов и революционных идей, что и определяет дальнейшее отношение главы Временного Правительства к Донскому Атаману.

Все взоры устремляются на Дон, как на единственно чистый клочок русской земли, как на ту здоровую ячейку, которая может остановить гибель России. Именно этим и можно было объяснить, что когда во время Корниловского выступления появились фантастические сообщения газет о движении казачьих частей на Воронеж и Москву, то это нашло живой и радостный отклик в наших сердцах. Мы верили этому, не желая учитывать простой вещи, что весь-то Дон на фронте, а в области почти никого. Мы забывали и то, что свыше 20[5]) казачьих полков все лето занимались ловлей дезертиров, а затем стали единственной надежной охраной штабов и учреждений.

После Московского совещания, мы явились свидетелями очередной провокации Керенского.

В связи с выступлением Корнилова, Каледина объявляют мятежником и делают предметом травли, в то время когда он объезжал неурожайные станицы Усть-Медведицкого округа Войска Донского.

Эту его поездку, при содействии Керенского, истолковывают желанием Каледина поднять казачество против Временного Правительства.

Видя в Донском Атамане не только человека большого государственного ума и крепкой силы воли, но главное опасаясь того огромного авторитета, который приобрел он в глазах и казачества и всех национально мыслящих русских людей, глубоко веривших, что Каледин найдет достойный путь, чтобы вывести казачество из сложных и запутанных обстоятельств, Керенский решается на провокацию. Очевидно и ему и его приспешникам, а затем Ленину и Троцкому, не столько были страшны талантливые, с именами, но без народа генералы, сколько страшен и опасен был Каледин, за которым шли Дон, Кубань, Терек. С целью подорвать престиж Каледина и тем обезглавить казачество, Керенский 31 августа всенародно объявляет его мятежником, отрешает от должности, предает суду и требует его выезда в Могилев для дачи показаний.

А днем раньше военный министр А. Верховский телеграфировал Каледину: «С фронта едут через Московский округ в область Войска Донского эшелоны казачьих войск в ту минуту, когда враг прорывает фронт и идет на Петроград. Мною получены сведения о том, что ст.

---

[5]) В июле месяце на эту работу было отвлечено около 40 казачьих полков.

Поворино занята казаками. Я не знаю, как это понимать. Если это означает объявление казачеством войны России, то я должен предупредить, что братоубийственная борьба, которую начал генерал Корнилов, встретила единодушное сопротивление всей Армии и всей России. Поэтому, появление в пределах Московского округа казачьих частей без моего разрешения, я буду рассматривать, как восстание против Временного Правительства. Немедленно издам приказ о полном уничтожении всех идущих на вооруженное восстание, а сил к тому, как всем известно, у меня достаточно». —

Одновременно А. Верховский бомбардирует телеграммами революционный Ростов, две из них были адресованы к начальнику гарнизона, следующего содержания:

1) «До моего сведения дошло, что ген. Каледин сосредоточивает казачьи силы в Усть-Медведицком округе, желая изолировать Донскую область. Я этого не допущу и разгоню казачьи полки. Телеграфируйте чтобы избежать кровопролития. Генерал Верховский».

2) «Арестуйте немедленно генерала Каледина. За неисполнение приказания ответите перед судом. Генерал Верховский».

Таким образом Каледину предъявляют обвинение, приказывают его арестовать, и в то же время, очевидно умышленно, не желают проверить достоверность обвинения, что могло быть легко выполнено путем переговоров по прямому проводу с комиссаром Вр. Правительства М. Вороновым, проживавшим тогда в г. Новочеркасске.

Наэлектризованная вышеприведенными телеграммами революционная демократия Новочеркасска, поддержанная Ростовскими, Царицынскими и Воронежскими полубольшевистскими организациями, отрядила небольшой отряд во главе с есаулом Голубовым для ареста Каледина. Но последний только случайно ареста избежал.

Собравшемуся в начале сентября Войсковому Кругу Донской Атаман дал подробный отчет в своих действиях, доказывая свою невиновность, ложность и необоснованность предъявленных ему обвинений со стороны Вр. Правительства и военного министра А. Верховского. Рассмотрев всесторонне дело о «Калединском мятеже» Круг вынес следующее постановление:[6])

«Донскому войску, а вместе с тем всему казачеству нанесено тяжелое оскорбление. Правительство, имевшее возможность по прямому проводу проверить нелепые слухи о Каледине, вместо этого предъявило ему обвинение в мятеже, мобилизовало два военных округа Московский и Казанский, объявило на военном положении города, отстоящие на сотни верст от Дона, отрешило от должности и приказало арестовать избранника Войска на его собственной территории при посредстве вооруженных солдатских команд. Несмотря на требование Войскового Правительства, оно однако не представило никаких доказательств своих обвинений и не послало своего представителя на Круг. Ввиду всего этого Войсковой Круг объявляет, что дело о мятеже — провокация или плод расстроенного воображения.

Признавая устранение народного избранника грубым нарушением начал народоправства, Войсковой Круг требует удовлетворения: не-

---

[6]) Донская Летопись, Том второй, стр. 140.

медленного восстановления Атамана во всех правах, немедленной отмены распоряжения об отрешении от должности, срочного опровержения всех сообщений о мятеже на Дону и немедленного расследования, при участии представителей Войска Донского, виновников ложных сообщений и поспешных мероприятий, на них основанных.

Генералу Каледину, еще не вступившему в должность по возвращении из служебной поездки по Области, предложить немедленно вступить в исполнение своих обязанностей Войскового Атамана».

Итак, провокация Керенского не удалась. В глазах казачества популярность генерала Каледина возрасла еще больше.

С чувством глубокого возмущения читали мы сообщения газет о том, что ввиду создавшихся недоразумений с Донским казачеством военный министр А. Верховский по поручению Вр. Правительства пригласил к себе заместителя председателя совета союза казачьих войск есаула А. Н. Грекова. Верховский старался объяснить те обстоятельства, при которых он в качестве командующего Московским округом, обвинил казаков в мятеже и приказал войскам быть готовыми для воспрепятствования замыслам генерала Каледина. Просто не верилось, что все это исходит от А. Верховского, который в течении более года был среди нас в штабе IX армии, обращая на себя внимание большой трудоспособностью и скромностью. Работая с ним долгое время в оперативном отделении штаба армии, проводя вместе целые дни, будучи, наконец, в добрых и приятельских с ним отношениях, я никогда не замечал, чтобы он был одержим болезнью социализма, да еще в такой острой форме, как то выявилось в начале революции и в конечном результате увенчалось его службой у большевиков. Я знал, что в молодые годы его жизни с ним произошел случай, показавший его неуравновешенность и ложное понимание воинского долга, но затем вся его дальнейшая служба, давно искупила этот грех молодости и казалось навсегда изгладила его из памяти, не говоря уже и о суровом наказании, понесенном им. Трудно было объяснить и понять, как мог блестящий офицер генерального штаба, кавалер двух Георгиевских крестов — солдатского и офицерского, (первый — в Русско-Японскую войну, второй — в Великую) а также и золотого оружия, отлично воспитанный, хорошо владевший иностранными языками, человек большой работоспособности, в жизни очень скромный и застенчивый, вдруг сразу стать не только на ложный, но и преступный путь перед своей родиной. В дальнейшем разговоре с А. Н. Грековым, Верховский, ссылаясь на заявление казачьих частей в Москве, что до получения указаний с Дона, они не могут стать на сторону Вр. Правительства, обещал приложить все средства, чтобы создать между Правительством и казачеством отношения, основанные на взаимном доверии, и при этом выразил желание, чтобы генерал Каледин выехал в Могилев для дачи показаний следственной комиссии, причем подчеркнул, что ген. Каледин арестован не будет.

А. Н. Греков в ответ предложил ему предписать следственной комиссии поехать на допрос к ген. Каледину, не надеясь, что Дон отпустит Каледина в Могилев.

Читая это мы, конечно, негодовали, волновались, горячо обсуждали события, комментировали их, делали свои выводы и предположе-

ния, но дальше разговоров и споров дело не шло и однообразие жизни ничем не нарушалось.

В ноябре месяце приток сведений еще более сократился. Мы вынужденя были довольствоваться только тем, что случайно долетало до нас и, чаще всего, в искаженном виде. Под секретом передавалось, что Дон власть большевиков не признал Всероссийской властью и что впредь до образования общегосударственной всенародно признанной власти, Донская область провозглашена независимой, в ней поддерживается образцовый порядок и что, наконец, казачья армия победоносно двигается на Москву, восторженно встречаемая населением. Вместе с тем, росли слухи, будто бы Москва уже охвачена паникой; красные комиссары бежали, а власть перешла к национально настроенным элементам. Из уст в уста передавалось, что среди большевиков царит растерянность, они объявили Каледина изменником и тщетно пытаются организовать вооруженное сопротивление движению, но Петроградский гарнизон отказался повиноваться, предпочитая разъехаться по домам. Можно себе представить какие розовые надежды рождались у нас и с каким нетерпением ожидали мы развязки событий. К сожалению, в то время мы жили больше сердцем, чем холодным рассудком, не оценивая правильно ни реальную обстановку, ни соотношение сил, а просто сидели и ждали, веря, что гроза минет и снова на радость всем, засияет солнце.

Дни шли, просвета не было, а хаос и бестолковщина увеличивались.

У более слабых уже заметно росло разочарование, у других определеннее зрела мысль о бесцельности дальнейшего пребывания в армии, появилось и тяготение разъехаться по домам. Но что делать дома, как устраивать дальше свою жизнь, как реагировать на то, что происходит вокруг, все это, по-видимому, не представлялось ясным и отчетливо в сознании еще не уложилось. Видно было только, что неустойчивость создавшегося положения мучит всех и вызывает неопределенное шатание мысли. Между тем, обстановка складывалась так, что необходимо было решить вопрос — что делать дальше; требовалось выйти из состояния «нейтралитета», нельзя было дальше прятаться в собственной скорлупе разочарования и сомнений, казалось, надо было безотлагательно выявить свое лицо и принять то или иное участие в совершающихся событиях. Делясь этой мыслью со своими сослуживцами, я чаще всего слышал один и тот же ответ: «Мы помочь ничему не можем, мы бессильны, что либо изменить, у нас нет для этого ни средств, ни возможности, лучшее, что мы можем сделать при этих условиях — оставаться в армии и выждать окончания разыгрывающихся событий или с той же целью ехать домой». Такая психология — занятие выжидательной позиции и непротивление злу, подмеченное мною, была присуща командному составу не только нашей армии, ею оказалась охваченной большая часть и русского офицерства и обывателя, предпочитавших, особенно, в первое время, октябрьской революции, т. е. тогда, когда большевики были наиболее слабы и неорганизованы, уклониться от активного вмешательства с тайной мыслью, что авось все как-то само собой устроится, успокоится, пройдет мимо и их не заденет. Поэтому, многие только и заботились, чтобы как-нибудь пережить этот острый период и сохранить себя для будущего. Можно

сказать, что в то время их сознанием уже мощно овладела сумбурная растерянность, охватившая русского обывателя; они теряли веру в себя, падали духом, сделались жалки и беспомощны и тщетно ища выхода, судорожно цеплялись иногда даже за призрак спасения. Чем другим можно объяснить, что во многих городах тысячи наших офицеров покорно вручали свою судьбу кучкам матросов и небольшим бандам бывших солдат и зачастую безропотно переносили издевательства, лишения, терпеливо ожидая решения своей участи.[7])

И только кое-где одиночки офицеры-герои, застигнутые врасплох неорганизованно и главное — неподдержанные массой, эти мученики храбрецы гибли и красота их подвига тонула в общей обывательской трусости, не вызывая должного подражания.

Пробираясь на Дон в январе месяце 1918 года я был очевидцем такого героического поступка на станции Дебальцево. Красногвардейцы, обыскивая вагоны, вывели на перрон несколько человек, казавшихся им подозрительными в том, что они, по-видимому, офицеры и пробираются на Дон. На стенах станции пестрели приказы: «всем, всем, всем», которыми предписывалось каждого офицера, едущего к «изменнику Каледину», расстреливать на месте без суда и следствия. Подступив к одному из них комендант станции, полупьяный здоровенный солдат закричал: «Тебя я узнал, ты с . . . . . капитан Петров, контрреволюционер и наверное едешь на Дон». Он не успел докончить фразы, как маленький щупленький и невзрачный на вид человек, к кому относились эти слова, выхватил револьвер и на месте уложил коменданта, а также и двух ближайших красногвардейцев, после чего сам пал под обрушившимися на него ударами. Чрезвычайно показательно, что другие арестованные застыли, как окаменелые, не использовав ни удобного момента для бегства, ни употребив для своей защиты оружие, которое, как оказалось, у них было. Они покорно стали у стены и были тут же расстреляны рядом со станционной водокачкой.

Я не знаю, был ли этот маленький, худенький человек действительно капитан Петров, но я должен сказать, что в моих глазах он был настоящий герой, большой русский патриот, который смело взглянул в глаза смерти. На суд Всевышнего он предстанет вместе со своими земными самозванными судьями, осмелившимися его судить за его патриотизм, за горячую любовь к Родине и честное выполнение им своего священного долга.

Мир праху Вашему, все такие чудо-храбрецы герои. Собой вы явили пример беспредельной неустрашимости, ибо, совершая такой поступок, Вы твердо были уверены, что идете на неминуемую гибель, пощады для Вас быть не могло. Вы ее не ждали и Вы геройски и красиво приняли самую смерть.

Вынужденное бездействие сильно меня тяготило. Ужасно было думать о России и томиться без дела в Румынском городке, проводя время в ненужных спорах, в обществе столь же праздных офицеров. Ме-

---

[7]) По приблизительному подсчету в крупных городах Украины в конце 1917 г. и в начале 1918 г. скопилось офицеров: в Киеве 35—40 тыс., в Херсоне— 12 тыс., Симферополе — 9 тыс., Харькове — 10 тыс., Минске — 8 тыс., Ростове около 16 тыс.

ня все чаще и чаще назойливо преследовала мысль, оставить армию, пробраться на Дон, где и принять активное участие в работе. Дальнейшее пребывание в армии, по-моему, было бесцельно, а бездействие — недопустимо. Из совокупности отрывочных сведений постепенно слагалось убеждение, что в недалеком будущем Юго-восток может стать ареной больших событий. Природные богатства этого края, глубокая любовь казаков к своим родным землям, более высокий уровень их умственного развития в сравнении с общей крестьянской массой, столь же высокая степень религиозности, патриархальность быта, сильное влияние семьи, наконец, весь уклад казачьей жизни, чуждый насилию и верный вековым казачьим обычаям и традициям — все это, думал я, явится могучими факторами против восприятия казачеством большевизма.

Уже тогда в нашем представлении Дон был единым местом, где существовал порядок, где власть, как мы слышали, была в руках всеми уважаемого патриота ген. Каледина.

Мне казалось, что Донская земля скоро превратится в тот район где русские люди, любящие родину, собравшись со всех сторон России, плечо о плечо с казаками, начнут последовательное освобождение России и очищение ее от большевистского наноса. При таких условиях, конечно, долг каждого быть там и принять посильное участие в предстоящем большом русском деле, а не сидеть в армии, сложа руки и выжидать событий под защитой румынских штыков.

О своем решении оставить армию, я в средних числах ноября доложил командующему армией ген. Келчевскому, подробно мотивируя ему причины, побуждавшие меня на это. Анатолий Киприянович выслушал меня очень внимательно, но к глубокому моему удивлению, не высказал ни одобрения, ни порицания моему решению. Мое заявление он встретил равнодушно, и выразил лишь сомнение в благополучном достижении мною пределов Донской области.

Помню точно такое же безразличие я встретил и со стороны начальника штаба ген. В. Тараканова и большинства моих сослуживцев. Только в лице 2-3 из них, я нашел сочувствие моему решению, что послужило мне большой моральной поддержкой для приведения в исполнение моего замысла. Чрезвычайно были характерны и не лишены исторического интереса рассуждения большинства моих соратников по поводу моего отъезда, являвшиеся отражением тогдашнего настроения огромной массы нашего офицерства. В главном, они сводились к тому, что де на Дону казаки ведут борьбу с большевиками, Поляков — казак и потому, если он желает, пусть едет к себе. Именно такова была тогда психология нашего офицерства, и лучшим доказательством этого служит то, что несколько позднее из целого Румынского фронта, насчитывавшего десятки тысяч офицеров, полковнику Дроздовскому удалось повести на Дон только несколько сотен. Остальная масса предпочла остаться и выжидать, или распылиться, или отдаться на милость новых властелинов России, а часть даже перекрасилась, если не в ярко-красный, то во всяком случае в довольно заметный розовый цвет.

Возможно и то, что не всякому было по силам оставить насиженное место, или лишиться заслуженного отдыха после войны и с опасностью для жизни снова спешить куда-то на Дон, в полную неизвестность,

где зовут выполнять долг, но не обещают ни денег, ни чинов, ни отличий.

В разговоре со мной ген. Келчевский, между прочим предупредил меня о том, что поезда, идущие на Дон, тщательно обыскиваются, офицеры и вообще подозрительные лица арестовываются и нередко там же, на станциях расстреливаются. На это я ответил, что все это мне кажется сильно преувеличенным. Опасные места можно обойти и всетаки добраться до Новочеркасска. Кроме того, — продолжал я, — говорят будто бы в Киеве существует особая организация, облегчающая офицерам переезд на Дон в казачьих эшелонах.

«В таком случае, — сказал Анатолий Киприянович — в добрый час, авось увидимся». И действительно, этим словам суждено было сбыться. Примерно через год А. К. Келчевский прибыл на Дон, после неудавшегося посещения штаба Добровольческой армии. Там он оказался нежелательным за свое пребывание на Украине и за попытку работать при гетмане Скоропадском. Будучи уже в это время начальником штаба Донских армий, я принял в нем самое горячее участие и предложил ему занять должность начальника штаба наиболее важного — Восточного фронта, на что он охотно и согласился.

В двадцатых числах ноября, я стал готовиться к отъезду. Официально считалось, что я еду в отпуск к родным на Кавказ. Для сокращения времени, было очень удобно автомобилем доехать до Каменец-Подольска, а оттуда уже по железной дороге до Киева. Но вопрос этот осложнился тем, что автомобильная команда штаба армии, уже вынесла постановление не давать офицерам автомобилей, за исключением случаев экстренных служебных командировок. Само собой разумеется, моя поездка никак не могла подойти под «экстренную», но тем не менее я решил попытать счастья, учитывая то, что мой шофер и его помощник, обслуживавшие меня в течение долгого времени, как я мог заметить, по-прежнему относятся ко мне, сменив лишь обращение, «Ваше Высокоблагородие» на «Г-н Полковник». Взяв телефонную трубку, я позвонил в автомобильную команду штаба и, назвав себя, спросил, кто у телефона. Услышав ответ — дежурный писарь, я привычным тоном, как то всегда делал, сказал: «передайте кому следует, чтобы завтра к 8 часам утра к моей квартире был бы подан мой автомобиль, поездка дальняя, бензину необходимо взять не менее 6 пудов, а также и запасные шины». К своему удивлению, я услышал, как и раньше, обычное «слушаюсь». Я вспоминаю этот случай для того, чтобы показать, как иногда крикливые постановления делались командами только с целью создать шумиху и не прослыть отсталыми и, как часто, воинские чины, услышав привычное и знакомое им приказание, забывали вынесенные резолюции и выполняли то, что делали раньше и к чему были приучены. Но все же, надо признаться, уверенности, что я завтра получу автомобиль, конечно у меня не было и я все время томился мучительными сомнениями. В приготовлениях к отъезду и прощании с друзьями, незаметно прошел день. Когда же все уже было готово, мне стало как то не по себе, сделалось ужасно грустно и не хотелось покидать армию, с которой проведя всю компанию, я успел сродниться. Невольно меня охватило жуткое чувство перед неизвестностью, стало страшно отрываться от насиженного места и одному

пускаться в путь, полный опасности, неожиданности и препятствий. И, помню, как сейчас, понадобилось огромное усилие воли, чтобы совладать с собой и побороть колебание. Вся ночь прошла в анализе и оценке этих, неожиданно нахлынувших переживаний. Около 8 ч. утра мои грустные размышления были прерваны шумом мотора, подкатившего к дому. Сомнения рассеялись, отступления быть не могло, надо было садиться и ехать.

Наступил последний момент трогательного прощания с моим верным и преданным вестовым, Лейб-Гвардии Павловского полка, Петром Майровским, состоявшим при мне еще в мирное время. Он не мог сдержать слез и плакал, как ребенок. На его попечение я оставлял все свои вещи и коня, а конного вестового А. Зязина, столь же преданного, брал с собой, в виде телохранителя до Киева, намереваясь оттуда отпустить его в Петроградскую губернию, где у него была семья. Наконец, все было готово и мы двинулись в путь. С чувством тяжелой грусти, я навсегда оставлял родную мне армию, сердце болезненно сжалось при мысли, что никогда уже не придется увидеть ее, как некогда мощную, гордую, в полном блеске ее славы одержанных побед. В голове, одна за другой мелькали картины славного прошлого, свидетельствовавшие о бесконечно дорогом, светлом, и несравненно лучшем, чем была горькая действительность. Автомобиль быстро нес меня в неизвестность, где меня ждали приключения, или подвиги, или авантюры, будущее скрывалось непроницаемой завесой.

По пути заехал за подпоручиком А. Овсяницким, офицером связи штаба нашей армии, братом моей невесты, ехавшим, как и я, в «отпуск». К вечеру благополучно добрались до Каменец-Подольска. На станции застали обычную картину: толпы утративших воинский вид полупьяных солдат хозяйничали на вокзале. В воздухе висела отборная брань, смех, крик, раздавались угрозы по отношению к растерявшейся и запуганной администрации дороги. Продолжительная интервенция моих шоферов и вестового Зязина, выразившаяся временами в довольно откровенной перебранке, временами в таинственном нашептывании наиболее активным товарищам, увенчалась успехом и я с подпор. Овсяницким были водворены в малое купе I класса, перед дверью которого, в коридоре, в виде цербера растянулся мой вестовой.

Здесь, кстати сказать, я впервые на деле увидел явные достижения октябрьской революции, столь импонировавшие толпе и низам населения. Не было ни контроля документов, ни билетов. Каждый ехал там, где ему нравилось и куда он хотел, как свободный гражданин самого свободного в мире государства. Главари революции правильно учли психологию черни и отлично поняли, что такими видимыми подачками создадут из подонков общества ярых себе приверженцев. Я не буду останавливаться на описании этого путешествия. Длилось оно около 3 суток. Отмечу лишь, что первое время, после отхода поезда, неоднократно были попытки проникнуть в наше купе, но мало-помалу, они прекратились. Дело в том, что мой вестовой Зязин подкупив наиболее буйных товарищей — кого колбасой и салом, кого папиросой, кого какими-то обещаниями, завоевал себе привилегированное положение и уже до самого Киева я ехал никем не тревожимый, несмотря на то, что мой спутник сошел на половине пути, и я оставался в купе один.

Утром 1 декабря 1917 г. поезд подошел к Киеву. В Киеве я пробыл 5 дней, тщетно добиваясь нужных иноформаций, а также выясняя наиболее простой и безопасный переезд в Донскую область. К сожалению, ни то ни другое, успехом не увенчалось, Везде была невоообразимая сутолока и бестолочь Киев с внешней стороны, как мне казалось, изменился к худшему. Прежде всего, бросилось в глаза, что темп его знакомой, старой, беспечной и веселой жизни, — бьется еще сильнее. В то же время, поражала безалаберность и роскошь этой жизни. Кафе, рестораны, и разные увеселительные заведения были полны посетителей, начиная от лиц весьма почтенных и незапятнанных, во всяком случае, в прошлом и кончая субъектами, репутация коих раньше, а теперь особенно, была крайне сомнительна. За столиками, разряженные, подмалеванные и оголенные женщины в обществе многочисленных поклонников, беззаботно проводили время и их веселый говор, смех, стук посуды и хлопанье открываемых бутылок, изредка заглушался звуками веселой музыки. А над окнами, залитыми светом электричества, на тротуарах и улицах шумела праздная, завистливая, по составу и одеянию, порой чрезвычайно вычурному и фантастическому, пестрая толпа. Все куда то шло, передвигалось, спешило, все жило нервной сутолокой большого города. Весь этот человеческий улей гудел на все лады. В воздухе стоял непрерывный шум от разговоров, восклицаний, смеха, трамвайных звонков, топота лошадей и резких автомобильных сирен.

Не кто иной, думал я, наблюдая эту картину, как такая бессмысленная, глумливая толпа делала русскую революцию. Разве не вооруженная толпа дезертиров, черни и вообще подонков общества, науськиваемая на офицеров и других граждан, стоявших за поддержание порядка, начала углублять революцию, кровожадно и жестоко уничтожая и сметая все на своем пути. Ведь еще со времен древней Византии толпа осталась верной самой себе: коленопреклоненная и униженная перед победителем и сильным, она, как зверь, бросилась, мучила и безжалостно терзала низверженного.

Многие ли серьезно отдавали себе отчет в том, что происходит. Мне часто приходилось слышать заявления, что революция — бессмысленный бунт, нарушивший нормальное течение жизни, однако и внесший в нее что-то новое, но пройдет какой-то срок и все само собой устроится, войдет в старую колею, а о революции сохранятся только рассказы, да легенды. Другие наоборот, считали, что все безвозвратно погибло и уже непоправимо. Под гнетом грядущей неминуемой гибели, они беспомощно метались, лихорадочно спеша использовать последние минуты возможных земных наслаждений. И только немногие, как редкое исключение, одушевленные любовью к родине и святостью исполнения своего долга, ясно представляли себе обстановку. В годину стихийного Российского бедствия, они не растерялись, не пали духом, в них ярко горела глубокая вера в светлое будущее и они предпочитали умереть, нежели добровольно отдаться под пяту восставшего хама. Как паломники, голодные, оборванные, эти одиночки, со всех концов земли, пробирались сквозь гущу осатанелых людей к светлому маяку — Донской земле.

Не будет ошибочным утверждать, что на каждые 10 человек Киевской массы приходился один офицер. Я уже указывал, что в Киеве в

это время осело около 35-40 тыс. офицеров, из коих подавляющее количество большевистский натиск встретило пассивно с чисто христианским смирением. Оторванные при весьма трагических обстоятельствах от своего привычного дела, оставленные вождями и обществом, привыкшие всегда действовать лишь по приказу свыше, а не по приглашению, наши офицеры в наиболее критический момент были брошены на произвол судьбы и предоставлены самим себе... Начались злостные нападки и беспощадная их травля... Они растерялись... Запуганные и всюду травимые, ставшие ввиду широко развившегося провокаторства крайне подозрительными, они ревниво таили свои планы будущего, стараясь каким-либо хитроумным способом сберечь себя во время наступившего лихолетия и будучи глубоко уверены, что оно скоро пройдет и они вновь понадобятся России.

Злободневной темой в Киеве была украинизация, она входила в моду, ею увлекались, она захватила видимое большинство и находила отражение даже в мелочах жизни. Все вне этого отодвигалось на задний план. Неукраинское, как отжившее и несовременное, преследовалось: нельзя было, например, получить комнату, не доказав своей лояльности к Украине и не исхлопотав предварительно соответствующего удостоверения в комендатуре. Благодаря знакомствам и старым друзьям, ставшим уже ярыми и щирыми украинцами, мне легко удалось преодолеть эти формальности, но далее дело не двигалось. Зайдя однажды в комендантское управление, я стал наводить справки о том, каким путем скорее и без особых процедур можно получить нужные мне удостоверения. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что во главе наиболее важных отделов стоят мои хорошие знакомые и даже друзья. Встретив одного из последних, мы оба искренно обрадовались и первые мои слова были: «Да разве ты украинец? Когда ты стал таковым?». Увидев, что мы одни в комнате, он смеясь искренно сказал: «Такой же украинец, как ты абиссинец, суди сам: случайно я очутился в Киеве, есть надо, а денег нет. Искал службу и нашел здесь, но должен изображать из себя ярого украинца, вот и играю». Безхитростная ,ничем не прикрытая голая правда.

По несколько раз в день, я посещал вокзал, надеясь, что именно там легче всего ориентироваться, особенно, если встретишь знакомых, приехавших с юга. Поезда на юг, в частности на Ростов не шли. Станция представляла сплошное море воинских эшелонов, ожидавших отправки. Сообщение с югом поддерживалось лишь на небольшом сравнительно расстоянии, эшелоны дальнего следования оставались в Киеве. Измученный бессонными ночами, задерганный и сбитый с толку грубыми требованиями солдат и нетерпеливой публики, комендант станции, на многочисленные вопросы, сыпавшиеся на наго, давал охрипшим голосом, сбивчивые, несвязные и неудовлетворительные объяснения, что не только не вносило умиротворения, но еще сильнее разжигало страсти всей огромной массы, осевшей на вокзале. Видно было, что и сам комендант не знает причины задержки эшелонов и поездов южного направления и потому, естественно не может удовлетворить любопытство нетерпеливой публики. Но вот, мало-помалу, сначала неуверенно, а затем уже определенно стали утверждать, что поезда не идут потому, что Каледин с казаками ведет бой с Ростовскими боль-

шевиками, восставшими против него. Как затем подтвердилось, эти слухи отвечали истине. Действительно, в эти дни решалась судьба Ростова и только благодаря своевременному участию добровольцев ген. Алексеева, положение было восстановлено и Ростов остался за казаками.

Вместе с тем, приехавшие с юга подтвердили известие о том, что ген. Алексеев бежал на Дон, где формирует армию и приглашает всех добровольно вступить в ее ряды.

Одновременно, распространился слух, будто бы ген. Корнилов, после неудачного столкновения конвоировавших его текинцев с большевиками, отделился от них и тайно пробирается на Дон.

Если слухи о генералах Алексееве и Корнилове были довольно определены, то далеко не так стоял вопрос о положении в Донской области. Здесь радужные надежды одних тесно переплетались с отчаянием и безнадежным пессимизмом других. По одним сведениям, ген. Каледин уже сформировал на Дону большую казачью армию и готов двинуться на Москву. Поход откладывается из-за неготовности еще армии ген. Алексеева, технически богато снабженной, но численно пока равной армейскому корпусу. На Дону всюду большой порядок, и это особенно чувствуется при переезде границы. Ощущение таково, будто попадаешь в рай. Поезда встречаются офицерами в «погонах», производящими контроль документов и сортировку публики, соответственно имеющимся билетам. Даже с матросами — красой революции, происходит моментальная метаморфоза. Еще на границе области, у них бесследно исчезает большевистско-революционный угар и они, как по волшебству, превращаются в спокойных и дисциплинированных воинских чинов.

Стойкости, неустрашимости и сильному патриотическому подъему среди казаков, при этом пелись хвалебные гимны. По мнению этих лиц, Дон обратился в убежище для всех гонимых и сборный пункт добровольцев непрерывно стекающихся туда со всех концов России. Так говорили одни, но со слов других, картина рисовалась совершенно иная. Они утверждали, что казаки, распропагандированные на фронте и особенно в дороге, прибыв домой, становятся большевиками, расхищают и делят казенное имущество и с оружием расходятся по станицам, становясь будирующим элементом на местах. Каледина знать не желают, будучи против него крайне озлоблены за то, что он дает на Дону приют разным буржуям и контрреволюционерам. Вся воинская сила Каледина состоит из нескольких сотен, главным образом молодежи — добровольцев.

Каледин, как Атаман, потерял среди казаков всякую популярность. Последнему обстоятельству в значительной степени способствовало неудачное его окружение, любящее только говорить, да расточать сладкие словечки, а не умеющее ни работать, ни действовать энергично. Даже Ростовское восстание большевиков он не подавил бы, если бы ему не помог генерал Алексеев, но и у последнего никакой армии, кроме названия, нет; вместо нее один батальон добровольцев да несколько отдельных офицерских и юнкерских рот, плохо вооруженных и слабо снабженных.

Расположение в районе Новочеркасска и Ростова запасных солдатских батальонов, численно больших, прекрасно вооруженных и настроенных явно большевистски, крайне осложняет положение Каледина и надо думать, что и его и Дона дни сочтены. В станицах казаки настроены против интеллигенции и офицеров, говоривших им, что революция — зло, а на самом деле она дала им свободу и эту свободу они будут защищать от посягательств всех контрреволюционеров. В заключение всего, меня красноречиво убеждали не только не ехать, но раз и навсегда отбросить всякую мысль о поездке на юг. Наоборот, настойчиво советовали, как можно дальше уйти от Донской области, дабы не попасть в кашу и не погибнуть в ней бесцельно. Большевики всюду поставили рогатки, ловят офицеров, едущих на юг и согласно Московским инструкциям на месте, без суда, зверски с ними расправляются.

При таких, диаметрально противоположных слухах, трудно было, даже введя известный коэффициент на паничность одних и на оптимизм других, хотя бы приблизительно представить себе, что творится в Донской области. Столь же противоречивы и скудны были и газетные сведения, по-видимому, имевшие тот же источник, т. е. рассказы очевидцев, приехавших с юга, разбавленные разве субективными мнениями и различными предположениями газетных сотрудников. Во всяком случае, никакой существенной помощи для представления себе, происходящего на юге, газеты не оказывали. Несмотря на такую неопределенность обстановки я, тем не менее, не хотел отказаться от своего решения ехать на Дон и принять там, если нужно, лично участие. Во-первых, думал я, о Доне все время говорят, говорят, правда разноречиво, но это и есть лучшее доказательство того, что там что-то происходит, а если так, то нужно туда ехать именно теперь и принести возможную помощь общему делу. Во-вторых, Киевское настроение мне совершенно не внушало доверия. Обстановка казалась мне весьма неустойчивой и не обещавшей ничего хорошего. Поэтому, оставаться здесь, да еще в качестве зрителя, было бы по меньшей мере неосмотрительно. Если суждено погибнуть, то лучше осмысленно, а не как случайная жертва. В этом случае, благоразумнее было бы вернуться в армию, где личная безопасность гарантировалась присутствием румынских войск, т. е. поступить так, как сделали мои сослуживцы по штабу. Быть может, они правы, думал я, оставшись там. Живут в мирных условиях, спокойно, ожидая разрешения событий и будучи при этом материально обеспечены содержанием из довольно крупных сумм, оставшихся в распоряжении штаба. Такие размышления продолжались недолго. Однако, ввиду прекращения железнодорожного сообщения с югом, осуществить мое намерение в данный момент было невозможно. В силу этих обстоятельств, требовалось некоторое время выждать. Но сидеть в Киеве и ждать когда возобновится сообщение, меня никак не устраивало, да и было рисковано остаться без копейки в кармане: жизнь стоила дорого, запаса денег у меня не было, зато искушении и соблазны встречались на каждом шагу. Рассчитывать же на какую-либо помощь, было бы наивно. Взвесив все это, я пришел к выводу, что целесообразнее уехать из Киева в усадьбу матери моей невесты, находившейся в районе Хмельника, т. е. в нескольких часах езды от Киева и там ожидать открытия железнодорожного сообщения, а кроме того,

там же запастись поддельными документами, каковые, как мне казалось, при создавшихся условиях, были крайне необходимы. Кроме того, мне нездоровилось, сильная простуда перешла в бронхит, что без медицинской помощи, грозило неприятными осложнениями. 6-го декабря я оставил Киев и в тот же день был в Хмельнике.

Находясь в стороне от главных железнодорожных артерий, Хмельник в то время не испытал еще революционных потрясений и уклад его старой, мирной жизни, пока ничем нарушен не был. Тлетворное влияние революции его совсем еще не коснулось. В нем сохранились прежние условия и порядок, что обеспечивало мне некоторое время спокойную жизнь, а домашняя обстановка, заботы и уход врача, быстро восстановили мое расстроенное здоровье. Но как всегда полного удовлетворения не бывает, так было и тогда: меня сильно огорчало то обстоятельство, что газеты были здесь особо редкой ценностью. Местные интересы жизни преобладали, все жили только ими, мало уделяя внимание всему остальному. Если случайно попадала киевская газета, то она тщательно прочитывалась включительно до объявлений, переходила из рук в руки и в довольно растерзанном виде, иногда попадала ко мне. Естественно, при таких условиях, кругозор моей осведомленности о юге не только не расширился, но наоборот сократился до крайности и через несколько дней я потерял и то смутное представление о событиях на Дону, которое у меня было, когда я приехал в Хмельник.

За все время моего пребывания, только раз лицо, приехавшее из Киева, передало мне, как слух, известие о том, что на Дон под видом больного солдата благополучно добрался ген. Корнилов, ставший тотчас же во главе армии, формируемой ген. Алексеевым. Туда же, ища спасения от большевистского гнева, бежали и все Быховские узники, так как только Дон сохраняет еще порядок и потому они могли быть уверены, что там они не подвергнутся самосуду и не будут растерзаны толпой. Других новостей до Хмельника не долетало. По мере того, как проходили дни, не принося мне ничего нового утешительного, я нервничал все больше и больше, не зная как поступить, на что решиться, — ехать ли сейчас или еще выждать. После долгих и энергичных настояний друзей, я уступил им и окончательно назначил свой отъезд после нового года. Праздники прошли быстро и незаметно наступило 2 января — день моего отъезда в жуткую неизвестность, полную опасностей и препятствий, что сильно беспокоило моих близких и потому расставание с ними было крайне тягостное и даже мучительное. Скорбные их лица, глаза полные слез, крепкие пожатия рук, трогательная предупредительность и забота, особый тон напутственных пожеланий, все это еще более увеличивало тяжесть переживаемого момента. Было как то неприятно пускаться в далекий путь, в совершенно неизвестные условия, одному. Напрягая силу воли, дабы совладать с собой, не выдав волнения и подавив минутную слабость, я пытался утешать их, как мог, внутренне желая только одного, чтобы как можно скорее наступил бы решающий момент отъезда. Моему грустному настроению не мало способствовало и холодное, сырое, с резкими порывами ветра, неприветливое январское утро. В пять часов утра мы были на станции, совершенно пустой. Наконец, все готово. Вот и поезд какой-то нежи-

рой, еще спящий. Остановка одна минута. Пробуем открыть одни, другие двери, но безуспешно. Вдруг в салон-вагоне спускается стекло и показывается физиономия в матросской кепи. Не раздумывая, прошу меня подсадить и через окно, я — в вагоне, со мной и мои вещи — небольшой мешок—сверток. Поезд трогается. Там, вне, вдали мелькают платки, поднятые руки, я вижу слезы дорогих и близких мне, а здесь внутри — какие-то разношерстные, незнакомые люди; три—четыре интеллигентных, крайне измученных тяжелыми переживаниями и видимо бессонными ночами лица, несколько неопределеных солдатских физиономий; остальные — аристократы революции — матросы с наглыми, хамскими и зверскими мордами. В вагоне трудно было дышать. Воздух от ночного испарения нечистоплотных, скученных тел, был невыносимо удушлив. Мое намерение открыть окно встретило дикий вой протеста. Пришлось примириться, дабы не вызвать нежелательных эксцессов.

По внешнему виду — бекеша, не то военная, не то штатская, каракулевая шапка, высокие сапоги, я мог быть принят за среднего купца спекулянта, кулака или подрядчика. Наличие в кармане свидетельства «неподдельного», а настоящего, с законными подписями и печатями на установленном бланке, удостоверяющем, что я представитель Подольской губернской управы И. А. Поляков, командируюсь на Кавказ для закупки керосина для нужд названной губернии, — придавало мне храбрости и уверенности в моей лояльности. Стоя у окна, держусь довольно непринужденно, всецело занятый своими грустными мыслями и внутренними переживаниями. Через несколько минут общее внимание, сосредоточенное до того времени на мне, сначала ослабевает, а вскоре и совершенно исчезает. К вечеру этого дня я опять в Киеве.

В городе было все то же, что и прежде. Только настроение стало, как будто бы более напряженное, а жизнь еще беспорядочнее. Доказательства этому встречались на каждом шагу. Уличные инциденты участились, жадная до таких зрелищ праздная толпа сильно увеличилась. Увеличилось заметно и число солдат. Они группами демонстративно бродили по улицам, затрагивали публику, ели семечки, временами со смехом выплевывали шелуху в лицо проходящих и проделки их оставались безнаказанными. Когда их внимание привлекалось кем-либо из идущих или проезжающих, витриной, домом, они останавливались и громко, без стеснения весьма примитивно, выражали свое удивление и восхищение, наоборот, неодобрение сопровождалось гиканьем, улюлюканьем, а подчас и уличной бранью. Трудно было определить, что привлекало их сюда и как попали они в Киев, но одно не подлежало сомнению, судя по их удивленным физиономиям, что многие из них в городе впервые.

В 10 часов вечера город совсем замирал. Как бы в предчувствии грозы, окна и двери тщательно закрывались, в домах тушился свет, электричество на улицах уменьшалось и город погружался в полумрак, принимая особо жуткий и зловещий вид. Лишь изредка таинственная тишина нарушалась бешено мчащимся автомобилями, да редкой ружейной и пулеметной стрельбой, объяснить причину возникновения каковой никто не мог.

Киев жил сегодняшним днем, не зная, что будет завтра. Напряженность томительного ожидания углублялась фантастическими слухами, обычно появлявшимися к вечеру. Чувствовалась общая тревога в ожидании грядущего — неопределенного, неясного, но жуткого, все были в напряженно-нервном состоянии, но ночь проходила, наступал день и ночные страхи рассеивались. Однако, тревожное чувство за будущее не исчезало, становясь еще более сильным и мучительным. Атмосфера была до-нельзя сгущенная, напоминавшая ту, которая обычно предшествует грозе: когда небо не совсем покрыто тучами, временами показывается даже солнце, но тем не менее воздух уже тяжел, дышется трудно, чувствуются невидимые, но осязаемые признаки, бесспорно говорящие, что будет гроза и люди боясь непогоды спешат домой, а животные инстинктивно ищут укрытия.

За большие деньги, далеко от центра, мне удалось найти маленькую конуру в отвратительной и подозрительной на вид, гостинице. Не желая засиживаться в Киеве и терять время, я энергично принялся подготовлять свой отъезд. На этот раз сведения полученные мною на вокзале были несколько утешительнее, чем прежде. Сообщение с югом поддерживалось, хотя нерегулярно. Неизвестно было только — доходят ли поезда до места своего назначения или нет. На станции Киев ожидало отправки несколько казачьих эшелонов. После неоднократных попыток, сначала правда неуспешных, мне в конце концов удалось отыскать казачье бюро, заботившееся проталкиванием казачьих эшелонов на юг и нелегально содействовавшее и отправке офицеров, выдавая им особые квитанции на право следования в этих эшелонах. Эти маленькие квитанции, как я узнал позже, офицеры прозвали «бесплатными билетами на тот свет». Такое название объяснялось тем, что офицеры, пойманные в дороге с этими удостоверениями, беспощадно уничтожались большевиками, как контрреволюционеры. Начальника этого бюро я не застал, но его помощник, которому я назвал себя и объяснил цель моего посещения, весьма любезно и предупредительно поделился со мной сведениями о Доне. К сожалению, его осведомленность о тамошних событиях не была особенно полна и многое ему совсем не было известно. Он подтвердил лишь, что на Дону идет ожесточенная борьба с большевиками. Атаман Каледин тщетно зовет казаков на эту борьбу, но его призыв не находит у них должного отклика. Главной причиной такого настроения среди казаков, являются «фронтовики». Еще до Киева они сохраняют видимую дисциплину и порядок, но затем, по мере приближения к родной земле, они подвергаются интенсивной большевистской пропаганде многочисленных агентов советской власти, осевших на всех железных дорогах. В результате такой умелой обработки на длинном пути, казаки уже в дороге приучаются видеть в лице Каледина врага казачества и источник всех несчастий, обрушившихся на Донскую землю. Искусно настроенные и озлобленные против своего Атамана и правительства, фронтовики, прибыв на Дон выносят резолюцию против Каледина и демонстративно расходятся по станицам с оружием и награбленным казенным имуществом. По его словам, проехать в Новочеркасск весьма затруднительно, ибо большевистские шпионы зорко следят за всеми едущими на юг.

«Я дам вам удостоверение, добавил он, для следования в казачьих

эшелонах, но имейте в виду, что большевики часто обыскивают эшелоны, отбирают у казаков оружие и попутно вылавливают посторонних, и, конечно, с ними не церемонятся. Следует все время быть на чеку, держаться дальше от казаков, не вызывая у них излишнего любопытства и, по возможности, избегать тех эшелонов, которые еще не разоружены и, следовательно, подлежат обыску». Эти указания я выслушал очень внимательно, стараясь запомнить каждое слово. Помню, во время нашего разговора, в комнату несколько раз входил и возился у печи какой-то субъект, одетый в полувоенную форму. Его внешний вид и особенно хитрая и наредкость неприятная физиономия произвели на меня сразу отталкивающее впечатление и, каждый раз, при его появлением в комнате, я инстинкивно настораживался. Однако, полагая, что это вестовой, служащий здесь, я не распросил о нем офицера, о чем после мне пришлось пожалеть, ибо в скором времени этот незнакомец сыграл видную роль в моей жизни.

Здесь же, я познакомился с молодым офицером, поручиком С. Щегловым, пришедшим сюда как и я, за информациями. Слыша, очевидно, наш разговор, он подошел ко мне, представился и очень настойчиво стал просить взять его с собой на Дон. Искренность его тона, убедительные доводы, выражение лица, горящие добрые глаза, невольно вызывали к нему симпатию и в то же время не оставляли никакого сомнения в непоколебимости его желания во что бы то ни стало попасть к Каледину. Слово за слово, мы разговорились. Оказался он начальником пулеметной команды, которую привез с собой в Киев с тайным намерением, вместе с нею, пробраться на юг. Люди команды были надежные, большевизм к ним не привился, его любили и слушали, но мечте его все же не суждено было осуществиться. По прибытии в Киев, не получая долго разрешения на дальнейшее следование, команда подверглась большевистской пропаганде. Ее результаты сказались быстро. Команда вышла из повиновения, люди разошлись, имущество частью расхитили, частью бросили на произвол судьбы. Предоставленный самому себе, в чужом большом городе, без дела, далеко от дома, в обстановке чрезвычайно сложной и противной его натуре, пор. С. Щеглов, еще совсем мальчик, не хотел однако мириться с горькой действительностью, мечтая быть там, где, зовя на смертный подвиг, ему чудился трубный звук похода. В тот же день, он посетил меня и в течение нескольких часов делился со мною сведениями и слухами, впечатлениями о Киеве и строил широкие, фантастические планы будущего. Захлебываясь от восторга, он увлекательно рисовал перспективы нашего путешествия, гордился предстоящим риском и здесь же предлагал и разные рецепты. Жил он с несколькими офицерами, которые, по его словам, охотно поехали бы на Дон вместе со мной. Я обещал зайти на следующий день и переговорить по этому вопросу. В небольшом номере, довольно приличной гостиницы, в условленное время, я застал, кроме пор. С. Щеглова, старого ротного командира капитана Т., уральского войска есаула К. и прапорщика студента, кажется харьковского университета М. В комнате от присутствия 4-х человек, к тому же, вероятно, неубиравшейся в течение нескольких дней, царил ужасный беспорядок. Предметы военного снаряжения, солдатского образца полушубки, ранцы, подсумки, винтовки, револьверы,

рассыпанные всюду патроны, наконец, даже седла, заполняли собой маленькую комнату, делая из нее какой-то военный цейхгауз. Но надо сказать, кажущаяся воинственность обстановки и наличие оружия мало гармонировали с видом ее обитателей. По существу, они были весьма мирные, безобидные и далеко не воинственные люди. Особенно это было применимо к капитану и есаулу. Первый — отец многочисленного семейства, оставшегося где-то в далекой Сибири, во всяком случае, вне возможной к нему досягаемости, при существовавших тогда обстоятельствах — прошел тридцатилетнюю и суровую школу военной службы провинциального пехотного офицера. Вне этой службы, жизни он не представлял и потому, хотя и мало веря в будущее и будучи настроен весьма мрачно, он считал единственно приемлемым — ехать туда, где идет борьба. Второй — есаул, глубокий пессимист задавался целью пробраться к себе на Урал и там, в зависимости, от обстановки, как сам он выразился «определиться». Полную противоположность им составляли пор. С. Щеглов и прапорщик М. Молодые, веселые, жизнерадостные, они искренно гордились возможными опасностями, красочно рисуя себе будущее и лелея мечту, что попав на Дон, они станут под стяг Каледина или Корнилова. Это были настоящие представители нашей героической золотой молодежи, которая без малейшего колебания, без торга и корыстных мотивов, не спрашивая лозунгов борьбы, не ставя никаких условий, гордая лишь выпавшей на нее задачей защищать дорогую, поруганную Родину, первая составила крепкий остов небольших, но сильных духом донских и добровольческих отрядов и с чисто юношеским задором и порывом беззаветно несла на алтарь отечества самое главное — свою жизнь.

Мой приход, видимо, смутил всех. Сначала чувствовалась какая-то неловкость, но она быстро прошла и через несколько минут разговор принял дружеский и откровенный характер.

Перебивая один другого, они спешили рассказать мне о своей прежней службе, о пережитом на фронте, переезде в Киев и мытарствах здесь, наконец, о своем желании проехать на юг, к казакам, при этом добавили, что отъезд свой они откладывали изо дня в день, пока поручик Щеглов, не принес им приятной новости, что они могут ехать вместе со мной.

Сознавая огромную нравственную ответственность, которая была бы на мне, я заявил им, что при создавшейся обстановке, я абсолютно не могу гарантировать им благополучный переезд в Новочеркасск. «Вам отлично известно, что большевики всемерно препятствуют проникновению офицеров в Донскую землю и пойманным пощады ждать, конечно, не приходится. Поэтому в нынешних условиях, путешествие на Дон сопряжено с большими опасностями. Каждый из вас, без сомнения, отдает себе в этом отчет. Что касается лично меня, то я еду, вне зависимости, едете ли вы или нет, ибо по моим убеждениям, долг каждого офицера быть сейчас там, где идет борьба с большевиками. По моему лучше, если суждено погибнуть, то погибнуть там с оружием в руках, нежели сидеть здесь без дела или в ином месте и ожидать своей участи стать очередной жертвой озверелой толпы пьяных солдат или рабочих».

«Итак, господа,» — закончил я, — ни ручаться, ни гарантировать я вам ничего не могу, предо мною будущее столь же темно, как я перед Вами. Если судьбе угодно, мы, быть может, благополучно проберемся в Донскую землю, но не исключена возможность, что нас поймают и тогда жестокая расправа с нами неминуема».

Несмотря на то, что я умышленно сгущал краски, дабы они яснее представили себе опасность и вдумчивее отнеслись к принятию решения, они, внимательно выслушав меня, категорически заявили, что и при этих условиях они все равно поедут. Такое их решение я искренно приветствовал.

Отъезд назначили на следующий день 8-го января. Было условлено ехать в казачьих эшелонах, но, если таковые не шли бы, то не откладывать свой отъезд, а отправляться первым пассажирским поездом и уже в пути присоединиться к казакам. Выяснение этих вопросов взял на себя С. Щеглов. Принесенные им сведения дали мало утешительного. О дне отправки казачьих эшелонов ему узнать не удалось, в виду чего мы решили ехать пассажирским поездом, идущим на Екатеринослав через Знаменку.

Весь день 8 января прошел в ликвидации ненужных вещей, в заготовке поддельных документов, в чем сильно помог пор. Щеглов, предусмотрительно запасшийся бланками и печатью своей пулеметной команды и, наконец, в подборе одеяния, соответствующего документам.

Маскарад наиболее удался пор. Щеглову и есаулу Т., менее капитану и прапорщику и только я остался, как и раньше в полубуржуйской одежде, как и подобало представителю губернской управы по закупке керосина.

Я без смеха не мог смотреть на Сережу, который в заплатанном солдатском полушубке, издававшем ужасный специфический запах, в рваных сапогах, ухарски заломленной фуражке с полуоторванным козырьком — производил отталкивающее впечатление, напоминая собою заправского, распущенного солдата-большевика.

Предугадать все случайности в пути и хотя бы приблизительно предвидеть ту обстановку, в которой мы могли очутиться, было, конечно, немыслимо. Поэтому, условились только, основательно забыть о чинах, ехать, по воможности, парами, друг друга называть по именам и, в случае каких либо осложнений с кем-либо, не выдавать других, утверждая, что знакомство произошло случайно в пути.

Около 9 час. вечера мы были на вокзале. За большую взятку носильщик согласился указать нам стоявший примерно в полуверсте от станции состав, который в 11. 30 час. вечера должен быть отправлен на Екатеринослав. Нашему разочарованию не было границ, когда добравшись до поезда, почти за 3 часа до отхода, мы нашли его уже битком набитым, чрезвычайно пестрой публикой.

После энергичных поисков, нам удалось отвоевать одно отделение III-го класса, и кое-как разместиться. Публика прибывала ежеминутно и в буквальном смысле слова со всех сторон облепила вагоны, размещаясь даже и на крыше. В нашем отделении, вместо положенных 6 человек, вскоре оказалось четырнадцать. Нас пять, две сестры милосердия, четыре по виду мирных солдата, какая-то старушка и двое штатских. Часть разместилась на полу, были заняты все проходы,

уборную солдаты обратили в купэ, тем самым лишив публику возможности ею пользоваться. Вагоны не отапливались. Однако холода мы не испытывали, ибо ужасная скученность человеческих тел, сидевших и лежавших одно на другом, их усиленное испарение и нездоровое дыхание, делали температуру теплой и одновременно зловонной.

В момент подачи нашего состава к перрону, на поезд произошла настоящая атака людей, не попавших в него предварительно, как мы. Воздух огласился отчаянными криками, ругательствами, проклятиями В ход были пущены штыки, приклады, послышался звон разбиваемых стекол и в каком-то диком исступлении люди лезли со всех сторон, через двери и окна. Несколько человек ворвалось и к нам. Не найдя места не только сесть, но даже стать, они застыли в каких-то неестественных акробатических положениях, уцепившись одной рукой за полку, уже и без того грозившую обрушиться под тяжестью нескольких человек, сидевших на ней, и ногой упершись в колено или грудь внизу лежавших. Мы дружно запротестовали и несмотря на ругательства и угрозы совместными усилиями выпроводили новых пришельцев, и сообща с солдатами, бывшими с нами, приняли меры не допускать больше никого в наше отделение.

Около полуночи поезд, наконец, двинулся. Не описывая подробно этого путешествия — скажу только, что длилось оно трое суток и ночью 10 января поезд пришел на станцию Знаменка. Все это время, мы не могли сомкнуть глаз, вынужденные сидеть в одном и том же положении, отчего члены совершенно окоченели, страшно ныли и мы едва держались на ногах. О передвижении по вагону нельзя было и думать. Сообщение с внешним миром происходило через окно и то в крайнем случае, на малых станциях, дабы не дать повода и другим, тщетно пытавшимся попасть в поезд, воспользоваться тем же путем. Несмотря на присутствие женщин, солдаты отправляли естественные потребности здесь же в вагоне на глазах всех, используя для этого свои ранцы, котелки или фуражки. Хамские выходки и нецензурные ругательства уже не резали ухо, с этим все как-то свыклись.

Еще в пути мы условились сойти на ст. Знаменка, передохнуть, выждать казачьи эшелоны и с ними следовать далее.

Было около 2 часов ночи, когда поезд подошел к ст. Знаменка, кишевшей публикой, подавляющее большинство которой составляли солдаты. Станцией владели украинцы.

Не успели мы выйти из вагона и смешаться с толпой, как эта последняя стала проявлять признаки странного и непонятного для нас беспокойства. Мало заметное в начале волнение быстро перешло в настоящую панику. Раздались крики: «большевики, большевики», и публика бросилась в рассыпную, куда попало, толкая и опережая один другого. Как бы спасаясь от невидимого врага с резким свистом двинулся и наш поезд. Мы словно оцепенели, смотря на это паническое бегство людей, не видя большевиков, не зная истинной причины происшедшего и только напряженно соображая, как лучше нам поступить: остаться или тоже скрыться. В этот критический момент, какая то темная фигура вынырнув словно из-за угла, и быстро пробегая по перрону, видимо обратила на нас внимание. Подойдя ко мне почти вплотную и всмотревшись в полумраке в мое лицо, незнакомец тихо,

но довольно внятно, сказал: «Г-н полковник, Вам оставаться здесь опасно. Вы видели, как украинская стража бросила станцию и побежала. Сейчас сообщено по телеграфу, что матросский карательный эшелон через несколько минут прибывает на станцию, с целью навести здесь революционный порядок. Я могу укрыть Вас в местечке, где имею комнату, но надо торопиться». Можно себе представить, мое изумление, когда я услышал все это и особенно, когда в говорившем узнал никого другого, как субъекта из казачьего бюро в Киеве, наружность которого еще тогда произвела на меня отвратное впечатление. На раздумывание времени не было, приходилось немедленно соглашаться или отвергнуть предложение. Голова усиленно работала: мне казалось, что если это ловушка, то мы легко можем избавиться от нее раньше, чем он приведет в исполнение свой замысел. «Я не один», — заявил я —«со мной четыре приятеля». — «Они тоже могут идти с Вами» — ответил незнакомец.

Через минуту, мы гуськом уже шагали по узким, грязным и темным закоулкам еврейского местечка, прилегающего к ст. Знаменка, за незнакомцем, которого, кстати сказать, успел рассмотреть и узнать и пор. Щеглов. После получасовой ходьбы достигли маленького, мрачного домика, входную дверь которого открыл наш гид, приглашая нас войти. Комната, куда мы попали, была совершенно изолирована и почти пуста. Кроме двух-трех стульев, маленького дивана, да одного стенного надбитого зеркала, в ней ничего не было. Зажженный огарок дополнил убожество обстановки.

«Здесь Вы в полной безопасности», — сказал наш проводник. — «Сейчас я должен идти и только утром смогу вернуться к Вам, чтобы рассказать обо всем, что произойдет на станции». — С этими словами он, сделав общий поклон, быстро скрылся.

Оставшись одни, мы осмотрелись, обменялись впечатлениями, немного взгрустнули, разочарованные, что вместо столь ожидаемого отдыха, нас постигло неприятное приключение, а затем беззаботно растянулись на полу, каждый предавшись своим мыслям. Но, не успели мы еще крепко заснуть, как были внезапно разбужены сильной стрельбой, каковая в первый момент нам казалось происходит в непосредственной от нас близости. Действительно, скоро не было сомнений, что стрельба идет в соседней с нами комнате и судя по ее темпу и силе из нескольких винтовок одновременно. Растерявшись от неожиданности, мы притаились, наспех приготовили оружие, мысленно упрекая себя, что попались на удочку и позволили какому-то проходимцу так легко себя одурачить и заманить в ловушку.. Вскоре стрельба стихла. Наступила тишина, но сон пропал. В комнате стало светать и причудливые в начале очертания предметов стали принимать естественную форму.

Сережа Щеглов пошел на разведку. Вернувшись он нас обрадовал, заявив, что в местечке спокойно и никаких, как ему показалось, большевиков нет. Почти вслед за ним появился и наш незнакомец. По его словам, ночная тревога была совершенно ложной. Вместо карательного большевистского отряда на станцию прибыло два казачьих эшело-

на, 11 Донского полка и отдельной казачьей сотни, в каковые мы, он считает, можем поместиться и спокойно продолжать путь дальше. «Я знаю», — прибавил он — «что ночью вы, вероятно, были встревожены стрельбой украинского караула, помещавшегося в соседней с вами комнате. Вчера я забыл предупредить вас об этом; ночью же, караул, по не выясненным еще причинам, но очевидно считая, что станция и часть местечка, занята большевиками, открыл частый огонь, результатом чего, из жителей было двое убито и несколько ранено». Поблагодарив его за эти сведения и за ночлег, мы все же сочли за лучшее, немедленно отправиться на вокзал и обеспечить себе возможность дальнейшего следования.

При нашем появлении на станции, нам бросились в глаза казачьи эшелоны, вокруг которых деловито возились казаки, делая уборку лошадей и совершая свой утренний туалет. Заметно было, что они держатся вблизи своих вагонов, не смешиваясь с вокзальной публикой.

Командир отдельной сотни, молодой сотник, к которому я обратился с просьбой принять меня и моих спутников в его эшелон весьма приветливо и сочувственно отнесся ко мне, но откровенно ответил, что без предварительного согласия своих казаков, находящихся в теплушке, в которой он едет, он не может исполнить мою просьбу. «Я уверен, Г-н полковник, что они согласятся», добавил он — «тем более, что Вы наш казак». Его переговоры быстро увенчались успехом и через несколько минут, мы уже были в теплушке, располагаясь на отведенных нам местах. В ней размещались, главным образом, казаки старики-староверы. Никогда из моей памяти не изгладится искреннее чувство признательности и глубокой благодарности за ту заботу и трогательную услужливость, которые проявили ко мне эти рядовые казаки. С чисто отцовской заботливостью, они словно соперничая один перед другим, наперерыв старались предугадать и выполнить мое желание. Чуткой казачьей душой они инстинктивно сознавали неестественность создавшихся условий, всячески стремились смягчить суровую действительность и в то же время выказать мне особенное внимание и уважение. Мне отвели лучшее место в теплушке, ближе к печи, принесли свежего сена, набили тюфяк, откуда-то появилось подобие подушки, вместо одеяла предложили свои тулупы. И все это делали абсолютно безкорыстно и тогда, когда мы офицеры, были предметом общей, злостной травли. Механически нас зачислили на довольствие и в полдень мы уже ощутили столь знакомый и приятный запах наваристых казачьих щей и рассыпчатой каши с салом, принесенных в первую очередь нам. После трехдневной голодовки, мы с жадностью набросились на еду и этот обед тогда нам показался каким-то небывало вкусным и аппетитным. Бессонные ночи и общая усталость, скоро взяли свое и пообедав, мы разлеглись на удобных нарах, где и проспали до позднего вечера.

Надо сказать, что своим благополучием и наличием удобств, мы в значительной степени, конечно, были обязаны доброму гению, явившемуся нам в образе незнакомца. Из разговоров с ним удалось выяснить, что он казак, служит в казачьем бюро в Киеве и часто ездит собирать сведения о казачьих эшелонах, способствует проталкиванию их

вперед и вместе с тем помогает офицерам, пробирающимся на Дон, устраиваться в эти эшелоны.

Наслаждаясь отдыхом в теплушке, после мучительного переезда, мы охотно выслушали его рассказ, не высказав ни сомнения, не проявив особой любознательности. Мы чувствовали себя только обязанными этому человеку и радовались искренно, что все обошлось благополучно. Но прошло около 8 месяцев и случай опять столкнул меня с ним, когда я уже был начальником штаба Донских армий и начальником Войскового штаба Всевеликого Войска Донского.

Как то осенью 1918 года, начальник штаба северного фронта, телеграфно донес мне, что на одном из боевых участков сторожевые посты захватили, по-видимому, большевистского шпиона, пытавшегося тайно проникнуть в район нашего расположения. Расправа с ним была бы коротка, если бы он не сослался на Вас — говорилось в телеграмме, уверенно заявив, что Вы его хорошо знаете и можете подтвердить его лояльность. Названная при этом фамилия арестованного мне ничего не говорила, ее, мне казалось, я слышал впервые. Принимая это за какой-то шантаж, я взялся за перо и уже хотел положить резолюцию: — «вымысел», — как совершенно неожиданно меня что-то остановило. Инстинктивно подчинившись внутреннему голосу, я изменил первоначальное решение и сделал надпись: «пойманного доставить в Новочеркасск, где разобрать дело и результат доложить мне».

Прошло дней 7—10. Я уже забыл этот случай, как однажды мой адъютант подал мне довольно грязный конверт, адресованный лично мне. Думая, что это очередная анонимная угроза, открываю, читаю и никак не могу понять безграмотного послания. Слезные просьбы спасти жизнь, сменялись в нем обещаниями мне всех благ в будущей жизни. Только упоминание ст. Знаменки и речь о комнате, предоставленной когда-то мне, дали, наконец, ключ к дальнейшему пониманию письма и позволили мне предполагать, что автор его никто иной, как знакомая мне «таинственная личность». Оказалось, будучи доставлен в Новочеркасск, он сидел в тюрьме и ожидал своей участи. Заинтересовавшись его судьбой, я приказал привести его ко мне и через час он был в штабе. Узнать его было очень трудно, настолько он изменился, осунулся, похудел, голова была забинтована, лицо в ссадинах и синяках. Плача, он поведал мне свои мытарства: задержался в Киеве и неоднократно пытался, но все неудачно, проникнуть на Дон в ст. Богаевскую, где живет его старуха мать и младший брат. В последний раз пробираясь тайно в родную Землю, прячась от большевиков, наткнулся на сторожевой пост. Казаки, приняв его за шпиона, избили до полусмерти и возможно, что и прикончили бы, если бы не подоспел офицер. Последнему он клялся в своей невиновности и умолял сообщить начальнику штаба войска, который может удостоверить его личность и его непричастность к большевизму. Офицер сначала колебался, но затем доложил своему начальнику и в конце концов история докатилась до Новочеркасска. Никаких прямых доказательств, уличавших его в шпионаже, не было, не было найдено никаких компрометирующих документов. В душе я сознавал, что стоявший передо мной, на половину больной человек, когда-то оказал мне очень большую услугу, и мой долг отплатить ему тем же. Сведения данные им о матери и брате, про-

веренные срочно, оказались вполне правдоподобными. Удовлетворительный отзыв о нем дал и станичный атаман. В виду этого, я, приказал дело о нем прекратить, его освободить, отправив домой в станицу в трехмесячный отпуск на лечение, по окончании которого зачислить в один из действующих полков. Что произошло с ним дальше, я не знаю, больше я его никогда не встречал.

Эшелон наш стоял и никто не знал, когда мы поедем. На станции толпилась весьма разнообразная публика, из которой многие, видимо, уже несколько дней ожидали поезда.

Бродя по вокзалу, я обратил внимание на то, что большевистские агенты беспрепятственно, открыто вели свою гнусную агитацию. Какие-то маленькие, по виду невзрачные люди, одетые в солдатские шинели, взбирались на столы, откуда по заученному шаблону произносили дешевые, крикливые фразы революционного лексикона, восхваляя прелести советского режима и щедро расточая широковещательные обещания, разжигавшие у слушателей фантазию и аппетит.

Здесь же, в первый раз, я услышал отвратительную клевету и возмутительные обвинения по адресу Донского Атамана. С наглостью и бесстыдством, большевистские ораторы выставляли его, как ярого противника революции и свободы и как единственного виновника всех несчастий, испытываемых трудовым народом. Дикий вой одобрения достигал наивысшего напряжения, когда агитаторы касались шкурного вопроса, заявляя, что-де и вы сидите здесь и не можете ехать домой к вашим семьям, потому что контрреволюционер Каледин с кадетами преградил путь.

Так, во мраке кровавого революционного хаоса, наемные большевистские слуги, исподволь мутили казаков и смущали казачью душу, обливая клеветой и возбуждая народную ненависть против единой яркой и светлой точки — ген. Каледина, светившейся, как спасательный маяк в разбушевавшемся море человеческих страстей. Имена генералов Алексеева, Корнилова и других упоминались редко. Вся злоба человеческих низов и слепая ярость черни, искусно подогреваемая, направлялась против Донского Атамана.

К моему удовольствию, казаков в толпе было мало. Они держались своих эшелонов и вокзал посещали неохотно. Было только непонятно, что так называемая «украинская охрана» станции никак не реагировала на эти провокаторские выступления, даже наоборот, многие из нее одобрительно поддакивали, выражая этим свое сочувствие. При таких условиях, можно было предполагать, особенно вспоминая ночную панику, что Знаменка доживает последние дни своей независимости от большевиков.

Кроме того, росло сознание, что дурман большевизма, как стихийная эпидемия, все более и более охватывает русский народ, заражая почти всех поголовно. Становилось и грустно и мучительно больно за Россию. Кошмарным сном казалась ужасная действительность. Хотелось забыться, скрытся, ничего не знать, не слышать и не сознавать, что происходит вокруг.

В подавленном настроении я вернулся в теплушку. После ужина разговорился с казаками. Их своеобразное мировоззрение на происхо-

дящее в России несколько рассеяло мое тоскливое настроение. Разгильдяйство Российское их не коснулось. Убеждений они остались твердых и события объясняли по-своему. Несчастье, выпавшее на Россию, считали наказанием, посланным Богом за грехи людей. «Сицилисты», делавшие по их словам революцию и вызвавшие беспорядок, были слуги антихриста и к ним они питали жгучую ненависть.

«И чиго это, Ваше-скородие, люди еще хотят» — рассуждал один казак, степенно оглаживая свою окладистую бороду. — «Жили хорошо, можно сказать в довольстве, жили по закону Божьему и человеческому и вот в один день, все словно очумели. Бросили работу и ну только говорить, да кричать. Пошел раз и я на этот, как его, да «митингу», думал, что будет, как у нас на станичном сходе, так верите не достоял до конца, противно стало. И чиго там только не кричали: Бога и Царя не надо, законы долой, отцов не слушай, начальству не повинуйся, этих самых буржуев режь и грабь, становись, значит, разбойником. Да вот поглядите на нашу молодежь, как она куролесит, не исполняет законы, грубит начальству- много пьет и все ей проходит безнаказанно. Раньше бывало, ох как попало бы от начальства, а теперь значит, господа офицеры церемонятся да отворачиваются, делают вид, что не видят, а наших этим не обманешь. От этого зло еще хужее, а молодежь совсем зазналась. Прежде, бывало, молодой и при нас курить не смел, а нонче всякий щенок, когда с сотенным говорит, держит руки в карманах, сосет цигарку, да еще зелье ему в лицо пущает. Пробовали мы сказать им, так куды там, знать нас не желают. А вся вина на начальстве: приказали бы нам сразу, по-началу, мы с ними бы по на начальстве: приказали бы нам сразу, по-началу, мы с инми бы по отцовски разделались и в пример и неповадно было бы другим. Мы што, тут потерпим, а уж дома то расправимся и научим их уму разуму. А только, как у нас дома, мы то не знаем. Может быть и правда, что на Дону не ладно, Люди болтают, что фронтовики и молодежь всем там заправляют, а Атамана не признают и не слушают. И вот нонче наши ребята слушали, как солдаты ругали Каледина и называли его врагом народа и казачества. Говорили, что придут на Дон, уничтожат Атамана и всех кто с ним. Конешно, мы в дороге уже давно и не знаем, что и как у нас дома и что делает наш Атаман. Когда приедем, увидим. Коли на Дону хорошо, как раньше и Атаман, значит, стоит за порядок, мы поддержим его и по стариковски разделаемся с ослушниками. Надо только строго наказывать молодежь, не давая ей спуску. Пусть и она послужит так, как мы служили прежде».

Так бесхитростно говорили старики и каждое их слово невольно врезалось в душу. В уютной и теплой теплушке, при фантастическом освещении ярко накаленной печи, наша беседа затянулась до глубокой ночи.

Около полудня 11-го января стало известно, что наш эшелон скоро отправляют далее. Действительно, в два часа дня, поезд тронулся. Ехали медленно, с большими остановками на станциях, иногда часами стояли в поле, ожидая открытия семафора и только ночью 12-го прибыли на ст. Апостолово.

Во время этого переезда, нас поражало одно чрезвычайно характерное явление, а именно: на станциях и даже полустанках наш поезд буквально осаждали рабочие, проникали в вагоны, заводили знакомст-

ва с казаками, угощали их водкой и подпоив, вели среди них пропаганду. Удивляла ее систематичность и продуманность. Пользовались всяким отрицательным явлением, недостатком чего либо, неприятным случаем и даже мелочью, чтобы связать их с именем Донского Атамана и, под тем или иным предлогом, выставить его ответственным за это. В насыщенной атмосфере угроз, злобной клеветы и проклятий, Каледин был злобой дня среди солдатской и рабочей массы. На обычные вопросы казаков: «отчего эшелон стоит так долго?, когда пойдем дальше?, почему нет кипятку или угля для отопления теплушек?» — следовали, как бы заученные, одни и те же ответы: — «Каледин и кадеты не пускают», «Каледин и проклятые буржуи забрали себе все паровозы», «Калединцы — кровопийцы не дают угля, а здесь люди мерзнут, но им-то душегубцам все равно».

Несколько раз я, а иногда по моей просьбе Сережа Щеглов, обращались с каким либо вопросом к стрелочнику, смазчику, сцепщику или иному служащему на станции и ответы были всегда тождественны с вышеприведенными. Убежденность тона и злобность с какой они отвечали, говорили за то, что эти люди фанатично верят в правоту своих слов. Видно было, что их искусно сумели обработать, убедить и основательно привить в сознание, что корень всех невзгод и жизненных недостатков, не кто иной, как враг народа — Каледин, контрреволюционеры, помещики, офицеры и «кадеты». В своей простоте они, конечно, не сознавали, что в руках людей, разрушавших Россию, они — только слепое и послушное оружие.

Это был первый способ морального разложения казаков, другой более тонкий и искусный вели специальные советские агенты, сея вражду и разжигая классовую ненависть. Их основным лейб-мотивом было: солдат, казак, рабочий — герои, мученики, а офицер и интеллигент — ничто, паразиты, эксплоататоры народа. Под видом информаций о Доне в товарищеской беседе, за рюмкой водки, они, подлаживаясь под настроение казаков, передавали им о том, как Каледин и буржуи ведут борьбу с трудовым народом. Нагло и развязно уверяли, что борьба эта для угнетателей народа идет неуспешно, что дни Каледина и его шайки сочтены, ибо народ и трудовое казачество уже поняли, что война нужна только богачам, да офицерам. Каледин продался буржуям, они, захватив казенные деньги, отовсюду сбежались в Новочеркасск и теперь собираются восстановить монархию и организовать контрреволюцию. Донское Правительство и Каледин угнетают рабочих и крестьян, арестовывают солдатские революционные организации и безжалостно расстреливают работников революции. Зная это, казаки, прибыв на Дон, расходятся по станицам и там ждут прихода красной гвардии, которая уже формируется, дабы совместно с ней выгнать из области всех контрреволюционеров, отобрать и справедливо поделить народные деньги, после чего мирно зажить свободной жизнью.

«Довольно вы воевали» — говорили они — «пусть юнкера да офицеры сами дерутся, все равно работать они не привыкли, им война — одна выгода, а для народа — несчастье. Здесь не только мы, но и наши жены и дети голодают, а виноват Каледин, который задерживает хлеб, отпущенный рабоче-крестьянской властью для бедного народа».

По мере приближения к Донской области, натиск большевистской агитации заметно усилился и казаков сильнее затягивал омут революционных настроений и противоречий. Предохранить их от этого пагубного влияния и сохранить здоровое начало патриотизма было невозможно. На моих глазах, у казаков под влиянием пропаганды, происходил душевный надлом и повышалось большевистское настроение. Казаки хмурились, кто прежде был приветлив, теперь смотрел исподлобья, другие демонстративно подчеркивали свое приятельство с большевиками и умышленно держали себя вызывающе, нашлись и такие, которые быстро восприняв все слышанное, сами начали мутить других и открыто высказывать угрозы по адресу Атамана Каледина и офицеров. Только старики не поддавались искушению. Насупившись и ворча под нос, они грозили, говоря: «Придем на Дон, дело повернем посвоему».

Наступило утро 13-го января. Мы все еще стояли на станции Апостолово и станичники начали проявлять нетерпение. На станции находилось уже несколько эшелонов, в том числе и эшелон штаба 11-го Донского полка. Нас постепенно одолевала скука. Но вот уже в полдень, неожиданно разнесся слух, казавшийся в начале мало вероятным, будто бы казаки высадятся здесь и походным порядком пойдут на Дон. Причиной такого решения, как нам передали, послужило требование большевиков, занимавших г. Александровск сдать оружие. Казаки выполнить это отказались, а большевики не хотели пропустить эшелоны дальше. Эта новость нас сильно обрадовала. Присоединившись к полку, мы вместе с ним, надеялись скорее очутиться на Дону, а кроме того, думал я, пробиваясь домой с оружием, полк тем самым зачислет себя в сторонники Атамана Каледина.

Не теряя времени, я пошел в штабной вагон полка. Представился командиру полковнику П. и офицерам, среди которых оказались и мои однокашники по Донскому кадетскому Корпусу. Разговорились. Они охотно поделились со мной своими планами. Предполагалось по железной дороге продвинуться, как можно ближе к Днепру, затем высадиться в районе Никополя, переправиться через Днепр и дальше идти походом. По имевшимся сведениям, вслед за нами шел 6 Донской Казачий полк, отлично сохранившийся, одна сотня текинцев и около сотни приставших в пути офицеров. Вследствии этого, казалось целесообразным выждать прибытия этих частей, дабы дальше двигаться совместно.

После обеда, я вновь сидел в штабе полка и вместе с командиром вырабатывал план похода. С целью определения местонахождения паромов на Днепре, их прочности, грузоподъемности, а также выяснения мест наибольшего скопления большевиков, мы наметили выслать два офицерских разъезда, а вместе с тем обсуждали вопрос прикрытия от возможного нападения на нас со стороны г. Александровска. Наша работа неожиданно была прервана каким то гулом, постепенно возраставшим. Мы прервали наше занятие и прислушались, вопросительно смотря один на другого. Через несколько минут среди неясного шума, можно было отчетливо уже разобрать и отдельные голоса. К штабному вагону приближалась большая толпа казаков. Слышались крики: «Походом не пойдем, не желаем воевать» и т. п. Без

слов мы поняли, что наше дело проиграно. Дежурный по полку есаул С. (он же и. об. помощника командира полка), отворив дверь теплушки, громко и уверенно крикнул: «Чего галдите?» На момент воцарилась гробовая тишина, вскоре нарушенная сначала одним голосом, а затем и другими.

«Мы делегаты, полк требует сейчас отправления, не желаем ждать других эшелонов и с ними идти походом, довольно мы воевали, оружие нам не нужно, мы его сдадим, лишь бы скорее нас пропустили домой, идите сами походом с «чужими» офицерами, которых понабирали з эшелоны» — кричала толпа.

«Ну и чорт с вами» — пробасил есаул С. —«езжайте как хотите, уговаривать и просить вас никто не будет, а придете домой без оружия — увидите, как вас в станицах встретят и как бабы смеяться будут».

«Не бойсь, не будут» — орали одни, — «да и шашки мы себе оставим, не отдадим», — поддерживали другие, — «а идти походом не желаем». Дальше шла перебранка в том же духе, пока есаул не прекратил ее закричав: «Ну довольно, наговорились, теперь расходись по эшелонам, будем собираться ехать». Толпа стала редеть и вскоре совсем рассеялась. Закрыв двери есаул поделился с нами своими впечатлениями. По его словам, главными зачинщиками явились казаки пулеметной команды (у команды долгое время не было начальника) во главе с большевиком-урядником, кажется Чекуновым, к ним присоединились преимущественно казаки 2-й сотни, командир которой заболев, остался где-то в Киеве. Среди толпы были люди и остальных сотен, но в меньшем количестве. Во всяком случае, по его мнению, при создавшемся положении, мысль о походе необходимо оставить. Стало ужасно грустно. Этот бунт, думал я, не что иное, как результат систематической большевистской обработки казаков в пути. Разве могли они сохраниться и не поддаться той же заразе, какой уже заболел весь русский народ.

Ленин отлично учитывал, что открытой силой им не справиться сейчас с казаками и потому все усилия были направлены на моральное разложение казачества. Распрощавшись, я поплелся к себе в теплушку, провожаемый злобными взглядами встреченных мною казаков, а подчас и недвусмысленными выкриками по моему адресу.

Мои спутники уже были в курсе происшедшего, а С. Щеглов, кроме того, сообщил и некоторые интересные данные. Толкаясь среди казаков и подружившись со многими из них, он оказался хорошо осведомленным о причинах вызвавших отказ идти походом. Он утверждал, что на казаков крайне удручающе подействовало известие о неудачной попытке три дня тому назад, предшествующего казачьего эшелона, силой пробиться через город Александровск. К казакам присоединился и неказачий эшелон, состоявший наполовину из офицеров. Приспособив один из эшелонов в импровизированный бронированный поезд и вооружив пулеметами, они двинули поезда один за другим. Встреченный около моста на Днепре сильной артиллерийской стрельбой, первый поезд неожиданно остановился, на него налетел второй. Под сильным огнем большевистских орудий произошло крушение и в результате, паника. Бежали и спасались куда попало. Часть добралась до ст.

Апостолово, и, очевидно, под впечатлением пережитого, рассказала казакам и как полагается сильно преувеличив силы и вооружение красной гвардии, особенно в отношении артиллерии. Эти рассказы сыграли большую роль и в казачьем воображении красные стали рисоваться несметными полчищами с огромным количеством артиллерии (у казаков орудий не было).

Кроме того, не мало помогла и пропаганда о «несопротивлении трудовому народу» и «сдаче оружия». В конечном итоге, первыми взбунтовались пулеметчики, их поддержали остальные, требуя немедленной отправки эшелона.

Быть может, все так и было, как говорил С. Щеглов и что именно неуспешная попытка подорвала дух казаков, но едва ли подобное явление имело место, если бы яд большевистской пропганды не проник в казачью душу.

Что касается нашего положения, то оно стало довольно щекотливым. Забравшись на нары, в угол теплушки, мы впервые за все время тихо шептались, обсуждая обстановку и вырабатывая план дальнейших действий. После случившегося, мы не решались продолжать путь в этом эшелоне, опасаясь при обыске в Александровске, быть обнаруженными или просто выданными большевикам, кем-нибудь из казаков.

Все стояли за то, чтобы доехать до Никополя, там сойти, переправиться через Днепр, затем обойдя пешком Александровск, выйти восточнее его на железную дорогу и далее опять продолжать путешествие поездом.

Начинало темнеть, когда двинулся наш эшелон. В удрученном состоянии, нехотя, собирали мы свои мешки, готовясь скоро покинуть теплые насиженные места и славных, гостеприимных наших хозяев. В свою очередь, они упорно молчали, будучи отчасти озабочены вопросом где и как лучше запрятать винтовки, в виду предстоящего обыска. Наконец, один из них не выдержал и спросил» «почему мы собираем вещи?»

Долго и настойчиво пришлось объяснять этим добрым старикам, что ехать нам в этом эшелоне в Александровск опасно.

«Мы знаем», — сказал я — «вы нас большевикам не выдадите, но у нас нет уверенности, что это не сделает, кто-либо из казаков, в особенности пулеметной команды. Мы с удовольствием бы ехали и дальше с вами, но боимся, что оставшись, легко попадемся в лапы красногвардейцев и они конечно, с нами не станут церемониться».

И сколько сочувствия, сколько искреннего беспокойства за нашу судьбу выразили нам эти простые люди. Вскоре все было готово. Сердечно поблагодарили казаков за их заботу, ласку и гостеприимство и взаимно искренно желали благополучно доехать до места назначения. Сверху на бекешу я натянул, купленный у одного казака старый, весь в заплатах брезентовый плащ, доходивший мне до пола. Придав моей шапке вид папахи, я в новом одеянии походил больше на казака, чем на буржуя, как раньше.

Предполагая, что Никополь в руках большевиков, мы, из-за предосторожности, не доезжая станции, как только поезд замедлил дви-

жение, начали на ходу выпрыгивать из вагона, напутствуемые соболезнованием, сочувствием и оханьем наших радушных хозяев.

Было около десяти часов вечера, когда мы, стоя у полотна железной дороги, в полуверсте от станции, с тоскою молча наблюдали, как медленно удалялся наш поезд, пока его не скрыла ночная мгла. Сделалось жутко и мучительно грустно. Резкий, порывистый, холодный ветер, взметавший сухую пыль и пронизывавший насквозь, еще более усиливал тоскливость настроения. Мои спутники приуныли и видимо пали духом. Отчаяние одолевало нами. Перед нами казалось было два выхода: незаметно пробраться на станцию и там ожидать прихода поезда или эшелона и с ними ехать дальше, или же — отправиться в город, переночевать там, а затем пешком или на подводе обойдя Александровск, выйти на железную дорогу. Поездка в Александровск нас никак не привлекала. Ходили слухи, что там хозяйничает военно-революционный комитет, едущие подвергаются тщательному осмотру, а подозрительные арестовываются. Обычно обыскиваемых раздевают до гола, мужчин и женщин. Золото, деньги и особенно николаевские кредитки конфискуются. Платье, обувь, даже туалетные принадлежности отбираются по произволу, смотря, что понравится. Красногврадейцы тут же откровенно примеряют шубы, обувь, шапки, что не подходит отдают, что приходится в пору — забирают. В общем, несчастных пассажиров обирают с откровенным цинизмом и совершенно безнаказанно. О протесте нельзя и думать, а для ареста достаточно малейшего подозрения. В силу этих соображений, первое предположение отпадало. Второе решение — остановка в городе, в известной мере также было сопряжено с опасностью, при условии, что Никополь в руках красных. В конце концов, мы остановились на том, чтобы ночь провести на станции и за это время разузнать о местонахождении ближайшего парома, выяснить название деревень в восточном направлении и рано утром, на рассвете, отправиться в путь пешком. С целью избежать возможных сюрпризов, на разведку станции пошли С. Щеглов и прапорщик, как самые молодые. Остальные усевшись у дороги и кутаясь от холода, с нетерпением ожидали их возвращения. Время тянулось ужасно долго. Уже в душу закрадывалось сомнение, а воображение рисовало мрачные картины, как вдруг шум приближающихся шагов вывел нас из этого состояния, заставив насторожиться. Оказались наши. Они обошли станцию, проникли внутрь, публики ни души, здание не отапливается и не освещается за исключением телеграфной комнаты. Переговорили со сторожем-стариком, но он на вопрос — когда будет поезд, махнул только рукой, сказав: «когда будет, тогда будет». На замечание — отчего же нет публики, старик сердито ответил: «а кто же тут в холоде ждать будет, все идут в харчевню и там сидят, а не здесь».

Однако главное: кто же в городе — большевики или нет, осталось невыясненным.

Обсудив положение, пришли к выводу, что ночевкой на станции, мы можем лишь обратить на себя внимание и вызвать подозрение. Идти в харчевню, тоже казалось опасным. Следовательно, приходилось ночь провести в городе, заночевав на постоялом дворе или гостинице. В последнем случае я, если бы оказалось нужным, мог предъявить

свой документ «уполномоченного по покупке керосина», а остальные сошли бы за солдат, командированных со мною для сопровождения грузов. Порешив на этом, двинулись в город, ориентируясь на его тусклые, мало заметные огни.

После получасовой ходьбы достигли города. Дальше пошли медленно, с остановками. Прохожие встречались редко и боязливо нас сторонились. Город был погружен в полумрак, видимо все спало и тишина ничем не нарушалась. Начали искать пристанище. Всюду, куда мы ни стучали, боязливо с рассчитанной предосторожностью полуоткрывалось окно или дверь, высовывалось заспанное лицо с всклокоченными волосами, внимательно осматривало нас, а затем следовал ответ: «комнат нет, все занято!» и без дальнейших объяснений отверстие опять плотно запиралось. Мы начинали отчаиваться при мысли, что всю ночь нам предстоит блуждать по незнакомому городу в поисках приюта. Неужели же все так переполнено, что нигде нет ни одной комнаты — думали мы. Невольно явилась мысль, что, быть может, своим внешним видом, мы пугаем сторожей и они, боясь пускать в гостиницу ночью такую компанию, отказывают нам. Решили тогда испробовать новое средство. Сбросив свой плащ, я в буржуйском виде, оставив остальных в стороне, подошел к весьма солидному зданию с надписью «Гостиница-пансион», куда раньше мы не решились стучаться. К моей великой радости, ответ был удовлетворительный.

«Но со мной», — сказал я — «четверо солдат, командированных за продовольствием. В дороге они износились, сильно загрязнились и в крайнем случае их можно поместить и на кухне на полу». Правда неособенно охотно, но сторож согласился. По моему знаку, ввалилась и вся компания, не на шутку перепугавшая сторожа, в душе вероятно, проклинавшего себя за то, что согласился на мою просьбу.

Гостиница была небольшая, но чистая, принадлежавшая двум, довольно еще молодым сестрам — полькам. Мне отвели достаточно просторную, не лишенную даже некоторого комфорта комнату. Сережа и прапорщик отправились на кухню. Там они разбудили кухарку, быстро завоевали ее доверие и не прошло полчаса, как я был приятно поражен, увидев Сережу, тащившего шумно кипевший пузатый самовар, пускавший тонкие струи кудрявого пара, а следом за ним, с охапкой дров, шел важно прапорщик, начавший тотчас же возиться у печки и старательно раздувать огонь. Забыв предосторожность, мы беззаботно болтали, по-детски, забавляясь разыгрываемой нами комедией. Наш громкий разговор, смех и непрестанное хождение по коридору разбудили хозяек и одна из них, как привидение, в каком-то ночном капоте, неожиданно вошла в нашу комнату. Ее непрошенное появление сильно нас озадачило. Мы ясно сознавали, что не в наших выгодах вызывать у нее недовольство или подозрение, наоборот, нам необходимо во что бы то ни стало, любой ценой завоевать симпатии наших хозяев. Представившись, я стал настойчиво уговаривать ее выпить стакан чая и одновременно извинился за поздний наш приход и шум, вероятно, ее разбудивший, причем для вида ругнул «солдат». Повидимому наш прием ей понравился. После повторных просьб, она согласилась выпить чая, сказав при этом, что из-за недостатка сахара теперь приходится часто отказывать себе в этом удовольствии. Восполь-

зовавшись удобным предлогом, я предложил ей принять от нас небольшое количество сахара и чая. Не без колебаний и жеманства, она согласилась и с этого момента наша дружба казалось упрочилась. Этот подарок не только подкупил ее расположение, но и развязал ей язык. До глубокой ночи она охотно рассказывала мне о жизни города. Проявляя любопытство, хозяйка в свою очередь, горела нетерпением узнать все о нас и о цели приезда в Никополь. По заученному шаблону сообщил ей, что я из Подольской губернии, где начался голод и где уже не хватает самого необходимого, командирован на Кавказ за керосином, а солдаты назначены для охраны грузов на обратном пути. Перед Никополем нам передали, что казаки с «кем-то» воюют у Александровска. Мы — люди мирные, в кашу ввязываться не хотели, а потому решили заехать к вам, побыть денек, переправиться на пароме через Днепр и дальше спокойно продолжать путь. О вашей гостинице нам много говорили, рекомендуя ее, как лучшую в городе, мирную, чистую, недорогую, спокойную, где мы можем отдохнуть никем не тревожимые. Мои слова не только не вызвали у нея сомнения, но думается, окончательно расположили ее к нам. Выразив нам свое сочувствие, хозяйка подтвердила, что три дня тому назад была слышна сильная стрельба у Александровска. Вместе с тем, она дала нам несколько деловых советов, указав место парома и кратчайший к нему путь, назвала деревни через какие мы должны ехать, объяснила где легче найти подводу т. е. сообщила нам весьма ценные для нас сведения. В то же время, мы узнали, что в Никополе новая власть, заседает местный революционный комитет, но пока особых жестокостей не проявляет.

Пока текла моя мирная беседа с хозяйкой, сидя за столом украшенном самоваром, а капитан и есаул наслаждались чаепитием, разлегшись на полу, как подобало солдатам, С. Щеглов и прапорщик завоевали симпатии кухарки и горничной. Они до сыта их накормили, напоили чаем, приготовили постели и молодые люди, по их заявлению, ничего не прогадали, отлично выспавшись в теплой комнате, рядом с кухней. Помня мои указания, они хитро, слово за словом, выпытали у своих собеседниц все, что нас интересовало и их сведения оказались совершенно одинаковыми с данными хозяйкой.

Следующий день было воскресенье. Полагая, что в праздник в деревнях может быть повальное пьянство и буйство, мы решили покинуть Никополь в понедельник, посвятив воскресенье разведке и пополнению наших скудных припасов, необходимых в пути.

Побывали в городе, но не группой, а по одному или по два. Отыскали дорогу к парому, потолкались на базаре, но ничего особенного не нашли. Встречались бродячие солдаты, частью вооруженные, много пьяных и бросалось в глаза полное отсутствие каких-либо видимых органов охраны и порядка.

Быть может, благодаря добрым отношениям, установившимся между нами и хозяйкой или просто случайно, но документов в гостинице у нас не спросили.

Весь день мы отдыхали, приводили вещи в порядок и очень огорчались, что за неимением запасной смены белья, мы не можем переменить уже сильно загрязнившееся наше белье, устраивать же в гостинице стирку, мы не решались.

Вечером рассчитались за гостиницу, поблагодарили хозяйку и рано легли спать, намереваясь в пять часов утра, т. е. на рассвете, незаметно выйти из города.

Было еще темно, когда мы осторожно, без шума, крадучись, как воры, вышли из гостиницы и направились, по знакомой нам дороге, к парому. Шли парами, на небольшом расстоянии, я с Сережей, капитан с прапорщиком, а в хвосте угрюмо плелся есаул, ставший в последние дни молчаливым и замкнутым. Эта перемена в нем от нас не ускользнула, но не зная причину ее, мы полагали, что он переживает какую-то душевную драму, с чем делиться с нами не считает нужным.

К парому со всех сторон тянулись люди. Вмешавшись в толпу, мы заняли на нем места и через несколько минут переправились на другую сторону. От места причаливания парома шла только одна дорога, по ней двинулись все. То же сделали и мы с таким расчетом, чтобы избегать надоедливых разговоров и праздных вопросов, а в то же время и не отделяться далеко от толпы, дабы своей изолированностью не привлекать на себя внимание. Часов в 8 утра, вдали за холмом слева показалась мельница, а затем немного правее маленькие домики деревни, что в точности соответствовало описанию хозяйки гостиницы и, следовательно, мы находились на верном пути. Умышленно замедлили шаг, позволив другим нас обогнать и последними подошли к деревне. На наше счастье, в самом ее начале встретили крестьянина, которого я попросил указать где бы можно было нанять подводу до деревни Федоровки (если память не изменяет, — она так называлась). «Да вот мой сосед может вас отвести» — ответил он, показав на одну хату, а сам спеша удалился. Отыскали соседа. Последний согласился, но заломил высокую плату. Долго и упорно торговались, полагая, что этим мы убедим его в нашей несостоятельности и оградим себя от возможных с его стороны подозрений. Наконец, когда обе стороны исчерпали все свои доводы и достаточно утомились, уговорились на плату с головы. В момент отправления, вдруг неожиданно крестьянин ошеломил нас вопросом: «А что вы за люди и зачем едете в Федоровку?» Я поспешил ответить, что мы солдаты, возвращаемся с фронта домой, они юзовские, а мы мелитопольские, при этом я неопределенно махнул в воздухе. По железной дороге доехали до Никополя, а дальше поезда не шли. Там встретил наших ребят из с. Дубовки (я назвал село, лежавшее в верстах 50 восточнее Федоровки), ну и порешили добраться до них, а затем по домам. Все это я старался говорить с равнодушным видом, тщательно подбирая соответствующие выражения, не спеша, с большими паузами и постепенно переводя разговор на трудности и неудобства переезда теперь по железной дороге. Не могу сказать насколько поверил он моему рассказу, но только пытливо оглядев нас еще раз, мужик предложил нам садиться на подводу.

Деревня была большая и мне показалось, что мы никогда из нее не выберемся. Чем ближе подвигались мы к ее центру — обширной площади, тем более становились предметом общего внимания. Очевидно присутствие новых, незнакомых лиц в деревне, составляло явление незаурядное, вызывавшее крайнее любопытство всех ее обитателей. На каждом шагу слышалось: «откуда вы — куда держите путь?» — какие вы будете?» Приходилось строить приветливую мину и улыбаясь

отвечать: «с фронта, — домой, — мы юзовские». Иные более энергичные, не ограничивались одними вопросами, подбегали к подводе, останавливали ее, вступая в разговор и с нами и с нашим возницей. Не проходило и минуты, как нас окружала праздная, жадная до зрелищ толпа, среди которой были и солдаты и бабы. Те же вопросы, то же испытующее и подозрительное оглядывание нас с ног до головы. Временами становилось жутко: раздавались замечания явно не в нашу пользу и судя по ним, нельзя было сомневаться, что в наш маскарад, они не особенно верят. Обычно положение спасало какое-нибудь шутливое, острое словечко, брошенное в толпу, по поводу кого либо из присутствующих, чаще бабы, вызывавшее смех и делавшее на момент ее центром общего внимания, — пользуясь этим мы толкали возницу, подвода трогалась, а мы снимали шапки и надрываясь во все горло кричали: «Прощайте товарищи». Через 100-200 шагов снова остановка, снова любопытные, иногда злобно пронизывающие взгляды, опять неожиданные, двусмысленные, колкие вопросы.

Для нас это была ужасная и томительная пытка. Еще в начале деревни, мы по многим признакам, пришли к выводу, что население ее в известной мере восприняло большевизм и наслаждается наступившей свободой. Приветствие новой власти, угрозы по адресу калединцев и офицеров, проклятия помещикам и контрреволюционерам, слышанные нами, теперь убеждали нас, что мы не ошиблись. Приходилось, поэтому, быть готовым ко всему. Не исключалась возможность, что по требованию какого-либо пьяного солдата, нас позовут в комитет для проверки документов и обыска. В этом случае, не говоря уже о документах, меня сильно бы компроментировала моя военная форма (без погон), скрываемая бекешей и особенно контраст между нею и старым плащом, а кроме того, нас всех — наличие револьверов. Мы сознательно шли на все и, в крайности решили дорого продать свою жизнь, для чего держали оружие наготове.

На деревенской площади критичность нашего положения достигла своего кульминационного пункта. Между собравшимися и нами произошел последний решительный бой. Ободренные предшествовавшими успехами и приобретя уже некоторый опыт, а вместе с тем отчаявшиеся и бившие, так сказать, ва-банк, мы решительно и энергично огрызались, смело отвечая на сыпавшиеся со всех сторон вопросы, обращали все в шутку и в результате победили. После этого, возница круто повернул в боковую малую улицу, где одиночные прохожие, не проявляли к нам уже столько любопытства, как раньше. Опасность, как будто временно миновала. Мы, повеселели, довольные, что так удачно вышли из неприятного положения, грозившего нем в случае осложнения роковыми последствиями. Скоро выехали в поле. Чувствовалось, что все утомлены, говорить не хотелось, да и, кроме того, стесняло присутствие возницы. Заметно потеплело и дорога становилась топкой.

Начались ранние зимние сумерки, когда мы никем не тревожимые, достигли деревни Федоровки. По совету возницы подъехали к дому старосты, у которого, по его словам, можно было нанять подводу на дальнейший путь. Наступившая темнота избавила нас от любопытных.

Навстречу нам вышел седой, как лунь, глубокий старик. Черты его лица были резки, даже грубы, но в то же время необыкновенная

одухотворенность скрашивала эту неправильность, придавая лицу особую привлекательность. Его живые, умные и проницательные глаза, составлявшие резкий контраст с морщинистым лицом, на момент остановились на нас и, надо полагать, этого ему было достаточно, чтобы сразу определить, что мы не то, за кого себя выдаем. Однако и после такого открытия, он ничем себя не выдал. Только его особенная услужливость и предупредительность указывали на то, что в глазах его мы — интеллигенты. Говорил он мало, быть может, умышленно не желая создать неловкое положение и заставить нас смутиться. С изумительным тактом он советовал нам ехать сейчас же ночью, говоря, что если прежде человеку ночью иногда было жутко в поле, то теперь наоборот безопаснее быть там, а не в деревне, где люди забыв Бога и законы, из-за одного озорства, не считаясь ни с чем, чинят расправы, самосуды, совершая даже убийства. Он считал, что народ заболел ужасной болезнью, которая быстро заражает здоровых. Надо временно прекратить общение с людьми и оградить себя от этой заразы, лишающей людей здравого рассудка, совести и доброго сердца. Много видимо пережил на своем долгом веку этот старик, много видел, был когда то крепостным, на его глазах произошло раскрепощение крестьян, дожил до революции и теперь глубоко верил, что все пройдет, народ образумится, излечится, успокоится и жизнь войдет в обычную колею. С чувством большого удовлетворения внимательно слушали мы его старческие пророчества и от всего сердца желали скорейшего их осуществления.

Перекусив, мы с особенным удовлетворением пожали руку этому честному крестьянину и двинулись дальше напутствуемые его пожеланиями. Своему внуку он приказывал благополучно доставить нас до места назначения.

Дорога оказалась тяжелой, временами телега грузла по ступицу и слабая, маленькая лошаденка, напрягая последние силенки, едва ее тащила.

Наш возница на редкость приветливый, но мало словоохотливый, свое внимание уделял только лошади; не садясь на подводу, он шел рядом, понукая и все время ее подбадривая. Решили и мы облегчить груз и, поочередно по парам, шагали за телегой, обмениваясь впечатлениями минувшего дня и рисуя перспективы возможных будущих испытаний.

Несмотря на все наши меры, примерно через десять или двенадцать верст, лошаденка окончательно выбилась из сил и стала. Ни крики, ни кнут уже не помогали, она не могла сдвинуть с места даже пустую телегу. Дали ей отдохнуть, проехали с полверсты, стали опять. Видя, что двигаясь так, мы далеко не уедем, наш возница предложил свернуть на ближайший хутор, обещая там у своего знакомого достать подводу. Иного выхода не было, пришлось согласиться. Свернули с дороги и общими усилиями дотащили телегу до ближайшей хаты, за ней в темноте виднелось несколько других.

Под громкий лай огромной своры собак, набросившихся на нас, после продолжительного стучания, окриков и переговоров возницы, в избе зажегся огонь, открылась дверь и нас впустили внутрь.

Хозяин, мужик лет сорока, с лицом избитым оспой, был угрюм и неприветлив. Злобно косясь на нас, непрошенных гостей, нарушивших

его покой, он вначале наотрез отказался везти нас ночью и только энергичное вмешательство возницы и наши горячие доводы о необходимости нам скорее попасть на железную дорогу, немного его смягчили. В конце концов, он сдался, натянул тулуп и вышел запрягать.

Очевидно лай собак, шум телеги, громкие разговоры, — все вместе взятое, привело к тому, что для хуторян ночной приезд каких-то неизвестных, не остался тайной. Не прошло и несколько минут, как они один за другим постепенно наполняли комнату, располагаясь вдоль стены, здоровались с нами, а затем тупо молчаливо уставившись на нас, рассматривали нас с жадным любопытством. Сначала длилось тягостное молчание. Но вот наиболее храбрые из них, в солдатских шинелях, нарушили молчание — начав задавать нам все те же старые, знакомые вопросы. Внутренно волнуясь, но подавляя смущение, мы бойко отвечали, стараясь из допрашиваемых обратиться в допрашивающих, с целью выиграть время, лучше ориентироваться, узнать с кем мы имеем дело, дабы неудачным ответом не восстановить против себя наших слушателей.

Я сильно нервничал: в голове зрела мысль, что заехав сюда мы поступили неосторожно; благоразумнее было бы идти пешком; мне казалось что хозяин избы и не думает запрягать, а вышел разбудить хуторян и что-то против нас затевает. Я не видел конца этим разговорам, так томительно долго тянулись минуты. И только приход хозяина, заявившего что подвода готова, рассеял наконец мою черную меланхолию.

Мы поехали. Ночь на редкость выдалась темная, дороги не было видно, и мы всецело полагались на знание местности нашим возницей. Вскоре повалил мокрый крупный снег. Сырость пронизывала до костей, мы сильно продрогли и чтобы согреться соскакивали с телеги, бежали по колено в грязи и разгорячившись снова взбирались на подводу. Всю дорогу возница угрюмо молчал и отвечал нам неохотно. С большим трудом все же удалось вытянуть от него кой-какие сведения о местной жизни и последние новости. Так например, мы узнали, что от с Дубовки до ближайшей железнодорожной станции Поповка, не менее 40 верст, что на пути расположено несколько выселков и д. Зеленки, от которой до станции около 15 верст. По его словам, в с. Дубовка крестьяне расправились с помещиками, отобрали усадьбы, землю, растащили инвентарь, а с теми кто противился, покончили самосудом. Учитывая такое настроение крестьян с. Дубовки, мы решили миновать это буйное село, обойдя его. Поэтому, условились не доезжая 4-5 верст до Дубовки оставить подводу и дальше идти пешком.

Часов в 5 утра вдали, в тумане начали обрисовываться неясные очертания большого села, указывая на которое крестьянин сказал: «Вот и Дубовка». Как по команде, мы соскочили с телеги и сославшись на холод, заявили вознице, что дальше пойдем пешком, тем более добавили мы, что село уже недалеко и сбиться с дороги нельзя.

Расплатившись с возницей и не обращая внимания на его удивление, мы вскинув мешки на плечи, бодро двинулись по направлению села. Пройдя версты полторы, спустились в лощину, круто повернув налево. Так шли еще около часа, а затем сделали поворот направо. В

одном месте дорога разветвлялась. Не зная куда идти, решили разведать: по одной вызвался пойти есаул, по другой С. Щеглов, а остальные сев под откос, ожидали их возвращения. Как выяснил С. Щеглов, левая дорога вела на хутор, относительно правой мы еще не знали, ибо есаул пока не вернулся. Прошло полчаса, а его все не было и мы начали тревожиться за его судьбу. В предчувствии возможного с ним несчастья, отправились его разыскивать. С высокого холма, позволявшего на далекое расстояние видеть, осмотрели всю местность, обыскали ее, но нигде его не заметили. В бесплодных поисках прошел час, стало совсем светло и наше беспокойство усилилось. Мы терялись в догадках, не зная что предполагать, что думать, чем и как объяснить таинственное его исчезновение. Нас совсем сбило с толку, когда Щеглов сказал, что ему есаул по секрету неоднократно высказывал мысль, что по его мнению гораздо безопаснее пробираться одному на Дон, чем в компании. Вследствие этого, мы могли полагать, что есаул, с заранее обдуманной целью, оставил нас, решив самостоятельно продолжать путь. Такое предположение становилось вероятным, особенно если учесть его замкнутость и мрачное настроение в последние дни. Но все же нас тяготило сомнение и беспокойство за него, если он случайно попал к большевикам. С другой стороны, чувствовалась обида, если он умышленно поступил так и не счел нужным о своем намерении поделиться с нами, причинив этим лишние волнения и заставив нас терять время на его розыски. Подождали еще немного, а затем двинулись в путь, каждый по своему объясняя случай. На перекрестке свернули и пошли по дороге на хутор.

Погода изменилась: вместо снега пошел дождь, на нас не было сухой нитки и мы с трудом волокли ноги по липкой и глубокой грязи.

Уже 4 часа мы были в пути, но в общей сложности едва ли сделали больше 12 верст. Дорога была безлюдна, крестьяне встречались редко и мы свободно болтали.

Только после полудня, голодные, полузамерзшие, усталые от непривычной долгой тяжелой ходьбы, мы подошли к д. Зеленки. Я с Щегловым пошли искать подводу. Население деревни состояло, по-видимому, из немцев колонистов. На это указывал особенный наружный вид домиков, их чистота, порядок во дворах, высокие, крепкие, с железными осями тарантасы и сытые, сильные с лоснящимися боками лошади.

Разговор с крестьянами был короткий, чисто деловой, никаких ненужных слов, никаких любопытных вопросов. Договорились скоро и через несколько минут мы быстро катили к ст. Поповка каковую додостигли к вечеру.

Здесь нас ждало приятное разочарование: станция носила вид мирной, заброшенной, вместо обычной распущенной солдатни, на ней было только 3-4 мужика, да столько же деревенских баб. Мы уже предвкушали прелесть отдыха, собираясь обогреться, как подошел полупассажирский поезд, шедший на Царевоконстантинов. Не теряя времени, поспешили в него сесть. После полуторосуточного путешествия по непролазной грязи под дождем и снегом, вагон третьего класса показался нам салоном.

Только здесь почувствовали мы полный упадок сил чему, думается, значительно способствовали бессонная ночь, голод и сильное нервное напряжение. Все члены ныли, томил голод, хотелось спать, но мокрое белье, прилипая к телу раздражало и мешало согреться. Немного скудно перекусили, а потом стали дремать, предварительно условившись что двое спят, а другие бодрствуют.

Ночь прошла спокойно, пассажиров почти не было, нас никто не беспокоил и рано утром следующего дня мы достигли ст. Царевоконстантинов. Здесь, нам опять повезло: наш поезд остановился рядом с казачьим эшелоном, направлявшимся в Донскую Область. Сначала пробовали устроиться в него через начальника эшелона, но последний категорически заявил, что ему строго «запрещено» брать в поезд постороннюю публику. Каждая минута была на счету, ибо эшелон готов был к отходу. Тогда разбившись по парам, бросились с той же просьбой непосредственно к казакам.

Молодой казак, к которому я обратился, правда неохотно, но все же разрешил вскочить в вагон, где его лошадь, но так, чтобы «эшелонный» не видел.

«Мне што» — сказал он — «езжайте, лишь бы командир не видел, а то он «грязную гвардию» боится, это она запретила брать чужих в эшелон, а мне наплевать», закончил он лаконически.

Не ожидая особого приглашения и выбрав удобный момент, я с Щегловым незаметно вскочили в вагон и очутились в обществе четвероногих друзей. В первый момент нашего неожиданного вторжения, они были, как будто недовольны: одни из них бросив еду, шарахнулись в сторону, натянули недоуздки, высоко задрали головы и раздув ноздри испуганно косились на нас, другие — лишь насторожив уши, с большим любопытством, осматривали нас. Такое их состояние продолжалось не долго. Убедившись вскоре, что наше появление не дало им ничего нового, они спокойно начали продолжать прерванное занятие — заботливо собирать остатки сена и не спеша, монотонно его пережевывать.

Что касается нас, то мы нисколько не были шокированы новым обществом. Наоборот, предпочитали быть среди этих безобидных животных, не способных умышленно принести нам вред, нежели между людьми, потерявшими разум и совесть и ставшими во сто крат хуже самого лютого зверя.

Мы проезжали Донецкий бассейн, т. е. одно из наиболее беспокойных мест еще и в мирное время. Само собою разумеется, что большевистские посевы дали здесь и наиболее пышные всходы. Почти на всех станциях существовали военно-революционные комитеты, насаждавшие большевизм и вершившие при помощи красной гвардии (преимущественно вооруженные рабочие) дикие расправы.

Стены станционных сооружений пестрели всевозможными, разных форм и цветов, грозными приказами, воззваниями и прокламациями. В одних требовалась немедленная смерть без суда всем офицерам и контрреволюционерам, пробирающимся на Дон, в других рекомендовалось добровольно записываться в технические части, крайне необходимые в борьбе против угнетателей народа, в третьих — сообщалось

о формировании разных войсковых отрядов, наконец, были и такие, которыми оповещалось население о предстоящей контрибуции для нужд красной гвардии.

Я не буду перечислять все эти большевистские распоряжения. Они хорошо известны многим. Скажу только, что каждая станция, с прилегающим к ней селом, местечком и городом, представлялись мне тогда совершенно самостоятельной единицей, управляемой каким-либо случайно возникшем органом военнореволюционной власти.

Безрассудная жестокость новых властелинов определялась ни чем иным, как степенью озлобленности и ненависти их к закону, праву, порядку и вообще ко всему культурному. Всюду власть находилась в руках моральных калек, людей беспринципных, обиженных судьбой, иногда природой, недоучек, неврастеников, больных, дегенератов, часто с преступным прошлым и долголетним стажем Сибири. Их деспотизм и упоение властью не знали предела. По их минутному капризу расстреливались сотни ни в чем неповинных людей. Казалось, что эти мизерные самодержцы умышленно жестоко мстят русской интеллигенции за свою прежнюю обездоленность и долгое пребывание на скромных ролях, мелких людишек. Поощряемые свыше под видом углубления идей большевизма, они творили произвол, насилие и изощряясь один перед другим в бессмысленных жестокостях, купались в потоках человеческой крови и с садистским чувством наслаждаясь мучениями своих несчастных жертв.

Неограниченная власть над жизнью и смертью обывателя туманила им головы. Они лихорадочно спешили насытиться ею, быть может, чувствуя неустойчивость и временность своего положения.

Все культурное, интеллигентное, все что было выше грубого их невежества, сделалось предметом травли и беспощадной мести со стороны этих деспотов.

Крикливые приказы новых владык обычно были безграмотны и даже противоречивыми. Но одно было неоспоримо, что все они дышали слепой злобой и яростью, против всего государственного и в своей основе разжигали наиболее низменные и пошлые стороны человеческой натуры. Это было ничем неприкрытое, голое, мерзкое и отвратительное натравливание подонков общества и черни на интеллигенцию и особенно на офицерство.

Под вечер 17-го января достигли ст. Волновахи. Через щели вагона рассматривая станцию, мы поразились ее видом. По краям перрона видны были пулеметы, направленные на наш поезд, а между ними выстроенные в две шеренги стояли вооруженные рабочие, преимущественно подростки 16-18 летние и лишь кое-где в качестве начальства суетилось несколько матросов. Частная публика очевидно на станцию не пропускалась, на что указывало наличие нескольких постов, окружавших станционные постройки. Всматриваясь в развертывающуюся передо мной картину военно-революционного «боевого порядка» я не мог не подметить по некоторым деталям, много театрального, рассчитаного по-видимому исключительно на игру на казачьем воображении. Действительно, думал я, появись сейчас один взвод хорошей старой сотни и вся эта вооруженная рвань трусливо и панически

бросилась бы в разные стороны. Да быть может и вся эта церемония встречи нашего эшелона ничто иное, как маскировка своего страха перед казаками, правда уже разоруженными, но все же могущими дружно выскочить из вагонов и с нагайками в руках с гиком обрушиться на беззаконных представителей столь же незаконной власти и гнать и стегать их до полного их изнеможения.

Я был уверен, что несмотря на обилие вооружения и пулеметов, все эти новоиспеченные защитники революции, при соприкосновении с казаками чувствовали себя не совсем спокойно и наверное не могли отделаться от невольного чувства страха.

Поезд остановился. Тотчас же раздались крики: «из вагонов не выходить, иначе будем стрелять, ожидай обыска».

Однако, это предупреждение на казаков не подействовало, или они его не расслышали. Они выскакивали из теплушек, группировались небольшими кучками вдоль поезда, но на станцию не шли. Немного погодя эшелон оказался оцепленным редкой цепью красногвардейцев. Казаки хмурились, вызывающе поглядывали на них красногвардейцы, кое где между ними вскоре началась перебранка. Местами спор принимал довольно острый характер и грозил перейти в рукопашную. Казаки противились предполагавшемуся обыску, заявляя, что таковой уже был на ст. Александровск, что оружие у них отобрано и на целый эшелон оставлено только 2 винтовки о чем у них имеются соответствующее свидетельство. Одновременно, они жаловались, что ночью на малых станциях вооруженные крестьяне выводят лошадей из вагонов и они не могут этому противодействовать, не имея оружия.

Окончательно разрешение этого вопроса было сделано военно-революционным комитетом, вынесшим постановление в пользу казаков.

За это время мы пережили много томительных и тревожных минут. Наше положение было весьма незавидное, ибо мы являлись нелегальными пассажирами в эшелоне, что, как мы знали из многочисленных большевистских приказов, строго воспрещалось, а нарушители карались. В виду возможной проверки документов, мы приготовили наши удостоверения чинов пулеметной команды, но решили использовать их только в крайнем случае и все же надеясь, что, быть может, обстановка сложится так, что мы сумеем усыпить подозрение контроля и пройти за казаков. Вместе с тем, предусмотрительно уничтожили «бесплатные билеты на тот свет» — свидетельства выданные нам в казачьем бюро в Киеве, на право следования в казачьих эшелонах. Насколько могли храбрились и поддерживали друг друга, стремясь отогнать охватившее нас тревожное чувство, дабы к моменту обыска сохранить независимый и веселый вид, что как мы уже убедились на опыте, в такие минуты было чрезвычайно важно. Какова же была наша радость, когда подбежавши к вагону, знакомый нам казак передал, что обыска не будет, но что эшелон пойдет на Дебальцево, а не на Таганрог, так как там пути разобраны и идут бои с юнкерами. Мы легко и свободно вздохнули. Грозившая опасность миновала и у нас как будто гора свалилась с плеч. Но вместе с тем, мы сильно огорчились намеченным отправлением эшелона на Дебальцево, что по нашему мнению удлинняло время нашего скитания. Казалось очень заманчивым оставить ночью поезд и попытаться через большевистский фронт про-

браться в Донскую землю, что могло быть выполнено под покровом темноты, но при условии хорошего знания местности. К сожалению, этого района никто из нас не знал, а карты не было.

Наблюдая воинственную обстановку и жизнь на ст. Волновахи, я приходил к заключению, что фронт красных, по многим признакам, не мог быть особенно далеко отсюда, но тем не менее не было никаких данных, чтобы составить, хотя бы малейшее представление об его протяжении и особенно фланге, с целью обойти этот последний. Одно время мелькнула мысль бежать в свою родную Ново-Николаевскую станицу, расположенную недалеко от Таганрога, но это пришлось оставить из-за опасения наткнуться на красные части. Кроме того, будучи один и добравшись благополучо до станицы, я бы сумел там найти себе убежище, а затем проскользнуть и в Новочеркасск, но рисковать своими спутниками, доверившимися мне, я не мог, если бы станица оказалась в руках красных. Эти соображения привели к тому, что я решил продолжать путь в этом эшелоне на Дебальцево, считая, что оттуда пойдем на ст. Лихую и далее на восток по Донской области, где легко будет оставить эшелон и до Новочеркасска добраться пешком или на подводах, следуя по наименее населенным, а следовательно и наиболее спокойным местам. Своими предложениями я поделился с Сережей, а он передал их капитану и прапорщику, вполне согласившимися с моими доводами.

Поздно вечером Сережа побывал на станции и сообщил мне, что там идет обильное угощение и повальное пьянство, в котором принимают участие казаки, братаясь с красногвардейцами и матросами. Пользуясь царящей суматохой он «благоприобрел» ведро, обратив его в чайник, наполнил кипятком и купил хлеба. Чай и сахар у нас были, вместо стаканов послужили банки от консервов. Несмотря на эти примитивные приспособления, чай нам казался очень вкусным, а главное, выпив по несколько банок темно-буроватой горячей жидкости, мы на короткий срок ощутили теплоту, разлившуюся по всему телу. Только поздно ночью попойка кончилась. Многие едва держались на ногах. Всей ватагой большевики вывалили провожать наш эшелон каковой скоро, к большому нашему удовольствию, двинулся, оставив наконец позади себя эту буйную станцию.

Мы пытались удобнее устроиться, чтобы задремать, но из этого ничего не вышло. Стоял очень сильный мороз. Не только лежать, но даже сидеть на холодном полу было невозможно, соломы для подстилки не было и всю ночь мы провели на ногах, не сомкнув глаз. День 18-го января для нас оказался самым печальным. На одной из станций, после Ясиноватая, к нам в вагон вскочил капитан. По его встревоженному лицу было заметно, что произошло что то чрезвычайно важное. Торопясь и волнуясь он сообщил нам ужсно печальную новость: мы лишились еще одного спутника нашего милого, веселого и симпатичного прапорщика. По словам капитана, произошло это так: на станции Ясиноватая прапорщик вышел купить хлеба. Поезд уже тронулся, а он не возвращался. Беспокоясь за него, капитан высунулся из вагона и его глазам представилась такая картина: у края перрона, окруженный вооруженными рабочими и солдатами стоял несчастный прапорщик. Леденящий, смертельный ужас покрывал его лицо. Один из солдат, с по-

вязкой на руке, размахивая руками громко кричал, при чем до капитана отчетливо долетели только отрывки фраз: «рожа офицерская... врет... к стенке... Калединец...»

Шум поезда заглушил дальнейшие слова, но в последний момент взгляд капитана встретился с умоляющим и безконечно грустным взглядом прапорщика. Что было дальше он не видел.

Прошло много времени, прежде чем мне стало известно, что наш прапорщик, заподозренный в том, что он офицер и пробирается на Дон, был зверски убит разъяренной толпой. Главной уликой против него — служило его интеллигентное лицо.

Трудно описать как глубоко поразил нас рассказ капитана. На несколько минут мы словно оцепенели, пережив душевные муки за невозвратимую потерю молодой полной сил и надежд жизни. В трагическом конце мы не сомневались. Но что могли мы сделать? Как ему помочь? Сердце до боли сжималось при мысли, что всякая наша попытка выручить прапорщика будет безрассудным предприятием и приведет лишь и к нашему аресту и гибели. Мы молчали, говорить не хотелось. Тяжелые испытания и лишения в пути сроднили нас и каждый тогда чувствовал, что у него отняли близкое и дорогое. И в то же время, из сокровенных тайников души, выползала черная мысль и назойливо сверлина голову, как бы отыскивая очередную из нас жертву. Приходилось быть фаталистом и успокаивать себя тем, что если это произошло, то значит так судьбой заранее было предначертано и своей участи никто не избежит.

В течение трех дней мы потеряли двоих и это обстоятельство побуждало нас быть более осторожными и осмотрительными. Было решено, что отныне никто ничего не должен предпринимать самостоятельно, а кроме того, условились, весь дальнейший путь ехать всем вместе, вылезая из вагона только ночью, а в случае необходимости сделать покупки или принести воды — эта обязанность возлагалась на Сережу, не вызывавшего своим внешним видом никаких подозрений.

В обсуждении этих вопросов незаметно прошло время и после полудня мы достигли ст. Дебальцево, где явились свидетелями ареста группы офицеров и зверской с ними расправы.

Арест прапорщика, расстрел офицеров, картинки безшабашного разгула на станции Волновахи и Дебальцево — все это в конечном результате, не могло не отразиться на нашем настроении и не заронить в душу сомнения в благополучном исходе нашего путешествия. Былая бодрость и энергия сменились подавленностью и уныпием. С каждым днем мы убеждались, что условия переезда сильно осложнились Многочисленные агенты советской власти весьма зорко следили за всеми проезжавшими, тщательно осматривая пассажирские поезда. Мы только утешались тем, что проехали уже большую часть пути, находились сейчас почти на границе области, с въездом в которую надеялись кончатся наши мытарства и к лучшему изменятся условия дальнейшего переезда. Но этим надеждам, к глубокому сожалению, не суждено было оправдаться. Судьба готовила нам новое огорчение: вскоре стало известно, что наш эшелон пойдет не на Лихую, а через Скупянск на Лиски т. е. вдоль границы Донской области. Чем объяснялось такое реше-

ние, мы не знали, но полагали, что вероятно в районе Лихой идут бои с казаками и вследствие этого большевики не решаются направить туда казачий эшелон. Нам снова казалось соблазнительным бросить эшелон и пешком пробраться в Донскую область. Оценив, однако, обстановку, учтя здешнее настроение рабочих, тщательность проверки документов, подозрительность и придирчивость местных советских властей, чему мы были очевидцами, а также приняв во внимание, что район, по которому пришлось бы двигаться да еще днем, кишит красногвардейцами и солдатами большевиками, — мы отказались от этой мысли. Благоразумнее казалось подчиниться обстоятельствам и ехать в этом же поезде дальше.

По мере удаления от Дебальцево стала заметно уменьшаться воинственность большевистски настроенных элементов и станции своим видом напоминали таковые прифронтовой полосы, т. е. преобладали солдаты дезертиры, спешившие домой, встречалась частная публика, а среди нее вооруженные рабочие.

Поезд наш очень мало задерживался на станциях и рано утром 19-го января мы прибыли на ст. Лиски. Эта станция во многом была похожа на Дебальцево. Несмотря на ранний час (около 4 ч. утра) на ней царило большое оживление. Красногвардейцы, солдаты и матросы заполняли вокзал и перрон. Всюду красовались красные флаги, стены были украшены уже знакомыми нам призывами новой власти. Пользуясь темнотой мы побывали на станции. Вмешиваясь незаметно в толпу, мы жадно ловили разговоры, стараясь из них и чтения стенных объявлений составить себе, хотя бы приблизительное представление о том, что происходит на белом свете. Тщетно искали газеты, но безрезультатно. Представители советской власти видимо менее всего интересовались печатью. Их интерес к ней ограничился лишь основательным разрушением и уничтожением всего, что было и заменой печатного слова невежественными прокламациями. Бросалось в глаза изобилие спиртных напитков вплоть до «казенки». Сережа соблазнился и купил бутылку говоря, что это нам пригодится, как согревающее средство. Откровенно скажу, водка оказалась кстати. Все дни мы сильно мерзли, особенно на ходу поезда, когда из всех щелей пола и стен нас пронизывали холодные струи воздуха. Временами мороз доходил до 12 и больше градусов, а сильные сухие ветры — обычное явление этого района, еще больше понижали температуру. Боясь отморозить конечности, и желая немного согреться, мы время от времени прыгали, боролись, занимались гимнастикой. Часто эти упражнения проделывали мы ночью, вызывая большое удивление у лежавших наших четвероногих друзей. Случалось и так: задремав и инстинктивно ища тепла, кто нибудь во сне постепенно жался все ближе и ближе к лошади, пока не добирался до ея шеи, где и засыпал крепко, согреваемый ее теплом.

Уже 11 дней мы были в дороге, успев за это время страшно загрязниться. Изменились сильно и внешне: заросли бородами, щеки запали, от бессонных ночей и постоянной тревоги глаза ввалились и были воспалены и в общем своим видом, мы мало отличались от окружающей нас публики. Последнее обстоятельство укрепило сознание, что узнать нас теперь довольно трудно. Наш покой и сон больше всего нарушали, расплодившиеся в огромном количестве насекомые. Они буквально

шуршали по всему телу, безжалостно нас грызли и при каждом движении сыпались массами. Запасного белья для перемены у нас не было и приходилось терпеть еще и это зло, с которым мало по малу свыкались, как с неизбежным. Нужда научила нас бороться с холодом. На одной станции стащили два тюка прессованного сена и им запаклевали в вагоне щели и на пол послали толстый слой. Ложились плотно один к другому, накрываясь с головой единственным тонким одеялом, а сверху набрасывали оставшееся сено. При таком устройстве удавалось иногда проспать до 2-3 часов ночи, после чего надо было согреваться искусственно.

Что касается меня, то последние дни я начал страдать бессоницей. Думаю, что причиной этого было постоянное нервное напряжение и необходимость быть всегда на чеку против всяких случайностей. Если мне иногда и удавалось забыться, то не иначе как каким то мучительно тревожным полусном, каковой не только не восстанавливал сил, но еще больше подрывал здоровье.

С казаками, впустившими нас в вагон, вскоре установилось своеобразное немое соглашение. Видя, что мы нисколько не угрожаем безопасности их лошадям, а скорее составляем как бы ночную охрану от возможных на них покушений, они по-видимому довольные этим, мало интересовались нами, предоставив уборку и уход за лошадьми нашему попечению.

Обычно рано утром, один из казаков приносил тюк сена и зерно, а затем таскал несколько ведер воды, проделывая то же самое в полдень и вечером. Мы убирали лошадей, поили, навешивали торбы, — иначе говоря выполняли роль вестовых, что в сущности нас немного развлекало. При каждом посещении нас, казаки рассказывали нам новости и потому прихода их мы всегда ожидали с нетерпением. Относительно нас их любопытство далеко не шло, а быть может, они верили, что мы пулеметчики и едем с фронта домой, на Кавказ.

В свою очередь, мы опасаясь навлечь подозрение, не считали возможным особенно настойчиво расспрашивать казаков о настроении, о том, что они предполагают делать вернувшись домой, хотят ли у себя на Дону большевизм или нет и тому подобное. Но все-таки, постепенно, пользуясь удобным случаем, я задавал им тот или иной вопрос. Были они уроженцами Усть-Медведецкого округа и ехали до ст. Серебряково на железнодорожной линии Поворино — Царицын.

Из разговоров с ними, мы поняли, что казаки сильно раскаиваются, что поддавшись уговорам, выдали большевикам оружие и теперь едут домой на положении военнопленных, под охраной «грязной гвардии», как они прозвали красногвардейцев. Одному из казаков удалось сохранить винтовку, спрятав ее между обшивкой вагона и он с чувством особой гордости не раз хвастался этим.

На мой вопрос: «А зачем тебе станичник винтовка» — он не смущаясь быстро ответил: «а как же покажусь отцу, да и в станице девки начнут дразнить — оне у нас такие» — добавил он с особенным ударением.

«Да быть может и воевать придется» — сказал я, после небольшой паузы». «А с кем?» — спросил он насторожившись.

«Возможно с немцами или еще с кем нибудь — ведь вот говорят Атаман Каледин воюет» — заявил я с целью вызвать его на разговор.

«Да то буржуи, юнкера, да кадеты воюют, а казаки устали и войны не хотят, им война не нужна» — выпалил он очевидно слышанную фразу, но затем немного подумав продолжал несколько иным тоном: «старшие сказывают, что их не возьмут. Атаман призывает только четыре переписи молодых, значит попаду и я. Ну, а служба, как служба, прикажут воевать — будем воевать, только раньше надо побывать дома. А большевики нам ни к чему, мы и без них хорошо жили».

К сожалению, отход поезда помешал мне продолжить столь интересную беседу каковую несмотря на мои старания возобновить не удалось. Но думаю приведенного достаточно, чтобы судить о настроении казаков этого эшелона, тем более, что мне было совершенно ясно, что казак, говоривший со мною, делился не своими личными мыслями, а передавал просто слышанное им среди казаков, т. е. как общее настроение.

Ночью 19-го января миновали узловую станцию Поворино и рано утром въехали наконец, в обетованную Донскую землю. Мы с большим нетерпением ждали этого момента, уверенные, что с ним резко изменятся условия нашего странствования и обстановка станет для нас более благоприятной. Отчасти мы не ошиблись. Станции здесь не носили того ужасного и отталкивающего вида как в Донецком районе и не являлись скоплением всякого вооруженного сброда. Не было почти и красной гвардии. Чаще встречались казаки, преимущественно старики, одетые в свои казачьи зипуны, из под которых выглядывали традиционные лампасы на брюках. Мы свободнее себя держали, выходили на остановках, вступали в разговоры, стараясь выяснить положение в области и узнать новости. Вероятно наш внешний вид не внушал особого доверия и казаки принимая нас за солдат большевиков, неохотно вступали с нами в разговор, а временами в грубой форме говорили: «чего лезешь язык чесать, проваливай дальше».

Откровенно говоря, такие ответы меня сильно радовали, доказывая некоторую недоверчивость и даже враждебность казаков к большевикам и, вместе с тем, рождая надежду, что коммунистические проповеди не найдут здесь для себя благодарной почвы.

Однако, последующие события доказали обратное. И не только я, но и главные руководители противобольшевистского движения, впали в ту же ошибку, переоценив невосприимчивость казаками большевистских идей.

По моему личному мнению, главная причина усвоения казачеством большевизма лежала в том, что значительная часть казаков-фронтовиков, даже и тех, которые на фронте не поддались революционному соблазну, теперь — на длинном пути своего возвращения на Дон, вынужденные долгое время дышать зараженной большевистской атмосферой и выдерживать натиск весьма умелой коммунистической пропаганды, — вернулась домой психологически уже не способными к защите Дона. Сказывалось и общее утомление войной и потому сильное желание отдохнуть, доминировало над всеми остальными чувствами. Имело значение, возможно, и то, что Донское Правительство в

глазах казачьей массы, не сумело создать себе популярности и нужного авторитета. Если А. М. Каледин лично и пользовался известным влиянием, то этого нельзя сказать о Правительстве в целом. Наоборот, оно среди казаков авторитетом не пользовалось, казачества на свою сторону не привлекло и раздавались голоса, что Правительство только стесняет Атамана и своими действиями подрывает его авторитет. Власти фактически не было, чувствовалось безвластие и растерянность, передававшиеся сверху вниз.

Вместе с тем, надо признать, что казаков безусловно запоздали вернуть на Дон и они не имели времени в обстановке родных станиц изжить принесенные с фронта настроения. Их, как сохранявших дольше других дисциплину и порядок, задерживали на фронте, все еще лелея мысль о возможности восстановления фронта и продолжения войны. Когда же наконец, Каледин желая оздоровить Дон и чувствуя, что на воюющем фронте казаки стоят без дела, отдал приказ всем казачьим полкам идти на Дон, — то было поздно. В это время, уже совершился переворот и власть перешла к большевикам, начавшим чинить всякие препятствия пропуску казаков в Донскую область. Они обезоруживали их и большинство казаков вернулось домой без пушек, без ружей, без пулеметов, без пик и шашек и совершенно деморализованными.

Между тем, по словам Г. Янова, члена Донского Правительства [8]), еще «в августе месяце после Государственного совещания в Москве, когда фронт совершенно разложился, представители Донских частей, по настоянию казаков, просили А. М. Каледина отозвать Донские полки на Дон. А. М. Каледин в категорической форме отказался отдать такое распоряжение, мотивируя свой отказ тем, что Донские казаки должны до конца выполнить свой долг перед Родиной. Вернувшиеся делегаты передали казакам ответ Атамана и в результате, ни один полк не решился самовольно покинуть армию до самого последнего момента существования Временного Правительства и захвата власти большевиками».

Виноваты отчасти и высшие начальники. Они под всевозможными предлогами тормозили отправку казаков на Дон, оставляя казачьи полки у себя, как единственную надежную охрану. И, думается, многие еще помнят, что в то время казачьи части действительно играли исключительную роль.

В результате — в конце 1917 года, как следствие революции, вызвавшей всюду сильные потрясения жизни, на Дону разыгралась долго длившаяся борьба.

Среднее поколение, поддержанное молодежью, усвоив привитые им новые идеи, столкнулось с консерватизмом и стойкостью старого поколения. Началась невидимая, глухая вначале, но трагическая и жестокая борьба, которая мало-помалу из станиц и хуторов перекинулась в семью. Взаимные страстные обвинения и упреки, неоднократно кончались беспощадными расправами с обеих сторон. В это время, казачество переживало наиболее тяжелые и сложные психологические

---

[8]) Донская Летопись. Том II, стр. 15.

моменты. Сын не понимал отца, отец и дед не признавали сыновей и внуков, жена отказывалась от мужа, мать проклинала детей.

Создалось как бы два фронта: внешний в сторону большевистской России и внутренний — свой, краевой. Вся энергия казачьего элемента, оставшегося верным старым заветам и традициям, поглощалась этим последним и на внешние события сил у него уже не хватало.

Оторванное войной и революцией от родных станиц, привычного быта, влияния семьи и стариков, находясь долгое время на фронте среди революционной солдатской массы, под непрерывным впечатлением новых порядков, — среднее поколение — фронтовики восприняли дух революции и проявили склонность к усвоению социалистической новизны.

И старое казачье поколение усвоило революцию, но усвоило по-своему, уравновешенно, держась привычного образа жизни и мысли. Оно постепенно восстанавливало старинные формы казачьего управления и мирно занялось устройством своих дел, уважая престиж Донской власти, порядок и законность и готовое встать на защиту этой власти.

Иначе держали себя фронтовики. Они искали новых путей жизни, как следствие пережитого на фронте. В одной их части крепко засела мысль, что все зло на Дону от «буржуев» и что «рабоче-крестьянская власть» никаких агрессивных намерений против трудового казачества не имеет, а потому и они, в свою очередь, не желают проливать братскую кровь трудового народа и поддерживать оружием «Новочеркасское Правительство». Другая часть, равняясь на них, решала поступать так, как все, но идти воевать не хотела.

Пришедших с фронта было больше, чем стариков, часть из них была вооружена и во многих местах победа осталась на стороне молодых, проповедовавших революционные идеи.

Стойкие, рассудительные старики, вынужденные уступить, передали фроноторикам бразды правления, а сами, отстранившись от дел, с затаенной скорбью наблюдали, как на их глазах резко менялась станичная жизнь, как хаотически велось станичное хозяйство и как постепенно вводились новые, чуждые казакам порядки.

К этому прибавился еще и старый, больной вопрос — взаимоотношения с «иногородними». Враждебность иногородних к казакам, численно преобладавших и владевших отчасти экономической жизнью области, но не землей, росла с каждым днем и резче выявлялись противоречия одних и других. В то же время, большевистская агитация среди неказачьего населения, встречала большое сочувствие.

Если казаки местами еще колебались и нередко благоразумный голос стариков брал перевес, то иногородние целиком стали на сторону большевиков. Пользуясь расколом, образовавшимся в казачьей среде и завидуя, исстари казакам, владевшим большим количеством земли, они стремились использовать наступивший момент для решения земельного вопроса и сведения старых счетов с казаками. Они предъявляли притязания уже и на казачьи юртовые земли и проявили склонность к захвату помещичьих и офицерских земель.

От казаков стариков это не ускользнуло. Они отлично и быстро разбирались в психологии иногородних и ясно видели, как наростает

земельная опасность юртовым и войсковым землям, болели душой, напрасно искали поддержку среди своих же, значительно одурманенных модными идеями и, к глубокому своему огорчению, таковой не находили.

Несколько позже, когда мне ближе пришлось столкнуться с казачьей массой, я мог проверить свои наблюдения и найти многочисленные подтверждения только что высказанному.

После полудня, мы достигли ст. Филоновской. На перроне вокруг оратора казака скучилась большая толпа. Подошли и мы. Оказалось говоривиший был три дня тому назад в Новочеркасске и теперь делился своими впечатлениями о том, что там он видел и слышал. Он говорил, что столице Дона — Новочеркасску угрожает большая опасность. Большевики каждый день могут им овладеть. Значительные силы стянуты с западного фронта, а в районе Царицына и Ставрополя формируют части с целью раз навсегда покончить с Доном. Недавно красные уже захватили ст. Каменскую, где к ним присоединились и казаки-изменники войскового старшины Голубова. На Роостов с запада и юго-востока двигаются другие большие группы большевиков. Силы защитников Новочеркасска и Ростова, состоящие из детей, юнкеров и офицеров, ввиду ежедневных потерь в боях, непрерывно уменьшаются. Атаман требует немедленной помощи. Приказано собирать сходы, производить мобилизацию казаков добровольцев и слать их на выручку Новочеркасска. Мы могли подметить, что оратор был безусловно сторонник Донского Правительства. Рассказывая об ужасах в районе Новочеркасска, он несколько воодушевлялся и говорил с подъемом. Кончил он просьбой присутствующим передать в станицы и хутора, то что они слышали, а сам поспешил в свою станицу выполнять особое распоряжение, данное ему в Новочеркасске. К сожалению, исчез он так быстро и таинственно, что несмотря на все наши старания его отыскать, нам это не удалось.

Вероятно это был специальный информатор Донского Правительства, разъезжавший по станциам, и я невольно сравнил его с теми многочисленными большевистскими агитаторами, которых мне пришлось много раз видет и слышать в пути. И, нужно сказать, сравнение было не в пользу первого. Там — натасканность, меткие звучные слова, трафаретно демагогические речи, разжигавшие страсти, задевавшие шкурные вопросы, захватывавшие толпу и толкавшие ее на дело, вплоть до преступления, а — здесь же, быть может, справедливое, но без порыва и подъема изложение фактов. Иной результат: выслушали, вздохнули, почесали затылки и разошлись, а иногородние сейчас же собрались отдельной группой, начав по-своему комментировать слышанное и открыто подавать реплики, направленные против казаков. Не желая упускать удобный случай, поговорить с крестьянами, мы внедрившись в толпу с разных сторон, вступили с ними в спор. Нравственно мы были удовлетворены, ибо видели, что наши поочередные выступления и горячие доводы о том что и России и крестьянству и казачеству большевизм несет неисчислимые бедствия и несчастья, значительно поколебали убеждения присутствующих. Во всяком случае, прежнее их единомыслие было нарушено. Они разделились на две части, из которых одна явно нам сочувствовала. Между ними еще долгое время продолжалась живая перебранка.

Наступил вечер 20 января. Казаки эшелона радовались предстоящей близкой встрече с родными. Уже после полудня они начали усиленно мыться, чиститься, прихорашиваться и паковать вещи. Часам к 6 вечера показалась ст. Сребряково. Поезд остановился далеко от вокзала. Станичники энергично принялись прилаживать мосты и доски для выгрузки лошадей. Работали дружно и быстро. Через полчаса некоторые из них уже седлали коней и группами по 2-5 человек разъезжались в разные стороны по хуторам и станицам.

Забрав наши скромные пожитки, мы направились к станции. Еще в пути было окончательно решено ехать через Царицын на Ростов, а затем, смотря по обстоятельствам, не доезжая последнего, сойти на какой нибудь промежуточной станции откуда и пробираться в станицу Аксайскую, находящуюся между Ростовом и Новочеркасском.

Станция Сребряково была полна разным сбродом. Бродило много пьяных солдат, встречались красногвардейцы, были и матросы с независимым видом расхаживавшие по перрону, стараясь удержать равновесие, нарушенное чрезмерным принятием спирта. Казаков я не видел. Осторожно наведя справки, мы выяснили что через несколько минут ожидается поезд на Царицын. Это было нам кстати, так как судя по настроению публики, на станции задерживаться мы считали опасным.

Не могу объяснить почему, скорее руководясь каким-то внутренним предчувствием, но я поднял вопрос о необходимости покупки билетов до Царицина, дабы избежать возможных на этой почве недоразумений при езде в пассажирском поезде. Помню мое предложение вызвало энергичный протест и особенно со стороны Сережи Щеглова. Под влиянием его доводов, я, скрепя сердце, изменил свое намерение и больше не настаивал. Но оказалось, мое предвидение меня не обмануло. Такая незначительная оплошность могла иметь непоправимые последствия и даже стоить мне жизни о чем я упомяну ниже.

Вскоре подошел поезд, состоявший из нескольких теплушек и бесчисленного количества пустых товарных вагонов. Было заманчиво забраться в один из таких вагонов и незаметно проехать до Царицына. Но поразмыслив, мы от этого отказались на том основании, что обнаруженные там, мы без сомнения навлекли бы на себы подозрение тем, что зимою в стужу, почему-то едем изолированно в холодном вагоне, а не в теплушке.

Теплушки оказались набитыми до отказа. После ругательств и энергичных действий, нам удалось, в конце концов, втиснуться в одну из них. Я примостился на краю скамьи налево от двери, а Сережа и капитан залезли под нижние нары, разместившись на холодном полу. Меня сильно интересовала компания, заполнявшая теплушку и я внимательно, но незаметно начал ее рассматривать. Большинство было одето в солдатские шинели, часть в полушубках военного образца, сидело несколько штатских, по виду рабочих, а также 6—7 женщин. Испитые, с звериным выражением злобные физиономии, развязные и циничные манеры, за каждым словом матерщина — все это, даже на первый взгляд, ничего доброго не предвещало. К тому же, многие были изрядно пьяны. Большинство устраивалось, раскладывало вещи, некоторые начали закусывать, чвакая на весь вагон и запивая еду вод-

кой или вином. Общий разговор не клеился, интерес всех вертелся около вопроса — когда двинется поезд.

В это время, неожиданно, раздался энергичный стук в дверь и в теплушку ввалились двое вооруженных до зубов пьяных красногвардейца, а два других остались у входа.

«Цивили показывай документы и билеты», — прохрипел один из них, начав свой обход справа от двери. Еще до сих пор, я отчетливо представляю себе этот момент и бесконечно тревожное чувство тогда меня охватившее. Сосредоточенно наблюдая проверку документов, я заметил, что наличие солдатской шинели, как будто бы освобождало от контроля, но все же уже трое штатских, один показавшийся подозрительным солдат и две бабы, были высажены и переданы конвою — «для обыска и раздевания, а если нужно и для стенки», смеясь пояснил контролер. Никто не протестовал. Все притихли. Гробовая тишина в вагоне нарушалась только выкриками: «давай... не надо... покажи... а ты чего прячешься, может сволочь офицер... тебе не надо»... и т. п.

Приближалась моя очереды. Медленно текли страшные минуты. В жизни каждого бывают моменты, когда в короткий срок переживается несравненно больше, чем за долгие годы. Так было тогда со мной. Голова напряженно работала. Мысли переплетались, лихорадочно прыгая от одного представления к другому и отбрасывая один план за другим. Я напряженно искал выхода и не находил. Если я — штатский, как было по моему документу, пронеслось у меня в сознании, то я обязан иметь железнодорожный билет и отсутствие такового влекло за собой арест и, значит, обыск, а с последним обнаруживалось много меня компрометирующего; если же я военный, но без удостоверения, то при обыске у меня найдут штатское свидетельство и следовательно результат тот же.

Затаив дыхание и прислонив голову к стене, я притворился спящим и с томительным чувством ожидал этого грозного момента. Уже почувствовал на плече руку красногвардейца и над ухом раздался его голос: «товарищ проснись». В этот момент на всю теплушку послышался резкий голос Сережи: «да что же ты, товарищ, не видишь, что это наш человек больной, а ты его будишь», и далее следовала сочная отборная площадная брань. Все сразу обернулись и увидели высунувшуюся из под нар всклокоченную голову, до того времени не обнаруженного Сережи. Возможно, что его вид, уверенность и твердость голоса были причиной того, что даже красногвардейцы смутились, а может быть им импонировала его многоэтажная брань. Но только, один из них, как бы оправдываясь сказал: «Да мы что товарищ, мы только работники революции, это наша должность, да и кто раньше знал что он — наш и болен».

Что касается меня то я продолжал делать вид что дремлю. Меня не разбудили, прошли мимо. Поверка кончилась. Красногвардейцы ушли, уведя с собой арестованных. Через несколько минут поезд тронулся.

И так, только благодаря удачному своевременному вмешательству Сережи, я был спасен. Значит, нужно быть фаталистом и верить в судьбу, думал я.

Впечатление от контроля прошло скоро. Мало-помалу, пассажиры разговорились и через короткий срок в теплушке стоял шум, крик, смех и отборная ругань. То, что мне пришлось здесь услышать, скорее могло быть кошмарным сном, чем живой действительностью.

Оказалось, многие из пассажиров были не только в качестве зрителей, но и принимали непосредственное активное участие в самосуде, учиненном в слободе Михайловке над местной интеллигенцией, в том числе офицеров, помещиков и священника.[9]) Все находились под свежим впечатлением виденного. Опъяненные, очевидно, не столько винными парами, сколько возбужденные запахом свежей крови, эти люди с неописуемым цинизмом делились потрясающими деталями только что совершенной бесчеловечной расправы. В каком-то садистическом экстазе, гордясь и хвастаясь совершенным деянием, они постепенно раскрывали весь ужас своего гнусного преступления, как бы еще раз переживали наслаждение, упиваясь воспоминаниями предсмертных мук их несчастных жертв.

«А он-то» (священник) — говорил какой-то пожилой толстомордый солдат пехотинец, захлебываясь от охватившей его злобы, — «стал на колени и начал просить с попадьей проститься. Ну я разсердился, скреб его за гриву правой рукой и как конь потащил его к площади. Все хохочут, а бабы кричат: «эй Демьян, остановись, передохни, а то заморишься, он-то жирный, как боров, разнесло его на нашей кровушке. А меня такая злоба взяла, что не одного, а и десяток кровопийцев наших дотянул бы». Веселый смех, крики одобрения и взвизгивание баб, были ответом на его слова. Чувствуя себя героем и ободренный со всех сторон, рассказчик продолжал: «Притянул его, значит, я к площади, а сам ей Богу, вспотел, хочу его поставить, а он знай крестится, а на ногах не стоит, ноги его не держат, жирного кабана. . . (далее следовала нецензурная мужицкая брань). Осерчал я еще пуще, закипело все во мне, так вот, как думаю я, ты кровушку нашу пил, а стоять не хочешь, поднял я его одной рукой за патлы и вот этим сапогом, как двину в брюхо. Только крякнул, как кряка и свалился. Сразу полегчало мне, вот так бы, кричу я, всех буржуев надо прикончить. После стали и ребята наши тешиться, да забавляться: один держит за гриву, а другой бьет. Тоже отвели душу, жаль только, что скоро подох. Затем пришла очередь за охвицерьем. Ну эти в начале кочевряжились сволочи, один даже плюнул вот товарищу в морду» — и он показал на одного бородатого артиллериста с хитрой и наглой физиономией. Последний, видимо, задетый замечанием и желая оправдаться в глазах кампании, перебил рассказчика, заявив развязно: «Оно, конешно, товарищи, правильно сказано, што плюнул, но и я же, вы видели, здорово проучил эту мразь буржуйскую, пущай знает, как плеваться в пролетариата защитника революции. Выхватил я у соседа винтовку, да и всадил ему целый штык в пузо, а после, ну его вертеть там в кишках, он успел еще только раз плюнуть и обругать меня, а затем, свалился». И опять со всех сторон раздались крики браво, молодец, смех, так им надо кровопийцам, довольно они тешились над нами, да нашу кровь

---

[9]) См последнее возвание казакам ген. Каледина от 28 янв. 1918 года.

пили. Да что их жалеть это буржуйское отродье» — продолжал опять пехотинец — «надо всех перебить, чтобы ничаво не осталось. Довольно они ездили на наших горбах, таперача черед наш. Я — незлобивый человек, товарищи, а попадись сейчас мне буржуй или охвицер, так вот перед всеми вами этими бы руками» — и он вытянул вперед свои огромные лапы — «задавил бы его как гадину». Правильно, теперь мы господа, нашему ндраву не препятствуй, что хотим, то и делаем. Долго они измывались над нами, — одобрительно кричали присутствующие. С замиранием сердца, словно завороженный, слушал я эти разговоры, будучи не в состоянии понять, как могли до такой степени пасть люди, потерять все человеческое и обратиться в каких-то кровожадных диких зверей. Мне казалось, что все низменное, пошлое и злобное, до поры до времени таилось где-то в этих существах с человеческим обликом, но что теперь что-то прорвалось и вся гнусность вылилась наружу. С каким животным наслаждением смаковали они каждую мелочь, всякую деталь, которую они заметили в предсмертных муках своих жертв. Их преступление не было простым деянием, совершенным человеком под известным афектом, в момент потери самообладания, нет, — это был результат затаенной, долго выношенной мести, которая теперь прорывалась с наиболее низкими, звериными инстинктами человеческой натуры. Сколько богохульства, сколько злой, бессмысленной клеветы и пошлости было высказано ими за эти несколько часов и в отношении Бога и Государя и всей Царской семьи. Циничная критика старого режима, сменялась вымышленными, отвратительными гадкими и пикантными подробностями из жизни царской семьи в связи с именем Распутина. Противно было слушать все эти гадости, а еще более сознавать свое бессилие, заставить их замолчать и не пачкать грязью дорогие и светлые каждому из нас Имена.

Было далеко за полночь, когда, пресытившись рассказами, эти люди-звери прекратили постепенно разговор и вскоре воздух огласился их сильным храпом, напоминавшим звериный концерт. Спать я не мог. Мне хотелось найти разгадку, как могли эти люди, по виду бывшие солдаты, обычно миролюбивые и флегматичные, в короткий срок словно переродиться, потерять чувство жалости и человеколюбия и стать бесконечно жестокими и мстительными.

Законы, цивилизация, совесть, стыд — все, казалось мне, провалилось в пропасть. Вот эти скоты, размышлял я, несколько часов тому назад, нагло издевались над несчастными людьми и теперь безнаказанно хвастаются своим злодеянием и никто не протестует, никто не порицает их поступка, наоборот в глазах всех они герои.

Занятый этими мыслями, я не заметил, как прошла ночь и около 5 часов утра в теплушке опять все зашевелилось. Приближались к Царицыну. Начались сборы. Каждый был занят своим делом. Одни спешили поесть, другие связывали свои мешки и пересчитывали деньги. Разговор сначала не клеился. Но затем, то один, то другой начали высказывать недовольство новыми существующими порядками и скоро разговор принял общий характер. Все открыто критиковали большевистскую власть.

Я не верил своим ушам, когда главный оратор, еще вчера проклинавший все старое и восхвалявший революцию и советы, начал гово-

рить: «Да што таить, товарищи, при Царе, правду сказать, если и сделал, что не так, так жандарм дал в морду и конец, а теперь поди, свой же брат на мушку,сволочь. И за што? Говорили, что из Москвы приказано с «мешочниками» расправляться на месте, значит к стенке. Им-то душегубам хорошо, буржуев обобрали и живут в сласть, а ты с голоду подыхай. Не житье настало, а каторга. А за что преследуют? Кому мы мешаем? Там — сахар, а тут мука, ну и торгуем. Надысь меня красногвардеец хотел арестовать, — едва утек. Забыли с . . . . . , что без нас — фронтовиков, они бы революцию не сделали, их, как и в пятом году, одни казаки разогнали бы, а теперь они же своего брата преследуют и как что не по ихнему, — сейчас на мушку. Ежели так, то уж лучше пусть будет по старому», — закончил он.

Теперь у меня не оставалось сомнения, что мы ехали с бандой «мешочников»-спекулянтов, занимавшихся запрещенной перевозкой товаров из одной местности в другую. Вероятно в Царицыне их преследовали, — вот почему они, когда коснулось их шкурного вопроса, забыв вчерашние разговоры, дружно обрушились с критикой и на советскую власть и на современные порядки.

Издали показался Царицын и поезд замедлил ход. Суетясь и трусливо волнуясь «мешочники» один за другим начали выпрыгивать из теплушки, послав еще раз последнее проклятие большевикам и их суровым нововведениям. В свою очередь, соскочили и мы и очутились, примерно в полуверсте от города. Разбившись на группы спекулянты огородами и садами двинулись в направлении Царицына.

Считая, что они уже бывалые и наверное знают все здешние порядки, мы на приличном расстоянии следовали за одной компанией, в которой находился и вчерашний герой и главный коновод-преступник.

После недолгой ходьбы разными пустошами и закоулками, мы очутились перед главным входом Царицынского вокзала.

Уже сразу можно было определить, что Царицын является не только крупным опорным пунктом советской власти, но также и рассадником большевистских идей на все Поволжье.

Проходящие по улицам воинские команды, состоящие из солдат или из красногвардейцев с красными знаменами и плакатами, такие же огромные флаги на главных зданиях, многочисленные приказы на стенах и заборах большевистского Главнокомандующего и военно-революционного комитета, каковые по пути мы успели прочитать, наконец, наличие вооруженных воинских чинов у входа на вокзал, стоявших на подобие часовых, — все это говорило за то, что здесь большевики безусловно прочные хозяева положения.

Выбрав подходящий момент мы незаметно проскользнули на станцию.

Платформа и вокзал представляли сплошную массу лежавших и стоявших плотной стенкой человеческих тел. Тысячи людей, как муравьи, копошились здесь в невероятной грязи и тесноте, шумя, суетясь, крича, толкаясь и оглашая воздух непристойными ругательствами. Зал 1-го класса товарищи загадили до неузнаваемости. Местами обшивка с мебели была сорвана и диван зиял своими внутренностями. Всюду валялись груды грязных мешков, корзин и каких-то свертков.

Вместо некогда большого и довольно приличного буфета, на стойке красовались 2-3 куска подозрительной на вид колбасы, четверть водки и несколько стаканов. Ресторан обратился в своеобразное общежитие, спали и лежали на столах и стульях. Стены были заплеваны, а пол, очевидно, не выметавшийся в течение нескольких дней, был покрыт толстым слоем шелухи от семячек и других отбросов, издававших сильное зловоние. Как бы во славу демократических принципов, товарищи изощрялись в разнообразных непристойностях и пакостили где могли. На всем лежала печать хозяйничанья людей, считавших элементарные требования культурной жизни, буржуйским предрассудком и признаком контрреволюционности. Едва ли многие из них ясно представляли себе, что такое контрреволюция. Думаю, что большинство товарищей видели в ней, прежде всего, возвращение крепкой власти, порядка, а также конец безделью, конец безнаказанным издевательствам и насилиям над баззащитными и слабыми. Вот почему они с такой ненавистью и остервенением уничтожали все, что было хоть немного связано с этим именем.

В зале III класса, как будто было свободнее. Пролетариат, надо полагать, хотел полностью использовать свои современные привилегии и большинство его оседало в более комфортабельных помещениях I-го и II-го классов.

Не находя места сесть, мы разместились прямо на полу и, прежде всего, решили утолить голод и напиться чаю. Сережа принес кипяток. Мирно занимаясь чаепитием, мы наблюдали, как во все стороны, с озабоченным видом, шныряли начальствующие лица, одетые в модные кожаные куртки и пестро украшенные пулеметными лентами.

Наше мирное времяпрепровождение продолжалось недолго: Сережа шепотом сообщил, что какой-то тип из начальства в куртке уже несколько минут не спускает с меня глаз и внимательно следит на нами.

Вполне было возможно, что кто-нибудь из солдат или офицеров перекинувшихся к большевикам, узнал меня и теперь наблюдает, чтобы окончательно увериться в этом. Оставаясь относительно спокойным и не меняя позы, я нагнул ниже голову и, сделав на лице гримасу, тихо сказал Сереже следить за незнакомцем и передавать мне свои наблюдения. Всякий необдуманный шаг в нашем положении, мог бы быть для нас роковым. Рассчитывать на великодушие революционной власти, да еще в Царицыне, по меньшей мере, было бы наивно. Нужно было, не теряя присутствия духа, как-нибудь вывернуться из неприятного положения и скорее ускользнуть от наблюдения.

С невозмутимым видом мы продолжали чаепитие, ожидая удобного момента для бетства.

Сережа уже не сомневался , что мы узнаны и всякая минута промедления грозила ужасными последствиями. Но вот наблюдавший, по словам Сережи, приняв как будто какое-то решение, круто повернулся и быстро побежал из зала. В свою очередь, в одно мгновение, мы вскочили и стремглав бросились на перрон, дабы там скрыться в толпе. На ходу я успел предупредить своих спутников, что в случае моего ареста, я буду категорически утверждать, что сидевших со мною т. е. их не знаю, вижу их впервые и подошел к ним только здесь на вокзале, попросив кипятку.

На перроне мы разбрелись в разные стороны. Я миновал вокзал и затерялся среди толпы, группировавшейся около лавчонок, примыкавших к вокзалу.

На всякий случай местом встречи, примерно, через час, назначили конец платформы.

Зорко озираясь кругом и будучи все время на стороже, я бродил между лотками, делая кой-какие покупки.

Недалеко от этого места, на путях стояло несколько казачьих эшелонов, охранявшихся красногвардейцами. Меня сильно тянуло к эшелонам, но на несчастье, казаки вертелись около вагонов и за пределы охраны не удалялись. Я нетерпеливо ожидал, гуляя по близости и в конце концов мое терпение было вознаграждено. Один из казаков подошел к лавочке что-то купить и я заговорил с ним. Казак оказался очень симпатичным и охотно сообщил мне, что эшелон уже два дня ожидает отправки на Ростов.

Наша беседа затянулась. Вскоре он с негодованием жаловался мне, что казаки разоружены и потому большевики теперь над ними издеваются. Держат их, как арестованных, окружили часовыми и никого к ним не пускают.

«Каждый день — говорил он — просим комитет отправить нас домой, а они сволочи только смеются. И сегодня обещали отправить, да верить-то им нельзя», закончил он с раздражением. В свою очередь, я сказал ему, что я казак станицы Ново-Николаевской и хотел бы с моими двумя приятелями проехать в их эшелоне.

«В теплушках нельзя» — ответил он, «там и между нашими есть большевики, а вот в вагоне где стоит моя лошадь — ехать можете, но залезайте так, чтобы караульные вас не видели. Эти, если заметят, сейчас же арестуют. Вчера из соседнего поезда вывели сначала двух, а затем еще трех, кто их знает, может были офицеры, да только повели и всех их вот там расстреляли», — и он показал на каменную стену. Я немного приоткрою двери вагона, а вы уже сами, как знаете, забирайтесь незаметно и сидите смирно». Обещая поступить по его совету и, запомнив номер вагона и пути, я пошел на розыски своих, в то же время размышляя, можно ли довериться казаку или нет. Впечатление он произвел на меня хорошее, как своей откровенностью и простодушием, так и высказанной ненавистью к большевикам.

Мои мысли были прерваны Сережей и капитаном тихо меня толкнувшим. Ну вот слава Богу все невредимы, думали мы, трогательно радуясь нашей встрече. Мои спутники, как оказалось, все это время слонялись между лавками и харчевнями, вблизи станции, но в здание вокзала не входили и виновника нашего страха больше не видели.

Я рассказал им о встрече с казаком, разговоре с ним, а также о своем намерении проникнуть в казачий эшелон и в нем продолжать путь. Они со мной согласились, считая, что так или иначе, а рискнуть надо, тем более, что оставаться на станции еще опаснее. Условившись на этом, произвели тщательную разведку эшелона и выяснили, что с нашей стороны поезд наблюдается двумя красногвардейцами, встречающимися обычно у его середины долго разговаривающими между собой, а затем расходящимися в противоположные концы.

Первым пробираться решил я, потом капитан, а последним Сережа.

Обманув бдительность часовых, я легко вскочил в вагон. Минут через 10 моему примеру последовал капитан, но менее удачно, с громким стуком, чем чуть не привлек внимание часового. Сидя в вагоне, с нетерпением ожидали Сережу. Последний с независимым видом подошел к часовому и попросил закурить. Вскоре у них, видимо, завязалась оживленная беседа. Затем, мы видим, Сережа прощается, делая вид, что уходит, а сам поровнявшись с вагоном, незаметно присоединяется к нам. От красноармейца он сумел выведать, что эшелон скоро пойдет, а также и то, что казаков охраняют с целью не допустить к ним калединцев и контрреволюционеров.

Закрыв двери и, притаившись в углу, мы нетерпеливо считали минуты до отхода поезда.

Часов около 11 утра поезд медленно тронулся, оставляя Царицын. Мы перекрестились, на душе стало сразу легче.

Проехали две-три станции. На одной из остановок к нам зашел казак посмотреть, как мы устроились. Мы уверили его, что нам очень хорошо, и если не хватает для полного удобства, то только сена или соломы, чтобы подстелить на пол. В этом он обещал нам помочь и действительно немного погодя принес целый тюк сена.

Усталые от бессонных ночей и волнений, мы зарылись в сено и так проспали до позднего вечера. Проснулись бодрыми и веселыми и принялись за еду, решив по случаю удачного минования Царицына, выпить по рюмке водки, да и к тому же было холодно. Ночь прошла спокойно. После полудня 22-го января мы проезжали Сальский округ с его обширной, не поддающейся охвату глазами дивной степью. Станции были на большом расстоянии одна от другой и почти пусты. На остановках мы заводили разговоры с казаками, успев с некоторыми из них подружиться. Начальства в поезде не было. Эшелон состоял из разных сборных команд и казаков отставших от своих частей главным образом 2-го Донского, Сальского и Черкасского округов. По мере движения состав поезда уменьшался: отцеплялся то один, то другой вагон и казаки по домам шли походным порядком. К нашему счастью наш знакомый казак был Старочеркасской станицы и следовательно ехал дальше других.

Помню, как после станицы Великокняжеской к нам зашел казак-одностаничник впустившего нас и разговаривая вдруг неожиданно выпалил, обращаясь к Сереже: «А вас ваше благородие я знаю, вы — поручик Щеглов».

Могу заверить, что разорвавшаяся бомба не вызвала бы того эффекта, какой произвели на нас эти слова. Заметив наше смущение, казак продолжал: «Да вы не бойтесь, ваше благородие, я никому не скажу, вы были для нас отец родной. Нас тогда прикомандировали к штабу Н. дивизии, а вы были начальник пулеметной команды. Здорово ей-Богу вы оделись, никто бы вас не узнал, да и я сам первый раз думал, что ошибся, но другие ребята сказали мне, что это вы едете с нами».

Овладев с собою и сознавая, что отпираться будет бесполезно, Сережа ответил: «Сейчас и я тебя узнаю ты — приказный Чернобрюхов». «так точно» весело крикнул казак.

«Так вот что Чернобрюхов, теперь ты знаешь кто я и, если хочешь, можешь пойти и выдать меня большевикам, а они, конечно, меня выведут в расход».

«Да что вы ваше благородие разве я Бога не имею, мне то что, вы мне не мешаете, едете, ну и езжайте», — немного обидевшись проговорил казак.

«Ты пожалуйста не сердись, сказал Сережа — я пошутил, я знаю, что ни ты ни твои станичники болтать зря не будут, зла я им не сделал, расстались мы друзьями и лучше возьми вот 10 рублей, купи водки и выпей с ними за мое здоровье».

Обрадовавшись и не ожидая вторичного приглашения Чернобрюхов взяв деньги стремглав выскочил из вагона. Не прошло и минуты как он вновь появился еще с двумя казаками, пришедшими благодарить «их благородие» за подарок.

Чтобы оправдать цель своей поездки и выпутаться из неприятного положения Сережа рассказал будто бы у него в Новочеркасске находится больная мать и он едет ее проведать. Но так, как большевики офицеров на юг не пропускают, то ему пришлось переодеться в солдатскую форму.

«А вы, ваше благородие, хорошо нарядились, совсем нельзя вас узнать» — говорил еще один казак. «Мы долго сумлевались и так и этак глядели на вас, чи вы чи не вы, да только когда вы заговорили, — тут мы вас все признали». Не оставили они в покое и нас. Улыбаясь и подмигивая лукаво Сереже один из них добродушно промолвил: «Да и эти вот, какие же они солдаты. Еще тот, указал он на меня, может быть и есть купец, а вот другой как пить дать офицер, только кожись на фронте никогда их не видел».

Мы не протестовали и только старались перевести не особенно приятный разговор на другую тему. Уходя от нас, казаки клятвенно обещали держать язык за зубами. Хотя после разговора с ними мы чувствовали некоторую уверенность, что сознательно казаки нас не выдадут, но, в то же время, нельзя было поручиться, что они не проболтаются случайно. Последнее обстоятельство не на шутку нас тревожило. Приходилось поэтому быть настороже. Наше беспокойство усилилось, когда в сумерки достигли ст. Торговой, где кроме вооруженных солдат и красногвардейцев, никого не было из частной публики. На путях стояло два эшелона красной гвардии, готовых для отправки, вероятно на Батайск. На станции все нервно суетились, чувствовалось приподнятость настроения, что обычно свойственно станциям, особенно узловым, расположенным недалеко от фронта. Такому состоянию в значительной степени способствовало прибытие на Торговую санитарного поезда с ранеными красногвардейцами в районе Ростова. При громких криках сожаления и клятвенных обещаниях беспощадной мести всем контрреволюционерам, раненых торжественно перенесли в зал первого класса. Но в то же время, я заметил, что вид раненых сильно охладил революционный пыл товарищей. Во всяком случае, председатель военно-революционного комитета, человек с довольно интеллигентным лицом, панически метался во все стороны, видимо, стараясь собрать солдат, подлежащих к отправке на Батайск. Держась за голову и летая по вокзалу он безпомощно взывал охрипшим голо-

сом: «Товарищи, авангард революции из эшелона № 7, пожалуйте в вагоны, поезд сейчас отправляется, наши требуют срочной помощи». А на это ему пьяные голоса отвечали: «Ничаво, без нас не уйдет, не горит, подождет маленько».

В царившей сутолоке на нас никто не обращал внимания и мы беспрепятственно бродили всюду, наблюдая нравы и большевистские порядки. Вместе с тем, мы не забывали и следить за нашими казаками, дабы не попасться врасплох. Они вышли на станцию, купили водки и закуски, а затем, забравшись в теплушку, поделили оставшиеся деньги и увлеклись карточной игрой. Как и прежде, наш поезд был оцеплен охраной, но этому мы не придавали значения, ибо нас принимали за казаков. Поезд тронулся, а наши станичники продолжали игру и, выдимо, сдержали свое обещание и никому о нас не проболтались.

Вскоре отцепили вагон, вероятно с казаками Егорлыцкой станицы, затем — Мечетинской и далее поезд следовал уже только в составе 4 вагонов. От казаков мы узнали, что конечный пункт нашего эшелона — полустанок Злодейский, дальше которого поезд идти не может, ибо пути разобраны. Зайдя к станичникам, мы искренне поблагодарили их за гостеприимство и доброе к нам отношение и стали готовиться к последнему нашему этапу.

Поздно ночью прибыли на полустанок. Предварительно несколько раз обошли полустанок и детально его осмотрели. В одной комнате здания работали военные телеграфисты, принимавшие и передававшие какие-то телеграммы. Вероятно это был передаточный большевистский пункт связи. В другом конце здания, мы с трудом через замерзшие стекла рассмотрели несколько десятков сидевших и лежавших в комнате вооруженных солдат. Казаки свободно входили и выходили из этого помещения. То же решили проделать и мы, побуждаемые желанием послушать разговоры, узнать новости и по ним сколько-нибудь представить себе обстановку.

Деланно-развязно вошли и молча разместились в разных углах. Маленькая лампочка тускло освещала помещение. Из соседней комнаты через дверь чуть слышно доносились голоса, иногда отрывки читаемых телеграмм. Напрягая внимание и слух, я скоро убедился, что понять что-либо и хоть смутно представить себе положение на фронте было совершенно невозможно. Большинство бывших здесь солдат уже спало, бодрствующие или ругали буржуев и белогвардейцев или вели разговоры, не имеющие для нас никакого интереса. Оставаться поэтому здесь дальше, подвергая себя все же известному риску, мне казалось бессмысленным. Я вышел, за мной последовали и мои друзья. Удалившись немного от полустанка, мы остановились, обсудили положение и решили двинуться в общем направлении на северо-запад т. е. на Новочеркасск.

Ночь стояла очень темная, в двух шагах ничего не было видно и мы двигались больше наугад. Шли медленно, осторожно, часто останавливались и прислушивались, опасаясь неожиданно натолкнуться на большевистский разъезд или дозор. Инстинктивно, я чувствовал что мы сбились с пути и идем в противоположную сторону. Темные облака, покрывая небо, скрывали звезды, компаса у нас не было и мы не могли ориентироваться. Вдруг пред нами выросло что-то большое, темное,

принятое нами сначала за строение, но приблизившись, мы увидели что это стог сена. Не желая бесплодно утомлять себя и надрывать последние силы, я предложил переждать здесь и на рассвете, взяв правильное направление, двинуться дальше. Мое предложение было охотно принято. С большим трудом мы забрались на верх стога, разгребли яму в которой и разместились довольно удобно. Немного согрелись и мои спутники стали дремать. Мне спать не хотелось и я сам вызвался бодрствовать.

Я был всецело поглощен мыслью о конечном этапе нашего путешествия, стараясь предугадать те препятствия и случайности, какие могли еще ожидать нас на этом пути. Вместе с тем, хотелось подвести итог всему, чему я сам был очевидцем, что видел и слышал за три недели своего скитания. В эти дни я побывал в Каменец-Подольской, Киевской, Таврической, Екатеринославской, Харьковской и Воронежской губерниях, был на границах Тамбовской, Саратовской и Ставропольской, наконец, с разных сторон приближался к Донской области частично ее захватывая, а затем пересек и значительную часть этой последней.

Везде внимательно наблюдая жизнь и нравы и суммируя все слышанное и виденное во время своего переезда, я неуклонно приходил к одному и тому же печальному выводу.

Россия представлялась мне бушующим морем, выбрасывающим на поверхность все то, что раньше таилось на дне. Всюду подонки и революционная чернь захватили власть и стали у ее кормила. Всюду резко выступали стихийные, разнузданные, с методами насильственного разрушения силы и по всей России от берегов Северного моря до берегов Черного и от Балтийского до Тихого Океана шел небывалый в истории погром всего государственного. Все было терроризовано, воцарилось насилие, произвол и деспотизм. Соблазнительные ходячие лозунги «грабь награбленное», «мир хижинам — война дворцам», «вся власть рабочим и крестьянам», «смерть буржуям и контрреволюционерам», «никакого прав и закона, никакой морали» и т. д., брошенные в массы, имели роковое последствие и русский народ, потеряв голову, стал словно буйно помешанным. Все моральное разлагалось лестью грубым инстинктам и политическому невежеству масс и предательством. Это была трагедия Великой России и безумие русского народа. Россия неудержимо катилась в бездну большевистской анархии. Росли потоки человеческой крови, все некогда честное и святое захлестывалось волной подлости и измены. Было ясно, что большевизм заливает Россию, не встречая нигде сопротивления. Интеллигенция в страхе трусливо притаилась, и обывательская растерянность ширилась, как эпидемия. Уже появилась «лойяльность» к новой власти, модным становился принцип «невмешательства» или «постольку-поскольку» отрекались от идеологии и традиций прошлого, от долга, воспевая дифирамбы большевизму, угодничая перед товарищами и делая красную карьеру.

Происходила страшная драма жизни. Повсюду торжествовала и улюлюкала чернь. Героем и полноправным гражданином был только — русский хам, упивавшийся безнаказанностью наступившего разгу-

ла и давший полную волю своим низменным, кровожадным инстинктам.

Дон еще судорожно бился, но и это казалось мне предсмертной его агонией. Против стихии, охватившей Россию, казачеству не устоять, думал я. Можно ли утешать себы несбыточными надеждами, закрывая глаза на реальную действительность и сознавать что Новочеркасск, куда мы так стремимся, доживает последние дни. Не далеко, быть может, то время, когда и на берегах Тихого Дона и в бесконечно широких казачьих степях воцарится красный хам. Это неизбежное зло, по моему, было необходимо казачеству.

Большевизм в моих глазах, был заразой, которая мало кого щадила. Необходимо было переболеть каждому.

Или нужны были героические меры, нужны были сверхчеловеческие усилия и страшное напряжение воли, чтобы этому злу противопоставить иное, здоровое начало и решительно и беспощадно проводить его в жизнь. Надо было здоровых как-то изолировать, а больных немедленно лечить и лечить энергично.

Но проехав уже значительную часть Донской области, я нигде не чувствовал влияния Донского Правительства и нигде не заметил, чтобы в этом отношении им принимались бы какие-либо видимые меры. С несомненностью я установил, что яд большевистской пропаганды на Дон несли фронтовики. Я видел, как прибывая на станцию назначения и никем не встреченные, казаки расползались по домам, неся заразу в хутора и станицы и заражая, конечно, здоровых. Неодократно был свидетелем того, как большевистские агитаторы свободно разъезжали по Донской земле, особенно по станциям, разжигая ненависть и страсти и увлекая за собою в первую очередь голытьбу и чернь, а затем малодушных. Наряду с этим, видел редкие, жалкие и робкие попытки противоположного течения дать массе противоядие, основанное лишь на чувстве долга и совести, на понятиях весьма отвлеченных и большинству мало понятных.

Вмесет с тем, казалось, что пока большевизм частично захватил казачество, но в то же время не было никакой уверенности, что он быстро не распространится и не станет явлением общим. Поэтому, возможно было, что и дурман большевизма, окутавший нашу Родину, начнет рассеиваться ранее в Центральной России, чем на юго-востоке, а последний может стать ареной кровавых столкновений. Мысленно переживая все это, я чувствовал, как помимо воли скептицизм закрадывался в мою душу, сменяя прежние преувеличенные надежды на Дон и казачество и как росло убеждение, что попав в Новочеркасск мы, тем самым, обрекаем себя на верную гибель.

Будущее рисовалось мне в весьма мрачных красках. Но что было делать? Как поступить? Как лучше разрешить этот мучительный вопрос? Поддаться нахлынувшему чувству пессимизма и выказав малодушие повернуть обратно, — мне казалось, — недопустимым и постыдным. Можно было еще: скитаться, но под вечным страхом быть узнанным и зверски замученным — значит бесцельная и глупая смерть Идти к большевикам, — прельстившись животными благами жизни, — не позволяли совесть, долг и любовь к Родине. Оставалось одно: идти в Новочеркасск и там, если суждено, погибнуть сознательно, за Ро-

дину, честь, за свои идеалы. И невольно я вспомнил моих «мудрых» сослуживцев, оставшихся в Румынии. Они ожидали «просветления» обстановки, дабы после того, в зависимости от обстоятельств, принять то или иное решение.

Уже начинало светать. Где-то далеко раздался одинокий выстрел, внезапно нарушивший немое безмолвие степи. Я насторожился, но кругом опять стало тихо. Усилием воли я разогнал свои грустные мысли, нарушавшие душевное равновесие и разбудил сладко спавших Сережу и капитана.

Перед нами расстилалась ровная, серая, окутанная предрассветным туманом степь, тянувшаяся во все стороны. Мы пошли на северо-запад. Примерно через час вдали стал обрисовываться одиночный крест, каковой, по мере нашего приближения, увеличивался, пока не обратился в церковную колоколенку, какого-то селения, расположенного в долине.

Встретившийся на дороге мальчик-пастух, лет 8—9, объяснил нам, что перед нами Хомутовская станица.

Мы направились к станице, намереваясь за нужными информациями зайти в домик, стоящий на краю станицы, немного в стороне, где, как мы еще издали заметили, во дворе возилась женщина. Подошли, поздоровались и я спросил ее, не сможет ли она нас напоить чаем обещая за это заплатить.

Ничего нам не ответив, она вплотную приблизилась к забору внимательно и подозрительно оглядела нас и вдруг соврешенно неожиданно разразилась градом ругательств по нашему адресу. Я редко слышал, чтобы женщины ругались так мастерски, как она. Лексикон ее ругательств, видимо, был неисчерпаем и на нашу голову, как из рога изобилия, сыпались отборные и, не лишенные остроумия эпитеты. «Ча-айку напиться» — передразнивала она нас, «дубиной вас гнать анафем проклятых, носит вас нелегкая, перевода на вас нет, кажинный день ходят бездельники, да только честной народ мутят, а ежели чего не досмотришь — сейчас же стащат, дьволы полосатые. Чиво ты зеньки выпучил, — взвизгнула она, — обращаясь к Сереже, ишь рожа-то разбойничья, кирпича просит, проваливай по добру, по здорову, а то хужее будет, ей Богу запущу кизяк (особый вид топлива в виде четырехугольных плиток, приготовляемых из коровьего помета с примесью соломы) в харю, тогда увидишь», видимо уже не владея собою, — кончила она.

Не столько опасаясь, что она приведет в исполнение свое намерение, сколько избегая привлечь внимание соседей, мы, проклиная в душе сварливую бабу, уже повернулись, чтобы удалиться.

В этот момент, на пороге дома показался довольно пожилой казак. «Что вам угодно?» сухо и столь же нелюбезно спросил он, подойдя к нам.

Кратко объяснили ему, что мы с фронта возвращаемся домой. Пришли в станицу, хотели часок отдохнуть и напиться чаю, обещая за это заплатить или взамен дать сахару и чаю. А хозяйка, приняв нас за разбойников, рассердилась, начала кричать и ругать.

Казачка в разговор не вмешивалась и лишь воинственно подбоченившись, с большим вниманием слушала наши объяснения.

Осмотрев нас пытливо и, подумав немного, казак промолвил «коли чай, сахар имеете, а за хлеб заплатите, то вода найдется, а баба, как баба, пес лает, ветер носит» и он кивнул в ее сторону. «А ты, хозяйка, обратился он к ней — пойди-ка да напеки нам пышек».

Не прошло и получаса, как мы, сидя в теплой комнате, распивали чай и с жадностью уничтожали огромное количество душистых, горячих пышек, которые казачка едва успевала жарить и подавать на стол. С хозяином казаком разговор никак не вязался. В нем проглядывало затаенное недружелюбие или недоверие к нам и на наши вопросы, он отвечал с большой неохотой. Иначе держалась казачка. У нее озлобление против нас, как будто бы прошло и своими ответами она часто опережала мужа. Несомненно, значительную роль в ее успокоении, надо думать, сыграл подарок, сделанный нами в виде чая и сахара.

В скором времени, несмотря на несловоохотливость нашего хозяина, нам все же удалось выведать, что казаки Хомутовской станицы никакого участия в происходящих событиях не принимают и сохраняют нейтралитет. Причем, казак пытался доказать нам, что такое решение — самое лучшее, ибо большевики — друзья «трудового казачества» и воюют они не с ним, а с буржуями, которые забрав казну бежали из России и укрылись в Новочеркасске и что станиц и хуторов большевики не тронут.

Судя по тому, как казак говорил, можно было полагать, что, прежде всего, он сам мало верит в свои слова, а передает, как попугай, чужое, где-то им слышанное. Когда же я указал ему, что их нейтралитет кончится тем, что большевики, завладев Новочеркасском и Ростовом, примутся делить землю между казаками и иногородними, он совсем сбитый с толку, долго не знал что ответить.

«Да мы не дадим, пусть только попробуют, свое-то отстоим, поднимемся все как один», неуверенно возразил он.

«Нет — сказал я, — тогда уже будет поздно. Атамана не будет, не будет никакой власти, которая бы вас объединяла, пушек и пулеметов у вас нет, винтовок мало, — ну и большевикам, вооруженным до зубов, расправиться с вами будет не трудно. Сейчас вы не поддерживаете Атамана, верите больше фронтовикам да большевикам, обещающим вас не трогать, а они, покончив с Атаманом, примутся за станицы и хутора и начнут заводить у вас свои новые, хохлацкие порядки».

Здесь в разговор вмешалась хозяйка, уже дано проявлявшая признаки нетерпения.

«Вот, как послушаю вас» — сказала она — «и так все правильно и хорошо выходит по-вашему, а наши-то фронтовики, дуралеи целый день горланят, да только путного от них ничего не услышишь, а беспутства наберешься. По ихнему Бога выдумали попы, старших и начальства не признают, Атамана кричат тоже не надо. И кто бы еще говорил — пусть бы степенные казаки, — а то все непутевые, — не иначе как бездомные и голодранцы. А по ночам, как свиньи напиваются, кур крадут, девок затрагивают и орут во всю глотку «теперича слобода». Как погляжу я на вас, так вижу, что вы люди душевные, мирные, нет у вас злобы на уме, а когда увидела вас у калитки, ну, думаю, опять бродяги, ходят бездельники, да народ мутят и сами не ра-

ботают и другим мешают. Ну, конечно, осерчала», закончила она, как бы извиняясь за свой суровый прием.

Казак насупившись угрюмо молчал. От нас не ускользнуло то обстоятельство, что на почве разного понимания и толкования большевизма, здесь в семье происходят очевидные разногласия. Жена всецело разделяла нашу точку зрения и не скрывая радовалась, что в лице нас, нашла себе неожиданно единомышленников, а муж, будучи иного мнения, сердился, хмурился, говорил мало, больше отнекивался. Наша беседа уже тянулась часа два. Мы вполне отдохнули, были сыты и стали подумывать об отъезде. Хозяин вызвался нанять для нас подводу до станции Ольгинской. В этом ему помогла жена, дав несколько весьма ценных указаний. Казак ушел и вскоре вернувшись с досадой заявил, что только один станичник соглашается ехать, но требует за это 25 целковых. Хотя по тому времени, названная сумма была очень велика, но нам не оставалось другого, как согласиться. Пока запрягали лошадей, мы успели собраться, поблагодарить хозяев за их гостеприимство и приступили к расплате. Однако, хозяйка наотрез отказалась принять от нас плату. Нам стоило много труда убедить, наконец, ее мужа взять деньги. Увидев это, она принесла кусок сала, схватила несколько пышек и сделав сверток сунула Сереже со словами: «возьмите, в дороге-то пригодится».

Пара сытых, крепких лошадей, быстро несла нас к ст. Ольгинской. Мы не успели еще выехать из низкой лощины, как вдали на горизонте, показался, гордо сиявший в лучах солнца, золотой купол Новочеркасского собора. Нас охватило необъяснимое радостное чувство. Близился конец томительного путешествия. То, что еще недавно, было только далекой мечтой, скоро могло осуществиться.

Словно очарованные дивным видением красавца собора, приковавшего наше внимание, мы, не сводили с него глаз и по мере приближения стали различать спускавшиеся и расползавшиеся вокруг него группы строений, составлявшие город Новочеркасск.

Это был мой родной город. В нем я родился, учился, в нем прошло мое детство и дни юности.

Воспоминания давно прошедшего, бесконечно дорогого, светлого и несравнимо лучшего, чем была неприглядная действительность, волной нахлынули на меня и наполнили душу. Как в калейдоскопе мелькали картины милого прошлого, быстро сменяя одна другую.

Закрывая глаза, я отчетливо представлял себе город, каждую его улицу, поворот, спуск или подъем, и даже малые здания.

В последний раз я был в Новочеркасске лет 6 тому назад и, в сущности не нашел в нем каких-либо заметных перемен. И тогда он продолжал быть все тем же старо-дворянским гнездом, тихим и уютным для отдыха уголком, без шумной и трескучей жизни, всегда присущей крупным торговым центрам. Покоем и деревенской тишиной веяло в его улицах. Тихий церковный звон его многочисленных церквей, не заглушался стуком колес, шумом автомобилей, гулом фабричных сирен и в вечерний час своим мелодичным звуком создавал в душе тихое молитвенное настроение.

С каждой минутой нас сильнее и сильнее охватывало жгучее нетерпение скорее достичь цели и мы начали нервничать. Нам казалось, что

едем мы очень медленно, хотя, на самом деле, лошади, от которых высоко валил пар, безостановочно бежали крупной рысью. По дороге встречали казаков. Проехало несколько вооруженных верховых, которые при встрече, приветствовали нашего возницу, не интересуясь нами.

Наконец, достигли ст. Ольгинской, торопливо расплатились за подводу и, не желая терять времени на поиски новых лошадей, двинулись дальше пешком, вдоль окраины станицы. Местность была мне знакома, ибо в детстве, я часто бывал здесь. Шагали бодро, иногда чуть не бегом, с одной лишь мыслью, скорее добраться до цели.

Нам предстояло пройти верст двадцать. Уже в первый час, думаю мы отмахали не менее 6—7 верст, так как стали ясно различать станицу Аксайскую, отделенную от нас рекой Доном.

Замедлили шаг и пошли осторожнее, двигаясь параллельно дамбе. Незаметно подобрались почти вплотную к р. Дону.

На той стороне, поотдаль, виднелась железнодорожная ст. Аксайская, мелькали люди. Наш берег был пустынен. Дон стоял покрытый льдом. В одном месте был устроен досчатый настил. Будучи уверены, что ст. Аксайская в руках Донского Правительства, мы перекрестились и оглянувшись кругом, бегом пустились по льду через Дон.

Вот и другой берег. Нас никто не останавливает, никто не обращает внимания.

Остановились, осмотрелись и полезли на железнодорожную насыпь, откуда медленно, крадучись, направились к вокзалу.

И только не доходя несколько шагов до станции, мы ясно увидели офицеров и казаков в форме и погонах, что послужило наглядным доказательством того, что мы в стане белых.

Итак, наконец-то, сбылось наше заветное желание. Кончилось тяжелое скитание с вечным страхом и опасением. Со слезами на глазах, не говоря ни слова, мы бросились обнимать и целовать друг друга. Слова были излишни. Каждый переживал счастливые минуты нравственного удовлетворения и по-своему оценивал прелесть наступившего момента. Из положения преступников, всюду травимых и преследуемых, вынужденные всегда быть на чеку, всегда следить за каждым словом, каждым жестом, дабы мелочью не выдать себя — мы становились снова людьми с правами и обязанностями.

Первое время никак не могли отделаться от странного чувства, не чуждаться людей и не видеть в каждом встречном своего противника, готовящего нам какую-либо каверзу. Вероятно необходимость постоянно быть на чеку, обратилась уже в привычку и нам трудно было сразу привыкнуть к новому положению и не реагировать чутко на всякие внешние проявления.

Держались пока в стороне от публики.

Зато быстро и основательно забыли и выбросили из нашего обихода опошленное слово «товарищ», которым мы широко пользовались в пути, заменив его обращением по имени и отчеству

Но Сереже, видимо, нравилось больше именование по чину и он с оттенком некоторой щеголеватости и напускной дисциплинированности, ежеминутно обращался ко мне, вытягиваясь и отчеканивая: «г-н полковник, позвольте закурить, г-н полковник, прикажите купить билеты» и т. д.

Я не мог удержаться от смеха, при виде вытягивавшейся его фигуры, чересчур это выходило комично и никак не гармонировало с его видом. Кстати сказать — моим первым движением было наскоро привести себя в порядок и освободиться от ужасного моего плаща, что я и сделал, сняв его и оставив на вокзале.

Публики на станции толпилось много, однако бестолковой суеты, как у большевиков не было, поддерживался все-таки видимый порядок. Но в одном было несомненное сходство: как у большевиков, так и здесь, все стены вокзала пестрели распоряжениями Донского Правительства, возваниями Добровольческой организации и многочисленными призывами о записи в партизанские отряды. Не могу не сказать, что часть из последних, писанная, вероятно, наспех, отдавала несколько вычурностью слога, а иногда, кроме того, были проникнуты некоторой долей самовосхваления. По стилю и изложению это напоминало скорее конкуренцию комерческих предприятий, расхваливающих свой товар, чем серьезное обращение к чувству долга. Весьма характерны были и названия отрядов, в роде: «Белый дьявол», «Сотня бессмертных», «Волк» и другие. Я тщетно искал делового, сухого, строгого приказа офицерам, а не возвания и, к сожалению, его не нашел. Мои спутники, обойдя стены и с интересом прочитав все плакаты, сейчас же завели разговор на тему — куда лучше поступить.

Один стоял за Добровольческую организацию, восхваляя ее доблесть и героизм и проникнутый большим уважением к ее вождям — генералам Алексееву и Корнилову, другой же за Донскую армию, глубоко уверенный, что только казаки, сохранившие местами и до сих пор дисциплину, а на фронте на деле доказавшие свою преданность Родине и верность присяге, наведением порядка среди «товарищей» смогут дать отпор большевизму, сплотившись вокруг своего популярного и всем известного героя — Генерала Каледина. После долгого и горячего спора, грозившего подчас перейти в ссору, капитан выбрал Донскую армию, а Сережа — Добровольческую.

Гораздо сложнее оказалось решить второе, а именно, в какой отряд или часть. Здесь выбор был еще труднее.

Я умышленно не вмешивался в их спор и только внимательно слушал их рассуждения. Не прийдя ни к какому определенному решению, они, в конечном результате, согласились на том, что надо еще «осмотрется», «ориентироваться» разобраться в обстановке» и только после этого сделать окончательный выбор.

Спор между моими коллегами и конечное их решение навели меня на некоторые размышления. Если, думал я, у капитана и Сережи, «подумать» и «разобраться в обстановке» займет не более одного—двух дней, то поступят ли так другие? Не явится ли для малодушных такая свобода выбора без ограничения времени, законным предлогом оттягивать свое зачисление в ряды армии и, в случае нужды, свое бездействие оправдывать заявлением, что вопрос куда поступить еще не решен окончательно. Или еще хуже: в одном месте утверждать, что поступает туда-то, а в последнем называть первое. Позднее я убедился, что временами так и было. Кроме того, мне неоднократно пришлось слышать, как честные и высокопорядочные офицеры сетовали, говоря,

что такой способ вербовки только развращает нерешительных, укрывает шкурников и способствует всяким авантюрам.

По их мнению, прежде всего, следовало иметь одну организацию, или армию и вместо принципа «добровольчество» надо было выставить принцип «обязательство», столь понятный и близкий не только военнослужащим, но и каждому гражданину, любящему свою Родину. При этих условиях в каждом пункте существовало бы одно бюро явки или записи, каковое не занималось бы зазыванием военнообязанных, а каждый сам лично, под страхом действительной ответственности, в известный срок, должен был туда явиться для получения назначения в зависимости от чина, специальности и годности к службе.

Надо было силой заставить край дать людей для борьбы с большевиками и считать, что защищать родину обязан всякий, а если кто и уклоняется, того должно принуждать к этому, не стесняясь средствами.

Отсутствие приказа о принудительной мобилизации имело следствием уклонение от службы огромного количества офицеров, а особенно неказачьих, проживавших в Новочеркасске и Ростове и опасавшихся добровольно поступить в отряды по тем только мотивам, что при наличии приказа об их мобилизации, они в случае, если победа останется за большевиками, легко смогли бы оправдать свое участие в противобольшевистском движении, сославшись на это распоряжение. Были случаи и с казаками, когда станицы готовы были мобилизоваться и только ждали приказа из Новочеркасска, но такового не было и мобилизация не осуществлялась.

У ген. Каледина одно время была подобная мысль и он намеревался даже посылать карательные экспедиции для вразумления станиц, воспринявших большевизм и для проведения принудительной мобилизации, но, к сожалению, своего замысла он не осуществил, не поддержанный своим правительством.

Около 2 часов дня из Ростова пришел поезд, шедший на Новочеркасск. Мы взяли билеты III класса, но сели во второй, используя старые офицерские привилегии. На всякий случай, я приготовил свое офицерское свидетельство, бывшее при мне и предусмотрительно зашитое в рукав бекеши. Эта предосторожность оказалась кстати. Подошедший контролер-офицер в сопровождении конвоя, в вежливой форме потребовал от нас удостоверений, что мы офицеры. Показав свое, я попросил его на слово поверить мне, что мои спутники тоже офицеры, и если они так одеты, то лишь потому, что мы только что вырвались от большевиков. Офицер отнесся к нам с большим участием и вполне удовлетворился моим заявлением.

Не могу не вспомнить здесь одну смешную деталь: тулуп Сережи издавал такое страшное зловоние, что вся публика, особенно дамы, видимо негодовали, не зная как избавиться от его присутствия. Мы же вначале, не понимали, почему публика нас сторонится и избегает, как прокаженных. Один за другим, наши соседи вставали и удалялись в конец вагона, где оставались стоять, временами бросая в нашу сторону недружелюбные взгляды и возмущенно обмениваясь словами между собою по нашему адресу. Наконец, мы догадались в чем дело и Сережа

вышел на площадку, где и оставался все время до прихода поезда в Новочеркасск.

Было 3 часа дня 23 января, когда мы достигли Новочеркасска.

Сгорая от нетерпения скорее войти в курс событий, а также помыться, переодеться и принять мало-мальски приличный вид, мы, протиснувшись через пеструю толпу, заполнявшую столь хорошо мне знакомый Новочеркасский вокзал, наняли извозчика и поехали на Барочную улицу в партизанское общежитие.

Еще в поезде нас предупредили, что в городе острый жилищный кризис, все переполнено, в гостиницах мест нет и единственно, где мы можем найти кровать — общежитие.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ Г. НОВОЧЕРКАССКА

В партизанском общежитии. Настроение молодежи. Офицерский пессимизм. Штаб Походного Атамана. Работа штаба. Мое назначение в штаб. Партизанские отряды. Новочеркасский обыватель. Объединенное Донское Правительство (Паритет). Одиночество Атамана Каледина. Взаимоотношения Донского Командования с Добровольческой армией (Триумвират). Совещание 26 января 1918 года. Самоубийство ген. Каледина. Отзывы о нем современников. Донской Атаман ген. Назаров. Походный Атаман ген. П. Х. Попов. Нервная и малопродуктивная работа штаба Походного Атамана. Войсковой Круг 4-го созыва. Временный перелом в настроении казачества станиц ближайших к г. Новочеркасску. Прибытие в Новочеркасск 6-го Донского казачьего полка. Уход Добровольческой армии из Ростова. Решение сдать г. Новочеркасск большевикам. День 12 февраля 1918 года в Новочеркасске. Растерянность штаба Походного Атамана. Бегство из города. Мои попытки выбраться из города в станицу Старочеркасскую. Маскарад. Въезд в Новочеркасск революционных казачьих частей Голубова. Арест Голубовым Донского Атамана и председателя Войскового Круга Е. Волошинова. Разгон Круга. Подарок большевикам Донским командованием золотого запаса.

Начинало смеркаться, когда мы[10]) приехали в партизанское общежитие и через коменданта Войск. старшину К. получили разрешение остаться в нем. Нам отвели кровати и зачислили на довольствие.

Надо заметить, что при вступлении сюда, нам не было поставлено условия необходимости зачисления в какой-либо отряд, а поздне мы узнали, что часть из находившихся, уже давно живут здесь никем не тревожимые и не помышляя о поступлении в партизанские части.

Подавляющее большинство наполнявших общежитие составляла безусая молодежь: кадеты, гимназисты, юнкера и студенты. Некоторые были уроженцы Донской области, другие бежали сюда со всех концов России, после долгих скитаний по лесам и глухим проселкам, воодушевляемые одним чувством — горячей любовью к Родине.

Совместная жизнь, примерно одинаковый возраст, одинаковый и юношеский порыв и в равной степени воинственный задор, сроднили их всех, составив одну крепкую и дружную семью.

---

[10]) Автор «Воспоминаний» и его спутники кап. М. и поручик С. Щеглов, пробравшиеся из Киева на Дон в Новочеркасск. См. часть I.

Интересно то, что молодежь в обстановке разбиралась слабо, события расценивала наивно, чисто по-детски, но наряду с этим, готова была каждую минуту отдать за Родину самое главное — жизнь и с таким неподдельным увлечением и удалью, чему мог только позавидовать всякий и в более зрелом возрасте. Комната-спальня, похожая скорей на корридор с довольно неопрятными стенами, была сплошь заставлена бесконечно длинными рядами коек. Здесь в хаотическом беспорядке валялись подушки, шинели, одеяла, сапоги, подсумки, ящики с патронами, винтовки, книги и бутылки. Среди партизан царило оживление. Разбившись на малые группы, каждый из них чем-то занимался. Одни разбирали и чистили винтовки, другие возились около стоящего пулемета с любопытством рассматривая его и, вероятно, видя впервые, третьи — прилаживали подсумки и наполняли их патронами, или примеряли длинные и неуклюже сидевшие на них шинели, четвертым — офицер объяснял употребление прицела, некоторые, сбившись в кучу, затаив дыхание с горящими глазами, с завистью слушали, не пропуская ни одного слова, рассказы о боях уже «бывалого» партизана, наибольшая часть ремонтировала, как могла, свое обмундирование, пришивая пуговицы или неумело стараясь сделать заплаты, на довольно уже поношенном одеянии и, наконец, только немногие, лежа на кроватях, углубились в чтение, ничем не интересуясь и не обращая внимания на окружающую обстановку.

Ежеминутно раздавались меткие замечания, вызывавшие взрыв смеха, слышались шутки, перебивая друг друга весело звучали молодые голоса, своей беззаботностью невольно заражая и все окружающее.

Заняв наши кровати и получив по смене белья, мы направились в городскую баню, дабы радикально отделаться от наших неприятных спутников, в огромном количестве приставших к нам в дороге. По пути зашли в парикмахерскую, где оставив наши бороды, приняли свой обычный вид.

Вернулись в общежитие поздно, когда уже многие спали и едва успели захватить остатки ужина.

Предвкушая удовольствие впервые за месяц спокойно растянуться на кровати, мы наскоро поели и, забыв недавние тревоги, и огорчения, через несколько минут уже спали крепким и безмятежным сном. К моему стыду, проснулся я очень поздно. Кругом опять стоял галдеж, словно все спешили наверстать время, потерянное за время сна.

Я торопился в штаб, намереваясь в тот же день представиться Атаману и вкратце доложить ему свои путевые впечатления. Вместе с тем, хотелось, как можно скорее узнать новости, расспросить обо всем, и безотлагательно приступить к работе, по которой я уже изрядно стосковался.

Улицы города, паче ожидания, были весьма оживлены. На Платовском проспекте, среди прохожих, я встретил много знакомых, своих сослуживцев и однокашников по Донскому корпусу. Некоторых я не видел долгие годы. С одними из них меня связывали узы еще детской многолетней дружбы, с другими годы училища, были и просто знакомые по Петрограду или по войне. Как обычно, в таких случаях, взаимно сыпались общепринятые вопросы: Давно ли здесь? Откуда? Когда?

Как живешь? Что делаете? Где служите? Куда записался? Где и как устроился? Какие планы? Видел ли того-то? Был ли там-то? и т. д.

Мое заявление, что я только что приехал в Новочеркасск, вырвавшись из Советской России, вызывало у них удивление и понятное любопытство. Многие из них, наспех характеризовали мне положение, ориентировали в обстановке, давали советы и указания и делали свои предсказания на будущее. Вскоре, благодаря этим информациям, я мог считать себя достаточно посвященным в курс событий и Новочеркасской жизни. Но меня поразило одно характерное общее, проходившее у всех красной нитью: не было веры в успех дела, чувствовалась чрезмерная моральная подавленность, проскальзывала разочарованность в том, что все средства уже использованы, все испробовано и, словно сговорившись, многие из них бросали фразы граничавшие с отчаянием: «Ну попал ты в пекло», «Мы только мечтаем отсюда улизнуть, а ты сюда приехал», «не вовремя прибыли», «не поздравляю вас с приездом», «посоветуйте, как легче пробраться в Москву и как надо нарядиться, чтобы не быть узнанным», «здесь всему скоро конец», «один в поле не воин, а казаки воевать не хотят», «ни Донской ,ни Добровольческой армии нет, все это лишь громкие названия». «Надрываясь из последних сил, кое-как, молодежь удерживает большевиков, но никакой уверенности, что эти господа завтра не будут здесь хозяйничать, конечно, у нас нет», «казаки заразились нейтралитетом, а часть сделалась красными и вместе с большевиками наступает на Новочеркасск», «лучше не дожидаться конца и заранее выскользнуть из этого гнезда, иначе попадешь на большевистскую жаровню» и т. п. все в том же духе.

Вот какими мрачными штрихами рисовали мне обстановку, сваливая главную вину за все на штаб, Атамана и Правительство, обвиняя их в бездействии, нерешительности и неумелом использовании всех средств для действительного отпора противнику.

Не скрою, что на меня, как нового человека, эти разговоры, дышавшие безнадежностью, подействовали угнетающе и было трудно, после всего слышанного, не поддаться грустным размышлениям. Значит, думал я, миновав благополучно большевиков, я попал здесь еще в более сложные и запутанные обстоятельства.

Но особенно сильно меня поразил тот резкий контраст настроений здесь и в общежитии: там — молодежь, глубокая вера, ни тени робости или сомнения, радужные надежды на будущее и полная уверенность в конечный успех; здесь же — старшее поколение с парализованной уже волей, охваченное черным пессимизмом отчаяния и крепким убеждением, что борьба с большевиками обречена на неудачу.

Наблюдая настроения в общежитии, я убеждался, что идеологические порывы вели молодежь к самопожертвованию и что боевая тактика большевизма, сопровождаемая всюду небывалыми жестокостями вызвали горячий протест, прежде всего, со стороны молодежи, поколение же более зрелое, остановилось, как бы на распутьи. . .

Под впечатлением этих мыслей я достиг штаба.

Грязные и темные коридоры, некогда бывшей семинарии, а теперь штаба Походного атамана ген. Назарова и войскового штаба, были полны довольно пестрой публикой. Преобладало офицерство разных родов

войск, чинов и возрастов. Судя по их озабоченным лицам, каждого привело в штаб какое-либо дело. Все суетливо толпились, любопытно озираясь кругом, читали развешенные здесь многочисленные распоряжения штаба, ловили дежурного офицера, обращались один к другому со всевозможными вопросами, стараясь получить информацию или нужную справку. Одни, видимо, явились по вызову, другие ожидали назначения, третьи наводили справки, четвертые «разнюхивали» положение на фронте и, думается, последняя категория была самая многочисленная. В коридорах и на лестницах, представлявших сплошной муравейник, ежеминутно спускавшихся и поднимавшихся людей, стоял сплошной гул от приветствий, восклицаний и громких разговоров. Непрестанно хлопали двери и из них, с деловым видом и папками бумаг выбегали молодые, элегантно одетые, офицеры, бряцали шпорами, торопливо проталкивались сквозь толпу посетителей, старательно избегая назойливых расспросов, исчезали в соседних дверях и через короткий срок, появлялись снова.

Первое впечатление создавалось, как будто благоприятное и можно было думать, что передо мной большой и хорошо налаженный механизм делового штаба. Но эта деловитость была лишь кажущаяся. Добиться нужных информаций или решить требуемый вопрос, при царившей внутри сутолоке, оказалось делом довольно сложным. Я начинал уже терять терпение, пока случайно не натолкнулся в корридоре на своих знакомых, обещавших оказать мне всяческое содействие. Однако и их интервенция помогла мало. Представиться начальнику штаба полковнику Сидорину мне не удалось. По словам адъютанта, у него непрерывно шли важные заседания и он никого не принимал. Потолкавшись здесь добрых два часа и достаточно ознакомившись с положением на фронте и порядком в штабе, я побрел в атаманский дворец. Но и здесь меня ждала неудача: у Атамана ген. Каледина приема не было.

Чтобы как-нибудь использовать свободное время, я решил заняться квартирным вопросом. После настойчивых поисков, в конце концов, мне удалось найти в Московской гостинице номер, случайно оказавшийся свободным. В это же день, я переехал в гостиницу, оставив Сережу и капитана в общежитии.

Следующий день я почти целиком провел в штабе, но также безуспешно и только 26-го января мне удалось представиться полк. Сидорину. Аудиенция была непродолжительна. Мне было сказано: «хорошо, подождите, если куда-нибудь будет нужно, то зачислим, а пока будете на учете I генерал-квартирмейстера».

Эта была моя первая встреча с полк. Сидориным и, признаюсь, она не произвела на меня благоприятного впечатления. Быть может, имела значение и та отрицательная характеристика, которую я слышал о нем еще раньше, как о человеке не особенно талантливом, без достаточного опыта и авторитета, чрезвычайно склонного к спиртному и наряду с этим, с большой долей самомнения и особого умения использовать обстоятельства в личных целях и выгодах. Была подозрительна и его темная деятельность в дни Корниловского выступления, о чем упорно ходили нелестные для него слухи. «Один из некудышних говорливого и неудачного окружения Донского Атамана» — так характеризовал

полк. Сидорина один мой друг, давно его знавший. Вскоре я имел возможность лично в этом убедиться, а примерно через два года, названный полковник, в то время уже генерал, кончил свою военную корьеру, будучи в Крыму предан суду Главнокомандующим Русской Армией.[11])

Согласно указаниям начальника штаба, я представился I-му генерал-квартирмейстеру полк. Кирьянову и II-му подп. П. И тот и другой, узнав о моем разговоре с полк. Сидориным, очень удивились его ответу. Они не скрыли, что у них огромная нужда в офицерах генерального штаба и потому обещали мое назначение сдвинуть с мертвой точки, рекомендуя мне зайти в штаб еще и сегодня вечером. Свое обещание они сдержали и 27-го января я был назначен начальником службы связи и одновременно начальником общего отделения штаба Походного атамана. Приступив к работе, я начал знакомиться с тем, что было уже сделано и что можно было еще сделать.

Оказалось, что чрезвычайно важный отдел связи в сущности не существовал. Городской телеграф и телефон, номинально подчиненные штабу, фактически работали самостоятельно. Сотрудничество штаба с телеграфом выражалось в том что на городской станции телеграфа сидело поочередно по одному офицеру для связи. В здание же Штаба находилось несколько аппаратов Морзе, да один Юза, редко когда работавший, и вечно регулируемый, ибо временное его, по мере надобности, включение в линию, происходило не непосредственно, а через городскую станцию. С боевыми участками признавалось достаточным иметь лишь старые аппараты Морзе, пригодные скорее для музея, чем для ответственной работы. А в это время, городская станция, была полна разнообразными, более усовершенствованными, телеграфными аппаратами.

Еще хуже обстояло дело с телефонами. Пользовались исключительно городской телефонной станцией, благодаря чему все служебные разговоры, становились достоянием общества, а одновременно и большевиков, наводнявших город.

В самом штабе, работа точно распределена не была. Отделы были необычайно многолюдны, в полном несоответствии с наличным количеством бойцов и как всегда при этом бывает, давали минимум полезной работы: каждый рассчитывал на соседа. Определенно никто не знал круга своей деятельности. Во многом сказывалась полная импровизация. Малоопытный в административных вопросах начальник штаба, видимо, не представлял себе ясно функции своего штаба, не умел правильно наладить и целесообразно использовать штабной механизм, вследствие чего не будет преувеличением сказать, что во всем царил изрядный хаос и постепенно накоплялась масса нерешенных дел.

Фактически на равных основаниях существовало два штаба: один Походного атамана, так сказать, боевой и другой — во главе с полк. генерального штаба А. Бабкиным,[12]) — войсковой, со старыми своими функциями. Из-за невозможности разграничить точно круг ведения

---

[11]) Полк. Сидорин был ставленником В. Круга во главе с Харламовым и Донского Атамана Ген. А Богаевского.

[12]) Довольно бездарный офицер.

одного от другого, постоянно происходили шероховатости и трения. В результате — значительная часть дорогого времени терялась на то, чтобы разобраться — какого штаба касается затронутый вопрос. К этому, конечно, прибавлялось, обычное в таких случаях, явление — антагонизм между этими учреждениями и желание каждого, придравшись к чему-либо, спихнуть с себя работу, передав ее в другой штаб. Такую бумагу, как телеграмму или донесение, касающееся боевых столкновений, легко было определить, что она должна идти в штаб Походного атамана, в частности, оперативное отделение. Но гораздо больше было вопросов, каковые, по существу, могли быть отнесены и к одному и к другому штабу, иначе говоря, частично затрагивали оба эти учреждения. В таких случаях, начиналось бумажное творчество. Ни один из штабов не желал брать исполнения целиком на себя, предпочитая, вместо этого, отписываться и изощряться в виртуозности канцелярского языка. И вот вопрос, требующий нередко срочного исполнения, попав в штаб Походного атамана, одним из начальников отделений, переправляется в Войсковой штаб, причем, конечно, номеруется, заносится в исходящий журнал, запечатывается и передается для отправки, иногда ошибочно на почту (хотя оба штаба были в одном и том же здании), чтобы через день-два вернуться обратно в то же здание. В Войсковом штабе, какой-нибудь досужий начальник отделения, усмотрев, что это касается штаба Походного атамана, кладет резолюцию: «в штаб Походного Атамана по принадлежности», проделывается опять длинная процедура и через несколько дней бумага снова у нас. Тогда отстаивая престиж своего учреждения, а главное — самолюбие одного из начальников отделений, спешили сделать доклад начальнику штаба, естественно, в такой форме, что де это — не наше дело. Последний, по недостатку времени, или не разобравшись, как нужно, подписывает готовый уже ответ и все опять едет по старому пути, чтобы через некоторый промежуток времени, вернуться назад с новой резолюцией начальника Войскового штаба. Все очень довольны, что дело перешло в «высшие сферы», и каждый уверен, что начальник за него постоит и в обиду не даст. Когда же, наконец, после длительной бесцельной переписки, волнений и ненужных докладов, сопряженных с огромной потерей времени, приходили к какому-либо решению, то оказывалось, что обстановка настолько уже изменилась, что вопрос отпал сам собою.

Для характеристики работы штаба приведу, хотя бы только такой случай: помню, после долгих настояний, мне, в конце концов, удалось убедить мое начальство в необходимости соединить штаб с войсковыми учреждениями, расположенными частью на окраинах, военными телефонными линиями. Телефонного имущества было достаточно, но не хватало шестов, каковые можно было заменить жердями, имевшимися в изобилии у города. В обычных условиях, вопрос, казалось бы, решался быстро и просто: необходимое для нужд обороны, было бы реквизировано. Однако, практика того времени установила нечто иное и довольно уродливое. Жерди нужны были нам — штабу Походного Атамана, но хлопотать перед городской Управой о разрешении их использовать почему-то обязан был Войсковой штаб, каковому я, в свою очередь, обязан был письменно доказать для какой цели и почему не-

обходимо нам указанное имущество. Применять реквизицию военное командование избегало, дабы окончательно не испортить и без того натянутые отношения между штабом и городским Управлением, расцениваемым штабом достаточно «революционным». Переписка длилась несколько дней, но без всякого результата. Видя, что этим способом толку не добьешся, я, исполняя в это время обязанности 2-го генерал-квартирмейстера, на свой риск, приказал офицеру с несколькими казаками отправиться на грузовике на городской склад и силой забрать жерди. Интересно то, что сторожа склада не только не протестовали, но наоборот, сами помогали казакам при погрузке, а Городская Управа на мои действия никак не реагировала, очевидно признавая это совершенно нормальным явлением, Я привел только этот случай, каковой, к сожалению, далеко не был единичным. Подобные несуразности встречались на каждом шагу и явно обнаруживали непонимание Донским командованием требований обстановки и переживаемого момента. Столь же примитивно велось дело и в оперативном отделении штаба, где ни его начальник подп. Роженко, ни I ген.-квартирмейстер, ни сам начальник штаба полк. Сидорин, не знали ни количества войск, ни их точного расположения, ни их боеспособности, ни их нужд. События на фронте, боевые столкновения, наступление и отход частей — все развивалось и шло само собой, независимо от влияния штаба, а скорее по милости случая и счастья.

Известный легендарный донской партизан полк. Чернецов, стяжавший громкую славу и одним своим именем, вызывавший у большевиков панический ужас, погиб 22 января близ хут. Гусева от руки изменника подхорунжего Подтелкова,[13]) будучи окружен большевистски настроенным сводно-казачьим отрядом под начальством войск. старшины Голубова.[14])

Сведения об этом в штабе первое время были неопределенны и разноречивы. Обояние этого Донского героя было настолько сильно, что долгое время не хотели верить в его гибель, все надеялись, что каким-то чудом он уцелел, и спасся. Но мало-помалу, полученные донесения

---

[13]) Подтелков — подхорунжий Лейб-Гв. 6 Донской батареи. С началом революции быстро усваивает ходячие большевистские лозунги и начинает постепенно подбираться к власти. В феврале месяце 1918 г. становится президентом «Донской Советской республики». Когда весной 1918 года разраслось противобольшевистское казачье восстание, он из Ростова бежал в центр области и у хутора Пономарева был захвачен, вместе с двумя своими помощниками и 73 казаками его конвоя. По получении об этом донесения, было решено не доставлять его в Новочеркасск, а судить на месте. Полевой суд, состоявший исключительно из рядовых казаков, приговорил Подтелкова и его помощников к повешению, а 73 казака к расстрелу. Казнь была приведена в исполнение немедленно в присутствии хуторян. Характерно. что среди судей были казаки чьи сыновья находились в конвое Подтелкова.

[14]) Донской казак по происхождению. Окончил Донской кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Служил в донской артиллерии, а затем ушел в Томский университет, где считался крайних правых убеждений. В дни войны вернулся на службу.

Неглупый, лично храбрый, алкоголик, с большими наклонностями к авантюризму, он с началом революции, видимо, задался целью стать «красным донским атаманом» и с неутомимой настойчивостью начал проводить в жизнь свой замысел. Не стесняясь в средствах, он добивается популярности и влияния среди ча-

и рассказы очевидцев, подтвердили его смерть, внеся большое уныние и поколебав дух, как военного командования, так и всех защитников Дона. Гибель степного богатыря была незаменимой потерей для Дона. С ним терялась последняя опора независимости и свободы Донского края. Достойных Чернецову заместителей не нашлось. Партизанские отряды войск. старш. Семилетова, прапорщика Назарова, есаула Лазарева, сотника Попова и др. оказались гораздо слабее.

Задачей партизанских отрядов было не допускать большевиков в в Новочеркасск, боем отстаивая каждый шаг.

Кучка верных долгу офицеров, кучка учащейся молодежи, несколько казаков не изменивших присяге, — вот все, что защищало Новочеркасск и поддерживало порядок в городе, кишевшем большевиками. Иногда босые, плохо одетые, плохо вооруженные, без патронов, почти без артиллерии, они огрызались от навалившихся на них со всех сторон большевистских банд и таяли не по дням, а по часам.

Большевики, непрестанно усиливаясь, с каждым днем наседали смелее и энергичнее.

Не только все железные дороги из Европейской России в Новочеркасск и Ростов были в их руках, но они уже владели Таганрогом, Батайском, и ст. Каменской, где образовался военно-революционный казачий комитет и где была штаб квартира Подтелкова и Ко. Особенно сильно напирали красные со стороны ст. Каменской, стремясь постепенно изолировать Новочеркасск и превратить его в осажденную крепость.

Без ропота, с небывалым порывом, мужественно несли свою тяжелую службу донские партизаны, напрягая последние силы, чтобы сдержать этот натиск противника.

Ростовское направление прикрывалось Добровольческой армией, ведшей бои с большевиками на Таганрогском и Батайском направлениях. С других сторон Новочеркасск, в сущности, был открыт и легко уязвим.

При создавшихся условиях, всякая мысль о наступательной операции сама собой отпадала. Приходилось, стоя на месте, отбиваться, иногда уступая противнику, отходить понемногу, к Новочеркасску, что грозило кончиться полным окружением. Стальное кольцо вокруг города постепенно суживалось, обстановка становилась серьезнее и безнадежнее. Положение осложнялось тем, что главный источник пополнения боевых частей — приток добровольцев извне совсем прекратился, просачивались редко только отдельные смельчаки.

сти казачества, склонного к усвоению большевизма и в дни Каледина увлекает за собой небольшое количество казаков, составляет из них «революционную ватагу» и с ней ведет борьбу против Донского Правительства. Как известно, борьба кончилась самоубийством атамана Каледина и падением Новочеркасска. Но мечта Голубова не осуществилась. Атаманом он не стал. Звезда Голубова стала закатываться. Большевистские главари потерялли в него веру. Голубов заметался и начал сдавать позиции. Последняя его попытка поднять казаков против пришлого элемента (им же приведенного), захватившего власть в области, окончилась убийством Голубова в станице Заплавской казаком Пухляковым. Так кончилась мятежная жизнь красного донского главковерха.

Применить принудительную мобилизацию, хотя бы в районе, подвластном Донскому Правительству, как я уже указывал, не решались. Оборону основывали на добровольцах, которых и штаб и Правительство настойчиво зазывали в партизанские отряды, выпуская чуть ли не ежедневно воззвания к населению. И грустно, и бесконечно жалобно звучал в воздухе призыв «помогите партизанам». Большинство обывателей уже свыклось с этим и относилось ко всему безучастно. А в Новочеркасске в эти дни, на огонек имени Каледина и Добровольческой армии, собралось значительное число людей разной ценности. Среди них были и люди достойные, убежденные, но были случайные, навязанные обстоятельствами, как ненужный балласт, в лице всякого рода, отживших свой век антикварных авторитетов. В общем, были ценные работники и были люди личной карьеры. Вторые составляли своеобразную шумливую, резко реагирующую на всякие события клику, стремившуюся примкнуть к власти и во что бы то ни стало доказать, что до тех пор спасение России невозможно, пока не будет образовано Российское правительство и портфели поделены, конечно, между ними. Временами встречались фигуры известных политических деятелей (М. Родзянко, П. Струве, Б. Савинков, П. Милюков) прибывших на Дон спасаться от большевиков и неоднократно проявлявших желание вмешаться в дела донского управления.

Нервно бурлила городская жизнь. Сказывалась непосредственная близость фронта. Падение Новочеркасска становилось неизбежным и эта грядущая опаснось мощно овладела сознанием всех и насыщала собой и без того сгущенную, нездоровую, предгрозовую атмосферу. Все яснее и яснее становился грозный призрак неумолимо надвигавшейся катастрофы и все сильнее и сильнее бился темп городской жизни, словно вертясь в диком круговороте. Какое-то отчаяние и страх, озлобление и разочарование и, вместе с тем, преступная беспечность, захватывали массу. Отовсюду ползли зловещие, тревожные слухи, дразнившие больное воображение и еще более усиливавшие нервность настроения. На улице, одни о чем-то таинственно шептались, другие, наоборот, открыто спорили, яростно браня Правительство, военное командование, как виновников нависшего несчастья. Гордо поднимала головы и злобно глядела чернь и городские хулиганы. А на позициях, неся огромные потери в ежедневных боях, число защитников непрерывно уменьшалось. Пополнений и помощи для них не было.

Между тем, в городе уже с пяти часов вечера трудно было пройти по тротуарам Московской улицы и Платовского проспекта из-за огромного количества бесцельно фланирующей публики. На каждом шагу, среди этой пестрой толпы, мелькали, то шинели мирного времени разных частей и учреждений, то защитные, уже довольно потрепанные полушубки, в перемешку с дамскими манто, штатскими пальто, белыми косынками, составляя, в общем, шумную, здоровую и сытую разноцветную массу. Это были праздные, элегантно одетые люди, их веселость и беспечность никак не вязалась с тем, что было так близко.

Словно было два разных мира: один здесь — веселый беспечный, но в то же время трусливо осторожный, с жадным желанием жить во что бы то ни стало, а другой, хотя и близко, но еще невидимый, где порыв и подвиг, где лилась кровь, где в зловещем мраке ночи, беспо-

мощно стонали раненые, где доблестно гибли еще нераспустившиеся молодые жизни и совершались чудеса храбрости и где бесследно исчезали, попадая в рубрику «безвестно пропавших». Чувствовалось, что люди как-то очерствели и нервы совершенно притупились. Уже не вызывал в душе мучительных переживаний унылый погребальный звон колоколов Новочеркасского собора, напоминая ежедневно о погибших молодых героях. Каждый день, жуткая процессия тянулась от собора по улицам города к месту вечного упокения: несколько гробов, наскоро сколоченных, порой окруженные родными или близкими, а чаще, безименные, чуждые всем, под звуки траурного марша, сопровождались одиноко только Атаманом Калединым. [15])

Это были те юнцы-герои, кто бросив семью, родное, близкое, одиноким пришел на Дон, кто не жалея своей жизни, охотно шел на подвиг с одной мыслью — спасти гибнущую Родину.

Так красиво умирали юноши, а в то же время, по приблизительному подсчету в Новочеркасске бездельничало около 6 тысяч офицеров. Молодежь вела Россию к будущему счастью, а более зрелые элементы пугливо прятались по углам, всячески охраняли свою жизнь и готовились, если нужно, согнуть шею под большевистским ярмом и снести всякие унижения, лишь бы только существовать.

То же было и в Ростове. Недаром ген. Корнилов говорил: «сколько молодежи слоняется толпами по Садовой. Если бы хотя пятая часть ее поступила в армию, большевики перестали бы существовать».[16])

Но, к сожалению, русский интеллигент, везде гонимый, всюду преследуемый и расстреливаемый, предпочитал служить материалом для большевистских экспериментов, нежели взяться за оружие и пополнить ряды защитников. Ярко всплывала шкурная трусость. Растерянность, охватившая высшие сферы, еще крепче засела в обывателя. Одни зайцами запрятались в погреба и шевеля настороженными ушами над сложенными чемоданами, глубокомысленно обдумывали куда и как безопаснее улизнуть из Новочеркасска. Другие готовились с прежней гибокостью позвонков пресмыкаться перед новыми владыками и мечтали быстро сделать красную карьеру. Все ненавидели большевиков, однако, несмотря на это, вместо дружного им отпора с оружием в руках, большинство свою энергию и силы тратило на то, чтобы какой угодно ценой, но только не открытым сопротивлением, сохранить свою жизнь. Тщетно Каледин взывал к казакам, но они на зов его не откликались. Уже в казачьих станицах местами начали появляться комиссары, чужие казакам люди, вместо атаманов стали создаваться советы, приказы атамана Каледина на местах не исполнялись.

Столь же безуспешны были попытки и Походного атамана ген. Назарова поднять на борьбу с большевиками городское население, в частности, многочисленное офицерство пассивно проживавшее в Новочеркасске. Все как будто сознавали опасность, но охотников, взяться за

---

[15]) «Поход Корнилова», А. Суворин, стр. 9.

[16]) За два дня до смерти Атамана Каледина, я был принят им. Уже тогда на его лице была заметна какая-то грусть и обреченность. Он упрекал казаков и Правительство в непонимании обстановки и предсказывал неминуемую в ближайшие дни гибель Дона. Его правдивые слова врезались в мое сознание и сильно отразились на моем настроении.

оружие, было очень мало. С большим трудом, удалось из всего многочисленного праздного офицерства, сколотить небольшой отряд для внутреннего порядка и охраны города.[17])

При таких условиях вопрос — где найти источник пополнения боевых отрядов, был главный и собой затемнял все другие. В силу этого, все остальное признавалось второстепенным и потому нередко вооружения, снаряжения, боевых припасов, обмундирования и даже продовольствия не хватало именно там, где требовалось, несмотря на то, что в городе было много и оставалось неиспользованным.

Было видно, что начальник штаба Походного атамана уделяет чересчур большое внимание лицам, предлагавшим услуги по организации партизанских отрядов, наивно веря, что эти люди каким-то чудом смогут достать нужных бойцов. На этой почве появилось много лиц, которые, обычно, украсив себя с ног до головы, оружием, уверяли начальника штаба, а иногда Походного или Донского Атамана, что они смогут сформировать отряды и найти людей. Для этого им необходимы только официальное разрешение и, главное, деньги. Им верили, хватаясь за них, как утопающий за соломинку.

В результате, произошли огромные злоупотребления казенными деньгами, распутывать которые мне пришлось уже весной и летом 1918 года.

К моменту моего приезда в Новочеркасск, Донское Правительство именуемое «паритетным», доживало свои последние дни. Не касаясь этого вопроса подробно, я укажу только насколько такое Правительство пользовалось авторитетом среди военных кругов с одной стороны, а с другой — как сильно было его влияние на казачью массу. Возникло оно еще в декабре месяце 1917 года, под непосредственным влиянием Атамана Каледина, считавшего, что управлять областью, опираясь на одну часть населения, невозможно, необходимо к местным делам привлечь все население. Исходя из численного отношения казачьего и неказачьего населения края Войсковой Круг 3-го созыва, несмотря на горячие протесты некоторых депутатов, решил в конструкцию ввести арифметическое начало, — паритетное. Так создался пресловутый паритет.

Предполагалось, что привлечением к управлению краем элементов неказачьего происхождения, будут избегнуты осложнения внутреннего характера, вырвана почва для агитации большевиков и иногородних, обвинявших казаков в захвате власти на Дону за счет «трудящихся масс» и вместе с тем иногородние станут на защиту области.

В результате такого решения, после состоявшегося 29 декабря 1917 года съезда иногороднего населения к коллективу из 16 казачьих членов Правительства (8 членов Правительства и 8 Войсковых «есаулов» с правом совещательного голоса) было пристегнуто еще 16 членов от неказачьего населения (8 членов Правительства и 8 эмиссаров).

Курьезно то, что выборы членов Правительства происходило от округов, по принципу популярности и хорошей репутации в округе, независимо от их способности быть полезными советниками и действи-

---

[17]) По-моему, главная причина неудачи в том, что вместо строгого приказа о мобилизации было приглашение.

тельными помощниками Атаману в предстоящей огромной и ответственной работе. Кроме того, портфели разбирались уж после выборов и потому никто заранее не знал для какой роли и работы он предназначается. К этому следует добавить, что представители неказачьей части правительства, большей частью — случайный элемент на Дону, не были даже знакомы с особенностями краевой жизни, часто не обладали никакими специальными знаниями, без всякого административного опыта, с весьма ограниченным кругозором, ибо образовательный ценз некоторых из них, не простирался далее ценза сельского учителя.

До известной степени то же самое было применимо и к представителям казачьей части Правительства. Но у них неопытность в административных вопросах и в управлении несколько компенсировалась знанием быта и особенностей жизни всего населения Донской области. Наконец, если вторые все-таки пользовались известным влиянием среди казачьей массы, то первые никакого авторитета среди иногородних не имели.

Думаю, что и этой краткой характеристики достаточно, чтобы представить себе убогую конструкцию многочисленного коллектива, составлявшего Донскую власть.

Каждый вопрос решался миром, председательствовал Атаман, блистал своим красноречием донской баян — его помощник М. П. Богаевский. Происходили ежедневные жестокие словесные дебаты. После бесконечных словопрений, выносились кой-какие резолюции, чаще всего запоздалые, ибо жизнь идя быстрым темпом, опережала их. Весьма ярко работу донского Правительства рисует член его Г. П. Янов, говоря: «Все заседания Правительства происходили в зале бывшего Областного Правления [18]) и имели характер политического собрания, а не делового заседания правительственного органа.С первых же дней функционирования власти «Объединенное» донское Правительство оказалось разъединенным. Казачьи представители «Паритета», стараясь создать деловую обстановку управления, неизменно встречали со стороны некоторых неказачьих представителей умышленное непонимание нагромождающихся событий и «политическую обструкцию» во всех вопросах, касающихся как обороны, так и внутреннего распорядка в крае. Выступления в заседаниях проф. Кожанова, швейцарского подданого Боссе и эмиссаров Воронина и Ковалева, постепенно создавали убеждение, что в донском Правительстве не так уж единодушно смотрят на необходимость борьбы с большевиками и не все благополучно со стороны большевизма . . . После первых же дней заседаний донского Правительства — стало ясно, что представители неказачьей части, за исключением Светозарова, Мирандова и Шошникова, со всеми эмиссарами являются не союзниками в деле борьбы с большевиками, а тормазом и что найти общий язык при создавшейся обстановке является невозможным. В связи с этим, надежда на привлечение в ряды защитников Дона иногородних совершенно отпала: среди же «фронтовиков», в возвращающихся частях и в станицах, съезд «неказачьего» населения и «Паритет» дал новую возможность к уклонению от исполнения своего долга перед родным краем. Казаки «фронтови-

---

[18]) Донская Летопись. Том II, стр. 182 и 183.

ки» перестали нападать на «добровольцев» и партизан, перестали обвинять Войсковое Правительство и говорить о «контрреволюции», организуемой на Дону, но зато для успокоения совести выдвинули новый мотив: «иногородним теперь все дали. Их люди тоже в Правительстве. Пусть Правительство организует иногородних. Пойдут они против большевиков и мы возьмемся за винтовки. А одним нам большевиков не осилить».

Далее: «неказачья часть, получив все права, напротив не чувствовала никаких обязанностей [19]) и делала все возможное, чтобы не отдалить, а приблизить катастрофу. Для усиления средств, вернее обстановки обороны — Атаману и командованию Добровольческой армии необходимо было ввести осадное положение. Согласно существовавшему соглашению между казачьей частью и неказачьей — Атаман без одобрения Правительства такого приказа самостоятельно отдать не мог. И вот по поводу осадного положения происходят в течение двух дней горячие дебаты... Та же история повторилась и с объявлением железных дорог на военном положении... Чтобы создать устойчивое [20]) положение в городе Новочеркасске и парализовать всякую возможность выступления местных большевиков, все офицеры были взяты на учет и сведены в сотни офицерского резерва, который и нес патрульную и караульную службу в городе. Не успел сорганизоваться «офицерский резерв», как со стороны неказачьей части Правительства последовал не запрос, а форменный допрос Атамана: для чего, для какой цели организуются офицерские сотни и т. д.»

«Областное Правление «превратилось в какую-то ярмарку. А рядом [21]) с этим, ежедневные вечерние заседания, а иногда и утренние при нервной обстановке и при наличии, хотя и при полной корректности, но заметного холодка взаимной отчужденности неказачьей и казачьей частей Правительства. В дополнение к этому — разделение прав и обязанностей по отделам управления совершенно не было... Дела, по всем отделам управления, как административного, так и экономического характера, решались коллективно, да и для такого решения не хватало времени, так как политические вопросы и вопросы обороны доминировали... И естественно, что при отсутствии системы, фактически — было отсутствие и управления...

Беспристрастная оценка событий в январские дни «паритета», — говорит Г. Янов, — дает право сказать, что трагедия создавшегося общего положения была в том, — что не было веры в победу, не было риска выявления твердой власти и единой воли, — у власти стоял коллектив, фактически состоящий из 36 человек, контролирующий, применяющийся к массе, коллектив разнородный по своей психологии, разуму, убеждениям, чувствам. И в результате, вместо быстрых решений и обсуждения каждого проекта, вместо твердых приказов — акты соглашений, опровержений и уговариваний... И рядовая масса это чувствовала, а казаки особенно, так как в их представлении о власти, прежде всего, требовались импозантность, сила и воля. И чувство бес-

---

19) Донская Летопись. Том II, стр. 186.
20) Донская Летопись. Том II, стр. 188.
21) Донская Летопись. Том II, стр. 195.

силия власти, неуверенности в завтрашнем дне,, перебрасывалось не только на рядовую массу, но и на интеллигенцию».

Такой же отзыв о Донском Правительстве дает Г. Щепкин [22]), говоря «...Прежняя, существовавшая непосредственно перед приходом большевиков, власть на Дону обладала многими недостатками. Еще покойный незабвенный соподвижник Великого Атамана-мученика Каледина, М. П. Богаевский говорил, что заседания Правительства превращались в бесконечные разговоры и споры: время проходило в выработке соглашений, в рассуждениях и колебаниях. Власть была бессильна и произошла драма, страшную историю которой с ужасом прочтут потомки».

Нет нужды доказывать, что такое Правительство пользоваться авторитетом среди населения области не могло. Круга своей деятельности оно точно не установило, а, вместе с тем, своим возникновением, оно в конец расстроило административную деятельность бывшего ранее аппарата Областного правления. Силы власти не чувствовалось, власть существовала только номинально. Недовольство и неудовлетворенность Донским парламентом возростали прогрессивно. И простые казаки, и офицерство, и донская интеллигенция косо и недоверчиво смотрели на свое Правительство.

В военных кругах, росту этого недовольства значительно способствовала опубликованная в начале января широкая амнистия политическим арестантам, иначе говоря — большевикам, с которыми уже фактически шла ожесточенная борьба. Резало глаза и то, что в составе Правительства находятся члены из того крестьянского съезда, который осуждал Донскую власть за то, что она сделала Новочеркасск центром буржуазии и контрреволюции и вынес резолюцию о разоружении и роспуске Добровольческой армии, борющейся против наступающих войск революционной демократии, смягченную, правда, затем и вылившуюся в форму политического контроля над Добровольческой армией.

Крестьянское население Области не изменило своей непримиримой позиции по отношению к казакам, совершенно не считалось со своими представителями в Правительстве, склоняясь больше к большевикам, местами, кое где, открыто их поддерживая [23]).

---

[22]) «Донской Атаман ген. от кавалерии П. Н. Краснов». Г. Щепкин. Стр. 13.

[23]) В Донской Летописи, том II, стр. 168 К. Каклюгин оправдывает Донское Правительство Калединского периода, утверждая, что оно не оказало никакого влияния на судьбу Дона и в то же время признается, что «это Правительство не проявляя творчества в работе, не дало на фронт ни одного бойца». У меня иное мнение: по-моему корень зла лежал в Правительстве; оно само не творило и мешало творить Атаману, вместо дела занималось политикой соглашательства с большевиками и пустой болтовней, давая, конечно, этим общий тон и своим шатанием мысли заражая и все окружающее. Болтология, процветавшая на верхах, проникала в массу и в результате, равняясь на верхи, предпочиталось поговорить, нежели работать да еще и рисковать жизнью. Следует вспомнить предсмертные слова А. Каледина, обращенные к членам Донского Правительства 29 января 1918 года, за час до смерти: «...предлагаю высказаться, но прошу, как можно короче. Разговоров было и так достаточно. Проговорили Россию...»

События развивались сами собой, вне влияния Правительства, чаще всего направляясь на местах случайными деятелями, неизвестными Правительству.

Штаб походного Атамана всегда был в курсе всех заседаний Донского парламента и нередко постановления или намеченные мероприятия служили не только здободневной темой и объектом насмешек и анекдотов в обществе, но и давали достаточную пищу для резкой критики деятельности Донского Правительства.

Для нас не было тайной, что в составе Правительства находятся агенты большевиков (Кожанов, Боссе, Воронин и др.) и потому целый ряд мероприятий, настойчиво диктовавшихся чрезвычайным моментом, как правило, задерживался проведением в жизнь. По каждому, даже срочному вопросу в Донском парламенте возникали бесконечные пререкания, что понижало его авторитет в наших глазах, вызывало чувство негодования, а вместе с тем и подрывало веру в конечную победу над противником. И нужно признать, что совокупность всех этих условий уже дало большевикам моральную победу над нами, физическое же наше поражение было вопросом ближайшего будущего. Вероятно это сознавал и Атаман Каледин, но тем не менее, он не решался выступить против течения. Подвергаясь разнообразным и противоположным влияниям, ген. Каледин не находил в себе сил изменить курс и продолжал задыхаться в атмосфере нерешительности и колебаний. Вокруг него, всюду царила беспочвенность и пустота. Беспомощно борясь против силы вещей и обстоятельств, он мучительно искал себе действительную поддержку делом, а не словом, но все его усилия были тщетны . . . Правительство вязало его не грубыми, грузными цепями, а тончайшей проволокой, которая хотя и не была сразу видна, но держала однако не менее крепко.

Не подлежит сомнению, что и Каледин и Назаров мучительно искали верный выход из создавшегося положения и напрягали все силы, чтобы изменить обстоятельства. Но мне казалось, обстановка была такова, что все уже было бесполезно. Изменить положение могло только чудо, но не люди, ибо тогда, когда многое зависело от людей, когда можно было еще многое поправить и создать солидную оборону Края, ничего не сделали, время упустили и спохватились слишком поздно.

В период атаманства Каледина, поддержание порядка в Области, а затем и оборона границ Дона от большевистского нашествия, как известно, сначала возлагались на казачьи части (8-я казачья дивизия и другие), случайно очутившиеся на Дону.

Когда же эти части, вследствие морального разложения, стали неспособными в боевом отношении, Донское Правительство льстило себя надеждой, что казачьи полки возвращающиеся с фронта послужат надежной опорой Донскому краю. Однако и это не оправдалось. Фронтовики оказались настолько деморализованными, что ген. Каледин вынужден был отдать приказ об их демобилизации, надеясь, что в обстановке родных станиц, влияния семьи и стариков, они быстро излечатся от большевистского угара.

Чтобы иметь хоть какую-нибудь реальную силу, в конце 1917 года обратились к партизанству [24]) и набору добровольцев, куда потянулась учащаяся молодежь и первый партизанский отряд Чернецова был сформирован 30-го ноября 1917 года.

Вот те главные основания, на которых в течение более полугода зиждились и поддержание внутреннего порядка в области и внешняя оборона ее границ.

До сих пор обойдено молчанием и невыяснено, почему не призвали своевременно молодых казаков последнего призыва и не сформировали из них, 2—3 хороших конных дивизии? Почему для той же цели не использовали уже обученные очередные сменные команды казачьей молодежи в количестве более 10 тыс. челловек, накопившихся в области [25]).

Для оправдания этих формирований в глазах Временного Правительства найти предлоги было нетрудно: в целях лучшего обучения пополнений для отправки на фронт, в видах «самоопределения» и «широкой автономии Края», для поддержания порядка в области и для защиты от покушений и «слева» и «справа», для создания милиции и т. д.

Еще легче было объяснить казачьей массе цель этих формирований, указав, что благодаря им, казаки старших возрастов, утомленные войной и уже отслужившие свой срок, смогут, вернувшись домой, сразу попасть в свои станицы, и приступить к мирному устройству своей жизни. Нет сомнения, что эти начинания Донского Правительства встретили бы в казачестве не только сочувствие, но и всемерную поддержку, не говоря уже о стариках, но даже и со стороны фронтовиков, считавших бы, что свое они своевременно отслужили, а теперь очередь за молодежью.

Помню, по дороге на Дон, я часто слышал заявления казаков, что они свою службу уже кончили, — «буде», говорили они, — «пусть теперь послужат молодые, как мы когда-то служили», а казаки, последнего призыва, слыша это ничего не возражали, очевидно считая такое положение вещей совершенно нормальным.

Стань Донское Правительство на такой путь, откажись от пустых разговоров и ненужной болтовни, не теряя ни минуты времени возь-

---

[24]) Каледин на это согласился с болью в сердце, не желая рисковать молодыми жизнями и подвергать молодежь ужасам гражданской войны. Донская Летопись. Том II, стр. 174.

[25]) Гражданская война на Юге России. Ген. Денисов. Стр. 16 и 117. Пишущему эти строки несколько позднее (через три месяца) пришлось организовывать «Донскую Молодую армию» и одновременно вести боевые операции по очищению Донской земли от большевиков. Результаты были положительные. Ошибочно думать, как некоторые полагают, что психология казачества была тогда иная и этим только и объясняется успешность создания армии. Утверждая так, очевидно не знают, что новобранцы, неказаки, особенно Таганрогского округа, были совершенно деморализованы большевиками и всемерно противились поступлению в войска. Однако применением особых мер по устранению их из среды будирующего элемента, о чем я укажу в IV части моих «Воспоминаний», поставленные в условия казарменной жизни с пунктуальным распределением всего времени, при неотлучном надзоре днем и ночью офицерского состава, в свою очередь находившегося под неослабленным наблюдением, изолированные, наконец, от влияния большевистской пропаганды — они этими мерами в 4 месяца были превращены в образцовых солдат.

мись энергично за дело формирования и обучения новых казачьих частей где-либо в Задонье, в районе наиболее стойких станиц, дальше от городов и, следовательно, дальше от пагубного влияния всевозможных революционных настроений, — уже к концу октября оно имело бы в своих руках 2—3 отличных дивизии молодых казаков, которые и послужили бы действительной опорой Дону и надежным прикрытием для дальнейших формирований, а в руках Правительства представили бы ту реальную силу, без которой ни одна власть существовать не может. При этих условиях, едва ли могли иметь какое-либо значение и развить преступную деятельность изменники казачества — Голубовы, Подтелковы, Мироновы, Лагутины и другие, а также едва ли бы имело место присоединение возвращающихся с фронта казачьих частей к большевикамъ. Но повторяю, по неизвестным мне причинам, никаких попыток в этом отношении Донской властью сделано не было, время проговорили и дело обороны Дона докатили до пропасти.

Возможно, что Донское Правительство не совсем ясно представляло себе сущность большевизма, ибо жило иллюзиями, наивно веря, что людей воспринявших большевизм, можно излечить словами. Не имея за собой надежной силы, Донская власть в средних числах января вступила в переговоры с Каменским «революционным Комитетом» и пригласила в Новочеркасск большевистских главарей Подтелкова и К°.

«Комитет» возглавляя главным образом далеко не полные 10, 27, 35 и гвардейские казачьи полки, большевистски настроенные, обещал сохранить «нейтралитет». Правительство его заявлению поверило, а в итоге, от руки этих казаков погиб краса Дона — партизан Чернецов.

Наступивший временный период недовольства и возмущения вскоре прошел и Донская власть, забыв горький опыт, через короткий срок снова стала на путь соглашательства с большевиками, чтобы опять получить хороший урок, и, в конечном результате, снова заплатить за него жизнью лучших сынов казачества: Назарова, Волошинова, Усачева, Груднева и др., расстрелянных большевиками, после взятия Новочеркасска.

И даже теперь, на краю гибели, Правительство устраивало бесконечные заседания, произносились длинные речи, происходили горячие споры, взаимные упреки, вырабатывались декларации и воззвания, шло соревнование в словопрении и красноречии, принимаемое и видимо совершенно искренно, под влиянием психоза того времени, за деятельную и полезную работу в борьбе с большевиками.

Те же явления наблюдались, к сожалению, и в нашем штабе Походного Атамана. Не было решительности и необходимой быстроты в проведении в жизнь тех или иных мероприятий и главное, — не было веры в конечный результат. Моральная подавленность совершенно убила всякую инициативу. Принятию каждого решения обычно предшествовала долгая ненужная волокита и многократные обсуждения у высших чинов штаба. А дело стояло, ждало . . .

В общем, вспоминая то время, могу сказать, что охотников поговорить и из пустяка создать шумиху ненужных дебатов, было очень много, но настоящих работников, самоотверженно, с любовью и полной верой в успех дела исполнявших бы свою маленькую, быть может, мало за-

метную, но чрезвычайно полезную работу, почти не было. Дети, иногда даже 12-летние птенцы, тайно убегая из дому, пополняли партизанские отряды, совершали легендарные подвиги, а в это же время, взрослые — под всякими предлогами уклонялись от исполнения своего долга перед Родиной.

Я слышал, что присутствуя однажды на похоронах детей-героев в Новочеркасске, ген. Алексеев в надгробной речи сказал, что над этими могилами следовало бы поставить такой памятник: одинокая скала и на ней разоренное орлиное гнездо и убитые молодые орлята... «Где они были, орлы?» спросил ген. Алексеев.

Лица, стоявшие близко к Каледину, уже с января месяца замечали в нем сильную перемену: Атаман стал замкнутым, часто находился в удрученном состоянии и, видимо, переживал мучительную тяжелую душевную драму.

С глубокой верой в былую доблесть донцов — всегда верных своему долгу, — всегда надежная опора Русского государства, ехал ген. Каледин на Дон, будучи убежден, что и теперь, как и всегда раньше, казачество в тяжелую минуту поможет России. Но мечта его не сбылась и горячая вера скоро сменилась разочарованием.

Став Атаманом, Каледин стремится установить порядок в Области и оградить донцов от тлетворного влияния революции, а также восстановить старинные формы казачьего управления и ввести жизнь в нормальную колею. Однако, при проведении этого в жизнь, он натолкнулся на ряд препятствий, обусловливаемых влиянием революции. Преодолеть их Каледину не удалось, ибо положив в основу своих решений крайнюю осторожность и нерешительность, он не рисковал открыто выступить против разрушительных сил и, быть может, даже наперекор настроениям казаков — фронтовиков. Атаман Каледин держался средней линии и в результате — все его попытки поднять казачество на защиту родного края, применяя осторожно, то одни, то другие средства и возможности, оказались безуспешны и он не смог осуществить свою заветную мечту — создать на Дону базу для будущего восстановления России. Эти его замыслы, как известно, всецело совпадали со взглядами ген. Алексеева, неоднократно говорившего, что Россия гибнет и казачество должно отстоять свои области и дать основу, откуда началось бы освобождение нашей Родины. До последних дней ген. Каледин не терял веры и тщетно надеялся, что казаки одумаются, возьмутся за оружие и спасут Дон от красного нашествия.

Ко времени моего приезда на Дон, Добровольческая армия и генералы Алексеев и Корнилов уже покинули Новочеркасск и перешли в Ростов, сделав его центром формирования своей армии.

По просьбе ген. Каледина, в составе донских частей для усиления обороны Новочеркасска был оставлен офицерский батальон с батареей Добровольческой организации.

Положение руководителей Добровольческой армии, как мне казалось, было довольно щекотливое. Неоспоримо одно, что со стороны Атамана они встречали полную поддержку, но не всегда видели таковую со стороны всех членов Донского Правительства. Нахождение центра формирования частей Добровольческой армии в столице Дона, давало повод к яростным нападкам на Донскую власть. Негодовали

иногородние, поддерживали их «фронтовики», усматривавшие в организации на Дону Добровольческой армии главную причину активных действий со стороны большевиков. Но, в общем, можно сказать, донская интеллигенция и казачья масса, относились к Добровольческой армии, довольно безразлично. Во всяком случае, с переездом в Ростов (не чисто казачий город) эти нападки совершенно стихли, а вместе с тем, вожди Добровольческой армии, получили большую свободу действий.

Официально взаимоотношения Донского Атамана с Добровольческой армией основывались на особом соглашении, подписанном ген. Калединым, отчасти под влиянием представителей Национального Центра, приехавших из Москвы на Дон.

Смысл названного соглашения заключался в том, что ген. Алексеев брал на себя ведение финансовых дел и вопросы внешней и внутренней политики; ген. Корнилов — организацию и командование Добровольческой армией; ген. Каледин — формирование Донской армии и ведение всех дел войска Донского, а верховная власть в крае и решение принципиальных вопросов принадлежала «Триумвирату» этих лиц.

Не лишено интереса, что создание такого «Триумвирата», настойчиво требовали представители Московского Центра, заявляя, что только при этом условии и совместной работе генералов Каледина, Алексеева и Корнилова, они могут рассчитывать на моральную и материальную помощь Московских общественных организаций и, кроме того, только в этом случае, можно будет получить от союзников денежную помощь. Упорно ходил слух о том, будто бы и сами представители союзных военных миссий, прибывшие в Новочеркасск еще в конце декабря 1917 года, обещали широкую материальную помощь. Но в итоге, ни Москва, ни союзники ничего не дали. Жили, расходуя местные наличные запасы, каковые, кстати сказать, были весьма ограничены. Если память не изменяет, то с разрешения ген. Каледина из Ростовского отделения Государственного банка Добровольческой армии один раз было отпущено около 15 миллионов рублей.

По мере численного уменьшения, в виду потерь, наших партизанских отрядов и значительного роста сил красных за счет разного сброда фронтовых дезертиров, предвкушавших богатую наживу в городе, — обстановка все более и более складывалась не в нашу пользу. Учитывая это ген. Каледин решил устроить 26 января заседание совместно с высшими руководителями Добровольческой армии, с целью выработки плана дальнейшей борьбы с большевиками, придавая ему чрезвычайно важное значение. Предполагалось, перетянув свободные силы Добровольческой организации к Новочеркасску, сосредоточить кулак и энергичным наступлением добиться решительного успеха в одном месте, каковой, подняв угасший дух бойцов, мог бы благоприятно отозваться на других направлениях и быть может, повлиять на настроение казаков ближайших станиц. На посланное приглашение прибыть в Новочеркасск генералы Алексеев и Корнилов ответили отказом, сославшись на серьезность положения на фронте. В качестве их представителя из Ростова приехал ген. Лукомский [26]).

---

[26]) В штатском одеянии, с запущенной бородой и в темных очках, очень трудно было узнать генерала Лукомского.

Кроме членов донского Правительства, на этом заседании присутствовали члены Донского Круга, вернувшиеся после объезда станиц и несколько московских общественных деятелей.

Сделанные доклады определенно подтвердили, что Дон окончательно развалился и нет никакой надежды улучшить положение. Не было просвета, не было ни откуда помощи.

Настроение стало совсем тревожным, когда представитель Добровольческой армии заявил, что их армия не только ничем не может помочь Новочеркасску, но ген. Корнилов настойчиво просит не задерживать дальше и вернуть в Ростов офицерский батальон, бывший до этого в составе Донских частей.

После такого заявления, в сознании присутствующих, как мне передавали, определеннее выявился призрак неизбежности падения Новочеркасска.

Напряженно искали выхода из положения. Часть собрания внесла предложение переехать Правительству в район еще крепких станиц в низовьях Дона и там снова попытаться поднять казачество. Надеялись, что непосредственное сближение Атамана с казаками даст хорошие результаты. Но и это предложение не нашло единодушия, а вызвало лишь длинные споры и красноречивые словопрения и в конце концов ни к какому определенному соглашению собрание не пришло.

Со скорбным лицом, рассказывали участники собрания, внимательно и сосредоточенно слушал всех Атаман Каледин, а затем категорически заявил, что Новочеркасска он не оставит, никуда из столицы войска не уйдет и, если все погибнет, то погибнет и он, но здесь. Так кончилось это заседание, не дав никаких положительных результатов, не принеся ничего утешительного и напротив только окончательно подорвав веру в успех дела.

Прошел день и 28 января штаб печатал и рассылал очередное, оказавшееся последним, воззвание Донского Атамана с исчерпывающей полнотой, рисующее безотрадную и грустную картину развала Дона.

«Граждане казаки! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, ваш Войсковой Атаман, обращаюсь к вам с призывом, быть может последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска из красногвардейцев, наемных солдат, латышей и пленных немцев, направляемые правительством Ленина и Троцкого. Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противника угрожают станице Каменской и станциям Зверево и Лихая. Железная дорога от Глубокой до Чертково в руках большевиков.

Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и, в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами, сделали нападение на отряд полковника Чернецова, направленный против красноармецев и частью его уничтожили, после чего большинство полков-участников этого гнусного дела — рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество.

В Усть-Медведицком округе, вернувшиеся с фронта полки в союзе с бандой красноармейцев из Царицына, произвели полный разгром на

линии железной дороги Царицын-Себряково, прекратив всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

В слободе Михайловке, при станции Себряково, произвели избиение офицеров и администрации, причем погибло, по слухам, до 80 одних офицеров. Развал строевых частей достиг последнего предела и например, в некоторых полках, удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение. Большинство из остатков, уцелевших полковых частей, отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского края.

В таких обстоятельствах, до завершения начатого переформирования полков, с уменьшением их числа и оставлением на службе только четырех младших возрастов, Войсковое Правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг перед Родным краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложение и других частей нашей области, главным образом, учащейся молодежи, для образования партизанских отрядов.

Усилиями этих последних частей и, главным образом, доблестной молодежью, беззаветно отдающей свою жизнь в борьбе с анархией и бандами большевиков, и поддерживается в настоящее время защита Дона, а также порядок в городах и на железных дорогах, части области. Ростов прикрывается частями особой Добровольческой организации.

Поставленная себе Войсковым Правительством задача, довести управление областью до созыва и работы ближайшего (4 февраля) Войскового Круга и Съезда, неказачьего населения — выполняется указанными силами, но их незначительное число и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не прийдут немедленно в состав добровольческих частей, формируемых Войсковым Правительством.

Время не ждет, опасность близка, и если вам, казакам дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасска в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников-изменников долгу перед Доном, то спешите на поддержку Войсковому Правительству, посылайте казаков-добровольцев в отряды. В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство — тяжкий долг.

Я остаюсь на посту по глубокому убеждению в необходимости сдать пост, при настоящих обстоятельствах, только перед Кругом.

Войсковой Атаман Каледин, 28 января 1918 года.»

В этот же день, ген. Корнилов телеграфно известил Донского Атамана о намерении со своей армией покинуть Ростов и, вместе с тем, настойчиво просил немедленно вернуть с Персиановского направления офицерский батальон Добровольческой организации.

Ослабление сил на нашем главном боевом участке фронта и без того все время оседавшем под натиском большевиков, грозило катастрофой. Безотрадность положения создавала в штабе тревожное настроение. Во что бы то ни стало, надо было, чем-нибудь и как-нибудь восстановить на боевом фронте равновесие, нарушаемое уходом в Ростов

офицерского батальона — почему помыслы всех были направлены на это.

День 29 января — памятная и роковая дата для Донского казачества. Уже с утра ширился таинственный слух, вскоре ставший достоянием общим, — будто бы колонна красной кавалерии движется в направлении станицы Грушевской и, значит, Новочеркасска. С этой стороны город был совершенно открыт и у нас не было никаких свободных сил, чтобы ими задержать здесь противника. Если действительно большевистская конница появилась на указанном направлении, думали мы, то значит, каждую минуту она может очутиться в городе.

Многим известно какое состояние обычно наступает в тыловых штабах, когда создается непосредственная им опасность. Нервничая спешили сколотить 1—2 разъезда и выслать их с целью определения состава и численности столь неожиданно появившегося противника.

В то время, когда в штабе, теряя голову, лихорадочно искали выхода из критического положения, в атаманском дворце совершался последний акт донской трагедии.

По приглашению Атамана во дворец, на экстренное утренне заседание собрались члены Донского Правительства, прибывшие, кстати сказать, далеко не в полном составе.

Об этом совещании есаул Г. П. Янов, присутствовавший на нем, рассказывает так: «А. М. Каледин в сжатой форме доложил всю обстановку и соотношение сил на фронте. В моем распоряжении — докладывал Атаман — находится 100—150 штыков, которые и сдерживают большевиков на Персиановском направлении. Перед вашим приходом я получил сведения от приехавшего помещика, что сильная колонна красной кавалерии, повидимому, обойдя Добровольческую армию, движется по направлению к станице Грушевской. От ген. Корнилова мною получена телеграмма, извещающая о его намерении покинуть г. Ростов и ввиду этого, его настоятельная просьба, срочно отправить офицерский батальон с Персиановского фронта в его распоряжение (А. М. взволновано прочел телеграмму). Дальше, как видите, борьба невозможна. Только лишние жертвы и напрасно пролитая кровь. Прихода большевиков в Новочеркасск можно ожидать с часу на час. Мое имя, как говорят «одиозно» . . .[27]) Я решил сложить свои полномочия, что предлагаю сделать и Правительству. Предлагаю высказаться, но прошу как можно короче. Разговоров было и так достаточно. Проговорили Россию . . .»

Думаю, что впервые за все время, никто из членов Донского парламента не протестовал. Слова Атамана и его решительный тон с одной стороны, с другой — безысходная, жуткая обстановка, угрожавшая личной их безопасности, очевидно, произвели на присутствующих удручающее впечатление. Все быстро согласились с ген. Калединым, сложили свои полномочия, решив власть передать городской Думе и «демократическим организациям».

Тотчас это решение стало известно Походному атаману и оно вызвало с его стороны горячий протест. Ген. Назаров считал что передача власти Городской Думе угрожает общей резней, ибо власть немедленно

---

[27] Эта фраза принадлежала члену Правительства С. Г. Елатонцеву.

фактически захватят местные большевики. Однако, Каледин, видимо уже замышляя что то, не хотел внять благоразумным доводам Походного атамана и остался при своем решении. Предполагалось официально акт о передаче власти составить в 4 часа пополудни. Но не успели последние члены Правительства покинуть дворец, как с быстротой молнии пронеслась весть, что Атаман А. М. Каледин выстрелом покончил расчеты с жизнью.

Словно рыдая о безвозвратной потере, печально загудел колокол Новочеркасского собора, извещая население о смерти рыцаря Тихого Дона. Гулким эхом катился погребальный звон по Донской земле, воскрешая воспоминания о былом, хорошем прошлом и тревожа душу ужасом настоящего и неизвестностью будущего.

Будущий историк, справедливо оценив события, найдет истинные причины, толкнувшие Донского Атамана на роковой шаг. Мои личные наблюдения и мнения лиц, близко стоящих к Атаману, дают мне основание сказать, что главную причину такого решения надо искать, прежде всего, в том жутком чувстве одиночества, которое в последнее время испытывал ген. Каледин и в том глубоком разочаровании, которое наступило у него, когда вместе с его надеждами, все стало рушиться кругом, когда он окончательно убедился в неподготовленности к плодотворной работе своего окружения, и неспособности его претворять чувство в волю и слово в дело, когда, наконец, гибель и позор Дона стали неминуемы. Исчезла вера и не вынесло сердце старого казака ужаса безвыходной обстановки и неизбежности позора родного казачества.

Ген. Лукомский по поводу смерти ген. Каледина говорит:[28]) «Не выдержал старый и честный Донской Атаман, так горячо любивший Россию и свой Дон и так веривший прежде донцам».

Полк. П. Патронов, участник Корниловского похода посвятил ген. Каледину следующие строки:[29]) «Известие об его кончине подействовало на нас удручающим образом в Ростове. Мы сразу почувствовали, что потеряли на Дону самого близкого человека, теряем поэтому и связь с Доном. И тогда же сразу решено было уходить в широкие степи, в неведомую даль, искать «синюю птицу»... И не раз мы упрекали, зачем он так малодушно отказался от борьбы, зачем не ушел с нами? Мы не учитывали рыцарской души старого казака и Атамана. Ведь он меньше всего думал о себе или о своей жизни. Видя же гибель Дона, считал бесчестным уйти или скрываться».

Член Донского Правительства Г. П. Янов, касаясь причин смерти А. М. Каледина пишет: «Анализ прошлого вынуждает прийти к заключению, что «Паритет» в гибели Каледина сыграл роль одного из звеньев целой цепи событий и причин, толкнувших Атамана к роковому концу... «Мертвая зыбь» непрекращающихся политических заседаний утомляла А. М. Каледина, отнимала время, убивала веру в победу...»

Ген. Деникин в «Очерках русской смуты» Калединский период характеризует так: [30]) «Но недоверие и неудовлетворенность деятельностью Атамана Каледина наростала в противоположном лагере. В пред-

---

[28]) Архив Русской Революции. Том V. «Воспоминания ген. Лукомского». Стр. 14.
[29]) «Вечернее время» от 29 июля 1918 года, № 43.
[30]) «Очерки Русской Смуты», ген. Деникин. Том II, стр. 3.

ставлении кругов Добровольческой армии и ее руководителей, доверявших вполне Каледину, казалось, однако, недопустимым полное отсутствие дерзания с его стороны. Русские общественные деятели, собравшиеся со всех концов в Новочеркасск, осуждали медлительность, нерешительность Донского Правительства... Во всяком случае, в среде Правительства государственные взгляды Каледина поддержки не нашли и ему предстояло идти или путем «революционным» наперекор Правительству и настроениям казачества, или путем «конституционным», демократическим, которым он пошел и который привел его и Дон к самоубийству... Когда пропала вера в свои силы и в разум Дона, когда Атаман почувствовал себя совершенно одиноким, он ушел из жизни, ждать исцеления Дона не было сил».

В «Кратком историческом очерке освобождения земли войска Донского от большевиков и начала борьбы за восстановление единой России» о смерти Каледина мы находим следующие строки:[31]) «Измученный борьбой с казаками, не слушавшими его голоса, стесняемый Кругом, Каледин не вынес ужаса сложившейся обстановки и 29 января 1918 года застрелился».

А. Суворин, вспоминая события того времени на Дону, пишет:[32]) «Слабым членом его («Триумвирата»: Каледин, Алексеев, Корнилов) был Каледин и слабость его состояла в том, что он никак не мог найти в себе решимости взглянуть опасности прямо в глаза, не уменьшая ее угрозы и прямо и твердо сказать себе жестокую истину положения: мечта добиться сколько-нибудь сносных отношений с Правительством большевиков, есть только мечта и мечта пагубная. Должно немедленно готовить надежную силу против большевизма, готовить, пользуясь всяким часом времени, всеми средствами, бывшими под руками... На Каледина сильно действовало нашептывание местных слабовольцев: — Не будь «Корниловщины» на Дону, большевики оставили бы его совершенно в покое...» Ген. Денисов о последних днях Каледина говорит:[33]) «Нескончаемая болтовня безответственных членов Донского Правительства, подсказывала Атаману безысходность положения и надвигающегося позора на Донское казачество... С верою в лучшее будущее для родного Войска Атаман Каледин навеки закрыл, полные скорби, свои глаза, не пожелав быть свидетелем, хотя бы и временного, позора Дона».

Публицист Виктор Севский по случаю полугодовщины смерти Каледина, писал:[34]) «Из Каледина многие делали генерала на белом коне, но вот теперь, когда его нет, когда есть свидетельские показания, записки современников и исторические документы, повернется ли у кого язык бросить упрек мертвому, но живущему в умах и сердцах честных Каледину.

Не белый генерал, а гражданин в белой тоге независимости мысли. Гражданин каких мало. Россия гибнет потому, что нет Калединых».

---

[31]) Страница 3.
[32]) «Поход Корнилова», А. Суворин. Стр. 3-4.
[33]) «Гражданская война на юге России». 1918-20 гг., стр. 24-25.
[34]) «Приазовский Край» от 28 июля 1918 года, № 108.

В газете «Свободный Дон» в статье «Три Атамана» М. Оргин, вспоминая Каледина, говорит:[35]) «Совершенно один... В полнейшем духовном одиночестве жил Каледин и от одиночества этого, а также от страшного несоответствия чистых стремлений его, с тем, обо что они ежедневно разбивались и погиб прекрасный Атаман и блестящий полководец».

Я привел только те отзывы о ген. Каледине, коими в данный момент располагаю, но, думаю, что в будущем этому чрезвычайно интересному историческому вопросу, будет уделено особое внимание.

Когда весть о внезапной смерти Атамана сделалась достоянием населения, в городе и штабе создалось нервно-возбужденное настроение и появились признаки паники.

Каждую минуту можно было ожидать выступления местных большевиков, почему все внимание военного командования пришлось перенести с внешнего фронта на внутренний. В то же время разъезды, высланные в направлении станции Грушевской, никакого противника не обнаружили и, видимо, за колонну красной кавалерии, наступавшей к Новочеркасску с наиболее уязвимой стороны, были приняты не что иное, как гурты скота.

Это известие приободрило военное командование, однако напряженное состояние в городе продолжало оставаться.

Получив власть, Городское Управление, не будучи подготовленным к такого рода деятельности, совершенно растерялось и, вероятно, в короткий срок, пассивно сдало бы город большевикам, если бы на помощь не пришли казаки Новочеркасской станицы.

Собравшись в ночь на 30 января в здании Новочеркасского станичного правления, вместе с казаками других станиц, случайно оказавшимися в городе, они, несмотря на многократные и категорические отказы, убедили ген. А. М. Назарова принять временно должность Донского Атамана, облекли его неограниченными полномочиями и заверили, что с своей стороны они приложат все усилия, чтобы поставить под ружье всех казаков ближайших станиц.

Ген. Назаров, проезжая Дон в конце 1917 года, остался здесь по просьбе Атамана Каледина, принял сначала в командование казачью дивизию в Усть-Медведицком округе, затем участвовал в борьбе с большевиками в Таганрогском и Ростовском районах и после был назначен Походным атаманом войска Донского.

Донской казак по происхождению, талантливый офицер генерального штаба, молодой, энергичный, большой силы воли, с широкой инициативой, быстро разбиравшийся в обстановке, ген. Назаров, за свое короткое пребывание на Дону, приобрел большую популярность и считался всеми естественным заместителем Атамана Каледина.

На должность Походного Атамана назначили начальника Новочеркасского Юнкерского училища ген. П. Х. Попова,[36]) а для администра-

---

[35]) «Свободный Дон», № 2 от 3 апреля 1918 года.

[36]) Ген. П. Х. Попов, офицер генерального штаба, служил в штабе Московского Военного округа. В чине полковника получил Новочеркасское военное училище, в котором оставался в продолжение всей войны, вплоть до начала гражданской борьбы. Со строевой службой знаком был мало.

тивного управления привлекли к работе Областное войска Донского Правление, находившееся до этого времени в загоне. Калединское Правительство существовать перестало.

С назначением нового Походного Атамана характер работы штаба, в сущности, нисколько не изменился. Только настроение офицеров стало как-то еще более нервное и более суетливое и окончательно пропала вера в конечную победу.

Все внимание и весь интерес большинства офицеров штаба сосредоточивались, преимущественно, на изобретении планов наиболее безопасного бегства. Подобные соображения доминировали над всем остальным, составляя ежедневную тему разговоров. Усиленно запасались штатским платьем и некоторые в таком виде стали появляться в штабе. Лучшим доказательством панического настроения служит то, что на другой день, после смерти Каледина, в штабе не досчитывалось большого количества офицеров, в том числе и некоторых, довольно видных работников. Также бесследно скрылись и многие, бывшие еще вчера члены Донского парламента и на похоронах Атамана присутствовало из всего многочисленного правительственного коллектива, только 6 человек.

Часть спешила изменить свой внешний вид, запуская с этой целью бороды и вооружаясь темными очками. Старательно выясняли пункты скопления большевиков и нахождение военно-революционных комитетов, дабы, в случае нужды, предусмотрительно обойти эти места. Весьма подробно изучали пути сообщения, часто забрасывая меня, как проехавшего большевистское царство, разнообразными вопросами о том, как большевики осматривают, как проверяют документы, какие удостоверения лучше иметь при себе, как надо быть одетым, за кого легче себя выдать и т. п.

Такое тревожное настроение офицеров штаба, естественно, расплывалось во все стороны и, казалось, не должно было ускользнуть от внимания Походного Атамана и начальника штаба, но, к сожалению, и тот и другой были или совершенно близоруки, или смотрели на это сквозь пальцы, не находя нужным объяснить офицерам недопустимость их чрезмерного опасения и в то же время определенно заявить, что, если придется отступать, то должны будут уйти все, составив один отряд, о чем своевременно будут даны соответствующие распоряжения.

Какими мотивами руководились названные лица мне неизвестно, но, будучи сам в штабе, я могу подтвердить, что в этом отношении они проявили удивительное попустительство и ничем необъяснимую халатность и ничего не сделали для поддержания бодрости духа и укрепления веры среди офицеров в конечную победу над большевиками. Таинственность, сопровождавшая их собеседования и странная безпечность в отношении лиц, им подчиненных, имели следствием подрыв к ним доверия с одной стороны, а с другой — подсказывали необходимость каждому о своей судьбе заботиться самостоятельно.

Неуверенность в завтрашнем дне, способствовала развитию весьма своеобразных заболеваний, а именно: офицер, подав рапорт о болезни и, следовательно, освободившись от работы, все свободное время посвящал устройству своих личных дел и подготовке к бегству, при этом,

переодевшись до неузнаваемости он, однако, по несколько раз в день, бывал в штабе, узнавал новости и, в зависимости от изменений обстановки, вносил коррективы в свой намеченный план. В числе других «заболел» и 2-й генерал-квартирмейстер генерального штаба подп. П. и мне было приказано вступить в исполнение его обязанностей. Видя, что при дальнейшем развитии такой «эпидемии» я рискую остаться в своем отделе в единственном числе, я, собрав офицеров, категорически объявил им, что всякого «больного» замеченного мною в штабе, буду рассматривать, как умышленно уклоняющегося от исполнения своего долга и в соответствии с этим, применять меры воздействия.

«Кто болен, — пусть сидит дома и не показывается ни на улицу, ни в штаб. Вы должны знать, господа, добавил я, — что о времени ухода штаба, если то будет вызвано обстоятельствами, я буду знать заранее и потому смогу вас предупредить своевременно».

Говоря так офицерам, я, конечно, был глубоко убежден, что меня, как 2-го генерал-квартирмейстера, начальник штаба, о своих намерениях поставит в известность, когда будет то необходимо, а я предупрежу офицеров. Но к глубокому моему огорчению, я в этом жестоко ошибся и, как увидит читатель, со мной сыграли некрасивую и даже, я бы сказал, преступную шутку.

Собравшийся 4-го февраля под председательством Е. Волошинова довольно малочисленный из-за неприбытия многих членов Войсковой Круг[37]) единогласно подтвердил избрание ген. Назарова Донским Атаманом и настойчиво призывал его исполнить перед казачеством свой долг до конца. На эти категорические просьбы ген. Назаров, как известно, ответил пророческими словами: «Я свой долг исполню до конца — исполните и вы свой».

Жертва Каледина, казалось, не пропала даром. Моральное значение выстрела было огромно. Он заметно оживил настроение, пробил казачью совесть, прояснил сознание необходимости продолжения борьбы и отстаивания всеми силами Донской земли от большевистского нашествия и, в общем, создал большой духовный подъем.

Я слышал, как казаки говорили: «Не дожил Атаман Алексей Максимович. Сами его загубили и хоть теперь должны будем искупить наш грех».

Такому настроению особенно в первый момент много способствовали и решительные мероприятия казаков Новочеркасской станицы, энергично принявшихся за дело, объявивших всеобщую мобилизацию, подтвержденную затем Войсковым Кругом, составивших сразу боевую дружину, чем дали другим хороший пример. Со всех ближайших станиц в Новочеркасск потекли казаки, главным образом, старики, чтобы с оружием в руках отстоять родной край. Шли одиночным порядком, шли целыми отрядами, вооруженные чем попало, иногда под командой офицеров. Можно было думать, что в казачьем сознании наступил психологический перелом, произошел, как будто, сдвиг, началось выздоровление от «непротивления» большевизму, что побудило Донского

---

[37]) На крестьянский съезд в этот день никто не прибыл, почему он и не состоялся.

Атамана просить Добровольческую армию задержаться в Ростове и даже обещать ей помощь людьми.

Однако, этот сильный духовный порыв продолжался недолго, и постепенно замирая, вскоре совсем погас. Произошло это по моему мнению, во-первых, потому, что серая казачья масса с одушевлением шедшая на защиту города, не встретила у населения ни радушия, ни ласки.

Городские обыватели остались — «сердцем хладные скопцы». Во-вторых, не нашли казаки в городе даже и самого элементарного, казенного приема. Не были заготовлены помещения для их распределения, часто отсутствовала горячая пища, не хватало вооружения, а фактически оно в наличии было, по несколько дней казаки оставались на улице, предоставленные самим себе и большевистской пропаганде, формирование шло слабо, во всем царила ужасная бестолочь.

В общем, надо признать, что штаб Походного Атамана, не сумел одухотворить движение и использовать такой благоприятный момент для увеличения сил обороны. И, конечно, главная вина лежит на начальнике штаба полк. Сидорине, оказавшемся не на месте и совершенно неспособным к творческой и организаторской работе. Таковым был и походный Атаман ген. П. X. Попов.

В своих «Воспоминаниях» ген. Лукомский, бывший тогда представителем Добровольческого командования при Донском Атамане ген. Назарове, говорит:[38]) «В Новочеркасск тысячами стали стекаться донцы для формирования новых частей. Казалось, что Дон ожил. Но, в значительной степени, вследствие того что штаб Донского войска оказался в это время не на должной высоте. . . скоро подъем прошел и казаки стали расходиться и разъезжаться по станицам».

Наконец отрицательную роль в этом отношении сыграли колебания и неуверенные действия и Войскового Круга. Делая усилия поднять дух, зажечь патриотизмом казачьи сердца, внушить мысль о необходимости борьбы, — он своими колебаниями, сеял только в массу нерешительность, создавая вокруг себя нервную и неустойчивую обстановку.

И вот, первоначальная надежда и энергия, не оправдав чаяний, вызывает постепенное уныние и внедряет в сознание мысль о бесцельности дальнейшей борьбы. Суровые постановления Круга о мобилизации, о защите Дона до последней капли крови, об учреждении военных судов и т. д. — сменяются вскоре посылкой делегаций к отрядам красной гвардии с рядом весьма наивных вопросов.

Действительно, 6-го февраля 1918 г. Войсковой Круг постановил:

1) Защищать Дон до последней капли крови.

2) Объявляет себя верховной властью в области войска Донского.

3) Облекает всей полнотой власти Войскового Атамана.

4) Решает немедленно формировать боевые дружины для мобилизации 1-й, 2-й и последующих очередей до всеобщего ополчения включительно; приказывает арестовать и изъять из станиц и хуторов агитаторов и предать их суду по законам военного времени.

5) Мобилизовать работающих на оборону.

---

[38]) Архив Русской Революции. Том V, стр. 149.

6) Сформированные дружины немедленно выставить на фронт.

7) Единогласно просить и настаивать, чтобы ген. Назаров в этот грозный час не слагал с себя полномочий Войскового Атамана и тем самым исполнил бы долг истинного сына Тихого Дона.

8) Учрежденным военным судам приказывалось немедленно приступить к исполнению своих обязанностей.

Вполне естественно, что подобные решительные шаги Войскового Круга горячо приветствовались всеми защитниками Дона, вселяя уверенность, что Донской парламент стал, наконец, на правильный путь и заговорил настоящим языком.

Но прошло несколько дней и Круг сдает позиции и посылает к красным свою делегацию с таким Наказом:

«По имеющимся у Круга точным сведениям, причинами посылки на Дон карательной экспедиции советом народных комиссаров послужили следующие политические обстоятельства:

1) Недемократичность состава Войскового Круга по мнению совета народных комиссаров.

2) Неучастие неказачьего населения в управлении областью.

3) Возглавление Войскового Правительства ген. Калединым и обвинение его в контрреволюционности.

4) Присутствие на Дону группы политических деятелей, не пользующихся доверием широких демократических масс.

В настоящее время общеполитические условия в государстве вообще и на Дону в частности, коренным образом изменились, а именно:

1) Согласно полученной радио-телеграмме установлен факт наступления немцев в глубь России, угрожающий самостоятельности страны и неприкосновенности завоеваниям революции.

2) Войсковое Правительство распустило в январе месяце Большой Войсковой Круг первого состава и созвало на 4 февраля сего года Круг в новом составе с целью проверить настроение и волю населения и выявить его отношение к современным событиям. Одновременно с созывом Войскового Круга на 4 сего февраля был созван Областной съезд неказачьего населения на одинаковых с Кругом демократических основаниях для установления общего управления краем.

3) Ген. Каледина нет, а Войсковое Правительство, выбранное Кругом первого созыва, сложило с себя полномочия.

Приняв во внимание все изложенное, Войсковой Круг желает знать точно и правдиво:

1) Какие же причины в настоящее время заставляют войска народных комиссаров быть на положении войны с Доном.

2) Какие цели они преследуют.

3) По чьему распоряжению производится это наступление на Дон.

4) Почему в рядах войск народных комиссаров присутствуют военнопленные австрийцы и германцы.

Только 12 февраля делегаты Круга смогли предстать перед главнокомандующим большевистскими войсками северного фронта Ю. Саблиным. Последний на постановленные ему вопросы дал весьма характерные ответы, заявив, что они воюют потому, что Дон не признал Советской власти в лице Ленина, Троцкого и других, с признанием же этой власти военные действия сейчас же будут прекращены и что во-

обще они с казаками, а особенно с трудовым казачеством не воюют, добавил он, но казачество, как таковое, должно быть уничтожено с его сословностью и привилегиями.

Как будет видно ниже, еще не были закончены эти переговоры, как красные войска вошли в город и начали кровавую расправу с беззащитным населением.

Светлым днем и проблеском последней надежды было прибытие в Новочеркасск, походным порядком от Екатеринослава, в блестящем виде, 6-го Донского казачьего полка, под командой войск. старшины Тацина. В чрезвычайно тяжелых условиях, полк с оружием пробил себе дорогу домой. Его прибытие было встречено общим ликованием. Такое неожиданное подкрепление, когда, казалось, все погибло сильно увеличивало силы защитников Дона и вселяло уверенность, что в умелых руках, дисциплинированный и закаленный в боях полк, легко справится с дезорганизованными бандами красных и, быть может, повернет колесо боевого счастья в нашу сторону.

После торжественной и трогательной встречи полка Кругом и Атаманом, после горячих оваций и речей, вызывавших у многих слезы, — полку предоставили временный отдых в Новочеркасске, намереваясь через день-два отправить на фронт, на что все казаки охотно соглашались. Но расположив полк на отдых, не сумели изолировать его от большевистской пропаганды, вследствие чего, посланный на Персияновский фронт, полк объявил нейтралитет и по сотням разошелся по станицам. Так пропала и эта последняя надежда и неизбежным стал роковой конец.

7-го февраля ген. Назаров, учитывая сложившуюся обстановку, не счел возможным задерживать больше Добровольческую армию, о чем уведомил ее командование, сообщив также, что казачество помочь ему не может.

В свою очередь, ген. Корнилов, видя что дальнейшая оборона Ростовского района не даст положительных результатов и может лишь погубить армию, решил увести ее на Кубань, предполагая там усилиться казаками и получить новую базу. Однако, как известно, эта надежда не оправдалась. Выйдя в ночь с 8 на 9 февраля из Ростова, плохо снабженная, почти без артиллерии, с небольшим количеством снарядов, без необходимых запасов обмундирования, без санитарных средств, Добровольческая армия, имея в своих рядах около 2500 бойцов, проделала тяжелый крестный путь с тем, чтобы в апреле 1918 года вновь вернуться в свою колыбель — Донскую землю.

Уход Добровольческой армии, кроме того, что подвергал Новочеркасск новой угрозе с Ростовского направления, имел еще и большое психологическое значение: все пали духом, считая сдачу города вопросом ближайшего времени — дней или даже часов.

В ночь на 12 февраля состоялось военное совещание, о чем я узнал на другой день, на котором Походный Атаман ген. П. Х. Попов настоял на необходимости без боя, спешно, оставить Новочеркасск и отойти в станицу Старочеркасскую.

Донской Атаман ген. Назаров был иного мнения, полагая еще возможным с имеющимися силами, дать бой, выиграть его, поднять этим дух бойцов, привлечь казаков соседних станиц, после чего, быть мо-

жет, казаки, составлявшие большевистски настроенный отряд Голубова, разошлись бы по своим станицам.

Когда решение военного совета было сообщено Войсковому Кругу, он, не протестуя, поспешил отправить от себя делегацию к Сиверсу и Голубову для переговоров об условиях сдачи города.

Между тем, Походный Атаман и начальник его штаба, руководясь непонятными для меня соображениями, свои намерения почему то держали в «строгой» тайне и я уйдя из штаба, как обычно, поздно ночью на 12 февраля, ничего не подозревал о том, что решено завтра очистить город.

Вернувшись к себе домой (в это время я занимал комнату в частном доме у врача X. на Ямской улице) я был сильно удивлен, когда услышал от моих симпатичных хозяев, вопрос — правда ли, что завтра штаб уходит и город будет сдан большевикам? Полагая, что это — очередная сплетня, пущенная друзьями большевиков с провокационной целью, я стал категорически отрицать, утверждая, что если бы эти сведения, хотя немного соответствовали истине, то я, находясь в штабе, наверное бы знал обо всем скорее, чем они. Говоря так, я, конечно, был уверен, что иначе быть не могло. Но на следующий день, я воочию убедился в обратном. В самом деле, то, что по легкомыслию или иным непонятным для меня мотивам, начальник штаба Походного Атамана держал в секрете от меня — 2-го генерал квартирмейстера, т. е. одного из ближайших его помощников, — окольными путями делалось достоянием всего населения. Разве не абсурд, что о решении оставить город ставят ночью в известность членов Круга, об этом узнают частные лица, а предупредить своевременно офицеров отдела 2-го генерал-квартирмейстера не считают нужным.

Утром 12 февраля меня поразило необычайное возбуждение и особенная суетливость на улицах города. Сердце сжалось недобрым предчувствием. Еще издали, я заметил у штаба скопление груженых повозок, окруженных толпой чрезвычайно пестро одетых людей, большей частью вооруженных. Через минуту я был в курсе происходившего. Трудно в кратких чертах описать то, что творилось тогда в штабе. Происходило не отступление, планомерное, заранее продуманное и подготовленное, а было просто неорганизованное, беспорядочное бегство во все стороны, как говорят, куда глаза глядят. Никто не знал, что нужно делать, какую работу выполнять, сидеть ли в штабе и чего-то ожидать или собираться, но где, когда или идти, но куда и как. Не было ни приказа Атамана, ни распоряжений штаба, не было даже простых словесных указаний, которыми легко можно было восстановить порядок, успокоить офицеров и, наконец, в крайнем случае, предоставить каждому устраиваться по личному усмотрению. Во всем сказывалась поразительная нераспорядительность и преступная паническая растерянность высшего военного командования. Все носились по зданию, как угорелые; одни нервно что-то искали, торопливо перебирая бумаги, другие наоборот, оббежав несколько комнат, садились и апатично угрюмо молчали, видимо совершенно отчаявшись, некоторые показавшись в штабе, сейчас же исчезали и вскоре снова появлялись, переодетыми до неузнаваемости, иные, появившись на минуту, пропада-

ли бесследно. В общем, царило смятение обычно предшествовавшее панике.

Внутренно я упрекал себя за свою беспечность и свою доверчивость к лицам, стоявшим во главе военного командования, вследствие чего, в критический момент, я оказался предоставленным самому себе.

Между тем, на моих глазах, «приближенные» к начальнику штаба полк. Сидорину, какие-то лица, судя по их прекрасному дорожному одеянию, хорошему вооружению и наличию отличных поседланных лошадей, были, очевидно, о всем своевременно осведомлены. Надо думать, что при выборе их и зачислении в лоно «своих доверенных» руководились отнюдь не положением занимаемым ими, талантами, храбростью и доблестью или иными положительными качествами, а мотивами исключительно личного порядка как-то: родства, приятельства, хорошего знакомства и тому подобными соображениями.

С трудом я выяснил, что банды Голубова уже заняли станицу Кривянскую в трех верстах от Новочеркасска и, следовательно, каждую минуту могли быть в городе. Но, видимо, Голубов не решался вступать в город, пока мы его не очистим. Держась на готове, он ждал этого момента.

В отделе 1-го генерал-квартирмейстера все документы, имевшие даже и историческую ценность, безжалостно уничтожались сжиганием в печах. То же рекомендовали делать и мне, дабы по наличным спискам большевики не смогли установить кто офицер и кто служил в штабе. В эти тревожные часы, я неоднократно порывался поймать начальника штаба, чтобы с одной стороны излить ему свое негодование по поводу его возмутительного отношения, как ко мне, так и офицерам мне подчиненным, а с другой — хотелось узнать дальнейшие намерения командования и получить какие-либо указания для офицеров моего отдела. Однако, все мои настойчивые попытки оказались безуспешны. То его не было, — он куда то исчезал, то был страшно занят и не желал ни с кем говорить . . . А кругом все торопливо носились, все переворачивалось, уничтожалось, сжигалось. . .

Оставляя пока в целости только телеграфные аппараты и телефоны, чтобы до последней минуты держать связь с боевыми участками, я приказал все бумаги уничтожить.

Около полудня мало-помалу, штаб опустел. Офицеры куда-то разбрелись. Меня назойливо преследовал мучительный вопрос, — куда идти, как поступить, что делать с собой? Выйдя в коридор, я случайно натолкнулся на одного из телеграфистов-юзистов, работавшего в службе связи, который меня знал еще по штабу IX армии, но я его помнил весьма смутно. Подойдя ко мне и обменявшись несколькими словами, он спросил: «А как вы решили поступить г-н полковник?»

— «Еще и сам не знаю», — ответил я, — «но думаю достать лошадь и ехать в ст. Старочеркасскую или Ольгинскую, где, кажется, собираются офицеры и туда же, вероятно, отойдут партизаны».

— «В офицерской форме», я думаю, небезопасно идти сейчас по городу и особенно по его окраинам», — заметил он. — «Если хотите, возьмите мое пальто. Вашу бекешу я отнесу домой, спрячу, а когда вернетесь, вы получите ее в целости. Меня большевики не тронут, я человек штатский, работал здесь по принуждению, будучи мобилизо-

ван, ну, а вам, если они вас задержат, грозят большие неприятности», — заключил он.

Это предложение было сделано так искренно и с таким теплым участием в моей судьбе, что я тронутый до глубины души его заботой, не мог подыскать слов, чтобы выразить ему мою горячую признательность. И до сих пор, я с особым чувством благодарности вспоминаю этот бескорыстный жест человека, мало меня знавшего и выручившего в такой критический момент. В период моих скитаний в Новочеркасске, а затем боевой жизни в Заплавах, его пальто, с которым я не расставался, сослужило мне огромную службу, заменяя в течение более двух месяцев и матрац, и подушку и одеяло. Горячо поблагодарив телеграфиста за оказанную услугу, я натянул его пальто на себя и тотчас же отправился в поиски за лошадью. У входа в штаб, встретил ротмистра Д. Сенявина, однокашника по кадетскому корпусу. Он, как и я метался и не знал что с собой делать. Сговорились ехать вместе. По его словам у него на Покровской улице находились готовые лошади, предоставленные ему коннозаводчиком Корольковым. До Покровской нам предстояло пройти большую часть города и мы пустились почти бегом, строя по дороге разнообразные планы предстоящей поездки.

Город резко изменил свою физиономию. Еще вчера, как будто бы, ничто не предвещало роковой, трагической развязки, надвинувшейся, как ураган. Едва ли кто предполагал, что атмосфера разрядится так внезапно и непредвиденно. Еще вчера в штабе обсуждались меры противодействия противнику, строились планы об увеличении боевых отрядов за счет сокращения тыла, а также принудительной мобилизации городского населения, до поздней ночи текла работа и ничто, казалось, не говорило о столь близкой катастрофе. А сегодня панический страх овладел городом. Словно обезумев от ужаса, жители судорожно искали спасения, безотчетно бросались во все стороны, занятые одной мыслью — бежать и спастись, спастись во что бы то ни стало. Дикой казалась мысль, что этот всегда спокойный и патриархальный город доживает последние минуты своей свободы, что скоро его захлестнет кровавая волна произвола и кровавого террора.

Когда мы запыхавшись достигли цели, нас постигла неудача: конюх доложил нам, что за несколько минут до нашего прихода ворвалась группа юнкеров и силой забрала коляску и сбрую. Действительно на конюшне стояла пара сытых великолепных коней, не ходивших, к сожалению под седлом. Не теряя времени, мы стали искать телегу или сани, намереваясь купить таковые, хотя бы и за большую цену. Куда мы ни обращались, кого ни спрашивали, всюду получали отрицательный ответ. В бесплодных поисках проходило время и было уже около трех часов дня, когда мы, вынуждены были отказаться от нашего намерения и решили искать иного выхода. Мы расстались.

Я поспешил к себе домой, чтобы забрать хотя бы самые необходимые вещи и пешком идти в станицу Старочеркасскую или Ольгинскую, где и присоединиться к Добровольческой армии или к Донскому отряду.

Дома я испытал ужасно неловкое чувство перед моими милыми хозяевами, вспоминая наш вчерашний разговор и мои категорические ут-

верждения об абсурдности слухов и невозможности внезапного оставления нами города. Но потрясенные событиями не менее меня и замечая мою сконфуженность, они деликатно воздержались от излишних расспросов и, напутствуя меня сердечно и искренно, желали мне остаться невредимым и благополучно добраться до ст. Старочеркасской. На прощанье, я заглянул и к моим дальним родственникам, принимавшим во мне самое горячее участие. Здесь мне пришлось выдержать град упреков за мою беспечность и убедительные доводы о недопустимости пытаться выскользнуть из города в полувоенном обмундировании в то время, когда красные войска Голубова уже входят в город.

Общими силами стали видоизменять мое одеяние. Примерно через час я выглядел уже настоящим рабочим. С общим видом не гармонировало только пальто, к тому же довольно на меня малое, рукава чуть не по-локти, но меня уверили, что это даже к лучшему, ибо сразу видно, что пальто с чужого плеча и значит «благоприобретенное».

Во всем было много и комического и трагического. Смеялись сквозь слезы, каковые перешли в рыдания, когда я стал торопливо прощаться, спеша выбраться из Новочеркасска.

В томительном ожидании чего-то нового, охваченный чувством страха, смешанного с любопытством, город будто замер. Улицы опустели. Кое-где на перекрестках группировались подозрительного вида типы, нагло осматривавшие редких одиночных прохожих и пускавшие вслед им замечания уличного лексикона.

Наступал момент торжества черни. Временами раздавались редкие одиночные выстрелы, а где-то вдали грохотали пушки. То забытые герои-партизаны, не предупрежденные об оставлении Новочеркасска, боем пробивали себе дорогу на юг. О них не вспомнили. В суматохе забыли снять и большинство городских караулов, каковые ничего не подозревая, оставались на своих постах, вплоть до прихода большевиков. Такая нераспорядительность Донского командования подорвала к нему доверие и многие партизанские отряды не пожелали влиться в Донской отряд, предводительствуемый Походным Атаманом ген. Поповым, а присоединились к Доборвольческой армии. В числе ушедших с добровольцами находился и сподвижник Чернецова, поруч. Курочкин, а также Краснянский, Власов, Р. Лазарев, ушел с добровольцами и ген. Богаевский.

В пять часов вечера, пройдя часть города, я свернул с Почтовой на Хомутовскую улицу, намереваясь выйти к кладбищу, откуда взять направление на хутор Мишкин, затем на станицу Аксайскую и далее на Ольгинскую.

Не доходя до окраины города я встретил прохожего, по виду рабочего, который поровнявшись, бросил мне на ходу фразу: «не спеши, товарищ, наши идут с этой стороны».

Не совсем поняв его, однако, не вступая с ним в разговор, я ускорил шаг, но не прошел и двухсот шагов, как между кладбищем и ботаническим садом, стал ясно различать маячащих отдельных всадников, державших направление на город. Было совершенно невероятно, чтобы здесь оказались наши партизаны, идущие к тому же в город, скорее это могли быть только красные.

Итак, следовательно, единственное, бывшее, по моему, свободным юго-западное направление, было уже отрезанным. Со всех остальных сторон, я знал, Новочеркасск был окружен противником.

Впоследствии оказалось, что мне следовало взять южнее, т. е. идти по Платовскому проспекту до окраины города, а затем круто повернуть на юг, мимо новой тюрьмы, тогда я, вероятно, мог бы благополучно улизнуть из города.

Одно время у меня явилась мысль, обмануть бдительность всадников и проскользнуть незаметно, но пугала наступавшая темнота. Легко было сбиться с дороги и случайно натолкнуться на большевистские отряды со всех сторон подходившие к Новочеркасску. Встреча с ними в степи, конечно, грозила расстрелом. Не желая насиловать судьбу, я решил, что если так случилось, значит, мне не суждено было уйти из города. Пришлось из двух зол выбрать одно. Позднее оно оказалось весьма тяжелым испытанием и не раз заставило меня пожалеть о том, что задержавшись в Новочеркасске, я пропустил благоприятный момент и не успел во-время выскочить из города. Но с другой стороны, впоследствии, когда большевистские деяния стали известны, выяснилось, что все лица, захваченные красноармейцами этой ночью на дорогах, были ими на местте убиты, а часть доведена до города и расстреляна у вокзала.

Не зная куда приткнуться, где преклонить голову, я, терзаемый мрачными мыслями и томимый чувством жуткого одиночества, повернул обратно и машинально побрел в противоположную сторону, где когда-то жил мой дальний родственник, старый холостяк. К моей большой радости, он был дома, принял меня сердечно и ласково, ободрил и предложил переночевать у него.

А в это время город уже перешел во власть «Северного революционного казачьего отряда», под начальством Голубова.

Войсковой Круг во главе с преседателем и Атаманом в 4 часа дня молился в соборе о спасении города и казачества от надвигающейся опасности, а после молитвы вернулся в здание для продолжения своего заседания.

С ватагой казаков Голубов ворвался в помещение, где заседал Круг, приказал всем встать и спросил: «Что за собрание?» Затем подбежав к Атаману, продолжавшему сидеть, он грубо закричал:

— Кто ты такой??

— Я выборный Атаман. —спокойно ответил ген. Назаров.

— А вы кто такой — спросил он у Голубова.

—Я революционный Атаман — товарищ Голубов.

Затем сорвав с Атамана погоны, Голубов приказал казакам отвести ген. Назарова и председателя Круга на гауптвахту.

Многие представители парламента, пользуясь суматохой, быстро скрылись, переоделись и растворились в толпе.

Небывалую силу духа, мужество и красивое благородство проявил в этот момент, рассказывали мне, ген. Назаров, оставшись сидеть один,

когда все члены Круга послушно встали по команде Голубова [39]). Испуганно и беспомощно озирались казаки-старики. Когда же кто-то из них спросил:

— А как же нам быть ?

— Нам не до вас, убирайтесь к черту — закричал Голубов.

Так закончил свою жизнь Донской парламент.

Какие мотивы побудили Донского Атамана остаться в Новочеркасске и обречь себя на гибель и почему имея полную возможность покинуть город, он этого не сделал, остается и до ныне неразгаданным.

Некоторый свет на это проливает ген. Лукомский, указывая в своих «Воспоминаниях», что в ночь на 12 февраля он последний раз говорил по телефону с ген. Назаровым.

«Он (Назаров) мне сказал, что он решил, вместе с Войсковым Кругом не уезжать из Новочеркасска; что оставаясь, он этим спасет город от разграбления. Я ему советовал ехать в армию ген. Корнилова; сказал, что оставаясь в Новочеркасске, он обрекает себя на напрасную гибель. Ген. Назаров мне ответил, что большевики не посмеют тронуть выборного Атамана и Войсковой Круг; что, по его сведениям, первыми войдут в Новочеркасск, присоединившиеся к большевикам донские казаки под начальством Голубова; что этот Голубов, хотя и мерзавец, убивший Чернецова, но его Назарова, не тронет, так как он за него как-то заступился и освободил из тюрьмы . . . Мои уговоры были напрасны; ген. Назаров еще раз сказал, что он убежден, что его не посмеют тронуть, а затем добавил, что если он ошибается и погибнет, то погибнет так — как завещал покойный Атаман Каледин, сказавший, что выборный Атаман не смеет покидать своего поста» [40]).

Возможно, что было так, как утверждает ген. Лукомский, но поражает уверенность ген. Назарова, что большевики не посмеют его тронуть и что оставшись, он этим спасет город от разграбления.

Факты и действительность того времени говорили совершенно обратное и, кроме того, по крайней мере, раньше у ген. Назарова такой уверенности не было. Ведь настаивая на военном совещании в ночь на 12 февраля на необходимости дать большевикам последний решительный бой, Атаман Назаров тем самым, показывал, что с большевиками другим языком, кроме языка пушек и пулеметов, говорить нельзя и никакая сентиментальность с ними не допустима.

Правильнее предположить, что на ген. Назарова в последний момент повлияло постановление Круга оставаться в городе, питавшего еще, я думаю, смутную надежду на благоприятный исход своей делегации, посланной к большевикам для переговоров. Но как и нужно было ожидать, пока делегация вела переговоры, большевики заняли город и начали жестокую расправу с мирным населением. Надо думать, что именно это решение Круга, морально связав Донского Атамана, обрекло его на бесцельную жертву. В значительной степени повинно и Донское командование, не сумевшее отступление из города провести планомер-

---

[39]) В предсмертном письме жене ген. Назаров, между прочим, писал: «. . .смешнее всего было зрелище 100-200 человек Круга (Верховной власти), вытянувшихся в струнку перед Бонапартом XX века».

[40]) «Воспоминания» ген. Лукомского. «Архив Русской Революции». Том V, страница 150.

но и систематически и допустившее беспорядочное бегство. Бежать из столицы Дона Атаману и Кругу — позорно, но во временном отступлении ничего постыдного нет. Произойди отход не так внезапно и сколько-нибудь организовано, а не так как на самом деле было, и прояви Походный Атаман ген. Попов немного решительности и настойчивости, нет сомнения, что и Донской Атаман и Круг легко бы отказались от своего необоснованного решения и ушли бы в Задонье.

Еще более туманен вопрос с вывозом из Новочеркасска довольно значительного золотого запаса Государственного Казначейства. В течение утра 12 февраля вопрос этот поднимался несколько раз, происходили длительные переговоры по телефону штаба с Донским Атаманом, готовились уже подводы для погрузки золота, назначался уже конвой, затем вдруг все отменялось, чтобы через некоторый срок начаться снова.

В общем, колебались и в конечном итоге часть золота досталась большевикам.

В «Донской Летописи» [41]) Ис. Быкадоров старается оправдать такое решение, указывая, что золотой запас был Государственным достоянием, а не Донским, что с вывозом его в Донской отряд отступавший в степи, терялась бы моральная ценность самого похода, а сверх того, наличие в отряде золота составляло бы приманку и вызывало бы у большевиков настойчивость и энергию в преследовании. С этим можно было согласиться, если бы, во-первых, — входившие в Новочеркасск большевики являлись законными представителями Российской общепризнанной власти, а не простой бандой деморализованной черни, во-вторых, — моральная ценность похода не только не пострадала бы, но возросла, если бы Государственное достояние было спасено от расхищения его разбойниками и грабителями, наконец, можно было бы, по частям передать его на хранение в наиболее стойкие станицы, чем устранилась бы опасность разжигать аппетиты у большевиков в преследовании отряда в расчете на золотую наживу.

Говоря о моральной ценности степного похода, на чем я остановлюсь подробнее в IV части моих «Воспоминаний», нельзя упускать, что его возглавители в то время меньше всего об этом думали и ничего не сделали, чтобы придать походу больший удельный вес. Если бы вопрос стоял иначе, то нет сомнения, что оставление Новочеркасска выполнили бы планомерно и продуманно, предоставив всем желающим возможность участия в походе, а население было бы открыто оповещено, что отряд уходит в степи, где будет ожидать выздоровления казачества от большевистского угара (существование отряда для красных главарей все равно не было тайной) и будет служить светлым маяком для всех горячо любящих Дон и тем ядром, к которому должны примыкать все обиженные и угнетаемые большевистским произволом и насилием. Подобное обращение к населению, молниеносно разнеслось бы по Донской земле, поддержало бы дух казачества, а наличие отряда служило живым доказательством намеренного непризнания Советской власти верхами казачества. На самом деле, выход из города, превратившийся в бегство, стремились обставить ненужной таин-

---

[41]) «Донская Летопись». Том II, стр. 222-223.

ственностью, создав в населении впечатление личного спасения небольшой группы офицеров и учащейся молодежи. В этом отношении, надо признать, Добровольческая армия высоко держала знамя, определенно говоря, что уходит в неизвестнут даль, глубоко веря в близкое оздоровление казачества от большевистского угара.

В конечном результате, главная причина невывоза золота заключалась в той бестолоче, какая существовала в городе 12 февраля. Сначала получилось разрешение на вывоз золота, затем «кто-то» звонит по телефону, передавая от имени ген. Назарова отмену первоначального распоряжения. Ищут Атамана и долго его не находят; начинаются снова разговоры, новые решения и новые отмены, а время шло и в конце концов много золота осталось в городе и досталось красным.

Кстати сказать, «благородный жест» Донской власти большевики расценили по своему «Белогвардейская сволочь» — говорили они — «так улепетывала, что не успела захватить «свои» деньги», Не спасла эта щедрая благотворительность и город от разграбления и красные, начав вводить свои порядки и заливать Донскую землю кровью лучших сынов казачества, бесцеремонно расхищали золотой запас, не входя в рассмотрение — Государственный он или Донской. Когда же нависла угроза захвата нами Новочеркасска, большевики предусмотрительно вывезли остаток золота и так умело его скрыли, что все тщательные розыски, остались безуспешными.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОД БОЛЬШЕВИКАМИ

12 февраля — 31 марта 1918 г.

Хозяйничанье большевиков в Новочеркасске. Жестокая расправа с населением. Охота на офицеров и партизан. Расстрелы и убийства. Образование «Донской Советской республики». Конструкция новой власти. Расстрел большевиками Донского Атамана ген. Назарова и председателя Круга Е. Волошина. Мои мытарства в Новочеркасске. Самоотверженная работа женщин. Регистрация большевиками офицеров. Городская жизнь. Настроение новочеркассцев. Красные казаки отряда Голубова. Донские события в советском освещении. Письмо М. П. Богаевского к Донским партизанам. Недоумение вызванное письмом. Неправильное толкование этого факта в Донской Летописи. Выступление М. Богаевского в Новочеркасске на митинге в Кадетском корпусе. Настроение казаков в станицах. Нарастание недовольства большевистскими порядками. Тревога у советских заправил. Первые весенние вспышки казачьего гнева. Новая волна террора в городе Новочеркасске.

---

12 февраля 1918 года, около 5-ти часов вечера, столица Дона без боя перешла в руки казаков-большевиков под начальством Голубова. Вслед за ними, в город вошли и красногвардейские банды. Темная, тревожная ночь спустилась над Новочеркасском, создав напряженное состояние беспокойства и страха за будущее. Город замер. В томительном предчувствии жестокой расправы со стороны красных победителей, все, кто не успел бежать или вынужден был остаться, глубоко ушли в норы, тщательно закрылись, потушили огни и бодрствуя всю ночь, чутко прислушивались к тому, что происходит на улице, волнуясь за себя и за судьбу ушедших из города своих близких.

Зловещая тишина ночи часто нарушалась дикими криками пьяной черни, исступленно приветствовавшей, входившие в город отряды красных. Временами раздавалась стрельба, — то большевики расстреливали партизан и офицеров, пойманных ими на окраине города.

Заняв Новочеркасск, прозванный «осиным гнездом», большевики опьяненные победой, свое вступление в город, ознаменовали устройством целого ряда кутежей и пьяных оргий, спеша буйно отпраздновать красную тризну.

Следует напомнить, что в то время Новочеркасск был единственным местом, не признавшим власти совнаркома и большевикам пришлось затратить огромные усилия и понести большие потери, прежде чем сломить последний оплот «контрреволюции». Этим обстоятельством, главным образом и надо объяснить ту беспредельную злобу и чрезвычайную ненависть, проявленные красными, когда они, наконец, ворвались в город, уже давно приковывавший внимание всей Советской России. Кроме того, побудительным мотивом, двигавшим солдатский сброд на Новочеркасск, являлось и чаяние богатой добычи и возможности безнказанного грабежа. Для Советской власти падение Новочеркасска открывало дорогу на юго-восток и Кавказ с их природными богатствами и, кроме того, имело еще и моральное значение, поднимая престиж «рабоче-крестьянской власти», сумевшей усмирить и непокорное войско Донское.

Чуть только забережил свет, как победители, еще не отрезвившись приступили к насаждению революционного порядка, искоренению контрреволюции и сведению счетов с населением ненавистного им Новочеркасска.

Уже с раннего утра на улицах появились отдельные кучки вооруженных солдат и рабочих. Предводительствуемые прислугой (кухарки, горничные) или уличной детворой, за награду 1—2 рубля, указывавших дома, где проживали офицеры и партизаны, красные палачи врывались в эти квартиры, грубо переворачивали все, ища скрывавшихся.

Несколько раз я лично видел, как несчастных людей, в одном белье, вытаскивали на улицу и пристреливали здесь-же, на глазах жен, матерей, сестер и детей, под торжествующий вой озверелой черни.

Жуткие кровавые дни наступили в Новочеркасске. Сотнями расстреливали детей, гимназистов и кадет, убивали стариков, издевались над пастырями церкви, беспощадно избивали офицеров. Великое гонение испытала интеллигенция; дико уничтожалось все исторически ценное и культурное, хулиганство развилось до пределов, воцарился небывалый произвол, грабежи и разбои были словно узаконены, жизнь человеческая совершенно обесценена. Широким потоком лилась кровь невинных людей, приносимых в жертву ненасытному безумству диких банд.

По всей России шел красный террор, кровавый ужас, жители прятались в подполье и не смели выходить из него.

А в это время, Добровольческий отряд ген. Корнилова и Донской ген. Попова совершали крестный путь. Один по Кубани, другой по Донским степям. Первый, обремененный при этом большим обозом раненых, вынужден был отбиваться от наседавшего со всех сторон противника.

Доносы, предательства, обыски, аресты и расстрелы стали в городе обычным явлением. Бесчинства разнузданных солдат, грубые вымогательства и разбои превзошли всякие ожидания. Население, конечно,

еще ранее слышало о зверствах, чинимых большевиками в России, но едва ли кто помышлял, что красные репрессии могут принять такие чудовищные размеры. Днем и ночью красногвардейцы врывались в частные дома, совершали насилия, истязали женщин и детей. Не щадили даже раненых: госпиталя и больницы быстро разгружались путем гнусного и бесчеловечного убийства, лежавших в них партизан и офицеров.

Кощунствовали и над религиозными святынями, устраивая в церквах бесстыдные оргии и тем умышленно оскверняя религиозное чувство граждан [42]). Не было конца и предела жестокостям и дьявольской изобретательности красных владык. Приходилось удивляться неисчерпаемости запаса утонченных издевательств, которым большевики подвергли население города, бесстыдно и нагло глумясь над его беззащитностью. Было ясно, что советская власть от льстивых обещаний, перешла теперь к делу, заставляя подчиниться себе не силой слова и убеждения, а силой оружия и террора.

Так углубляла революцию и вводила свои порядки социалистическая власть, проповедовавшая мир, прекратившая войну на внешнем фронте, чтобы начать таковую внутри государства.

Особенно усердствовали в жестокостях латыши, мадьяры и матросы. Мне памятен случай, как мальчишка 15—16 лет, в матроской форме, вооруженный до зубов, едва держась в седле, предводительствовал группой солдат, совершавших обыски на Базарной улице. Истерически крича, он требовал всех арестованных немедленно приканчивать на месте. Было только непонятно за какие услуги и почему этот юнец пользуется таким авторитетом, среди здоровенных солдат. Когда один из последних, видимо, не согласился с ним относительно арестованного по-видимому еще совсем юнца-ребенка, он выхватил маузер и выстрелил в несчастного мальчика сам. Но не умея обращаться с оружием, сделал это так неудачно, что оружие выпало у него из рук. Тогда, скатившись с коня, он подхватил револьвер и стреляя в упор, прикончил свою несчастную жертву. Даже на красногвардейцев-палачей, как я заметил, это зверское убийство произвело отвратное впечатление. Они не смеялись, как о бычно, не делали пошлых замечаний, а наоборот угрюмо храня молчание, отвернулись и поспешили к следующему дому.

К сожалению, мне не удалось выяснить фамилию этого малого садиста. Единственно было установлено, что в город он прибыл с матросами и за несколько дней до занятия нами Новочеркасска бежал в Ростов и далее, чем избегнул заслуженной кары.

Вспоминаются и такие картинки: на козлах извозчика, спиной к лошади, сидит пьяный матрос, в каждой руке у него по нагану, направленному на несчастные жертвы, по виду офицеры. Их везут к злосчастной вокзальной мельнице, где большевики производили расстре-

---

[42]) На состоявшемся 13 февраля 1918 года заседании Новочеркасского Совета рабочих депутатов и исполнительного комитета Северного Военно-революционного отряда (Голубова) под председательством неизвестной мне Кулаковой, было вынесено между другими и такое постановление: «в виду возможных эксцессов с целью избежать их, арестовать архиерея Гермогена и архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана». «Известия» от 18 февраля 1918 года.

лы. Бледные, изможденные лица, впавшие глаза, блуждающий и безумный взгляд, как бы ищущий защиты и справедливости. Ухаб на мостовой вызывает неожиданный толчок, раздается выстрел, пролетка останавливается. Матрос ругается, еще больше негодует извозчик. Первый потому, что нечаянным выстрелом раньше времени покончил с одним «контрреволюционером», чем лишил товарищей удовольствия потешиться, а второй — недоволен, что кровью буржуя испачкано сиденье. Жертва еще дышащая, выбрасывается на мостовую, а шествие с остальными, обреченными на смерть, продолжает путь дальше.

На другой день по занятию Новочеркасска, Войско Донское было переименовано в «Донскую Советскую республику» во главе с «Областным военно-революционным комитетом», в котором на правах «Президента-диктатора» председательствовал подхорунжий Л. Гв. 6-й Донской батареи Подтелков [43]), избравший вскоре центром советского управления областью город Ростов.

О создании республики и лицах ее возглавляющих, население было оповещено через «Известия» Новочеркасского совета рабочих и казачьих депутатов, в которых на первой странице крупным шрифтом объявлялось для общего сведения нижеследующее:

«Вся власть в Донской области впредь до съезда Донских советов, перешла к областному военно-революционному комитету Донской области, который объединяет трудовое казачество, рабочих и крестьян области. Вся власть в Новочеркасске перешла к совету рабочих и казачьих депутатов. Революционный порядок и революционная дисциплина должны быть восстановлены, как можно скорее: все, что препятствует этому должно быть беспощадно устранено. К революционной работе,. товарищи».

Военным комиссаром Новочеркасска по борьбе с контрреволюцией, иначе говоря, во главе всей административной власти, был поставлен товарищ Медведев (бывший каторжанин-матрос), а командующий войсками Донской области хорунжий Смирнов (из вахмистров Л. Гв. Казачьего полка). О Голубове, чье предательство сыграло видную роль в падении Новочеркасска, не было упомянуто ни слова.

В отношении создания советов в станицах и коренного изменения всего уклада станичной жизни, большевистские заправилы не рискнули сразу отдать категорическое приказание, а ограничились лишь широкой рассылкой возвания III-го Всероссийского съезда советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, в котором между прочим говорилось: «Всероссийский съезд С. К. Р. и С депутатов зовет вас трудовые казаки, создавайте свои советы казачьих и крестьянсктих депутатов и вместе с крестьянами берите всю власть в свои руки, все помещичьи земли, весь инвентарь в свои руки».

Но прошло некоторое время и когда Советская власть немного укрепилась, а главное сильно обнаглела, она начала засыпать станицы грозными декретами. Она угрожала и требовала немедленного проведения в жизнь таких мероприятий, которыми, в сущности, в корне уничтожалось все, что даже только напоминало о казачьей привилегии и обособленность казаков от неказачьей части населения. Она видимо

[43]) См. Воспоминание. Часть II.

стремилась искоренить и самое слово «казак», связанное с понятием об особом казачьем быте и казачьей общине. Естественно, что эти нововведения не нашли в казачьей массе, еще крепко державшейся старых порядков и обычаев, сочувствия. Скорее, можно сказать, они вызвали глухое недовольство и ропот и расценивались казаками, как неуважение к казачьему укладу жизни и грубую попытку власти, навязать казакам новые, чуждые им порядки. Чаще всего, советские декреты в станицах внимательно прочитывались казаками, аккуратно складывались и прятались под сукно на неопределенное время. Только среди иногороднего населения области, советские мероприятия встречали живой отклик. Иногородние видели, что новая власть на их стороне, они чувствовали под собой твердую почву и уже несколько раз, в разных местах, порывались за старое рассчитаться с казаками.

От большевиков не могло укрыться такое настроение казачьей массы и ее пренебрежительное отношение к советским распоряжениям, но тогда еще большевики не располагали достаточными силами, чтобы всюду проследить за исполнением своих приказов и, в случае нужды, силой принудить их выполнять.

Иное положение было в Новочеркасске. Здесь красные главковерхи, опираясь на штыки, зорко наблюдали за исполнением своих приказов. Они сразу, под страхом расстрелов, потребовали в трехдневный срок сдать все наличное оружие и военное снаряжение, карая также смертной казнью укрывание офицеров и партизан, каковым было предписано немедленно заявить о себе и лично зарегистрироваться, что, с моей точки зрения было равносильно добровольно подвергать себя возможности расстрела.

Таковы, в общих чертах, были первые шаги советской власти. Сбросив с себя маску, рабоче-крестьянская власть, стала неуклонно проводить в жизнь, очевидно заранее намеченную программу. Прежде всего, началось систематическое разоружение казачества и одновременно — вооружение иногороднего элемента. Стали проводить массовой террор над зажиточным казачеством и крестьянством, поголовно истреблять верхи казачества, уничтожать казачьи привилегии и сравнивать казаков с иногородними и, главным образом, с «крестьянской беднотой».

18-го февраля стало известно, что прошлой ночью красногвардейцы, преимущественно шахтеры, под видом перевода с гауптвахты в тюрьму, вывели за город ген. Назарова, председателя Круга Е. Волошинова, а с ним 5 Донских генералов и там их всех зверски убил. Несчастным участь их объявили, подойдя к уединенному от нескромных взоров людских мрачному кирпичному заводу. Объявили и приказали раздеться, ибо по заведенному у большевиков обычаю, платье, обувь и белье убиваемых, составляло трофеи красных палачей. Мне передавали, что все они геройски приняли смерть и будто бы перед расстрелом гнусные убийцы предложили Атаману Назарову повернуться к ним спиной, на что последний со свойственным ему хладнокровием, ответил: «Солдат встречает смерть лицом» и перекрестившись, скомандовал: «Слушай команду: раз, два, три». Так достойно погибли первый и третий выборные Атаманы войска Донского. Рассказывали также, что Волошинов случайно не был убит, а только ранен. Придя в се-

бя и не видя никого, он пополз, не имея сил идти. Доползши до дороги и прождав некоторое время, он окликнул проходившую мимо женщину, прося помощи. Но женщина испугалась, побежала и выдала его большевикам. Мучители вернулись вновь и добили его прикладами. Чтобы несколько сгладить впечатление от этого кошмарного убийства, большевики объявили населению, что генералы были убиты при попытке бежать во время перевода их в тюрьму [44]). Вздорность и нелепость подобного заверения усугубляется тем, что среди многочисленного конвоя, сопровождавшего арестованных, было много вооруженных конных, каковым не составляло бы никакого труда догнать бегущих.

Мое нелегальное положение, незавидное в первый день прихода большевиков, с каждым днем осложнялось, становясь все более и более опасным. На регистрацию офицеров я сознательно не пошел. Уже за это я подлежал расстрелу Кроме того, жил без документа, скрываясь в разных местах, что, естественно, было сопряжено с большим риском. Но что можно было предпринять? Большевики плотно оцепили город и потому всякую попытку бежать из Новочеркасска надо было считать предприятием безрассудным, особенно в первые дни владычества красных. Не менее опасно было и оставаться на одном месте, ибо большевистские облавы и обыски происходили непрерывно, сопровождались обычно точным контролем документов, удостоверяющих личность. При таких условиях, конечно, легко было попасться красным. Взвесив эти обстоятельства, я большую часть времени проводил на улице, прогуливаясь из одного конца города в другой и, всемерно, избегая встречи с латышами и матросами, бродившими группами по улицам и залезавшими в частные дома. Большинство жителей Новочеркасска, особенно в первые дни прихода красных, не решалось выходить на улицу, а сидело по домам с трепетом и страхом ожидая очередного визита красногвардейцев. Улицы, поэтому, были пусты и как я ни хитрил, все-таки в первое время меня несколько раз грубо останавливали солдаты, спрашивая кто я и куда иду. Эти встречи, памятные мне до сих пор, были испытанием нервов и самообладания, так как малейшее подозрение могло привести к аресту и значит к расстрелу. Пощады офицеру, принимавшему участие в борьбе — по революционному закону или вернее говоря произволу, конечно, быть не могло. Подделываясь под товарища я, скрепя сердце, в шутливом тоне, развязно отвечал солдатам на их вопросы, обращая их внимание на свое рваное одеяние и хвастаясь шубой, добавляя что ее я получил «в наследство от буржуя». Последнее замечание обычно вызывало у них смех, они хлопали меня по плечу, видимо одобряя мое деяние, а я выбирал удобный момент, чтобы отвязаться от них, пока кто-либо случайно не обнаружил моего маскарада.

Несколько легче стало скрываться, когда в некоторых районах города обыски кончились, по крайней мере официально, а неофициально они происходили по несколько раз в день. Квартальные старосты и домохозяева получили особые квитанции, удостоверявшие, что кон-

---

[44]) На самом деле, как впоследствии выяснилось, таково было постановление революционного комитета. Ордер о переводе этих лиц в тюрьму был написан условно — поперек бумажки, что означало смерть.

троль уже был и от дальнейших обысков они освобождены. В случае нежелания красногвардейцев считаться с этим, предлагалось немедленно уведомлять по телефону или иным способом комиссариат и звать помощь. Такая мера, кажущаяся на первый взгляд хорошей, однако своей цели не достигала. Во-первых, не в каждом доме имелся телефон, во-вторых даже при наличии такового, не всегда было возможно протелефонировать незаметно от бандитов, ворвавшихся в дом, да и как было решить вопрос: законен ли обыск или нет, в-третьих, малейший протест со стороны обывателя грозил ему смертью и, наконец, на телефонные звонки о помощи, часто никто не откликался и в лучшем случае, помощь являлась тогда, когда грабители уже совершили злодеяние и скрылись. В сущности, это большевистское распоряжение, ограждавшее, как будто интересы жителей, на самом деле, было лишь фиговым листком, которым красные заправилы хотели прикрыть необузданный свой произвол и внешне придать советскому управлению характер порядка и законности.

Обыски обычно происходили по одному и тому же шаблону: все живущие в квартире сгонялись в одну комнату, где мужчины подвергались строгому опросу, а женщины издевательствам. Чаще всего, при обыске главную роль играли пьяные матросы. Остальные «товарищи», в это вермя, хозяйничали в доме, перерывая все вверх дном и отбирая то, что кому понравилось. С целью парализовать возможность бегства грабители предусмотрительно ставили наружных часовых. При таких условиях, найти себе вполне надежное убежище было далеко не легко. Мне же было особенно трудно, так как я приехал в Новочеркасск всего три недели тому назад и не успел еще восстановить свои старые знакомства. Случайные знакомые в страхе открещивались от гостеприимства, боясь быть выданными прислугой и тем навлечь на себя страшную кару большевиков за укрывание офицера. Поэтому, многие офицеры и партизаны прятались по оврагам, пустынным кирпичным заводам, некоторые превратили даже могильные склепы в жилища, где долгое время скрывались никем не тревожимые. Неизвестно только каким путем, но об этом пронюхали большавики и сделав облаву, всех пойманных прикончили на месте.

В первый день прихода большевиков, я нашел себе убежище на окраине города у своего дальнего родственника, а затем несколько раз ночевал, то у бывшей у нас когда-то прачки, то у одного мелкого торговца, знавшего меня еще ребенком и охотно дававшего мне приют у себя.

Позднее, когда прошел первый вал красного террора, я перебрался в центр города к моим дальним родственникам. Они жили семьей в количестве 4-х женщин, в небольшом домике в глубине двора. Обыск у них прошел сравнительно благополучно, если не считать изъятия нескольких золотых вещей и предметов одеяния, понравившихся красногвардейцам. Кроме того, имели они и «охранное свидетелеьство о произведенном у них обыске». Безопасность нахождения и здесь, конечно, была относительная, так как каждую минуту могла ворваться банда солдат и арестовать меня, как подозрительного. Приходилось с револьвером не расставаться, быть все время настороже, не раздеваясь спать тревожным сном. Мало-помалу я свыкся с положением. Стал интере-

соваться жизнью обитателей, занимавших большой дом на улицу и несколько маленьких во дворе. Мне стало известно, что в день оставления белыми города, жене домовладельца привезли ее брата-партизана, тяжело раненого. Найти врача в этот день не удалось. Однако, храбрая женщина не растерялась. Как умела, она сама перевязала раны брату, терявшему часто сознание, уложила его в постель, накрыв с головой и, в предвидении обыска, разложила большую часть наличного золота и денег на видном месте в комнате, наиболее удаленной от раненого. Едва она закончила свои приготовления, как раздался стук в дверь и послышались грубые голоса, требовавшие их впустить. На вопрос вошедших красногвардейцев — кто здесь живет и где мужчины, — она сохраняя самообладание, ответила: «мой муж — чиновник, пошел на службу, в доме сейчас, кроме меня, находится мой брат, умирающий от тифа. При этих словах, она спокойно полуоткрыла дверь, как бы приглашая красногврадейцев следовать за ней и лично убедиться. Последние замялись. Перспектива посещения заразного больного совершенно их не прельщала. Все их внимание приковывали к себе золотые вещи и деньги, лежавшие в разных местах комнаты. Уловив это и не желая своим присутствием стеснять бандитов, она одна пошла к больному, а когда вернулась, то не нашла ни золота, ни денег, ни красногвардейцев. Только на дверях исчезнувшие посетители оставили лаконическую записку: «обыск был, в доме тифозный больной».

Не лишено интереса, что своего сына 15-летнего партизана—гимназиста, прибежавшего домой 12-го февраля эта дама передала «на сохранение» к сапожнику, занимавшему в конце двора маленький домик. Он обещал ей сохранить мальчика, но под одним условием: если власть большевиков падет, то она, в свою очередь, использует свое влияние и защитит его перед новой властью. Как я узнал, сапожник этот играл среди большевиков видную роль в городе, находясь в «совете пяти» и был, в сущности, большой каналья. Когда мы овладели Новочеркасском и сапожник был арестован, дама сдержала обещание и своим настойчивым заступничеством, вымолила ему свободу. Подобные «перестраховки», кстати сказать, были явлением довольно распространенным.

Бесцельно бродя по городу, я однажды решил навестить подругу моей сестры С. Л., с которой в детстве, я проводил время, встречаясь очень часто. Потеряв родителей, она жила вместе с братом, далеко от центра, занимая хорошенький особнячок. Последняя моя с ней встреча была лет десять тому назад.

Приняв необходимые предосторожности, я подошел к дому и позвонил. На звонок, к большой моей радости, дверь открыла она сама. Несмотря на большую в ней перемену, я без труда ее узнал. Увидев перед собой бродягу, в ужасном одеянии, она подозрительно и внимательно осмотрела меня, прежде чем поверить мне, когда я себя назвал. Думаю, что только благодаря удачному маскараду, я до конца остался неузнанным большевиками и их агентами, наполнявшими город.

В уютной гостинной, за чашкой чая, долго длилась наша задушевная беседа. Спешили рассказать друг другу все важные события послед-

них десяти лет, а также поделиться и настоящими переживаниями. Между прочим, она призналась мне, что в одной из комнат ее дома, лежат два сильно искалеченных партизана, которых она 12-го февраля, в буквальном смысле слова, подобрала на улице и приютила у себя, рискуя сама за это жизнью.

— «Но разве можно было оставить этих несчастных юношей умирать на улице ночью» — сказала она. — «У них здесь нет никого, ни родных, ни знакомых. Подвода с ними случайно стала недалеко от моего дома. Возница бросил лошадей и сбежал. Несчастные громко стонали, но никто не решался оказать им помощь, боясь большевиков, уже входивших в город. Я сжалилась над ними и когда наступила темнота, сама незаметно перетащила их к себе, обмыла раны и перевязала их. Только один раз, я испытала ужасный страх, когда ко мне ворвалась ватага пьяных солдат. Они всюду шарили, все перевернули в доме, отбирая лучшие вещи себе. Я не протестовала, и, готова была все отдать и лишь ломала голову, какой придумать ответ, если красногвардейцы обнаружат комнату, где лежат раненые и потребуют ее открыть. Не за себя я боялась, а за юношей, которых большевики не пощадили бы. Слава Богу, они не заметили этой двери, прикрытой ковром и потому все обошлось благополучно. А теперь мои питомцы уже поправляются и я надеюсь, — добавила она, — скоро будут совсем здоровы».

Таких случаев, когда русская женщина, проявила необыкновенное мужество, удивительную отзывчивость и заботливость в отношении раненых офицеров и партизан в Новочеркасске, я мог бы рассказать сотни.

В лазаретах сестры, рискуя жизнью, самоотверженно спасали раненых, скрывали их, прятали в частные дома, заготовляли подложные документы. Я знаю, как по ночам, женщины храбро шли отыскивать тела убитых среди мусорных ям, выносили их на своих плечах и тайно предавали погребению. Мне известно, как женщины, сами голодая, отдавали последние крохи хлеба раненым и больным офицерам. Я знаю, что в тяжелые минуты нравственных переживаний, колебаний и сомнений, они своим участием вносили бодрость и поддерживали угасающий дух. Я помню, как находчивость женщины и ее заступничество спасли от неминуемой смерти не одну жизнь.

И я думаю, что за все это святое самопожертвование и человеколюбие, проявленное русской женщиной в жуткие дни борьбы с большевиками, ее имя будет занесено в историю большими золотыми буквами на одном из самых видных мест.

Скоро, после занятия Новочеркасска, большевики объявили регистрацию офицеров и грозили за уклонение от нее смертной казнью. К сожалению, надо сказать, что на грозный окрик советских заправил, незамедлительно откликнулись почти все офицеры, бывшие тогда в Новочеркасске. Печальное зрелище представляли они, когда одетые, кто в военную форму без погон, кто в полувоенном одеянии, кто в штатском платье, офицеры составили бесконечно длинную и пеструю вереницу, робко стоя в очереди у здания Судебных установлений, где происходила регистрация. Недалеко от них образовалась другая группа. То были матери, жены, сестры, дочери. Тревожась за участь близких, они пришли без зова и со скорбными, заплаканными лицами, с

тоской и гнетущим беспокойством, не спуская глаз, наблюдали за своими, томительно ожидая решения и в душе моля Бога за благополучный исход. «Вышел, свободен, задержан или временно задержан, приказали явиться еще раз, предложили службу, арестовали. . .» Такие восклицания с быстротой молнии облетали собравшихся, вызывая то чувство радости, то сомнения, то зависти, то отчаяния и слезы. И тяжело и больно было видеть страдания этих несчастных людей. Вот когда сказалось, думал я, привычка офицеров повиноваться. Вышел строгий приказ новой власти, той власти, которая не постеснялась уже расстрелять и Атамана и нескольких генералов и большое количество офицеров и партизан и подавляющее большинство, без явного ропота и наружного недовольства, бросилось его выполнять. А там, внутри, в здании Судебных установлений, какие-то наглые, полуграмотные субъекты, буквально издевались над офицерами. Кого хотели арестовывали, других пьяным окриком выгоняли прочь, приказывая через два-три дня вновь явиться, дабы опять повторить ту же унизительную процедуру. Не лишено интереса то обстоятельство, что с офицерами генерального штаба большевики обращались довольно вежливо. Больше того, они всячески стремились склонить их на свою сторону, обещая в виде компенсации, большое жалование, бесплатную квартиру, автомобиль и другие жизненные блага. На эту большевистскую приманку попалось несколько человек[45]) и большевики немедленно возложили на них составление плана о защите Дона на случай возможного восстания контрреволюционеров или вторжения «белогвардейцев» извне. В этих случаях существенное значение, конечно, имел страх, побуждавший многих забывать иногда и былые традиции, и идеалы прошлого, и мириться с издевательствами и покорно исполнять большевистские веления.

Моя жизнь текла довольно тревожно. Главное внимание, я сосредоточивал на том, чтобы не быть случайно узнанным на улице. Но однажды мне посчастливилось — я встретил моего дядю, которого узнал с трудом. Меня поразило и его солдатское одеяние и наличие винтовки. Уверенный, что он никогда не мог воспринять большевизм, я обрадовался этой встрече. Мы разговорились. Человек немолодой, далеко за пятьдесят лет, но еще довольно бодрый, невоенный, все время занимавшийся хозяйством, он, в свое время, отозвался на призыв Атамана Каледина и, оставив дом, с двумя сыновьями-юношами, поступил на службу добровольцем. Дети ушли в партизанские отряды, а он, в виду преклонного возраста, попал в местную городскую команду, где и нес службу охраны. В критический день поспешного оставления Новочеркасска 12 февраля, он, вместе с другими, такими же старцами, был в карауле у интендантских складов. В части второй моих воспоминаний, я подробно описывал паническую растерянность и преступную нераспорядительность, проявленную в этот день штабом Походного Атамана Ген Попова, вследствие чего многие офицеры были брошены на произвол судьбы, забыли снять и караулы.

— «Еще не начинало смеркаться» — продолжал он свой рассказ «когда я, стоя на посту, увидел едущую мимо нашего склада, большую

[45]) Генерального штаба подполк. Рытиков, Дронов.

кавалькаду всадников. Их окружала толпа оборванцев, что-то дико кричавших и бросавших шапки вверх. Ничего не зная о бегстве из города Походного Атамана и не понимая причину радости толпы, я с любопытством наблюдал это зрелище. От толпы отделились несколько всадников и подскакали к складу. Один из них, в казачьей форме, без погон, грубо спросил меня: «Кто ты и что здесь делаешь?» Недоумевая и крайне ошеломленный грубостью его тона, я ответил, что я часовой и охраняю склады, а затем спросил его, а кто — он? Но не успел я окончить фразы, как казак закричал: «так значит, ты белогвардейская сволочь». Его выкрик сразу же рассеял мои сомнения и я понял с кем я имею дело. Дабы выйти из положения, я, сохраняя наружно спокойствие, ответил, что я и сам не знаю белогвардеец я или красногвардеец. Знаю лишь, что меня мобилизовали и поручили охранять народное имущество, приказав никому не позволять грабить казачье добро. Мой ответ видимо пришелся казакам по душе. Отъехав в сторону, они долго и горячо о чем-то совещались. Наконец, старший из них, вновь подъехал ко мне и уже мягче сказал: «ну ежели так, то охраняй дальше только теперь весь караул наш». Затем обратившись к одному из казаков, он приказал выдать нашему караулу удостоверения за печатью полка, что мы состоим в списках 10 большевистского казачьего полка товарища Голубова. «Вот вкратце, — закончил он, — моя повесть, как я стал «товарищем».

Дальше я узнал от него, что один из его сыновей находится в 6-м казачьем батальоне, где укрывается много офицеров, другой сын пропал без вести. Сам он только номинально числится в полку, но службы не несет, а винтовку имеет по «положению» и больше для личной безопасности.

— «Так как мне жизнь в городе достаточно уже опротивела» — сказал он «и в будущем ничего доброго не предвидится, ибо не сегодня, завтра Голубов задерется с солдатней, им же приведенной, то я решил бросить полк и бежать. То же советую сделать и тебе, причем я тебе достану и коня, и оружие, и необходимые документы». Его предложение я принял, конечно, с огромной радостью, так как дальше оставаться в Новочеркасске для меня становилось все более и более опасно. Но, к сожалению, нашему плану не суждено было осуществиться. Через два дня мой дядя тяжело заболел и таким образом, я был вынужден до конца оставаться в Новочеркасске.

Позднее я нередко беседовал на тему о том, кому было лучше: тем ли кто остался в Новочеркасске, или же тем кто ушел в Степной поход. Задумываясь над этим, я и до сих пор не мог бы дать беспристрастный ответ уже по одному тому, что ужасы и гнет красного владычества в Новочеркасске я испытал лично, а в Степном походе я не участвовал. Но неоспоримо лишь то, что количество офицеров и партизан, расстрелянных большевиками в городе в период их полуторамесячного владычества, во много раз превышало число убитых и раненых в отряде Походного Атамана за время похода.

По сравнению с отрядом Добровольцев Ген. Корнилова, положение Степного отряда, скитавшегося по Донским степям, было безусловно выгоднее. В то время, как Добровольческий отряд уйдя на Кубань, вынужден был ежедневно с оружием пробивать себе дорогу, Донскому

отряду Пох. Атамана в этом отношении посчастливилось. Он имел только несколько незначительных стычек с большевиками. На основании многочисленных показаний участников Степного похода, а также офицеров, укрывавшихся в городе, ген. Денисов[46]) категорически утверждает, что поход не был тяжелым и что офицерам, оставшимся в Новочеркасске пришлось перетерпеть гораздо больше, нежели участникам похода. Брошенные Пох. Атаманом в Новочеркасске, они жили словно приговоренные к смерти, ежеминутно ожидая стать очередной жертвой красного произвола. Ссылаясь на заметки и дневники участников Донского похода (Гуревина, Каклюгина, Страхова, Грекова и др.) Ген. Денисов говорит: «Все же у каждого участника этого скитания по чужим углам, в боевой обстановке, было сознание, что не он один в поле воин и, если не он, то его сосед вооружен. При них были пушки, пулеметы, обоз и казна. Не из-за угла и не с крыши или окон дома поразит его злодейская пуля, а в открытом, быть может и неравном бою, сложит он казачью голову за родной край и веру. И в этом было огромное утешение рядовому участнику военного похода, терпевшему несомненно большие лишения... начальство в степном походе чувствовало себя прекрасно: переезды на отличных очередных тройках, ночлег у гостеприимных поневоле коннозаводчиков, с полными удобствами, даже комфортом, с сытными ужинами, обедами, завтраками, с напитками и музыкой — совсем напоминали бы маневры доброго старого времени в хороших условиях, если бы не боевая обстановка».

Вспоминая некогда пережитое, могу сказать, что и я весьма часто негодовал на начальника штаба Пох. Атамана, полк. Сидорина, по вине которого я остался в городе. Сетовал я и на свою судьбу, уготовившую мне удел нелегального скитания и искренно завидовал тем счастливцам, которые ушли в Донской поход.

С приходом красных в Новочеркасск торговая жизнь города совершенно замерла. С целью сколько-нибудь ее оживить Исполнительный комитет совета рабочих и казачьих депутатов 17 февраля приказал открыть все торговые предприятия. Однако, товаров не было и магазины стояли почти пустыми. Возобновили деятельность и городские учреждения, а чиновников принудили посещать службу. Заставили функционировать театры, кинематографы и увеселительные заведения. Стали поощрять устройство разнообразных политических собраний и публичных митингов, надеясь этим способом внедрить в массу идеи коммунизма. С этого начала свою деятельность рабоче-крестьянская власть, а кончила тем, что стала безнаказанно обирать население. Под благовидным предлогом необходимости равномерного распределения запасов продовольствия, рядом декретов, опубликованных в «Известиях» населению было приказано сдать все излишки запасов, причем, к ослушникам грозилось применить высшую меру наказания революционных законов, т. е. расстрел. Но, не выждав даже результата своих распоряжений, большевики спешно начали всюду шарить и там, где что-либо находили, бесцеремонно забирали все, якобы для пополнения общественных складов, а в действительности для удовлетворения нужд наиболее привилегированного класса, а именно: бездель-

[46]) Ген. Денисов. «Гражданская война на юге России» 1918-1920 гг., стр. 42-43.

ничавших рабочих, хулиганов и всякого городского сброда. Как и надо было ожидать, особенное внимание они обратитли на винные погреба и спиртные склады и конечно отнюдь не с целью предупреждения пьянства. Сначала все спиртное подверглось тщательному учету, затем все было реквизировано, а после началось беспробудное пьянство, целые дни от раннего утра до поздней ночи.

На эти требования большевиков Новочеркасский обыватель ответил тем, что еще глубже залез в подполье, куда припрятал и все свои жалкие припасы, ни за что не желая с ними расставаться. Большевики негодовали и всячески старались побороть такое пассивное сопротивление. Но уже вскоре они должны были признать, что все их мероприятия ощутительных результатов не дают и продовольственного кризиса не разрешают. Если население страдало от недостатка продовольствия, то местная советская власть очутилась еще в более худшем положении, ибо она натолкнулась на препятствие, преодолеть которое и ей оказалось не по силам, а это сильно подрывало ее престиж в глазах населения. Тогда большевики решили ввести систему «пайков», но этим, конечно, вопроса не разрешили, так как скудные городские запасы скоро пришли к концу. Однако, эта мера лишний раз показала населению, что для новой власти не все жители одинаковы: есть «свои» и есть «пасынки» — обездоленные и бесправные. Первые получали паек и пользовались разными льготами, вторые — всего этого были лишены и предоставлены самим себе, иначе говоря — обрекались на голодовку.

И вот то, что не мог сделать разум и порабощенная воля, стал выполнять пустой желудок, побуждая голодного обывателя терять панический страх перед красной властью. Скрытое в начале недовольство, стало временами, хотя и осторожно переходить в явное недоброжелательство и даже злобу. Росту такого настроения значительно способствовали и сами большевики. Своими бессмысленными и противоречивыми приказами они в конец измучили несчастное население города. Лишенные возможности достать продовольствие в Новочеркасске, многие горожане начали искать его вне города т. е. в станицах. Так на почве голодовки возникло паломничество из города в ближайшие станицы за продуктами. Началось, я бы сказал, постепенное, вынужденное обстоятельствами, общение горожан с казаками.

— «Здесь вам хлеба дадим», — говорили станичники, «но в город не поедем, что там за пришельцы, мы не знаем».

От этих ходоков казаки узнавали столичные новости. Они жадно слушали их страшные рассказы и не хотели верить, что в столице Дона большевики творят такие ужасы. В свою очередь, горожане знакомились с настроением казаков ближайших станиц к Новочеркасску.

В первое время, население казачьих станиц отнеслось к новой власти почти безразлично. Но такое состояние продолжалось лишь до тех пор, пока большевики не стали посылать в ближайшие станицы карательные отряды и разные экспедиции по производству реквизиций и насильственного отобрания хлеба. По существу, казаки заняли выжидательную позицию, как бы готовясь на себе проверить широкие обещания рабоче-крестьянской власти. Выжидательное настроение каза-

ков ближайшего к Новочеркасску района, несколько ободряло горожан, давая, хотя смутную, но все же какую-то надежду на перемену положения и на возможность избавления от красного ига, становившегося в городе все тяжелее и ощутительнее. Недовольство новой властью усилилось, когда большевики с присущим им цинизмом, ударили по карману обывателя. Приказом областного военно-революционного комитета № 4 от 23 февраля на Новочеркасск была наложена контрибуция в размере 5 миллионов рублей с уплатой таковой в 4-х дневный срок. Ворча под нос и протестуя больше в душе, но страшась однако сурового возмездия за ослушание, понесли Новочеркассцы большевикам свою копеечку. Но еще больше возмущали население бесчинства пьяных красногвардейцев и продолжавшиеся, ничем неоправдываемые, расстрелы офицеров и детей-партизан.

На шестой день воцарения красных в Новочеркасске, в «Известиях» было помещено нижеследующее объявление: «Доводится до сведения граждан г. Новочеркасска, что трупы убитых в разных частях города приведены в порядок и сведения об этих убитых даются в «Совете Пяти». А через день последовал новый приказ: «Закопать трупы убитых во избежание могущих возникнуть от разложения их эпидемий».[47]) Яркую вспышку негодования вызвало безобразное убийство среди белого дня трех офицеров — мужей трех сестер — дочерей известного Новочеркасского старожила Ген. Пименова. Произошло это уже тогда, когда всем казалось, что бессмысленный террор прошел и расстрелы прекратились. Под каким-то предлогом офицеров вызвали в комиссариат (участия в гражданской войне, как мне было известно, они не принимали), а через час после этого, в дом явился комиссар и цинично заявил, что произошла небольшая ошибка и их мужья расстреляны по недоразумению.

Тюрьмы были так переполнены, что не могли уже вмещать новых арестованных и потому большевики, время от времени, разгружали их, выводя офицеров и расстреливая их вблизи места заключения. Никак нельзя было найти ни объяснения, ни оправдания зверского отношения большевиков, даже к раненым офицерам и партизанам. Последних часто выволакивали на улицу пьяные солдаты и здесь же приканчивали. Иногда случались эпизоды, которые не выдумать ни одному романисту, как бы ни была велика его фантазия. Например: из больницы О-ва Донских врачей на носилках выносят раненых и складывают на подводы, чтобы вывести за город и там расстрелять. Мимо проходит дама. Она умоляет красногвардейцев пощадить раненых. Красные нагло предлагают ей выкуп. — «Выкупите их у нас. По двести рублей за каждого», — говорят они. Дама поспешно роется в сумке и находит только 400 рублей, а обреченных 40 человек. Как быть?

— «Очень просто», — кричит красногвардеец — «выбирай любых двух». И сердобольной женщине пришлось «выбирать двух». Что вы-

---

[47]) «Известия» от 19 февраля 1918 г. Надо иметь в виду, что никакого боя у Новочеркасска не было и следовательно все убитые — только жертвы красного террора. Через 6 дней после вступления красных в город, по подсчету гласного Новочеркасской городской Думы и члена знаменитого «Совета Пяти» Вишневского, было расстреляно уже свыше 600 человек.

ражали глаза раненых, когда среди них выбирались двое, чтобы остаться в живых. Остальные 38 человек были увезены за Краснокутскую рощу и там расстреляны.[48]) Уверенно могу сказать, что любой житель Новочеркасска мог бы рассказать грустные повести человеческих страданий и тяжелых переживаний в эти кошмарные дни.

Однако и эти большевистские ужасы, не изменили в сущности настроения главной массы Новочеркассцев. Она, по прежнему, продолжала оставаться пассивной. Зараженные еще ранее политической маниловщиной, и безволием, не сумевшие или не хотевшие своевременно сорганизоваться и дружно поддержать антибольшевистское движение, прежде храбрые на словах, а теперь потерявшие дар противоречия, Новочеркассцы новую власть, я бы сказал, встретили внешне покорно, внутренно недоверчиво и недружелюбно. Укреплению последних чувств, как я уже говорил, способствовала и сама красная власть. Большевизм не только не облегчил существования и ничего не дал положительного, но наоборот сразу же внес в жизнь хаос и экономическую разруху. Систематическое проведение большевиками идеи классовой борьбы и разжигание классовой ненависти социальных низов ко всему выше их стоящему с разрушением в то же время моральных и правовых ценностей, еще более осложнило условия жизни. Не оставалось сомнения, что большевизм уничтожает самые основы всякого общечеловеческого начала в жизни. Все то, что обычно составляет признаки каждого культурного общества, как то: любовь к ближнему, уважение к старости, знанию, таланту, к прошлым заслугам, сочувствие к страданию ближнего, — все это большевизм в лице своих представителей в Новочеркасске цинично топтал в грязь, как буржуазные предрассудки, делая их зачастую даже предметом издевательства и глумлений. Население воочию убеждалось, что вместо обещанной свободы и равноправия, Советская власть задушила первую и неуклонно проводило в жизнь деление на «овец», которым дозволено все и «козлов» — объект ненависти, глумления и лишения их права защиты каким бы то ни было законом.

С каждым днем, гнет советского произвола давил сильнее, а вместе с этим больше росла и разруха. Громкие окрики большевиков под аккомпанимент продолжавшихся расстрелов, окончательно убили и без того в инертном населении всякую мысль о «противлении злу». Большинство испуганно шарахнулось в сторону, боясь как бы не скомпрометировать себя в глазах новой власти и больше всего заботясь о сбережении своих сундуков, да старого тряпья, хотя вне всякого сомнения, никто не был уверен за свою судьбу, не только завтрашнего дня, но даже и за сегодня.

Временное ослабление красного террора, вызывало иногда робкие попытки интеллигенции кое-где устроить саботаж, но они успеха не имели и немедленно в корне пресекались красными. Так, например, 24 февраля Городская Дума решила возвысить свой голос в защиту населения и единогласно приняла резолюцию с протестом против зверств большевиков в Новочеркасске. На это большевики ответили немедленным разгоном Думы и назначением своих комиссаров.

---

[48]) «Вольный Дон», 4 апреля 1918 года.

Беспощадными расправами с непокорными и жестоким террором Советская власть достигла того, что окончательно поработила волю населения, заставив его рабски выполнять каждое свое распоряжение. Трудно сказать, как бы долго продлилось такое состояние, если бы не стал ощущаться недостаток съестных припасов. Именно ежедневное недоедание начало постепенно пробуждать у обывателя чувства негодования и рассеивать панический страх перед красными владыками. А ведь еще недавно, т. е. в начале воцарения большевиков на Дону, мне приходилось слышать такие рассуждения: — «Ну уж, ежели большевики не пощадили Атамана и Председателя Круга, то с другими, тем более, они не станут церемониться. Они не то, что наше старое Правительство, которое только просило, да уговаривало. Эта власть действует жестоко и решительно и свои угрозы тотчас же приводит в исполнение», со вздохом поведал мне один уважаемый старожил Новочеркасска, видимо готовясь беспрекословно исполнить всякий приказ новых самодержцев. Не менее характерно и то, что если раньше обыватель безучастно и более чем халатно относился к призывам и распоряжениям Донского Правительства, то теперь наоборот, боясь и трепеща перед красными, каждый стремился заранее осведомиться о советских декретах. Уже рано утром, большинство спешило запастись большевистскими «Известиями», дабы прочитать все новости и главное не оставить случайно без исполнения какого-либо распоряжения. Так жестокостью и массовыми расстрелами большевики молниеносно изменили психологию населения. Но к чести Новочеркасских обывателей, следует отметить, что процент открыто ставших на сторону большевиков и делавших красную карьеру, был крайне невелик. Не много оказалось и тех, которые в свое время тайно оказывали услуги большевикам, скрывали их у себя и тем самым страховали себя на всякий случай. Отрадным явлением было и то, что всякая поддержка большевиков или тесный с ними контакт, не оправдывавшийся обстоятельствами, обычно вызывали глухое порицание. На этой почве нередко между близкими происходили разногласия, рушились идеалы, мечтания, разбивалось иногда семейное счастье.

В конечном результате, надо сказать, что произвол и безобразия, чинимые Советской властью, постепенно накопляли у граждан чувства негодования и глухого протеста. Правда, эти чувства, ввиду страха, перед властью, редко когда шли дальше излияния своих переживаний по секрету, в кругу родных и близких друзей. В массе же Новочеркассцы оставались безучастными зрителями происходящих событий.

Совсем иначе держали себя красные казаки Голубова, особенно 10 полк и 6 казачий батальон. И странно было то, что при Каледине эти же казаки, под влиянием революционного угара и большевистской пропаганды, оружием отстаивали права трудового казачества, попираемые будто бы «буржуазным» Донским Правительством. На фоне общей растерянности и бесправия запуганных горожан, поведение их составляло отрадное явление. Видно было, что они по-своему понимали служение интересам казачества. Вступив в город, они не уподобились красной солдатне и не прельстились возможностью безнаказанного грабежа несчастных обывателей. Наоборот, глумления солдатских банд, массовое избиение и расстрелы невинных людей, чинимые пришлым элементом,

к тому же, державшим себя независимо и даже вызывающе в столице Дона, возмутило казачью душу. Уже с первых дней вступления в Новочеркасск, голубовцы начали активно выступать, не допускать и прекращать безобразия и жестокости солдат и матросов, грозя, в случае повторения, разделаться с пришельцами оружием. Быть может, только теперь они увидели, какую подлую роль они невольно сыграли, когда ворвавшись в город, открыли путь для разного красного сброда, фактически завладевшего городом. Чувствовалось, что они, как будто теперь гордятся, что своим вмешательством и заступничеством могут хоть немного искупить свою вину. Я замечал, что большевистский произвол и вводимые ими порядки на Дону не только не притягивали красных казаков, но отталкивали их от советской власти и в то же время способствовали этим пробуждению у них любви к родному краю и желания порядка. Можно с уверенностью утверждать, что не будь тогда в Новочеркасске красных казачьих частей Голубова, город безусловно пострадал бы несравненно больше и жертвы были бы многочисленнее.[49]) То обстоятельство, что в городе стояло несколько казачьих полков, не только не принимавших участия в жестоких расправах, но и косо смотревших на убийства граждан почти исключительно казачьего сословия, значительно обуздывало аппетиты красногвардейцев. У них невольно зарождалось опасение, как бы хозяева, пригласившие их, не ударили бы им в спину. Казаки Голубова квартировали постоем в городе. Часть их располагалась и на Комитетской улице. Там мне вскоре удалось установить с ними общение. Тяготясь бездействием, я решил использовать время, вступить в контакт с красными казаками и узнать их настроение. Особого труда эта моя задача не представляла, так как во дворе дома, где я в последнее время скрывался, квартировало пять казаков. Опасно было лишь попасться на глаза жившему в том же дворе сапожнику-большевику, игравшему видную роль в «Совете Пяти». Встреча с ним наверное стоила бы мне жизни, почему и приходилось быть весьма осторожным. Целыми часами, сидя у окна, я наблюдал за казаками. Я видел, как они убирали лошадей, как изредка куда-то уходили, вероятно для несения караульной службы, а остальное время проводили за картами или в разговоре и, видимо, скучали. Однажды, я выбрал удобный момент, вышел во двор и заговорил с ними. То же проделал еще несколько раз и вскоре мы уже стали друзьями. Они очень охотно болтали со мной. Сообщали мне все городские новости, показывали мне приказы по полку и постановления их комитета. Но чаще всего, они жаловались, что им служба опротивела, ругали большевиков, ругали Голубова, говоря, что он их обманул и завел и страстно желали только одного: бросить все и разъехаться по домам. На мой вопрос — почему они это не делают, — станичники с горечью высказывали свое опасение, что дома им никогда не простят предательства, когда они, поверив, красной сволочи, привели ее с собой на Дон. С особым чувством зависти они передавали мне, что каждое утро в сотнях не досчитываются по несколько казаков, рискнувших ехать домой с повинной.

---

[49]) За время хозяйничанья большевиков в Новочеркасске, с 12 февраля по 1 апреля, было расстреляно около 600 офицеров, не считая партизан и других лиц.

С своей стороны, я объяснял им создавшееся положение, стремясь внедрить им в сознание главную мысль, что и в Новочеркасске и в целой области казаки должны взять власть в свои руки и не допускать пришлому элементу хозяйничать у нас на Дону. Я видел, что этот вопрос был тогда для них самый больной и острый. Они вполне соглашались со мной и нередко говорили: «Мы еще маленько потерпим, а затем выгоним с Дона красную сволочь; разве это большевики, — это просто — грабители». Иногда к ним во двор приходили и другие казаки этого полка. Они очень внимательно слушали наши разговоры, одобрительно поддакивали и уходя обещали все слышанное передать другим станичиникам. Развить пропаганду в больших размерах мне не удалось. Большевистское око бдительно наблюдало за всяким проявлением контрреволюции. Мне стало известным, что большевики установили густую сеть своих тайных шпионов и широко применяют предательство и провокацию. С целью обеспечить себя от возможных «контрреволюционных» выступлений, они вкрапили по всей области красногвардейские гарнизоны, изолировали округа и затруднили сношение между ними. Одновременно большевистские комиссары весьма зорко следили за настроением в станицах, используя для этого иногородний элемент, добровольно выполнявший роль соглядатаев и шпионов. Усердие иногороднего населения порой было столь велико, что временами они предлагали большевикам, при поддержке красных отрядов, расправиться с казаками и в зародыше подавить всякое казачье выступление против Рабоче-крестьянской власти. Такую ретивость иногородних, местное советское начальство весьма поощряло. Оно благоволило к ним, наделяло их землей, уравнивало в правах с казаками и, вооружало оружием, отбираемым у казаков. Казаки видели, что все симпатии новой власти на стороне иногородних. Эта несправедливость колола их самолюбие, вызывала чувство обиды и одновременно побуждала искать выход из создавшегося положения. Уже местами, казалось, казаки осознали, что они по собственной вине загнаны в тупик и что, быть может, недалеко дни, когда за содеянные ошибки им придется платить кровью. Для казаков положение было особенно безотрадным, так как оружия не было и борьбу пришлось бы начинать голыми руками, надеясь только на свои собственные силы. На помощь извне рассчитывать не приходилось, ибо сведения о Походном Атамане были скудны, противоречивы и мало утешительны. Несколько раз, я сам упорно пытался получить какие-либо вести о Походном Атамане или Ген. Корнилове, но все мои настояния никаких результатов не дали. Только однажды мне передали, будто бы в Новочеркасск прибыл гонец Ген. Корнилова и ищет «верных людей», желая с ними вести какие-то переговоры. Но я от этого свидания отказался. Откровенно скажу, что мне не внушала доверия ни личность гонца, мне неизвестного, ни сама довольно странная постановка вопроса. Я считал более полезным работать среди рядовых казаков, нежели вступать в конспиративные организации, возглавляемые неизвестными мне лицами и могущими в результате оказаться провокационными.

В скором времени, при помощи своего дальнего родственника, мне удалось установить связь с главным гаражом красных. Волею судьбы, у них на службе очутился неподкупный, честный и убежденный

«контрреволюционер» шофер-урядник У [50]). Познакомившись с ним, я сразу же был уверен, что он меня не только не выдаст, но главное, в нужный момент, принесет огромную пользу делу. По моему совету, он в короткое время, подобрал себе надежных единомышленников и, по первому требованию, был готов привести все машины в негодность, тем самым лишив большевистских главарей быстрого средства передвижения. И действительно, мои на него расчеты вполне оправдались: в день захвата города восставшими казаками, все автомобили достались нам и красные комиссары вынуждены были удирать в Ростов пешком, верхом или на подводах. Во время восстания в низовьях Дона, урядник У. неотлучно находился при мне, нередко выполняя сложные и опасные поручения. Будучи большого роста и обладая колоссальной физической силой, он сильно импонировал казакам и зачастую был крайне полезен своим на них влиянием.

В средних числах марта симпатии Новочеркассцев к казачьим частям Голубова значительно возросли, что следует объяснить, как человеколюбием этих частей, так и неучастием их в грабежах и насилиях. Но чем больше росли симпатии горожан к Голубовцам, тем больше участились ненависть и недоверие к ним красного сброда, осевшего в городе. Те из горожен, кто раньше проклинал Голубова, теперь забывал все недавние его преступления и в его лице видел будущего освободителя города от красного засилья. Но сам Голубов, мне думается, едва ли испытывал какое-либо раскаяние или серьезно помышлял о такой миссии. Вероятнее предполагать, что больше всего он был поглощен мыслью скорее исправить пошатнувшееся положение, восстановить свое былое влияние на казаков-фронтовиков, приобрести вновь популярность и вновь играть видную роль. С целью поднять свои акции и привлечь к себе внимание казачества, Голубов начинает брать: «направо» и затем, как увидит читатель ниже, проделывает историю с М. Богаевским, стремясь этим лишь снискать к себе симпатии интеллигенции и особенно офицерства. Помню, как многие мне тогда говорили: «Голубова теперь нельзя узнать, так он поправел, открыто ругает Подтелкова и весь «Совдеп», не признает Ростовской власти, освобождает офицеров из-под ареста и зовет их в свои части, недвусмысленно намекая на близкую расправу с «красногвардейскими бандами». Перемену в Голубове, я объяснил тем, что привыкнув играть первую скрипку, он, будучи оттерт на задний план, видимо готовился к реваншу. Обстановка этому весьма благоприятствовала. В большевистских верхах не все было благополучно. Начавшаяся между главарями грызня, принимала все более и более острую форму и вскоре перекинулась даже на печать. 27 февраля в «Известиях» появилось следующее стихотворение: за подписью сестры Голубова:

ВЕЛИКОМУ НАРОДУ

Подымайся великий народ
Остальные пойдут за тобою
Дружной ратью пойдем мы вперед
Только трусы не явятся к бою.

---

[50]) Сейчас он находится во Франции и работает на автомобильном заводе.

Если ярким наш будет удел
Лихо станем над черною бездной
Кто могет, беспощаден и смел
Она взовьется к высотам надзвездным.
В грозном рокоте слышен удар
По позорным столбам капитала,
От мерцанья зажегся пожар
Долгожданная радость настала.
Люди братья. В великие дни
Есть надежда на гибель Ваала
Цепи пали... Зажглися огни...

Ольга Голубова.

Отвечая своим содержанием революционному настроению того времени, это стихотворение, однако, бросало открытый вызов всесильному президенту Донской советской республики, ибо из первоначальных его букв составляется: «Подтелков подлец». Такое остроумное, да еще публичное оскорбление ставило Подтелкова в чрезвычайно неприятное положение. Газета была буквально расхватана. В городе только и шли разговоры на эту тему. Все горожане были на стороне Голубова, дерзнувшего публично восстать против Подтелкова, продавшегося красным и будто бы изменившего идеологии фронтового казачества. В связи с этим, положение в Новочеркасске стало крайне тревожить красный Ростов. Чувствовалось, что назревает близкая развязка событий. Жизнь в Донской столице напоминала тогда таковую в осажденной крепости. Сведений извне почти не было. О том, что происходит на белом свете, мы могли знать только из тенденциозных информаций «Известий» Новочеркасского совета рабочих и казачьих депутатов, обычно пестревших призывами к священной войне с буржуазией. Другого печатного слова Новочеркассцы не видели. При таких условиях, жители с жадностью ловили всякую весть о событиях вне Новочеркасска. Такое состояние неизвестности значительно способствовало распространению фантастических и совершенно ни на чем не основанных слухов. Часто по секрету, передавали, будто бы отряд ген. Корнилова атакует Ростов, а Походный Атаман двигается к Новочеркасску и что большевики готовятся к бегству. Иногда таинственно шептали, будто бы в Москве власть Совнаркома уже свергнута и немецкие полки наступают на восток, занимая Украину, или, наконец, — в портах Черного моря союзники высадили огромный дессант с целью начать освобождение России от большевистской власти. Так, терзаясь сомнениями и обольщая себя надеждами, коротали дни Новочеркасские горожане. Но проходил день—два и эти приятные слухи сменялись печальными вестями. Говорили будто бы и Походный Атаман и Добровольческие отряды уже погибли, что Советская власть очень прочна и что союзники уже признали ее законной Всероссийской властью.

Что касается большевистской печати, то она ежедневно пела хвалебные гимны Советской власти, громила «контрреволюцию» и лишь изредка упоминала об антибольшевистских отрядах.

«Белый генерал» — сообщали как-то «Известия» — «которого знает вся Россия с августовской авантюры, в данный момент с кучкой бес-

сознательных проходимцев, находится где-то за Кубанью, в глухой деревушке, куда его загнали после Екатеринодара Советские войска... Отступая последний раз из Екатеринодара, Корниловский отряд, насчитывающий в своих рядах совершенно ничтожное число бойцов, по пути бросал обозы с продовольствием, фуражем, снарядами и патронами... Такое обстоятельство и еще то, что некем пополнить поредевшие ряды контрреволюционных отрядов, повидимому и приблизили конец Корниловской авантюры и если еще не приблизили настолько, чтобы можно было эту авантюру считать ликвидированной, то во всяком случае конец ее близок. И в этом не может быть никакого сомнения»[51]).

От таких официальных сообщений делалось совсем жутко, ибо в сознании обывателя рушилась и последняя надежда на какую-то помощь извне.

Большой сенсацией в городе было появление в советской печати обращения к партизанам М. П. Богаевского [52]). Его все знали, как убежденного противника большевизма. Поэтому, никак не укладывалось в сознание, чтобы М. Богаевский, как говорилось в обращении, открыто признал советскую власть за подлинно народную, считал бы борьбу с ней бесполезной и призывал партизан покориться этой власти и сложить оружие. Скорее можно было предполагать, что это ничто иное, как очередная проделка большевиков, выпустивших от его имени воззвание, с целью смутить казачьи души и у партизан поколебать веру. Мне было известно, что после смерти Ген. Каледина, М. Богаевский покинул Новочеркасск и со своей супругой, скрываясь от большевиков, скитался по разным станицам. Его судьба, как-то фатально была связана с Голубовым, который сыграл гнусную роль и в истории Дона и в жизни М. Богаевского. Еще в конце 1917 года Голубов за свои большевистские деяния сидел в Новочеркасской тюрьме и был оттуда выпущен только благодаря заступничеству М. Богаевского, причем Атаман Каледин согласился на это освобождение скрепя сердцем. И вот, как бы в благодарность за это, Голубов в марте месяце 1918 года арестовывает своего спасителя и предает его большевикам. Необходимо иметь в виду, что предательство Голубова имело большее значечние в судьбе Донского казачества. Только благодаря этому обстоятельству, события на Дону пошли ускоренным темпом в пользу советской власти. Но использовав Голубова полностью, большевики резко изменили к нему свое отношение, быть может, опасаясь его казачьей ориентации. Действительно, уже вскоре Голубова отодвинули на задний план, перестали ему верить, устранили от участия в местных делах и на его глазах на главные посты начали выдвигать новых лиц (Подтелков, Смирнов, Медведев) с меньшими, по его мнению, «революционными» заслугами. Мятежная душа Голубова не могла мириться с таким положением. Оби-

---

[51]) Известия Новочеркасского совета рабочих и казачьих депутатов 28 марта 1918 года.

[52]) Он был помощником ген. Каледина по гражданской части. К сожалению, при бесчисленных переездах в условиях беженской жизни, у меня затерялась пачка большевистских газет и я лишен возможности воспроизвести обращение к партизанам М. Богаевского.

да, ревность, зависть, жажда славы, вновь стали толкать его на авантюры. Дабы подняться в глазах «власть имущих» и восстановить былое доверие к себе, Голубов предложил большевикам свои услуги — поймать и доставить в Новочеркасск опасного контрреволюционера, скрывающегося в Задонье и угрожающего спокойствию Донской советской республики.

Мне думается, что вызвавшись на эту роль, Голубов руководился еще тайным желанием побывать в сердце области, выяснить настроение казачества и, в соответствии с этим, взять ту или иную линию поведения. Возможно, что имел также намерение, если обстановка позволит, увеличить свои красные части новыми единомышленниками.

Советская власть приняла предложение Голубова и он с ватагой красных казаков отправился в Задонье, где скоро и напал на след М. Богаевского. Голубов поимку Богаевского приписал себе в заслугу, но фактически это не отвечало действительности, ибо Богаевский, будучи измучен физически и нравственно, терпя голод и холод, не в силах был дальше выносить скитание и сам добровольно сдался Голубову. Вначале Голубов своего пленника держал в тюрьме в станице Великокняжеской, а затем доставил его в Новочеркасск. В городе, тотчас же стало известно, что Голубов привез Богаевского и что даст ему возможность выступить на «покаянном» митинге в здании Донского кадетского корпуса. Вскоре этот слух подтвердился и большевики уже открыто говорили, что на днях, известный контрреволюционер М. Богаевский, правая рука Каледина, даст народу отчет в своих преступлениях. Внимание целого города привлекал к себе тогда этот митинг. И я сам испытывал непреодолимое желание послушать М. Богаевского, но боязнь быть узнанным, удержала меня от этого рискованного шага. Мои друзья, присутствовавшие на этом митинге, рисовали мне странную и необычайную картину этого собрания. Аудитория была крайне буйно настроена и резко делилась на два враждебных лагеря: первый составлял пришлый элемент, главным образом, матросы, красногвардейцы, латыши и иногородние — они требовали немедленной расправы с «контрреволюционером» и второй — были казаки — они сначала заняли выжидательную позицию, но после речи Богаевского, их симпатии склонились на сторону последнего. Богаевский говорил три часа: три часа без перерыва звучало слово Донского баяна — его лебединая песня. В глубокой по содержанию и внешне красивой речи, Богаевский дал яркую характеристику донских событий от начала революции до последних дней Он красочно излил все, что было у него на душе, смутив одних, расстроив других и взволновав остальных слушателей. Часть казаков плакала и обещала сохранить ему жизнь. М. Богаевский так обрисовал свои переживания: «Ушел из города. Скрывался в станицах. Пришлось мне самому прикоснуться, стать близко, близко, увидеть все ужасы гражданской войны. В это время, как раз, разыгрались события в Платовской станице, где вырезывались от мала до велика целые семьи. Пришли одни — вырезывали калмыков. Другие пришли, кровь за кровь, стали резать крестьян. Не мог вынести этого, не имел больше сил скрываться и решил написать письмо партизанам, а самому пойти открыться Голубову, который обещал и доставил меня в Новочеркасск». Едва ли надо доказывать, что это признание Богаевского дает основа-

ние полагать, что обращение к партизанам он написал, будучи уже сильно удручен и психологически подавлен ужасом сложившейся обстановки. Не исключается и то, что на него влиял и Голубов. Быть может, последний обещал сохранить ему жизнь лишь в том случае, если Богаевский повлияет на партизан и убедит их в бесполезности дальнайшей борьбы с Советской властью. Что душевное состояние М. Богаевского было тогда сильно потрясено и что он уже сошел с прежних позиций, можно судить также и по следующим его словам: «Я еще молод — говорил он, — на том же митинге. — Мне всего 36 лет. У меня семья. Мне хочется жить. Я хочу и могу работать. Если я нужен вам, если могу быть полезным вашей работе для Дона, я готов работать с вами. Готов помочь вам опытом и знаниями, которые есть у меня» [53]). Но большевики отвергли просьбу М. Богаевского и сотрудничать с ним не пожелали. Возможно, они сильно боялись его влияния на казачье население. С целью застраховать себя от неожиданных сюрпризов, Ростовский « совдеп» приказал немедленно доставить Богаевского в Ростов, как более надежное место. Этот факт наглядно показывает, что большевистские верхи Новочеркасску уже не верили. Это недоверие усилилось, когда Ростовский совдеп, сомневаясь в революционной твердости Голубова и Смирнова, потребовал от них прибыть в Ростов и перед лицом Областного съезда советов, собравшегося там, дать отчет о положении дел. Но ни Голубов, ни Смирнов в Ростов не поехали. Большевики видели, что хотя часть казаков по виду и сделалась красными, но тем не менее, она продолжает оставаться казаками. Последнее обстоятельство сильно тревожило местную советскую власть, побуждая ее все время быть настороже и особенно не доверять красным казакам.

В «Донской летописи» [54]) напечатан «Ответ перед историей» М. Богаевского, написанный им в тюрьме станицы Великокняжеской в первой половине марта 1918 года, т. е. в тот же период, как и его пресловутое обращение к партизанам. «Ответ перед историей» большевики не опубликовали. В антисоветской печати этот документ впервые увидел свет только в 1919 году в журнале «Донская Волна», почти, значит, через год после смерти автора. Между тем, на страницах «Донской Летописи» в статье «Историческая справка» [54]) К. Каклюгин говорит следующее: «Эта литературная работа («Ответ перед историей») сопровождалась быстро распространившимися слухами о том, что М. П. Богаевский, будучи арестован, под угрозой смерти, сдал все свои позиции, которые защищал во время своей последней деятельности на Дону, покаялся в своих прегрешениях перед советской властью и признал советскую власть законной и подлинной народной властью, изъявив полную готовность подчиниться ей. Такой слух нужен был для успеха большевистского дела в среде казачества. Это было средством сломить дух сопротивления в самом его основании, опорочить всю антибольшевистскую работу М. П. Богаевского и А. М. Каледина, поколебать веру в казачью идеологию, поднимавшую казачество на борьбу с советской властью. И это действовало. Вождь казачества изверился в своих идеалах, отрекается от пройденных путей, сжигает свои кораб-

[53]) Донская Летопись. Том II, стр. 349.
[54]) Донская Летопись. Том II, стр. 351.

ли и покорно преклоняет голову перед кумиром, которого осудил, против которого боролся сам и вел в кровавый бой других. Все эти слухи волновали, смущали ... колебалась не только вера в человека, пользовавшегося безграничным доверием казачества, не допускавшего и мысли об измене, предательстве, но и вера в необходимость и целесообразность дальнейшей борьбы. Это была тонко расчитаная провокация. Конечно, слухи оказались неосновательными».

Читая это я недоумевал, ибо трудно было допустить, чтобы автор, — один из главных сотрудников «Донской Исторической Комиссии» мог так невольно заблуждаться и искажать исторический факт. В этом скорее надо усмотреть умышленное желание исказить историческую истину, обойти молчанием или затушевать и самый факт проявления М. Богевским, быть может, минутной слабости, вызванной у него рядом тяжелых испытаний и мучительных переживаний. В характеристику М. Богаевского это внесет, лишь один отрицательный штрих, но для истории важно знать только истину. В общем, статья «Историческая Справка» требует фактической поправки. Не «Ответ перед историей» вызвал на Дону толки, пересуды, сомнения, огорчение и негодование — нет, о нем тогда еще не знали и его большевики не опубликовывали. Сенсацию и шум произвело обращение к партизанам М. Богаевского, помещенное в советской печати. Скажу больше, читая его в «Известиях», я сам и не верил, и сомневался, и не допускал мысли, что М. Богаевский мог так резко изменить свои взгляды. Я негодовал, но негодовал на большевиков, будучи глубоко уверен, что это их очередная провокация. Однако, вскоре мои сомнения рассеялись. В мае месяце 1918 г. в мой штаб был доставлен подлинник письма М. Богаевского партизанам, найденный среди документов, после убийства Голубова [55]). Я сравнил его с текстом большевистских «Известий» и убедился, что оно слово в слово с ним совпадает. Что побудило М. Богаевского написать такое обращение к партизанам, — судить трудно. Эту тайну он унес с собой в могилу. Изменил ли он взгляд на сущность большевизма и сдал позиции, или же письмо было проявлением минутной слабости и страхом перед ожидавшей его смертью, мне неизвестно. Неоспоримо только то, что такое письмо существовало и для беспристрастной характеристики одного из главных деятелей Калединского периода, его нельзя замалчивать перед историей. Хорошо помню, что отдав распоряжение снять копию с письма, я приказал моему адъютанту есаулу П. Грекову позвонить супруге М. Богаевского и предложить ей, если она желает, получить это письмо. Супруга М. Богаевского, по словам адъютанта, поблагодарила его за любезность, но принять письмо отказалась Таким образом, в донских архивах, если они уцелели, должны быть, как подлинник, так и копия этого письма. Я остановился на этом несколько подробнее, дабы показать читателю, как иногда, в исторических трудах, по особым мотивам, умышленно искажаются исторические факты.

После митинга М. Богаевского, положение в Новочеркасске стало особенно неустойчивым. Все сколько нибудь видные большевики, не

---

[55]) Голубов был убит в Заплавской станице в апреле 1918 года вольноопределяющимся Пухляковым, в то время, когда он призывал казаков выступить против большевиков. Его труп был обезображен.

чувствуя себя здесь в безопасности, поспешили перекочевать в Ростов, а Новочеркассцы, изо дня в день, ждали прибытия из Ростова карательной экспедиции красных, как для расправы с Голубовым и Смирновым, так и для внедрения революционного порядка в городе. Но на ряду с этим, в последних числах марта, стали долетать до нас и радостные вести, рождавшие надежду на скорый конец большевизма на Дону.

Действительно, не долго пришлось красным хозяйничать здесь. Порядки, устанавливаемые ими воочию убедили казака-хлебороба, что идеи большевизма не совместимы с его укладом жизни и идут в разрез с традициями домовитого казачества. Казаки с каждым днем убеждались, что их права беззастенчиво попираются непрошенными насильниками и что всякая попытка казачества устроить свою жизнь на исконных казачьих началах, встречается вооруженной силой, разного пришлого сброда. Они видели, как советская власть постепенно их обезличивает, насилует казачьи обычаи и глумится над его традициями, освещенными веками. Казаки чувствовали, как их во всем урезывают; их оружием вооружают иногородних, наделяют последних одинаковыми правами с казаками и, мало того, делают иногородних равноправными даже в станичном достоянии. Не могло скрыться от казаков и то, что с первых дней господства красных на Дону, во все стороны тянулись длинные обозы и поезда с увозимым казачьим добром. Не могли спокойно выносить казаки и надругательства над верой православной, излома вековых казачьих обычаев, кровавой расправы солдатских банд. Мрачные ходили они по станицам, особенно там, где правили наглые комиссары и советы из чужих, пришлых людей. Казаки стали чаще собираться у офицеров, скрывавшихся по станицам, внимательно слушали их трезвые, разумные речи о создавшемся на Дону положении. Искусственная пропасть, созданная большевистской пропагандой между стариками и фронтовиками, а также между офицерами и казачьей массой, стала постепенно уменьшаться. Офицеры в станицах делались предметом особого уважения и казаки начинали с надеждой смотреть на них, сознавая, что в назревавшей борьбе с большевиками они сыграют первенствующую роль. Видно было, что революционный угар рассеивается. В казачестве росло единение, а вместе с ним недовольство новой властью. Рабоче-крестьянская власть уже ясно сознавала шаткость своего положения в Донской области. Ненависть к большевикам особенно возросла, когда «Областной съезд советов» г. Ростова вынес среди прочих постановлений и решение о «национализации» всей области. Казаков на этом съезде почти не было. Когда решение «Съезда» стало известным на местах, оно всюду вызвало бурю протеста. Если в городах и на железных дорогах большевики еще крепко держались, то иное положение было в центре области.

Насильственно ворвавшись в Донскую землю, через трупы народных избранников атаманов Каледина, Назарова и Председателя Войскового Круга Волошинова, большевики, однако, не сумели укрепить свое положение на местах, в станицах. В отношении казачьей массы красные действовали, я бы сказал, не всегда решительно. Возможно, что их путало предстоящее весеннее разлитие Дона, могущее разобщить и даже изолировать красногвардейские солдатские гарнизоны,

почему большевики не рисковали удалять их особенно далеко от главных центров. В станицах, по существу, происходило лишь внешнее подлаживание под большевиков, а внутренне усиливался процесс пассивного им сопротивления. Хотя в большинстве станиц станичные и хуторские правления были заменены «советами», а вместо окружных управлений созданы «окружные советы». но председателями «советов» оказались или старые станичные атаманы, или бывшие члены станичных правлений, т. е. казаки крепкие, твердо стоявшие за казачьи привилегий и за сохранение казачьей обособленности.

Будирующим элементом на местах временами являлась станичная интеллигенция. Даже в тяжелые моменты, она стремилась не терять связи с казачьей массой, сумела сохранить на нее свое влияние и явиться побудительным началом в антисоветском движении. Но, конечно, особую стойкость в отстаивании казачьих прав проявляли старики-казаки, ярые противники большевистских нововведений. Никакие большевистские жестокости не могли их устрашить и заставить отказаться от служения интересам казачества. Своей непоколебимой решительностью защищать все казачье — родное от посягательств красных, они всегда являли собой пример геройства, часто увлекая за собой колеблющихся и малодушных. Как я упоминал, большевистские декреты сочувствия в станицах не встречали. Не выполнили станицы и советского приказа о выдаче скрывающихся офицеров и оружия. Когда получился этот приказ, казаки его прочитали, погуторили немного и затем спрятали под сукно. Как бы в ответ на это, в некоторых станицах возникли советы обороны — ячейки будущих очагов восстания. Внешне рядовое казачество оставалось, как будто бы спокойным, но фактически положение было таково, что достаточно было малой искры, чтобы вспыхнул пожар. Длилось это до тех пор, пока красная власть, не применяла к казачьей массе суровых мер и репрессий, а всю свою злобную энергию изливала на городскую интеллигенцию и «буржуев».

Но достаточно было появиться в станицах карательным отрядам против непокорных — с издевательствами, грабежами и насилиями, экспедициями за хлебом и другим казачьим добром, разного рода «контрибуциями», чтобы возмутить душу честного казака.

И с первыми весенними днями зашумел и заволновался Дон. 18 марта 1918 года в северо-западном углу Дона, в станице Суворовской, зажглась искра восстания. В ночь на 19 марта все казаки, способные носить оружие, даже глубокие старцы, под начальством полковника В. Растягаева, вооруженные вилами и топорами, двинулись освобождать окружную станицу Нижне-Чирскую. Они овладели станцией Чир на линии железной дороги Лихая-Царицын, захватили «совдеп» разогнали «военно-революционный комитет» [56]) и разоружили красногвардейский гарнизон. Как бы неожиданно по всем станицам 2-го Донского округа вспыхнули восстания. Казаки избрали окружным атаманом полк. Мамонтова, впоследствии известного генерала, отделившегося с небольшими силами от отряда Походного Атамана, и под его руководством

[56]) Во главе последнего стоял небезызвестный Н. Мельников, бывший одно время председателем Донского Правительства у ген. Каледина.

приступили к очистке от большевиков своего округа [57]). Успех восстания казаков 2-го Донского округа воодушевил соседей 1-го Донского округа. Стали подниматься станицы правого берега Дона. Не отстал от них и всегда крепкий Юг области. Там также восстали казаки Егорлыцкой, Кагальницкой и Хомутовской станиц. Они не пустили к себе карательных большевистских отрядов и с помощью казаков Маныческой и Богаевской станиц стойко выдержали наиболее сильный большевистский натиск на свои станицы. Не лишено интереса то, что с целью обеспечить себя от большевиков, действовавших по железной дороге от Ростова, казаки этих станиц, разобрали полотно железной дороги на протяжении нескольких верст, рельсы и шпалы развезли на быках, насыпь сравняли, а затем ее вспахали. Не менее тревожно было для большевиков на западной границе Области и на севере. Казачье население этих районов, местами уже давно выказывало свое неудовольствие новыми порядками, и открыто, с оружием в руках, выступало против Советской власти. 8-го марта Луганцы отбили поезд с арестованными офицерами, которых большевики отправили из станицы Каменской в Луганск в распоряжение «че-ка» для расстрела. На севере, в Хоперском округе, как метеор среди ночи, вспыхнул и погас подвиг есаула Сонина. Он с горстью учащейся молодежи, дерзко захватил окружную станицу Урюпинскую, разогнал местный совдеп и красные пришлые банды. Но партизан не поддержали и движения не получилось.

Так начались восстания на Дону против Советской власти. Это были взрывы негодования. Вспыхнув в станице Суворовской, народный гнев разлился по всему лицу Донской земли и там, где углубители революции успели основательно похозяйничать, там восстание было особенно бурным и разросталось в народное движение.

Первое время в Новочеркасске почти ничего не было известно о том, что творится в Области, особенно в ее уголках, отстоящих далеко от окружных центров и железных дорог. Красная цензура весьма ревниво охраняла Советскую власть. В большевистских «Известиях» говорилось лишь о мире и спокойствии на Дону, о благодеяниях, оказываемых народной властью трудовому казачеству и о непоколебимом его решении до последней капли крови защищать рабоче-крестьянскую власть. Но как ни сильна была большевистская цензура, стоустная народная молва оказалась сильнее и делал свое дело. Минуя красные рогатки и запреты, она несла слухи о том, что местами казаки уже поднялись, что «фронтовики» прозревают, примиряются со стариками, составляя значительный процент среди восставших и стремятся кровью искупить свои недавние грехи. Что на берегах Тихого Дона и в донских привольных и широких степях, оживают тени славных казаков и старых атаманов, зовущих казачество дружно отстоять свою честь и казачью свободу. Подтверждение тому, что что-то

---

[57]) Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что когда гонец от Суворовской станицы отыскал ген. П. Попова и стал просить его прибыть в восставшую станицу, то оказалось, что Походный Атаман настолько потерял веру в успех борьбы с большевиками, что даже 1 апреля отдал приказ о распылении своего отряда и часть партизан уже успела разъехаться. Только настойчивые просьбы делегатов восставших станиц побудили его отменить этот приказ.

творится и тревожит большевиков, можно было найти, внимательно наблюдая события и сопоставляя все, порой даже незначительные факты.

В эти дни, из Ростова в Новочеркасск непрерывно сыпались строгие декреты. В них требовалось немедленно в корне пресечь контрреволюционные замыслы, приказывалось вновь произвести регистрацию офицеров и тотчас же усилить красный террор, несколько ослабленный в последнее время. Ростовский совдеп, то предупреждал, и просил, то угрожал казакам. Советская власть страшно нервничала, выдавая этим шаткость своего положения. 27 марта из Ростова был отправлен карательный отряд под начальством казака Антонова для вразумления Новочеркассцев и для устрашения казачьего отряда Голубова.

Атмосфера беспокойства в Новочеркасске сгустилась. Город вновь переживал тревожный момент. Казалось, помощи не было ни откуда. Всюду стояла стена слепой злобы и ненависти. Обыватель опять спешил укрыться в подполье, со страхом ожидая нового грядущего несчастья. Но вместо этого неожиданно пришло освобождение из-под красного ига, что и послужит содержанием IV части моих «Воспоминаний».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВОССТАНИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В НИЗОВЬЯХ ДОНА И НАЧАЛО БОРЬБЫ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Март — май 1918 г.

Ростовская карательная экспедиция в Новочеркасске. Бесчинства матросов в станице Кривянской. Вооруженный протест Кривянцев. Захват казаками гор. Новочеркасска в ночь на 1 апреля 1918 г. Казачьи дружины. Дни 1-4 апреля в Новочеркасске. Образование высшей Донской власти — «Совета Обороны». Назначение военного командования. Оставление казаками Новочеркасска 4 апреля и уход в Заплавы. Зарождение будущей Донской армии. «Заплавское сидение». Переименование «Совета Обороны» во «Временное Донское Правительство». Вести и слухи. Прибытие в станицу Константиновскую «Степного отряда» Походного Атамана ген. П. Х. Попова. Встреча Заплавской делегации с Походным Атаманом и его штабом. Результат этого свидания. Перемены в командовании. Переименование Заплавских войск в «Южную группу». Приезд Походного Атамана в Заплавы. Отношение его к офицерам Заплавской группы войск. Стратегия и тактика Степного отряда. Неудачные атаки г. Александровск-Грушевский Степным отрядом (Северная группа) и значение этого для «Южной группы». Большая победа у Заплав «Южной группы» 18 апреля. Настояния командования «Южной группы» о необходимости атаки г. Новочеркасска. Пререкания со штабом Походного Атамана. Вынужденное согласие Походного Атамана на атаку Новочеркасска. План атаки и подготовка к ней. Освобождение 23 апреля 1918 года города Новочеркасска войсками «Южной группы». Первые дни в освобожденном городе. Первые сведения о немцах и об отряде полковника Дроздовского. Последний натиск красных на Новочеркасск и бой с большевиками 26 апреля. Участие в этом бою частей полк. Дроздовского и «Северной группы» полковника Семилетова. Вступление Донских частей в г. Ростов одновременно с немцами. Посылка Донской делегации к немцам. Общая военная обстановка. Возвращение на Дон частей Добровольческой армии. Овладение донцами 28 апреля городом Александровск-Грушевский и очищение от большевиков угольного района. Работа штаба «Южной группы». Оппозиционное настроение руководителей Степного похода. Меры Донского командования для поднятия дисциплины среди офицерского состава. Работа Временного Донского Правительства по созыву «Круга Спасения Дона». Его обращение к населению. Психология казачества и его чаяния. Прибытие в Новочеркасск представителей Добровольческой армии. Их разочарование. «Круг Спасения Дона». Состав Круга и его работа. Доклад генерала П. Н. Краснова Кругу 1 мая. Избрание на пост Донского Атамана ген. П. Н. Краснова. Его биография. «Основные законы», выработанные П. Н. Кресновым и принятие их Кругом. Отношение к донским собы-

тиям и новой Донской власти казачества, донской интеллигенции, «степняков» и руководителей Добровольческой армии. Окончание 5 мая сессии «Круга Спасения Дона» и разъезд делегатов.

В конце марта месяца 1918 года в разных частях Донской области начались разрозненные, но местами удачные, восстания донцов против красных. В первый момент большевики, как будто бы растерялись, но затем они быстро сорганизовались и приняли ряд спешных мер, дабы в корне подавить вспышки казачьего негодования. В столицу Дона — Новочеркасск, все еще расцениваемую большевиками гнездом «контрреволюционеров», прибыл из Ростова карательный отряд Я. Антонова. Ему было приказано возобновить красный террор и беспощадно задушить всякое проявление недовольства и протеста против советского режима.

Новочеркассцы пугливо прятались в норы, с тревогой и трепетом, ожидая новых издевательств и новых ужасов.

27 марта большевики объявили в городе новую регистрацию офицеров. Вновь начались повальные обыски, глумление над беззащитным населением, аресты и расстрелы. Ростовские большевики, прибывшие карать казаков за их «вольнодумство» на это раз не ограничились только городом, а перенесли свою деятельность и на ближайшие к Новочеркасску станицы.

Вечером 27 марта 5 конных вооруженных матросов, въехали в станицу Кривянскую, расположенную в 3-х верстах от города. Они начали там стрелять, затрагивать станичников, а затем набросились на казаков, ехавших из Новочеркасска и стали отнимать у них оружие. На выручку станичников прибежало несколько стариков казаков, работавших в поле. С их помощью матросов обезоружили. Казаки пленников отпустили, а о случившемся донесли в станичное правление. Между тем, в станице уже циркулировали разные слухи. Говорили, будто бы в Новочеркасске выгрузились матросы, которые грабят население, безобразничают, оскверняют святыни, а у Голубовцев [58]) силой отбирают оружие и будто бы сам Голубов уже бежал из города. Такие слухи сильно взволновали станичников. Они негодовали, видя, что дерзость незванных красных гостей, переходит всякие границы. Создалось крайне напряженное настроение, грозившее каждую минуту перейти в открытое восстание.

Рано утром 28 марта в станице ударили в набат. Собравшемуся станичному сбору было доложено, что из станицы Заплавской [59]) прискакал гонец с приговором Заплавцев о мобилизации всех казаков, способных носить оружие и о призыве к походу на Новочеркасск. В приговоре говорилось, что пришлые банды красных угрожают спокойствию станиц, посягают на собственность трудового казачества и крестьянства, забирают хлеб и скот. Это известие, как нельзя лучше пришлось по душе Кривянцам. В свою очередь, тотчас же постановили не-

---

[58]) Казаки 10 и 27 полков.

[59]) Ст. Заплавская расположена в 14 верстах от города.

медленно мобилизовать всех своих казаков и безотлагательно приступить к организации сотен и дружин, а о своем решении уведомить ближайшие станицы Манычскую, Старочеркасскую, Бессергеневскую, Мелиховскую, Раздорскую и Богаевскую, прося и их присоединиться. Уже к вечеру этого дня Кривянцы усилились. К ним подошли отряды Заплавцев и Бессергеневцев, а 29-го прибыла дружина пеших и конных казаков станицы Богаевской. С прибытием подкреплений воинственность станичников сильно повысилась.

Собравшиеся в станице дружинники избрали себе начальником случайно очутившегося в станице Войск. старшину Фетисова[60]). Последний поневоле согласился на это назначение. В тот же день, Войск. старшина Фетисов принял меры наблюдения и охраны станицы со стороны Новочеркасска. О событиях в Кривянке большевики были хорошо осведомлены. Не придавая им вначале серьезного значения, Ростовский «совдеп» приказал, однако, произвести боевую разведку. С этой целью 30-го марта большевики направили в станицу Кривянскую броневой автомобиль, вооруженный пулеметами. Но броневик, не выполнив задачу, застрял в грязи на полупути между городом и станицей. Тогда несколько казаков-смельчаков, в конном строю, с криком «ура» храбро атаковали автомобиль. Часть прислуги зарубили, часть взяли в плен. Через час, к общей радости казаков, броневик на быках был торжественно ввезен в станицу Кривянскую. Неудача сильно озлобила красных и они решили беспощадно расправиться с непокорными Кривянцами и силой оружия подавить бунт.

С утра 31-го марта большевики, подтянув свои импровизированные красные отряды, повели наступление на станицу. В голове наступающих красногвардейских цепей шло два грузовика, с установленными на них орудиями и пулеметами.

Первый орудийный выстрел по станице всполошил казаков. Все бросились к оружию: даже старцы, дети, женщины и те вышли отстаивать свою родную станицу. Мало-помалу, бой начал разгораться. Под сильным огнем противника, казаки постепенно накапливались на заранее избранной позиции, вблизи станицы. Технические преимущества были на стороне большевиков. У них были пушки, пулеметы, винтовки и большое количество патронов. Станичники шли в бой, вооруженные шашками, вилами, топорами, граблями и пиками, а те у кого были винтовки, почти не имели патронов. Однако, у казаков неравенство в вооружении, восполнялось сильным их духовным подъемом и станичники чрезвычайно смело встретили наступление противника.

А в Новочеркасске, в этот день, с самого утра, внимание обывателя было привлечено полным отсутствием на улицах города шаек красногвардейцев и матросов. Одновременно весть о восстании Кривянцев молниеносно разнеслась по городу, вызвав оживленные толки и всевозможные предположения. Какие размеры примет восстание и какой будет его результат, предугадать было еще трудно. Строились лишь предположения да догадки и с тайной надеждой жители нетерпеливо ожидали развязки событий. В Новочеркасске уже третий день про-

---

[60]) Войск. старшина Фетисов пришел в станицу за покупкой муки. Казаки его задержали и уговорили принять командование над дружинниками.

должалась регистрация офицеров. Понуря головы, робко и с тревогой брели офицеры к зданию Областного Правления. Но вот около двух часов дня, регистрация неожиданно была прервана. Появился «товарищ» Рябов, помощник комиссара по борьбе с контрреволюцией и обратился к присутствующим с такой речью: «Товарищи офицерья. Легистрация временно прекращается. Что-то неладное творится в Лихой, нам надо разнюхать. Могет быть, что и нас завтра не будет. Если не появится приказа об отмене легистрации, то приходите завтра. А пока все могут быть свободны» [61]). Легко представить какая радость охватила офицеров, когда они услышали это. Между тем, город в этот момент принял уже довольно необычный вид. По улицам во все стороны, с ревом и шумом носились автомобили с испуганными комиссарами. Гремели тяжелые грузовики, наполненные карсногвардейцами. Карьером, в сторону Тузловского моста, промчались казаки Голубова. Временами грохотали орудия, слышалась пулеметная трескотня и ружейная перестрелка.

К кому примкнули голубовцы, я еще не знал, ибо рано утром «мои казаки» [62]) куда-то скрылись со двора и больше не вернулись [63]).

К вечеру, любопытные горожане стали скопляться на спусках улиц, ведущих к реке Тузлов.[64]) Оттуда, как на ладони, была видна картина боя станичников с красными. Большевики занимали господствующее положение. Они с высот били из пушек и мели пулеметами, но стреляли более чем беспорядочно, не нанося никакого вреда казакам, которые густыми конными и пешими цепями медленно наступали к городу. Не лучше работал и большевистский броневик. Хотя орудий и пулеметов у казаков не было, но боевое счастье было на стороне станичников. Постепенно, нажимая на левый фланг красных, им удалось вскоре его охватить, а появившиеся здесь конные части Раздорцев, обратили большевиков в беспорядочное бегство. На выручку своих бросился броневик красных. Он успел несколько прикрыть это поспешное бегство и задержать дальнейшее продвижение казаков. Весьма характерно, что в этом боевом эпизоде большевики потеряли 74 человека убитыми, преимущественно холодным оружием. У казаков оказалось только два раненых.

Часам к 9 вечера в городе воцарилась жуткая тишина. Точно вымерло все живое. Не слышно было даже обычного собачьего лая. На улицах не было ни души. Только около полуночи со стороны Хотунка[65]) затрещал пулемет и раздалась ружейная стрельба, вскоре прекратившаяся. Немного позднее с грохотом и шумом по улицам к вокзалу промчалась красная артиллерия и долго после этого, то там, то здесь

---

[61]) «Свободный Дон», № 1 от 2 апреля 1918 года.

[62]) См. «Воспоминания» часть III.

[63]) После я узнал, что Голубовцы походным порядком направились в станицу Каменскую, намереваясь разойтись по домам. По дороге их встретила Раздорская дружина. Она отобрала у них большую часть оружия, снаряжения, после чего им было разрешено продолжать путь. Сам Голубов бежал в ст. Заплавскую, где, как я говорил, был опознан Пухляковым и убит.

[64]) Небольшая река, протекающая в непосредственной близости северной и восточной окраин города. Почти всюду в брод проходима.

[65]) Восточное предместье Новочеркасска, где ютилась беднота, а во веме Великой войны стояли запасные батальоны в специально выстроенных бараках.

воздух оглашался пыхтением и храпом грузовых автомобилей, приспособленных для установки на них пулеметов. С вокзала беспрестанно неслись тревожные гудки паровозов. Все, как будто, говорило за то, что товарищи готовились к бегству. А в это время, восставшие станичники, окрыленные своим первым успехом, лихорадочно готовились к бою. Они решили немедленно продолжить наступление и ночью с налета взять Новочеркасск. С этой целью, свои наличные силы они разделили на три части. Правую (северную) группу составили Заплавцы и Раздорцы, поддержанные Кривянцами, имея целью овладеть Хотунком и захватить железную дорогу, на Александровск-Грушевский; левая (южная), смешанная группа, двинулась через р. Аксай к хутору Мишкину с задачей взорвать железную дорогу и обеспечить наступающие войска со стороны Ростова. В центре находились Кривянцы, Богаевцы и Милеховцы, которым вменялось в обязанность сначала захватить станцию Новочеркасск, а затем город. Предполагалось, что овладение железными дорогами, ведущими из Новочеркасска на Ростов и Александровск-Грушевский отрежет пути отступления большевиков и в то же время не позволит им увести награбленное казачье имущество.

В полночь, через р. Тузлов, у станицы Кривянской казаки навели наплавной мост, по которому двинулась средняя колонна. Во главе ее, в виде авангарда, под командой хорунжего Азарянского шло 20 охотников, которые соблюдая тишину, незаметно подкрались к станции и внезапно в нее вскочили. Большевики заметались. Отходившему эшелону с красногвардейцами казаки закричали — «стой!» и бросили под паровоз ручную гранату. Поезд остановился. Между красными началось смятение. После короткого штыкового боя станция была занята. Большевики потеряли убитыми 37 человек и около 400 пленными. У казаков потери выразились несколькими ранеными. Из военной добычи победителям досталось два пулемета, несколько сот винтовок и много вагонов, груженых разным имуществом. Овладев станцией, казаки бросились в город занимать телефон, телеграф, тюрьмы и другие городские учреждения. Большевики бежали, почти не оказывая сопротивления. Последние их части во главе с Подтелковым и Антоновым рано утром спешно ушли в направлении Ростова.

Всю эту ночь я, не сомкнул глаз, напряженно наблюдая, что происходит на улице, мучаясь своим бездействием и обольщая себя радостными надеждами. В моем «товарищеском» одеянии я не мог ночью показаться казакам, ибо в суматохе легко мог быть ими принят за большевика, почему я и вынужден был дожидаться рассвета. Около 4 часов утра на улицах раздались крики: казаки, казаки. Жители с сияющими счастьем лицами, кинулись навстречу освободителям. Многие от радости плакали, обнимали казаков, целовали их. . . Радостно загудели и церковные колокола и своими перезвонами повышали счастливое оживление и общее ликование.

Только к 6 часам утра, я с трудом разыскал штаб Войск. старшины Фетисова, занявшего здание Областного Правления.

Войдя в помещение, я увидел весьма приветливого, скромного, уже немолодого, небольшого роста В. Ст. Фетисова. От усталости и бессонных ночей он едва держался на ногах. Узнав, что я офицер генерально-

го штаба и пришел предложить свои услуги, он без всяких церемоний, искренно поблагодарил меня, сказав: «Очень вас прошу помогите, ведь у нас ничего нет, — ни штаба, ни войск, ни средств. . .» Из разговора с ним, я кое-как выяснил обстановку. По словам Фетисова, дружинники не были организованы, ни достаточно вооружены. Не было почти и офицеров. Их заменяли вахмистра, урядники или влиятельные старики. Взятие города создало крайне неопределенное положение. От северного и южного казачьих отрядов, прикрывавших Новочеркасск, не было никаких сведений. Выполнили ли они свою задачу, что ими сделано и где они находятся, ему не было известно и с ними не было связи. Не лучше обстоял вопрос и с дружинниками, занявшими город: казаки перемешались и потеряли дружинную связь. Одни из них заняли городские учреждения, другие пачками бродили по улицам и ловили скрывшихся большевиков. Часть же, вероятно разошлась отдыхать, считая, что взяв город они выполнили свое дело. Положение сильно осложнялось неимением средств, неналаженностью вопросов продовольствия, снабжения дружинников боевыми припасами и полным отсутствием санитарной помощи.

В «штабе», кроме В. Ст. Фетисова, уже находился генерального штаба подполк. Рытиков. Он явился несколько раньше меня и автоматически стал, как бы начальником штаба. Эти два лица фактически и составляли весь «штаб».

Предстояла сложная и многосторонняя работа. Я считал необходимым прежде всего, призвать офицеров, влить их в дружины и переорганизовать эти последние, придав им характер сотенный или полковой. Установить с отрядами связь и дать им определенные задачи. Решить вопрос о пополнении дружин, их вооружении и снабжении боевыми припасами. Одновременно наладить продовольствие и санитарную часть. Столь же неотложным казалось мне скорейшее создание милиции, восстановление нарушенной жизни города и, наконец, создание, хотя бы временной, но твердой авторитетной власти, способной увлечь и повести казаков за собой, начать очищение Донской земли от красногвардейских шаек и воссоздать нормальные условия жизни, нарушенной большевистским владычеством.

Не считая себя компетентным в области создания краевой власти, я сказал В. Ст. Фетисову, что всецело посвящу себя лишь работе по вопросам военным и организационным.

Вспоминаю, как в момент моего прихода в Областное правление, ничто не указывало на присутствие здесь «штаба». Нисколько не преувеличивая скажу, что не было даже клочка бумаги, карандашей, перьев, чернил, не говоря уже, о картах, телефонных и телеграфных аппаратах.

Начал я с того, что выйдя на улицу, именем В. Ст. Фетисова остановил группу казаков и привел их в помещение. Составил из них караул, выставил у входа часовых с задачей охранять помещение и указывать место штаба. Остальных казаков обратил в посыльных. Приказал немедленно взломать шкафы, где в изобилии нашлись письменные принадлежности и даже карты окрестностей Новочеркасска, что для нас было ценной находкой. В это время, в штаб стали стекаться офице-

ры. Среди них нашлось несколько человек, знакомых со штабной работой. Вскоре удалось установить связь с дружинниками, осведомить население о событиях, а также опубликовать и несколько спешных распоряжений. К 11 часам дня было выпущено следующее воззвание:[66]) «Граждане Новочеркассцы. Штаб казачьего отряда, вступивший сегодня с боем в город и начавший очистку последнего от банд грабителей и негодяев и в то же время вынужденный безостановочно вести преследование их, крайне нуждается в денежных средствах и живой силе. Штаб призывает вас сегодня же, а также и всех верных казаков любящих вольный родной Дон, спешить нести пожертвования и свободных казаков, сочувствующих и бывших партизан, явиться сегодня же в штаб отряда в Областное правление (нижний этаж) для присоединения к отряду. Пожертвования приносить туда же и сдавать начальнику отряда А. А. Азарянскому. Квартальным старостам собраться сегодня же в здании реального училища, Московская улица, к 4 час. дня для организации обороны города. Начальник отряда Фетисов. 1-го апреля 1918 года».

К полудню в штабе уже толпилась масса разных людей. Преобладали офицеры. Нас буквально засыпали вопросами. Наспех, кое-как наладили регистрацию офицеров и добровольцев и распределяли их по дружинам. Организовали прием пожертвований и сбор оружия, патронов и прочего воинского снаряжения. Городскую телефонную станцию взяли под свой контроль и установили непосредственную связь с Персяновкой, где оказался северный казачий отряд и со станцией Аксайской на Ростовском направлении, в районе которой работал южный отряд. Пользование городским телефоном ограничили только служебными разговорами. Для наблюдения за этим, я послал двух саперных офицеров и несколько студентов партизан. С целью пресечь большевикам возможность бегства из Новочеркасска, запретил временно выезд из города. Вследствие полного отсутствия и в то же время крайней нужды в технических частях, приступили к спешному формированию инженерной сотни.[67]) Есаулу Алексееву было разрешено формировать партизанский отряд. С этой целью им было выпущено следующее характерное, по тому времени воззвание: «Орлы-партизаны! Зову вас в свой отряд. Время не ждет. Запись в реальном училище при входе (с 9 час. утра до 2 ч. дня и с 4 до 6 ч. вечера). Там же будут даны записавшимся дальнейшие указания. Есаул Алексеев».

Очень остро стоявший вопрос о продовольствии казаков, занявших город, решили в первые два дня возложить на население Новочеркасска, объяснив эту необходимость следующим обращением: «От штаба казачьего отряда. Граждане. Столица Дона Новочеркасск вновь в руках казаков. Штаб казачьего отряда обращается к гражданам города всеми силами и средствами прийти на помощь Штабу, в деле скорейшей организации продовольственного вопроса для защитников Тихого Дона. Поэтому штаб просит граждан не отказать в продовольствии

---

[66]) Это воззвание было составлено лично В. Ст. Фетисовым при помощи подполковника Рытикова.

[67]) «Объявление. Запись желающих поступить в инженерные части принимается в Инженерном управлении (Платовский проспект). Необходимы: техники, бывшие саперы, подрывники, мастера разных специальностей и просто грамотные казаки. Командующий отделом Фетисов».

казакам, которые не останутся в долгу и в свою очередь с благодарностью ответят тем же. Квартальных старост Штаб просит немедленно организовать дело продовольствия в своих кварталах».[68]) Выпуская такое объявление надеялись, что, быть может, числом довольствующихся, хотя бы примерно будет установлено количество казаков, находящихся в городе. Комендантом Новочеркасска назначили В. Ст. Туроверова. Ему было приказано безотлагательно приступить к сбору казенного имущества и оружия, запретить продажу спиртных напитков и изъять учащуюся молодежь из рядов дружин и отрядов.[69]) На проведение последнего я особенно настаивал. Даже в тяжелые и критические дни борьбы на Дону, мне казалось нельзя рисковать жизнью детей и оборону Края надо стремиться сразу поставить на прочные и нормальные основания. Я считал, что бороться с большевиками обязаны все граждане, достигшие призывного возраста, а не дети. И позднее, при Атамане Краснове, мне пришлось неуклонно проводить в жизнь то же самое. И странно было, что некоторые не только не разделяли этого взгляда, но даже за это негодовали на меня. Но еще знаменательнее то, что после ухода ген. Краснова и моего, новый Атаман ген. А. Богаевский, вероятно, в угоду лицам, на детях делавшим карьеру, опять возродил детские партизанские отряды. И вновь погибли сотни юношей не окупив своими жертвами достигнутых результатов.[70])

Организация милиции была поручена известному сторожилу города ген. Смирнову. Он только счастливым случаем остался жив и был освобожден казаками утром 1-го апреля. С большой энергией ген. Смирнов принялся за установление в городе порядка. Он особенно умело вылавливал оставшихся большевиков и очень быстро создал внутреннюю охрану города, для чего широко использовал и самих жителей. Учредили также и должность инспектора артиллерии, возложив на него сбор оружия, его исправление и снабжение войск огнестрельными припасами.[71]) Снабжение дружин продовольствием поручили областному интенданту, дав ему соответствующие инструкции и весьма широкие полномочия.

Когда самые острые вопросы были, если не разрешены, то во всяком случае не забыты, было решено вновь обратиться к населению с таким призывом: «К вам обыватели и казаки наше последнее слово. Вы пережили уже одну Вандею; ужасы большевисткой резни и террора до сих пор жуткой дрожью пробегают по Черкасску и смертельным холодом сжимает ваши сердца... Сколько отцов, мужей, братьев и детей не досчитываетесь вы? Неужели недостаточно? Неужели же вы и до сих пор останетесь безучастными зрителями происходящих событий? Иди-

---

[68]) Вместе с тем, через особых нарочных, потребовали от ближайших станиц немедленно начать подвоз продовольствия, как своим дружинникам, так и городскому населению.

[69]) Приказ городу Новочеркасску № 2 от 2 апреля 1918 года. § 2. Учащимся всех средних и низших учебных заведений немедленно покинуть ряды дружин и отрядов и приступить к учебным занятиям. Начальникам дружин запрещается принимать учащихся вышеуказанных заведений в состав своих отрядов. Комендант города В. Ст. Туроверов.

[70]) На этом вопросе я подробнее остановлюсь в V части моих «Воспоминаний».

[71]) При поспешном отступлении большевики оставили в городе около 2 тысяч винтовок и несколько легких орудий, требовавших небольших исправлений.

те в ряды наших войск и помните, что ваша жизнь и судьба в ваших же собственных руках. Позорно и преступно быть безучастным. Дон оскорблен и прислав вам с окрестных станиц своих казаков, властно требует от каждого из вас стать под ружье. Спасайте свою жизнь и поруганную честь седого Дона — как один, а не прячьтесь поодиночке в задних дворах ваших домов. . . Помните, что над нами реют тоскующие тени убитых атаманов и зовут вас очистить некогда Великий Дон от большевистского сора. Запись производится: 1) В Областном правлении 2) В 6-м батальоне (Реальное училище). Командующий корпусом Фетисов. 4 апреля 1918 г.»

Мы надеялись, что этот призыв не останется без результата и найдет живой отклик в сердцах горожан. Нам казалось, что Новочеркассцы, испытавшие уже на себе всю тяжесть красного режима, не останутся больше инертными и в подавляющем количестве станут на защиту родного Края и собственной жизни. Но наши ожидания далеко не оправдались. К сожалению, приходится признать, что большевикам потребовалось еще раз основательно и жестоко похозяйничать в Новочеркасске, дабы, наконец, окончательно пробудить обывателя из спячки и побудить его взяться за оружие.

Одновременно с мерами, принятыми по упорядочению военной стороны дела, происходило и конструирование власти.

1-го апреля в 5 часов вечера в помещении зимнего театра состоялось соединенное заседание членов бывшего Правительства (Калединского), оказавшихся в городе, «войсковых есаулов», советников Областного Правления, членов войсковых кругов и офицеров Штаба по вопросу создания власти на Дону.

В принципе было постановлено воздержаться пока от избрания постоянного органа власти, образовав лишь Временное Правительство из представителей дружин Новочеркасска. При обсуждении этого вопроса, в его основание были положены соображения о необходимости, чтобы власть опиралась на реальную силу; последняя же фактически была в руках казачьих дружин, поднявших восстание, следовательно, представители этих дружин и должны были составить главный остов новой власти, поддерживая, в нужных случаях, ее авторитет силой оружия. На вечернем заседании было закончено формирование «Совета Обороны» Донского края, как высшего временного органа власти в Области. В состав его, кроме представителей станичных дружин вошло еще 8 человек (7 казаков и 1 неказак)[72]) общеизвестных деятелей с правом решающего голоса, избранных представителями дружин, как лица, пользовавшиеся их доверием и могущие принести своей работой пользу обороне Дона. Вместе с тем «Совет Обороны» просил принимать участие в его работе всех наличных членов Войскового Круга. Наконец, в его состав вошли и представители штаба.

Я лично, ни на одном заседании «Совета Обороны» не присутствовал. Произошло это не потому, что я умышленно избегал участия в работе «Совета», а лишь оттого, что у меня не было ни одной свободной

---

[72]) Член Калединского «Паритетного» правительства В. Н. Светозаров. См. «Воспоминания», часть II.

минуты и все время днем и ночью я находился в штабе. Хотя номинально начальником штаба считался подп. Рытиков, но как-то, само собою вышло, что вся спешная организационная работа лежала на мне. Ко мне обращались за всеми справками, разъяснениями, указаниями и я же отдавал все распоряжения и приказания, то от имени В. Ст. Фетисова, то начальника штаба, а чаще всего непосредственно от себя. При тогдашней обстановке резко и часто менявшейся и при отсутствии мало-мальски налаженного управления войсками, я не мог отлучиться из штаба. Но о работе нового органа власти, я был отлично осведомлен, ибо все его заседания посещал или Войск. Ст. Фетисов, либо кто-либо из офицеров штаба, всегда детально меня информировавшие.

Председателем «Совета Обороны» единогласно был избран есаул Г. П. Янов. Человек большой энергии, прекрасно владевший даром слова. Он энергично приступил к работе, воодушевляя своим примером и остальных.

Без излишних разговоров и дебатов, «Совет Обороны» сразу повел деловую работу. Прежде всего, он категорически запретил всякие самовольные реквизиции без его или командующего армиией согласия и выделил из своего состава комиссию для разбора дел арестованных, число каковых было уже весьма велико. Вместе с тем, принял меры улучшения положения дружинников и назначил два своих представителя для встречи и устройства, прибывающих в город станичных дружин. Одновременно, «Совет Обороны» стремился насколько возможно лучше решить продовольственный и финансовый вопросы и с этой целью провел ряд соответствующих мероприятий. В первую очередь, было решено использовать деньги в сумме 620 тыс. рублей. собранных большевиками с жителей города, как контрибуция и случайно оставшиеся в Новочеркасске. Что касается золотого запаса, который был оставлен большевикам 12 февр. при бегстве из Новочеркасска штаба Походного Атамана [73]), то несмотря на все самые тщательные розыски, нам не удалось отыскать никаких его следов.

«Совет Обороны» крайне озабочивала судьба М. Богаевского, увезенного большевиками, как известно читателю,[74]) в Ростов, почему было постановлено послать Ростовским большевикам ультиматум с требованием немедленно освободить как М. П. Богаевского,[75]) так и других казаков, содержащихся в Ростовских тюрьмах.[76]) Дабы подействовать на Ростовский совдеп и побудить его выполнить это наше требование, решено было сообщить ему, что в случае его отказа, все арестованные в Новочеркасске большевики будут расстреляны. Сначала предполагали с таким ультиматумом послать делегацию в Ростов, но опасение что большевики могут ее арестовать и расстрелять, побудили нас воздержаться от этого и прибегнуть к переговору с большевиками по телефону. Приведение этого в исполнение было поручено мне. Я приказал восстановить прерванную с Ростовом телефонную связь. После долгих попыток, в конце концов, удалось получить Ростовский ис-

---

[73]) См. «Воспоминания», часть II.

[74]) См. «Воспоминания», часть III.

[75]) Бывший помощник Атамана Каледина.

[76]) Вечернее заседание «Совета Обороны» 2 апреля. Газета «Вольный Дон» от 4 апреля 1918 года.

полнительный комитет. К телефону подошел какой-то субъект, назвавший себя заместителем председателя комитета. Когда он узнал о цели моего вызова, он разразился по моему адресу потоком площадной брани, высказал сожаление, что меня не розыскали в Новочеркасске и не расстреляли и обещал при новом занятии города не забыть это сделать. Я предложил ему за М. Богаевского отпустить всех комиссаров и видных большевиков, арестованных нами в Новочеркасске, а за каждого казака — по несколько красногвардейцев, но он и это мое предложение категорически отвергнул. Моя угроза в случае неисполнения нашего требования — расстрелять всех пленных большевиков также не подействовала. Она вызвала лишь новую брань с его стороны и угрозы, не оставить камня на камне при будущем занятии большевиками Новочеркасска. Я видел, что всякие дальнейшие переговоры бесполезны и потому, предупредив говорившего со мной, что за каждого расстрелянного ими казака, мы будем расстреливать 10 красногвардейцев, приказал прервать телефонное сообщение. Так неудачно окончилась попытка спасти М. Богаевского тогда, когда его фактически в живых не было.[77]) Что касается моих угроз по отношению к пленным большевикам, то мы от этого воздержались. Объяснялось это многими причинами. С одной стороны не хотелось уподобляться большевикам и расстреливать всех без разбора, а с другой — у нас не было уверенности, что мы удержим город. Хотя настроение дружинников и не оставляло желать ничего лучшего и они горели ненавистью к большевикам, но мне казалось, что одного этого еще мало. При всяком успехе они сильно воодушевлялись, но еще острее станичники воспринимали неудачу. Последнее объяснялось главным образом тем, что дружинники далеко еще не были по-настоящему организованы и вооружены и вступали в бой толпой без начальников-офицеров. Отсутствие нужной спайки и начальников, делало их чрезвычайно впечатлительными. Были случаи, когда при неуспехе станичники просто распылялись. Для устранения этих недостатков и придания дружинникам минимальной устойчивости, нужно было время. Во всяком случае, требовалось несколько дней, дабы создать организованные ячейки отрядов, которые могли бы впитать в себя казаков дружин и дать им некоторую стойкость. Но большевики не дремали и нельзя было рассчитывать, что они дадут нам время и своим наступлением не расстроят наши планы. Поэтому, было рисковано применять к арестованным нами большевикам особо жестокие меры. Ведь в случае вынужденного нами оставления города, весь свой гнев за наши действия, красные вылили бы на беззащитных жителей. Это свое мнение я высказал В. Ст. Фетисову и последний со мной вполне согласился.

По сведениям, полученным с боевых участков, к полудню 3-го апреля, обстановка складывалась так: на Ростовском направлении станичные дружины продвинулись далее ст. Кизитеринка (на линии Новочеркасск-Ростов, в 15 верстах от последнего), где разобрали полотно

---

[77]) Еще 1 апреля 1918 года, т. е. днем раньше, М. Богаевский был убит Антоновым недалеко от г. Нахичеваня в Балабановской роще выстрелом в висок. Говоривший со мною заместитель председателя Ростовского исполнительного комитета не рискнул мне это сказать, очевидно опасаясь репрессий в отношении захваченных нами большевиков.

железной дороги, лишив возможности броневые поезда красных продвигаться в нашу сторону. В Нахичевани находились большевики. Время от времени они пытались производить разведку, которую легко прогоняло ружейным огнем наше сторожевое охранение. По словам бежавших из Ростова, там царила паника. Большевики спешно вызывали подкрепления из Таганрога. Судя по донесениям, настроение дружинников было превосходное и они усиленные казаками Аксайской и Александровской станиц, крепко держали свои позиции. Как бы в подтверждение этого в штабе был получен и приговор Аксайской станицы.[78])

Благополучно было и на северном направлении. Там дружины Раздорцев, поддержанные Заплавцами и Новочеркассцами, после непродолжительного боя, заняли Персияновку. Отобрав у крестьян ближайших хуторов оружие, они успешно продвигались вперед. Уже овладели Каменоломней (примерно в одном переходе от Новочеркасска) и безостановочно продолжая наступление, имели целью захватить и Александровск-Грушевский — оплот большевиков шахтеров. Такие блестящие действия казачьего отряда были отмечены в приказе по армии № 11 от 3-го апреля 1918 года: «К вечеру 2-го апреля доблестные казачьи дружины станиц Раздорской, Заплавской и Новочеркасской оттеснили красногвардейцев к Александровск-Грушевский. По полученным донесениям казаки действовали выше всякой похвалы. Благодарю этих верных сынов Тихого Дона, грудью вставших на защиту его и народных прав. Командующий армией Фетисов».

В общем, положение на боевых участках, как видно, было для нас благоприятное. Много сложнее была обстановка в городе. Формирование новых частей шло вяло. Офицеры записывались в отряды неохотно. Не была даже приблизительно установлена численность казаков в городе, которыми мы могли располагать, как бойцами. Не успели еще наладить, как следует вопросы расквартирования и продовольствия казаков, прибывающих в город. Во главе небольших казачьих отрядов появлялись нередко неизвестные начальники. Могли быть, конечно и большевистские агенты. Часть офицеров, хотя и зарегистрировалась, но разгуливала по городу и уклонялась от поступления в ряды войск. Не было и порядка в городе: все еще продолжались самочинные незаконные реквизиции, а иногда попытки расправы самосудом с ранеными красногвардейцами, оставшимися в больницах. Часто ночью происходила беспричинная стрельба, сильно волновавшая население. Дабы уменьшить хаос и сколько-нибудь упорядочить положение, 2-го апреля 1918 г. был отдан следующий приказ: «Приказываю начальникам станичных дружин ежедневно к 12 часам дня доносить в штаб ар-

---

[78]) 1918 г., апреля 2-го дня. Мы нижеподписавшиеся граждане казаки Аксайской станицы, Черкасского округа В. Д., собравшись по колокольному звону, выслушав речь делегата из Новочеркасска хорунжего Димитриева о том, что город Новочеркасск занят Донской казачьей властью и устанавливается прежнее правление, постановили: приветствовать свою Донскую казачью власть и подтвердить настоящим приговором, что мы все присоединяемся к мнению города Новочеркасска, для чего сделать мобилизацию четырех переписей казаков нашей и других станиц и в случае надобности дать надлежащую помощь закрепления казачьей власти. В дополнение к приговору сообщаем, что Аксайская станица уже выступила на фронт и сражается в передовой цепи.

мии (атаманский дворец[79]): 1) Численный состав дружин (пеших и конных отдельно) 2) Число вооруженных (система винтовки и количество к ним патронов) 3) Фамилии начальников дружин. В случае прибытия пополнений из станиц доносить об этом немедленно. 4) Ввиду того, что офицеры без дела разгуливают по городу, приказываю под страхом предания военному суду немедленно забрать у инспектора артиллерии оружие и присоединиться к станичным дружинам, согласно сделанного при регистрации распределения. 5) Строго воспрещаю брать из лечебных заведений каких бы то ни было больных и раненых, без согласия старших врачей впредь до их выздоровления, в необходимых случаях нужно приставлять караул и считать то или другое лицо арестованным. Виновные в неисполнении приказа будут предаваться военному суду. 6) Какие бы то ни было реквизиции могут производиться лишь с разрешения и письменного приказания командующего армией или начальника штаба армии. Подтверждается, что обыски и аресты могут производиться лишь по письменному приказанию начальика милиции или коменданта города. Командующий казачьей армией Фетисов».

Одновременно для пополнения дружин, командующий казачьим корпусом В. Ст. Фетисов объявил мобилизацию всех казаков в возрасте от 17 до 50 лет включительно, как Новочеркасской, так казаков и других станиц, проживавших в городе и его окрестностях.

Не лишено интереса то, что название высшего соединения казачьих дружин, захвативших Новочеркасск, установлено еще не было. В одном случае В. Ст. Фетисов именовал себя «начальником отряда», в другом — «командующим отделом», в третьих — «командиром казачьего корпуса» и наконец — «командующим армией».

В эти дни в Новочеркасск прибыл председатель районного штаба [80]). Он сообщил, что 1-го апреля в ст. Манычской состоялся съезд 11 станиц Черкасского округа, начавших борьбу с большевиками и что казаки Кагальницкой, Хомутовской, Мечетинской и Егорлыцкой станиц, после боя с красными, отбросили большевиков к Ростову. Дошли сведения и из 1-го Донского округа о том, что в округе настроение бодрое, что все станицы и хутора мобилизуют казаков и посылают в Новочеркасск дружины. Шли утешительные слухи и с крайнего севера — Хоперского округа, о восстании казаков против советов.

Если эти вести в известной степени были правдоподобны, то наряду с ними в городе циркулировали, находя место даже в печати, самые фантастические и нелепые слухи. Приведу только некоторые из них, подтверждающие, как местная пресса обманывала доверчивого обывателя. Газета «Вольный Дон» [81]) в рубрике «на фронте» печатала буквально следующее: «Корнилов и Великий князь Николай Николаевич двигаются на Ростов с юга» и там же: «Отряды генерала Корнилова берут Батайск. Гайдамаки подходят к окрестностям Таганрога и заняли Гуково» (в 17 верстах от ст. Зверево). Не отставая от «Вольного Дона» газета «Свободный Дон» сообщала: «С часу на час ожидается вступле-

---

[79]) В это время штаб перебрался в атаманский дворец.
[80]) Такой штаб образовался в ст. Манычской.
[81]) «Вольный Дон», № 1 от 4 апреля 1918 года.

ние в Новочеркасск отрядов ген. Попова и Семилетова, находящихся где-то неподалеку» [82]).

На самом деле, все это далеко не отвечало действительности. Фактически Новочеркасск со всех сторон был окружен большевиками и никто не спешил ему на помощь. Однако психология тогда была такова, что невозможное признавалось возможным, а вымысел часто сходил за истину. Такими сведениями местная печать, очевидно стремилась поддержать в населении бодрость духа, а в сущности оказывала медвежью услугу: находились лица, а среди них и офицеры, рассуждавшие так: идут отряды Великого князя, ген. Корнилова, Попова, подождем их прихода, а тогда, в зависимости от обстановки и определимся.

К вечеру 3-го апреля, несмотря на царившую еще в Новочеркасске сумятицу, неналаженность вопросов снабжения оружием и патронами и продовольствия станичных дружин и, наконец, неорганизованность и неустойчивость их в боевом отношении, все же обстановка, как будто, складывалась в нашу пользу.

Я воспользовался благоприятным моментом и решил впервые за три дня отлучиться из штаба. Мне хотелось повидать тех, у кого я скрывался в последнее время, а также отыскать мое военное обмундирование, спрятанное где-то моими друзьями.

Мое отсутствие продолжалось не более часа. Но когда я вернулся в штаб, я было глубоко потрясен резкой в нем переменой. Все панически суетились. Офицеры и писаря штаба торопливо разбирали бумаги, жгли многие документы и спешно собирали имущество. Готовились к укладке телеграфные и телефонные аппараты, — в общем, все указывало на то, что происходит лихорадочное приготовление к поспешному бегству. Причиной такой неожиданной перемены послужило, как я узнал, сообщение одного из чинов железнодорожной администрации ст. Аксайская, что большевики большими силами при поддержке броневых поездов, повели наступление со стороны г. Нахичеваня, опрокинули и совершенно рассеяли наш южный отряд. Ввиду этого, с часа на час можно было ожидать занятия красными названной станции, почему телеграфисты, предупредив штаб о случившемся, прервали связь, испортили аппараты, а сами разбежались. Вот эта весть и произвела такое ошеломляющее впечатление на чинов штаба.

Если все это отвечало истине, то Новочеркасск со стороны Ростова был совсем открыт и, значит, каждую минуту броневые поезда большевиков могли очутиться под стенами города. Как я ни старался проверить это сообщение и выяснить истинное положение у ст. Аксайской, мне это не удалось. Тогда я принял меры, чтобы сколько-нибудь успокоить чинов штаба. Вначале мои настояния возымели некоторое действие, но наступившая темнота вновь усилила нервность настроения. Очень жуткое и тягостное впечатление произвел на всех истерический припадок начальника штаба подполк. Рытикова. Схватившись за голову, он начал бегать и кричать: «Все пропало, все потеряно, что теперь будет со мной, с моей семьей» и т. д. Не выдержало сердце и у Фетисова. Измученный бессонными ночами и нервной работой, он впал в

[82]) «Свободный Дон», № 2 от 3 апреля 1918 года.

полную апатию и спокойно говорил, что теперь ему все равно, что он никуда не побежит, останется здесь и что сейчас у него единственное желание — отдохнуть и хотя бы часок заснуть.

Скажу откровенно и меня охватило страшное отчаяние. Хотелось бросить все и скрыться от этой кошмарной действительности. Нервы уже не выдерживали. Хотелось забыться, ничего не знать, никого не видеть. Не слышать все одни и те же ужасные вопросы: «что нам делать, как быть, удержим ли город, не появятся ли сейчас большевики, успееем ли уйти» и т. д. и т. д. Я всячески старался переломить себя и хоть немного собраться с мыслями.

«Психологический кризис» у Фетисова и Рытикова продолжался и мне одному пришлось выкручиваться из создавшегося хаоса, будучи при этом среди людей уже охваченных паникой. Положение ежеминутно ухудшалось. По городу ползли зловещие слухи, разжигавшие расстроенное воображение и еще более усиливавшие общее смятение. Волнуясь говорили, что в городе будто бы уже появились матросы; что наши караулы бросили свои посты и бежали; что арестованные большевики в тюрьмах выломали двери и вооружившись, направляются для захвата штаба. Тревога из штаба быстро распространялась по городу. Вскоре на площади около атаманского дворца, скопилась большая толпа. Она явно сочувствовала большевикам. Слышались недвусмысленные выкрики по адресу штаба. А в это время, в штабе никакой охраны не было. К счастью, вскоре во дворец прибыло несколько десятков офицеров и явился начальник милиции ген. Смирнов. По моему указанию, он стал наводить внутренний порядок. Наспех кое-как сорганизовали прибывших офицеров. Они быстро очистили площадь и установили охрану штаба. С целью не допустить к городу с Ростовского направления бронепоезд красных, я отобрал 8—10 партизан с двумя надежными офицерами и направил их к хутору Мишкину с задачей разобрать и взорвать возможно на большем расстоянии полотно железной дороги. Этой команде были приданы телеграфисты с необходимым имуществом, дабы прибыв на место, они могли включиться в линию и ориентировать штаб в обстановке и о ходе работы.

Оценивая положение, я неуклонно приходил к выводу, что оставление нами города вопрос лишь ближайших часов. Но при сложившейся обстановке вывести офицеров и дружинников из города, мне казалось делом чрезвычайно трудным. Не скрывая своего решения, я, прежде всего, принял меры дабы оповестить об этом всех офицеров, бывших в Новочеркасске, а не бросить их, как это было сделано 12-го февраля 1918 года, когда из города уходил отряд Походного Атамана. С этой целью, несколько расторопных офицеров было послано в разные районы Новочеркасска. Они должны были отыскать квартальных старост и через них передать приказание всем офицерам безотлагательно прибыть к атаманскому дворцу. Одновременно несколько других офицеров было послано на автомобилях [83]) в места расквартирования казачьих дружин. Им было приказано во чтобы то ни стало розыскать дружинников, составить из них команды, зайти, если нуж-

[83]) Телефонная связь штаба в это время была почти вся прервана, вероятно местными большевиками.

но, в арсенал за оружием и патронами, а затем привести команды к штабу. Меня сильно озабочивали наши караулы у тюрьм и гауптвахты, где сидело по несколько сот арестованных большевиков. Поэтому, дабы проверить все городские караулы и выяснить фактическое положение там, я послал двух штаб-офицеров. Наконец, своего единственного энергичного помощника подъесаула К., я отправил с группой казаков на вокзал. Он должен был там восстановить порядок и по телефону держать меня в курсе происходящего на станции. Прилегающий к станции район кишел рабочими, настроенными большевистски. Поэтому, на вокзале все время происходила невообразимая сутолока и хаос. Оттуда беспрерывно по телефону какие-то неизвестные лица, явно с провокационной целью сообщали, то о занятии станции красными, то о прибытии карательных отрядов, то о появлении броневых поездов большевиков, чем еще больше усиливали беспорядок и панику.

Только после полуночи настроение в штабе заметно улучшилось. Некоторое успокоение внесло появление на площади перед зданием дворца, верхом на лошади, известного своей удалью сотника Гавриленкова. Несмотря на ампутированные конечности ног, он отлично держался в седле и в боях обычно появлялся в самых опасных местах.

Снабдив партизан патронами и дав для пеших людей грузовик, я отправил эту команду на Ростовское направление с задачей, заняв хут. Мишкин, выдвинуться дальше к югу до соприкосновения с противником и всемерно задерживать продвижение его по железной дороге, взрывая и порча таковую. Сотнику Гавриленкову подчинил ранне высланную туда команду подрывников, вменив ему в обязанность останавливать и включать в свой отряд всех казаков, которых он встретит по дороге.

Вспоминая то сумбурное время, могу сказать, что мною тогда, как мне казалось, было сделано все возможное, чтобы выиграть время до рассвета и спасти положение.

Уже рано утром 4-го апреля сотник Гавриленков донес, что он достиг хутора Мишкина и что его разведчики продвигаются к ст. Аксайской. Вместе с тем, он сообщал, что большевики, под прикрытием артиллерийского огня бронированного поезда, восстанавливают железную дорогу и что одновременно его команда основательно ее разрушает в районе хутора Мишкина.

На северном направлении положение было крепче. Наступательные попытки противника сдерживались огнем наших дружинников.

Примерно часам к 9 утра к атаманскому дворцу собралось несколько сот офицеров и партизан, решивших разделить судьбу с нами. К сожалению преобладали пожилые, иногда глубокие старцы, отставные генералы, старые полковники, т. е. элемент мало пригодный, как рядовые бойцы. Молодых было меньше. Собиралась и учащаяся молодежь, — студенты, юнкера, кадеты и гимназисты старших классов.

Когда обстановка прошедшей жуткой и кошмарной ночи, а также и состояния штаба стали известны «Совету Обороны», он в спешном порядке решил произвести, еще ранее намеченную реорганизацию высшего командного состава.

Командующим армией был назначен ген. К. Поляков, а начальни-

ком штаба генерального штаба полковник С. Денисов [84]). Около 10 час. утра названные лица пришли принимать «армию и штаб». Никакой армии, конечно, не было. За таковую считали, державшийся еще где-то в районе Персиановки северный казачий отряд, неизвестной численности, бродившие по городу небольшие кучки казаков, бежавших из южного отряда, к тому же крайне деморализованных неудачей, да толпившихся около штаба несколько сот неорганизованных и невооруженных офицеров и мирных обывателей, решивших встать в ряды бойцов. Вот это все и составляло «армию». Не было, в сущности, и штаба, в том смысле, как это принято понимать. А беспорядок и сумятица, царившие в помещении, ясно говорили, что «штаб» пережил крайне тревожную ночь. К этому прибавлялась еще и критичность нашего положения, ибо каждую минуту к городу могли подойти броневые поезда красных. Донесения сотника Гавриленкова становились все более и более неутешительными. Он сообщал, что большевики крупными силами энергично продолжают наступление, что железная дорога ими быстро восстанавливается и что он скоро будет вынужден оставить хут. Мишкин и отойти к городу.

Вот при каких необычайно тяжелых условиях новым лицам пришлось принимать бразды правления и становиться во главе казачьего движения.

После моего доклада обстановки и всех обстоятельств, только, что проведенной ночи, новый командующий армией Ген. К Поляков принял решение — оставить город, уйти в район станицы Заплавской, переорганизовать дружины в станичные полки, придать им стойкость и затем уже пытаться освободить столицу Дона — Новочеркасск.

В новом штабе на меня были возложены функции, как бы 1-го генерал-квартирмейстера, т. е. ведение оперативной частью, разведкой, службой связи, организационными и другими вопросами, с непосредственным подчинением мне офицеров генерального штаба [85]).

О принятом решении оставить город мы широко оповестили население города, особенно офицерство, предложив всем желающим покинуть город вместе с нами.

После полудня, в северный отряд нами было послано приказание незаметно начать постепенный отход к ст. Заплавской. К этому времени жидкие цепи сотника Гавриленкова, оказывая посильное сопротивление противнику, уже откатились к городу. С целью возможно дольше задержать большевиков на окраине города, наспех были составлены две сотни из толпившихся около атаманского дворца добровольцев и посланы на усиление команды Гавриленкова. Красные наседали и наше положение с каждым часом становилось безнадежнее. Гул артиллерийских выстрелов, пулеметная и ружейная стрельба на окраинах и даже в самом городе, наглядно показывали приближение конца нашего пребывания в Новочеркасске. Нам было особенно важно, как можно дольше удержать в своих руках железнодорожную станцию и восточную окраину Новочеркасска. В противном случае.,

---

[84]) Впоследствии известный командующий Донскими армиями. В то время ни ген. К. Полякова, ни полк. С. Денисова я не знал.

[85]) Кроме меня и подп. Рытикова в штабе находились еще подполковники Шляхтин и Дронов.

большевики отрезали нам единственный путь отступления. Необходимость отхода, казалось, окончательно созрела.

Трезво оценивая обстановку и опасаясь, что потеря нами Новочеркасска может убить в казаках веру в конечный успех борьбы с большевиками, командующий армией счел целесообразным, вместе с членами «Совета Обороны» немедленно отправиться в ст. Кривянскую, где скопилось уже много бежавших дружинников. Там он намеревался собрать станичный сход, переговорить с казаками, объяснить им обстановку, успокоить их, поднять среди станичников упавший дух и убедить их не отчаиваться и не класть оружие до конечной победы. Мне командующий приказал сопровождать его, а вывод «частей» из города возложил на начальника штаба полк. С. Денисова. Сев в автомобиль, приготовленный заботами урядника У. и взяв с собой часть телеграфного и телефонного имущества, мы отправились в ст. Кривянскую. Однако, отъезд командующего армией, некоторыми чинами штаба, настроенными панически, был истолкован по-своему. Несколько офицеров, как мне потом рассказал полк. Денисов, пользуясь царившей суетой и наличием свободных автомобилей, бросилось к ним, чтобы овладеть ими. Но этому их намерению во время воспротивился полк. Денисов. Он буквально вытащил их из автомобилей и приказал все время оставаться при нем, помогая ему в руководстве отступлением неорганизованных и к тому же панически настроенных людей.

Справедливость требует особенно отметить, что полк. Денисов проявил тогда не только редкое спокойствие и распорядительность, но и выказал большое мужество и личную храбрость. Часто только своим примером, он увлекал малодушных и спасал положение. До последнего момента Денисов оставался в городе, дав этим возможность всем желающим покинуть город, не забыв своевременно снять и все наши караулы. Свой «арриергард» он составил, главным образом из милиционеров и офицерской дружины полк Киреева. Ими он занял вокзал и в короткий срок навел здесь порядок. Железнодорожники явно сочувствовали большевикам, но несмотря на это Денисов под страхом расстрела, заставил их пустить навстречу бронепоезду красных паровоз. Последний где то в нескольких верстах от города свалился и загромоздил путь. Вследствие этого большевистский бронепоезд уже не мог безнаказанно с близких дистанций обстреливать орудийным огнем вокзал и город. На вокзале Денисов задерживался довольно долго, все время личным примером воодушевляя казаков. Все кто хотел покинуть Новочеркасск, могли выйти из города и беспрепятственно переправиться через р. Тузлов. Только после этого полк. Денисов во главе «арриергарда», нагруженного патронами, снарядами, замками от орудий и другим военным имуществом, оставил станцию и начал в брод переходить р. Тузлов. Местные большевики, преимущественно железнодорожники, видимо, этого ждали. Тотчас же с крыш и окон по отступающим был открыт жестокий ружейный огонь. Проходить приходилось по совершенно открытой равнине, но, к счастью, стреляли беспорядочно и наши потери оказались ничтожными.

Начинало смеркаться, когда хвост отступающих перешел р. Тузлов. На западной окраине ст. Кривянской спешно выставили жидкое сторожевое охранение под командой В. Ст. Фетисова.

Новочеркасск снова перешел во власть красных.

Со всех сторон на восток группами и в одиночку тянулись люди. Большинство громко обменивались впечатлениями дня. Многие, как часто бывает, открыто во всем винили начальство. Лучше всех, были настроены казаки — старики и станичники Кривянцы. Они решительно говорили, что несмотря на неудачу, они будут продолжать борьбу до тех пор, пока не прогонят последнего большевика с Дона.

Часам к 5 вечера станичная площадь Кривянки, двор станичного правления и прилегающие улицы, были заполнены чрезвычайно пестрой толпой, как по составу, так и одеянию. Скорее казалось, что происходит большая и шумливая ярмарка. В огромной и шумной толпе в хаотическом беспорядке мелькали офицерские, чиновничьи и солдатские шинели, штатские пальто, дамские шубы, шляпы, белые косынки, картузы, папахи и традиционные платки казачек. Среди множества телег, груженных домашним скарбом, лошадей, скота, овец и многочисленных собак, неистово лаявших, бегала плачущая детвора, ища родителей. Кое-где виднелись женщины с грудными детьми. Все находились под впечатлением пережитого, все были в нервно-приподнятом настроении. Военное командование и члены «Совета Обороны» должны были проявить нечеловеческие усилия, дабы хоть немного успокоить это бушующее море и не дать еще больше разгореться страстям. Принятые в этом отношении меры, уже начали давать положительные результаты, как вдруг неожиданно со стороны Новочеркасска, раздались орудийные выстрелы и несколько шрапнелей на большой высоте, разорвалось над станицей. Словно по команде, охваченные паникой, все стихийно ринулись на восток к Заплавам, дальше от города, дальше от протиника. Через несколько минут площадь была пуста. На ней задержались лишь чины штаба в ограниченном количестве, члены «Совета Обороны», небольшое число офицеров, да несколько десятков казаков, не считая выставленного сторожевого охранения. Станица совершенно опустела. Такой неожиданный оборот дела грозил нам лишением нас нашей «армии». Дружинники могли, минуя Заплавы, разойтись по своим станицам. Собрать их потом и поднять против большевиков, едва ли бы удалось, тем более, что они уже достаточно были деморализованы неудачей. Поэтому, первой нашей заботой было каким-нибудь способом не допустить дружинников распылиться по домам. Употребить для этого силу мы не могли, ибо никакой надежной вооруженной воинской частью мы фактически не располагали. Нам оставалось одно — единственное средство — попытаться убедить казаков словом. Иного выхода не было и мы решили испробовать это последнее средство. Посадив в автомобили по несколько вооруженных казаков под командой офицеров или влиятельных стариков из «Совета Обороны», мы выслали их на главные перекрестки дорог, дабы они попытались убедить казаков не расходиться по домам, а идти всем на Заплавы, которые мы решили сделать пунктом сосредоточения всех дружинников. Вместе с тем, с надежным гонцом послали станичному атаману Заплавской станицы приказание выставить вокруг станицы вооруженные заставы и никого не выпускать из Заплав и Бессергеневки[86]). Дав затем нужные

[86]) Эти станицы расположены почти рядом.

указания начальнику сторожевого охранения у ст. Кривянской В. Ст. Фетисову и предоставив свои автомобили раненным и больным, мы, т. е. командующий армией, начальник штаба и я, в сопровождении небольшой группы офицеров и казаков, отправились пешком на Заплавы, — цель нашего похода, надежда на отдых и база для дальнейшей борьбы. Настроение было грустное. Шли молча, понуря головы, стараясь заглянуть вперед и разгадать неизвестное будущее. В станице Кривянской начались пожары. Жуткое зарево их огней далеко отражалось на горизонте, еще более удручая настроение. Оглядываясь временами назад, я в неясном вечернем тумане различал мерцание тусклых огней родного мне Новочеркасска.

Только около полуночи мы достигли ст. Заплавской. Нас встретил станичный атаман из бывших урядников. Он весьма разумно рассказал нам о положении в станице. Выставленные им по нашему приказанию заставы никого не пропустили далее, почему станицы Заплавская и Бессергеневская оказалисы забиты дружинниками и беженцами до отказа. Эти сведения нас немного утешили. Где-то в глубине души начинала теплиться надежда, что наше дело еще не совсем проиграно.

В конец измученный нервной беспрерывной работой последних дней, бессонными ночами, недоеданием и утомительной ходьбой, я едва держался на ногах, не будучи уже в состоянии преодолевать свою усталость. Сказав об этом полк. Денисову, я пошел в соседнее здание школы, где и свалился на первой парте. В тот момент я ни на какую работу способен не был. Меня охватила странная апатия. Я испытывал лишь непреодолимую и безотчетную потребность, во что бы то ни стало, отдохнуть и забыться хотя бы на короткое время. Но ночью, несмотря на крепкий сон, я был разбужен дикими криками пьяных голосов. Оказалось, что это была сотня пьяных Кривянцев, решившая учинить над офицерами штаба самосуд, считая их виновниками в оставлении большевикам Новочеркасска, а главное их станицы. Охраны у нас не было. Все казаки спали мертвым сном. Только мужество и редкое самообладание полк. Денисова спасло положение. Он смело вышел к казакам и стал толково объяснять им положение. Он простыми словами сумел доказать им не только преступность их решения, но и заставить их смириться и подчиниться. Казаки притихли. Наиболее буйных оставили в Заплавах, а остальные покорно отправились на позицию в район ст. Кривянской в распоряжение В. Ст. Фетисова. Если бы только не выдержка полк. Денисова и не его знание души казака, этот инцидент кончился бы более чем трагически и для офицеров штаба и для начатого дела, каковое развалилось бы в самом зародыше.

День 5-го апреля надо считать днем зарождения Донской армии. С отходом дружинников в Заплавы, здесь началась кипучая деятельность. Трудно в немногих словах описать, сущность той картины, которая развернулась в Заплавах. Это был продуманный, но бурный по своему темпу, процесс организации, развертывания, плана борьбы и самой борьбы. Целую ночь с 4-го на 5-ое апреля тянулись казаки по дороге от Новочеркасска и Кривянской станицы к Заплавской. А ранним утром 5-го апреля, маленький человек, с большой душой и еще с большей энергией полк. Денисов, уже бегал, суетился, кричал своим характерным голосом, деятельно распоряжался на улицах станицы, ко-

торая тогда напоминала собой пестрый цыганский табор. Весь день без отдыха и перерыва Ген. К. Поляков и он сортировали казаков по станицам. Отделяли конных от пеших. Подсчитывали вооружение. Вместо дружин составляли сотни, полки. Из толпы выуживали офицеров и назначали их на командные должности. Я умышленно употребил слово «выуживали», ибо оно лучше всего определяет мою мысль. Как ни странно, но именно офицерский состав больше всего был тогда потрясен событиями и мало кто из офицеров верил в успех дела. Большинство офицеров всячески стремилось незаметно остаться в роли рядовых. Они видимо рассчитывали, что при неудаче и захвате их большевиками, последние не применят к ним особо строгого наказания, иначе говоря не расстреляют. Отыскать офицеров среди толпы было очень трудно, тем более, что внешние признаки офицерского звания отсутствовали. И смешно и в то же время грустно вспоминать, как в тот день полк. Денисов, знавший многих офицеров в лицо, извлекал их из толпы. — «Иван Петрович» — кричал он — «и вы здесь, очень приятно, а я вас искал, нам очень нужен командир для такого-то полка. Да, кажется рядом с вами — есаул X. Пожалуйте господа сюда. Вот вам казаки такой-то станицы. Вы назначаетесь командиром полка, а есаул командиром 1-й сотни. Составляйте из казаков сотни, подыскивайте себе офицеров и т. д.» И Иван Петрович и есаул, оба крайне смущенные, протискивались вперед и волей, неволей, принимались за порученное дело. Но иногда встречались и весьма сомнительные лица офицерского звания, возможно что большевистские агенты. Они. наоборот, всячески стремились попасть на командные должности. Несколько человек было обнаружено тех, кто раньше работал у большевиков[87]). Поэтому, пришлось создать специальную комиссию под председательством генерала Смирнова, дабы разобраться в офицерском вопросе и, вместе с тем, очистить район от большевистских шпионов. Уже к вечеру 5-го апреля дружины были реорганизованы в полки, которым присвоили наименования по станицам. Общая численность Донской армии 5-го апреля была около 4 тысяч, а к 10-му она достигла 6½ тысяч человек [88]). Из невооруженных сформировали при полках особые команды, надеясь в ближайшие дни вооружить их оружием за счет большевиков. Пока же эти команды использовали на тыловых работах. Артиллерия состояла из 6 орудий, но пригодных для стрельбы было только 4. Запряжек имелось лишь на 2 орудия. Снарядов было около 120. Пулеметов оказалось 30. Распределение их по полкам вызвало протесты, ибо пулеметы были трофейные и дружинники, имевшие их, не хотели делиться с другими. Когда казаков распределили по полкам, каждому полку отвели точный район квартирования, приказав местонахождение штабов полков и сотен обозначить флагами и значками и регулярными

---

[87]) Среди них оказались и офицеры генерального штаба подп. Рытиков и Дронов. В Заплавах к работе они допущены не были.

[88]) Пехоту составляли следующие полки: Кривянский 1000 человек, Новочеркасский 700, Заплавский 900, Бесергеневский 800, Богаевский 900, Мелиховский 500 и Раздорский 200. Кроме того, пластунский батальон из казаков, служивших в нем в Германскую войну — 160 ч. и одна сводная сотня из казаков Аксайской, Ольгинской и Грушевской станиц. В состав конницы вошли: 7 Донской казачий полк — 700 ч., Сводный полк — 400 ч. и команда конных ординарцев штаба — 45 чел.

донесениями поддерживать непрерывно связь с штабом армии. От командного состава категорически потребовали неотлучно быть с казаками, знать каждого бойца, приложить все усилия, чтобы спаять казаков, объединить их, служить им во всем примером, завоевать их доверие, и вместе с тем, стать действительными их начальниками, вернув былое значение офицера.

Как видно, задача, возложенная на командный состав, была чрезвычайно сложная и трудная. Однако, к чести скромного донского офицера, могу засвидетельствовать, что он с нею справился прекрасно. Большая заслуга в этом и ген. Полякова и полк. Денисова. Они не пропускали дня, чтобы не побывать на позиции и не ободрить казаков. Они проверяли расположение частей, заботились об их питании, часто разговаривали со станичниками, а когда нужно было подтягивали их, чем естественно поддерживали престиж командного состава. У казаков постепенно проходил революционный налет и они привыкали видеть в офицере, прежде всего, своего старшего наставника и начальника.

Работа в Заплавах, надо сказать, протекала в необычайно своеобразных условиях.

К вопросу о введении настоящей дисциплины, учитывая психологию дружинников, приходилось подходить осторожно и деликатно. Легко было какой-либо несвоевременной мерой получить обратные результаты. Нельзя было не считаться, что казаки только что начали выздоравливать от большевистского угара. Их можно было уподобить выздороавливающему тифозному больному, которому, если дать сразу сытую мясную пищу, значило бы его убить.

Очень много вызывал хлопот вопрос продовольствия казаков, отрезанных от своих станиц. Они очутились на положении пасынков, ибо станицы с которыми связь существовала, заботу о продовольствии своих полков целиком взяли на себя, но чужих кормить не желали. Однако, в конечном результате, все же удалось убедить станицы все продовольствие и фураж доставлять в Заплавы, где оно интендантом армии полк. Бобриковым будет уже распредяляться по частям. Для раненых и больных учредили подобие госпиталя. Нашлось 2—3 врача и несколько сестер милосердия. За неимением медикаментов и перевязочного материала пользовались подручными средствами.

Наши новые полки по очереди несли сторожевую службу на позиции. Район между Новочеркасском и Заплавами — открытая равнина, пересекаемая изредка неглубокими лощинами. Нашу главную позицию мы выбрали примерно в 2 верстах к западу от станицы и в ночь на 6 апреля приступили к рытью окопов и ее оборудованию. Штаб армии расположился в станичном правлении и был связан телефоном с позицией. Довольно далеко вперед, на левом фланге у ст. Кривянской обстоятельства вынуждали иметь авангардную позицию [89]).

---

[89]) С военной точки зрения эта позиция была совершенно ненужной, но Кривянцы, настроенные весьма воинственно и составлявшие отличный полк под командой полк. Н. Зубова, настойчиво просили не оставлять их станицу и держать около нее наши части. Пришлось, в ущерб делу, согласиться с этим, причем только Кривянцы и несли на ней службу, не пропуская в то же время свою очередь и на главной позиции.

Большевики допустили огромную ошибку, что 4 апреля нас не преследовали. Они упустили наиболее благоприятный момент разогнать «казачью армию», бывшую тогда в образе полувооруженной и панически настроенной толпы. Оставались они пассивны и 5-го апреля, тем самым позволив нам переорганизовать дружины и несколько упорядочить самые важные и неотложные вопросы.

С нами в Заплавы несомненно проникли и большевистские агенты. Когда они донесли в Ростов, что здесь закладывается прочный фундамент будущей армии и что вскоре может создаться серьезная угроза существованию советской власти не только в Новочеркасске, но и в целой области, большевики крайне обезпокоились и решили уничтожить эту опасность.

С 6-го апреля они начали активные действия против Заплав. Главный удар большевики направляли на ст. Кривянскую, предварительно обстреляв ее сильным артиллерийским огнем. Наши части это наступление успешно отбили. Столь же были неудачны атаки красных и 8-го апреля. Зарвавшись в наше расположение красногвардейский Титовский полк потерпел поражение, потеряв при этом около сотни человек убитыми и ранеными и в том числе своего влиятельного красного командира. Последнего хоронили в Новочеркасске. Церемония торжественных похорон заняла у большевиков два дня. В течение этих дней они нас не беспокоили, а мы пользуясь передышкой, лихорадочно налаживали дело организации и сколачивания частей. Первые успехи сильно ободрили казаков. Большевики же, ввиду неудачной борьбы с казаками оружием, решили испробовать на них свой излюбленный прием, т. е. агитацию. И вот, как-то перед нашей позицией показались автомобили противника с белыми флагами. Их появление вызвало в окопах разные комментарии и горячие споры по вопросу — стрелять или нет. На другой день, такие автомобили приблизившись к окопам, бросили несколько пачек прокламаций и затем удалились. В оставленных прокламациях большевики предлагали казакам мир на условиях выдачи ими своего командного состава. В них же они поясняли казакам, что им нет никакого смысла воевать против таких же трудовых казаков и крестьян и что их в междуусобную борьбу обманным путем втянули офицеры и помещики. Такая пропаганда была тогда крайне опасна и могла иметь для нас весьма тяжелые последствия. Это зло было самое опасное и с ним приходилось бороться весьма осмотрительно. Я помню, как на мое категорическое приказание начальнику боевой линии открыть по большевистским автомобилям огонь и не допустить их к окопам, он мне ответил, что казаки отказываются стрелять в противника, едущего к ним с белыми флагами. Только на одном участке и то хитростью удалось захватить одного главаря делегации красных. Он был доставлен в штаб и оказался казаком Лагутиным. Я лично его опрашивал и скажу, что держал себя он крайне вызывающе. После короткого опроса, он был предан «Суду защиты Дона» [90]). Его су-

---

[90]) Этот суд был учрежден нами и состоял из пяти лиц: двух от «Совета Обороны», двух от полков и председателя по назначению командующего армией, каковым был назначен полк. К. Греков, добрый по натуре, но сильной воли человек. Суд руководился только законами совести и его решения обжалованию не подлежали. Высший над ним контроль был командующий армией.

дили и приговорили к смертной казни. В тот же день он был повешен на видном месте в станице. — «На изменника казачеству и служителя сатаны, — говорили казаки, — жаль тратить патрон».

Столь строгая и быстрая кара сразу отрезвила казаков, а вместе с тем у них сильно возросла ненависть к большевикам. Красные сами увеличивали ее тем, что делая налеты на ст. Кривянскую, они грабили казачье добро и многое увозили с собой в город. Больше всех были озлоблены на большевиков, конечно, Кривянцы. Они негодовали на красных и своей злобой заражали и остальных казаков. Особенно беспощадно и жестоко расправлялись Кривянцы с мародерами. Их обычно приводили в Заплавы, где на площади всенародно судили. Суд и расправа были коротки. Нередко в них принимали участие и казачки. Были случаи, что мародеров засекали на смерть. Остановить и запретить подобные расправы было тогда совершенно невозможно. Да к тому же и большевики не щадили наших пленных, особенно офицеров. Последних они часто немилосердно мучили. Выкалывали им глаза (бои под Александровск-Грушевский) или вырезывали лампасы и погоны, т. е. с живого сдирали с ног и плеч полосу кожи, шириной примерно в полтора вершка.

Борьба становилась ожесточенной и беспощадной. Однако, настроение казаков Заплавской группы, нельзя сказать, чтобы было особенно устойчивым То они горели желанием победить врага или умереть, то вдруг в минуты утомления, такая решимость сменялась малодушием. Тогда они глухо ворчали и говорили о ненужности и бесцельности борьбы с большевиками, которых им все равно не победить, ибо за ними стоит вся Россия. Случались и худшие моменты, когда они не прочь были «замириться» с красными и выдать им своих старших начальников. Такие колебания станичников от нас не укрывались. Приходилось поэтому направлять ум и энергию не только на ведение боевых операций, но и зорко следить за настроением дружинников. Надо было все время поддерживать в них бодрость духа и решительно устранять причины и явления, могущие на них действовать отрицательно. Нам было ясно, что первая неудача, могла бы погубить все дело и оказаться гибельной своими последствиями для командного состава. Поэтому требовалось сколачивать войска и закалять их дух только на победах.

Большую помощь в деле сколачивания Заплавских войск, оказывал командованию «Совет Обороны», переименованный 8-го апреля во «Временное Донское Правительство».

В тот момент, когда большинство умов было захвачено повстанческой энергией и сердца бились счастьем и верой в свободу, это был исподволь создавшийся орган, временную власть которого никто не оспаривал и в котором власть военная черпала силу и авторитет в своих действиях.

Командный состав, зародившейся армии тесно жил с «Советом Обороны», который разделял с ним все тяготы боевой жизни [91]). Без преувеличения могу сказать, что дни совместной работы в Заплавах, — были лучшими днями единения власти военной и гражданской.

---

[91]) Из состава Правительства, занимавшего помещение вблизи штаба во время одного наступления большевиков были ранены И. Любимов и П. Сычов.

В дни боевой тяжелой работы долетали до нас различные слухи. В один из светлых весенних дней, прибыли из-за Дона казаки и рассказали нам обстановку в Кагальницкой станице и о своей борьбе с красными. Они просили нас помочь им снарядами и патронами. Их прибытие было для нас особенно дорогой вестью. Как-то невольно исчезало чувство жуткого одиночества в борьбе с большевиками и увеличивались шансы на конечный успех. Мы наладили связь и стали обмениваться сведениями. Скоро пришла другая весть о том, что в Задонье прибыл разъезд полк. Барцевича Добровольческой армии. Мы узнали, что армия еще жива, но потеряла своего вождя ген. Корнилова. Наконец, глухие и противоречивые сведения о Пох. Атамане, который, как известно читателю, 12-го февраля ушел с отрядом из Новочеркасска в степи, стали определеннее. Его отряд в составе около 1 000 человек с 3 пушками и двумя десятками пулеметов, посаженный на пароходы, 9-го апреля причалил к пристани ст. Константиновской. К нам в Заплавы прибыло несколько офицеров из этого отряда и рассказали нам подробности похода. Говорили, что поход был тяжелый. Шли в холодную зиму по широким степям, занесенным снегом. Не хватало теплой одежды. Не было запаса снарядов и патронов. Движение отряда стеснялось ранеными и больными, которых приходилось вести с собой. Пополнений не было и отряд постепенно таял. Участники теряли веру в благополучный исход похода и уже начали искать спасение удалением из отряда одиночным порядком или группами. Положение делалось отчаянным и потому, еще в степи, возник вопрос о распылении отряда. К моменту перехода через реку Сал этот вопрос уже созрел окончательно и считался решенным в положительном смысле в кругах близких к Пох. Атаману. Участники похода утверждали, что в штабе Поход. Атамана был даже заготовлен приказ о распылении всего отряда. И только случай — вести о восстании в Суворовской станице, да настойчивые просьбы казаков, удержали штаб от опубликования этого приказа.

Измотавшийся душевно и физически отряд Пох. Атамана, полетел из степи, как мотылек, на огонек в район Суворовской станицы. В этом, надо считать, было его спасение: уже в пути в районе Ремонтная-Котельниково ген. Попов встретился с отрядами восставших казаков... И спасенные казаками, усвоив роль спасителей, отряд ген. Попова, поехал вниз по Дону, совершенно забыв о том, кто кого спасал. Спускаясь по Дону, отряд нес весть о свободе и о восстании. Истосковавшиеся за порядком станицы жаждали присоединиться к какой-либо власти. Пох. Атаману никто не возражал в его стремлении объединить повстанцев около своего имени, как лица по принципу преемственности власти, ставшего на вершину волны казачьего освободительного движения.

Между тем, предоставленная самой себе в борьбе с большевиками, наша Заплавская группа имела о Пох. Атамане своеобразное представление. В его приходе видели спасение не только казаки, но и начальники. Это был богатый содержанием психологический фактор. Открыто ставшая на борьбу за Дон, успевшая сформироваться в полки, выдержавшая уже не один бой, Заплавская группа ждала от Пох. Атамана помощи и искала пути соединения с ним. Для встречи Пох. Атама-

на и для доклада ему военной и политической обстановки в Заплавах, было решено послать 10-го апреля в ст. Константиновскую делегацию. В нее вошли от Вр. Донского Правительства Янов и Горчуков, а от военного командования — я. Невольно в моей памяти встает картина нашей встречи на пароходе «Москва» с генералом Поповым и его приближенными. Чтобы быть правдивым, следует сказать, что свидание это было крайне тягостным. Нас приняли и холодно и сухо. Мало того, наш приезд стремились истолковать, как какое-то покаяние заблудившихся. Но в чем состояли наши грехи, нам не говорили. Особенно же поражало то, что и Атамана и его окружение, состоявшее из полк. Сидорина — начальника его штаба, полк. Семилетова — командующего отрядом и без определенных занятий полк. генерального штаба Гущина (крайне себя скромпрометировавшего во время революции [92]) — больше всего интересовали вопросы персональные, нежели общая обстановка в Заплавах. Надменность «свиты» Попова временами переходила всякие границы. В этом отношении побивали рекорд — Гущин и Семилетов. Несколько сдержанее держал себя Сидорин. Я довольно подробно изложил Атаману положение в районе Заплав, оттенив при этом состояние духа войск, их организацию, а также и ту стойкость, которую неоднократно проявили станичники, отбивая атаки красных. Мой доклад вызвал и со стороны Походного Атамана и его окружения, только неуместные, иронические и порой даже оскорбительные замечания и реплики. Только к концу нашего заседания, можно было уже уловить причину сухости и недовольства ген. Попова и его штаба. Чувствовалось, что Пох. Атаману и особенно его свите приятнее было бы видеть у себя депутацию рядовых казаков, заявивших о своей готовности мобилизоваться по приказу Пох. Атамана, нежели встретить представителей высшей Временной власти на Дону и представителя уже организованной казачьей армии, к тому же далеко превышающей численность отряда Пох Атамана. Видно было, что руководители степного похода крайне раздражены, что дело организации казачьего восстания проведено без них и без их благословения и главное лицами, обладавшими достаточным опытом и знанием. Их сердило и то, что эти лица уже стали популярными среди казачьей массы и потому беспричинное устранение их могло иметь неприятные последствия не только для общего дела, но и для окружения Пох. Атамана.

Тяжело было это свидание, еще тяжелее оказались его последствия для Заплавцев.

Вернувшись в Заплавы, мы подробно рассказали о нашем свидании с Пох. Атаманом. Тогда командующий армией и начальник штаба полк. Денисов, решили 12-го апреля сами отправиться к ген. Попову. К этому времени флотилия Пох. Атамана бросила якоря у ст. Раздорской, в одном переходе позади ст. Заплавской. Как мне передавал полк. Денисов, их в Раздорах приняли далеко не радушно. Повторилась точно та же картина, как и в ст. Константиновской с той лишь разницей, что после этого свидания ген. К. Поляков оставил командование Дон-

[92]) По свидетельству ген. Денисова имеются снимки, на которых этот офицер запечатлен рыдающим на плече Керенского. «Гражданская война на юге России» 1918-1920 гг. Стр. 71.

ской армией. На эту должность назначили полк. Денисова, а меня начальником штаба. Наша армия была переименована в «Южную группу» степной отряд ген. Попова в «Северную группу», восставшие казаки Задонья, составили «Задонскую группу». Эти три группы образовывали Донскую армию, численностью более 10 тысяч человек, раскинувшуюся на десятки верст. Возглавил ее Пох. Атаман. После долгих и горячих дебатов, гражданскую власть все-таки нам удалось сохранить за Вр. Донским Правительством. Но Пох. Атаман и его окружение в отношении этого высшего органа Донской власти, заняли явно враждебную позицию. Такое их беспричинное отношение к органу Донской власти, конечно, сильно обижало казаков, тем более, что в его составе было много представителей наших воинских частей.

Только 13-го апреля Пох. Атаман решил посетить Заплавскую группу. Прибыл он к нам почему-то в сопровождении полк. Гущина. Для встречи Атамана нами были выстроены полки, находившиеся в резерве. Здесь следует отметить одну весьма характерную деталь, показывающую до какой степени неутомимой работой нашего офицерского состава, была изменена психология станичников. Накануне приезда Атамана, казаки сами пришли просить начальство, разрешить им на приветствие Атамана ответить по старому — «Ваше Превосходительство», а не «Г-н генерал».

Для Заплавцев день приезда Атамана был большим праздником. Уже с утра казаки мылись, чистились, суетились, нервничали, с нетерпением ожидая команды строиться. Мы встретили Атамана со всеми подобающими почестями. Ген. Попов сначала обошел выстроенные полки и поздоровался с ними, а затем обратился к казакам с речью. Каждое слово Атамана глубоко западало в казачьи души. Ген. Попов немного побранил казаков за прошлое, поблагодарил их за настоящее предсказал им лучшее будущее и призвал теперь стойко и до конца отстаивать свои права и казачью свободу. Впечатление осталось бы отличное, если бы Пох. Атаман в конце своей речи не перешел на офицерский вопрос. Начал он с того, что всех офицеров разделил на три категории. Первую, по его словам, составляли те, кто ушел с его отрядом в степи, кто честно выполнил свой долг перед Родиной, и кто только и заслуживает название — офицера. В третью категорию он включил, назвав преступниками, оставшихся сейчас в Новочеркасске. Наконец, в среднюю он соблаговолил зачислить нас, т. е. тех кто, как он выразился, немного искупили свою вину тем, что 4-го апреля ушли из Новочеркасска. Такая неуместная, публичная оценка офицеров, произвела ошеломляющее впечатление, и глубоко оскорбила наш офицерский состав. Во II части моих «Воспоминаний» я подробно излагал обстановку оставления Новочеркасска Пох. Атаманом, когда он и его штаб выказали полную неспособность, хотя бы сколько нибудь, обеспечить офицерам возможность выхода из города. Еще так памятна и свежа была у меня тогда картина оставления Новочеркасска 12-го февраля и поспешное бегство штаба Пох. Атамана с группой приближенных. Неужели же, думал я, все это так быстро испарилось из его памяти и ген. Попов уже забыл, что не только офицеров, но даже и партизан не предупредили об оставлении города и тем самым бросили их на произвол судьбы. Скорее можно было считать, что это ловкий, но и крайне неудачный маневр реабилитировать себя за свое постыдное

поведение во время ухода из Новочеркасска и тем предотвратить могущие быть обвинения [93]). Во всяком случае, непродуманный выпад ген. Попова имел следствием то, что офицеры Заплавской группы войск считали себя оскорбленными, а казаки обиженными за своих начальников, которые разделяли с ними все невзгоды боевой жизни и наравне с ними ежедневно рисковали своей жизнью. Неоспоримо то, что радость встречи Заплавцев с Пох. Атаманом этим инцидентом уже была сильно омрачена. Неприятное впечатление еще более увеличилось, когда после Атамана, выступил с речью полк. Гущин. Его манеры, жесты и приемы, живо напомнили казакам большевистских агитаторов в памятные и недавние дни «бескровной».

После отъезда Пох. Атамана, мы могли убедиться, что желаемого эффекта на войска нашей группы, его приезд не произвел. Наоборот, образовалась, как бы трещина в отношениях между ним и участниками событий в Заплавах в период 5—23 апреля, прозванный впоследствии «Заплавским сидением». Хотя мы поведение ген. Попова и порицали, но все же ждали, что в ближайшие дни произойдет усиление Заплавской группы уже потому, что с приходом Пох. Атамана, восставшие казаки дальних станиц тянулись к Раздорам, откуда и направлялись далее по указанию штаба Атамана. Но этого не только не случилось, но вскоре нам пришлось еще более разочароваться, когда пришло приказание Пох. Атамана два наших орудия [94]) со снарядами передать в тыл, в «Северную группу» полк. Семилетова. Выходило, что Заплавскую группу, которой приходилось ежедневно отбиваться от противника и боем добывать средства к жизни и войне, не только не усиливают, но наоборот ослабляют. Для людей, близко стоявших к делу управления войсками в штабе Пох. Атамана, уже не было секретом, что мотивы таких решений были глубоко персональные. Вопрос шел о первенстве в лаврах славы. Чтобы почить на них, полк Семилетову следовало идти на Новочеркасск — столицу Дона, но на этом пути стоял Полк. Денисов с Заплавской группой войск, которая его уже полюбила и свою судьбу связала с его судьбой. Не было причин устранять его. Искали выхода и нашли: решено было в первую голову «Северной группой» атаковать г. Александровск-Грушевский и, таким образом, первую ветку венка славы, мог бы взять себе полк. Семилетов и, значит, степной отряд ген. Попова.

Боевые действия под Александровск-Грушевский вскоре показали цену такой стратегии. Троекратные атаки этого города полк. Семилетовым были безуспешны. В результате, своеобразная партизанская тактика в конец измотала силы «Северной группы», а для «Южной группы» также имела не менее пагубные последствия. Наши полки, направляемые по приказу Пох. Атамана на усиление войск полк. Семилетова, возвращались к нам почти небоеспособными. В бою у Бурасовского рудника наш лучший доблестный Новочеркасский полк, успешно атаковал красных. Но части Семилетова запоздали и во время его не поддержали. Новочеркассцы отступили, понеся при этом огромные потери. Столь же сильно потрепанными и почти небоеспособными

---

[93]) Ген. Попова я раньше не знал, но ген. Денисов, а также и ген. П. Н. Краснов считали его весьма ограниченным, но крайне тщеславным, ставящим всегда свои личные интересы и благополучие на первое место.

[94]) У нас было только четыре орудия.

оказались Заплавский и Богаевский полки, а Мелеховский полк даже самовольно бросив позиции, отошел в свою станицу и привел с собой большевистских фуражиров [95]).

Неудачи под Александровск-Грушевский сильно понизили моральное состояние наших войск. Не было поведение Пох. Атамана без влияния на Заплавцев и по другим причинам. Засев в тылу в Раздорах, Пох. Атаман не считал нужным появляться в войсках и поддерживать их дух. Народная молва несла различные слухи, создававшие настроение. Особенное внимание масс привлекало к себе то обстоятельство, что Атаман продолжал жить на пароходе. К этому добавляли, что пароходы стоят под парами, а злые языки Пох. Атамана называли атаманом «пароходным».

Эти слухи имели под собой некоторое основание, так как в день первой неудачи полк. Семилетова под Александровск-Грушевский, слухи взволновали обитателей пароходных кают и они, настроившись панически, были совершенно готовы отплыть из Раздорской.

Между тем, крепло сознание, что прибытие Пох. Атамана нам никакой пользы не принесло. Вместо усиления наших войск, ген. Попов беспрестанно нас ослаблял выделением наших полков в «Северную группу». После каждой неуспешной атаки наши полки возвращались в Заплавы, но уже в сильно уменьшенном составе и значительно деморализованные. И сердце казака дрогнуло. Среди них родилось недовольство. Пошел глухой ропот. Были даже попытки к неповиновению и нежелание исполнять боевой приказ. Создалось положение грозившее катастрофой.

Полк. Денисов, со свойственной ему прямотой, 16-го апреля обрисовал Пох. Атаману истинное положение в Заплавах. Дабы окончательно не развалилась наша «Южная группа», он настойчиво просил Атамана: 1) Впредь не ослаблять наши войска, а выделенные части вернуть обратно, 2) Занять гарнизоном из частей «Северной группы» ст. Мелиховскую, как ненадежную и находящуюся на единственном пути между Заплавами и Роздорской, 3) Убрать из ставки лиц, заклеймивших себя недостойным поведение во время революции (полк. Гущин), нахождение которых при Атамане дает пищу разным толкам и 4) Атаману оставить пароход и переехать в Заплавы, дабы своим присутствием здесь прекратить вздорные слухи и ободрить казаков.

Вместе с тем, мы и сами приняли меры, чтобы удержать войска от дальнейшего распада и успешно отражать непрекращающиеся атаки противника.

17-го апреля, нам стало известно, что большевики, учитывая ослабление «Южной группы» и неустойчивое ее состояние, решили в день пролетарского праздника 1-го мая (18 апреля) окончательно покончить с нею.

В этот день, как обычно, я около 4 часов утра взобрался на церковную колокольню, откуда открывался широкий кругозор на равнину между Новочеркасском и Заплавами. Пользуясь цейсом и напрягая зрение, я в предрассветном тумане, внимательно осматривал подступы

[95]) За это Мелиховцы понесли строгое наказание. Наш особый отряд успел захватить хвост большевистского обоза и вместе с Мелиховцами доставить в Заплавы.

к нашей позиции, стараясь уловить, то или иное движение со стороны противника.

Сначала все оставалось спокойным. Но вскоре вдали, стали появляться, то черные точки, то какие-то длинные змейки или широкие ленты. Они отделялись от города, направляясь в нашу сторону и временами принимали неясные очертания человеческих силуэтов. За ними, дальше, виднелись другие, более крупные, двигающиеся пятна. То были орудия, зарядные ящики, автомобили, повозки. Все это расползалось по равнине, резко меняя ее обычный пустынный вид. Вдруг, в сырой утренней мгле, блеснула зарница и прогремел орудийный выстрел. Его подхватили, гулко затрещав, далеко впереди, пулеметы. Начинался бой. Мы отменили смену войск на позиции и подняли все полки по тревоге.

Под прикрытием огня нескольких батарей, большевики крупными силами вели энергичное наступление на Заплавы. К ним непрерывно шли подкрепления из Новочеркасска.

Следя за движением противника, мы определили, что большевики главный удар направляют на наш правый фланг и тыл, стремясь отрезать нас от «Северной группы».

Наши жидкие передовые цепи, сбитые красными, постепенно жались к станице. Подтянув свои батареи, большевики с открытых позиций, стали безнаказанно громить Заплавы. Наши 3 орудия стреляли редко, ибо у нас было только 40 снарядов. Всем было строго приказано беречь снаряды и патроны и стрелять лишь наверняка. Слабый наш артиллерийский огонь, конечно, придавал красным храбрость. Броневики противника и грузовые автомобили с установленными на них пулеметами, временами, нагло подскакивали к станице и почти в упор расстреливали ее защитников.

После полудня, артиллерийский огонь красных усилился. Большевики буквально засыпали станицу снарядами. Несколько гранат попало и во двор штаба. Убило и ранило несколько ординарцев и лошадей, выбило в штабе стекла, сорвало карнизы, засыпав всех штукатуркой. В штабе тогда, кроме меня, находился ген. М. Свечин, есаул Алексеев и 2—3 писаря. Остальные офицеры штаба были посланы в части для непосредственного участия в бою [96]).

Обстановка складывалась не в нашу пользу. Численность, богатство вооружения и неисчерпаемость снарядов и патронов, были на стороне противника. За нами оставались лишь знание и опыт. «Северная группа» войск не давала о себе знать, оставаясь пассивной в роли безучастного зрителя.

Примерно часов около 4-х дня, наша артиллерия замолкла. Прибежавший ординарец (телефонные линии все уже были перебиты) доло-

---

[96]) Весь мой штаб тогда состоял из шести лиц: начальник службы связи — есаул Алексеев, начальник контрразведки — капитан Иоль-де-Монклар, он же и помощник по оперативной части, очень энергичный и неутомимый работник (оказал мне особенно ценную помощь в работе в первые дни взятия нами Новочеркасска), офицер для поручений — подъесаул П. Греков, начальник команды ординарцев — есаул Сафронов, заведующий довольствием штаба полк. Карпов и в роли писаря генерального штаба ген.-лейт. М. Свечин, не желавший занять какую-либо должность, но охотно помогавший мне в работе своим знанием и опытом.

жил мне, что артиллеристы расстреляли последние снаряды и ждут дальнейших приказаний. Молчание наших орудий воодушевило большевиков. Они начали еще больше неистовствовать. Густыми толпами красные охватывали наш правый фланг и тыл, стремясь прижать нас к Дону, разлившемуся тогда на десятки верст и тем поставить нас в безвыходное положение. Обходные колонны большевиков, сопровождаемые вооруженными автомобилями, уже выходили глубоко нам в тыл. Часть артиллерии красных, снявшись с позиций, походным порядком направлялась к Заплавам.

Не было никакого сомнения, что большевики с полной уверенностью считали себя победителями и бой оконченным, тем более, что в это время в наших частях произошло замешательство, они перемешались и почти прекратился ружейный огонь.

Полковник Денисов и я руководили боем и весьма внимательно следили за его дыханием. С самого раннего утра, Денисов носился с одного участка на другой, появляясь в наиболее опасных местах и всюду личным примером воодушевлял казаков и поддерживал в них веру в победу.

Создавшееся положение, мы как будто учли правильно. Наспех приведя в порядок наши конные части, мы пустили их в атаку против обходной колонны красных. В то же время, последний наш резерв — сводную сотню подъесаула Сафронова, состоявшую наполовину из ординарцев штаба, да очутившуюся под рукой полусотню пеших казаков, бросили в лоб противнику победоносно шедшему к станице. И полк. Денисов и я в эти атаках приняли непосредственное участие.

Эффект бы неожиданный. Большевики, очевидно, никак уже не ожидали какого-либо сопротивления с нашей стороны [97]). Они растерялись. Это их минутное замешательство было для них роковым. Наши конные части буквально врезались в красногвардейские толпы. Успех в одном месте, молниеносно покатился по всему фронту. Через несколько минут, вся равнина была покрыта бегущими большевиками. Из домов, садов, кустов, ям и огородов выскакивали наши станичники. Они подхватывали «ура», на бегу подбирали, брошенные большевиками винтовки и патроны и безостановочно гнали противника. Разгром красных был полный. Преследование противника велось до самого Новочеркасска. Казаки горели желанием на плечах большевиков захватить и самый город. Но этому намерению мы категорически воспротивились, учитывая урок В. Ст. Фетисова 1-го апреля. Город мы взяли бы, но едва ли удержали, принимая во внимание сильную перемешанность наших частей и отсутствие управления ими.

Всю ночь до утра свозили трофеи. Они по тому времени казались нам необычайно огромными и чрезвычайно ценными. Нам досталось 8 исправных орудий с запряжками, около 5 тысяч снарядов, более 200 000 патронов, около 2 тысяч винтовок, несколько пулеметов, броневик,

---

[97]) Насколько большевики считали себя уже победителями, показывает телеграмма красного главковерха хромого Яшки Антонова, посланная им — всем, всем, всем и найденная позднее нами: «победа полная, белогвардейские банды у Заплав совершенно уничтожены и вместе с Денисовым и Поляковым сброшены в Дон».

4 грузовых и 1 легковой автомобиль, лошади, повозки, разное имущество и даже гурт скота. Но пленных оказалось мало. Большинство красных было или убито, или тяжело ранено.

Бой 18-го апреля явился, в сущности, первым серьезным испытанием наших войск. И следует признать, что «Южная группа» блестяще выдержала этот экзамен, сама, без помощи войск Пох. Атамана. Станичники ликовали. Их воинственность сильно возросла. К ним вернулось утерянное равновесие, они стали больше верить своим начальникам и бодрее смотреть на будущее. Сильно возрос и удельный вес «Южной групп» в глазах остальных войсковых групп, особенно принимая во внимание, что и Северная и Задонская группы получили от нас снаряды и патроны, т. е. самое ценное по тогдашнему времени.

Учитывая благоприятное настроение Заплавских войск, а также и общие положение, мы решили, что наступил момент для начала операций против главного объекта наших действий, т. е. Новочеркасска.

К этому времени обстановка была такова: 1) По железнодорожной линии Лихая-Ростов, наша разведка установила большое движение красных воинских эшелонов на юг, на Ростов, откуда не задерживаясь эшелоны следовали на Кавказ; в обратном направлении шли только порожние подвижные составы. 3) В направлении ст. Каменской временами слышалась отдаленная артиллерийская канонада. 3) Жители, бежавшие из Ростова и наши лазутчики подтверждали слухи, что какие-то антибольшевистские войска — будто бы заняли Таганрог и наступают на Ростов, что в Ростове среди большевиков заметно замешательство и что многие видные комиссары спешно уезжают на Кавказ или в Царицын. 4) Стало известно, что Добровольческая армия уже находится в пределах Донской области и своими разъездами связалась с восставшими казаками Егорлыцкой, Мечетенской и Кагальницкой станиц. 5) Усилились слухи об успешных восстаниях казаков 1-го и 2-го Донских округов и на севере области.

Совокупность перечисленных данных указывало, в общем, на то, что под давлением какой-то неизвестной силы (оказались то немцы) большевики спешно уходят на Ростов и далее на юго-восток. При таких условиях можно было надеяться, что большевики не окажут нам серьезного сопротивления при атаке Новочеркасска. Число местных большевиков в нем было не особенно велико, а элемент пришлый, повидимому, торопился уйти. Все это повышало наши шансы на успех, а новая победа, вне сомнения, еще больше подняла бы дух нашей группы. Овладев Новочеркасском и оставив наблюдение за Ростовским направлением, главные наши силы можно было сосредоточить на север и коротким ударом покончить с Александровск-Грушевский, что, как увидит читатель позднее в действительности и было выполнено.

Кроме того, мы учитывали, что операция против Новочеркасска понятна каждому казаку, что также повышало шансы на победу. Казаки горели желанием, прежде всего, освободить свою столицу. Не использовать их этот порыв, было бы по крайней мере непростительно [98]). Освобождение Новочеркасска от красных имело бы, конечно, и огромное моральное значение. Весть об этом молниеносно разнеслась бы по

---

[98]) Я сам слышал, как офицеры говорили: «чего доброго мы досидимся здесь до тех пор, пока наши жены на извозчиках приедут за нами».

всей области и послужила бы сигналом для общего восстания, что потом фактически и случилось [99]). К нам переходил административный центр, прерывалась бы железнодорожная магистраль, разъединялись самые крупные группы противника, расположенные в районах Зверево—Алексанровск-Грушевский и Ростов—Тихорецкая и являлась бы возможность бить их по частям. Наконец, мы могли рассчитывать на большие склады снарядов и патронов скорее в Новочеркасске, нежели в Александровск-Грушевский. Занятие последнего пункта наоборот никаких выгод не сулило, а успех между тем был сомнителен. Неудачные атаки этого пункта «Северной группой» при содействии и наших частей уже подорвали у казаков веру в победу здесь. Неуспешные операции против Александровск-Грушевский следует объяснить не только ошибками и неуменьем командования «Северной группы» согласовать атаки по времени, но еще и упорством шахтеров. Они здесь защищали свои дома, свое имущество и проявляли редкую устойчивость. Все эти соображения и побуждали командование «Южной группы» упорно настаивать на атаке в первую очередь Новочеркасска.

Я остановился на этом подробно только потому, что на страницах «Донской Летописи» вопросу необходимости атаки сначала Александровск-Грушевский, а не Новочеркасска, отведено большое место. Такую точку зрения пытается оправдать и ген. Быкадоров. Отстаивая свое мнение, названный генерал не задумывается всем инакомыслящим и расценивающим тогдашнюю обстановку не по его шаблону, бросить обвинение даже в преступности[100]), прием, надо сказать, своеобразный и мало применяемый. Не с целью полемики, а исключительно с целью установления обстановки того времени, я считаю необходимым дать исчерпывающие разъяснения по этому вопросу. Начну с того, что не будучи участником Заплавских событий, ген. Быкадоров уже по одному этому, не мог знать подлинной обстановки. За все время, он только раз был в ст. Константиновской, т. е. в глубоком тылу где оказался в числе авторов пресловутого плана атаки Александровск-Грушевский. Этот план, как я уже говорил, был составлен вопреки здравому смыслу и лишь с определенным стремлением удовлетворить честолюбие «окружения» Пох. Атамана и тем разрешить вопросы персональные [101]). Обстановка в ставке Пох. Атамана оценивалась главным образом, на основании моих данных. Я производил опросы пленных, перебежчиков и других лиц и мною же давались задачи нашей разведке. «Южная группа» войск стояла на главном направлении и всегда находилась в соприкосновении с противником [102]). Все получаемые сведения, я лично суммировал, обрабатывал, делал выводы и в готовом виде посылал в штаб Пох. Атамана. Уже в силу этих условий, мне обстановка была известна более, нежели кому-либо другому. Ген.

---

[99]) По тем же причинам, надо полагать, и ген. Корнилов так упорно стремился освободить столицу Кубани — Екатеринодар, где сам погиб и где легла большая часть Добровольческой армии.

[100]) «Донская Летопись», том III. Заметка в статье «Освобождение Новочеркасска».

[101]) Кроме него в составлении плана участвовали: полк. Сидорин, Гущин и Семилетов.

[102]) Штаб Пох. Атамана был далеко в тылу и разведки не производил.

Быкадоров с видом военного знатока [103]) оценивает боевую работу «Южной группы», т. е. тех войск, которых он сам никогда не видел. В таких случаях, то или иное суждение должно основываться исключительно на фактах. А факты-то, как раз говорят в пользу «Южной группы». Ведь только Заплавская группа (Южная группа) добывала от противника снаряды и патроны, снабжая ими все остальные войска, подчиненные Пох. Атаману. Ведя ежедневно бои с большевиками, она неизменно оставалась победительницей и ее успехи неслись по Донской земле, воодушевляя казаков и побуждая их к восстанию против Советской власти. Она освободила столицу Дона, а затем послужила ядром той Донской армии, которая в трехмесячный период очистила от большевиков всю казачью область, что подтверждают официальные документы [104]). От генерала Быкадорова, конечно, нельзя ожидать беспристрастной оценки действий «Южной группы» и ее командования уже по одному тому, что позднее это командование устранило ген. Быкадорова от участия в борьбе, признав его неспособным к занятию ответственной должности. Однако и этими мотивами никак нельзя оправдать искажение исторической правды. Истории нужны положения, подтвержденные фактами, а факты говорят диаметрально противоположное тому, что высказал ген. И. Быкадоров [105]).

Итак, как было сказано, обстановка настоятельно требовала начала активных действий против Новочеркасска. Но ни наши просьбы, ни наша уверенность в легкости победы, на штаб Пох. Атамана не действовали. Там снова затевали четвертую атаку г. Александровск-Грушевский и, конечно, опять намеревались ослабить нас выделением полков в «Северную группу». Требовались героические усилия, чтобы удержать Пох. Атамана от этого плана и указать действительно правильные пути борьбы.

19-го апреля полк. Денисов сделал последнюю попытку убедить ген. Попова, послав ему обстоятельный доклад. В нем, между прочим, он говорил: «обстановка ясна до очевидности и капризам Вашего штаба места быть не может. Если надо «другому лицу» быть во главе войск, победоносно входящих в столицу Дона, я отойду в сторону, уступлю место достойному, но нельзя губить и проваливать верное и святое дело. Если ставка, по-прежнему будет упорствовать, несмотря на ясную обстановку, срывать верную операцию на Новочеркасск и добиваться

---

[103]) Академию генерального штаба названный генерал окончил по второму разряду.

[104]) Отчет управляющего Морским и Военным отделами Войсковому Кругу.

[105]) Свое полное незнание Донских событий тот же автор высказывает и на стр. 63 «Донской Летописи», говоря: «. . .Это написано после того, как в командование Денисова Донская армия весной 1918 года принуждена была с тяжелыми потерями отойти на север на р. Донец и от Царицина на р. Маныч, когда разъезды красных подходили к ст. Богаевской, т. е. были в 18 верстах от Новочеркасска. Дальше этой объективности идти некуда». Да, скажу я, дальше такого поразительного незнания событий идти некуда. Ведь весной 1918 года весь Дон был под большевиками и только небольшими оазисами в разных местах были очаги восстания, а Новочеркасск полк. Денисов освободил только 23 апреля. Допустим, что ген. Быкадоров все перепутал и это относится к весне 1919 года, но и опять не отвечает истине. При чем же тогда ген. Денисов, который еще 2 февраля 1919 года, т. е. зимой, покинул пределы Дона. Если что-либо подобное и случилось, то должно быть отнесено уже не к генералу Денисову, а к новому командованию, т. е. к генералу Сидорину.

выполнения только своего плана (4-я атака Алек.-Грушевский) то «Южная группа», убедившись вполне, что наши дороги разные, пойдет одна на Новочеркасск и в, случае неудачи, будет пробиваться на восток для соединения с теми войсками, которые подходят от Таганрога к Ростову и от которых уходят большевики . . . Если такую обстановку, — закончил полк. Денисов, — в штабе Пох. Атамана не понимают, то только потому, что не желают».

В ответ на это вечером 19-го апреля нами было получено приказание Пох. Атамана отправить еще один наш полк на усиление «Северной группы». Мы отчаивались, предугадывая вновь затеваемую Александровск-Грушевскую операцию, которая могла погубить не только «Северную группу», но и свести на нет и нашу всю работу. Дабы образумить ставку, полк. Денисов решил испробовать последнее средство, послав Пох. Атаману следующий рапорт: «состояние моего здоровья и иные обстоятельства, о которых я доложу Вам лично, обязывают меня ходатайствовать об освобождении меня от занимаемой мною должности. Командующий войсками Южной группы Ген. штаба полк. Денисов. 19 апреля 1918 г. № 14».

Против всякого ожидания этот рапорт, оказал действие на ставку, ибо 20-го апреля ген. Попов в сопровождении двух адъютантов прибыл к нам в Заплавы.

Ознакомившись на месте с обстановкой и выслушав наши доклады о целесообразности и необходимости операции против Новочеркасска, он, не без колебаний, утвердил наш план, а затем стал собираться к отъезду. Мы, однако опасались, что вернувшись в Раздоры Пох. Атаман под влиянием своего окружения переменит решение, или отложит его на неопределенное время и потому дали ему понять, что в наш план входит его личное присутствие среди Заплавской группы и въезд в г. Новочеркасск во главе победоносных войск. Быть может, это не убедило бы ген. Попова, если бы нам не помог случай. Как раз в это время, отряд большевиков из района Александр-Грушевский выдвинулся к ст. Мелиховской и стал обстреливать участки р. Дона. Доложив об этом Пох. Атаману, я добавил, что ему нет смысла ехать сейчас в Раздоры и бесцельно подвергать себя опасности. — «В таком случае, — сказал он, обратившись к своим адъютантам, — попытайтесь вы пробраться в мой штаб и скажите начальнику штаба, что меня «арестовал» командующий «Южной группой» и я не протестую. Возможно, что и моему штабу придется сюда переехать».

Как только это решение Атамана стало известно в ставке, оно вызвало там бурю негодования. Ставка считала себя обиженной. Она нервничала и сердилась. По телефону беспрерывно сыпались упреки. Весь ее гнев, конечно, обрушился на Денисова и меня. Но самое характерное было то, что штаб Пох. Атамана совсем не интересовался предстоящей операцией. Центр тяжести в переговорах занимали толко вопросы характера персонального. Нас ежеминутно спрашивали: «Кто же теперь начальник штаба Пох. Атамана?» Почему принят ваш, а не наш план?» «Значит распоряжаетесь вы, а мы больше не нужны?» «Вы губите все дело и срываете нашу операцию против Александровск-Грушевский». Я не знаю как бы долго это продолжалось, тем более, что ген. Попов упорно не желал лично переговорить со ставкой по телефо-

ну, — если бы большевики не прервали нашу телефонную связь со ставкой, а я умышленно приказал ее не восстанавливать. Втайне, я был очень доволен этому обстоятельству, так как прекратились бесполезные разговоры и мы могли спокойно заняться отшлифовкой плана атаки Новочеркасска. Я сказал — отшлифовкой, ибо уже несколько дней тому назад вся операция до мельчайших подробностей была нами разработана. Не только сама атака города была детально изучена, но предусмотрены и задачи частям на первые дни. Войска в изобилии были снабжены картами и наглядными схемами города, разделенного на районы. Были заранее назначены начальники участков, указаны места расквартирования частей, предназначенных для гарнизонной службы и определен порядок их довольствия. В каждом районе были назначены пункты для пленных и сбора оружия и заранее составлены команды под начальством офицеров (каждый имел заместителя) для занятия главных учреждений. Будущее место расположения штаба было известно каждому станичнику. Даже заготовили объявления о призыве добровольцев на пополнение войск с указанием мест их явок и т. д.

В общем, не только офицер, но и каждый боец в этой операции отлично знал свою задачу. Мало того, обязанности каждого были несколько раз проверены. Тяжелый урок 1—4 апреля был учтен полностью. Сделано было все, чтобы не повторить его ошибок, а использовать как опыт. Благоприятные данные разведки укрепляли в нас веру в успех операции и эта вера невольно передавалась нашим войскам.

Атаку назначили в ночь на 23 апреля, т. е. под второй день праздника Святой Пасхи. Мы рассчитывали, что в первый день праздника красногвардейцы перепьются, будут спать непробудным сном и нам удастся достигнуть цели с наименьшими потерями.

22-го апреля наши полки выступили с началом сумерек и, соблюдая полную тишину, в полночь заняли исходное положение. Все чувствовали серьезность момента. Кто мог переодел чистое белье. Шли молча, сосредоточенно, с твердой решимостью выполнить свою задачу.

План операции состоял в полном окружении города. В первую очередь необходимо было прервать железнодорожное сообщение и заслонами прикрыть Новочеркасск с севера и юга. По условиям наличной обстановки, наступление главными силами мы решили вести с восточной стороны через м. Хотунок и Фашинный мост, — единственную переправу через р. Тузлов. Трудная задача выпадала на конницу полк. Туроверова, которая должна была прикрыть Новочеркасск с юга. Ввиду разлития Дона ей предстояло пройти ночью около 60 верст, переправиться через реку, обогнуть город с севера и запада и выйти на юг, где занять железную дорогу, прервав по ней сообщение. Я считался с возможностью запоздания нашей конницы и потому для перестраховки отправил на лодках через Дон команду охотников — подрывников, с задачей разрушить железную дорогу в районе ст. Аксайской. Другой заслон, высылаемый на север, обязан был захватить станцию Персияновку и продвигаться на север к Александровск-Грушевский, основательно разрушая железнодорожный путь. Остальные войска предназначались для атаки города. При их распределении пришлось помимо тактических соображений считаться и с иными обстоятельст-

вами. Так например, Новочеркасский полк под командой популярного среди казаков полк. А. Фицхелаурова, стремился скорее освободить свою станицу, составлявшую северо-восточную часть г. Новочеркасска. Кривянцы негодовали на железнодорожников за их предательскую стрельбу 4-го апреля при нашем отступлении из города и горели желанием скорее им отомстить. Эти полки составили фланги. Полки менее стойкие пришлось поместить в середине и так их направить, чтобы они удалялись от своих станиц, а не приближались, дабы не иметь соблазна сбежать домой.

Около 12 часов ночи, ген. Попов, Денисов и я ,во главе нашего резерва, состоявшего из двух конных сотен, оставили Заплавы и двинулись верхом в направлении Новочеркасска. Прикрытие района Заплавы—Бессергеневка, со стороны Александровск-Грушевский, Пох. Атаман возложил на «Северную группу». Для этого последняя должна была сделать небольшую перегруппировку сил и об этом уведомить нас. Мы до последнего момента нетерпеливо ожидали донесения об этом, но так его и не получили. Названный район пришлось бросить на произвол судьбы. Не было никакого сомнения, что в ставке личные побуждения доминировали над пользой общего дела и нам умышленно осложняли положение. Тяжело вспоминать об этом, но, к сожалению, таково было отношение к нам руководителей степного похода, составлявших тогда «ставку» Пох. Атамана. Только поздно ночью мы получили уведомление о том, что в наше распоряжение для участия в атаке Новочеркасска направляется 6-ти сотенного состава пеший полк под командой есаула Климова.

С исходного положения наши войска должны были начать одновременное наступление по сигналу зажженой вехи.

И сейчас еще я вспоминаю эту тихую, весеннюю, звездную ночь. Совсем недалеко, в неясном ночном тумане виднелись причудливые очертания города, возвышающегося над равниной. То зажигались, то потухая, мерцали огни родного мне Новочеркасска. Я сошел с коня, и прислонился к телеграфному столбу, шумевшему тогда, как-то особенно жутко. В голове роились разные мысли. Я задумался, вспомнилось былое прошлое и еще кошмарнее стала ужасная действительность. Я ждал донесений от наших боковых отрядов, после чего должен был приказать зажечь веху, что послужило бы артиллерии сигналом открыть огонь, а войскам двинуться в атаку. Еще накануне я дал нужные указания начальнику нашей артиллерии. Ему было приказано стрелять только по станции и ближайшему к ней району. Когда же мы овладеем вокзалом, — перенести огонь на южную и северозападную окраины, всемерно щадя самый город и мирное его население.

Около трех часов утра раздался сначала гул справа, затем послышались глухие взрывы слева., — то наши подрывники рвали железную дорогу. У большевиков все, как будто, оставалось спокойно и не было заметно никакого оживления. Вскоре по летучей почте, отлично работавшей, я получил донесение из северного заслона о захвате им ст. Персияновки и начатом разрушении железнодорожного пути. Я дал знак зажечь веху и войска двинулись вперед. Наша атака для большевиков оказалась неожиданной. Захваченные врасплох, они од-

нако вскоре оправились и стали проявлять большое упорство. Наибольшее сопротивление большевики оказали в предместье города Хотунке, преграждая нам путь к единственной переправе через р. Тузлов. Их сильный пулеметный и ружейный огонь долго не позволял нашим цепям подняться в атаку. Желая ободрить казаков и лично проверить обстановку, полк. Денисов поскакал к Хотунку, передав мне общее руководство боем. Благоприятно для нас развивался бой в районе станции Новочеркасск. Здесь Кривянцы быстро сломили сопротивление красных. В этом им много помогла наша артиллерия. Ее на редкость удачные попадания в эшелоны груженые красногвардейцами, вызвали среди них страшную панику. Тревожные свистки паровозов огласили воздух. Поезда метались в разные стороны, но ввиду перерыва железной дороги, вынуждены были возвращаться обратно. Артиллерийскими снарядами были зажжены несколько цистерн с бензином и нефтью, что еще больше увеличило беспорядок и смятение у противника. Невооруженным глазом я наблюдал картину боя. Было видно как станичники, овладели вокзалом и прилегающей окраиной и как они постепенно втягивались в город. Взбираясь вверх по улицам, они часто работали в рукопашную. Большевики отступали, но временами задерживались на улицах и оказывали упорное сопротивление. Нередко из-за угла или в зданиях, казаков ждала засада или сторожил пулемет. С последним отчаянным усилием, красногвардейцы цеплялись за местные предметы. Но все-таки не выдержали дружного натиска и стали спешно покидать город.

Часов около 8 утра к нам прибыл полк из «Северной группы». Его командир есаул Климов явился ко мне и доложил, что люди его полка сильно устали, так как, сбившись с дороги, полк всю ночь плутал по степи. Хотя к этому времени мы и овладели городом, но тем не менее, прибытие полка было весьма кстати. У нас в резерве уже не было ни одного казака. [106]). Одну сотню этого полка я тотчас же послал в распоряжение коменданта станции, дабы не допустить грабежа там (было много вагонов груженных ценным имуществом вплоть до мануфактуры), а другую поставил гарнизоном в Хотунке. Остальные сотни направил к городу. Здесь у окраины встретил Походного Атамана и командующего группой. По случаю победы мы взаимно обменялись поздравлениями, а затем решили ехать в город. На всем пути от Фашинного моста до Троицкой церкви жители нас восторженно приветствовали, как своих освободителей. Нас забрасывали цветами и многие с любопытством спрашивали: «Кто мы? Кто освободил город?» На это, полк. Денисов и я отвечали: «город освободил Походный Атаман ген. Попов». Наши слова видимо нравились Пох. Атаману и он самодовольно улыбался. К большому моему огорчению, мне не суждено было до конца продолжить это триумфальное шествие. Не доезжая Троицкой церкви, меня нагнал ординарец и доложил мне, что начальник северного отряда (заслона) просит меня к телефону [107]). В это время орудийный огонь противника по Новочеркасску заметно усилился. Шрапнели рвались преимущественно над центром города. Несколько

---

[106]) Две сотни резерва были уже использованы в бою у Хотунка.

[107]) Телефонное сообщение было уже установлено посредством включения в железнодорожную линию.

гранат попало в Новочеркасский собор. Орудия красных очевидно были установлены где-то в районе Краснокутской рощи и кладбища. Ввиду этого, я предупредил полк. Денисова, что по окончании разговора с начальником северного заслона, я тотчас же сам поведу четыре сотни нашего резерва к Краснокутской роще с целью выбить оттуда красных. Начальник северного заслона ничего утешительного мне не сказал и только просил дать ему подкрепление. Я ориентировал его в обстановке и чтобы его успокоить обещал ему немедленно отправить в его распоряжение две сотни из резерва, а две другие, повел к указанной роще. Но не успели мы еще дойти до последней, как орудийный огонь противника внезапно прекратился [108]). Тогда я оставил сотни и поспешил обратно в Хотунок и затем на железнодорожную станцию, дабы водворить там порядок и наладить связь с северным и южным нашими заслонами. Только в сумерки я смог приехать в атаманский дворец, где расположился штаб и доложить обстановку командующему группой. Из полученных донесений было видно, что победа досталась нам малой кровью. Убитых казаков было несколько человек, а раненых около сотни [109]). Наоборот, потери большевиков были весьма значительны. Масса трупов красногвардейцев валялась на улицах, особенно много было их на спусках к р. Тузлов. Судя по характеру ранений, легко было заключить, что казаки были крайне озлоблены, действовали в рукопашную прикладами и штыками, не давая никому пощады. Этот день мне хорошо памятен еще и по одному эпизоду, чуть не стоившему мне жизни. Проезжая от Хотунка к станции, я услал куда-то своего адъютанта и всех ординарцев, бывших при мне и на момент очутился один. В своем штатском одеянии, я натолкнулся на группу Кривянцев. Они меня не узнали и приняв за убегающего большевика, меня арестовали. Я энергично протестовал, сердился, бранился, но думаю ни брань, ни просьбы, ничто не помогло бы и казаки со мной покончили, если бы в этот момент не подскакал ко мне ординарец с донесением. Он выручил меня из глупого, но и опасного положения. Кривянцы оторопели и слезно раскаивались в своей ошибке, и я лишь ограничился тем, что пожурил их за этот случай.

В помещении штаба, мне бросилась в глаза огромная комната, буквально заваленная разнообразными пасхальными блюдами. Оказалось, что все это было принесено сердобольными дамами Новочеркасского общества. Нам в этот день, не пришлось ломать голову и изыскивать

---

[108]) Позднее было получено донесение из нашего южного конного отряда полк. Туроверова, которое разъяснило обстановку. Оказалось, что отряд блестяще выполнил свою задачу. Он овладел ст. Аксайской и захватил у большевиков в полной исправности 6-ти орудийную батарею с запряжками и зарядными ящиками. Батарея была та, которая, как я говорил, долго обстреливала город. Захват ее не лишен интереса. Овладев ст. Аксайской, полк. Туроверов естественно интересовался ходом событий у Новочеркасска, находившегося у него в тылу. Его сильно озабачивала продолжавшаяся артиллерийская канонада у Новочеркасска. Для выяснения обстановки он выслал разведывательную конную сотню. Незаметно подойдя к городу, сотня обнаружила стоящую на позиции батарею красных, которая обстреливала Новочеркасск. В тот момент батарея стояла спиной к сотне. Внезапно атаковав ее, казаки порубили прислугу и прикрытие. Среди казаков нашлись артиллеристы, которые взяли орудия в передки и победоносно присоединили их к отряду.

[109]) Был легко ранен в ногу и я.

средства для довольствия чинов штаба. Всего было в изобилии и с большим резервом. Те же дамы охотно взяли на себя заботу о довольствии штаба еще в течение ближайших дней. Уже давно мы не ели так вкусно и обильно, как в этот день. Я просил не забыть ординарцев и посыльных и накормить их до отвала, но что касается спиртных напитков, то употребление таковых приказал ограничить для всех минимумом.

Дни 23 и 24 апреля прошли в лихорадочной работе. Надо было спешно провести в жизнь заранее предусмотренные мероприятия по установлению в городе спокойствия и порядка, а также наладить сложную организационную работу, как административную, так и главным образом, по управлению войсками, оборонявшими ближайшие подступы к Новочеркасску. Большинство красногвардейцев Новочеркасского гарнизона, застигнутые атакой врасплох, бежали в разные стороны. Но часть их засела в Епархиальном училище и Политехническом институте, а некоторые нашли себе убежище в Краснокутской роще или на кладбище и кирпичных заводах. Поэтому, прежде всего, требовалось срочно привести в порядок наши полки, занявшие город и ликвидировать эти остатки красных, затем установить гарнизонную службу и, наконец, изыскать возможность усиления нашего северного заслона, где противник упорно проявлял активность, пытаясь значительными силами переходить в наступление. Между тем, наше положение далеко тогда еще не было блестящим. Лучшие по составу и численности Новочеркасский и Кривянский полки, отлично работавшие при атаке Новочеркасска, в тот момент никакой реальной силы не представляли. Командир Новочеркасского полка отпустил почти всех своих казаков и партизан пойти навестить родных и узнать об их судьбе, а Кривянцы, разбившись на малые группы, рыскали в привокзальном районе, отыскивая большевиков и, главное, свое имущество, награбленное железнодорожниками в станице Кри вянской. Казаки этих полков должны были вновь собраться только к полудню 25-го апреля. Полки Бессергеневский и Заплавский были слабого состава и несли службу ближайшего охранения города с юга, а отчасти и в городе. Кроме того, они занимались очисткой от большевиков Краснокутской рощи и кирпичных заводов, где по оврагам укрылись целые роты красногвардейцев. Наиболее слабым и мало надежным Богаевским полком пришлось сменить уже значительно потрепанный 6-й Пластунский батальон. Последний работал на северном направлении в районе Каменоломни и не сумел правильно выполнить поставленную ему задачу.

24-го апреля большевики повели со стороны Александровск-Грушевский наступление на Новочеркасск. Первая и вторая атаки красных были нами отбиты. Однако я видел, что дальнейшего нажима противника Богаевцы не выдержат. Резервов у нас не было. Помощь могла оказать только »Северная группа», отдыхавшая в эти тяжелые дни в районе станицы Раздорской (40 верст от Новочеркасска). Но она на все наши повторные просьбы передвинуться в район станицы Заплавской и этим одним принудить большевиков отказаться от атаки Новочеркасска, из-за опасения подставить ей свой левый фланг, а от-

части и тыл, — упорно продолжала оставаться глуха и не сделала ни шагу. Не помогло и вмешательство Пох. Атамана.

К вечеру 24-го апреля обстановка складывалась так: на Ростовском направлении было тихо; из Северного заслона шли тревожные донесения. Там противник усиливался и продолжал пытаться опрокинуть наш отряд. Наконец, была полная неизвестность о намерении «Северной группы» полк. Семилетова, при которой находилась ставка-штаб Пох. Атамана. Последний, в эти дни, занял как бы нейтральное положение между нами и своей ставкой и в сущности не хотел ни работать, ни вмешиваться в дело. При таких условиях мы были вынуждены собственными силами выкручиваться из создавшегося положения.

Полагаться на Богаевцев было опасно. Поэтому, чтобы непосредственно прикрыть Новочеркасск с севера, мы наспех сколотили из свободных казаков, преимущественно легко раненых, две сотни и ими заняли Хотунок. Мера эта оказалась весьма удачной, ибо командир Богаевского полка, как говорится, потерял сердце. Под предлогом личного доклада обстановки, он оставил полк, приехал в город и стал готовиться к бегству. Когда же большевики нажали, то Богаевцы, оставшиеся без командира, не оказав почти никакого сопротивления, начали поспешно отходить к городу и частично распыляться. Таким образом, вся защита Новочеркасска с этой стороны легла на сборные казачьи сотни, которыми мы своевременно заняли Хотунок. Наступившая темнота, хотя и прекратила дальнейшее наступление противника, но тем не менее в городе создалось неопределенное и даже тревожное настроение. Этому значительно способствовали дезертиры из Богаевского полка и больше всех сам его командир.

Оценивая обстановку и учитывая психологию наших станичников, я считал, что посылка ночью подкреплений на Хотунок или выдвижение их к Персияновке не даст положительных результатов. По-моему, гораздо было целесообразнее употребить ночь на сбор наших частей, дабы утром, когда противник несомненно возобновит атаку, дать ему решительный бой у северо-восточной окраины города. Эти мои соображения командующий группой, полк. Денисов, вполне одобрил.

Уже три ночи мы не смыкали глаз. Поэтому я настоял, чтобы полк. Денисов пошел отдыхать и набираться сил для предстоящего боя, а я бы бодрствовал и занимался подготовительной работой. Условившись так, я тотчас же приступил к сбору свободных казаков и добровольцев. Вместе с тем, сформировал наспех и 4-х орудийную батарею из пушек, найденных нами в Новочеркасске. Командирам Новочеркасского и Кривянского полков приказал срочно собрать своих людей. Я полагал, что на южном направлении можно было рискнуть, ограничившись там лишь наблюдением. Проведение всех этих мер требовало большой решительности, а между тем усталость брала свое. Я напрягал огромные усилия, чтобы совладеть с искушением присесть и тотчас же заснуть.

К часу ночи, уже стали поступать в штаб донесения о постепенном сборе казаков в намеченные пункты. Было закончено формирование и батареи. Противник активности не проявлял. Все это увеличивало наши шансы на успех и я бодро смотрел на будущее. Как раз в это

именно время у меня произошла чрезвычайно интересная встреча с полк. Х., которая значительно расширила мой кругозор далеко за пределы занимаего нами района. Обер-офицер для поручений подъесаул П. М. Греков [110]), доложил мне, что какой-то штатский, именующий себя полковником, желает со мной говорить по весьма важному и срочному делу. Я приказал его впустить. Ко мне в комнату вошел небольшого роста какой то штатский, по виду 45—48 лет, отрекомендовавшийся мне полковником Х. Свою личность и чин он удостоверил тем, что показал мне тщательно спрятанное удостоверение на военном бланке с незнакомой мне подписью «Полковника Дроздовского». И поныне помню еще отчетливо его чрезвычайно интересный рассказ. Он сообщил мне, что полк. Дроздовский сформировал на Румынском фронте небольшой отряд, преимущественно из офицеров и повел его походным порядком на Дон. Отряду пришлось каждый свой шаг пробивать боем. И вот два дня тому назад, достигнув Ростова, дроздовцы с налета почти взяли город, но трудность удержания такого большого пункта побудила полк. Дроздовского оставить Ростов. По словам рассказчика отряд Дроздовского в данный момент был расположен в районе селения М. Салы [111]). Но самая потрясающая для меня новость, которую сообщил мне мой собеседник была та, что рядом с ними деревню Б. Салы занимали немцы. Он же мне сказал, что немцы уже оккупировали всю Украину и продолжают свой марш в Донскую землю. С германцами у них установились добрососедские отношения, ибо немцы гонят большевиков, а последние являются и их врагами. И долго еще рассказывал мне полк. Х. о мытарствах и подвигах своего отряда. Он назвал несколько офицеров мне лично знакомых в том числе и вр. исполняющего обязанности начальника штаба отряда генерального штаба подполк. Лесли. Как зачарованный, я слушал его и не знал: быль это или сказка. В свою очередь, я его ввел в курс наших событий и затем написал полковнику Дроздовскому записку, в которой обрисовав общую обстановку и положение у Новочеркасска, настойчиво просил, немедленно выслать нам конно-горную батарею, броневик, конницу, а затем и пехоту, посадив ее на подводы. — «Имейте в виду, — писал ему я, — что бой у Новочеркасска утром неизбежен». Когда же я кончил разговор с полк. Х., то должен признаться, что почувствовал в себе какое то внутреннее недоверие. Поэтому для большей верности, я дал записку подъесаулу Грекову, который присутствовал при нашем разговоре. Ему приказал сейчас же на автомобиле вместе с полк. Х и двумя казаками, отправиться в отряд полковника Дроздовского, причем, если окажется, что все рассказанное вымысел, то добавил я, там же на месте поступить с полковником, как с большевистским провокатором.

Они уехали, а я терзаемый сомнениями, задумался, не решаясь верить только что слышанному. Если рассказ полковника был правдоподобен, то для нас самое существенное было то, что мы могли базироваться не на Заплавы, бывшие под ударом противника, а на станицу Грушевскую, т. е. в юго-западном направлении. Вот каким образом до-

---

[110]) Высоко порядочный и кристальной честности человек. Впоследствии командовал калмыцким полком, участвовал в рейдах ген. Мамонтова, был ранен и умер в 1919 году от заражения крови.

[111]) Примерно в двух переходах от Новочеркасска.

шла к нам первая весть о той неведомой силе — немцах, перед которой бежали большевики. А вместе с тем, мы узнали о небольшом числом, но крепким духом и дисциплиной отряде добровольцев Румынского фронта, под командой полк. Дроздовского. Только глубокая любовь к Родине и крепкая вера в возрождение России, дали этой горсти офицеров, учащейся молодежи и казакам, преодолеть трудный и длинный марш — маневр от Румынской границы до пределов Донской земли.

В пять часов утра полк. Денисов был уже на ногах и в курсе обстановки. Вскоре прибыл подъесаул Греков. Он привез радостную весть, подтвердив, что все рассказанное полк. X. соответствует истине и что полк. Дроздовский уже выслал нам броневик, а также приказал конно-горной батарее под прикрытием эскадрона конницы рысью направиться к Новочеркасску [112]).

Полк. Денисов тотчас же отправился к войскам, дабы лично руководить предстоящим боем [113]), а мне пришлось временно задержаться в Атаманском дворце и закончить последние распоряжения по сбору частей. Часов около 8 утра меня вызвал к себе командующий группой, дабы помочь ему руководить боем. Его я нашел занятым перегруппировкой частей и их размещением в Хотунке.

Густые цепи противника при поддержке артиллерийского огня бронепоезда на широком фронте уже вели наступление с севера в направлении Хотунка. Большое численное превосходство красных и наличие у них бронепоезда, безнаказанно передвигавшегося с одного места на другое, подбадривало красногвардейцев и они энергично напирали на наши части, тесня их к Хотунку. Вскоре малочисленный гарнизон последнего стал постепенно очищать Хотунок и жаться к юго-восточной окраине Новочеркасска. На казаков, как я заметил, не столько материально, как морально действовал бронепоезд красных. Ввиду этого, я приказал срочно составить два пустых поезда и пустить их со станции, по обоим путям, навстречу бронепоезду противника [114]). Как только бронепоезд большевиков заметил мчащиеся ему навстречу поезда, он дал несколько выстрелов и, опасаясь столкновения полным ходом стал уходить на север, преследуемый пустыми составами. В конце концов, поезда где-то в районе Персияновки соскочили с рельс и закрыли собою путь. С этого момента картина боя резко изменилась. Наша батарея, установленная по 2 орудия у Троицкой и Константино-Еленинской церквей, имея великолепный обстрел и прислугу исключительно из офицеров, развила меткий и губительный огонь по цепям противника. Красные замялись, часть отхлынула назад, другие приостановились и залегли. Мы воспользовались этим и перегруппировали наши части. К противнику с севера, толпами двигались подкрепления и непрестанно вливались в цепи. Бой начал принимать затяжной характер.

---

[112]) Утверждение И. Быкадорова (Донская Летопись, том III, стр. 67) о том, что «о движении отряда Дроздовского никому, как и самому полк. Денисову, ничего не было известно до момента развития операции под Новочеркасском» истине не отвечает. Столь же необоснованно и заявление, что отряд Дроздовского «случайно» подошел к Новочеркасску, что, как видит читатель, не соответствует действительности, ибо я просил полк. Дроздовского спешить к нам.

[113]) Походный Атаман всецело предоставил командованию «Южной группы» самостоятельно вести операции.

[114]) Паровозы были без машинистов.

На нашей стороне было преимущество в артиллерии, но численно мы значительно уступали противнику. Большевики наступали без какого либо определенного плана, шли беспорядочно, чувствовалось, что они стремятся лобовым ударом сбить нас с железной дороги и очистить себе путь на Ростов.

Полковник Денисов и я находились у Троицкой церкви. Отсюда вся равнина, где происходил бой, была видна, как на ладони. Здесь же на площади образовалась огромная толпа любопытных. Все напряженно следили за боем и должен сказать довольно сильно мешали нам руководить им.

Примерно часов в 11 утра из отряда полк. Дроздовского прибыл мотоциклист с донесением. Полк Дроздовский сообщал нам, что главные его силы подходят к хутору Каменобродскому (примерно около перехода от Новочеркасска) и что весь отряд он отдает в наше распоряжение, а броневик и конно-горная батарея под прикрытием эскадрона, уже должны быть у города и что он просит выслать им навстречу проводников. Видно было, что полк. Дроздовский, чутьем угадывая важность момента, спешил нам на помощь. Почти одновременно стало известно, что «Северная группа» только утром 25-го т. е. с большим и ничем не оправданным опозданием, выступила из ст. Раздорской в направлении Новочеркасска. Между тем, бой становился оживленнее. Красногвардейцы массой накапливались в Хотунке, видимо намереваясь оттуда атаковать город. Дав противнику там собраться, мы перенесли огонь наших орудий на Хотунок. Через несколько минут Хотунок уже горел в разных местах и черные огромные клубы дыма совершенно заволокли строения. Красные, не поддержанные своей артиллерией [115]) заколебались. Наступал перелом боя. Успех заметно склонился на нашу сторону. Не теряя времени, мы спешно вызвали для атаки противника две конные сотни, стоявшие наготове у арсенала. Не закрывая огня наших орудий, казаки стали гуськом вдоль домов спускаться вниз, Им было приказано, собравшись на окраине города, немедленно атаковать уже дрогнувшего противника. Только что мы отдали это приказание, как толпа зевак, стоявшая у церкви, испуганно шарахнулась в стороны. К площади лихо подкатил броневик. Из него молодцевато выскочил офицер и спросив начальника, подошел ко мне со словами: «Г-н полковник в ваше распоряжение из отряда полковника Дроздовского прибыл, прошу задачу».

«Очень рад, — сказал я, — вы прибыли как раз во время. Перед вами горящее предместье города — Хотунок. Противник под действием огня наших орудий, начинает его очищать и отходит на север. Конным нашим сотням, которых вы видите спускающимися вниз, приказано, собравшись на окраине города, атаковать красногвардейцев вдоль железной дороги, левее ее. Ваша задача: обогните с правой стороны Хотунок и кладбище, что за ним и преследуйте противника вдоль железной дороги, держась правой ее стороны. Надеюсь, что ваш броневик всюду пройдет беспрепятственно. Вам все понятно? —спросил я [116]).

---

[115]) Бронепоезд, как я сказал, удалился.

[116]) Вот точный смысл приказания, отданного мною начальнику броневика, из которого лучше всего можно судить о моменте и об участии в бою частей полк. Дроздовского.

— «Так точно, г-н полковник», — ответил офицер и через минуту броневик мчался по спуску и своим грохотом ободрял станичников.

Вскоре я видел, как броневик, несся вдоль южной окраины Хотунка, беспощадно расстреливая красногвардейцев. Последние выскакивали из предместья и ища спасения, устремлялись на север, где находили смерть под ударами нашей конницы, дружно преследовавшей бегущих. Немного позднее мое внимание привлекли какие-то новые орудийные выстрелы, раздавшиеся в северо-западном направлении. Опасаясь, что это быть может, подкрепление большевикам, я послал офицера выснить и был весьма приятно обрадован, когда он доложил, что это стреляет батарея из отряда полк. Дроздовского. Она заняла у скакового круга позицию и губительным фланговым огнем поддерживала атаку своего эскадрона лихо преследующего противника. Наконец, далеко на востоке, за буграми, показалась казачья лава. То были передовые конные части «Северной группы» полк. Семилетова. Они подходили к полю сражения и приняли участие в преследовании. Победа осталась за нами. Я умышленно подробно описал этапы этого боя, дабы точно разграничить участие в нем частей из отряда полк. Дроздовского и Семилетова и тем показать безобоснованность утверждений [117]) будто бы полк. Дроздовский «освободил Новочеркасск» или «спас столицу Дона» и т. п.

При жизни Михаил Гордеевич Дроздовский, как я знаю, был далек от мысли приписывать себе, что-либо подобное. Не нуждается он в этом и после своей смерти. Светлая память о нем, как герое, беззаветно любившем Родину и за нее отдавшем свою жизнь, навеки запечатлена в сердцах русских патриотов.

По окнчании боя, я поспешил в штаб, дабы сделать ряд спешных распоряжений. В числе их, для успокоения населения города, нами было выпущено к 20 часам 25-го апреля нижеследующее объявление:

«Красногвардейцы, наступавшие на Новочеркасск с севера и отбитые 23 и 24 апреля, сегодня, с утра 25 апреля, вновь собравши значительные силы, решили во что бы то ни стало захватить город. Положение красногвардейцев безвыходное, ибо в направлении на Сулин наступают Украинцы с поднявшимися на защиту Дона казаками и большевистским частям оставался один выход — завладеть Новочеркасском и постараться пробиться на присоединение к своим, доживающим последний день, в г. Ростове. С утра 25-го апреля большевики, под прикрытием бронированного поезда повели энергичное наступление. Это наступление красногвардейцев, припертых к стене, первоначально имело некоторый успех, и наши части, измученные непрерывными боями, немного поддались назад. Но поддержанные сильным и метким нашим артиллерийским огнем, наши пехотные цепи, оправившись и получив подкрепления, сами перешли в наступление. Навстречу бронированному поезду, послано два наших поезда. По шляху направлен броневик из отряда полк. Дроздовского, который расстреливал бегущих красных. Противник дрогнул и обратился в бегство. Наши конные сотни бросились его преследовать. В это время около 14 часов дня появи-

---

[117]) На стр. 126 «Поход Корнилова», А. Суворин, заблуждаясь, говорит: «23 апреля донцы взяли Новочеркасск с помощью Семилетова, а 25 и Ростов с помощью отряда полк. Дроздовского и немцев».

лась на нашем правом фланге колонна полк. Семилетова, которая увидя наш успех, бросилась наперерез красной гвардии на Персияновку. На нашем левом фланге энергично действовал эскадрон с горными орудиями отряда полк. Дроздовского. Поражали своей смелостью четыре казака — смельчака Новочеркасской конной сотни, которые отделившись далеко вперед от сотни, беспрерывно рубили убегавших большевиков. Преследование продолжается. Население может быть спокойно и верить, что большевики больше в город не вступят. Командующий Южной группой п. Денисов. Начальник штаба п. Поляков».

Вечером 25-го апреля части полк. Дроздовского вступили в Новочеркасск и тем самым еще более уверили обывателя в безопасности, а 27-го апреля состоялся большой парад войск, освободивших город. Теперь столица Дона была надежно обеспечена. Наши конные части безостановочно преследовали красную гвардию верст на 20, а подошедшая пехота прочно закрепила положение. В этот же день вечером было получено донесение от полк. Туроверова. Он сообщал, что его отряд одновременно с немцами вступил в г. Ростов. Последнее обстоятельство дало право Донскому Правительству предъявить немцам свои притязания. Оно настояло на том, чтобы в Ростов был поставлен наш гарнизон, назначен комендант, а затем градоначальник и поровну поделена военная добыча. Назначением своего градоначальника мы стремились подчеркнуть немцам наше желание быть у себя хозяевами, а в населении укрепить сознание, что занятие Ростова германцами не может рассматриваться, как оккупация.

Однако, радость нашей победы была омрачена другим донесением. Оказалось, что передовые части германцев были выброшены к городу Батайску и станицам Ольгинской и Аксайской, а сторожевое их охранение с огромным количеством технических средств, полукольцом охватило Новочеркасск с юга в расстоянии 11 верст от него.

Вот та крайне запутанная политическая и военная обстановка, в которой очутились Донская власть и военное командование, освободив и обеспечив от большевиков Новочеркасск и имея впереди ближайшую задачу закрепить положение и восстановить нормальную жизнь в городе и его окрестностях. Что касается Добровольческой армии, в сущности, небольшого отряда добровольцев, то он не представлял тогда никакой серьезной вооруженной силы, расположился в нашем мирном Задонье, радуясь наступившему отдыху, после тяжелого похода.

Как при создавшихся условиях нужно было отнестись к немцам? Расценивать их нашими врагами по меньшей мере было бы наивно. Ведь нельзя же было не учитывать, что одного немецкого полка, богато снабженного тяжелой артиллерией, броневыми машинами и пулеметами, было бы достаточно, чтобы в короткий срок уничтожить, как слабые казачьи отряды, так и добровольческую армию, представлявшую тогда кучку измученных людей, при большом обозе раненых и больных. Придавать серьезное значение тому, будто бы наличие Добровольческой армии внушало германскому командованию большие опасения, конечно, не приходилось. Нельзя было предполагать и того, что немцы избегают открыто ее преследовать, боясь возможных ослож-

нений в казачьих областях[118]), что затруднило бы им выполнение их плана по выкачиванию продовольствия из оккупированного ими района. Существовало еще и такое мнение: будто бы немцев пугает возможность образования «восточного фронта» в России и потому они настойчиво ищут путей сближения с казаками и Добровольческой армией. На самом деле ни то, ни другое далеко не отвечало истинному положению. Едва ли можно сомневаться, что через свою разведку, немцы были прекрасно осведомлены о настроении казачества. Они знали, что казаки страстно желали одного: скорее сбросить большевистское ярмо и заняться мирным трудом. Знали немцы, конечно, и то, что Добровольческая армия никакой реальной силы не представляет и, следовательно, не может быть для них серьезной угрозой. Мало того, немцы были уверены, что против них Донское войско воевать не будет. Я не знаю, как бы поступили кубанцы, но будучи в курсе настроения донцов, смело могу утверждать, что о защите казаками Добровольческой армии, в случае ее столкновения с германцами, не могло быть тогда и речи. Вся же Кубань, тогда была еще под большевиками.

Вопрос осуществления «восточного фронта», по-моему, был лишь мечтой и мечтой далекого будущего. Требовалось раньше сломить восточный фронт большевиков, насадить в России хотя бы приблизительный порядок и только после этого, можно было утешать себя мыслью образования фронта против германцев. Наконец, надо помнить, что оккупация немцев на казачьи области не распространилась за исключением Таганрогского округа Донской области (вскоре по настоянию Донского Правительства он ими был очищен), значит не могло быть тех причин и последствий, каковые обычно вызывает оккупация, приводя к взаимной ненависти между оккупируемым населением и оккупирующими войсками. Серьезного значения заслуживает и отношение серой казачьей массы к немцам. Участники событий того времени, хорошо помнят, что сознание «непротивления» германцам и желание ослониться на них в своей борьбе с большевиками, глубоко проникло в казачьи низы. Всякую мысль о борьбе с немцами казаки считали совершенно абсурдной и дикой. Были случаи, когда они сами по собственной инициативе, искали сближения с германцами, видя в них неожиданного и могущественного союзника в их борьбе с большевиками. Наконец, русская интеллигенция, освобожденная германцами от красного террора, приветствовала немцев, как своих освободителей. Как ни было больно, а приходилось с горечью признавать, что такая почетная роль выпала на долю недавних наших врагов. Вот какова была реальная обстановка и соотношение сил на юге весной 1918 года. Поэтому было бы грубой и роковой ошибкой со стороны руководителей казачьего движения, не считаться с нею, а также и с психологией казачества и идти всему наперекор. Подогревать чувства ненависти к немцам, значило бы рубить тот сук на котором сидели сами. Не покончив с большевиками, ввязываться, да еще с негодными средствами, в борьбу с немцами, значило бы без всякой надежды на успех бесцельно залить казачьей кровью Донскую землю и снова бросить казачество в объятия Советской власти. И как ни странно, но этого не могли, или

---

[118]) Подобный взгляд приводит ген. Лукомский (Архив Русской Революции, том 5).

вернее, упорно не хотели понять ответственные круги Добровольческой армии. Они отстаивали иную точку зрения, о чем я подробно буду говорить в V-й части моих «Воспоминаний».

Положение добровольцев по сравнению с нами, конечно, было несравнимо легче. Они не были связаны с территорией, как мы. В крайнем случае, Добровольческая армия могла уйти от немцев на Волгу, в Астраханские степи или еще в какое-либо иное место. Казаки же, в массе, никуда от своих куреней уходить не желали. Они стремились только спасти свое добро и с помощью кого угодно избавиться от красных пришельцев. Не имели Добровольцы и непосредственного соприкосновения с немцами, а перед нами в 11 верстах стояли тяжелые орудия германцев, направленные на столицу Дона — Новочеркасск, которые каждую минуту могли заговорить и заговорить очень убедительно и красноречиво.

В общем, отношение кругов Добровольческой армии к немцам, вылилось тогда в всеьма странную форму. Командование этой армии, прикрываясь нашими деловыми взаимоотношениями с германцами, всячески разжигало ненависть к немцам, а порой даже грозило им. Все это, естественно, вызывало и удивление и недоумение и прежде всего у немцев. А в то же время, добровольческое командование считало вполне нормальным, получать от нас военное снаряжение, хотя заведомо знало, что все это немецкое и кроме того, что оно получено нами только благодаря добрым отношениям, установившимся у нас с немцами. Вспоминаю, как часто при разговорах по аппарату с начальником штаба Добровольческой армии, последний на мое заявление, что в данный момент мы сами ощущаем недостаток в снарядах и патронах, говорил мне: «но вы же можете в любой момент все необходимое получить от немцев». Благодаря этому создавалось положение, каковое в жизненном обиходе можно было бы охарактеризовать такими словами: добровольческие круги хотели и невинность соблюсти и капитал приобрести. Устами своего начальника штаба Добровольческая армия говорила, что она отлично понимает обстановку и признает, что при известном контакте с немцами от них можно получить все средства, необходимые для успешно борьбы с большевиками. Но поступать сама так уклонялась, больше всего заботясь о сохранении принципа верности нашим бывшим союзникам, того принципа который горячо культивировался в ставке Добровольческой армии, часто даже и в ущерб интересам самой армии. Было бы еще полбеды, если бы все это происходило без ненужного шума и вредной кичливости. К сожалению. вынужденный и безусловно необходимый наш контакт с немцами, служил предметом самых яростных нападков на Донское командование, руководителей Добровольческой армии.

Отношение немцев к большевикам было тогда довольно неопределенное. В их действиях временами проглядывала какая-то неуверенность и осторожность, что порождало слухи о том, будто бы немцы одной рукой освобождают Украину, а другой помогают большевикам. Возможно, что такие колебания происходили в главной германской квартире, еще не установившей окончательно курса своей политики к Советской власти. Однако, представители немецкого командования на Дону, с которыми мне приходилось иметь дело, не только недруже-

любно, но явно враждебно относились к большевикам. Они просто считали их бунтовщиками-разбойниками, подлежащими беспощадному усмиренью самими крайними мерами. Военное германское командование охотно шло нам навстречу во всем том, что касалось непосредственно борьбы с большевиками. Как тогда, так и теперь у меня нет сомнения, что возьми руководители Добровольческой армии иной курс в отношении немцев, нам бы совместными усилиями при помощи германцев, быстро удалось использовать богатейшие запасы Украины и Румынского фронта, в короткий срок создать настоящие армии, каковые, двинутые вглубь России, легко бы справились с большевиками, не имевшими тогда, как известно, никакой организованной надежной силы. А союзники победители не посмели бы за это бросить нам упрек и считались бы с совершившимся уже фактом. Не пришлось бы нам и особенно Добровольческой армии «базироваться» на большевиков и жить на то, что отбивалось у последних, платя за это чрезвычайно дорого, ценой человеческой крови. Но верхи Добровольческой армии предпочитали за снаряды и патроны платить жизнью лучших представителей нашего офицерского корпуса[119]), нежели «унизиться» до непосредственных переговоров с немецким командованием, в результате которых могло быть обильное снабжение Добровольческой армии всеми предметами техники и военного снаряжения. К сожалению, жили предрассудками. Руководились больше сердцем, нежели здравым рассудком, не понимая, что наносят ущерб не только себе, но и нам, стоявшим на иной точке зрения.

Донская власть спрятала свои личные чувства симпатий и антипатий к немцам. Она руководилась исключительно пользой делу, всемерно стремясь использовать германцев в целях успешного завершения борьбы с большевиками.

Для выяснения причин появления немецких частей на территории Войска Донского и дальнейших намерений Германского командования Вр. Донским Правительством 27 апреля была отправлена в г. Ростов делегация. Ее очень любезно принял начальник штаба 1-го армейского германсого корпуса и заверил ее в лояльности германцев в отношении Войска Донского, обещая в ближайшие дни очистить станицы Ольгинскую и Аксайскую и увести оттуда германские части. Вместе с тем он рекомендовал нашей делегации отправиться в г. Киев в главную квартиру германской армии, оккупировавшей Украину, дабы там на месте выяснить и закрепить дальнейшие намерения высшего немецкого командования и закрепить добрососедские взаимоотношения. Это пожелание нами было выполнено и 30-го апреля Донское посольство в составе 4-х человек с одобрения уже собравшегося «Круга Спасения Дона», отправилось в Киев. К этому времени общая военная обстановка была для нас благоприятной. Освобождение столицы Дона, облетев Донскую землю, всюду подняло дух казаков и послужило толчком к новым восстаниям. 17-го апреля казачьим отрядом у Белой Калитвы был отбит у красногвардейцев целый поезд с боевыми припасами (около 5 тыс. артиллерийских снарядов и 600 тыс. ружейных патронов). Несколько раньше Мигулинцы одержали блестящую победу над крас-

119) Большинство частей Добровольческой армии состояло тогда почти сплошь из офицеров.

ногвардейской группой, вторгнувшейся в пределы Верхне-Донецкого округа, причем победителям достались огромные трофеи (3 000 пленных, 28 орудий, около 3 000 снарядов, 74 пулемета, и более 2 000 винтовок). Одновременно стало нам известно, что Гундоровцы, Митякинцы и Луганцы, которые изнемогали в борьбе с большевиками, пригласили немцев помочь им и части германского корпуса Фон-Кнерцера вошли в Донецкий округ и заняли Каменскую, Усть-Белокалитвенскую станицы и часть линии юго-восточной железной дороги. К этому же времени Добровольческая армия вернулась из похода в свою колыбель под защиту Дона, расположившись в районе ст. Мечетенской. Свыше двух месяцев, окруженные слепой злобой и предательством шли добровольцы по Кубани, бесчисленными могилами павших героев, усыпая свой крестный путь. Половина добровольцев и ген. Корнилов легли под Екатеринодаром. Силы с каждым днем таяли, а число раненых и больных возростало. Отряд добровольцев представлял тогда, в сущности, прикрытие огромного обоза с ранеными и больными. Условия похода стали еще тяжелее. В командовании росло сознание, что рисковать дальше бесполезно, что единственной надеждой на спасение может быть Кубань. Но казаки кубанцы еще спали. Еще крепко действовал на них большевистский дурман. Надо было уклоняться от боя, дабы сохранить силы отряда и выиграть время. И потянулись серые, холодные, без просвета и надежды дни. Участники похода не скрывали от меня, что временами в их сердце уже закрадывалось сомнение в благополучный исход похода и постепенно гасла вера в успех начатого дела. И вот тогда-то неожиданно блеснул светлый луч у страдальцев. В станицу Успенскую прибыл разъезд казаков Егорлычан. Они заявили, что Дон восстал и сбросил ненавистные советские оковы. Велика и радостна была эта весть. Участник Корниловского похода ген. А. Богаевский 3-го февраля 1919 года в речи, произнесенной им на заседании Большого Войскового Круга, так характеризовал этот момент: «Я никогда не забуду того счастливого момента, когда 17 казаков Егорлыцкой станицы принесли весть, что казаки-донцы поднялись». А ген. Деникин в этот же день сказал Кругу:[120]) «В феврале я с тяжелым чувством покидал Донскую землю, в апреле я с великой радостью узнал, что Дон очнулся от навождения и встал на защиту поруганной свободы своей».

В сборнике «В память 1-го Кубанского похода» стр. 42 в «Степной легенде» автор, повидимому юнкер, так описывает день 12-го апреля: «Ура. Донцы восстали. Мы скачем прямо на север, опять милое Задонье, Егорлык, Мечетка, Кагальник, Ольгинская, а там и Новочеркасск. Душа ликует; и в топоте конницы и в скрипе сотен телег и в вое телеграфной проволоки — одна и та же песня: «Всколыхнулся, взволновался Православный, Тихий Дон. . .»

«И это чувство, — говорит Н. Н. Львов — что мы не одни, что с нами подымаются казаки, так радостно волновало после того, как постепенно приходилось задумываться, нужны ли мы кому-либо» [121]).

Неоспоримо, что известие о восстании донцов явилось психологическим фактором огромной важности. Не поднимись донцы, судьба

[120]) «Донские Ведомости» от 4 февраля 1919 года, № 30.
[121]) «Свет во тьме» — очерки Ледяного похода. Газета «Возрождение», № 497.

Добровольческой армии, надо полагать, была бы иная. Весть о восстании на Дону, я бы сказал, воскресила добровольцев, зажгла в их сердцах яркую надежду в спасение и крепкую веру в светлое будущее. И радостно потянулись в Задонье к гостеприимному Дону, исхудалые, оборванные, раненые и больные добровольцы. Дон радушно принял дорогих пришельцев. Освободил их от раненых и больных, разместив таковых по городам и станицам, снабдил их продовольствием, братски деля с ними свои скудные запасы вооружения, патроны и снаряды.

До половины июня красные в Задонье не проявляли особой активности и Добровольческая армия могла спокойно отдохнуть, пополниться, подремонтироваться, с тем, чтобы обновленной вновь вступить в бой за восстановление Единой и Неделимой России. Но от донцов обстановка повелительно требовала полного напряжения. Отдыхать не приходилось. С юга и запада столицу Дона прочно обеспечивали немецкие и наши части, на востоке — в низовьях Дона, казаки продолжали ликвидировать бродячие шайки красных, но на севере, в расстоянии двух переходов от Новочеркасска, еще держался оплот большевиков — город Александровск-Грушевский, служа источником неисчерпаемых резервов красных, осевших на ближайших подступах к городу с этой стороны. Поэтому, решено было, в первую очередь, овладеть г. Александровск-Грушевским. С этой целью, под командой полковника А. Фицхелаурова, был образован отряд в составе [122]): 6 пеших и 2 конных полков при 7 орудиях и 16 пулеметах. Предварительно завладев подступами и заняв ночью исходное положение, полк. Фицхелауров, утром 26 апреля с боем овладел г. Александровск-Грушевский и затем, продолжая наступление, очистил от большевиков и весь угольный район, чем прочно обеспечил столицу Дона с севера.

Что касается работы штаба «Южной Группы» в эти дни, то она протекала в тяжелых и чрезвычайно ненормальных условиях. Номинально существовал высший штаб Пох. Атамана, приехавший в Новочеркасск 26 апреля, но фактически он не работал. Начальник этого штаба ген. Сидорин все время отсутствовал и его заменял ген. Денисов [123]). Последнему приходилось много времени уделять, как Пох. Атаману, так и Вр. Донскому Правительству, занятому тогда подготовкой созыва Круга и вопросом будущего Донского Атамана. Поэтому вся работа по военным операциям, а также и решение военно-административных вопросов, фактически, легла всецело на меня. Офицеров генерального штаба у меня в штабе не было ни одного. Между тем, было много больших, сложных и спешных вопросов. Нормальному течению работы больше всего мешала неопределенность положения частей «Северной Группы» и оппозиционное настроение ее главы ген. Семилетова [124]). В то же время ответственным лицом за операции и за порядок в городе был я. Однако, распоряжаться частями «Северной Группы», я мог каждый раз, с особого разрешения Пох. Атамана. Мало того, последнему

---

[122]) К этому времени «Северная группа», как самостоятельная, существовать перестала. Постепенно она влилась в состав войск «Южной группы».

[123]) В чин генерала был произведен за взятие Новочеркасска. В виду отъезда в Киев ген. Сидорина 30 апреля, был назначен начальником штаба Походного Атамана.

[124]) В чин генерала был произведен за «взятие» Новочеркасска.

нередко долго приходилось «уговаривать» ген. Семилетова согласиться на использование мною той или иной части из «Северной Группы». А обстановка зачастую требовала принятия экстренных мер, что при создавшихся условиях выполнить было немыслимо.

Наряду с этим, в сознании офицерского состава «Северной Группы», посеянное руководителями Степного похода деление офицеров на «честно исполнивших свой долг» и «преступников», оставшихся в Новочеркасске 12-го февраля, дало пышные всходы. Оно вызвало у них не только высокомерное отношение к другим офицерам — неучастникам Степного похода, но зачастую и ложное понимание даже основ воинской дисциплины. Мне приходилось тратить драгоценное время еще и на борьбу с этим злом, дабы совершенно его искоренить. Укажу, хотя бы только на один случай, характеризующий нравы того времени. Мне по телефону сообщили, что в районе Персияновки (в тылу наших войск) взбунтовалось иногороднее население. Надо было срочно принять энергичные меры. Свободных войск, за исключением двух конных сотен партизан из «Северной Группы», которые уже несколько дней отдыхали, у меня не было. Ни Пох. Атамана, ни ген. Денисова в тот момент я отыскать не мог. Терять времени нельзя было. Тогда я самостоятельно решил на подавление восстания выслать одну сотню и приказал ее командира вызвать ко мне. Вскоре ко мне явился довольно развязного вида сотник. На его лице уже были видны признаки явного недовольства, что его «потревожили» [125]). Я объяснил ему обстановку и дал задачу. После этого, я ожидал обычного «слушаюсь». Но вместо этого, сотник разразился длинными разглагольствованиями вроде того, что я в походе не участвовал и потому не знаю, что они пережили, как измучились, (хотя его сытое, лоснящееся лицо говорило как раз обратное), что за их геройство они заслужили законный отдых и что теперь другие должны бороться, и т. д. Я выслушал его, умышленно не прерывая, а затем позвал адъютанта подъесаула П. Грекова и, смотря на часы, сказал последнему: «Я сейчас приказал сотнику через три четверти часа вместе с его сотней быть у штаба в полной боевой готовности. За исполнением моего приказания вы проследите, отправившись вместе с ним». Затем, обратившись к сотнику, я добавил: «Предупреждаю вас, что если мое приказание не будет немедленно и точно выполнено, то я вас арестую и предам военно-полевому суду. При этом ручаюсь, что приговор суда будет приведен в исполнение сегодня же и ранее, чем могут последовать какие-либо вмешательства и заступничества. Я жду сотню ровно через три четверти часа».

Точно в назначенное время сотня прибыла и представилась мне в отличном порядке. Ободрив людей и объяснив им задачу, я немедленно отправил сотню по назначению. Этот случай, конечно, не остался тайной. Со стороны штаба Пох. Атамана, он вызвал разнообразные комментарии и резкое осуждение моей суровой решительности. Только генерал Денисов поддержал меня и вполне одобрил мои действия, отлично понимая, что в переживаемое тогда время, надо было действовать решительно. В дело, как и нужно было ожидать, вмешался и ген. Семилетов. Он вызвал меня к телефону и начал меня упрекать в превы-

---

[125]) Фамилии этого офицера сейчас не помню.

шении власти и беззаконных действиях. Возмущенный его тоном и неуместным вмешательством, я категорически ему заявил: «Вашему превосходительству хорошо известно, что военными операциями сейчас руковожу я и я же отвечаю за спокойствие в городе, используя для этого все наличные средства. Все, что препятствует или умышленно не желает способствовать этому, беспощадно устраняю и впредь буду устранять, игнорируя юридические тонкости. За свои действия, в каждую минуту, готов дать ответ Донскому Правительству. Если же моя работа признается неудовлетворительной ген. Денисовым, то я могу передать ее другому лицу по его указанию. Но пока я занимаю эту должность, я буду ослушников карать по всей строгости законов военного времени, не считаясь ни с чинами, ни с положением, и предупреждаю, что никакие интервенции не помогут. Доказательством моих слов — добавил я — служит гауптвахта, где сидит не один десяток расхлебанных офицеров, в том числе и «степняков», а часть из них ожидает решения суда. Вместе с тем, не могу не высказать вам своего удивления, что вместо того, чтобы своим авторитетом поддержать среди офицеров дисциплину, вы способствуете ее расшатыванию». На этом наш разговор прекратился. Само собой разумеется, что после этого, я был причислен к лику заклятых врагов возглавителей Степного похода, что, откровенно говоря, меня нисколько не огорчало. Наоборот, меня сильно радовало другое. Я видел, что наши решительные действия для поднятия дисциплины, начали давать хорошие результаты: офицеры подтянулись и большинство «степняков», отрезвившись от привитых им идей, стали отличными офицерами, запечатлев своей кровью любовь к Донскому краю.

В связи с общей обстановкой, созрел вопрос и о создании прочной власти на Дону и в первую очередь необходимость созыва Войскового Круга, каковой вопрос Вр. Донским Правительством был детально разработан еще в Заплавах. Будущему Кругу решено было присвоить наименование «Круга Спасения Дона». По этому поводу Вр. Донское Правительство обратилось к населению со следующим призывом: «Граждане. Со времени захвата власти в Донской области большевиками и их управления на принципе диктатуры пролетариата вылившейся в уродливые формы хозяйничанья отдельных лиц — органы управления Войсковой власти в корне были разрушены. Когда же, трудовое казачество, сознав ложь и предательство большевистской власти, подняло знамя восстания, свергло советскую власть, заняв город Новочеркасск, то оно оказалось без органа центрального управления, могущего бы взять в свои руки планомерное проведение святого дела освобождения Родного Края и восстановления нарушенной деятельности правительственных учреждений. Эта власть и была образована 2-го апреля (старого стиля) из представителей дружин, занявших город Новочеркасск, некоторых общественных деятелей и делегатов ближайших станиц. По мере прибытия на фронт вновь сформированных частей, они высылают своих представителей в состав Временного Правительства и таким образом, настоящее Вр. Правительство состоит по большинству из представителей дружин и станиц, имея в меньшинстве общественных деятелей, которые своим опытом и знанием приходят на помощь в работе Правительства.

Первой и главной задачей настоящего Временного Правительства является дело освобождения Донского Края от пагубного хозяйничанья советской власти с красной гвардией, объединив в этом святом деле все население без различия классов, сословий и положений, твердо став на почву защиты интересов труда, предоставляя неограниченное право входа его представителей во все, имеющие быть открытими к действию, органы подчиненного управления.

Неотложной задачей настоящее Временное Правительство ставит себе созыв в возможно кратчайшее время «Круга Спасения Дона», имеющего быть составленным из представителей дружин, полков, сотен и батарей, принимающих участие в деле освобождения Дона и его спасения, без различия казачьего и неказачьего населения, а также по одному представителю от каждой станицы области, с правом Круга приглашать общественных деятелей по его усмотрению. По созыве «Круга Спасения Дона», настоящее Временное Правительство слагает свои полномочия и предоставляет право названному Кругу избрать второе Временное Правительство, которое и приступит, согласно выработанному наказу на Круге, к созыву Большого Войскового Круга и съезда неказачьего населения области одновременно, по окончательному освобождению Дона от большевизма, в целях полного объединения всего неселения.

Не теряя минуты, Временное Правительство берет на себя разработку вопросов, могущих быть поставленными на обсуждение «Круга Спасения Дона», не предрешая их, а только собирая фактический материал. Настоящее Временное Правительство берет на себя задачу в соответствии с переживаемым моментом, восстановления правильной и планомерной деятельности всех учреждений области, утерявших, со времени владычества большевиков, возможность работы и в особенности восстановление нормальной деятельности учреждений народного хозяйства.

Создавая реальные силы, Временное Правительство берет на себя задачу сохранения самостоятельности Донского края во всех отношениях, среди окружающих федераций, ни в коем случае не задаваясь какими-либо целями, выходящими за пределы Дона.

Временное Правительство, беря на себя тяжелое бремя власти, во имя общего блага, призывает всех к единению и дружной работе, призывает всех сомкнуть ряды и мощным ударом сломить советскую власть с красной гвардией, держащей в страхе трудовой народ за добытое потом и кровью свое благосостояние. Временное Донское Правительство».

Самое главное в этом призыве является стремление Вр. Донского Правительства сохранить, конечно, временно, самостоятельность Донского Края во всех отношениях, не задаваясь целями, выходящими за пределы Дона. Так думали представители серой казачьей массы, фактически боровшейся с большевиками. Во Временном Донском Правительстве они имели подавляющее большинство голосов. Будущая Донская власть, какая бы она ни была, обязана была эти руководящие указания положить в основание своих дальнейших действий и намерений, иначе она не отвечала бы чаяниям казачества. На борьбу с Советской властью казаки восставали только для защиты своих очагов и станиц и потому конечную цель борьбы видели в освобождении от боль-

шевиков границ Войска Донского. Дальше этого их намерения в то время не простирались. Всякие разговоры о движении на Москву или для освобождения от большевиков соседних губерний тогда были еще и преждевременны и опасны для дела. Не способствуя успеху, такие далекие цели давали однако благодарную почву для большевистской агитации и могли в корне разрушить начатое дело. Чтобы сдвинуть казачью массу с ее точки зрения и привлечь ее к выполнению общенациональных целей, надо было, прежде всего, дать время перебродить этому чувству, а, кроме того, требовалось к этому деликатному вопросу подойти весьма осторожно, исподволь работая над изменением психологии казачества.

Лица, возглавлявшие казачье освободительное движение и близко стоявшие к казачьей массе, прекрасно знали ее настроение. В соответствии с этим, они вынуждены были держать курс своей политики. Вожди Добровольческой армии, свободной от территории и народа, наоборот, высоко держали знамя движения на Москву и ее освобождения. С их точки зрения необходимо было те же лозунги муссировать и в Войске Донском, что, как я указал, по условиям того времени, было преждевременно и опасно. Ни реальные данные о настроении казачьей среды, ни наши горяччие доводы об опасных и непоправимых последствиях от этого для дела, — ничто не могло их разубедить. Они упорно продолжали стоять на своем. Уже с первых дней соприкосновения Донского и Добровольческого командований, различное понимание и разная оценка положения, создали неблагоприятную почву для установления дружеских взаимоотношений. В дальнейшем, расхождения во взглядах на политику и характер борьбы с большевиками, стали рости. В дальнейшем все приняло такую острую форму, которая совершенно исключила возможность добрососедского сотрудничества между двумя главными организациями на юге — Доном и Добровольческой армией, преследовавших, в сущности, одну и ту же цель — уничтожение большевизма.

Для ознакомления с положением на Дону, 27 апреля в Новочеркасск прибыли представители Добровольческой армии. В тот же день они присутствовали на заседании Временного Донского Правительства. Наибольший интерес делегаты проявили к вопросу конструкции будущей Донской власти и особенно к вопросу верховного командования над войсками, оперирующими на территории Войска Донского и, наконец, отношению донского казачества к немцам сейчас и в будущем. Уже первые шаги посланцев Добровольческой армии ясно показали нам их стремление нащупать почву и отыскать пути для подчинения Дона Добровольческому командованию [126]). На первый их вопрос им было отвечено, что вероятно будет избран Войсковой Атаман и ему вручена полная власть. Что касается отношения к Добровольческой армии, то Временное Донское Правительство заверило, что оно — самое дружеское и что Дон окажет Добровольческой армии полное содействие, потребное ей для организации и обновления сил, надеясь, что затем, совместно с нею, победоносно закончит борьбу с большевиками. По во-

[126]) Положение на Донском фронте, надо полагать, делегатов не интересовало. Они даже не сочли нужным побывать в штабе и узнать боевую обстановку и наши ближайшие намерения.

просу о верховном командовании, определенно было сказано, что таковое, всеми без исключения воинскими силами, действующими на территории Донского войска, должно принадлежать только Войсковому Атаману, а пока Пох. Атаману. Говоря о немцах, Временное Донское Правительство указало, что появление их на Дону произошло неожиданно для казаков, что это прискорбный и обидный факт, но, учитывая положение и свои силы, казаки никаких враждебных действий по отношению к германцам предпринимать не будут. Наоборот, признается полезным создать такие взаимоотношения с ними, чтобы мирным путем оградить себя от вмешательства их во внутренние дела Дона. Эта задача, было сказано, уже возложена на специально избранную делегацию для переговоров с Германским командованием в Киеве, а дальнейший курс отношений к немцам установит будущий Круг и Войсковой Атаман.

Ответы Временного Донского Правительства не понравились представителям Добровольческой армии. Недовольство их еще больше усилилось, когда на заседании 29 апреля «Круг Спасения Дона» [127]), открывшийся накануне, одобрил все ответы Вр. Донского Правительства, данные делегатам Добровольческой армии и утвердил посольство на Украину.

Для нас не было тайной, что командование Добровольческой армии стремилось в лице Донского казачества получить богатые пополнения людьми и материальной частью, а в действительности нашло дружески к ним расположенное, но фактически от них независящее, временное государственное образование. В глазах генерала Деникина и его ближайшего окружения область Войска Донского была лишь частью России, как и всякая другая губерния. На самом деле, такое мнение было ошибочно. Ведь в то время, как население русских губерний пассивно приняло Советскую власть, казачество вообще, в частности, старшее из них — Войско Донское, активно выступило против красных насильников и с оружием в руках отстаивало свои права. Да и у генералов Алексеева, Корнилова и всех Быховских узников с ген. Деникиным, были следовательно причины, побудившие их почему-то избрать себе убежищем область Войска Донского, а не какую-либо губернию. Следовательно, имелись какие-то «особенности», с которыми нельзя было не считаться. Наличие этих «особенностей», как природный казак, хорошо понимал ген. Корнилов. Еще в декабре месяце 1917 года он рвался в Сибирь, говоря: «что он (Корнилов) наконец, мало верит в успех работы на юге России, где придется создавать дело на территории казачьих войск и, в значительной степени, зависеть от Войсковых атаманов [128])». Нельзя было предполагать, что этих особенностей казачьего быта, традиций казачества, его чаяний и, наконец, психологии казачьей массы того времени, не знал ген. Деникин. Тем более, что он был тем лицом, которое предъявляло притязания на верховное командование и, в конечном результате, его осуществило. Однако, мероприятия ген. Деникина доказывали обратное. Ген. Деникин не желал учитывать того простого факта, что не чем иным, как только волею об-

[127] Круг состоял из 130 делгатов. Преседателем был избран есаул Г. П. Янов, умело и энергично поведший работу Круга.

[128]) «Архив Русской Революции». Том 5. Из воспоминаний ген. Лукомского, страница 141.

стоятельств и случая, Кубанские казаки и Кубанское Правительство, очутившись с Добровольческой армией, признали, и то условно и с большими трениями, главенство над собой Добровольческого командования. Как только добровольцы вернулись на Дон, ген. Деникин тотчас же проявил желание наложить свою руку и на войско Донское. Он не считался с тем, что оно само уже успешно боролось с большевиками и что он не только ничем не мог помочь войску, но, наоборот, сам нуждался в его помощи. Если бы представители Добровольческой армии, приехавшие в Новочеркасск, более глубоко вдумались в донские события того времени и беспристрастно оценили положение, они несомненно пришли бы к выводу, что при создавшихся условиях невозможно осуществить подчинение казачества Добровольческому командованию, даже при наличии самого искреннего желания этого со стороны Донской власти и Донского командования. Тогда возможно и ген. Деникин оставил бы свои притязания, а отношения между Доном и Добровольческой армией не приняли бы столь уродливой формы, как то было на самом деле.

Донское казачество само восстало против Советской власти. Оно само, своими собственными силами, уже частично освободилось от красных, верило в себя и верило своим вождям, положившим основание борьбе казачества с большевиками. Все это посланцы Добровольческой армии услышали из самой гущи казачьей массы, сказанной устами ее представителей на Круге. Ведь бесспорно, что «Круг Спасения Дона» был доподлинно народным. Он был действительно демократичным, состоя почти исключительно из простых казаков, выборщики которых на позициях грудью своей отстаивали свободу Дона. Недаром этот Круг прозвали «серым». Интеллигенция в нем была представлена ничтожным количеством голосов и потому-то не было и обычной болтовни.

Я был хорошо знаком с работой нескольких Войсковых Кругов и по совести могу сказать, что более деловитого, более мудрого и более быстрого в решениях, каковым был «Круг Спасения Дона», я не видел. В отличие от других кругов, «Круг Спасения Дона» не имел политических партий и потому не могло быть обычной политической борьбы и страстности при обсуждении вопросов. Была одна партия — простые казаки, горячо любившие Дон и готовые, если надо, сейчас же после заседания, идти на фронт. Важно и то, что эти казаки — члены Круга, определенно знали, что им нужно. Они страстно хотели спасти Дон и к этой цели шли прямым, кратчайшим путем. Если иногда нужно было разобраться в запутанной обстановке, им в этом помогали генерал Денисов и Г. П. Янов [129]) — большие донские патриоты, пользовавшиеся среди делегатов Круга влиянием и полным их доверием. Успешной работе Круга много способствовала и отдаленная артиллерийская канонада, улавливаемая привычным ухом казака-фронтовика. Она постоянно напоминала о грозном моменте и необходимости работать быстро и, главное, продуктивно.

В одном из первых же заседаний был решен вопрос об организации на Дону постоянной армии, упорядочении казачьих сил, боровшихся с большевиками, о создании законов об организации армии и поднятии

---

[129]) Председатель Круга.

в войсках дисциплины. Круг ясно видел, что для успешности борьбы с большевиками и поддержания порядка на Дону, не достаточно иметь партизан или добровольцев, а нужно создать настоящую армию, строго дисциплинированную и живущую на основании точных законов. Одновременно с этим, было постанвлено: «в отличие от большевистских банд, которые никаких внешних знаков отличий не носят, всем частям, участвующим в защите Дона, немедленно принять свой обычный вид и надеть, кому положено, погоны и прочие знаки отличия». [130])

Для пополнения рядов действующей армии была объявлена принудительная мобилизация казаков переписей с 1912 по 1918 гг. Все лица, уклонявшиеся от нее, предавались «Суду Защиты Дона», немилосердно каравшему ослушников. Наряду с этими мерами, Круг постановил: «всех лиц невойскового сословия, фактически участвующих в защите Дона от большевистских банд, теперь же принять в войсковое сословие, а всех казаков, участвующих в советских войсках и большевистских организациях, исключить из казачьего сословия по приговорам надлежащих станичных обществ» [131]). Наконец, в целях прекращения самосудов, Круг восстановил власть окружных, станичных и хуторских атаманов. Были учреждены станичные суды, а рабочим в категорической форме объявлено, что всякое, даже малейшее уклонение от работы, будет рассматриваться, как государственная измена. Но мне думается, что все эти суровые постановления Круга не имели бы нужных последствий и не дали бы ожидаемых результатов, если бы одновременно с этим «Суд Защиты Дона» не карал бы беспощадно всех ослушников. Этим внедрялось в население сознание, что времена пустых разговоров и безответственной болтовни прошли и что от каждого требуется напряженная работа, а уклонение от нее немилосердно карается. Скажу еще: составляя обычно приказы, я был врагом запугивания ими населения. Я был уверен, что одна система устрашения цели не достигает. Но я был убежденным сторонником того, чтобы о каждом случае нарушения приказа, кем бы то ни было, и последовавшем затем строгим наказанием, вплоть до расстрела, широко оповещать население-напоминая этим, что приказы опубликованы для исполнения, а с нарушителями их власть поступает строго по законам военного времени. И помню, что это имело магическое и весьма отрезвляющее действие во всех слоях населения, а вместе с тем прививало массе дух законности и порядка.

Проводя в жизнь еще ряд других мероприятий и здраво оценив обстановку, «Круг Спасения Дона» пришел к выводу, что при создавшихся условиях, переживаемых Донским войском и предстоящей в государственном масштабе творческой работе во всех областях Краевой жизни, коллектив, состоящий из равноправных членов, не в состоянии будет справиться с выпадающей на него сложной задачей. Он признал более целесообразным и полезным для дела, передать власть одному лицу, одаренному творческими способностями, решимостью, твердой волей и популярному среди казаков и населения. Так возник вопрос о будущем Войсковом Атамане. Наиболее видным и, я бы сказал, единственным кандидатом на пост Донского Атамана, который бы отвечал

---

[130]) Из постановлений Круга Спасения Дона.
[131]) Из постановлений Круга.

перечисленным условиям, по мнению председателя Крута и командования «Южной Группы», являлся генерал П. Н. Краснов, уже тогда весьма популярный на Дону. Сколько-нибудь серьезных конкурентов ему не было. Генерал П. Краснов уже давно приобрел горячую любовь казаков и пользовался широкой известностью, как всесторонне образованный человек, боевой генерал, глубокий русский патриот, ярый защитник интересов и традиций казачества и, наконец, как человек отлично знавший быт и нужды казаков. Вся его тридцатилетняя строевая служба протекла с донцами, а минувшая война, окончательно сроднила его с ними. П. Н. Краснов был казаком станицы Вешенской, сыном генерал-лейтенанта Н. И. Краснова. Родился он в 1869 году. Окончив Александровский кадетский корпус и Павловское военное училище, в 1890 году вышел на службу в лейб-гвардии Атаманский полк. В 1892 году одним из первых поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, откуда вскоре, по собственному желанию, ушел обратно в полк. В 1897 году Петр Николаевич в качестве начальника Конвоя при дипломатической миссии, командируется в Абиссинию. С этого момента, шаг за шагом, он начинает завоевывать себе литературное имя. Целый ряд последовательных командировок, как корреспондента «Русского Инвалида»: на Дальний восток — «Китайская война» в 1901 г., в г. Курск — «Большие Курские маневры» в 1902 г., наконец, на театр военных действий с Японией в 1904 г., значительно расширяют его кругозор и в результате появляется ряд блестящих научных военных статей и критических очерков, заставивших обратить на него внимание даже самых строгих критиков и знатоков военного дела. Только на 17 году службы Петр Николаевич получает, наконец, в родном полку сотню. В 1908 г. блестяще кончает кавалерийскую школу и до 1910 г. остается в ней на должности начальника казачьего отдела, когда за отличие по службе производится в полковники с назначением командиром 1-го Сибирского Ермака Тимофеевича полка. В 1913 г. он получает родной 10-й Донской полк, с которым и выходит на войну. Многие участники войны помнят, что под начальством Петра Николаевича Краснова, 10 полк совершил беспримерные дела и слава о нем гремела по всему фронту. В 1914 г. за боевые отличия Петр Николаевич производится в генерал-майоры, в 1915 г. командует 3 бригадой Туземной дивизии, затем получает 3 Донскую дивизию, а несколько позднее 2 казачью сводную дивизию. И снова ряд красочных дел, снова блестящие примеры кавалерийского дерзания, удали и лихости. Жалея людей, Петр Николаевич самого себя никогда не щадил, всюду впереди, всюду являя собой пример храбрости, за что действительно по заслугам был награжден Георгиевским крестом и Георгиевским оружием. Уверенно можно сказать, что дела Красновского полка и Красновской дивизии в будущем составят лучшие и наиболее красочные страницы в описании минувшей войны. 27 сент. 1917 г. Петр Николаевич получает 3 конный корпус, с которым и принимает участие в Корниловском походе на Петроград, окончившимся вследствие провокации Керенского, как известно, неудачно. Рядовые казаки не только знали Краснова, но они его любили, верили ему и помнили, что на войне Краснов всегда выводил их победителями из самых сложных и опасных положений.

В то время Краснов из ст. Константиновской, где проживал, укры-

ваясь от большевиков, прибыл в Новочеркасск.

Не давая своего согласия на выставление кандидатуры в войсковые атаманы, он, однако, после настойчивых просьб ген. Денисова и Г. П. Янова, согласился выступить 1-го мая перед Кругом и изложить политическую и военную обстановку того времени

Два часа непрерывно говорил П. Н. Краснов, выказав во всем блеске свой недюжинный талант отличного и увлекательного оратора. В гробовой тишине, будущий Донской Атаман дал краткий исторический очерк Войска Донского, красочным и, доступным пониманию простого казака языком, обрисовал тогдашнее положение, многократно подтвердив свои слова ссылками на историю. «России нет, Россия больна, поругана и истерзана, — говорил П. Н. Краснов [132]), — Дон сейчас одинок и ему необходимо впредь до восстановления России, сделаться самостоятельным и завести все нужное для такой жизни. Казачество должно напречь все силы и всеми мерами бороться с большевиками, участвуя в освобождении России от большевистского засилья. Все, кто против большевиков — наши союзники. С немцами казаки воевать не могут; их приход надо использовать в целях успешной борьбы с большевиками и вместе с тем показать им, что Донское войско не является для них побежденным народом» Особенно ярко подчеркнул ген. Краснов необходимость тесного сотрудничества Дона с Украиной и доблестной Добровольческой армией и напомнил казакам их историческую задачу спасти Москву от воров и насильников. А сделав это, советовал не вмешиваться в дела Русского Государства и предоставить ему самому устроить свой образ правления, как ему будет угодно, а казакам зажить вольной жизнью, как было в отдаленные времена, когда казаки говорили: «Здравствуй царь в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону».

С большим вниманием слушали казаки увлекательную речь П. Н. Краснова, столь близкую их сердцу и столь отвечающую запросам и пониманию событий самими членами Круга. После этого, имя ген. Краснова не сходило с уст. Все считали его единственным лицом, могущим стать Донским Атаманом и восстановить Дон.

Я впервые слышал ген. Краснова и должен сказать, что ясным пониманием обстановки, реальностью и трезвостью взглядов, он всецело подкупил меня. Покинув заседание Круга, я долгое время находился под впечатлением его речи. У меня невольно крепла мысль, что именно этот человек сумеет найти почетный выход войску из весьма сложных обстоятельств, сможет поднять и увлечь казачество на борьбу с большевиками и, кроме того, действительно осуществить идею временной самостоятельности Дона, с чем так долго бились Калединское Правительство и предшествующие Войсковые Круги и что им оказалось не по силам провести в жизнь [133]).

---

132) Я привожу только отрывки его речи, наиболее запечатлевшиеся в памяти.

133) К. Каклюгин в Донской Летописи, том III, стр. 70, по этому вопросу говорит: «Идея о необходимости организации на Дону самостоятельной государственной власти была не нова. Ее обсудили, вырешили и применили к жизни Калединские Войсковые Круги и Круг Спасения Дона, присвоивши себе верховную власть». Как участник донских событий, я с этим никак не могу согласиться.

Только после настойчивых просьб и убеждений П. Н. Краснов согласился, наконец, выставить свою кандидатуру в Донские Атаманы.

3-го мая на утреннем заседании Круг Спасения Дона постановил: «впредь до созыва Большого Войскового Круга, каковой должен быть созван в ближайшеее время и, во всяком случае не позже двух месяцев по окончании настоящей сессии Круга Спасения Дона, вся полнота власти по управлению Областью и ведению борьбы с большевиками принадлежит избранному Войсковому Атаману» [134]).

На вечернем заседании того же числа закрытой баллотировкой были произведены выборы Атамана. С глубоким сознанием огромной важности этого вопроса для войска и связанной тяжелой нравственной ответственности Круг, без обычных прений, огромным подавляющим количеством голосов облек своим доверием П. Н. Краснова. Из 130 голосов, 107 было подано за П. Н. Краснова. 13 против, при 10 воздержавшихся. Надо заметить, что избрание произошло не путем подпольных и закулисных интриг, подкупов, агитации, партийной борьбы, а лишь единством взглядов, молчаливой волей представителей казачества, голосом общества и горячим желанием вверить дело спасения родного края в наиболее критический момент в надежные, крепкие руки. Все страстно искали выхода из тяжелых испытаний, выпавших на долю Донского казачества и в П. Н. Краснове видели спасение.

Оставалось только окончательно склонить ген. Краснова принять это избрание.

Трезво оценивая обстановку и условия предстоящей большой работы, а вместе с тем хорошо зная обстоятельства, приведшие атаманов Волошинова, Каледина, Назарова к трагической кончине, П. Н. Краснов, прежде всего, желал обеспечить себе возможность плодотворной работы. Поэтому он соглашался стать Донским Атаманом, только в случае принятия Кругом Спасения Дона «Основных Законов», составленных им для Войска Донского.

4-го мая Круг рассмотрел и одобрил предложенные законы. И в этом заседании, при торжественной церемонии и бурных овациях всех членов Круга, П. Н. Краснов принял Атаманский пернач — эмблему Атаманской власти.

Принятием основных законов, вся власть из рук коллектива переходила к одному лицу — Атаману, что обеспечивало возможность работы, вне ежедневной критики деятельности Атамана Кругом или Правительством, назначенным Кругом, как то было в Каледино-Назаровский период.

Предстояло творить и П. Н. Краснов предпочел работать один, будучи убежденным сторонником того, что на такую работу коллектив не способен. Свою мысль он однажды образно выразил так: «Творчество никогда не было уделом коллектива. Мадонну Рафаеля создал Рафаель, а не комитет художников». Заслуживает внамания и то, что серые члены Круга, простые казаки — фронтовики чутьем угадывали крайнюю нужду иметь в тот момент во главе войска Атамана, наделенного неограниченными полномочиями. И как ни странно, но часть

Быть может, длительные обсуждения Калединским Правительством привели к зачатию этой идеи, еще дольше ее вынашивали, но все же в конечном результате, плод оказался мертворожденным и к жизни неспособным.

[134]) Из постановлений Круга Спасения Дона.

интеллигенции понять этого не хотела. Особенно та, которая своеобразно восприняв веяния революции, привыкла лишь болтать, все критиковать и ничего не делать. Большевики уже были далеко и потому животный страх за жизнь рассеялся. Спокойное и сытое пребывание в тылу, создавало подходящие условия для критики во имя критики. Атаману в первую очередь бросили обвинение в стремлении к абсолютизму. Обвинение подхватили «степняки» во главе с Пох. Атаманом ген. Поповым. Последний, кстати сказать, сославшись на переутомление, демонстративно не пожелал работать с ген. Красновым [135]). У Попова нашлась кучка единомышленников, живших мыслью, что только он должен и может быть Донским Атаманом. Они забывали, что генерал П. Попов был случайно вынесен на вершину волной казачьего движения и не учитывали, что он совершенно неспособен к занятию такого поста. Избрание Краснова Атаманом разрушило их планы и сделало несбыточными их мечты о разных ролях и постах, заранее ими распределенных между собой. Раздраженные этим, горя личной злобой и местью, они ушли в лагерь недовольных, пополнив собой ряды зарождавшейся тогда «оппозиции».

А между тем, Войско Донское еще находилось под непосредственной угрозой противника и переживало такой момент, когда обстановка повелительно диктовала необходимость полного напряжения всех живых сил, когда требовалось во имя блага Дона и России, отбросить личные счеты и работать не покладая рук.

Не нашли сочувствия «Основные Законы» и в кругах Добровольческой армии. В них видели лишь лишнее доказательство, что Дон стремится стать на путь временной самостоятельности, независимо от Добровольческой армии. Это не отвечало взглядам генерала Деникина и дало почву для обвинения Дона и особенно Атамана Краснова в «самостийности». Так выростала новая преграда искренней дружбе Дона и Добровольческой армии.

Уже 5-го мая П. Н. Краснов назначил Управляющих отделами (министерствами) причем руководство обороной Донской земли возложил на Управляющего Военным и Морским отделами генерала С. Денисова, а начальником Войскового штаба и начальником штаба Донских армий назначил меня.

В этот день Круг Спасения Дона закончил свою сессию и делегаты Круга разъехались с полным сознанием выполненного ими долга перед Краем.

Главная заслуга Круга Спасения Дона была в том, что, проявив редкое единодушие, он создал сильную власть, дал ей легальный титул, а сам, чтобы не мешать работе этой власти, разъехался.

Облеченный доверием и полнотой власти ген. Краснов самостоятельно приступил к творческой работе не только по воссозданию Дона, но и по возвеличению Войска Донского, что должно составить содержание V части моих «Воспоминаний».

---

[135]) 5 мая ген. П. Х. Попов был произведен Кругом Спасения Дона в генерал-лейтенанты. Должность Походного Атамана была упразднена. Вместе с ген. Поповым уклонились от работы ген. Сидорин, Семилетов и другие «степняки», их единомышленники. Генерал Деникин далек от истины, утверждая (Очерки Русской смуты, том III, стр. 249), что ген. Попов был устранен от деятельности. Напротив, ему неоднократно предлагалось занять видный пост, но ген. Попов упорно отказывался, считая себя обиженным, что не попал в Донские Атаманы.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

БОРЬБА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Май 1918 — февраль 1919 г.

Вступление на пост Донского Атамана П. Н. Краснова. Приказ Всевеликому Войску Донскому от 4 мая № 1. Общая обстановка в начале мая 1918 года. Образование единого военного отдела — Войскового штаба. Задачи, выпавшие на военный отдел. Работа штаба по созданию постоянной Донской армии и реорганизация действующей армии. Отношение к событиям казачьего и иногороднего населения области. Совещание Донского и Добровольческого командований 15 мая в станице Манычской. Дон и немцы. Взаимоотношения между Доном и Добровольческой армией. Донская оппозиция: ее зарождение, обоснование, состав и деятельность. Обстановка перед открытием Большого Войскового Круга. Открытие Круга 16 августа 1918 года. Работа Круга. Перевыборы Атамана. Военная обстановка в августе месяце. Сознание необходимости вывода казаков за пределы области с целью освобождения от красных соседних губерний. Идея создания с той же целью армии из крестьян. Формирование «Южной армии». Отношение к ней командования Добровольческой армии. Свидание Донского Атамана с Гетманом Скоропадским 20 октября 1918 года. Результат этого свидания. Боевые действия на Донском фронте с августа до начала ноября месяца. Положение Дона в начале ноября месяца. Совещание Донского и Добровольческого командований 13 ноября в г. Екатеринодаре. Приезд в Екатеринодар представителей союзных держав. Моральное значение этого приезда и чаяния казачества. Прибытие представителей союзников в Новочеркасск. Чествование их в Новочеркасске. События на Донском фронте к началу декабря. Переутомление казачества и постепенное его разочарование в помощи союзников. Успех большевистской пропаганды. Шатание фронта и частичный переход казачьих полков на сторону красных. Свидание Атамана с главой английской миссии ген. Пуль на ст. Кущевка 18-го декабря 1918 года. Ген. Пуль меняет свое мнение о ген. Краснове и о Донском войске. Совещание на станции Торговой 26 декабря 1918 года. Установление единого командования вооруженными силами на юге России под главенством генерала Деникина. Приезд в Новочеркасск представителя Англии ген. Пуля и представителя Франции капитана Фукэ. Заверения, данные союзными военными миссиями о скорой помощи Войску. Упадок духа в казачестве. Боевые действия на Донском фронте в декабре месяце 1918 года и в январе 1919 года. Мой доклад Главнокомандующему 13 января и его отношение к Донским событиям. Приезд представителя Франции кап. Фукэ к Атаману и его предложение от имени Франции. Донской фронт в январе 1919 года. Позиция ген. Деникина в отношении Дона. Усиление агитации и деятельности оппозиционно настроенных элементов против Донского Атамана. Обстановка, предшествовавшая созыву 2-й сессии Большого

Войскового Круга. Требования оппозиции. Открытие 2-й сессии Круга 1 февраля 1919 года. Условия, предъявленные Атаману Кругом. Нежелание ген. Краснова принять их. Отказ Атамана и его уход. Последние дни на Донской земле.

В необычайно тяжелых условиях принял 4-го мая 1918 года Донской Атаман П. Н. Краснов пернач из рук Круга Спасения Дона [136]).

Об этом событии войска и население в тот же день были оповещены следующим приказом № 1 Всевеликому Войску Донскому [137]).

«Волею Круга Спасения Дона я избран на пост Донского Атамана с предоставлением мне полной власти во всем объеме. Объявляя при сем «Основные Законы Всевеликого Войска Донского», предписываю всем ведомствам, учреждениям и всем вообще казакам и гражданам войска Донского ими руководствоваться. В тяжелые дни общей государственной разрухи приходится мне вступать в управление Войском. Вчерашний внешний враг, австро-германцы, вошли в пределы войска для борьбы в союзе с нами с бандами красногвардейцев и водворения на Дону полного порядка. Далеко не все войско очищено от разбойников и темных сил, которые смущают простую душу казака. Враг разбит наружно, но остался внутри Войска и борьба с ним стала еще более трудна, потому что он очень часто будет прикрываться личиной друга и вести тайную работу, растлевая умы и сердца казаков и граждан войска. Многие граждане развращены возможностью, бывшей при советских властях, безнаказанно убивать жителей, грабить имущество и самовольно захватывать земли. Впереди, если мы не успеем засеять хлеб и снять урожай, северные округа ожидает голод. Население исстрадалось недостатком продуктов первой необходимости, отсутствием денежных знаков и непомерной дороговизной. При этих условиях спасти Дон и вывести его на путь процветания возможно только при условии общей неуклонной и честной работы. Казаки и граждане! Я призываю вас к полному спокойствию в стране. Как ни тяжело для нашего казачьего сердца, я требую, чтобы все воздержались от каких бы то ни было выходок по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как на свои части. Зная строгую дисциплину Германской армии, я уверен, что нам удастся сохранить хорошие отношении до тех пор, пока германцам придется оставаться у нас для охраны порядка и пока мы не создадим своей армии, которая сможет сама охранить личную безопасность и неприкосновенность гражданина без помощи иностранных частей. Нужно помнить, что победил нас не германский солдат, а победили наше невежество, темнота и та тяжелая болезнь, которая охватила все Войско и не только Войско, но и всю Россию. Казаки и граждане, нас спасет только общая работа. Пусть каждый станет на свое дело, большое и маленькое, какое бы то ни было и поведет его с полной и несокрушимой силой, честно и добросовестно. Вы, хозяева своей земли, украшайте ее своей работой и трудами, а Бог благословит труды наши. Бросьте пустые разговоры и

---

[136]) См. «Воспоминания», часть IV.

[137]) Историческое наименование «Всевеликое Войско Донское» было присвоено войску Кругом Спасения Дона по предложению ген. П. Н. Краснова.

приступите к деловой работе. Каждый да найдет свое место и свое дело и примется за него немедленно и будет спокоен, что плодами его трудов никто не посмеет воспользоваться. А обо мне знайте, что для меня дороже всего честь, слава и процветание Всевеликого Войска Донского, выше которого для меня нет ничего. Моя присяга вам казакам и гражданам, Вам доблестные спасители Родины члены Круга Спасения Дона, служить интересам Войска честно и нелицемерно, не зная ни свойства, ни родства, не щадя ни здоровья, ни жизни. Об одном молю Бога, чтобы он помог мне нести тяжелый крест, который вы на меня возложили». Далее в приказе перечислялись задачи каждому ведомству. Я отмечу только задания ведомствам военному и внутренних дел.

Военному отделу Атаман предписывал: «Приступить к немедленному созданию на началах общеобязательной воинской повинности из казаков и калмыков 1918—1919 года, вызываемых путем жеребьеметания по правилам, которые будут указаны, постоянной армии, в составе трех конных дивизий, одной пешей бригады с соответствующим числом артиллерии и инженерных частей. К созданию офицерской школы, урядничьего полка, возобновить занятия в Новочеркасском военном училище, подготовить все для восстановления занятий в Донском кадетском корпусе. Для охраны станиц и городов составить конные и пешие сотни из казаков 1912, 13, 14, 15, 16, и 17 годов. По мере успокоения Войска, распускать по домам для мирных работ казаков остальных возрастов».

Ведомству внутренних дел ставилась задача: «Приступить к созданию постоянной наемной милиции из лучших офицеров, урядников и казаков, восстановить и развить сеть телеграфов и телефонов, восстановить почтовое сообщение, установить неослабное наблюдение за внутренним порядком в Войске, немедленно арестуя и предавая суду тех казаков и граждан, которые будут возбуждать народ к насильственным действиям и неповиновению. Составить списки казаков и граждан, которые будут оказывать противодействие войсковом частям, служить в красной гвардии и принимать участие в братоубийственной войне на стороне большевиков, для суда над ними и отобрания от них земли».

Подобные директивы, направленные к установлению нормальных условий жизни на Дону, были даны и остальным ведомствам.

Господство большевиков оставило на Дону тяжелое наследие. Злая, преступная рука, различных проходимцев, нанесла беспощадные удары всем отраслям государственной жизни и создала чрезвычайно неблагодарную почву для творческой работы Донской власти.

Безумие красных варваров в короткий срок уничтожило все, что напоминало государственно-правовой порядок. Аппарата власти не было. Банки и кассы кредитных учреждений оказались опустошенными, а система денежного обращения в корне нарушенной. Вместо денежных знаков в обращении имелось небольшое количество суррогатов, не пользовавшихся в населении доверием.

Суды не функционировали и потому отправление правосудия на всем пространстве Войска Донского находилось в полном расстройстве. Архивы, тома законов — были сожжены, дела в административных

учреждениях уничтожены и весь аппарат управления на местах разрушен.

Безудержный большевистский разгул не пощадил и школу: учебные заведения красногвардейцами были превращены в казармы, читальни, библиотеки, физические и другие кабинеты, создававшиеся десятками лет, варварски расхищены или бесследно уничтожены, здания приведены в негодный вид — выбиты стекла, а иногда сняты и унесень оконные и дверные рамы и все, до-нельзя загажено.

Храмы осквернены, церковное имущество разграблено.

Подорванные долголетней войной и расшатанные революцией пути сообщения и подвижной состав советское владычество быстро доканало [138]).

Нарушенное условиями военного времени экономическое благосостояние области, было приведено в полное расстройство революционным движением и особенно нашествием большевистских банд, производивших систематический грабеж области.

Вся торгово-промышленная жизнь края была парализована: цены на все бешено возросли, в городах ощущался сильный недостаток в продовольствии и это в то время, как Дон изобиловал хлебом, жирами, рыбой, молоком и маслом. Застой в торговле и уменьшение товаров, породили беззастенчивую спекуляцию. Появился целый класс посредников, эксплоатировавших крайнюю нужду обывателя. В погоне за легкой наживой этим занялись не только мелкие торговцы, но солидные фирмы и даже частные лица, в том числе иногда и офицеры, не гнушавшиеся сменить погоны на звание комиссионера.

Интендантские склады обмундирования и снаряжения дочиста были расхищены. Запасы вооружения и боевых припасов, нужда в которых сильно росла, большевики вывезли заблаговременно или привели в негодность.

Но главное — значительно пали нравы. Советский режим создал безудержный разгул человеческих страстей и породил общую, еще невидимую, расхлябанность. Взяточничество развилось до предела. Многие утеряли способность различать границу, где кончается порядочность и где начинается непорядочность, а такие понятия, как нравственность, честь, долг, честность, даже у людей, ранее как будто безупречных, теперь тонули в безшабашной погоне за легкой наживой, алчностью и черством эгоизме.

Таковы были плоды грабительства и последствия диктатуры пролетариата, т. е. те условия, при которых должно было совершаться строительство новой государственной жизни на Дону, причем первые шаги этой работы протекали под обстрелом противника.

Предстояла колоссальная работа: продолжать вооруженную борьбу с большевиками и одновременно восстанавливать законность и порядок, обеспечить население от произвола и насилий, перевоспитать массы, оздоровить их от разнузданных революционных настроений, на-

---

[138]) На железнодорожных линиях только что освобожденного района оказалось разрушено 85 мостов и труб, сожжено до основания 12 зданий, много повреждено частично, попорчено водоснабжение и разобрано дочиста 55 верст пути. Из 111 паровозов, бывших к 20 июля в распоряжении Донской власти, 70 было совершенно непригодно для употребления, а из 394 пассажирских вагонов можно было использовать лишь 120. Состояние товарных вагонов было несколько лучше.

ладить расстроенные административные и промышленные аппараты, восстановить экономическое благополучие, дать жителям продовольствие, использовать богатства Края и направить всю жизнь в нормальное ее русло. Во всем сказывалась огромная нужда.

Медикаментов, перевязочных материалов и инструментов почти не было, а число раненых и больных росло с каждым днем. Войску пришлось содержать не только своих раненых, но взять на себя заботу о раненых и больных Добровольческой армии. Уже в короткий срок, в области было открыто 38 лазаретов и больниц, причем, главным центром явился г. Новочеркасск, где было учреждено 13 лазаретов и 1 больница [139]).

Без преувеличения можно утверждать, что на обломках и пепле пришлось Донскому Атаману П. Н. Краснову строить новое, прочное государственное здание.

Неутешительна была и политическая обстановка: на западной границе Войска возникло новое государственное образование — Украина, претендовавшая, при поддержке немцев, на часть территории Донской области. Ни ее планы, ни намерения немцев, ни цели, преследуемые Германским командованием, не были определенно известны, а между тем от той позиции, какая ими будет занята, в значительной степени зависело само существование Дона и успех дальнейшей борьбы с большевиками.

Ждать помощи от наших союзников по Великой войне, не приходилось; они сами едва выдерживали натиск немецких армий.

Незавидное было и военное положение: всею областью, за исключением небольшого района, прилегающего к Новочеркасску, владели большевики. Из 252 станиц Войска не было освобождено и 10 процентов. Города Ростов, Таганрог и часть Донецкого округа находились в руках немцев, где они осторожно, но все же устанавливали порядки, обычно практикуемые в оккупированных областях.

В то же время, в разных местах области, без какого-либо определенного плана, происходили выступления отдельных станиц и хуторов, наиболее пострадавших от грабежей красной гвардии. Временами эти восстания беспощадно подавлялись красногвардейцами, если последние были многочисленнее казаков, причем, в этих случаях, решающую роль играло отсутствие у донцов вооружения. Но когда восстания кончались успешно, то в таких районах, восставшие казаки, ощетинившись во все стороны, с трудом отстаивали натиск красных. Каждый восставший район мобилизуясь по-своему, формировал своеобразные казачьи дружины, отряды, полки, партизанские партии и затем действовал в одиночку на свой страх и риск. В зависимости от величины станицы и полки или дружины были разной численности и, значит, силы, достигая иногда до 2 500—3 000 человек. Отбив у красных орудия и пулеметы, казаки немедленно формировали импровизированные батареи полковой артиллерии, обслуживаемые казаками своей станицы. Если станицы охотно помогали одна другой живой силой и провиантом, то этого нельзя сказать в отношении оружия. Ни пушками, ни пулеметами, ни винтовками казаки ни за что не хотели делиться

[139]) С 1 мая по 10 июня в лечебных заведениях Новочеркасска прошло раненых 3193 человека и больных 3665, причем на долю Добровольческой армии из этого числа приходилось: раненых 2420 и больных 1901, т. е. около 70%.

с соседями и на этой почве, в начале восстания, происходило много недоразумений и взаимных обвинений. Столкновения с красными носили характер краткосрочных, но чрезвычайно жестоких стычек.

Домовитое казачество всеми мерами противодействовало грабежу и насилию красных банд, состоявших, главным образом, из пришлого элемента и беспощадно с ним расправлялось, как с грабителями-разбойниками. Красные же, опьяненные возможностью богатой наживы и часто безнаказанностью грабежа, а также легкостью своего успеха вне Донской земли, — встретив здесь неожиданное сопротивление, ожесточились до-крайности. Подстрекаемые местным неказачьим населением, сводившим свои старые счета с казачеством, — они, в свою очередь, проявили невероятную жестокость. Бой обычно продолжался несколько часов. Казаки часто применяли свой излюбленный тактический прием — «вентерь», т. е. отступая в центре на несколько верст, они пользуясь отличным знанием местности, незаметно охватывали противника флангами с тыла. В применении такой тактики казакам много помогала их природная сметливость.

От восставших казаков в Новочеркасск шли ходоки и просили помощи, главным образом, оружием, снарядами и патронами. В исключительных случаях, восставшие соединялись с другими отрядами, но тогда между руководителями движения начинались прения по вопросам возглавления и командования. Каждый, самый маленький руководитель, неохотно признавал местный авторитет и стремился завязать непосредственные сношения с центральной властью. В результате, к началу мая образовалось 14 [140]) казачьих самостоятельных отрядов, подчиненных непосредственно штабу армии, с частью из коих связь была постоянная, с другими временная, периодическая. Конечно, такое ненормальное положение не могло быть долго терпимо.

Создав единоличную власть Атамана [141]), Круг Спасения Дона, поручил ему избавить Донскую землю от постигшего ее несчастья и передать ее, очищенной от большевизма, в руки Державного хозяина — Большого Войскового Круга.

В свою очередь, Донской Атаман, руководство обороны Донского Края возложил на Управляющего Военным и Морским отделами, штаб которого должен был явиться высшим органом командования Донской армии.

На долю едва начавшегося формироваться военного отдела Войска, пала тягчайшая задача: продолжая энергичную борьбу с красной гвардией, с целью скорейшего очищения от нее всей области, организовывать восставших и освобождаемых казаков, одновременно создавать постоянную армию из казаков молодых сроков службы, которая после обучения и окончательного сформирования, могла бы, сменив стариков, принять на себя оборону Донской земли и послужить твердой опорой порядка и законности.

Сразу же возникли срочные вопросы о введении стройной организации в действующей армии, об издании уставов и наставлений, о под-

---

[140]) Генерала Фицхелаурова, полковников: Туроверова, Алферова, Мамантова, Абраменкова, Топилина, Епихова, Киреева, Быкадорова, Толоконикова, Зубова, Войск. старшин: Старикова, Мартынова и есаула Веденеева.

[141]) См. «Воспоминания», часть IV.

готовке офицерского состава и урядников, сформирования технических частей, об установлении прочной связи и т. д. и т. д.

Сознание необходимости скорейшего восстановления расшатанной дисциплины, побудили поспешить с разработкой дисциплинарного устава, каковой с 7-го мая уже был введен в частях Донской армии.

Зная по опыту неудобство и даже вред одновременной работы двух высших управлений — штаба Походного Атамана и Войскового штаба, как то было при Атаманах Каледине и Назарове [142]), я настоял на создании единого военного отдела и 12-го мая из чинов штаба «Южной группы» и бывшего штаба Походного Атамана, составил остов Войскового штаба [143]). Такое объединение облегчило возможность, вновь созданному Войсковому штабу, в кратчайший срок наладить и распределить грандиозную работу по организации боевых сил Дона.

Приступив к формированию Войскового штаба, я встретил много трудно преодолимых препятствий. Главное затруднение состояло в том, что не было достаточно ни офицеров генерального штаба, ни опытных штабных работников, а между тем обстановка была такова, что нужно было во что бы то ни стало не только организовать штаб, но организовать его в кратчайший срок и при этом так, чтобы его будущая конструкция отвечала бы всем задачам, могущим, в соответствии с переживаемым моментом, выпасть на штаб. Для этого требовались люди с большим опытом, энергией и личной инициативой, а таковых то, в тот момент, на месте было очень мало. Приходилось довольствоваться тем, что можно было найти в то время в Новочеркасске. Однако, надо сказать, что, подбор сделанный мной тогда, оказался весьма удачным и справедливость требует признать, что значительная доля огромной работы, выполненной в то время Войсковым штабом, должна быть отнесена исключительно к заслугам и самопожертвованной работе моих ближайших сотрудников.

После долгих поисков помещения для штаба, остановились на наиболее подходящем здании семинарии (Платовский проспект).

Хорошо помню, когда, впервые попав в это здание, я был поражен ужасным его видом.

Красные товарищи, обитавшие здесь, до неузнаваемости запакостили и обезобразили помещение. Стекол не было, не хватало оконных и дверных рам, использованных красногвардейцами на топку. Корридоры нижнего этажа оказались обращенными в отхожеее место и нисколько не преувеличиваю, что местами на добрую четверть пол был покрыт всевозможными отбросами, издававшими ужасное зловоние. Несколько дней и ночей, пленные красногвардейцы приводили в пристойный вид ими же загаженное здание и только в середине мая, после основательного его ремонта, явилась возможность штабу переселиться туда. До этого времени я со штабом занимал Московскую гостиницу в центре города.

Помимо оперативной и чисто военно-организационной работы, приходилось еще много уделять внимания и г. Новочеркасску, ибо среди весьма разношерстного тогда его населения, притаилось большое ко-

---

[142]) См. «Воспоминания», часть II.

[143]) I-м Генерал-квартирмейстером был назначен ген. штаба полк. Кислов, II-м ген. штаба ген.-майор Райский, дежурным генералом — полк. Бондарев. Остальные начальники отделов были назначены позднее.

личество большевистских агентов, продолжавших из подполья вести свою вредную работу.

Вспоминаю, как однажды, поздно ночью, я был разбужен сильным взрывом бомбы на улице перед гостиницей, в которой помещался штаб. Сила взрыва была так велика, что большинство стекол в гостинице оказалось выбитыми. По моему приказанию весь центральный район города был немедленно оцеплен войсками, но несмотря на все принятые меры, найти злоумышленников не удалось. Характерно то, что на следующий день, я получил несколько угрожающих писем. В них анонимные авторы упоминали о взрыве и грозили в будущем более жестоко расправиться с высшим командным составом. Это обстоятельство еще более подтверждало мою мысль, что город Новочеркасск далеко еще не очищен от большевистского элемента. С целью окончательного искоренения этого зла, по моему приказанию, было устроено несколько хорошо организованных, внезапных облав в Новочеркасске, давших отличные результаты. С той же целью, на продолжительное время было задержано и сторожевое охранение вокруг города. Я полагал, что красногвардейцы и видные большевистские деятели, не успевшие вовремя бежать из Новочеркасска, попытаются вероятно ускользнуть из города ночью, когда пройдет горячка первых дней. Эти мои расчеты оправдались. Казачьи сторожевые посты, особенно на южной и юго-западной окраинах города, ежедневно ловили ночью по несколько десятков подозрительных субъектов. При тщательном обыске их, обнаруживались документы с несомненностью устанвливавшие принадлежность их к большевизму. Мало-помалу, путем применения комбинированных мер, Новочеркасск совершенно был очищен от большевистского преступного элемента, что весьма благотворно отразилось на его населении и без того крайне измученном предшествующими экспериментами красных.

Поголовная мобилизация казаков для борьбы с советскими войсками на Дону, оторвав от дела почти все рабочие руки, грозила совсем разрушить экономическую жизнь страны, почему одной из главных забот военного отдела, согласно приказу Всевеликому Войску Донскому № 1, явилось скорейшее создание на прочных основаниях постоянной армии, которая могла бы принять на себя оборону Края и послужить действительной опорой Донской власти.

В памяти невольно встает картина первого заседания, под председательством Донского Атамана, по вопросу формирования постоянной, или как ее называли, «Молодой армии». Обратившись к собравшимся здесь генералам — Ф. Абрамову, И. Попову и Иванову, Атаман Краснов назначил их начальниками будущих конных казачьих дивизий, предоставив им право выбрать себе начальников штабов, командиров полков, а последним командиров сотен. Были определены места расквартирования будущих дивизий и порядок их укомплектования, даны указания об их обмундировании, снабжении и довольствии. Большая часть предстоящей работы, естественно, падала на Войсковой штаб. Необходимо было срочно разработать штаты всех формируемых частей, дабы избежать обычной в таких случаях, импровизации. Должен сознаться, меня поражала уверенность, с которой Петр Николаевич Краснов говорил о вопросах формирования армии, казавшихся мне тогда, в начале, совершенно неосуществимыми. Но уже к концу

заседания, своей верой, он заразил всех нас и, я думаю, уходя каждый вынес убеждение, что несмотря на все трудности и препятствия, постоянная армия все-таки создана будет.

Первое время мы почти каждый день собирались у Атамана, обсуждая самые неотложные нужды и, разойдясь, немедленно проводили в жизнь намеченные мероприятия. Прошел небольшой срок и непоколебимая энергия Петра Николаевича поборола сомнения даже самых закоренелых пессимистов. Всем стало ясно, что осуществление идеи создания Постоянной армии, воспитанной и обученной на старых, крепких основаниях — не миф, а реальный факт. Надо заметить, что принцип выбора начальниками себе помощников, положенный в основание формирования армии, конечно, обеспечивал успешность работы и сулил отличные результаты, но, в то же время, чрезвычайно тяжело отразился на частях действующей армии, продолжавшей борьбу с большевиками. Действительно, начальники дивизий выбирали себе наилучших помощников (командиров полков, дивизионеров и т. д.), а эти последние — наилучших офицеров. Но конечно — эти последние, были лучшими офицерами и на действующем фронте и их начальники никак не хотели расстаться с ними, отлично сознавая, что их уход болезненно отразится на деле.

Дабы удовлетворить обе заинтересованные стороны и одновременным отозванием офицеров не ослабить фронта, я вытягивал намеченных офицеров постепенно, применяя порой даже хитрость — вызывал их к себе в штаб, задерживал несколько дней, а затем направлял в формируемые части Постоянной армии.

К 8 мая было объявлено «Положение о военной службе казаков и калмыков Донского Войска» и выработаны штаты. Вместе с тем, ввиду минования надобности, а также и вследствие прочно обоснованной постановки военного дела, были ликвидированы все партизанские отряды. Этой мерой, как ни странно, мы нажили себе много врагов, о чем я расскажу ниже. А едва ли можно отрицать, что организм 13—17 летних юношей, в общем, далеко не приспособлен к перенесению лишений боевой жизни и потому, приносимая польза такими партизанами, часто не окупала затраченных молодых жертв. Мало того, формирование партизанских отрядов сопровождалось вакханалией, дававшей широкий простор для темной деятельности всяких проходимцев и авантюристов. Поэтому-то начальникам войсковых частей было строго запрещено принимать в отряды детей, а бежавшие из школы, насильственно водворялись обратно, будучи при этом примерно наказуемы.

Главные основы воинской повинности, одобренные Атаманом, состояли в следующем: к воинской службе казаки и калмыки Донского войска привлекаются между 19 и 40 годами своей жизни в течение 21 года; из них 2 года в строевой разряд и на 19 лет в запасный, состоя в нем 6 лет в частях второй очереди и 13 лет в частях третьей очереди. Призыв производится жеребьеметанием, льготы допускаются по болезни, семейному и имущественному положению, а отсрочка — для окончания образования.

При отсутствии сверхсрочно служащих урядников, урядничий вопрос стоял очень остро. Для подготовки урядников из молодых казаков был сформирован учебный полк, куда из частей уже 15 июля, были

командированы для подготовки в должности урядников молодые казаки. Такой способ дал однообразие в обучении и вполне обеспечил части младшим командным составом. Для подготовки урядников технических войск, сформировали при начальнике инженеров, особую «Школу инструкторов — специалистов инженерного дела».

Одновременно было приступлено к разработке положения о сверхсрочнослужащих, кадр которых при двухлетнем сроке службы являлся чрезвычайно важным.

Особенные затруднения вызывал вопрос укомплектования офицерским составом Донских армии (действующей и формировавшейся — Постоянной). Как я говорил, станицы самостоятельно выступали против большевиков, причем донские офицеры принимали участие в этой борьбе постольку, поскольку они находились на жительстве в выступавших станицах. Но в общем их там было немного. Были случаи, что в станицах скрывались и неказачьи офицеры. Казаки вначале относились к ним недоверчиво, но если офицеры хорошо себя зарекомендовывали, то станичники очень ими дорожили, зачисляли к себе в станицу и даже наделяли землей.

Когда образовалась центральная власть в Новочеркасске, к ней со всех сторон от восставших станиц, стали поступать настойчивые просьбы о присылке офицеров. По сведениям, имевшимся в штабе, к моменту прихода большевиков, в Войске состояло около 6 000 офицеров. Исходя из этой цыфры было признано, что такого количества офицеров более чем достаточно для нашей армии [144]) и потому сначала было решено не задерживать желающих уходить в отставку. Однако, как показала жизнь, такая мера оказалась неудачной. Во-первых, данным разрешением пожелало воспользоваться очень большое количество офицеров, а во-вторых выяснилось, что спасаясь от преследования Советской власти донские офицеры распылились по всей России и собрать их не представлялось возможным. Кроме того, среди наличных офицеров, многие были сильно утомлены физически и настолько глубоко пережили стадию своего морального унижения и оскорбления, что навсегда потеряли веру в успех дела и, следовательно, к предстоящей работе совсем не годились. А гражданская война имела свои особенности. Для нее требовались начальники, умевшие не только дерзать, но умевшие быстро разбираться во всех условиях, присущих этого рода войне, начальники, быть может, со своеобразным масштабом, критериумом и даже особой идеологией. Меня часто поражало, как старые отличные кадровые офицеры, привыкшие пунктуально нести службу и требовать ее исполнения согласно старым уставам, привыкшие беспрекословно исполнять приказания начальства, терялись в новой необычной обстановке и условиях.

Особенную важность приобретал вопрос укомплектования офицерами Постоянной армии, где от командного состава требовалось не только знание военного дела, но и умение воспитать нашу молодую армию в традициях истинного казачества и воскресить в ней былую славу и отеческую гордость наших предков. Эти соображения заставили Военный отдел на офицерский вопрос обратить самое серьезное

144) В планы Донского командования не входило создание частей из офицеров, по мотивам, которые будут указаны ниже.

внимание. С целью его упорядочения были приняты следующие меры: а) для выяснения правильности офицерских заявлений о непригодности к боевой службе, была создана особая врачебная комиссия (Приказы Управляющего Военным и Морским отделами №№ 9 и 35); б) Административные места могли занимать только офицеры, негодные к строевой службе, а все годные к строю были командированы на фронт, причем это распоряжение (Приказ Всевеликому Войску Донскому № 213) было проведено в жизнь без всяких исключений; в) открыт прием в Донскую армию офицеров неказаков (Приказ командующего Донской армией № 24); г) казачьим офицерам воспрещен уход в Добровольческую армию, а всем ранее туда ушедшим было приказано вернуться обратно (Приказ Всевел. В. Донскому № 272); д) воспрещен уход в отставку офицерам моложе 31 года, а ушедшие ранее были возвращены обратно.

Результатом указанных мероприятий, явилось обеспечение на первое время армии офицерским составом. Но качество его в значительной части оставляло желать многого. Заботы о правильной и солидной подготовке офицерского состава побудили военный отдел открыть 1-го июня 1918 года Новочеркасское военное казачье училище с двухгодичным курсом, дававшим образование будущим офицерам Донской конницы, пехоты, артиллерии и технических войск, соответственно чему в училище были отделы: конный, стрелковый, артиллерийский и инженерный.

Ввиду слабой теоретической и практической подготовки младшего офицерского состава, в большинстве случаев получившего ускоренную подготовку во время войны, была сформирована офицерская школа для подготовки офицеров в должности командиров сотен и рот. Только окончившие школу могли получить указанные должности.

В целях установления прочной основы подготовки армии военный отдел, кроме уже изданного Дисциплинарного устава, приступил еще в мае месяце к переработке и изданию уставов: внутренней службы, гарнизонной, строевого пехотного, кладя в основу вновь перерабатываемых уставов — все те указания, кои были введены в Дисциплинарный устав «Кругом Спасения Дона» [145]).

Одновременно с переработкой уставов были разработаны и изданы «Указания для подготовки частей Постоянной армии» и «Программа четырехмесячного обучения казаков Постоянной армии».

Много хлопот и усилий вызвало налаживание службы связи. Приходилось из жалких остатков, доставшихся нам от уходящих и все разрушающих на своем пути красных банд, создавать прочную телеграфную и телефонную сеть. Уже через два месяца к началу августа телеграфно-телефонная сеть охватывала 2 950 верст, причем, многие постоянные лини были выстроены заново средствами военного отдела.

Но особенно трудно поддавались разрешению вопросы снабжения войск огнестрельными припасами и оружием, предметами инженерного довольствия, обмундирования и отчасти продовольствия (не было сахару, чаю).

---

[145]) Изменения, сделанные в Дисциплинарном уставе, были незначительны и касались: титулования офицеров «господин», прибавляя название чина, обращения к воинским чинам на «вы», затем порядка подачи жалоб, наказаний и других, совершенно несущественных изменений.

Нужда в военном снаряжении, по мере освобождения области, росла с каждым днем [146]). Становилось ясно, что несмотря на природные богатства Края и на целый ряд целесообразных мер, предпринятых для развития самостоятельной Донской промышленности, местных средств будет далеко недостаточно, чтобы удовлетворить потребность войск. В Войсковой штаб отовсюду шли настойчивые просьбы: «дайте оружие, патроны, пулеметы, пушки, снаряды, аэропланы, автомобили, обувь и т. д.» Отказать и не дать вовремя, — значило бы во многих местах обречь дело на неудачу и заронить в казачьи души сомнение в возможность успешной борьбы с большевиками. Надо было искать источники снабжения вне области. Но Россия целиком была во власти советов и только Украина, где хозяйничали немцы, да отчасти Грузинская республика, казалось, могли помочь Войску Донскому в трудном его положении.

Разбирая на страницах «Донской Летописи» время атаманства генерала Краснова, Н. Каклюгин, будучи враждебно настроен против ген. П. Н. Краснова, успешность работы в этот период приписывает исключительно условиям того времени, говоря: «Это казачье движение, имея определенно поставленную цель и объединившее все казачество в одном устремлении, увлекая в свой поток и неказачье население области за небольшим исключением, в то же время давало силу и мощь Донской власти в его деятельности, укрепляло надежду на светлое будущее, вливало в душу веру в победоносный исход борьбы. Это народное движение, контрреволюционное по отношению к революционной Советской власти, по существу своему было творческой организующей силой. Оно создало Круг Спасения Дона, сконцентрировавши и воплотивши в себя всю энергию, волю и сознание казачества, оно создало Донскую власть, наметило пути и направление ее деятельности, снабдило эту власть необходимыми полномочиями, дало ей силу и мощь, необходимые для осуществления намеченных задач. Генерал Каледин работал в стихии разрушения. Его творческая работа оказалась безрезультатной. Генерал Краснов работал в творческой, созидательной стихии» [147]).

Вдумываясь в смысл этих слов, не могу не признать, что автор умышленно переоценивает явления и подъем казачьих масс Красновского периода и в своем увлечении на первое место ставит стихийность порыва казачества и иногороднего населения, приписывая ему даже творческую, организующую силу, а значит, личность, как таковую, отодвигает на задний план. Не отрицая наличие порыва, я должен сказать, что он был, но далеко не в той степени, как утверждает К. Каклюгин и, главное, без таких последствий и влияний, какими наделяет его автор.

Будучи не только непосредственным участником восстаний, но и косвенным инициатором их, а затем принимая непосредственное участие в военных операциях и всемерно способствуя росту казачьего восстания, я ежедневно непосредственно соприкасался с казачьей мас-

---

[146]) 20 мая штаб ген. Мамантова за № 483 доносил: «Призванных казаков около 10000 чел., из них с винтовками около 5000, патронов на винтовку русскую 25, снарядов на орудие 60». Таково, а часто и хуже, было положение всюду.

[147]) «Донская Летопись», том III, стр. 73 и 74.

сой в широком смысле этого слова и, потому был в курсе настроений, переживаний и колебаний казачества того времени. Факты и совокупность личных наблюдений, дают мне основание утверждать, что в общем, за малым исключением, казаки охотно восставали против Советской власти преимущественно там, где красногвардейцы чересчур основательно грабили казачье добро, что чаще всего было вблизи железных дорог и больших центров. Целью восстания являлось — освобождение своей станицы от красного засилья. Дальше этого, намерения восставших обычно не простирались. Вот почему, требовалось применение героических мер и огромных усилий, чтобы изменить психологию казачьей массы и сдвинуть ее с этой позиции. Будь в действительности так, как пишет К. Каклюгин, не пришлось бы настойчиво и решительно бороться с неблагопритными течениями, преобладавшими тогда в казачьей массе и, конечно, не имели бы места те уродливые явления, какие на самом деле были и с которыми мне приходилось сталкиваться на каждом шагу, что читатель увидит ниже. И при Каледине был такой же «порыв» в Казачестве, было желание казачьей массы восстановить свои старинные формы правления и стремление к известной самостоятельности Дона, но эти чувства не сумели подогреть, не сумели их использовать и порыв угас. Личность ген. Каледина, как я уже говорил, во II части моих «Воспоминаний», тонула в коллективе, составлявшим Донское правительство. Оно вязало Каледина и в тоже самое время само топталось на одном месте, теряя время на пустые разговоры и ненужные споры. В таких же условиях работал и погиб ген. Назаров. Я отчетливо помню какой огромный духовный подъем в казачестве вызвал выстрел Каледина. Помню хорошо, с каким воодушевлением и порывом поднялись казаки, чтобы искупить свой грех и казачьей громадой стать на защиту родного Края. А результат — сдача Новочеркасска красным бандам и гибель ген. Назарова и лучших сынов Дона, ибо, повторяю, не было, или не нашлось личности, которая использовала бы этот подъем, сумела бы его одухотворить, разжечь, дать ему необходимую длительность и претворить его в реальные достижения.

Казаки в массе, быть может, способны скорее воодушевляться, чем крестьяне, они с большим энтузиазмом могут отозваться на тот или иной призыв, но они скорее склонны падать духом и распыляться.

Нельзя обходить молчанием то весьма важное обстоятельство, что весной 1918 года, т. е. в самом начале казачьего освободительного движения, нашлись люди, трезво смотревшие на вещи и сумевшие убедить «серых» членов Круга Спасения Дона не повторять ошибок Каледина и Назарова и привить им мысль, что спасти Дон и сбросить красное иго может власть не в виде коллектива, а лицо, ставшее во главе движения, лицо наделенное Кругом всей полнотой власти и главное — в своей работе не стесняемое Кругом. Круг с этим согласился. Он без колебаний, охотно, сразу стал на этот путь, что следует объяснить почти полным отсутствием в его составе интеллигенции и, значит, политических партий, зачастую ставящих партийные и личные интересы выше дела. Отчасти такому решению способствовала и ежедневная артиллерийская канонада вокруг Новочеркасска, крас-

норечиво подсказывавшая делегатам Круга следовать совету тех людей, которые на их глазах в чрезвычайно трудных условиях организовали казачьи дружины, одержали уже с ними несколько побед над красными и освободили столицу Дона. Простые казаки видели, что эти люди [148]) без лишних слов, на деле, ведут казачество к цели — прямой, кратчайшей линией, а не причудливыми зигзагами. Наконец, сами факты доказывают противное утверждениям К. Каклюгина. Ведь северную половину области пришлось с боем очищать от большевиков и от казаков, причем «порыв» последних выразился разве в том, что они пополнили собой казачьи красные дивизии и с необыкновенным ожесточением защищали от нас свои станицы и хутора. Только направлением в этот район отборных казачьих полков (с большим количеством артиллерии) преимущественно из тех станиц, которые особенно сильно пострадали от грабежей красных, боем были достигнуты желательные результаты. Мало того, нужно было еще и убеждать казаков, что они посылаются помочь своим сбросить большевиков, которые силой мобилизуют своих же братьев. А сколько было отказов от повиновения, нежеланий исполнять боевые приказы, нежеланий удаляться от своих станиц, дезертирств и распылений целых частей. Обычно станичники рассуждали так: свою станицу освободили, противника близко нет, ну, значит, нет и опасности моей хате, а потому можно идти по домам.

Освещая донские события так, как они фактически были в начале освободительного движения, я далек от мысли уменьшать неисчислимые заслуги казачества, в частности Донского, в Белом движении, ибо каждому участнику гражданской борьбы хорошо известно, что именно казаки составили основу и наиболее надежный остов Белых Армий и жертвы казачества были огромны. Кроме того, постепенно втягиваясь в борьбу, казачество, в конечном результате, поголовно, боролось с красными, тогда как из многомиллионной массы русского народа, только тысячи восстали на защиту попранных большевиками законности, прав и порядка. Заслуги Донцов отнюдь не умаляются тем обстоятельством, что в начале восстания в казачестве преобладала психология самосохранения, выливавшаяся в форму вспышек народного гнева и горячего порыва изгнать непрошенных гостей из своей станицы. Для направления казачества в целом к общерусским, национальным целям, требовалось время изжить революционные настроения, возбудить в массе нужные чувства и видоизменить казачье сознание. И то, что не удалось сделать Каледину и Назарову, то выполнил Атаман Краснов.

Весьма интересны психологические этапы переживаний казачества того времени.

В первых восстаниях, я бы сказал, побудительный мотив — задетое чувство казака-собственника, накопление у него ненависти к красным и, как результат, — его желание освободиться от пришлого, чуждого элемента, хозяйничающего в станице. Дальнейшие цели были еще туманны. При встрече с красными казаками Голубова, восставшие станичники не считали их в полном смысле слова неприятелем, хотя и знали, что они — большевики, но это были свои — донские.

---

[148]) С. Денисов, Г. Янов, И. Поляков, К. Греков, А. Фицхелауров и др.

Второй этап — стремление сбросить опеку той советской власти, которая, засев в главных пунктах области, своими декретами продолжала натравливать на казаков иногородних и всякий пришлый сброд.

Третья фаза казачьего настроения характеризовалась постепенным ростом сознания, конечно, под непосредственным давлением руководящего центра — Донской власти, что освободить свою станицу от большевиков еще мало, надо помочь то же сделать соседнему хутору и станице.

Постепенно, это сознание властью углубляется в казачестве, приводя его к убеждению, что пока красные где-либо в области, невозможно перейти к мирному труду.

В пятой стадии, казачьей массе прививается мысль, что пока казаки не будут владеть большими пограничными центрами, лежащими вне области и крупными железнодорожными узлами, до тех пор нельзя ждать полного успокоения в Крае — иначе говоря подготовляется вывод казаков за пределы области.

Наконец, последний этап — внедрение в казачью массу целей общерусских, национальных и осторожная подготовка общественного мнения, что казачество обязано участвовать в освобождении России, если не целиком, то хотя бы строевым элементом, т. е. молодой армией (около 40 тыс.) и корпусом донских добровольцев. Для поддержания же порядка в области намечалась вторая очередь казаков.

Вот те стадии, которые пережило и должно было пережить Донское казачество, чтобы быть в состоянии подойти к главным, общерусским целям. Только при последовательном переходе казачьего самосознания из одной фазы в другую, можно было надеяться, что процесс произойдет безболезненно. Приходилось чрезвычайно внимательно следить за оттенками настроений казачества, дабы своевременными мерами парировать неожиданности и сглаживать шероховатости. Малейший промах грозил тяжелыми и непоправимыми последствиями. С целью, например, прекратить дезертирство, было установлено, что за всякого дезертира соответствующая станица немедленно выставляет другого казака старшего возраста, а в полку не производится увольнение от службы и в отпуск до тех пор, пока не будут заполнены места бежавших. Такая мера дала отличные результаты. Казаки из-за шкурного вопроса, сами следили один за другим и спешили выдать начальству каждого пойманного или намеревавшего дезертировать.

Что касается неказачьего населения области, то право смешно серьезно говорить о каком-то среди него воодушевлении. Наглядной иллюстрацией высказанного служат хотя бы слободы Орловка и Мартыновка, превращенные иногородними в своеобразные цитадели, о которые в течение долгого времени разбивались все казачьи атаки. Отношение иногороднего элемента к казачеству, как нельзя лучше, характеризует и то, что 5 мая 1918 года, т. е. тогда, когда у казаков был очевидный успех и они уже освободили от большевиков гор. Новочеркасск, а гор. Ростов около двух недель прочно занимала казачья конница и немецкая пехота, наводя там нужный порядок, — иногороднее население Ростовского округа нелегально созывает съезд с целью «создания ударной армии против контрреволюции, поднятой казака-

ми и добровольцами». И результат таков: из 27 наказов, данных делегатам, в 15 требовалась немедленная мобилизация против казаков, в 3-х указывалось присоединиться к большинству и только 9 было против мобилизации [149]).

Не менее ярко показывает настроение иногородних и следующий факт. Иногородние новобранцы, в количестве нескольких тысяч человек, предназначенные для укомплектования молодой армии, под охраной казаков были размещены в бараках Хотунка (предместье Новочеркасска). В первый день их прибытия случайно погасло электричество. Воспользовавшись наступившей темнотой, они начали неистово петь «интернационал» и дикими криками «ура» приветствовать Советскую власть в лице Ленина, Троцкого и К°. Извещенный об этом комендантом, я приказал не применять к ним пока никаких репрессивных мер, а одновременно отдал распоряжение, ввести в их состав, под видом отставших новобранцев, несколько надежных казаков контрразведывательного отделения. Мера оказалась удачной. Наши разведчики вскоре обнаружили будирующий элемент, который постепенно был изъят (между ними оказалась часть матросов, не подлежавших призыву, но вступивших под вымышленными фамилиями добровольно, исключительно с агитационной целью), а методическое затем обучение, строгое воинское воспитание, пунктуальность казарменной жизни и настойчивая работа офицерского состава — в конечном результате, переродили психологию этих новобранцев и из них вышли отличные солдаты.

В общем могу утверждать, что только самый незначительный процент иногородних был на стороне казаков. Если же в тылу области было относительное спокойствие и порядок и при генерале Краснове не имели места большевистские восстания, что часто происходило в тылу Добровольческой армии, то это объясняется отнюдь не горячими симпатиями неказачьего населения к Донской власти или к антибольшевистскому движению, а исключительно разумными мерами, своевременно принятыми военным командованием. Естественно, что поверхностный наблюдатель, легко мог впасть в ошибку, объясняя спокойствие в тылу чувством благожелательного отношения неказачьего населения к существующей власти [150]). Такому наблюдателю не было, конечно, известно, что начальник штаба Войска уделял добрую половину своего времени и во всяком случае не менее, чем фронту, на под-

---

[149]) Полагаю, что этот факт известен К. Каклюгину, как члену Круга. Кстати сказать, К. Каклюгин часто впадает в противоречие. Так, например, сначала он утверждает, что казачий порыв увлек за собой и все иногороднее население области, за небольшим исключением (стр. 73), а на стр. 102 он уже говорит обратное, заявляя: «Казачество только своими силами изгоняло большевиков из области, спасая от советского ига и себя и неказачье население. Между тем, вся тяжесть борьбы лежала на плечах казаков. Иногороднее население в массе своей, за некоторыми исключениями, не признававшее Советской власти, все же косо смотрело на казаков, не доверяло им, чувствовало себя «бесправным» и чуждым казачеству, в борьбе казаков с большевиками активного участия не принимало». Такое противоречивое освещение исторических событий крайне затруднит будущему историку отыскание истины.

[150]) Число иногородних почти равно числу казаков в Донской области, но значительная часть казаков была на фронте и, следовательно, в тылу в преобладающем количестве оставались иногородние.

держание образцового порядка в тылу, зорко следя за настроением в нем и всемерно стремясь в корне задушить случайный бесшабашный разгул и ввести жизнь в нормальную колею. В больших и даже малых населенных пунктах, особенно в первое время, пока не стихли страсти, стояли воинские гарнизоны, железные дороги охранялись, была восстановлена милиция, а население определенно знало и видело, что исполняющих законы и распоряжения Донской власти никто не смеет тронуть, никто не смеет грабить, насиловать и в каждый момент их защитит существующая власть; наоборот, с ослушниками и нарушителями закона и порядка, эта власть поступает сурово и беспощадно.

Что это не были только слова или обычная угроза, укажу хотя бы на случай нападения в октябре месяце 1918 года в слободе Степановке на казачий разъезд постоянной армии. В это время революционный угар казалось, как будто бы прошел и потому во многих местах воинские гарнизоны были отозваны. Когда об этом нападении стало известно в Новочеркасске, штабом Всевеликого Войска Донского было издано такое объявление: «По приказанию командующего Донской армией, объявляю населению Таганрогского округа нижеследующее: 28 октября сего года от окружного Атамана Таганрогского округа получена следующая телеграмма: «27-го октября, в слободе Степановке на офицера с 6 казаками выступила с оружием вся слобода. Убит один казак, два ранено, офицер в плену заложником». Командующий армией на этой телеграмме положил следующую резолюцию: «за убитого казака приказываю в слободе Степановке повесить десять жителей, наложить контрибуцию в 200 тысяч рублей, за пленение офицера сжечь всю деревню. Денисов. Начальник штаба ген.-майор Поляков».

В тот же день командиру одного из казачьих полков было отдано приказание немедленно оцепить слободу и привести в исполнение распоряжение командующего армией. Правда, в это дело почему-то вмешались разные делегации и члены Круга, копировавшие Керенского. Они осадили Атамана просьбами о помиловании, что вынудило несколько смягчить меру наказания, но все же, контрибуция была собрана, а зачинщики и подстрекатели были судимы и на месте повешены.

Вместе с огромной организационной работой по созданию Постоянной армии, выполненной большей частью в мае месяце, а частью намеченной и выполнявшейся строго систематически в течение июня и июля, военный отдел, продолжая операции по очистке области от красных, одновременно с этим проводил реорганизацию действующей Донской армии, переформировывая дружины и сотни в 4-х сотенные полки с полковой артиллерией и сводя их в более крупные войсковые соединения, согласно выработанным штатам. В результате месячной напряженной работы, удалось сломить упорство отдельных самостоятельных начальников и свести многочисленные действующие отряды в 6 групп [151]), подчиненных непосредственно центру.

Не была забыта и Донская военная флотилия, настоятельная потребность в которой сказалась уже в первые дни. Состоя еще первого мая только из одного вооруженного парохода «Вольный казак», она примерно через месяц, представляла довольно внушительную, по то-

---

[151]) Генералов: Фицхелаурова, Мамантова, Семенова и полковников: Алферова, Киреева и Быкадорова.

му времени, силу, насчитывая 4 канонерских лодки и несколько вооруженных пароходов и катеров и принимая деятельное участие в очистке от красногвардейцев полосы по реке Дону.

15-го мая 1918 года состоялось первое свидание Донского Атамана с высшими руководителями Добровольческой армии, которая, в это время, спешно пополнялась, реорганизовывалась, собиралась с силами, готовясь обновленной вновь выступить на восстановление законности и порядка. В ее ряды со всех сторон текли добровольцы. К этому времени, значительный процент нашего офицерства уже в достаточной степени испытал на себе ужасы советского режима. Непрекращавшиеся расстрелы офицеров, гонение на них, истязания, оскорбления и глумления — возымели свое действие. Система устрашения, применяемая большевиками к офицерскому составу, дала положительные для Советской власти результаты: часть офицерства, не выдержав ужаса окружающей обстановки, заколебалась и стала искать спасение в путях покорности Советской власти и службе в рядах красной армии. Более стойкие, однако, еще не сдавались. Забившись в подполье, порой без куска хлеба, воздуха и света, они нетерпеливо ждали момента, когда стихнет красный террор и когда явится возможность бежать куда-нибудь в другое место. Для них весть о восстании на Дону была приятной и дорогой вестью. Но Дон тогда не мог принять и вместить всех желающих. Донская армия была невелика, неказачьих частей в ее составе еще не было, да и к тому же, казаки, за небольшим исключением, недоверчиво относились к неказачьим офицерам. Формирование исключительно офицерских частей, как то было в Добровольческой армии, не входило в расчеты Атамана и Донского командования. Руководящим соображением было то, что для создания корпуса кадровых офиюеров, потребуется не один, два года, а много лет, погубить же уцелевшие от войны и зверств большевизма, остатки этого корпуса, поставив офицеров в роли рядовых, можно было в одном, двух сражениях. Такое использование офицерского состава Донским командованием было признано нецелесообразным. Вместе с тем, предусматривалось, что в дальнейшем, при расширении территории и увеличении армии, понадобится большое количество офицеров на разнообразные командные и тыловые должности, не говоря уже о необходимости пополнения потерь в армии. Все эти мотивы побуждали нас весьма бережно относиться к офицерскому вопросу, не базироваться лишь на данном моменте, но думать и о будущем. Таким образом, офицеры, которые по причинам, указанным выше, не могли попасть в Донскую армию, в большинстве отправились в Добровольческую армию, значительно пополнив ее ряды.

Первая встреча представителей Донского и Добровольческого командования произошла в станице Манычской. Не помню почему, но в этот день я не мог оставить Новочеркасск и потому, вместо себя, послал 1-го генерал-квартирмейстера. От Дона в совещании принимали участие: Атаман, председатель совета Управляющих ген. А. Богаевский, генерал-кратирмейстер — полк. Кислов и начальник Задонского казачьего отряда полк. Быкадоров, а со стороны Добровольческого кокомандования генералы: Алексеев, Деникин, Романовский и два офицера генерального штаба. Кроме перечисленных лиц, в роли молчаливого свидетеля присутствовал Кубанский Атаман полк. Филимонов, по-

ехавший в станицу Манычскую вместе с П. Н. Красновым. В то время вся Кубань еще была под властью большевиков и полк. Филимонов жил в г. Новочеркасске. Когда совещание кончилось и полковник Кислов вернулся в Новочеркасск, кстати сказать, весьма удрученный и расстроенный, он сделал мне подробный доклад о ходе переговоров с представителями Добровольческого командования. Затем на эту тему мне пришлось говорить с Атаманом. В итоге, я вынес впечатление, что ничего положительного это совещание не дало и лишь поставило под знак вопроса взаимоотношения Донского и Добровольческого командований.

Как выяснилось, Донской Атаман признавал наиболее соответственным, если добровольцы, облегчив вначале Кубанцам освобождение их земли, довершать начатое дело предоставят им, а сами двинутся к Волге для захвата Царицына. Владение Царицыном и прочное обоснование в нем, позволило бы создать здесь базу для дальнейших действий Добровольческой армии в любом направлении и наиболее вероятном северо-восточном, где уже происходила борьба Оренбургских казаков и чехословаков с большевиками. Имелись сведения, что крестьяне Поволжане, казаки — Астраханцы и калмыки стонут под большевистским игом, жаждут освобождения и охотно поднимутся, послужив отличным материалом для пополнения армии.

Овладение Добровольческой армией Царицыном сулило Донской армии те преимущества, что область прикрывалась с востока, фронт Донской армии сокращался, являлась возможность сосредоточить больше сил на наиболее угрожаемом северном направлении и, наконец, Донские казаки видели бы, что они не одиноки в борьбе с большевиками. Не менее выгодно, нам казалось, это было и для добровольцев. Они получали хорошую и независимую от казаков базу, громадные запасы воинского снаряжения, пушечный и снарядный заводы, деньги и сближались с чехословаками и Оренбургскими казаками, образуя с Донцами единый фронт. Сверх того, Атаман обещал при движении Добровольческой армии к Царицыну, подчинить все войска района ген. Деникину. Без выполнения этого, он не признавал возможным, в силу обстоятельств, допустить подчинение донских частей Добровольческому командованию- как то хотел ген. Деникин.

Руководители Добровольческой армии держались иной точки зрения. Связанный обещанием Кубанцам освободить их землю, а главное, опасаясь почему-то при движении на Царицын встретиться с немцами, ген. Деникин категорически воспротивился идти на Царицын, заявив, что сначала он обязан освободить Кубань. Вместе с тем, он выявил и определенное желание взять под свою опеку Дон, что как я говорил [152]), не отвечало ни обстановке, ни настроению казачьих масс, пользы не принесло бы, а повредить делу могло. Добровольческий лозунг «Москва» для казаков было еще преждевременен. Сказать его тогда им, значило бы развалить то, что было уже создано. Надо было сочетать события по времени, подготовить общественное мнение, выждать окончательного политического оздоровления казачьих масс и уже после, бережно подойти к этому вопросу. Генерала Деникина поддержал ген. Алексеев. Последний не отрицал выгод движения на Царицын, но од-

[152]) См. «Воспоминания», часть IV.

нако считал, что Кубанцы никуда из своей области не пойдут. Сама же Добровольческая армия пока слаба, нуждается в отдыхе и пополнении, в чем ей должно придти на помощь войско Донское.

Итогом длительных разговоров намечалось расхождение армий в противоположные стороны: Донцы, очищая область, вынуждены были двигаться на север, к Москве, а Добровольческая армия уходила на юг, на Кавказ. Здесь же на совещании в ст. Манычской выяснилась крайняя нетерпимость ген. А. Деникина к немцам, что по мнению Донского командования, не отвечало ни моменту, ни обстоятельствам. Генерал Деникин негодовал, например, даже на то, что мною для боя за селение Батайск, в боевом приказании Задонскому отряду было, между прочим сказано, что правее нашего отряда будут действовать германцы, а левее — отряд полк. Глазенапа Добровольческой армии. Генерал Деникин считал недопустимым и унизительным действия добровольцев рядом с немцами и требовал уничтожить это распоряжение. Выполнить его просьбу уже было невозможно, ибо бой фактически произошел три дня тому назад, закончившись полной победой над красными этих трех своеобразных «союзников». Правая колонна — германцы: с присущей им пунктуальностью и тщательностью выполнившие приказ начальства; на своих соседей слева смотрели скорее дружески, чем безразлично и совершенно не интересуясь кто — за ними.

Средняя колонна — Донцы рассуждали просто: главный враг — большевики; соседи справа и слева наступают против красных, значит, они — союзники и друзья.

Наконец, левая колонна — были добровольцы. Я не знаю, как они были настроены, но полагаю, что едва ли они могли быть недовольны, отлично сознавая, что благодаря поддержки немцев, расцениваемых высшим их командованием неприятелями, их задача была сильно облегчена и они достигли цели с наименьшими усилиями и жертвами.

Как тогда, так и сейчас я не мог ни понять, ни подыскать оправдание поведению верхов Добровольческой армии в отношении немцев. С одной стороны, генерал Деникин до мелочности отстаивал чистоту принципа верности союзникам[153]), а с другой он настойчиво просил у Дона помощи оружием и снаряжением, причем принимая таковую, определенно знал, что все это Донским Правительством получено от германцев и Украины. Одновременно, добровольческая пресса с согласия и одобрения Добровольческого командования, метала гром и молнии против Скоропадского и немцев, клеймила и называла всех изменниками, кто поддерживал контакт с немцами, а в то же время начальник штаба Добровольческой армии ген. Романовский, в тяжелые минуты напряженных боев и недостатка боевых припасов, звал меня к аппарату, слезно прося помочь им пушками, снарядами и патронами, обычно добавляя в разговоре, что если у нас нет запасов в складах, то все нужное для них мы можем получить от немцев. Ясно, что игра велась без проигрыша: пока главенствуют немцы, их можно использовать не непосредственно, а через Дон; окажутся победителями союзники — Добровольческая армия чиста перед ними.

---

[153]) Генерала Деникина, например, сильно раздражало наличие в Донском штабе, с его точки зрения компрометирующего документа, говорившего о совместных действиях добровольцев и немцев под Батайском, почему он и настаивал на его уничтожении.

Зародившаяся в кругах Добровольческой армии ненависть к германцам, вскоре заразила и донскую оппозицию, всегда имевшую теплую поддержку в лице Добровольческого командования. Я помню, как в августе месяце на одном из заседаний Войскового Круга раздались голоса оппозиции, обвинявшей Атамана за его сношения с немцами и ставившие в пример кристальную чистоту Добровольческой армии и ее непоколебимую веру в союзников. Тогда П. Н. Краснов встал и сказал: «Да, да господа, Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, Донской Атаман, своими руками беру грязные немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии. Весь позор этого дела лежит на мне». Меткая фраза Атамана вызвала гром аплодисментов и нападки временно прекратились.

Надо еще сказать, что на Манычском совещании Донской Атаман обещал генералу Деникину взять на себя заботу о раненых и больных добровольцах, предоставить им широкие квартиры, обеспечить свободный приток пополнений, устроить на территории Дона вербовочные бюро и вообще быть источником снабжения для Добровольческой армии. А взамен всего этого, добровольцы обещали охранять Дон со стороны Кубани. Казалось, принятые обязательства далеко не были равноценны, но несмотря на это, при всяком удобном случае, командование Добровольческой армии подчеркивало лишь свою миссию и за это ставило в обязанность Дону во всем помогать им. Дон и без того широко шел навстречу Добровольческой армии, но такая постановка вопроса, естественно, часто раздражала Донское командование. Действительно: не отрицая необходимости обоюдной помощи уже по одному тому, что мы были соседи и у нас был один и тот же враг — большевики, никак нельзя было согласиться, чтобы нашу помощь добровольцы расценивали, как компенсацию за охрану ими юго-восточной границы Дона. Если Добровольческая армия прикрывала Донскую землю со стороны Кубани, то же самое еще в большей степени выполняла Донская армия, прикрывая добровольцев с севера, т. е. с главного направления. Здесь большевики силой в пять армий ежедневно пытались пробить казачий фронт, тогда как против Дборовольческой армии находилась одна плохо организованная и оторванная от центра Кавказская красная армия. При таких условиях не могло быть и речи о какой-то «обязанности» или «компенсации», но, к сожалению, убедить в этом противоположную сторону было невозможно. Замалчивали, не хотели слушать и учитывать тот факт, что ведь только под крылышком Дона и его защитой Добровольческая армия могла произвести реорганизацию и пополниться живой и материальной силой и вновь стать боеспособной. После тяжелого Ледяного похода ее силы были совершенно истощены и она, в сущности, не представляя реальной силы, обратилась в прикрытие огромного обоза раненых и больных [154]).

В общем, никаких выгод Маньгчское совещание Дону не принесло. На главном направлении, ведущим к центру России, Дон оставался одиноким. Обнаружилась лишь разница во взглядах Донского и Добровольческого командований в достижении главной цели — уничто-

---

[154]) Так характеризовал мне состояние Добровольческой армии в момент ее прибытия в Задонье ген. Марков, посетивший меня в Новочеркасске в начале мая 1918 года и просивший меня помочь им всем, чем мы можем.

жения большевизма и, вместе с тем, определенно выявилась непримиримость позиции добровольческих кругов в отношении немцев и Украины, что, естественно, и для Дона и для всего Белого движения могло иметь неблагоприятные последствия. Наконец, поведение ген. Деникина на этом совещании, его манера, тон и форма разговора с Донским Атаманом, служили дурным предзнаменованием установлению добрых искренних и приятельских наших отношений с командованием Добровольческой армии.

Между тем, изолированность войска, его одиночество и безысходность положения, побуждали Донскую власть, не теряя времени, искать себе поддержку и союзников вне Дона. Но кто мог помочь тогда войску? Только немцы и Украина. Таково было общее мнение и Донской власти и того фронтового казачества, которое умирало с оружием в руках, отстаивая свои казачьи станицы. Никто другой, как казачья масса, в лице Круга Спасения Дона, заложила основу и дала тон будущим отношениям между Доном и немцами [155]). Простые казаки, составлявшие названный Круг, лично учавствовавшие в восстаниях, видели и ясно сознавали, что Дон обезоружен, что голыми руками им не справиться с большевиками, вооруженными до зубов, что для успеха борьбы казачеству необходима помощь, хотя бы оружием и снаряжением. Вот эти-то мотивы и заставили казачество смотреть на немцев не как на врагов, а как на союзников и стремиться приход германцев использовать в целях себе помощи. Вступив в управление краем, Атаман Краснов в этом отношении, в сущности, только продолжил политику, начатую Кругом Спасения Дона. Обстановка того времени безотлагательно требовала принятия решительных и определенных мероприятий.

Деятельность Атамана в отношении установления прочных сношений с Украиной и немцами началась с того, что из Киева срочно была отозвана Донская делегация, посланная туде еще Кругом Спасения Дона. Ее состав [156]) не внушал доверия Атаману и, кроме того, по нашему мнению, не был в состоянии выполнить свою трудную миссию. Наше недоверие к составу делегации вполне оправдалось. Ген. Сидорин и полк. Гущин, вернувшись из Киева, уклонились от службы в Донской армии и занялись не только вредной, но и совершенно недопустимой деятельностью, что читатель увидит ниже. На место старой делегации в Киев немедленно была послана «Зимовая станица» в лице ген.-майора Черячукина и ген.-лейт Свечина. Эти лица были облечены полным доверием и Атамана и Донского командования.

С присущей ему неутомимостью, уже 5-го мая П. Н. Краснов отправил с доверенным курьером (личный его адъютант есаул Кульгавов) письма Императору Вильгельму [157]) и гетману Скоропадскому [158]).

Заявляя о своем избрании Императору Вильгельму, Атаман сообщал, что войско Донское не находится в войне с Германией и просил

---

155) См. «Воспоминания», часть IV.

156) Горчуков, ген. Семенов, Сидорин и полк. Гущин.

157) Копия письма была препровождена командующему немецкими войсками на Украине ген. Эйхорну.

158) Я не привожу полностью текст этих писем. Интересующиеся могут найти их частично в «Донской Летописи», том III, и в «Архиве Русской Революции», том V.

его впредь до освобождения России от большевиков, признать Дон самостоятельным, а также помочь войску оружием, предлагая за это установить через Украину правильные торговые сношения. Гетмана Скоропадского П. Н. Краснов заверил в исконной дружбе между Украиной и донскими казаками и настойчиво просил скорее восстановить старые границы земли войска Донского.

Результат посылки этих писем сказался скоро. Уже 8-го мая ген. фон-Кнерцер, находившийся тогда в Таганроге, прислал к Атаману делегацию, которая заявила, что германцы никаких завоевательных целей не преследуют, что Таганрогский округ они заняли по указанию Украины, а часть Донецкого округа, по приглашению самих же казаков [159]). Спор о Таганрогском округе депутация предложила решить путем непосредственных сношений Атамана с Гетманом, высказав при этом, что по ее мнению, в интересах самих казаков, чтобы немецкие войска оставались временно на Дону, впредь до установления здесь полного порядка. Вместе с тем, Атаману удалось настоять, что дальше вглубь Дона немцы продвигаться не будут и в Новочеркасске не должны появляться без особого на то разрешения Атамана, ни германские офицеры, ни солдаты, дабы своим видом не раздражать казаков.

Таковы были первые шаги Донской власти по установлению контакта с немцами и с Украиной.

Почти одновременно в Новочеркасск прибыла депутация от Грузинской республики, с которой Атаман также вошел в дружеские сношения, условившись за наш хлеб получать оружие и воинское снаряжение, оставшееся в изобилии от бывшей Кавказской армии. В эти же дни завязались добрые отношения и с Кубанским Атаманом полк. Филимоновым, проживавшим тогда в г. Новочеркасске.

Имея впереди главную цель — свержение Советской власти вооруженной борьбой, Краснов всюду настойчиво искал себе союзников и помощь.

Уже через короткий срок стало очевидным, что просьбы Донского Атамана возымели действие.

5-го июня из Киева от ген. Эйхорна прибыл майор Стефани и сообщил Атаману о признании его германскими властями. В связи с этим, 14 июня в Новочеркасск приехал немецкий генерал фон-Арним и представился Атаману, а 27 июня в г. Ростов был официально назначен для сношения с Донской властью немецкого генерального штаба майор фон-Кохенхаузен.

Мало-помалу, начала налаживаться деловая работа. Был установлен курс германской марки (75 коп.), сделана расценка винтовки и воинского снаряжения, обусловлено получение Доном орудий, аэропланов, снарядов, патронов, автомобилей и прочего военного имущества. Немцы обязывались прочно охранять западную границу войска (свыше 500 верст) и вскоре на деле выполнили свое обещание, когда быстро, но с большими для себя потерями, ликвидировали отважную попытку большевиков высадиться на Таганрогской косе и занять гор. Таганрог.

---

[159]) Это произошло в самом начале восстания, еще до ген. Краснова, когда почти весь Дон был под властью большевиков.

Сближение Донской власти с германцами имело следствием и то, что они охотно пропускали с Украины офицеров на Дон, зная, однако, что значительное количество их уезжает на пополнение в Добровольческую армию. Не протестовали немцы и против того, что снаряды и патроны, получаемые для Донской армии, частью переотправляются нами в Добровольческую армию [160]). О враждебности к ним командования Добровольческой армии немцы отлично знали. Однако, смотрели на это, я бы сказал, сквозь пальцы, уверенные, что те или иные чувства руководителей Добровольческой армии все равно не могут оказать никакого влияния на ход событий или принудить их видоизменить их планы и намерения.

Такое индиферентное отношение немцев к Добровольческой армии продолжалось до тех пор, пока в Екатеринодарских газетах не стали появляться статьи с открытыми призывами объявления войны Украине и необходимости изгнания немцев [161]). В связи с эти, майор фон-Кохенгаузен просил Атамана путем личных переговоров воздействовать на Екатеринодарскую прессу. Генерал Краснов обратился с просьбой к генералу Деникину — прекратить газетную травлю Гетмана и немцев, но его обращение успеха не имело. Тогда немцы решили сами принять меры. В это же время, у них зародилась мысль сформировать и Южную Добровольческую армию, которая бы была настроена к ним, если не приятельски, то во всяком случае безразлично [162]). Вместе с тем, они стали чинить препятствия проезду офицеров в Добровольческую армию и потребовали от нас обещание, что получаемое нами снабжение не будет передаваться добровольцам. С целью контроля за выполнением этого, они выставили у Батайска особые немецкие заставы. Однако, надо быть справедливым и сказать, что сделав это, немцы в действительности закрывали глаза, что минуя их посты в Батайске, наши грузовые автомобили с патронами и снарядами, шли на Кущевку или Кагальницкую, а оттуда перегружаясь, отправлялись далее на Тихорецкую к добровольцам. Нельзя не отметить и того, что благодаря нахождению в Ростове особых представителей Германского командования во глава с майором Кохенхаузеном, получение Доном всего потребного для войны, было до крайности облегчено. Без шумных и обильных обедов, обычно имевших место, когда прибыли наши союзники, а лишь на строго деловой почве, с немецкой педантичностью, скромно вели они работу снабжения Дона. Если «дорого яичко ко Христову Дню», то своевременное прибытие боевых припасов еще дороже, ибо за опоздание их платится человеческой кровью. И могу засвидетельствовать, что всегда точно, всегда заблаговременно, немцы сообщали нам, куда, что и сколько прибудет, ни разу не заставив раскаяться в сделанных расчетах, ни разу не нарушив наших предположений.

Регулярное получение с Украины военного имущества, дало возможность Донскому командованию наладить правильное снабжение действующих войск боевыми припасами. Кроме того, обеспечило ими

---

[160]) За первые два месяца мы получили от немцев: 11651 винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, свыше 100000 снарядов и около 12 миллионов патронов. Значительная часть этого имущества была нами передана Добровольческой армии и Кубанцам.

[161]) Во главе отдела внешних сношений в то время стоял ген. А. Драгомиров.

[162]) Об «Южной армии» я буду говорить ниже.

Постоянную армию, а главное, вселило уверенность начальникам и казакам в конечный успех борьбы с большевиками. Казаки безропотно переносили лишения боевой жизни и бодро смотрели на будущее. Шаг за шагом казачьи части продвигались вперед, постепенно освобождая область от красногвардейских банд.

Снабжение нас боевыми припасами шло беспрепятственно вплоть до июня месяца. В конце же этого месяца у немцев произошла какая-то заминка в снабжении нас боевыми припасами, словно на наши с ними взаимоотношения неожиданно набежала черная тучка. Скоро мы выяснили причину этого. Оказалось, кем-то были пущены невероятные слухи, будто бы чехословаки заняли Саратов, Царицын и Астрахань и таким образом образовался «восточный фронт» против немцев. Слухи были подхвачены, муссированы в обществе и в конце концов докатились до немцев. Последние, не придавая им особой веры, воспользовались этим, чтобы проверить обстановку и на всякий случай выяснить позицию Дона. С этой целью, закрыв предварительно источник снабжения Дона, немецкая делегация в составе майоров фон-Стефани, фон-Шлейница и фон-Кохенхаузена, 27-го июня явилась к Атаману и в присутствии председателя совета Управляющих ген. А. Богаевского, поставила генералу Краснову несколько прямых и весьма щекотливых вопросов. Делегация заявила, что Германия считает себя союзницей Дона в войне казаков с большевиками, что это она уже доказала всемерно помогая войску в этой борьбе вплоть до вооруженного вмешательства, но что со стороны Донской власти она видит только деловое официальное и даже холодное к себе отношение. Теперь, когда носятся слухи об образовании «восточного фронта», который союзники постараются использовать против Германии, последняя признает нужным знать, какую в этом случае, позицию займет Дон, Кубань и вообще юго-восток.

Желание немцев выяснить обстановку, конечно, было совершенно естественным и, думается, на их месте, каждый поступил бы так же. Нельзя упускать и того важного обстоятельства, что силою обстоятельств германцы были наши враги-победители. Правда, они никогда этого не подчеркивали и наоборот, в отношении Донской власти держались с большим тактом и даже, я бы сказал, с предупредительностью, всегда проявляя особенную внимательность к Атаману и во всем считаясь с его мнением. Большего нельзя было требовать от наших врагов. Командование Донской армии их просило и справедливость требует отметить, что его просьбы они всегда исполняли [163]). Иные чувства и побуждения питали мы к союзникам. Их в отношении России, той России, которая своевременными колоссальными жертвами на полях Пруссии, приостановила успех Германии, и тем самым оказав давлеющее значение на Западный фронт, быть может, спасла Францию от полного разгрома — их считали юридически и морально обязанными помочь тем, кто не признал позорного Брест-Литовского мира и кто боролся с властью красного интернационала. И что же? Вместо поддержки и действительной помощи Белому движению, в общем, мно-

---

[163]) Ген. Деникин в «Очерках Русской смуты» (том III, стр. 60) политику германцев называет «бездушной и беспринципной». Не входя в оценку такого определения, не могу объяснить, на каком основании мы могли рассчитывать на лучшее к себе отношение, если немцы были наши враги.

го красивых слов, много шума и треску и масса неисполнимых обещаний.

Сделав кой-какие жалкие подачки, наши союзники, прежде всего, бросились изыскивать способы наиболее прибыльной оккупации тех или иных местностей России и бесконтрольного расхищения богатств нашей Родины, в минуту ее немощи. Так обычно, у одинокой, оставленной всеми друзьями, безнадежной больной или умирающей, ее алчные приживалки и челядь расхищают ее ценности. Какими же терминами следует охарактеризовать эту политику наших союзников, к каковым и ген. Деникин и его узкое окружение страдали переизбытком чувств верности.

Я хорошо помню озабоченность П. Н. Краснова, когда он рассказывал мне о своем разговоре с немецкой делегацией. Прямыми их вопросами он был прижат к стене. Нужно иметь в виду, что это было тогда, когда еще и половина области не была освобождена от большевиков, когда казаки были одиноки в борьбе, с трудом отбиваясь от наседавших со всех сторон превосходных сил противника. Какой ответ должен был дать Атаман? Признаться немцам, что при приближении союзников Дон примкнет к ним и обратит свое оружие против германцев, значило бы бросить Донское казачество снова в объятия красных. Ведь даже при невмешательстве немцев в нашу борьбу с большевиками, но при прекращении ими снабжения Дона, дело борьбы с Советской властью обрекалось на неудачу. Я не говорю о том, что при желании немцев, им не представляло особого труда задушить тогда невооруженное войско Донское. Казачья масса от войны и революционных потрясений устала и против германцев не пошла бы. С этими факторами и с психологией казачества того времени донская власть должна была считаться. Только безответственные политические критики и авантюристы разных оттенков могли утверждать обратное.

Взвесив все и зрело оценив печальную, но реальную обстановку, а также учтя малую вероятность возможности образования «восточного фронта», Атаман, скрепя сердце, заявил немцам, что Дон в этом случае останется нейтральным и примет все меры, дабы не сделаться ареной борьбы и не пропустит на свою территорию ничьих враждующих войск.

Ответ удовлетворил немцев, но они настаивали на зафиксировании его в письменной форме, в виде письма Императору Вильгельму. Пришлось согласиться и на это.

2-го июля Совет Управляющих отделами, рассмотрел письмо, составленное Донским Атаманом Императору Вильгельму и после долгих прений и своеобразной критики, его одобрил. Видя, что письмо не нашло полного единодушия в Совете, а некоторые его члены высказали даже явное непонимание переживаемого момента, Донской Атаман проявил большое гражданское мужество, сказав присутствовавшим: «Во всяком случае всю ответственность за это письмо я беру на себя. Независимо от вашего мнения, я отправлю это письмо потому, что в нем вижу спасение Дона и, следовательно, и России, так как судьбы одного тесно связаны с судьбами другой и для меня они неразделимы... Что касается союзников, то в случае их победы, неужели же они не поймут, что наш нейтралитет был вынужденный. И, если не поймут, то пусть судят меня, меня одного...»

Высказанным, как нельзя лучше, определяется и политика и вся программа деятельности П. Н. Краснова. Ни «германская», ни «союзническая», ни «самостийническая», а чисто — русская, преследовавшая благо Дона и России, неразрывно связанных в его представлении.

5-го июля герцог Н. Н. Лейхтенбергский повез это письмо в Берлин через Киев, где к нему должен был присоединиться ген. Черячукин.

Не приводя письма целиком [164]), я только в главном отмечу его содержание. В начале письма Атаман сообщал о геройстве и успешной борьбе Донских казаков с большевиками, указывал, что Донское войско заключило тесный союз [165]) с главами Астраханского и Кубанского войск с тем, чтобы, по очищении земли Астраханского войска и Кубанской области от большевиков, составить прочное государственное образование на началах федерации из Всевеликого войска Донского, Астраханского войска с калмыками, Ставропольской губернии, Кубанского войска, а впоследствии, по мере освобождения и Терского войска, а также народов Северного Кавказа. Далее перечисляя нужды войска Атаман просил признать права Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование, а впоследствии и всей федерации под именем Дона-Кавказского союза; признать Дон в прежних границах и разрешить спор с Украиной в пользу присоединения к Дону, ему принадлежащего Таганрогского округа; содействовать присоединению к Дону по стратегическим соображениям городов Камышин, Царицын, Воронеж и станций Лиски и Поворино; оказать давление на Советскую власть и принудить ее очистить территорию Дона и весь район, имеющий войти в Доно-Кавказский союз, помочь войску орудиями, ружьями, боевыми припасами, инженерным имуществом и устроить на Дону орудийный, ружейный, снарядный и патронный заводы.

За эти услуги Всевеликое войско Донское обязывалось соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебных Германскому народу вооруженных сил, на что изъявили согласие и Атаман Астраханского войска и Кубанское правительство, а по присоединению и остальные части Доно-Кавказского союза.

Вместе с этим, германцам предоставлялись права преимущественного вывоза избытков продовольствия и сырья за удовлетворением местных потребностей, а взамен этого ставилось условием доставить на Дон сельско-хозяйственные машины, химические продукты и оборудование потребных Дону разнообразных заводов и фабрик.

Наконец, Германии были обещаны особые льготы по помещению капиталов в Донские предприятия промышленные и торговые, в частности по устройству и эксплоатации новых водных и иных путей.

Таково вкратце было содержание письма. Однако, когда оно стало известно в обществе, оно дало обильную пищу для праздных пересу-

---

[164]) Интересующиеся могут его найти в «Архиве Русской революции», том V, стр. 210-212.

[165]) По этому поводу состоялось совещание указанных лиц.

дов [166]). Противники Атамана использовали письмо, обвиняя его в измене союзникам и в »немецкой» ориентации. Для лиц, недовольных политикой Атамана — причем надо заметить, это недовольство отнюдь не вызывалось принципиальными расхождениями, а объяснялось исключительно побуждениями корыстными и мотивами личного характера — письмо явилось козырем, каковой с натяжкой и подтасовкой, можно было использовать, дабы бросить хоть какой-нибудь упрек ген. Краснову. В остальном, куда-бы ни посмотрели, всюду сказывался его недюжинный организаторский талант. Всюду, во всех отраслях жизни Дона, рельефно выступали достижения его огромного творчества и его неутомимой энергии. Район, очищенный от большевиков, ежеденевно увеличивался; действующая армия, переформировываемая постепенно из казачьих ополчений, дружин и партизанских отрядов, в стройную организацию, одерживала успех за успехом, беря тысячи пленных и огромные трофеи; росла и крепла краса и гордость Дона Постоянная армия и молодые казачата, словно по волшебству, превращались в настоящих дисциплинированных воинов, по духу и выправке совершенно не уступавших солдатам Императорской армии; возросло экономическое состояние Дона; урожай оказался небывало обильным и было обеспечено его снятие; работали полным темпом заводы и фабрики, строились новые, обещавшие дать казакам свое донское сукно, свои патроны, винтовки, мыло, стекло и т. д., появились новые деньги, но необесцененные, а дорогие; цены на все пали и на рынках и в магазинах было полное всего изобилие; прекратился произвол и обыватель мог быть совершенно спокоен за свою жизнь и быть уверенным, что насилия допущено не будет. В общем, Дон процветал. Буквально во всем был достигнут колоссальный и бесспорный успех и, конечно, львиная доля в достижении таких блестящих результатов, должна быть отнесена исключительно к таланту и большому государственному уму Донского Атамана П. Н. Краснова.

Понятно, что при таких условиях популярность ген. Краснова не только в Войске, но и за его пределами росла с каждым днем. И, видимо, именно это кому-то не нравилось.

Появление письма, таинственно распространяемого в населении, в сущности явилось той искрой, раздувая которую враги Атамана всемерно старались вызвать пожар и использовать письмо для обвинения П. Н. Краснова в измене Дону и союзникам.

Скромный по натуре, застенчивый, невластолюбивый, П. Н. Краснов лично для себя ничего не искал, мишура власти его не прельщала. Он горячо любил Россию и Дон. Любил также казаков и от всего сердца желал им блага. Он знал, что казаки хотят мира, войной они уже сыты и горячо жаждут заняться своей обычной мирной работой. И только во имя блага Дона и России, Донской Атаман пошел на сближение с немцами, видя в этом единственную возможность обеспечить казачеству то, что оно желало и позволить Дону окрепнуть, а затем помочь России. Когда пожар, то его тушат средствами, находящимися под рукой в этот момент, а не ждут других, быть может лучших,

[166]) Письмо было «выкрадено» из отдела иностранных дел и подпольным путем в искаженном виде и с разными комментариями распространялось среди населения. Управляющим отделом иностранных дел в то время был ген. А. Богаевский, державшийся ориентации верхов Добровольческой армии.

но которые прибудут, когда сгорит уже весь дом. А на Дону, тогда был пожар. Союзники были далеко. О них долетали смутные, разноречивые вести. Да и что сделали они для России в тяжелую минуту? А немцы были здесь, под боком. Они охотно обещали помочь донцам в их борьбе с большевиками, но, естественно, не даром, а под условием известных компенсаций. Поступи Атаман иначе, двери складов снарядов, оружия и патронов были бы навсегда закрыты для Дона. Боевой успех на фронте всецело зависел от снабжения. Тяжелое временами положение на боевых участках, опасность потерять все завоеванное и ввергнуть безоружных казаков снова во власть большевиков, вынудили Донского Атамана, стать выше своих личных чувств, разумно посмотреть на вещи и брать помощь там, где было можно. Приходилось учитывать и то, что на войске Донском лежала моральная обязанность помогать снабжением Добровольческой армии. Ее командование, как я уже упоминал, не считаясь с условиями обстановки [167]), не только не желало непосредственно сноситься с германскими властями, но и заняло явно враждебную к ним позицию. А наряду с этим, оно настойчиво просило Дон, получаемым снаряжением и боевыми припасами снабжать и ее армию. Так генерал Деникин и его окружение на всякий случай страховали себя на будущее, сохраняя чистоту «союзнической» ориентации и не пятная ее сношением с германцами. Любопытно то, что немцы об этом хорошо были осведомлены. Знали они отлично и то, что только сила обстоятельств и безысходность положения, а не личные чувства симпатии, побуждают Донского Атамана сближаться с ними. Вот почему, они были крайне поражены, когда узнали, что поведение Краснова осуждается кругами Добровольческой армии, что его реальная политика вызывает в Екатеринодаре негодование и дает повод к незаслуженным упрекам и обвинениям Атамана, в «измене России», в «продаже Дона немцам», в «германофильстве».

А между тем, неоспоримо, что «пресловутое» письмо Атамана Императору Вильгельму сыграло для пользы общего дела огромную роль. 29-го июля Украина признала самостоятельность войска Донского, вернула войску Таганрогский округ (промышленный и весьма богатый) с гор. Таганрогом, немцы покинули Донецкий округ, оставив небольшие гарнизоны только в г.г. Ростове и Таганроге, т. е. там, где то признавал необходимым Атаман; натиск большевиков на Донскую область несколько ослаб и казаки успешнее продвигались вперед. Наконец, Дон стал регулярно получать все нужное ему из Украины и Германии (в том числе и тяжелые орудия) для чего в гор. Ростове была учреждена особая, смешанная Доно-Германская экспортная комиссия. Германцы даже предложили нам участие их войск для овладения Царицыным, что Атаман отклонил, ввиду обещания Добровольческой армии, после взятия Екатеринодара, перейти на север для совместного с донцами захвата Царицына. Все перечисленное, явилось следствием письма Атамана Императору Вильгельму. Однако, на все это недобро-

---

[167]) У меня невольно часто возникала мысль, в какую бы форму вылилось на юге Белое движение, если бы и Донская власть заняла по отношению немцев такую же позицию, как Добровольческая армия. Вероятно, что при тогдашней психологии казачества и обстановке, это привело бы к преждевременному краху Белой борьбы на юге, в самом ее зародыше.

желатели Краснова закрывали глаза и не хотели видеть сути дела, обращая внимание лишь на форму и мелочи, не имевшие никакого существенного значения.

В конечном итоге, надо сказать- ни реальная политика Донской власти, ни средства (временная самостоятельность Дона и принятие немецкой помощи для создания на Дону прочной базы для дальнейшей борьбы с Советской властью), применяемые Атаманом для достижения главной, национальной цели — освобождения России от большевиков, не нашли ни сочувствия, ни поддержки в высших добровольческих кругах. Краснова не поняли. Даже больше: ему предъявили тягчайшие обвинения, его стали травить. Гнусной клеветой и сплетнями, пускаемыми Добровольческой прессой, стремились подорвать авторитет Атамана среди казачества.

Трещина, образовавшаяся вначале между Донским и Добровольческим командованием, расширилась, обратившись в пропасть, уничтожить или засыпать каковую уже оказалось невозможным.

Вопрос взаимоотношений Дона с Добровольческой армией, или иначе говоря рознь вождей Белого движения, представляет значительный интерес. Та уродливая форма, которую принял этот вопрос, не могла не оказать отрицательного влияния на общий ход борьбы на юге. В целях полноты и правдивости освещения взаимоотношений между Доном и Добровольческой армией, полагаю уместным коснуться. хотя бы вкратце истории их возникновения.

Первые соприкосновения Дона с Добровольческой армией зародились еще при Атамане Каледине, когда в Новочеркасск прибыл ген. Алексеев и Быховские узники, приступившие к созданию противобольшевистской организации, именуя ее Добровольческой армией. В то время, большевизм в сущности, нигде не встречал серьезного сопротивления и быстро ширился по всей России, опережая чаяния даже наиболее оптимистически настроенных его вождей. Однако, несмотря на такой ошеломляющий успех, совет народных комиссаров далеко не считал свое положение прочным и потому весьма ревниво относился к тому, что могло поколебать его позицию. Вести с Дона уже давно беспокоили Красную Москву. Беспокойство усилилось, когда стало известно о начавшемся формировании Добровольческой армии с целью свергнуть большевистскую власть. Видя в этом серьезную для себя угрозу, большевики энергично стали парировать. Они широко развили на границах Донской земли свою вредную, растлевающую пропаганду, бросили на Дон сотни опытных агитаторов, начали натравливать на казаков солдатскую массу, ехавшую домой через территорию Дона, не пропускали казачьи эшелоны на Дон, подолгу задерживали их в пути и своей агитацией совершенно деморализовали казачьи полки, оставшиеся еще верными долгу и присяге [168]).

При таких условиях, формирование Добровольческой армии и, в связи с этим, присутствие на Дону видных русских генералов, расцениваемых революционной демократией и при участии советских агентов, фронтовым казачеством, ярыми «контрреволюционерами», дало повод фронтовикам говорить: «все зло на Дону — от добровольцев, офицеров, буржуев и помещиков, бежавших в Новочеркасск из Рос-

---

[168]) См. «Воспоминания», часть I.

сии; не будь их, большевики не беспокоили бы нас». Такое упрощенное толкование ставило Калединское правительство в весьма затруднительное положение, особенно если учесть, что среди пресловутого «Паритета» [169]) нашлись члены, явно поддерживавшие мнение фронтовиков. Лично Каледин, всецело разделял взгляд ген. Алексеева и Корнилова на безусловную необходимость создания Добровольческой армии, но не мог, однако, как Атаман, не прислушиваться и к голосу казачества. Искали выход и нашли его в половинчатом решении, а именно: Добровольческая армия из столицы Новочеркасска ушла в Ростов. Нападки, если не прекратились, то несколько стихли, зато у рядовых добровольцев родилось сознание, будто-бы они на Дону не совсем желанные гости.

Когда обстановка ухудшилась и большевики стальным кольцом сжали Новочеркасск, взгляды фронтовиков стали находить отражение и в части общества, с трепетом и страхом ждавшего большевистского нашествия. Я не раз слышал, как опасаясь за свою судьбу, горожане вторили фронтовикам, говоря: «без сомнения, присутствие здесь Добровольческой армии притягивает большевиков, не будь ее, красные не напирали бы на Дон и позволили бы нам «самоопределиться».

Чем обстановка становилась тревожнее, тем больше муссировалось подобное мнение, достигая Ростова и вызывая в рядах добровольцев естественное недовольство.

Калединский выстрел еще сильнее сгустил атмосферу. По городу ползли зловещие слухи и мрачные предположения, пугавшие обывателя. Соболезнуя Каледину, говорили: «В тяжелую минуту все оставили Алексея Максимовича и даже добровольцы, которых он любил и которым во всем помогал, заявили ему, что они оставят Донскую землю и куда-то уйдут».

Действительно, через несколько дней после смерти Каледина, не будучи в состоянии удерживать город Ростов от превосходящего в силах и вооружении противника, Добровольческая армия, спасая себя, ушла на Кубань, предоставив г. Новочеркасск и Ростов их собственным силам. Уход в критический момент добровольцев, охладил среди обывателей Донской столицы симпатии к ним и даже вызвал ропот и недовольство.

Вскоре на Дону воцарилась красная власть. Казачество переживало сложные психологические процессы. О добровольцах лишь временами долетали неясные и разноречивые слухи. В связи с ними, у Новочеркасского обывателя, то зажигалась, то тухла надежда на освобождение их Добровольческой армией от советского гнета. Должен подчеркнуть, что это было то время, когда добровольцев ждали с жгучим нетерпением, ждали как спасителей. Но время шло, а они не приходили. В душу обывателя заползало сомнение, а надежду сменяло разочарование.

С первыми весенними ласточками Дон словно ожил. На красном фоне белыми пятнами запестрели очаги казачьих восстаний, против Советской власти. Исчезал большевистский угар и казачество постепенно отрезвлялось. И еще тогда, многие жадные взоры, были уст-

---

[169]) См. «Воспоминания», часть II.

ремлены в туманную даль, навстречу долгожданной Добровольческой армии. Но, увы, ожидания опять были напрасны и надежды опять не оправдались.

Уже донцы сами освободили свою столицу. По донским степям ширился казачий сполох, казаки временами одерживали значительные победы над красными и вот тогда, наконец, пришла дорогая весть: Добровольческая армия вернулась в Донскую землю и принесла донцам помощь. Но эта радость была непродолжительна. Добровольцы действительно пришли, но изнуренные, измученные, голодные, плохо одетые, многие с незажившими еще ранами, слабо вооруженные, без патронов и снарядов. В таком состоянии Добровольческая армия [170]) без предварительной, основательной реорганизации и пополнения живой и материальной силой, конечно, не была способна к серьезным боевым действиям. Это подтвердили и ее руководители, заявив нам, что не ранее, как только через 1—2 месяца, армия сможет приступить к боевым действиям, а прежде этого, она должна отдохнуть, укомплектоваться, пополнить свою материальную часть и в этом ей «обязан» придти на помощь Дон. Таким образом, расчеты Донского командования на помощь Добровольческой армии не оправдались. Однако, возвращение ее на Донскую территорию имело большое моральное значение. Все войско, забыв пережитое, искренно радовалось приходу добровольцев. Те же чувства переживало и Донское командование, ибо с приходом Добровольческой армии, у него исчезало чувство одиночества в борьбе с Советской властью и рождалась уверенность, что совместными, дружными усилиями казаков и добровольцев удастся быстро справиться с большевиками. Наличие этих данных, казалось, обеспечивало возможность установления самых тесных и дружеских взаимоотношений между Доном и Добровольческой армией. Но несмотря на такие благоприятные условия, достигнуть этого все же не удалось и мне думается, что причина этого лежала с одной стороны в личных качествах ген. Деникина и его ближайших помощников, а с другой — в характере командующего Донской армией ген. С. Денисова. Надо иметь в виду, что когда Добровольческая армия вернулась на Дон, ее вожди гордились сознанием, что им удалось, несмотря на чрезвычайно трудные условия, сохранить остатки армии и вывести их из большевистского кольца, стремившегося задушить добровольцев. Больше того, ни тяжелые испытания Ледяного похода, ни физические и моральные страдания, перенесенные этой кучкой героев, не смогли поколебать у них безграничной любви к Родине и горячей веры в близкое ее возрождение. Но к сожалению, приходится засвидетельствовать и то, что первое наше общение с руководителями Добровольческой армии, показало нам, что эта, я бы сказал, законная гордость, переходит у них в надменность. Уже при первой встрече с Донским Атаманом, ген. Деникин проявил чрезвычайное высокомерие. Он говорил с ген. Красновым таким тоном, каковой можно было допустить еще в отношении командира полка ему подчиненного, но ни в коем случае не в отношении Атамана войска Донского. Ген. Деникин, видимо, не хотел считаться с тем, что генерал Краснов, прежде всего, не подчинен ему и

---

[170]) Наименование «армия» совершенно не отвечало тому, что принято понимать под этим словом.

является представителем многомиллионного населения области, что он законно выборный Атаман, причем эти выборы подтверждены законным актом Круга Спасения Дона. Не учитывал ген. Деникин и того, что за генералом Красновым стояло все Донское войско, частично уже освобожденное от большевиков, имелась территория, средства, а всем имуществом и достоянием населения он мог свободно распоряжаться по праву, предоставленному ему Кругом. А за генералом Деникиным и его окружением — в прошлом — был Ледяной поход, в настоящем — до крайности измученная и утомленная горсточка воинов-героев, ему подчиненных, а в будущем — планы, радужные надежды, широкие перспективы и мечты, мечты. Большая заслуга ген. Краснова уже состояла в том, что престиж Войскового Круга, сведенный при Каледине и Назарове [171]) к нулю, он сумел в короткий срок высоко поднять в глазах казачества,что бесспорно имело огромное значение в деле борьбы с Советской властью. Вместе с тем, он сумел вдохнуть в казачество веру и воодушевить его на борьбу с большевиками. Краснова казаки знали, верили ему и за ним шли. Ген. Деникин не мог не видеть на Дону всеобщего подъема и воодушевления и не мог не знать об ежедневных больших успехах казачьего оружия в борьбе с большевиками. Если ген. Деникин любил, ценил и гордился Добровольческой армией, совершившей Ледяной поход, то он должен был знать что и войско Донское имело свою «Добровольческую армию» —Степной отряд ген. П. Попова. Когда Добровольческий отряд покидал г. Ростов, почти одновременно оставил г. Новочеркасск и отряд ген. Попова. Оба отряда, спасаясь от большевиков, имели одну и ту же ближайшую цель: выиграть время, выждав оздоровления масс от большевистского угара, сохранить жизнь возможно бельшему числу участников и с этой целью всемерно уклоняться от боя с большевиками. Как известно, генерал Корнилов настаивал на совместном движении отрядов. Ген. Попов не согласился с ним и пошел самостоятельно, поведя отряд в донские степи. И следует признать, что выбор направления, сделанный Поповым случайно оказался более удачным, ибо ген. Попов достиг ту же цель, но достиг с наименьшими потерями. Несколькими днями раньше, чем вернулись добровольцы, он привел свой отряд в район восстания и его отряд, в сущности, без предварительного отдыха, приступил к военным операциям.

Все перечисленное, как будто бы говорило за то, что у ген. Деникина не было никаких оснований относиться пренебрежительно к войску, а надменно к Атаману и к Донскому командованию. Авторитет последнего стоял на большой высоте и для пользы общего дела необходимо было его поддерживать, а не умалять, тем более, что казаки верили своим вождям и видели, как они неоднократно наравне с ними рисковали своей жизнью. Наконец, сами достигнутые уже результаты, наглядно доказывали целесообразность постановки дела борьбы с Советской властью. Однако, с точки зрения ген. Деникина, все было плохо на Дону, все ему не нравилось, все критиковало его окружение. Если Донской Атаман, по своему характеру, мог не придавать особого значения такой оценке со стороны добровольческих кругов и не обращать серьезного внимания на отношение к нему ген. Деникина,

[171]) См. «Воспоминания», части II и III.

то совершенно иначе реагировал на это командующий Донской армией ген. Денисов.

Восстание на Дону и всю тяжелую организационную работу в атмосфере царившего тогда хаоса, я провел вместе с ген. Денисовым. Этот маленький, на вид самый обычный человек, обладал, однако, колоссальной энергией, храбростью и неутомимостью. Во время кратких передышек между боями, он не отдыхал, часто забыв об еде и сне, бегал, суетился, кричал, волновался, поверял части, беседовал с казаками, посещал раненых, разносил вялых начальников, ободрял малодушных. Одним словом — он был душой всего дела. А во время боя ген. Денисов, тогда еще полковник, всегда был в самом опасном месте, смело смотрел смерти в глаза, всегда личным примером воодушевлял усталых и потерявших сердце. И если еще в начале казаки колебались, то уже в короткий срок, они оценили его, сроднились с ним, искренно его полюбили, беспрекословно ему подчинялись, глубоко веря, что Денисов выведет их победителями и из самого тяжелого положения. Ведя казаков от победы к победе, Денисов освободил с ними столицу Дона и затем вскоре встал во главе Донской армии. И здесь не щадя сил и здоровья, не заботясь о личных удобствах жизни [172]), он бескорыстно всецело отдался делу борьбы с большевиками и восстановлению порядка в Донском крае. Работая неустанно сам, он беспощадно карал лентяев и паразитов, нисколько не считаясь с их настоящим положением или заслугами прошлого, чем, конечно, нажил себе много врагов. Без лукавства и хитрости, даже и в тех случаях, когда безусловно требовалось быть дипломатом — он действовал решительно и прямолинейно и тем самым увеличивал число своих врагов. Но Атаман любил Денисова. Он высоко ценил его, как преданного и чрезвычайно полезного помощника.

Попытка ген. Деникина, когда Добровольческая армия только что вернулась на Дон [173]), подчинить себе войско Донское, вызвала горячий протест со стороны Денисова. Он сердился и резко осуждал такое намерение Добровольческого командования. Действительно, трудно было подыскать мотивы, каковые бы оправдали такую обидную для войска попытку. Не было и оснований предполагать, что одним из главных мотивов могла быть неуверенность высших кругов Добровольческого командования, что без их помощи и руководства Донская власть не справится с предстоящей задачей и не сможет поднять и организовать казачество на борьбу с большевиками. Необоснованность такого предположения доказали дальнейшие события. Выходило будто бы нам хотели сказать: земля ваша велика и обильна, войско большое, а порядка в нем нет, поэтому мы пришли царствовать над вами. Нельзя отрицать общеизвестного факта, что организация Донских сил стояла на большой высоте и могла служить образцом и примером и для Добровольческой армии. Во всяком случае, беспочвенные притязания Добровольческого командования, не отвечавшие ни обстановке, ни психологии казачества того времени, не нашли сочувствия в Дон-

---

[172]) Ген. Денисов с женой и двумя детьми ютился в двух комнатах, хотя при желании мог реквизировать для себя любой особняк, что обычно практиковалось в Добровольческой армии лицами, занимавшими несравнимо меньшее положение, чем он.

[173]) См. «Воспоминания», часть IV.

ском правительстве, а в казачьих массах вызвали удивление, граничащее с протестом. Осталось недовольно и Донское командование. Добровольцам было сказано, что о подчинении Дона разговора быть не может, но дружеское, тесное сотрудничество и желательно, и необходимо [174]).

Такой ответ не удовлетворил генерала Деникина и дал лишь повод к накоплению у него неприязненных чувств к Донской власти. Эти чувства нашли яркое отражение на совещании Донского и Добровольческого командования в ст. Маньчской 15 мая 1918 года.

Как я говорил, ни к какому положительному решению совещание не пришло. Участники разъехались раздраженными, каждый дав волю своим чувствам и каждый сетуя один на другого. Надменность, проявленная здесь ген. А. Деникиным, обидела донцов. Равняясь на него, тот же резкий тон усвоило и его окружение, что конечно, еще больше обострило и без того натянутые отношения.

Диаметрально противоположными оказались и взгляды на немцев, что опять лишь усилило охлаждение между Доном и Добровольческой армией.

Политика Атамана в отношении германцев, раздражала круги Добровольческой армии и они в резкой форме осуждали генерала Краснова. Для нас не составляло сомнения, что сущность и значение наших сношений с немцами, вожди Добровольческой армии умышленно не желают понять. Мероприятия Донского Атамана не нашли сочувствия и у генерала Алексеева, о чем свидетельствуют его письма к ген. Деникину от 26 и 30 июня 1918 года. В них ген. Алексеев дает отрицательную оценку деятельности ген. Краснова, что лишний раз доказывает, что истинные побуждения и намерения Донского Атамана, не были правильно поняты ген. Алексеевым. Если у добровольцев был кумир — союзники, которых они боготворили, то идол Донского Атамана была Родина. Не веря в искренность ни союзников, ни немцев, Краснов горячо желал скорее освободить Дон от иностранной опеки, сделать его независимым от кого бы то ни было и тем самым создать прочный плацдарм для дальнейшего освобождения России. Дабы не быть голословным, укажу хотя бы на то, что наше стремление присоединить к Дону, и, конечно, только временно, ближайшие пограничные города, являвшиеся тогда скоплением большевистских полчищ и служившие им базами при наступлении на область, и с той же целью несколько узловых станций, облегчавших красным переброску войск, ген. Алексеев трактует так: «воспользоваться случаем и округлить границы будущего «государства» за счет Великороссии, присоединением пунктов на которые «Всевеликое» отнюдь претендовать не может».

С полным сознанием ответственности перед историей, я протестую

---

[174]) Привожу донесение ген. Кислякова ген. Деникину:

«Правительство и Атаман (тогда еще Походный — ген. П. Х. Попов), сообщал ген. Кисляков, — не считает возможным подчинение Донской армии командующему Добровольческой армией. Мотивы такого решения — крайние опасения, что такое подчинение не своему (неказачьему) генералу может послужить поводом к агитации, которая найдет благоприятную почву среди казаков. Заявляют, что приход нашей армии на Дон крайне желателен и что совместные действия с казаками послужат к укреплению боевого духа последних. Словом, от подчинения отказываются, «унии» весьма хотят». («Донская Летопись», том III, стр. 85).

и категорически утверждаю, что никогда Донской Атаман не имел таких намерений, какие ему приписывает ген. Алексеев. И ген. Краснов, и Денисов, и я, и все наши ближайшие сотрудники, прежде всего были русские, а затем уже казаки. Наши права на Россию, как русских, были совершенно одинаковы с любым русским гражданином. Никто и никому патента на спасение России не давал. Каждый к этой цели шел своей дорогой, используя обстановку и применяя те средства, какие ему казались наиболее целесообразными.

Помимо чисто стратегических соображений, которые я выставлял Атаману [175]) о желательности присоединения пограничных пунктов к Дону, Атаман подготовлял казачье сознание к необходимости выхода за пределы области. Из совокупности донесений с фронта, я имел основание предполагать, что за черту границы казаки не пойдут, что вскоре и оправдалось. Даже при длительной обработке казачьего сознания и применения разных искусственных мер, донцы, как известно, весьма неохотно, выходили из пределов своей области.

Таким образом, желанию Атамана упрочить положение Дона и создать здесь надежную базу для будущих действий по освобождению России, ген. Алексеев придает иной смысл. Национальные стремления ген. Краснова, он с добавкой иронии, окрашивает в «самостийный» цвет, что бесспорно лишь усилило взаимное непонимание и недоверие между генералами Красновым и Деникиным. Далее: вынужденное обстоятельствами заявление Донской власти — держать вооруженный нейтралитет и не допускать никакой вражеской силы на территорию Дона, — весьма обеспокоило ген. Алексеева и сообщая об этом ген. Деникину, он советует Добровольческой армии обратить на это внимание. В конце же письма ген. Алексеев говорит: «Должен откровенно сказать, что обостренность отношений между генералами Красновым и командованием Добровольческой армией, достигшая крайних пределов и основанная меньше на сути дела, чем на характере сношений, на тонне бумаг и телеграмм, парализует совершенно всякую работу».

Но, скажу я, прояви вожди Добровольческой армии к ген. Краснову доверие, отбрось они предвзятые мысли и обидные для него сомнения, откажись от своих необоснованных притязаний к Дону и попроси Атамана искренно изложить им его заветные мечты и цели — отношения несомненно были бы иные. Они увидели бы перед собой, прежде всего, большого русского патриота, горячо и бесконечно любящего Родину и готового за нее отдать все, вплоть до жизни. Поняли бы они и его лукавую, гибкую политику в отношении немцев — все только им обещать, использовать все средства и возможности, втянуть в борьбу с красными все новые государственные образования, лишь бы избавить Россию от большевиков, а дальнейшее уже не дело Атамана, а дело всей России.

Краснов стремился сначала уничтожить большевиков на Дону, а затем помочь всем войском в возможно большей мере (Постоянная армия и корпус донских добровольцев) в борьбе за освобождение Рос-

---

175) Несколько раз, после моих докладов командующему армией и Атаману о важности овладения г. Царицыном, ген. Краснов просил ген. Деникина занять Царицын и обеспечить этим область войска Донского с востока. См. «Воспоминания», часть IV.

сии, не предрешая заранее ее будущего устройства и оставляя решение этого вопроса, после выполнения главной задачи.

Добровольческая армия шла к той же цели иным путем — борясь с большевиками, она одновременно стремилась объединить осколки бывшей России в Единую, Неделимую. Все, преследовавшие ту же цель, но другой дорогой, безжалостно отметались, расцениваясь добровольческими кругами, если не врагами, то во всяком случае отщепенцами, делались преметом критки, травли и насмешек. Ни для кого не тайна, что вожди Добровольческой армии проявили крайнюю нетерпимость в отношении самостоятельных временных образований, как Украина, Дон, Грузия, Крым и т. д. И не только нетерпимость, но даже враждебность и особенно к тем образованиям, которые не хотели признать, что Добровольческая армия в лице ген. Деникина олицетворяет всю Россию. Мало того, в вопросах политических, обычно щекотливых и тонких, требовавших большой гибкости ума и дипломатической изворотливости, ген. Деникин проявлял резкую военнную прямолинейность, похвальную, может быть, для честного солдата и отличного начальника, но несоответствующую для той роли, которой судьба его наделила.

С точки зрения обывательской, так сказть, житейской, прямолинейность, неоспоримо весьма почтенное и уважаемое качество. Но политика, особенно внешняя, имеет свою иную идеологию. В истории государств можно найти неоднократные подтверждения тому, что чем политика была вероломнее, лукавее, эгоистичнее и, быть может беспринципнее, тем чаще она давала государству максимум благополучия и благоденствия, (Англия). Лица, проводившие ее с точки зрения национальной идеи своего государства, обычно расценивались большими патриотами и благодарное потомство воздвигало им памятники.

Положив в основу своей политики благо Дона, неразрывно связанное с благом России, Краснов выказал большую гибкость и нужную изворотливость и, как опытный кормчий, крепко держал руль, ведя судно к намеченной цели. Его до-нельзя простую, по существу политику, упорно не хотел уяснить ген. Деникин. Политику Краснова он называет »слишком хитрой» или «слишком беспринципной» [176]) и осуждая ее, приводит ряд, по его мнению, противоречий, как например: «Немцам — пишет ген. Деникин — он (Краснов) говорил о своей и «Союза» преданности . . . союзникам, — что «Дон» никогда не отпадал от них и что германофильство (Дона) вынужденное . . . Добровольцев звал идти вместе с Донскими казаками на север на соединение с чехословаками . . . донским казакам говорил, что за пределы войска они не пойдут . . ., наконец, большевикам писал о мире . . .»

А по теории ген. Деникина очевидно надо было поступить так: немцам сказать, что они враги и даже объявить им войну, имея при этом 10 пушек и те без снарядов, 3—5 тыс. винтовок, почти без патрон, армию численностью в 5—6 тыс. человек, в образе толпы и плюс к этому несколько тысяч раненых и больных, главным образом добровольцев, переданных ген. Деникиным на иждивение Дона; когда пришли союзники им заявить, что Дон не признает их, от помощи их отказывается и начать петь дифирамбы немцам; Добровольцам говорить

[176]) «Очерки Русской смуты», том III, стр. 71.

— оставайтесь и размножайтесь спокойно на Кавказе под защитой Дона, а войско одно будет выдерживать натиск многомиллионной массы русского народа, вооружаемого и натравливаемого Советской властью против казачества.

Далее: упрек о невыводе казаков за пределы области также неоснователен. Всеми правдами и неправдами, мы тянули казаков за пределы Войска, о чем свидетельствуют наши многочисленные приказы. Но мобилизуя старшие возрасты, мы вынуждены были им сказать, что они за пределы области выведены не будут, а призываются лишь для борьбы внутри Дона. Таким образом, фраза, выдернутая ген. Деникиным из приказа [177]), относится не ко всему служилому элементу, а только к известному возрасту. Нельзя было горячим сердцем строить иллюзию и одновременно холодным рассудком сознавать, что освобождать Россию мы сможем двинуть 4—8 молодых возрастов и всех добровольцев-казаков, но не больше. Мечтать, что войско поголовно выступившее на защиту своих станиц, также поголовно пойдет за пределы области было бы не только наивно, но и для дела опасно.

Наконец, добиваясь мира с большевиками, мы стремились получить временную, крайне нужную передышку, использовав ее в целях создания армии, богато снабженной технически и прекрасно обученной, а также поднять расшатанное экономическое состояние Края, столь необходимое для успешной борьбы с Советской властью. Конечно, об этом мы не кричали и своих планов большевикам не открывали. Но заслуживает ли это, спрошу я, обвинения?

Была разница и в сущности самой борьбы. На Дону борьба с большевиками была чисто народной, национальной, в то время, как в Добровольческой армии этой борьбе термином «добровольчество» [178]) и наличием частей, состоявших исключительно из офицеров, до известной степени, придавался характер классовый, интеллигентский, что, конечно, не могло сулить конечного успеха.

В общем итоге, политика Добровольческой армии не притянула, а оттолкнула от себя новые образования и все дело кончилось крахом.

Несмотря на выяснившиеся принципиальные расхождения с командованием Добровольческой армии, жизнь шла своим чередом, события быстро развивались и мне приходилось ежедневно сноситься со штабом этой армии.

Приняв к себе раненых и больных добровольцев и допустив устройство в больших центрах — Ростове и Новочеркасске вербовочных добровольческих бюро, войско Донское, тем самым обратило эти города в тыл Добровольческой армии. В силу этого, создалось много точек соприкосновения, дававших часто повод для мелких столкновений. При взаимном уважении и доверии, подобные шероховатости и недоразумения, надо полагать, проходили бы незаметно и безболезненно, но при имевшем место, обоюдном недоверии заинтересованных сторон, картина получалась иная.

Бесспорно то, что тыловая атмосфера, как магнит, тянет к себе все трусливое, малодушное, темное, жадное до личной наживы и внешнего

---

[177]) Он ссылается на приказ.

[178]) Несмотря на то, что Добровольческая армия перешла к системе пополнения путем принудительного набора, ее вожди сохранили за ней термин «добровольческая».

блеска, создавая позади фронта. беспорядочную торопливую, полную интриг и сплетень жизнь. Злостная спекуляция, тунеядство, выслуживание с «черных ходов» и лихорадочная поспешность в короткий срок использовать всю сумму возможных благ и удовольствий, — обычные спутники тыловой жизни. Необходимо неустанно бороться, чтобы уменьшить вредные стороны тыла до минимума и не дать им пышно расцвести и своим ядовитым запахом не только одурманить, но и отравить все прекрасное, героическое — боевое [179]).

Добровольческая армия тогда переживала свою весну. Все жили радостным чувством, опьяненные верой в светлое будущее и мало кто замечал, как в неокрепшем еще организме армии, зарождались видимые признаки ужасных гибельных болезней. Со всех сторон к Добровольческой армии тянулись грязные руки, оставляя на ее, прежде белоснежной одежде, подозрительные пятна; пухли штабы, как грибы вырастали новые и новые учреждения, а шкурники, авантюристы и спекулянты, оседая в тылу, постепенно вытесняли прежних спартанцев. Каждый «белый город» жил тогда своей особенной жизнью, темп и колорит которой зависел от многих причин и главное от совокупности мер, принятых военным командованием для поддержания порядка. И Новочеркасск, столица Дона, в то время не жил нормальной жизнью. «На площадях, на перекрестках улиц, — говорит Н. Н. Львов [180]), не видно сборищ, злобной толпы, по тротуарам не шатаются шинели с оборванными погонами, не слышно среди собравшейся кучки выкриков революции, не слышно бесшабашной стрельбы из ружей по ночам. Проходят полки в их старой казенной форме, гремят колесами по мостовой тяжелые орудия и зарядные ящики, на площадях идет обучение новобранцев и каждый день видно, как они упражняются в ружейных приемах, ложатся в цепях, перебегают и строятся в ряды. Новочеркасск стал военным лагерем».

Горячее желание Донского командования оградить столицу Дона от тлетворного влияния тыла, побудили его ввести строгие правила всего жизненного обихода и сурово карать нарушителей порядка и спокойствия. Крайняя необходимость таких мер обусловливалась и тем, что общий моральный упадок в значительной степени коснулся и нашего офицерства, особенно младшего, среди которого часто наблюдались признаки явной недисциплинированности.

Почти ежедневно в тылу происходили разные инциденты и неприятные происшествия. Нередко действующими лицами являлись и офицеры Добровольческой армии, приехавшие с фронта отдохнуть и покутить. Число последних росло с каждым днем. Здесь необходимо указать на одно весьма важное обстоятельство. Дело в том, что пренебрежение окружения ген. А. Деникина к Донской власти, мало-помалу сверху перешло и на рядовое офицерство. Многие офицеры — добровольцы, находясь на территории Войска, вели себя дерзко-вызывающе, умышленно игнорируя существующие распоряжения Донского командования и часто даже бравируя этим.

Жалобы на поведение тыловых героев обычно направлялись ко мне. В очень редких случаях я придавал им какое-либо особое значе-

---

[179]) Об этом я писал в первой части.

[180]) «Свет во тьме», очерки Ледяного похода. Н. Н. Львов. Газета «Возрождение».

ние, считая все происходящее нормальным тыловым явлением. Гораздо было хуже, если что-либо докатывалось до знания командующего Донской армией. Всякая мелочь раздражала ген. Денисова. Он сильно горячился и зачастую перекладывал вину на высшее командование Добровольческой армии. Разубедить его в обратном было крайне трудно, несмотря на то, что обычно все мои проекты по ведению военных операций, организации армии, устройства тыла, а также и другие предложения, ген. Денисов принимал всегда почти без всяких коррективов.

Я никакого различия между донскими и добровольческими офицерами не делал и за безобразия карал одинаково, как одних так и других. Но, к сожалению, иного взгляда держался представитель Добровольческой армии при нашем командовании ген. Эльснер, убийственную аттестацию которому дает А. Суворин на страницах книги «Поход Корнилова» (стр. 25). Характеризуя ген. Эльснера, А. Суворин, между прочим, говорит: «В отделе снабжения старшие начальники кувыркались одним движением бровей ген. Эльснера, но в то же время, за постыднейшие, прямо преступные распоряжения и поступки, люди, пригревшиеся около генерала — не подвергались ровно никакому взысканию . . . всем в отделе распоряжались, в сущности, полдюжины окружавших ген. Эльснера, его приближенных, вкладывавших в него все, что им было нужно и приятно». И вот на этого генерала, по словам ген. Деникина, была возложена миссия сглаживать трения между Новочеркасском и ставкой Добровольческой армии [181]). Насколько генерал Эльснер с точки зрения командования Добровольческой армии оправдывал свое назначение, — я не знаю, но могу утверждать, что нахождение его в Новочеркасске отнюдь не способствовало улучшению взаимоотношений между Доном и Добровольческой армией. Свою миссию ген. Эльснер выполнял чрезвычайно своеобразно. Порой дело доходило до курьезов. Так например: если я или кто-либо из донских начальников (начальник гарнизона, комендант города) подвергал наказанию офицера Добровольческой армии за явно антидисциплинарный поступок — он это рассматривал, как личную ему обиду и как умаление авторитета Добровольческого командования. На многое серьезное ген. Эльснер умышленно закрывал глаза, а одновременно какой-либо несущественной мелочи, придавал несоответствующее значение. Не высказал он себя и сторонником поддержания строгих правил дисциплины и воинского обихода, что естественно способствовало росту печальных тыловых происшествий. А вместе с тем, я не мог допустить, чтобы офицеры Добровольческой армии пользовались особого рода привилегией и тогда, как донские офицеры за совершенные бесчинства, подвергались бы суровым взысканиям, первым все сходило бы безнаказанно. Несколько раз я лично обращался к ген. Эльснеру, пытаясь урегулировать этот больной вопрос, но безуспешно. Сочувствия я никогда не встречал и все мои начинания обычно разбивались о непонятное упорство ген. Эльснера. Приезжать ко мне в штаб ген. Эльснер избегал, очевидно считая, что посещением меня, он умалит или свое личное достоинство или престиж Добровольческой армии [182]). В итоге,

---

181) «Очерки Русской Смуты», том III, стр. 126.

182) Юридически мое положение было бесспорно выше представителя Добровольческой армии. Однако, не считаясь с этим, я охотно посещал ген. Эльснера, пока не убедился, что такую постановку дела он признает для меня обязательной.

наладить дружескую с ним работу мне не удалось, а в то же время жалобы на поведение добровольцев в тылу участились. Крутые меры принятые нами для прекращения безобразий, вызывали со стороны ген. Эльснера протест и раздражали его самолюбие. В Добровольческую ставку сыпались на нас жалобы. Нас обвиняли в умышленном притеснении офицеров Добровольческой армии, что абсолютно не отвечало истине. Вместе с этими жалобами в ставку Добровольческой армии шло большое количество донесений, сообщений и просто доносов от многочисленных добровольческих агентов, осевших в разных учреждениях тыла и особенно в городах Новочеркасске и Ростове. Эти добровольческие соглядатаи, как шпионы, неотступно следили за каждым шагом лиц, занимавших ответственные посты на Дону. Они интересовались даже частной жизнью, не говоря уже о каких-либо наших планах, секретных совещаниях или распоряжениях. Никакую мелочь они не упускали, даже слово, сказанное в обществе, в интимном кругу, среди родных и приятелей. Не жалея ни бумаги, ни чернил, не стесняясь в выражениях, они слали свои информации, производя эффект в Екатеринодаре и выливая ушаты клеветы и помой на казачество, командование и на главу войска — Атамана. «Очерки Русской смуты» ген. Деникина в части касающейся Дона пестрят многочисленными выписками вроде: донесение, доклад офицера, сообщение, отчет о разговоре и т. д. и т. д. Не пощадила агентура Добровольческой армии и героя Галиции генерала Н. И. Иванова, в чем сам признается ген. Деникин. Его обвинили в «тяжком» преступлении — в сношении с представителями германского командования [183]).

Без опасения можно сказать, что густая сеть добровольческих разведчиков, раскинутая по Донской территории, совершенно ненужная и даже, я утверждаю, вредная, принесла огромное зло в деле поддержания и раздувания вражды между Донским и Добровольческим командованиями.

Нельзя было не возмущаться и не негодовать, сознавая, что нас судят не по поступкам и нашим действиям, а по отзывам разведки, значительный процент которой составляли молодые люди, часто с подозрительным прошлым и далеко не безупречной репутацией в настоящем. Эти молодые люди ловили всякий вздорный и нелепый слух, искажали его по-своему и придавали ему совершенно ненужное и вредное значение.

И Донская контр-разведка, уклоняясь от своего прямого назначения — следить за большевиками, пыталась вначале составлять целые объемистые доклады о деяниях добровольческих агентов и уделять многие страницы описанию происходящего в ставке Добровольческой армии. Но такая ее не только бесполезная, но и вредная для дела деятельность была в корне пресечена. Ни одного агента, мы не держали на территории Добровольческой армии уже и потому, что количество таковых в распоряжении Донского командования было крайне ограничено и они были используемы исключительно по своему прямому

Едва ли надо доказывать, что такое положение было ненормальным. Представителей при моем штабе было несколько, и не мог начальник штаба тратить время на посещение их. Обычно последние приезжали в штаб и возникшие вопросы решались по взаимному соглашению.

[183]) Том III, стр. 118.

назначению. Кроме того, мы считали слежку за вождями родной нам по крови армии, преследовавшей одну с нами цель, оскорбительной и совершенно излишней. Наш официальный представитель при Добровольческой армии ген. Смагин, был только — представитель Донской армии. Никаких специальных функций на него возложено не было. Скажу больше: нам было доподлинно известно, что ген Смагин в известной степени склоняется к «добровольческой ориентации» и питает личные симпатии к ген. Деникину. Последнее обстоятельство, в сущности и послужило одной из главных причин его назначения. Мы надеялись, что своим благожелательным отношением к вождям Добровольческой армии, своим тактом и большим житейским опытом, ген. Смагин будет сглаживать неровности и укреплять дружбу армий. Были приняты во внимание и его преклонный возраст и очень большое старшинство в офицерских чинах, что по моему мнению, должно было служить ему гарантией от резких выпадов, как командующего Добровольческой армией, так и его окружения.

Очень скоро ген. Смагин вошел в свою роль, будучи часто единственным связующим звеном между армиями и постоянным ходатаем о нуждах Добровольческой армии. Я должен засвидетельствовать, что эту неблагодарную и тяжелую работу ген. Смагин выполнял с большим тактом, скромно и весьма продуктивно. Приезжая в Новочеркасск сам или посылая своего секретаря Н. Жеребкова, ген. Смагин, посещая меня, никогда не поднимал разговора об отношении к нам командования Добровольческой армии, никогда не занимался передачей какихлибо сплетень и никогда не чернил ставку Добровольчеческой армии. Хорошо помню, как в каждый свой приезд, он засыпал меня многочисленными житейскими просьбами: то заменить авотомобиль, то увеличить содержание и суммы на представительство, то дать офицера или писаря для канцелярской работы, то еще что нибудь. Все деликатные и щепетильные вопросы, которые могли разжечь вражду между армиями, он тактично замалчивал, хотя не было сомнения, что находясь в Екатеринодаре, ему часто приходилось болеть душой за нападки на Дон. А в то же время, сколько нелестных отзывов, сколько совершенно ненужных донесений, основанных скорее на базарных сплетнях, чем на реальных данных, было послано ген. Эльснером в Екатеринодар, что, конечно, не умиротворяло, а только разжигало страсти. В «Очерках Русской смуты» ген. Деникин пишет: «10-го августа ген. Алексеев, находившийся тогда в Екатеринодаре, под влиянием донесений из Новочеркасска, телеграфировал Краснову: «негласно до меня доходят сведения, что предполагаются обыски и аресты моего политического отдела. Если это правда, то такой акт, ничем не вызванный, будет означать в высокой мере враждебное отношение к Добровольческой армии. Разве кровь армии, пролитая за Дон, позволяет такой унизительный шаг?» А в сущности, это была очередная клевета, посланная из Новочеркасска в Екатеринодар и резко опровергнутая Атаманом. Но важно то, что в Екатеринодар доносилось обо всем, вплоть до сплетень и вздорных выдумок, а там всему придавали серьезное значение.

Неоспорима и стара истина, что жизнь соткана из мелочей. Самые незначительные пустяки, повторяясь ежедневно уже составляют явление, не заметить которое часто невозможно. Так было и в

наших отношениях с добровольцами. Повседневная жизнь вызывала в тылу много мелких трений, которые, будучи однородными, своим следствием имели создание тех или иных настроений. Тылы армий между собой враждовали. Для ссоры был достаточен самый ничтожный повод. Всякое незначительное, само по себе происшествие, обычно разбавлялось, видоизменялось и в искаженном виде превращалось в целое, страшное событие. Катясь дальше, оно достигало центральных штабов и часто способствовало тому или иному настроению.

Об ежедневных столкновениях в тылу добровольцев с донцами, я мог бы написать целую книгу, но это не входит в мою задачу. Полагаю достаточным привести лишь несколько наиболее ярких примеров, запечатлевшихся в моей памяти, — поведения наших гостей — добровольцев на территории Дона. Из них, я полагаю, читатель сможет видеть, что главная вина, быть может, не была столько в рядовом офицерстве, сколько в той атмосфере, которая окружала Добровольческую армию или в несостоятельности ее вождей видоизменить психологию офицерского состава и поставить его на правильный путь.

Как-то однажды, в конце мая или в начале июня, я, после обеда, пешком возвращался в штаб. В самом центре города, мое внимание было неожиданно привлечено неестественно громким пением. Подойдя ближе, я мог уже разобрать исполнение гимна «Боже Царя храни» неуверенными и определенно нетрезвыми голосами. Кто так бурно веселился в помещении «Центральной гостиницы», да еще при открытых окнах, мне известно не было. Перед зданием собралась большая толпа любопытных. Среди нее, я заметил и команду только что мобилизованных казаков, шедших на сборный пункт. Пение заинтересовало станичников. Сбросив свои мешки на землю, они разместились на тротуаре и, почесывая затылки, громко обменивались впечатлением. И по адресу певших и по адресу Донской власти раздавались более чем нелестные отзывы и злобно критические замечания. Поспешив в штаб, я вызвал начальника гарнизона ген. Родионова и приказал ему немедленно прекратить неуместное пение, а если он найдет нужным, то и весь пир. Как вскоре выяснилось, кутили офицеры одного из полков Добровольческой армии, стоявшего в Новочеркасске на отдыхе. Вмешательство начальника гарнизона пировавшие встретили, выражаясь мягко, с большим протестом. Очевидно, они не могли осознать всю неуместность своего поведения в такое для нас критическое время, когда казаки только что поднимались против Советской власти и когда подобные эпизоды могли иметь роковое последствие. Только ссылка начальника гарнизона на мое приказание, побудила их, в конечном разультате, покориться распоряжению. Но зато, на следующий день, во все стороны на меня летели жалобы и протесты. В них обвиняли начальника штаба Войска Донского и в «левизне» и несправедливом отношении к офицерам Добровольческой армии и в умышленном их притеснении. И долгое время этот случай вызывал в обществе разнообразные комментарии и страстные споры, пока я, изведенный вечным о нем напоминанием, не сказал: «Да, да, пусть все знают, что я не был, не есть и никогда не буду тем монархистом, который свою принадлежность к монархической идее, доказывает пением священного гимна в пьяном виде».

Еще большего внимания заслуживает следующее, чрезвычайно интересное явление. Некоторые офицеры — добровольцы определенно усвоили мысль, что Дон — источник, откуда можно и нужно все черпать для Добровольческой армии дозволенными и недозволенными средствами, включительно до применения вооруженной силы. Едва ли можно предполагать, что такое явление могло бы иметь место, если бы оно как-то не поощрялось свыше. Говорю так потому, что подобный взгляд проводился и у нас в отношении Украины. Но Украина борьбы с большевиками не вела. Все ее склады были под ключем у немцев и потому, если кому-либо удавалось «стащить» нужное для Дона и доставить в область, — его расценивали, как героя, наделяли особым вниманием и благодарностью. Подобным, например, способом «выкрали» и обманным путем доставили в Новочеркасск несколко десятков аэропланов с запасными частями и подвижными мастерскими, — т. е. многомиллионное имущество.

Положение Дона было иное. Ведя напряженную и кровавую борьбу с большевиками, он сам во всем нуждался. Связь Донского штаба со ставкой Добровольческой армии была отлично налажена, при штабах находились представители командований и, следовательно, каждый вопрос можно было разрешить путем переговоров и взаимных уступок. Однако, Добровольческая тенденция была иная, быть может, как остаток неизжитой еще партизанщины. Я не говорю о тех случаях, когда Добровольческая армия, будучи в районе ст. Великокняжеской, освободила от большевиков несколько населенных пунктов и до чиста их обобрала — такова уж судьба освобождаемых. Гораздо хуже, когда из глубокого тыла шли жалобы на самоуправство офицеров — добровольцев, об отобрании и увозе ими разного военного имущества. Сначала я просто не верил, что могло быть что-либо подобное и чаще всего мой гнев обрушивался на того, кто доносил о самоуправстве, а сам не принял нужных мер, дабы решительно прекратить безобразие. И только тогда я убедился, что самоуправство наших гостей переходит всякие границы, когда нечто подобное произошло в самом Новочеркасске, т. е. под боком штаба. В один из обычных вечерних докладов начальник военных инженеров полковник К. весьма взволнованно доложил мне следующий случай. По его словам, в этот день, во время обеденного перерыва, к нашему центральному гаражу подъехала группа офицеров—добровольцев. Заявив дневальному, что они имеют нужное разрешение, офицеры вошли в гараж и стали хозяйничать. Они отобрали часть запасных автомобильных частей, отвинтив в том числе и несколько магнето, взяли некоторый инструмент и погрузили все в свой автомобиль. Когда же дневальный, чувствуя что творится что-то неладное, пробовал протестовать, офицеры убедили его не беспокоиться, а затем, сев в автомобиль, укатили неизвестно куда. Оставить такой безобразный поступок без расследования, значило бы, в будущем лишь поощрить подобные деяния. Я негодовал. Не понравилось мне и держание нашего дневального, не употребившего оружия для защиты вверенного ему имущества, на что он имел полное право. Я сделал замечание начальнику инженеров за непорядок у него в гараже, приказал дневального примерно наказать, а затем решил, с помощью коменданта города, тщательно расследовать этот случай, дабы отыскать виновных. Сообщив об этом ген. Эльснеру, я сказал ему,

что впредь такие действия офицеров-добровольцев, будут рассматриваться как мародерство и виновные будут предаваться военно-полевому суду. Вместе с тем, было отдано приказание всеми мерами, вплоть до применения вооруженной силы, прекращать в будущем подобные самоуправства и виновных арестовывать. Об этом нашем распоряжении я поставил в известность и ген. Эльснера. Последний горячился, протестовал и по обыкновению перекладывал все на наше пристрастие к офицерам-добровольцам. Он категорически отрицал возможность участия в этом происшествии офицеров Добровольческой армии, упорно считая, что все было проделано переодетыми большевиками. Но и при таком предположении, казалось бы, ген. Эльснер должен был приветствовать строгие меры, вводимые нами. В конечном результате, отыскать виновников нападения на гараж нам не удалось, но расследование определенно установило, что они своевременно успели перейти Кубанскую границу и скрыться в районе Добровольческой армии.

Приведу еще случай, ярко рисующий тыловые нравы того времени. Равняясь на главу войска — Атамана, его блищайшие помощники жили чрезвычайно скромно. Сам П. Н. Краснов занимал в атаманском дворце только три комнаты, а четвертую обратил в склад для сбора пожертвований для армии, где обычно целый день работала его супруга Лидия Федоровна, заботливо разбирая вещи, сортируя их, пакуя и отправляя частям на фронт. Во дворце жил и председатель совета Управляющих ген. А. Богаевский, бывший одновременно и Управляющим отделом иностранных дел. Его Петр Николаевич приютил у себя, как своего старого друга. Ниже читатель увидит игру Африкана Петровича Богаевского и узнает как он, отплатил Краснову за это радушие и гостеприимство.

Командующий армией ген. С. Денисов довольствовался двумя небольшими комнатами в доме своей сестры. Что касается меня, то я с семьей в пять человек, ютился в двух комнатушках, нанимея их в частном доме и платя очень дорого. Ген. С. Денисов считал это ненормальным явлением. Он несколько раз убеждал меня переехать в другое помещение, более соответствующее моему положению. После долгих колебаний, я, наконец, согласился. Вопросом расквартирования в городе у нас ведал начальник военных инженеров. Вызвав его к себе, я поручил ему найти для меня квартиру. Тотчас же, заработали телефоны, забегали посыльные и квартирные агенты, засуетилось инженерное управление. Уже вечером начальник инженеров доложил мне, что в центре города для меня найдена очень хорошая квартира. Это помещение, как он мне сказал, предназначалось вначале для канцелярии санитарного управления Донской армии, но что управлению он отведет другую квартиру. Из дальнейшего с ним разговора, я выяснил, что он лично еще не видел этого помещения, а потому я предложил ему осмотреть квартиру на следующий день и результат доложить мне.

Утром полковник пришел ко мне очень расстроенный. Оказалось, что приехав осмотреть квартиру, он к своему великому удивлению, нашел в ней несколько офицеров-добровольцев, хозяйничавших там. На его вопрос, — почему они здесь и как проникли в помещение, когда оно было заперто — офицеры ответили, что отделу управления ген. Эльснера требовалось помещение и так как эта квартира была пустая, то они ее открыли и заняли. Разъяснив им недопустимость подобного са-

моуправства, полковник К. добавил, что это помещение предназначено для квартиры начальника штаба Войска и потому они обязаны немедленно его очистить. В ответ на это, старший из присутствовавших там офицеров, довольно развязно заявил, что они исполняют приказания только ген. Эльснера и потому никого сюда не впустят. Не желая вступать с ними в дальнейшую перебранку, начальник инженеров сказал им, что он тотчас же едет к начальнику штаба Войска с докладом. Его доклад сильно меня поразил. Я был сильно возмущен. Взяв с собой коменданта штаба, я немедленно отправился в указанный дом, но к счастью для офицеров и к моему сожалению, там никого не застал. Очевидно офицеры сочли за лучшее не встречаться со мной и своевременно скрыться. Помещение я нашел для жилья неудобным и вскоре переселился в квартиру, предоставленную мне одним моим знакомым. Но эту дерзость добровольцев, я долгое время не мог забыть. Нарушение ими основных правил порядка и явное неподчинение представителю Донского командования, да еще при исполнении последним служебных обязанностей, побуждало меня не оставлять этот случай без последствий. Разыскать виновных было не трудно, ибо одного из них знал начальник инженеров. Я мог арестовать их и предать суду или держать несколько месяцев на гауптвахте, а затем выслать из пределов Дона. Однако, я знал, что такая мера, хотя и оправдываемая обстоятельствами, вызовет новый протест Добровольческого командования и еще больше усилит нападки на Донскую власть. В силу этих соображений, я ограничился лишь тем, что обо всем поставил в известность ген. Эльснера и просил его строго наказать виновных за самоуправство и превышение власти, а о наложенных на них взысканиях, меня уведомить. Не помню и потому не могу сказать, наказал ли тогда ген. Эльснер своих офицеров или, по своему обыкновению, оставил все без последствий.

Все это, конечно, пустяки, мелочи, но именно из них то и складывается вся жизнь, явления и создавались настроения.

Если жизнь хозяев, — донских офицеров, регулировалась строгими правилами, то тем более, казалось, гости обязаны были пунктуально соблюдать их, и ни в коем случае не злоупотреблять предоставленным им гостеприимством. Но, к сожалению, убедить в этом представителя Добровольческого командования ген. Эльснера было невозможно.

Центром, где сплетались все интриги и рождались злободневные слухи, где весьма часто происходили столкновения, ссоры и скандалы, где, наконец, за небольшую плату можно было получить хороший обед и ужин, — служило донское гарнизонное собрание в Новочеркасске. Его охотно посещали и офицеры-добровольцы, причем, нередко, скромные ужины кончались бурной попойкой. Винные пары развязывали языки и бывали случаи, по адресу войска отпускались нелестные замечания. Войско называли «самостийным», вместо «Всевеликое» говорили «всевеселое», высмеивали Донской флаг, издевались над Донским гимном, оскорбляя этим молодое национальное чувство казаков. Такие обидные отзывы о Войске задевали донских офицеров и они не оставаясь в долгу, отвечали бранью по адресу Добровольческой армии. В результате происходили горячие споры и опасные столкновения, грозившие порой окончиться свалкой с употреблением даже оружия. Особенную страстность вызывал вопрос «ориентации». Каждая

сторона, отстаивала свою точку зрения, не стеснялась подбором выражений, часто весьма оскорбительных. Взаимные обвинения усилились, когда стало известно, что как-то в частном доме, командующий Донскими армиями ген. С. Денисов, доказывая, что войско Донское силой обстоятельств вынуждено было принять немецкую помощь, сказал, что Донская армия, будучи связана территорией и народом, никуда не может уйти, как Добровольческая армия, напоминающая ему в этом случае «странствующих музыкантов». Слова «странствующие музыканты» с большими комментариями тотчас же стали известны в Екатеринодаре и там войско Донское прозвали проституткой, продающей себя тому, кто ей заплатит. Ген. Денисов не остался в долгу и ответил: «Если Войско Донское проститутка, то Добровольческая армия есть кот, пользующийся ее заработком и живущий у нее на содержании».

Эти слова создали ген. Денисову репутацию злейшего врага Добровольческой армии и ген. Деникин никогда не мог простить ему их.

В общем, из-за каждого пустяка, страсти разгорались и разлад между армиями ширился с каждым днем.

Переходя к рассмотрению вопроса взаимоотношений между начальниками штабов Донской и Добровольческой армий, должен оговорить, что начальника штаба Добровольческой армии Ивана Павловича ген. Романовского я раньше не знал, с ним вместе не служил, и никогде его прежде не видел. Мое знакомство с ним и первый наш разговор произошел по аппарату Юза на расстоянии нескольких десятков верст. Встретился я с ним впервые лишь в ноябре месяце 1918 года, когда я прибыл в Екатеринодар на совещание. В силу этих условий, отношения у меня с ним в начале были чисто официальные, несколько натянутые, но внешне весьма корректные. Часто я сетовал ему на поведение в нашем тылу офицеров Добровольческой армии и убедительно просил его принять меры для обуздания их. В этих случаях, Иван Павлович обычно отнекивался, иногда ссылался на мою пристрастность к добровольцам или на чересчур строгие наши требования и в общем ничего не предпринимал. В дальнейших переговорах по аппарату, уже можно было улавливать со стороны ген. Романовского долю его недоверия и нерасположения к Донской власти и нотку высокомерия к Донскому командованию. Я умышленно старался не замечать неуместных иногда его колкостей по адресу Донской армии и каждый раз переводил наш разговор только на суть дела. Но эта моя тактика не останавливала Ивана Павловича и он, пользуясь всяким случаем, выходил из рамок делового разговора и нередко отпускал на счет Донской власти, более чем обидные эпитеты. Такое положение вещей, конечно, отнюдь не способствовало разрешению насущных вопросов и скорее их тормозило. Мало того, это обстоятельство служило дурным предзнаменованием возможности установления тесного и приятельского сотрудничества штабов двух соседних армий, преследовавших одну и ту же цель.

Вспоминая ген. И. Романовского, я далек от мысли судить об его военных дарованиях, или его организаторских способностях. Это — дело лиц, знавших его близко и работавших с ним. Здесь же, я считаю уместным оттенить лишь то, что в деловых со мной сношениях ген. Романовский без всякой видимой причины допускал странную не-

приязнь и даже злобность в отношении Донской власти и армии, о постоянных победах которой он был прекрасно осведомлен из ежедневных сводок. Столь же хорошо ему были известны и результаты, достигнутые донским командованием по созданию Постоянной казачьей армии. Я лично сам видел, как во время одного смотра этой армии, плакали старые генералы, вспоминая недавнее прошлое и усматривая в ней возрождение старой Императорской армии. Нет также оснований предполагать, что побудительным мотивом могло служить чувство, близкое к зависти, о чем пишет П. Н. Краснов, говоря: «Штаб Донской армии, богато снабженный и блестяще оборудованный, щеголял точностью донесений, красотой исполнения схем, аккуратностью работы, чего нельзя было сказать про штаб Добровольческой армии [184]).

Всякий щепетильный вопрос вроде сравнения продуктивности работы того или другого штаба или стройности и целесообразности организации их, я всемерно избегал затрагивать. Не было, казалось, и никаких внешних причин для недовольства ген Романовского на мой штаб. В начале фланги армий непосредственно соприкасались, причем при решении вопросов, связанных с этим, я всецело шел навстречу Добровольческой армии, быть может, даже в ущерб интересам Донской армии и требованиям обстановки. Наконец, несмотря на одинаковое наше положение и, следовательно, права, я считал ген. Романовского старшим и всегда проявлял к нему нужную предупредительность.

И вот, как тогда, так и теперь для меня составляют загадку мотивы, которые побуждали ген. Романовского держаться в отношении меня враждебной позиции [185]).

В основу своих взаимоотношений с начальником штаба Добровольческой армии я положил и настойчиво проводил в жизнь, как лейбмотив следующий принцип: если паны дерутся, то мы, начальники штабов, должны сделать все, чтобы у холопов остались чубы целыми. Но эта моя точка зрения не нашла поддержки в лице ген. Романовского. Он не считаясь с моим миролюбием, продолжал все в том же тоне вести переговоры, как бы испытывая устойчивость моего душевного равновесия. Конечно, так долго продолжаться не могло и рано или поздно атмосфера должна была разрядиться. Не помню по какому поводу, но ген. Романовский вновь в недопустимой форме отозвался о Донской армии. На его выпад я ответил тем же по адресу Добровольческой армии, а ленту разговора по аппарату показал командующему армией и Атаману, доложив при этом, что подобные замечания ген. Романовский уже неоднократно отпускал по нашему адресу, что такое его поведение истощило мое терпение и что в будущем всякий его подобный выпад, я буду соответственно парировать. И командующий армией и Атаман Краснов были возмущены отзывом ген. Романовского о войске и Краснов был вынужден просить ген. Деникина охладить пыл своего начальника штаба.

Первая наша резкая пикировка еще больше обострила взаимоотношения. Но она имела и хорошую сторону: Иван Павлович стал несколь-

---

184) Архив Русской Революции. Том V, стр. 205.

185) Я не придавал никакого значения разным слухам, которыми крестли ген. Романовского — «черным гением» Добровольческой армии, связывая с его именем все несчастья и невзгоды, выпавшие на долю Добровольческой армии. Погиб ген. Романовский в Константинополе от руки убийц в форме русских офицеров, оставшихся неразысканными и поныне.

ко сдержаннее, а у меня окрепла мысль, что на смирении с добровольцами далеко не уедешь и надо не забывать закон Моисея.

Конечно, по существу все это были лишь незначительные шероховатости между главами штабов Донской и Добровольческой армий, за которыми, к сожалению, скрывались уже принципиальные расхождения по более важным вопросам как то: взгляд на немцев, взаимодействие армий, использование офицерского состава, борьба с дезертирством из одной армии в другую.

Читатель уже знает, как относилось высшее добровольческое командование к германцам. Той же точки зрения держался и ген. Романовский. Вопрос о немцах невольно поднимался каждый раз, когда шли переговоры о высылке Доном Добровольческой армии снарядов и патронов. Иногда случалось, что мы сами ничего не имели в резерве и наши склады были пусты. В этих случаях, рисуя истинное положение, я обещал ген. Романовскому, при первой же получке нами снаряжения от немцев, исполнить его просьбу. Сказав просьбу, я не совсем точно определил этим словом то, что фактически исходило от Добровольческой армии. Это были требования, но отнюдь не просьбы. Говоря так, я нисколько не искажаю того, что было на самом деле. Командование Добровольческой армии предъявляло нам разнообразные притязания и обычно облекало их в форму требований. Мало того, каждый раз, почему-то признавалось нужным нам напоминать, что Войско обязано помогать Добровольческой армии. Такая постановка вопроса нередко вызывала горячий обмен мнениями. Ведь наши сношения с немцами и Украиной, имевшие следствием получение всего необходимого снабжения, высшие круги Добровольческой армии резко осуждали. Они за это негодовали на нас, высмеивали, приписывали обидные эпитеты, делая из нас предмет злостной и недостойной травли. А наряду с этим, в тяжелые минуты, ген. Романовский вызывал меня к аппарату и кивая на тех же немцев, просил помочь добровольцам. Он рисовал мне критическое положение Добровольческой армии, ввиду недостатка снарядов и патронов и подчеркивая «нашу дружбу» с немцами, убеждал меня, если наши склады были пусты, обратиться к ним и от них получить все нужное для Добровольческой армии. Разве не ясно, что этим самым, Добровольческая армия через своего начальника штаба возлагала на нас весьма неприятную роль тайного посредника между нею и немцами. Больше того, этим же самым, быть может, против своей воли, Добровольческое командование наличие немцев бесспорно признавало фактором, могущим облегчить борьбу Белых армий с Советской властью. Уклоняясь сами от непосредственного контакта с немцами, они в нужных случаях, толкали нас на сближение с германцами, а затем эти наши сношения с немцами предавали в Екатеринодаре анафеме. И Атаман и особенно командующий армией несколько раз подчеркивали это явное несоответствие, но в ответ слышали или несерьезные объяснения или заверения и ссылки на фанатичную верность Добровольческой армии союзникам.

Я всячески избегал затрагивать принципиальную сторону этого вопроса, но высылая Добровольческой армии просимое ею, настойчиво убеждал Ивана Павловича Романовского повлиять на Екатеринодарскую прессу и прекратить нападки на немцев и на Украину, дабы не лишить нас, а, значит, и их, немецкой помощи. Должен признаться,

что неохотно и даже с весьма тяжелым чувством, я подходил к телеграфному аппарату, когда меня просила ставка Добровольческой армии. Я заранее предвидел, что всякий наш разговор кончится рядом просьб и требований со стороны Добровольческого командования, каковые Дону порой не по силам выполнить, что лишь вызовет упреки и ненужную неприятную полемику. Не могу умолчать того, что считая нас обязанными помогать Добровольческой армии, ее командование эту обязанность отнюдь не распространяло на себя. Я вспоминаю, например, тот случай, когда добровольцами было захвачено несколько мощных радиостанций, каковых у нас не было. Мы просили одну передать нам. После длительной переписки пришел ответ: одну станцию уступить нам могут, но за 300 тысяч рублей. А мы, запасами Дона и тем, что захватывали у большевиков, делились с добровольцами всегда безвозмездно.

Если вопрос о немцах каждая сторона усвоила своеобразно и не было никакой надежды найти примирительную равнодействующую, то казалось, использование армиями офицерского состава не могло вызвать особых осложнений. В действительности и этот вопрос далеко не был разрешен гладко и без взаимных упреков. На всех офицеров русской Императорской армии Добровольческие вожди предъявили своего рода монополию. Ген. Романовский, например, наличие наших вербовочных бюро на Украине и в Ростове, расценивал, как «перехватывание и сманивание» нами офицеров, едущих в Добровольческую армию [186]). Против такого упрощенного толкования, я горячо протестовал. Донская армия боролась с большевиками и, значит, имела такое же право, как и Добровольческая армия. Потери у донцов в офицерском составе были огромны. Опасение оказаться совсем без командного состава заставило Донское командование искать источники пополнения и иметь свои вербовочные бюро. В Донской армии офицеры пополняли собой только командные должности, тогда как Добровольческая армия ставила их на роль рядовых, допуская в этом отношении роскошь, о которой мы мечтать не могли. Уже сам по себе такой способ использования Добровольческой армией офицерского состава определенно указывал на переизбыток у ней офицеров. Тыл Добровольческой арми был тогда буквально запружен офицерами, скитавшимися в нем и ожидавшими по несколько месяцев своего назначения в армию. Полную противоположность в этом отношении представляла Донская армия. При ее увеличении у нас оказалось около 30 процентов незаполненных офицерских вакансий до командиров полков включительно. Огромный недохват был и в офицерах генерального штаба.

Мне памятны картинки, когда я с дежурным генералом Донской армии ген. Бондаревым, уделяли много времени, ломая головы, как бы целесообразнее и удовлетворительнее разрешить этот больной вопрос. Приходилось выбирать на должности командиров полков, пользуясь

---

186) И раньше, и теперь, вне Родины, мне неоднократно приходилось слышать рассказы офицеров о том, как специальные агенты Добровольческой армии отговаривали их от поступления в Донскую армию, рисуя порядки в ней в весьма непривлекательном виде, и как настойчиво убеждали записаться в Добровольческую армию, обещая соответствующие должности. Офицеры верили, ехали и в результате часто пополняли собой места рядовых.

списком даже штрафных штаб-офицеров, против фамилий которых стояли такие, примерно, примечания: «злоупотребил казенными деньгами», «умышленно оставил полк во время боя», «неспособен к службе из-за контузии», «отчислен от командования за нерадение к службе» и т. д. и т. д. Мы вынуждены были идти на компромиссы и использовать все то, что у нас было.

Еще острее стоял вопрос с офицерами генерального штаба. Нередко бывало, что во всем моем штабе, ведавшим сначала двумя, а затем тремя армиями, включая меня и генерал-квартирмейстеров было 4—5 офицеров генерального штаба. Остальные, в числе 3—4 среди них даже и начальник оперативного отделения полк. Калиновский, были командированы на фронт, замещать должности начальников штабов, при начавшихся серьезных военных операциях. Полагаю, что такая потрясающе жуткая картина нужды в офицерах генерального штаба не требует никаких особых пояснений.

Я несколько раз обращался к Ивану Павловичу Романовскому, рисовал ему безысходность и критичность нашего положения в отношении комплектования армии офицерским составом и просил его помочь нам. Обращаясь к нему с просьбой, я должен признаться, в тайне рассчитывал, что он не сможет отказать мне, хотя бы уже по одному тому, что его многочисленные просьбы я выполнял неоднократно. Но ген. Романовский не давая мне отрицательного ответа, в свою очередь, ссылался на недостаток и у них офицеров, что, конечно, совершенно не отвечало действительности, иногда обещал обдумать этот вопрос, причем не упускал всегда довольно ясно подчеркнуть, что будь единое командование, иначе говоря, — подчинись Дон ген. Деникину, офицеры бы нашлись. Вне всякого сомнения, что в Добровольческой армии был большой переизбыток в офицерском составе. Это в сущности подтверждал и сам начальник штаба Добровольческой армии, когда он удовлетворение нашей просьбы ставил в зависимость от исполнения нами предварительного условия — подчинения Дона ген. Деникину, о чем я подробно остановлюсь ниже. В общем итоге выходило: мы всем, чем могли помогали Добровольческой армии, но если мы что-либо просили, то нам отказывали, или ставили предварительно неприемлимые для нас условия. И конечно, когда разговор касался этой темы, то обычно принимал довольно острый характер.

Но еще в более уродливую форму вылился именно тот вопрос, который благодаря своей простоте и ясности не допускал ни двух толкований, ни половинчатых решений. Я говорю о борьбе с дезертирством из одной армии в другую и преимущественно офицерского состава. В гражданскую войну, в силу ненормальных условий, а также и в силу общего падения морали и дисциплины, вопрос о дезертирстве приобретал весьма важное значение. Наличие нескольких противобольшевистских фронтов открывало широкие пути для перехода офицеров из одной Белой армии в другую [187]), даже и в тех случаях, когда им были

---

[187]) Некоторые офицеры сделали из этого своеобразный промысел или занятие. Отрицая советскую власть, они записывались в одну из Белых армий, а затем, под всякими благовидными предлогами, просили разрешения о переводе в другую армию, обычно отстоявшую от первой на десятки тысяч верст. Получив таковое, они, уже на законном основании, освобождались от участия в борьбе, бесконечно долго «собирались в дорогу», а затем длинными месяцами совершали свой переезд. Когда они прибывали в другую армию, они заблаговременно унич-

совершены антидисциплинарные поступки или еще более тяжкие преступления. Это явление у нас на Юге могло принять весьма большие размеры, если иметь в виду, что армии соприкасались и, следовательно, переход из одной в другую не представлял никаких затруднений. Верхи армий враждовали, что у многих могло породить сознание безнаказанности за прежние деяния, в случае перехода их в другую армию. При таких условиях непринятие в этом отношении нужных мер, подрывало бы дисциплину и наносило вред общему делу борьбы.

Не желая давать в своей армии приют добровольческим дезертирам, стремившимся, быть может, лишь избегнуть заслуженной там кары, мы отдали распоряжение категорически воспрещавшее прием в Донскую армию лиц, состоявших в рядах Добровольческой армии. На многочисленные просьбы, обращенные в штаб о разрешении вступить в Донскую армию, всегда следовал один и тот же трафаретный ответ: принципиально препятствий против службы в рядах Донской армии не встречается, но необходимо предварительно иметь соответствующее разрешение на это начальника штаба ген. Романовского или дежурного генерала Добровольческой армии. Поступая так, мы могли рассчитывать, что такой же порядок установит у себя и Добровольческое командование. Но к глубокому огорчению, даже в таком вопросе, каковой бесспорно не допускал двух мнений, мы никак не могли сговориться. Само собою разумеется, что наши мероприятия, круги Добровольческой армии молчаливо одобряли. Но однако они не считали себя обязанными и в отношении нас поступать так же [188]).

Нам было больно и обидно, а для дела вредно, когда донские дезертиры не только не преследовались командованием Добровольческой армии, но на ее территории находили радушное гостеприимство. Даже больше: некоторые пользовались особо теплым вниманием главнокомандующего Добровольческой армией ген. Деникина. Достаточно назвать хотя бы только двух донских генералов Сидорина и Семилетова. Эти генералы достаточно ярко запятнали на Дону свои генеральские погоны. Довольно красноречив тот случай, когда они, обманув начальника Донской флотилии, получили от него казенный пароход и с группой офицеров своих единомышленников и бездельников, вместо службы в рядах Донской армии, совершали своеобразную прогулку по реке Дону. Останавливаясь в станицах, они вели беззастенчивую и опас-

тожали свои командировочные документы и поступали в армию уже как добровольцы, с тем, чтобы в ближайшее время вновь проделать ту же комбинацию в отношении какого-либо другого отдаленного фронта. В 1919 году я встретил много офицеров на пароходе Добровольного флота «Могилев». Они ехали из Англии и Франции к адмиралуКолчаку. Некоторые из них чистосердечно рассказали мне свою одиссею.

[188]) Я вспоминаю свой разговор с ген. А. Келчевским (профессор Военной академии и бывший командующий IX Русской армией), когда он приехал к нам и обратился ко мне с просьбой принять его в Донскую армию. Первое, что я ему сказал, было: «Но ведь ты, вероятно, зачислен в резерв Добров. армии и обязан пройти там через «чистилище» — «реабилитационную комиссию» (учреждение чрезвычайно уродливое), в этом случае тебе надо для поступления к нам запастись разрешением Романовского». «Ничего подобного, — ответил он мне. — В Екатеринодаре я несколько дней ожидал аудиенции, пока, наконец, Антон Иванович не соблаговолил принять меня, а приняв, с царским величием «обласкал» меня за мое пребывание на Украине, определенно дав мне понять, что я им неугоден и могу убираться на все четыре стороны. Я выбрал одну и приехал к тебе».

ную для дела агитацию против главы Донской власти Атамана ген. Краснова. Своей демагогией и клеветой они смущали душу рядового казака и сеяли семя внутреннего раздора. К счастью, эта поездка продолжалась недолго. В одной из ближайших станиц к Новочеркасску, их выступление станичники встретили с негодованием и даже враждебно. В дело вмешалась местная станичная власть, телеграфно запросившая донское командование, как поступить с самозванными агитаторами, подстрекающими казаков к неповиновению существующей Донской власти. Было приказано их арестовать и доставить в Новочекасск. К сожалению, Донской Атаман, против воли Донского командования, счел возможным ограничиться лишь применением к ним дисциплинарного взыскания и в назидание другим — отдачей приказа Войску, в котором деяния этих генералов были классифицированы, как недостойные высокого звания офицера, а тем более генерала. Отбыв наказание, названные генералы, в скором времени, перекочевали в ставку Добровольческой армии. Там их встретили, как героев. К ним проявили особенное внимание и ласку, окружив их ореолом мучеников, Видимо, с целью еще большей демонстрации против Донской власти, и дабы ярче подчеркнуть, как Добровольческое командование умеет ценить донских дезертиров, им были предоставлены даже должности. Ген. Сидорин занял при главнокомандующем Добровольческой армии должность вроде генерала для поручений и ближайшего доверенного осведомителя о Доне [189]), а ген. Семилетов начал формировать «Донской партизанский отряд» из охотников донских казаков. И это в то время, когда на Дону было принудительно мобилизовано около 30 возрастов, т. е. почти все мужское население. Поэтому смешно и совершенно несерьезно было говорить о каих-то «охотниках». Кем же в этом случае мог пополняться Семилетовский отряд? Вне всякого сомнения, только дезертирами из Донской армии.

Обходя молчанием этическую сторону вопроса отношения высших кругов Добровольческой армии к донским генералам, дезертировавшим на ее территорию, мы, однако, горячо протестовали против Семилетовского формирования, тщетно стараясь доказать ставке Добровольческой армии огромный вред такого формирования, как для Донской армии, так и для общего дела и настойчиво требовали прекратить подобные эксперименты. На все наши протесты Добровольческое командование, нисколько не стесняясь, упорно отрицало самый факт формирования. Нам официально заявляли, что мы заблуждаемся, что это — плод нашей фантазии и больного воображения, выдумки и необоснованные поклепы на Добровольческое командование [190]). А между тем, дело приняло угрожающий характер: Семилетовские листовки, приглашавшие казаков в отряд, находили все больший и больший сбыт на позициях. Призыв донского генерала идти в отряд в гор. Екатеринодар, значит в тыл, пришелся по вкусу малодушным и уставшим,

---

[189]) Ниже читатель найдет подтверждение моим словам.

[190]) Насколько подобные заверения Добровольческого командования были далеки от истины, можно видеть уже из того, что в момент отъезда Атамана Краснова из Донской области 6 февраля (Краснов отказался от атаманства ночью 2 февраля 1919 года) на ст. Ростов, рядом с атаманским поездом стоял первый эшелон Семилетовского отряда, только что прибывший из Екатеринодара. Этот эшелон и я сам лично видел. Подтверждение этому факту можно найти еще и в Архиве Русской Революции, том V, стр. 321.

которых прельщала уже одна перспектива оставить позиции и некоторое время побывать в тылу, где жизни не грозила ежеминутная опасность. Число желающих покинуть позиции постепенно росло. Дезертировали и офицеры «степняки» (участники Степного похода с Походным Атаманом П. Х. Поповым). Убегали не только сами, но с собой уносили оружие и даже пулеметы, причем из Екатеринодара им давались инструкции, как надо незаметно в разобранном виде провозить в Семилетовский отряд пулеметы с позиций. Одна из инструкций попала в руки донской контрразведки и была доставлена мне. Какие же еще большие доказательства надо было иметь, чтобы окончательно убедить нас, что с ведома командования Добровольческой армии, в Екатеринодаре проделываются вещи, наносящие вред Дону.

Здесь я закончу описание наших отношений с Добровольческой армией ибо, в дальнейшем, при изложении событий, этот вопрос сам собою всплывет еще несколько раз.

Надо иметь в виду еще то, что чувства неприязни и предвзятого недоверия к Донской власти, культивируемые кругами Добровольческой армии, нашли горячее сочувствие и поддержку среди так называемой донской «оппозиции». Зарождение последней на Дону, по существу, не обуславливалось, как то обычно бывает, несогласием общественных групп или политических партий и расхождением их с программой, проводимой Правительством, отнюдь нет. Не имела оппозиция корней и в народной массе. Мероприятия Правительства в целом, отвечали чаяниям казачества и, следовательно, не было причин к накоплению в казачьей массе острого чувства недовольства.

Казачество уже жестоко заплатило за свое увлечение льстивыми большевистскими обещаниями и потому ясно сознавало, что только крепкая власть может с честью вывести войско Донское из создавшегося тяжелого положения. Вследствие этого, казачество в большей своей части, стремилось поддержать и укрепить авторитет существующей власти, которая в основу своих действий, прежде всего, клала благо народа. Донская «оппозиция, если ее можно так назвать, родилась в среде нашей гнилой интеллигенции, которая, как известно, усиленно подтачивала устои Государства Российского, а когда эти устои рухнули, она оказалась несостоятельной удержать власть в своих руках и, покорно передав ее большевикам, сама разбежалась. Ее зарождение обуславливалось исключительно личными мотивами. Чувство уязвленного самолюбия, личная обида, зависть, злоба и месть к главе войска Донского и ближайшему его окружению, явились камнями, положенными в ее основание. Ее сильно поддерживал и воодушевлял бывший Походный Атаман П. Х. Попов, со своими помощниками генералами: Сидориным, Семилетовым, и полковниками: Гущиным, А. Бабкиным, Гнилорыбовым, И. Быкадоровым и другими участниками «Степного похода». Они считали себя, после расформирования нами партизанских отрядов, так или иначе обойденными или обиженными. Дело в том, что их ставка на ген. П. Х. Попова, как будущего Донского Атамана в мае месяце 1918 года оказалась битой и все расчеты нарушенными. Избрание ген. Краснова Донским Атаманом не отвечало их чаяниям и сильно их озлобило. Работать на скромных постах, в соответствии с их знаниями и способностями, они не захотели. Вместо честного труда, эти люди стали всячески будировать в обществе, мутить

казаков и применять всевозможные средства и способы, лишь бы свалить Атамана Краснова, стоявшего на пути к осуществлению ими их корыстных, личных целей.

Как я уже упоминал, в день избрания Донским Атаманом ген. Краснова, Походный Атаман ген. Попов ушел в отставку. Уклонились от работы и его ближайшие сотрудники, посвятив все свое свободное время борьбе с Донской властью. Позорное поведение донских генералов, нашло в окружении генерала Деникина живой отклик. На почве обоюдного недовольства Донской властью произошло трогательное слияние одних и других. В результате, донская «оппозиция» стала крепнуть и, черпая в Екатеринодаре средства и моральную поддержку, начала действовать более решительно. С течением времени, в ее ряды стал вливаться еще и новый элемент. Надо иметь в виду, что Новочеркасск жил тогда далеко не нормальной жизнью. Все квартиры были переполнены. Исконные жители Донской столицы жались и продолжали сжиматься все дальше и дальше, впуская к себе новых пришельцев, чуждых Дону, бежавших сюда из Советской России. Разнообразные дельцы, банкиры, промышленники, чиновники, общественные деятели, члены Государственной Думы, купцы, артисты, журналисты, торговые спекулянты, словом чрезвычайно пестрый элемент просачивался ежедневно и оседал в Новочеркасске, который непрестанно разбухал. То же было и в Ростове.

Стали появляться новые газеты разных политических направлений, каждая по-своему наэлектризовывавшая население. Пульс больших центров области начал биться сильнее.

Интеллигенция в массе, ненавидела большевиков, но, я бы сказал, не открытой ненавистью, толкающей человека на все, на геройство и подвиг, а скорее ненавистью глухой, трусливой, грозящей из-за угла.

Пока над городами висела опасность возвращения большевиков, интеллигенция таилась по подвалам и погребам, мечтая лишь, чтобы было мясо, хлеб, сахар, чтобы не слышно было стельбы, а главное, чтобы большевики больше не вернулись. Но животный страх быстро прошел, когда окончательно исчезла опасность нового нашествия красных. Тогда интеллигенция, особенно пришлая, уклоняясь от непосредственного участия в борьбе с красными, мало-помалу, стала повышать голос и претендовать на роль, которую она играла в Царской России. Удовлетворить всех Дон, конечно, не мог, — это ему было не по силам. Атаман многим отказывал и решительно пресекал непрошенное вмешательство в дела управления Краем. Это постепенно создавало ему личных врагов. Некоторые не захотели простить отказа и занялись вредной политической пропагандой, стремясь взбудоражить общественное мнение и всплыть на мутной воде. Для парализования подобной деятельности Донская власть приняла оградительные меры и стала применять высылку из пределов Донской области[191]). Большинство высылаемых оставалось в Екатеринодаре. Там вскоре при

---

[191]) В числе других лиц, из Новочеркасска за вредную агитацию был выслан и председатель Государственной Думы М. Родзянко. Я настаивал, чтобы они высылались в Советскую Россию, а не на юг, к добровольцам, где, оседая они увеличивали лишь ряды нашей «оппозиции». Только осенью 1918 г. первая высылка к большевикам была применена к еврейке-студентке за агитацию среди студентов Ростовского Университета и за призыв к забастовке.

штабе Добровольческой армии, при молчаливом согласии ген. Деникина, образовалась внушительная по размерам шумная толпа, внешне пестрая, внутренно единая, спаянная шипящей злобой и личной местью к Атаману Краснову и его сотрудникам [192]).

Контакт Дона с немцами дал «оппозиции» весьма обильную пищу и послужил для нее ценным орудием против Краснова. Он не только сплотил ее, но и дал оппозиции возможность выйти из рамок личного недовольства и обиды против Донского Атамана и прикрыться более удобным флагом — несогласия с политикой, проводимой Красновым в отношении германцев. Таким образом, создалась весьма благоприятная почва для ожесточенной кампании против Донской власти. Общество раскололось на «ориентации». Вокруг них сплетались и разгорались страсти, а интересы личные и корыстные цели, лежавшие в основе донской «оппозиции», прикрылись пеленой интересов партийных и общественных.

Глубоко неправ К. Каклюгин, когда он говорит [193]): «отношения к немцам были шире и глубже тех, вынужденных связей, которые создались вследствие оккупации немецкими войсками части Донской территории... В этих-то особенностях, в этой исключительнсти в отношениях Атамана с немцами и следует искать причины возгоревшейся борьбы».

Только поверхностное наблюдение событий и незнание или умышленное искажение истинной подкладки, могло привести К. Каклюгина к подобному выводу.

Деловой контакт Донской власти с немцами явился лишь удобной ширмой, за которую оппозиция спрятала свои побуждения личного порядка. В то же время, благодаря ему, разнородные, оппозиционно настроенные элементы, оказались спаянными в одно целое. Последнее обстоятельство надо объяснить тем, что донская «оппозиция» искусственным муссированием немецкого вопроса, в конце концов, сумела не только разжечь страсти в обществе, но и привлечь к решению вопроса широкие слои интеллигенции.

Время уже сняло покровы и теперь ни для кого не может быть тайной, что наиболее действенным элементом оппозиции явилась группа офицеров-партизан, лично обиженных и мстивших Атаману и его помощникам [194]); вторая группа — часть русской пришлой интеллигенции, настойчиво пытавшаяся присосаться к власти, но безуспешно; за

---

[192]) Иначе говоря это было то, что по словам ген. Деникина составляло «общественность» и что при решении вопроса «Дон» или «Добровольческая армия», когда союзники потребовали единства военного центра, — сказало свое «решающее» слово за вторую. «Очерки Русской смуты», том III.

[193]) Донская Летопись, том III, стр. 76.

[194]) Несколько раз я получал угрожающие анонимные письма от «группы Донских штаб и обер офицеров». В них требовали моего ухода с поста и предоставления места другим, оставшимся не у дел. В случае неисполнения этого требования обещали из-за угла послать мне пулю или бомбу. Кто были авторы и вдохновители таких посланий, я не сомневался. Меня больше интересовало другое: наряду с указанными, такие же письма слали мне и большевики, приговорившие меня к смерти. Последние особенно негодовали на меня за облавы в больших населенных пунктах, как, например, в Новочеркасске, обычно дававшие блестящие результаты. И бывало в долгие зимние вечера, после 14—18 часовой работы, я сравнивал полученные послания и откровенно должен сказать, что в моем сознании авторы одних и других, — отождествлялись.

ней шли представители донской интеллигенции, впитавшие в себя достижения «бескровной» и оставшиеся тогда не у дел, но игравшие при Каледине видную роль. Они расценивали Атамана и его окружение противниками революции и идеи народоправства. Наконец, четвертую группу составляли руководящие круги Добровольческой армии, претендовавшие на подчинение себе Дона, но встретившие отпор в лице Атамана и Донского командования. Таков, в главных чертах, был состав «оппозиции». Впоследствии, к ней примкнули и некоторые представители кадетской партии, очутившиеся на Дону. Немецкий вопрос, надо полагать, только создал оппозиции благоприятные условия для взбудораживания общества и для агитации против Атамана. Подыскать тогда иные пункты обвинения ген. Краснову было невозможно. Без преувеличения можно считать, что всякий уволенный со службы, иногда с преданием суду за проступки, порой порядка криминального, или по каким-либо причинам не принятый на службу, или наконец, получивший предупреждение за вредную деятельность — находил место в «оппозиции». Не считаясь ни с моральным обликом, ни с удельным весом — там каждому были рады, как мученику существующего режима. Если раньше, например, лицо присвоившее казенные деньги, подвергалось вполне понятной обструкции — от него сторонились, избегали принимать в обществе, клеймили преступником и мошенником, то в «оппозиции» на такого субъекта смотрели как на «героя» и жертву произвола Донской власти. Между тем, как я уже упоминал, падение нравов и общая распущенность, проникшие тогда во все слои общества, побудили Донское Правительство для искоренения этих явлений применять суровые меры и строго карать нарушителей порядка. В итоге, число недовольных росло и, значит, крепла «оппозиция».

В обществе образовался своеобразный тотализатор: одни играли на союзников, другие на немцев. Ставившие на первых полагали, что при победе союзников, последние не захотят иметь сношения с Атаманом, откажут в помощи Войску и Краснов вынужден будет уйти. Они намеренно подчеркивали свою враждебность к немцам, дабы в будущем, если верх возьмут союзники, заслужить их признательность. Ту же мысль оппозиция исподволь старалась внедрить казакам, убедить их в несомненной победе союзников над немцами и вызвать в казачьих массах естественную тревогу и опасение за будущее. И мало, очень мало, кто знал, что сам Краснов не делает никакой ставки ни на немцев, ни на союзников. Единственный его расчет, вера и надежда были донские казаки и разум русского народа, одурманенный большевистскими идеями. Краснов верил, что рано или поздно народ сам сбросит этот красный налет. Однако, несмотря на это и Краснову и его помощникам, оппозиция привесила также и ярлык «самостийности». Редко кто серьезно разбирался в этом вопросе, обычно смешивая понятия «самостийности» краевой, касавшейся внутреннего управления Областью, с «самостийностью» — порядка общего — Российского. В первом случае, Атаман Краснов был действительно самостийник. После Калединского урока [195]), он не верил иногороднему населению Области, не допускал его к управлению краем и говорил: «Дон для Донцов». Но зато в вопросах политики общей, Краснов никогда не отде-

---

[195]) Калединский «паритет» см. «Воспоминания», часть II.

лял Дона от России, считая их нераздельными. И никто другой, как он, постепенно воспитывал казачью массу в сознании необходимости бороться за «Единую, Неделимую». В своей программной речи перед Кругом 16 августа 1918 года Атаман говорил: «не спасут Россию ни немцы, ни англичане, ни японцы, ни американцы — они только разорят ее и зальют кровью . . . спасет Россию — сама Россия. Спасут Россию ее казаки, Добровольческая армия и вольные отряды Донских, Кубанских, Терских, Оренбургских, Сибирских, Уральских и Астраханских казаков. И тогда снова, как встарь, широко развернется над дворцом нашего Атамана бело-сине-красный русский флаг — Единой и Неделимой России» [196]). Где же, в чем же здесь «самостийность»? И как низки и омерзительны кажутся после этого все обвинения, которые бросали враги Атамана, не гнушавшиеся никакими средствами дабы очернить ген. Краснова и поколебать его престиж в казачьей массе и обществе.

Менее всего сам Краснов и его единомышленники опасались прихода союзников, считая, что если немцы — враги, помогали Дону в его борьбе с большевиками, то тем более, это обязаны будут сделать наши союзники, связанные с нами узами дружбы, запечатленными кровью в минувшую войну.

Первое время «оппозиция» проявляла слабую деятельность. Но затем, окрепнув, она начала в борьбу постепенно втягивать разнообразные слои городского населения и расширять свою сферу влияния на станицы, а главное — армию, что могло иметь глубокие последствия для всего освободительного движения.

Ведение боевых операций и организация вооруженных сил войска отнимали у меня столько времени, что я, к глубокому своему сожалению, не мог уделить должного внимания этому вопросу и принятием соответствующих мер парировать в нужных случаях оппозиционные выступления или нужными мерами предупреждать самую возможность их возникновения.

Моя ошибка заключалась в том , что я недооценивал значение вреда, наносимого оппозиционно настроенными элементами и всецело отдавался работе фронта.

Между тем, мне думается, необходимо было подбором документальных данных и компрометирующего материала доказать командующему армией и Атаману гибельность последствий, каковые могут возникнуть, если к оппозиции не будут применены беспощадные меры, вплоть до предания военно-полевому суду. Я глубоко убежден, что такого рода меры, дали бы отличные результаты. Они, прежде всего, охладили бы у будирующего элемента пыл и притупили бы у него вкус к власти. Но этого сделано не было. К оппозиции применяли полумеры, уделяя все внимание борьбе с большевиками и забывая большевиков внутренних.

Очередной задачей Донского командования в борьбе с красной гвардией, после овладения 28 апреля г. Ал. Грушевским, было очищение центра Области, т. е. восточной части Донецкого и 2-го Донского округов.

---

[196]) Из речи Донского Атамана Войсковому Кругу 16 августа 1918 года.

Осевшая здесь группа противника, состоявшая частью из остатков наших III и V армии, зараженных большевизмом и отошедших сюда с запада под давлением немцев, частью же из красногвардейцев местного происхождения (район изобилует неказачьим населением) совершенно отрезывала и парализовала весь север Дона от юга и сердца Области — Новочеркасска.

Между 15 и 19 мая концентрическим наступлением донских войск, объединенных под командой ген. Фицхелаурова [197] (около 9 тыс. пехоты и конницы при 11 орудиях и 36 пулем.) отряд центральной группы противника, под начальством Щаденко, после жарких боев, был выбит из Донецкого округа. Уцелевшим его остаткам удалось пробиться на восток на соединение с Морозовским отрядом красных, что поставило войска ген. Мамантова в весьма критическое положение, вынудив их отбиваться на две стороны. Дабы спасти положение, было приказано ген. Фицхелаурову во что бы то ни стало разбить эту группу противника. Эту задачу он блестяще выполнил, сбив после семидневного упорного боя Морозовский отряд красных, который отступил на восток в район ст. Суворино, на железнодорожной линии Лихая-Царицын.

Кстати сказать, эти победы не всегда легко давались казакам. Красные временами оказывали необычайно упорное сопротивление, особенно если они, успев основательно похозяйничать, награбили достаточно имущества, которое держали при себе. В таких случаях, не желая расстаться с награбленным, красногвардейцы проявляли большую стойкость и иногда встречали конные атаки донцов штыками.

Отличное вооружение, богатая техника, включительно до броневых автомобилей и поездов, большие запасы огнестрельных припасов и, наконец, владение железными дорогами — сильно облегчали красным условия борьбы.

Среди отбитой добычи в красногвардейских поездах нередко можно было найти абсолютно все, начиная от богатой обстановки, роялей, колясок и кончая дамской парфюмерией и дорогими винами, вплоть до шампанского. Так «товарищи», направляясь с фронта домой, попутно в больших городах совершали набеги и без разбора грабили все, что им попадалось, набивая этим свои эшелоны.

Первое время захваченную добычу казаки дружин и полков считали собственностью своей части. Оружие давали казакам, которые еще его не имели, снаряды и патроны оставляли себе, а все остальное слали в станицу, как подарок женам или в общую станичную казну. К пленным большевикам казаки относились, в общем, свысока, пренебрежительно и чаще безразлично. Без суда не расстреливали. Пленных использовали, главным образом, на черных работах у себя, или с той же целью отсылали их в глубокий тыл. Зато пленным казакам пощады не давали. Были случаи, когда отец сына или брат брата приговаривали к смертной казни.

---

197) Основное ядро его войск составили части, взявшие г. Ал. Грушевский. Кроме того к ним были присоединены отряды: 1-го Донского округа Войск. старш. Старикова, полк. Шиплова и есаула Веденеева и Донецкого округа: подъесаула Попова и Войск. старш. Конькова.

1-го июня войска ген. Фицхелаурова совместно с частями ген. Мамантова, овладели ст. Суворино, принудив противника, бывшего здесь, отступить к Царицыну за р. Лиску в район ст. Чир.

При выполнении указанных операций, Донскому командованию пришлось столкнуться с весьма прискорбным явлением, а именно — нежеланием казаков далеко отрываться от своих станиц или выходить за пределы своего округа. Стали появляться признаки сепаратизма отдельных округов, грозившие иногда большими осложнениями.

Только беспощадными репрессиями и широким применением полевых судов, а также примером отдельных полков, вышедших из пределов своего округа, Донскому командованию, в конечном итоге, удалось сломить этот узкий казачий патриотизм и повести казаков на освобождение Области.

В течение всего мая и особенно между 20 и 26 числами войска ген. Мамантова, оперировавшие в районе Нижне-Чирской станицы, выдержали сильнейший напор противника с северо-запада и юга и только ценой непомерного их упорства, атаки красных были отбиты. Но казачьи части из-за недостатка патронов, понесли большие потери.

Одновременно с развитием боевых действий в центре Области, на севере группа Хоперцев, объединившись вокруг Зотовской станицы, с 14 мая также начала активную борьбу с красными бандами. Рядом боев и весьма упорного 29 мая под станицей Урюпинской хоперцы разбили противника и 31 мая заняли свою окружную станицу.

В конце апреля и начале мая на северо-востоке Области в Усть-Медведицком округе, бывшем пока пассивным, произошло несколько стычек, преимущественно, казаков-партизан, которым удалось изгнать красных из Усть-Медведицы, и оттеснить их с линии железной дороги Поворино—Царицын.

Результатом изгнания центральной группы противника, явилось объединение казаков южных округов с казаками Верхне-Донского, Донецкого и 2-го Донского и установление контакта с северной частью Области, освободилась обширная, густо населенная территория для пополнения рядов армии, отпала угроза в самом центре Области и, наконец, развязались руки для дальнейшей борьбы по очистке от врага тех частей Донской земли, кои еще оставались под игом красного террора.

Воспользовавшись отвлечением сил ген. Мамантова на Суворинское направление, большевики, в начале мая, захватили всю богато населенную левобережную полосу Дона от ст. Потемкинской до Каргальской. Занимая указанную полосу, красные лишали нас возможности пользоваться рекой Доном, как коммуникацией для питания весьма важного Чирского фронта и, следовательно, отдаляли на неопределенное время окончание операции по очистке Области в главнейших районах. Сверх того, частые восстания донцов в тылу противника и, как результат этого, неудачи красных, чрезвычайно их озлобляли. Всю свою месть и злобу красногвардейцы изливали в грабежах, издевательствах и жестоких глумлениях над мирным населением. Они насиловали девушек, зверски пытали священников и уважаемых в станицах стариков. Были случаи, когда они привязывали свои жертвы к крыльям ветряных мельниц и пускали их в ход, или живыми закапывали в землю. Ежедневно десятки невинных человеческих жизней

приносилось в жертву дикому безумию красных. Казачество стонало, но будучи невооружено, не могло противодействовать насильникам.

Учитывая это, Донское командование решило в кратчайший срок ликвидировать осевшие здесь большевистские банды. Операции по очистке прибрежной полосы среднего течения Дона возложены были на особый экспедиционный отряд из боевой флотилиии и дессанта под общим командованием полк. Дубовского.

5-го июня названный отряд, при содействии казаков Камышенцев, выбил противника из ст. Каргальской, а к утру 6-го занял и ст. Романовскую. Одновременно местные казачьи отряды, возникшие здесь по собственному почину, ринулись за Дон и к 7 июня весь левый берег Дона был очищен от красных.

Как бы продолжением этой операции явилось изгнание противника из юго-восточной области Сальского округа. С половины апреля до середины июня борьба здесь велась довольно вяло. В значительной степени, это объяснялось наличием в этом районе больших неказачьих слобод, большевистски настроенных, которые приютили у себя красных и во всем им помогали. Более энергичные здесь действия донцов начались в связи со взятием Добровольческой армией ст. Торговой, разъединившей этим красных, действовавших по линии Царицын—Тихорецкая. Казачьи отряды Задонского района полк. Быкадорова, вмесет с частями Добровольческой армии, овладели Великокняжеской окружной станицей Сальского округа, а затем уже самостоятельно преследовали красных на северо-восток.

Таким образом, за две недели с 5-го по 22 июня, усилиями Донской армии на юго-востоке Области были достигнуты существенные результаты: восстановлена коммуникация Чирского района по р. Дону, захвачена часть железной дороги Торговая—Царицын, освобождено на юге 22 станицы, казаками коих пополнены ряды армии и, кроме того, явилась возможность на огромной терриотрии снять покосы и убрать поля, избавив их от уничтожения красными.

В конце июня и первой половине июля центр боевых действий перенесся на противоположные концы Области — север и юг.

В течение второй половины июня красные повели настойчивые атаки на юге Области на Кагальницко-Егорлыцкий участок. Наивысшего напряжения бои достигли 28-го июня, когда Кагальницкой и Мечетинской станицам грозило окружение. Но дружной контратакой донские и добровольческие части нарушили план красных и далеко отбросили их от этих станиц. После этого Добровольческая армия направилась к Тихорецкой, куда вышла к 1 июля.

Почти одновременно Батайский отряд донцов нанес противнику короткий удар в районе ст. Злодейской на линии железной дороги Ростов—Торговая. Боясь за свой тыл, ввиду угрозы ему Добровольческой армией, красные 8-го июля начали отход от Батайска на юг, преследуемые донскими частями и к 13 июля остатки противника были выброшены за пределы Области.

Этой операцией был освобожден от большевиков юг Области т. е. части Ростовского и Черкасского округов, отпала угроза Новочеркасску с юга и, вместе с тем, донское командование могло, за счет этого района, усилить другие направления, а с прибывающими подкреплениями перейти к более решительным действиям.

Вместе с атакой на Кагальницко-Егорлыцкий участок противник предпринял наступление на широком фронте на севере и северо-востоке Области, в Хоперском и Усть-Медведицком округах, в расчете еще раз попытать счастье сыграть на неустойчивости станичников этих райнов. И, надо признать, что большевистиские главковерхи были правы, особенно в отношении Усть-Мемведицкого округа. Этот округ предпочитал выжидать, в то время, когда в других округах лилась казачья кровь на защиту родного края.

Видную роль в истории освободительного движения этого округа сыграл донской казак — большевик, Войск. старшина Миронов, сумевший совратить казков и посеять раздор в казачьей семье. В результате, когда красногвардейцы, занимавшие железную дорогу Поворино — Царицын, 28-го июня небольшими силами повели наступление от ст. Серебряково на Усть-Медведицу, неустойчивые казачьи отряды, не оказав должного сопротивления, откатились на правый берег Дона, а часть казаков перешла на сторону изменника Миронова. Стало ясно, что войска Усть-Медведицкого округа неспособны даже защищать свои родные очаги. Тогда было решено для восстановления положения в этом округе прибегнуть к помощи войск другого района. В Усть-Медведицкий округ был направлен отряд ген. Фицхелаурова (4 пеш. и 2 кон. полка при 10 оруд.), снятый с Чирского района.

Посылку в указанный округ войск ген. Фицхелаурова следует объяснить не только уверенностью Донского командования, что именно эти части, будучи достаточно втянуты в борьбу, успешно выполнят тяжелую задачу и не перейдут на сторону Миронова, но еще и тем, что генералы Фицхелауров и Мамантов, оба популярные среди казаков, оба ими любимые, оба лично храбрые, прекрасно разбиравшиеся в казачьей психологии — не ладили друг с другом. Став под Царицыном соседями они продолжали враждовать, что крайне вредно отражалось на деле. Надо было во что то бы то ни стало разъединить их и надо было, в силу требований обстановки, за счет войск ген. Фицхелаурова усилить группу ген. Мамантова. После долгих переговоров по аппарату, применяя хитрость и лесть, мне в конце концов удалось убедить ген. Фицхелаурова передать большую часть своих войск ген. Мамантову и лишь с отборными полками двинуться в Усть-Медведицкий округ. Я рисовел ему привлекательность и выгоду такой задачи, когда он, выгнав Миронова из Усть-Медведицкого округа, станет самостоятельным командующим нового северо-восточного фронта и мобилизацией в нем казаков сможет с избытком пополнить и свои части и даже сформировать себе новые полки.

Только заручившись предварительно его согласием, я отдал соответствующее приказание.

Выступив 4-го июля и проделав со своим отрядом 100-верстный марш—маневр, ген. Фицхелауров энергично двинулся против Мироновских банд, состоявших почти исключительно из казаков. Упорными боями противник был смят и начал поспешный отход, отдав в руки донцов железную дорогу Поворино—Царицын на протяжении 140 верст. Преследуя разбитого противника, войска ген. Фицхелаурова к 20 июля подошли к границе Саратовской губернии.

В иных условиях протекала борьба на севере Области, в Хопер-

ском округе. Здесь красные, сосредоточили в кулаке превосходные силы (более 10 тыс. штыков и сабель, при 20 оруд. и 5 броневых машинах) с 15 июня повели насупление в южном направлении. Проявив сначала слабость духа, Хоперцы вскоре оправились. Однако, уступая значительному численному превосходству противника, вынуждены были отойти несколько назад. Хоперцы сократили фронт, приняли более сосредоточенное положение и 8-го июля, поддержанные Верхне-Донцами, сами перешли в решительную контратаку. В трехдневном жарком бою красные были наголову разбиты и далеко отброшены на восток. 10-го и 17-го июля, после упорного сопротивления подошедших к противнику подкреплений, донцы овладели частью железной дороги Поворино—Царицын и 22-го июля, преследуя отступающих красных, совершенно выгнали их за пределы Области.

На Царицынском направлении к этому времени боевая обстановка сложилась следующим образом: с 21-го июля ген. Мамантов со своей главной группой войск, дабы не ставить себя в трудное положение обороняющегося перед превосходными силами красных, намеревавшихся бить отряды по частям, сам перешел в решительное наступление. В течение десятидневного, кровопролитного боя, донцы, на плечах противника прорвали ряд укрепленных позиций и прошли в глубь расположения красных более чем на два перехода. 31-го июля, преследуя противника казачьи части подошли к восточной границе Области.

Для обеспечения же северо-западной границы Дона, утром 27-го июля после жаркого боя, полк. Алферов особым отрядом занял город Богучар Воронежской губернии, что было для нас чрезвычайно важным событием, как первый переход границы Области.

Таким образом, главная задача усилиями Донской армии была выполнена, вся Донская земля, после 3-х месячной борьбы, была очищена от банд красной армии; вся Область, кроме пяти калмыцких станиц Сальского округа, могла иметь своих представителей на Большом Войсковом Круге — Державном хозяине Донской земли.

Донцы были горды, что они сами, своими силами, выгнали противника за пределы Края, очистили свои родные очаги от красной нечисти, восстановили храмы православные и радостно загудели колокола церковные на Донской земле, освобожденной казаками.

Донской Атаман приказал приступить к созыву Большого Войскового Круга на основаниях «Положения о выборах на Большой Войсковой Круг» и днем его съезда в Новочеркасске назначил 15-го августа.

Началась предвыборная кампания, бурная по темпу, но весьма односторонняя. Агитационная работа велась только «оппозицией». Органы власти не принимали никакого участия в выборах. Блестящие успехи Донского оружия и огромные достижения на всех поприщах Государственного строительства, делали позицию Атамана более чем крепкой. Однако и это обстоятельство нисколько не остановило его противников. Они неистовствовали и делали все, чтобы поколебать в казачьей массе доверие к Донскому Правительству. Они упрекали Правительство за сношение с Украиной и немцами, за закрытие какой-то газеты, за ликвидацию партизанских отрядов. Ставили ему в вину и вялую борьбу с большевиками, и арест германскими властями богатого

Ростовского купца Парамонова, и даже курсирование в Области скорых, а не курьерских поездов. Всеми средствами разжигали страсти, не считаясь с тем, что большевизм, как зараза, далеко еще не был искоренен в Области. Оппозиция становилась на весьма опасный путь, упуская из виду переживаемый момент — момент катастрофического развала Родины и героическую попытку донских казаков своими силами создать правовые нормы общественной жизни и обеспечить свою землю от вторжения красных варваров.

По городам и станицам шла злобная пропаганда. Фабриковались ложные, нелепые слухи, волновавшие не только население, но достигавшие и до боевой линии. Были использованы все возможности, чтобы заронить в казачьи души искру сомнения и вызвать недовольство Донской властью. В общем, шла интенсивная работа на разрушение, умело прикрываемая как лозунгом — горячей любовью к Дону. Замечательно то, что тогда еще тайно в Ростове существовал нелегально красный «ревком», раскрытый нами позже. В своих прокламациях он также призывал свергнуть Правительство и передать власть трудовому казачеству. Страсти разгорелись еще сильнее, когда в предвыборной кампании приняли участие и политические партии, обжившиеся за казачьей спиной. Они повели свою обычную узко-партийную борьбу за первенство и торжество политической программы своей партии.

Такова, в общих чертах, была обстановка, прешествовавшая выборам в Донской Круг.

Ко времени съезда депутатов Большого Войскового Круга не только очищена была, за исключением пяти станиц, вся Донская Область, не только казаки перешли уже в Воронежскую губернию и заняли гор. Богучар и вась уезд, но в тылу в трех лагерях — Персиановском, Власовском и Каменском, под непосредственным руководством Донского Атамана, была сформирована численностью около 25 тыс. бойцов Постоянная (Молодая) армия из молодых казаков и солдат. Она состояла из 2 пехотных бригад, 3-х конных дивизий, саперного батальона, технических частей, легкой и тяжелой артиллерии. Все части были Российского штата военного времени, имели казенное обмундирование, снаряжение и штатный обоз. Эта армия — любимое детище П. Н. Краснова, надо сказать, была создана главным образом его трудами и заботами.

Разумно воспитанная на началах отбывания воинской повинности, как священной обязанности каждого, спаянная глубоким сознанием выполнения своего долга и строгой дисциплиной, сбитая в одно целое беспрестанным учением и казарменной жизнью, жившая по старым русским уставам и, наконец, внешне безукоризненно и однообразо одетая — эта армия, не знавшая ни митингов, ни комитетов, была послушна воли начальника и нисколько не отличалась от былой, славной армии 1914 года. В колыбели Дона возродилась былая русская армия с ее живой душой и вековыми традициями. И Дон по праву гордился своим детищем. Ни Кубанцы, ни Добровольцы не сумели создать у себя, что-либо подобное и всю гражданскую войну ограничивались формированиями, я бы сказал, порядка импровизационно-партизанского. Те, кто видел молодые части Донцов: видели в них залог успеха

борьбы и верили в возможност воскресения славной Императорской армии.

К этому же времени действующая Донская армия, составленная из казаков от 21 до 45 лет, где сын шел вместе с отцом, насчитывала в своих рядах около 39 тыс. бойцов при 93 орудиях, 281 пулеметах, нескольких аэропланах и бронеавтомобилях, преимущественно отбитых у противника.

Успехи донскогоо оружия благотворно отразились на духовном состоянии казаков. Части безропотно переносили лишения боевой жизни и стремились лишь скорее покончить с красными полчищами, ненавистными казакам за чинимые насилия, попрания всякой законности и за грубые попытки большевиков насильственным путем нарушить уклад казачьего быта.

Но если возросла и окрепла Донская армия, то и войска Советской республики к этому времени совершенно изменились.

Разбивши за Волгой чехословаков, большевики направили лучшие свои полки для борьбы против Дона с целью, во что бы то ни стало, в короткий срок покончить с Донским Войском.

Уже в конце июля Советское правительство было весьма обеспокоено событиями, происходившими на Дону. Целый ряд неудач, постигших красноармейские войска в боях с Донской армией и работа Донского Правительства, направленная к воссозданию жизни в Области на началах правопорядка, убедительно свидетельствовали, что большевики имеют дело не с бунтом и вспышкой непокорной кучки «контрреволюционеров», офицеров, помещиков и, вообще, «буржуев», а с доподлинно народным движением, направленным на борьбу с Советской властью.

В наличии действующей и Молодой армии, в созидательной работе Правительства, пользовавшегося в стране большим авторитетом, в налаженности всего правительственного аппарата, Совет народных комиссаров мог видеть признаки зарождения на Дону государственности.

Встревоженные этим, большевики решили уничтожить опасность в самом начале, для чего срочно стали принимать серьезные и решительные меры.

В июле месяце Советская власть приступила к увеличению и переустройству своей армии на общевоинских началах. Поэтому, уже в августе месяце, Донской армии пришлось вести борьбу с войсками, сведенными в высшие организационные единицы — дивизии, руководство которыми было возложено, при помощи корпуса комиссаров, на специалистов военного дела, кадровых офицеров Русской армии, с войсками прекрасно вооруженными и обмундированными и обильно снабженными технически, с войсками, в которых неисполнение приказаний каралось смертной казнью. Заботились и формировали красную армию офицеры генерального штаба и известные русские генералы: Брусилов, Парский, Клембовский, Гутор, Лебедев. Верховский, Балтийский, Каменев, Вацетис и многие другие.

Общая численность большевистских войск, действовавших на Донском фронте, в августе месяце достигала свыше 70 тыс. бойцов, более

230 орудий при 450 пулеметах [198]). Более чем двойной численный перевес противника, огромное преимущество в артиллерии и технических средствах, делали положение казачьего фронта бесконечно тяжелым. В борьбе с многомиллионной массой русского народа, казаки ниоткуда не видели себе помощи. Временами они падали духом. Всяким таким моментом искусно пользовались большевики, каждый раз усиливая среди казачества свою злостную агитацию.

В связи с предвыборной кампанией на Круг, усилилась и пропаганда на фронте.

В таких условиях собрался Большой Войсковой Круг. Все Войско Донское словно замерло, чутко ожидая, что будет сказано Державным хозяином земли Донской. Еще за несколько дней вперед, вся обширная программа заседаний Круга на целую его сессию, все церемонии, связанные с пребыванием депутатов в Новочеркасске, а также весь распорядок работы Круга, был до мельчайших подробностей разработан, о чем население и депутаты Круга узнали из приказа Войску.

16-го августа Войсковой Круг в полном составе, во главе с Атаманом, при весьма торжественной обстановке, в сопровождении исторических знамен и регалий отправился в донской собор на молебен. Уже с раннего утра весь путь процессии был буквально запружен Новочеркассцами и казаками, прибывшими даже из отдаленных станиц и желавшими видеть это редкое зрелище. На главных улицах шпалерами были выстроены войска. Порядок поддерживала городская полиция.

После молебна состоялся парад частям Молодой Донской армии, находившимся тогда в Новочеркасске. Своим блестящим видом и молодцеватой выправкой, а также бьющей в глаза дисциплиной, войска произвели глубокое и неизгладимое впечатление и на депутатов Круга и на всех многочисленных гостей, присутствовавших здесь. По окончании парада, Войсковой Круг, в столь же торжественной обстановке, отправился в отведенное ему здание, где и приступил к деловой работе. Первым его актом было издание чрезвычайно трогательного приказа Молодой армии, в котором Круг выражал свое восхищение и благодарил »Донских орлят», в короткий срок составивших могучую армию.

Блестящей программной речью Донской Атаман открыл заседание Круга. Красочно и ярко ген. Краснов очертил Кругу общую политическую и военную обстановку, отметил значение для Дона немцев, Украины и союзников, оттенил отношение к Добровольческой армии, коснулся вопроса предстоящих работ Круга и атаманской власти и высказал свои предположения на будущее [199]). Громовые аплодисменты, перешедшие в овации, были ответом на бодрые, полные надежды и

---

198) В приводимой мною численности красных войск входят только штатные части. Кроме того, большевики располагали на Донском фронте значительным количеством разных отдельных полков, сборных команд и отрядов, частей особого назначения, карательных отрядов и т. п., что не поддавалось точному учету, но что, в общем, составляло еще не менее 40 тысяч человек.

199) Я не привожу содержания этой программной речи. Интересующиеся могут найти ее в книге «Донской Атамн П. Н. Краснов» Г. Щепкина (стр. 27) или в «Донской Летописи», том III, стр. 330.

веры в будущее, слова Атамана. Особенную восторженность выказали «Серые члены Круга» — простые казаки, фронтовики, два дня тому назад еще сидевшие в окопах.

На общем фоне серых казачьих шинелей, занимавших задние ряды партера, пестрели пиджаки и косоворотки народных учителей и «общественных деятелей», людей полуинтеллигентных; первые ряды занимались донской интеллигенцией — весьма разнообразных профессий. Ложи были предоставлены членам Правительства, высшему командованию и различным представительствам.

В общем, по своему составу [200]) этот Круг резко отличался от Круга Спасения Дона, бывшего, как уже знает читатель, на редкость однородным, что обеспечило ему и большую продуктивность работы и облегчило возможность быстро проводить в жизнь все необходимое.

Впечатление программной речи ген. Краснова Г. Щепкин рисует следующими словами: «Речь Донского Атамана ген. Краснова встретила в слушателях задушевный отклик, объединив их в одном порыве великой любви к Тихому Дону и страждующей России. В лице ген. Краснова не только «управляющий имением» давал отчет «хозяину», но и беззаветно любящий Родину, большой государственный деятель, обращался с горячим призывом не забывать Великой Страдалицы [201]), к таким же патриотам, призванным волею казачества творить великое государственное дело . . . Ген. Краснов в своей речи стал выше партийных мелочей, поднялся на ту высоту, с которой видно ужо восходящее солнце русского возрождения, еще не заметное для «рожденных ползать» . . . Откуда видны дали грядущих судеб России и пути, по которым надо идти сквозь дебри страшной смуты, чтобы достичь желанной цели. Ген. Краснов указал эти пути, к которым стремилось уже в последние три месяца Донское Правительство, прорубая просеку сквозь чащу всероссийской разрухи. Воссоздание силы и благоденствия Дона и помощь растерзанной злыми ворогами России . . . Единая Великая Россия, верным сыном которой всегда был и останется Дон» [202]).

В первый день работы Донского парламента состоялись выборы председателя, причем вместо пылкого патриота Г. Янова (бывший председатель Круга Спасения Дона), как то многие ожидали, прошел ставленник оппозиционно настроенных к Донской власти элементов, лидер кадетской партии В. Харламов, опытный парламентарий, неприязненно расположенный к Атаману. Эти выборы показали нам, что члены Круга за кратковременное свое пребывание в Новочеркасске, уже успели окунуться в сложные политические настроения и поддаться влиянию партий, враждебно настроенных к Атаману. Ясно было, что враги Краснова не дремали и сумели использовать политическую неопытность и неподготовленность главной массы Круга к об-

---

[200]) Число депутатов было 339 (265 от станиц и 74 от частей фронта). По занятию большая часть Круга (65 проц.) были — хлеборобы. По образовательному цензу только 11 процентов имело образование высшее и среднее, домашнее — 33 проц., а остальные — низшее.

[201]) Где же «самостийность» ген. Краснова, столь раздражавшая ген. Деникина. Разве в том, что П. Н. Краснов беззаветно любил Россию?

[202]) Г. Щепкин «Донской Атаман П. Н. Краснов», стр. 41.

щественной деятельности и к решению сложных вопросов в большом масштабе, а также неумение их разбираться в запутанной обстановке.

Вся последующая работа Донского парламента характеризовалась, с одной стороны скрытой, глухой борьбой некоторой части интеллигентной группы Круга против Атамана и ее стремлением вовлечь в эту борьбу на своей стороне главную «серую» массу Круга, а с другой стороны — редкими, но всегда удивительно удачными отпорами ген. Краснова, каждый раз своей прямотой и решительностью подкупавшего огромное большинство Круга. Все выступления Атамана обычно кончались бурными овациями и имели следствием разрушение планов и козней оппозиции.

Стремясь к власти и желая играть видную роль, часть делегатов Круга упорно стремилась умалить власть Атамана и за ее счет увеличить авторитет Круга, т. е. «коллектива» придав ему то доминирующее значение, какое он имел при Каледине и Назарове [203]). Этому Краснов энергично противился. Зрело оценивая исключительную обстановку, переживаемую Войском и вспоминая трагедию Каледина и Назарова, которых Донской парламент, связывая руки, привел к гибели, он всемерно поддерживая авторитет Круга в глазах казачьей массы, горячо, однако, отстаивал всю полноту единоличной власти Атамана, в промежутках времени между сессиями Круга.

Страстная защита каждой стороной своей точки зрения, приводила иногда к открытым столкновениям, что красной нитью проходило через все заседания Круга.

Гордый блестящими результатами по воссозданию мощи и процветания Дона и твердо убежденный, что только при условии «свободных рук» творческая работа может быть продуктивной, Краснов в вопросе умаления атаманской власти не шел ни на какие уступки.

Это принципиальное расхождение, дало повод противникам Атамана выдвинуть ему новое обвинение, в виде отрицательного его отношения к народоправству вообще и, в частности, к народному представительству — Войсковому Кругу, а несколько позднее бросить Атаману упрек в монархизме.

Я весьма внимательно следил за работой Круга, был в курсе его действий и, кроме того, был всегда прекрасно осведомлен об его намерениях. Присутствуя почти на всех заседаниях, я неуклонно приходил к выводу, что кучка [204]) членов-демагогов, настроенных к нам враждебно, численно небольшая, но обуреваемая горячим чувством личной ненависти к Атаману, составляет будирующий элемент. Они стремятся во что бы то ни стало поколебать доверие масс к Атаману и создать такую обстановку и условия, при которых ген. Краснов должен был или уйти, или стать игрушкой в руках Донского парламента. Я не сомневался, что сильный Атаман им не угоден. Им нужен был Атаман безвольный, которого они вели бы в поводу.

---

203) Надо иметь в виду, что в казачьей массе Войсковой Круг тогда не пользовался в сущности особым авторитетом. См. «Воспоминания», часть II.

204) П. Агеев, Назаров, Дудаков, Харламов, Сидорин, Уланов, Скачков, Семилетов, Бабкин, Семенов, Гнилорыбов и несколько других. Одни из них впоследствии остались на службе у большевиков, другие, раскаявшись, вернулись в Совдепию уже из эмиграции.

Даже из программной речи Атамана, прекрасной по форме и глубокой по мысли, оппозиция выхватила части отдельных фраз и, жонглируя ими, вложила в них содержание, не отвечавшее истинному значению, лишь бы как-нибудь и чем-нибудь очернить Атамана. Знаменательно, что такой своеобразный прием нашел себе место и на страницах «Донской Летописи». К. Каклюгин, комбинируя отрывки фраз, строит на них обвинения ген. Краснову. Он произвольно утверждает, например, что политическая часть речи Донского Атамана встретила у депутатов большое недоумение, смущение и жестокую критику [205]). Не нашли сочувствия, — говорит К. Каклюгин, — на Войсковом Кругу и такие лозунги, как «но спасет Россию сама Россия, спасут ее казаки», но почему-то он не договаривает фразу до конца «. . . Добровольческая армия и вольные отряды Донских, Кубанских, Терских . . . и т. д.» Далее слова Краснова: «Казачий Круг. И пусть казачьим он и останется. Руки прочь от нашего казачьего дела те, кто проливал нашу казачью кровь, кто злобно шипел и бранил казаков, Дон для донцов», К. Каклюгин переиначивает по-своему, говоря: «Дон для донцов. Казачий Круг пусть казачьим Кругом останется. Руки прочь от нашего казачьего дела».

Я бы мог привести еще много подобных умышленных неточностей, нашедших место в «Донской Летописи» и совершенно искажающих самый смысл содержания, но боюсь затруднить читателя этими мелочами. Важно лишь то, что элементы, враждебно настроенные к Атаману, не имея существа для обвинений, хватались за форму и каждую мелочь, лишь бы взбудоражить Круг и настроить его против Краснова. Заявление ген. Краснова, что Дон одинок в борьбе, что Добровольческая армия занята частной задачей — очищением Кубани, оппозиция истолковала, как результат враждебности Атамана к Добровольческой армии и вместе с тем умышленно замалчивала ответную речь ген. Краснова на приветствие представителя Добровольческой армии — полную теплоты, ласки, уважения к этой армии и горячего заверения вечной дружбы донцов и добровольцев [206]). Эту же речь обходит молчанием и ген. Деникин на страницах «Очерки Русской Смуты». Наоборот, упоминание Атамана в программной речи о Добровольческой армии [207]) привело ген. Деникина в негодование, о чем он немедленно сообщил представителю Добровольческой армии на Большом Войсковом Круге ген. Лукомскому. Давая разные указания, Главнокомандующий рекомендует своему представителю войти в связь с оппозицией Донскому Атаману. Он пишет: «изложенное в пункте 3-м надлежит сообщить доверительно отдельным видным представителям оппозиции [208]). Естественно, что такие директивы мы расценивали, как непрошенное и совершенно недопустимое вмешательство в наши внутренние дела, на что Деникин не имел никакого права. Ген. Лукомский был

---

[205]) «Донская Летопись», том III, стр. 102-103. Такое утверждение более чем субъективно. На самом деле только демагогов, злобно настроенных к Атаману, его речь не удовлетворила.

[206]) Эту речь целиком приводит Г. Щепкин в — «Донской Атаман П. Н. Краснов», стр. 42.

[207]) «. . .Дон одинок в борьбе, что Добровольческая армия занята частной задачей — очищения Кубани. . .»

[208]) Из писем ген. Деникина ген. Лукомскому (Архив Русской Революции, том VI, стр. 93 и 94).

наш официальный гость и как таковому ему, прежде всего, надлежало держаться нейтральной линии, а отнюдь не вмешиваться в наши семейные дрязги. Ни Атаман, ни Донское Правительство, ни командование, никогда не считали возможным вмешиваться во взаимоотношения Добровольческой армии и Кубани или в споры между Кубанским Атаманом и Радой. Наши представители, находившиеся при Добровольческой ставке, являлись всегда только официальными представителями Дона, не проявляя никогда никаких попыток вмешиваться во внутренние, чужие раздоры. Но, бесспорно, ставка Добровольческой армии держалась иного мнения, чем мы, что лишь отталкивало от ген. Деникина и Донского Атамана и Донское командование.

Особенно сильно муссировала оппозиция вопрос «германофильства» ген. Краснова. Письмо Атамана Императору Вильгельму было «кем-то» весьм загадочно «выкрадено» из отдела Иностранных дел [209]) и затем подпольным путем, в искаженном виде, широко распространялось в населении, что придавало письму особенную таинственность. Не лишено интереса и поведение ген. А. Богаевского, управляющего отделом Иностранных Дел. Оно многих тогда смутило и вызвало живые комментарии. Давая Кругу отчет о работе своего отдела, он, как бы случайно, вскользь упомянул об этом письме, оттенил к нему свое отрицательное отношение и подчеркнул, что оно написано Атаманом единолично. Такое заявление, конечно, произвело соответствующий эффект. Интерес к письму у депутатов Круга, после заявления Богаевского, значительно возрос [210]).

С целью положить предел закулисной игре, ген. Краснов огласил на Круге подлинную копию пресловутого письма. Сделав это, он добавил, что всю ответственность за него он берет на себя. Оппозиция оказалась обезоруженной. К ее большому огорчению Круг в письме не усмотрел ничего, что могло бы быть поставлено в вину ген Краснову.

В конечном итоге, несмотря на неоднократные и весьма настойчивые попытки оппозиции демагогическим путем разжечь страсти «серых» депутатов Круга и склонить их на свою сторону, несмотря на горячее желание отдельных членов Круга «популяризироваться», пуская в ход даже и неблаговидные средства, трезвый разум простого казака-хлебороба взял верх и Войсковой Круг вполне одобрил политику Донского Правительства. Он признал, что при полной невозможности не только помощи, но и сношений с союзниками, иной политики быть не могло. Только путем соглашения с германским командованием и Украиной, Дон мог спасти себя и помочь спастись и окрепнуть Добровольческой армии и Кубанскому войску. Свое одобрение политики Атамана Круг выразил следующим постановлением: 1) Одобрить общее в отношении центральных держав направление политики Правительства, основанной на принципе взаимного и равноправного удовлетворения интересов обеих сторон в практических вопросах, выдвигаемых жизнью, без вовлечения Дона в борьбу ни за, ни против Германии. 2) Приветствовать наладившиеся добрососедские отношения с родственной Украиной и указать Правительству на необходимость

---

[209]) Во главе отдела Иностранных дел был тогда ген. А. Богаевский.

[210]) Из постановлений Круга. «Донской Атамн П. Н. Краснов» Г. Щепкин, страницы 74 и 75.

дальнейшего сближения в общих интересах Дона и Украины. 3) Ввиду выяснившегося направления нашей иностранной политики по отношению к центральным державам, Большой Войсковой Круг, выражая доверие главе Правительства Донскому Атаману и управляющему отделом Иностранных дел, уполномачивает их спокойно продолжать начатое ими строительство родного Края в том же курсе иностранной политики, которую они вели до данного момента [211]).

Неудача в «немецком вопросе» побудила оппозицию еще яростнее ополчиться против Донского Правительства и с еще большей настойчивостью тормозить и мешать проведению в жизнь мероприятий, намеченных Атаманом и подлежащих утверждению Кругом. Нередко прения на Круге принимали весьма острый характер. Поклонники Атамана страстно отстаивали положения, выдвинутые ген. Красновым, им в горячности не уступали и противники и были случаи, когда заседания Круга напоминали собой бурные сценки из недавней «бескровной».

Обычно заседания Донского парламента были открыты, как для представителей печати, так и для частной публики. Поэтому, все происходившее в нем, выливалось на улицу, делалось достоянием общества, попадало в газеты, а затем катясь дальше достигало станиц и фронта. Последний с необычайной чуткостью прислушивался к голосу Круга и с огромным интересом следил, как развиваются события в центре Области — Новочеркасске. Этот интерес и состояние «выжидания» конечного результата борьбы в Донском парламенте, стали, как я заметил, доминировать над всем остальным. Многие строевые начальники поддались общему психозу, вследствие чего наступательный порыв на фронте начал, мало-помалу уступать место вялости и нерешительности. В итоге, боевой успех донцов заметно падал. В этом падении значительную роль играл и Войсковой штаб. Работа штаба, обычно всегда чрезмерно большая, во время сессии Круга, увеличивалась еще более, а главное делалась до крайности нервной и, значит, менее продуктивной.

Два раза в сутки приходилось подготовлять для Атамана исчерпывающий доклад о событиях на фронте, что, конечно, отнимало у меня много времени. Но многим депутатам и этого было недостаточно. С целью узнать последние новости или просто «поболтать» они группами и поодиночке приходили в мой штаб. Минуя все инстанции, высокие представители «Державнго хозяина Донской Земли», выражали желание говорить только с мной, упуская из виду, что отрывая меня от дела, они тормозят работу штаба. Вначале, я очень охотно шел навстречу их желанию. Однако, вскоре число посещений настолько возросло, что мне стала угрожать перспектива, забросив текущую работу, целый день разговаривать с делегатами Донского парламента. Тогда я стал отказывать в приеме. Когда же одна группа членов Круга не только настойчиво просила, но скорее требовала ее принять, то сделав это, я довольно убедительно дал им понять недопустимость и даже вред их чрезмерного любопытства, мешающего правильной работе штаба. После этого визиты прекратились. Как бы в ответ на это, на Круге стали муссироваться самые невероятные и фантастические слухи, с целью подорвать мой авторитет в Войске. Не лишним будет упомянуть, что на-

[211]) Отличительной чертой ген. А. П. Богаевского всегда было его двуличие.

сколько были продуманы, разумны и обоснованы вообще все постановления Донского парламента в широком смысле, касающиеся фронта и армии, настолько смешны и нелепы оказывались иногда его решения, затрагивавшие некоторые отдельные вопросы. Последнее обстоятельство следует объяснить результатом победы оппозиции. В мелочах, временами Круг шел на уступки нашим противникам. Так, например, Кругом была избрана «военная комиссия» с задачей разобраться в постановке военного дела на Дону и проконтролировать работу Войскового штаба. Комиссия состояла из 2—3 обер-офицеров и такого же числа рядовых казаков. Председательствовал полк. С. Бородин, начальник службы связи моего штаба, человек, скажу, весьма заурядный [212]). Ну разве, спрошу я, читателя, не является ли это абсурдом? Хотя бы уже потому, что названный полковник, должен был хорошо помнить, что его «неприкосновенность» как члена Круга всего лишь несколько дней, т. е. пока длится сессия Круга, а после, если я найду нужным, я смогу загнать его туда, куда, как говорят, Макар телят не гонял.

Сначала комиссия бродила по разным военным учреждениям и вообще всюду совала свой нос без всякого толку. Между прочим, она нашла существование офицерской школы излишней для Войска и Атаману стоило много усилий, чтобы доказать Донскому парламенту настоятельную необходимость названной школы для Дона. Затем, эта комиссия явилась в мой штаб и потребовала от 1-го генерал-квартирмейстера документы, дела и чтобы он давал ей нужные разъяснения. Генерал-квартирмейстер ответил, что без моего разрешения, он не может удовлетворить эту просьбу и пришел ко мне за указаниями. Я должен признаться, что действия комиссии меня возмутили. Пригласив ее к себе, я решительно заявил, что в штабе хозяин только я и никому не позволю в нем распоряжаться без моего ведома и согласия. — «Если же» — сказал я — «мне будет приказано поступать иначе, то тогда я сниму с себя ответственность за фронт и пусть таковую несет военная комиссия». После этого я предложил комиссии до выяснения этого вопроса удалиться из штаба, а сам о случившемся доложил командующему армией и Атаману. Изложив им свою точку зрения, я сказал, что могу предоставлять в распоряжение комисси нужные дела и документы, но только в определеные часы и при условии, что председатель комиссии, каждый раз, заранее будет докладывать мне какой вопрос и с какой стороны интересует названную комиссию. Мои настояния возымели действие. Комиссия была вынуждена вести работу в строго определенных рамках и только в установленное мною время. Однако, это мне не прошло даром. Нападки на меня усилились и я стал приобретать репутацию непримиримого противника правительственного коллектива, т. е. Круга. Совершенно будучи поглощен боевыми операциями, я в сущности, не обращал внимания на то, как меня расценивает Круг, вернее говоря, кучка наших недоброжелателей. Но временами в голове, невольно рождались грустные размышления. Вспоминалось, как во время революции, для контроля и наблюдения за работой на железных дорогах, армейский комитет прислал ко мне какого-то малограмотного прапорщика и с ним делегата солдата. Вошли они нагло и развязно

[212]) Был членом Круга.

развалились на диване. Важно попросили дела. Но когда им принесли ворохи ежедневных телеграмм и бумаг, то они смутились, растерялись и по существу смотрели на все, как гуси на молнию. Прошло около года и вновь такой же случай. Подчиненный мне офицер моего штаба, в сопровождении мало компетентных в военном отношении лиц, гордо является в штаб и надменно требует от своего непосредственного начальника — 1-го генерал-квартирмейстера, предоставления ему дел, хотя его уменье разобраться в них, я бы сказал, как начальник, дававший ему аттестацию, находилось под большим вопросом [213]).

День 26 августа — памятная дата в Войске. В этот день Донская молодая армия в составе 7 баталионов, 49 конных и пеших сотен, 7 батарей и эскадрильи аэропланов, собранная я Персияновском лагере под Новочеркасском, была Атаманом представлена Большому Войсковому Кругу. Парад принимал Войсковой Круг при огромном стечении публики, подвезенной из Новочеркасска специальными поездами, а также собравшейся из всех окрестных станиц. Зрелище было величественное. Стройными рядами, прекрасно одетые, молодцевато проходили войска церемониальным маршем, под звуки музыки полковых оркестров, вызывая у присутствующих чувства умиления, восхищения и гордости.

В течение всей борьбы на юге, эта армия до конца осталась единственным надежным оплотом Дона и, по свидетельству участников, была действительно настоящей армией. Только генерал Деникин, побуждаемый непонятными для меня мотивами, отрицает ее наличие, говоря: «Донской армии, по существу, не было, был вооруженный народ. . .»[214])

По окончании парада к вызванным от частей головным взводам председатель Круга В. Харламов обратился со следующими словами: «Большой Войсковой Круг Всевеликого войска Донского рад видеть свою родную армию. Привет вам, молодые донские орлы, от Тихого Дона сверху до низу и снизу до верха. Вы призваны на защиту Дона, его прав и вольностей. Мы, казаки, ни на кого не нападали; на нас напали предатели, погубившие могучую Русскую армию и нашу Родину. Дон всколыхнулся, взволновался, грудью встал на защиту своего существования, своих прав, своего достояния. Но отстоять свое существование, свои права и достояние может только тот народ, то государство, или область, который имеет сильную армию. Армия сильна железной дисциплиной. Она требует точного, неуклонного, немедленного и безотговорочного исполнения приказов начальства. Воля начальства — закон для каждого, от генерала до казака. Одна мысль, одна воля должны направлять и двигать армию. Никаких комитетов, никаких комиссаров в ней не должно быть. Армия сильна, когда она не занимается

---

213) Военный кругозор и подготовка этого офицера к ответственной работе лучше всего характеризуется тем, что для него непосильной задачей явилось составление схемы телефонных и телеграфных линий, которые необходимо было построить, дабы обеспечить на Дону полную и надежную связь как штаба с фронтом, так и последних между собою, конечно, с наименьшими затратами средств и времени. Вместо этого он каждый раз представлял схему существующей связи.

214) «Очерки Русской Смуты», том III, стр. 62.

политикой. Политика — дело избранников населения и Правительства. Помните, что на страже интересов армии и населения должны стоять его избранники. Армия сильна, когда между начальством и подчиненными существует полное единодушие, когда она составляет одну семью, проникнутую духом чести и рыцарства. Я убежден, что такую сильную армию Большой Восковой Круг видит в вас, Донские орлы. Передайте вашим братьям по оружию, что Большой Войсковой Круг гордится своей армией. Круг убежден, что в ней он имеет могучую, неодолимую силу, грозную для всех врагов Дона и что долг свой перед родным Краем и Родиной армия выполнит до конца. В честь Донской армии и ее вождей — дружное могучее ура. Объявляю Донской армии постановление Большого Войскового Круга о производстве Донского Атамана генерал-майора Краснова в чин генерала от кавалерии. . .» Могучее ура из тысячи молодых грудей было ответом на эти слова.

День 26 августа был днем нашего торжества. Круг воочию увидел блестящий результат трехмесячной работы Атамана и Донского командования. Мало того, он ясно осознал, что в лице ген. Краснова Войско имеет редкого организатора и прекрасного администратора, сумевшего в невероятно тяжелых условиях создать могучую и послушную армию. Оппозиции вновь было нанесено поражение, но это ее не смирило. Даже здесь, во время всеобщего воодушевления, враги Атамана стали шептать депутатам Круга, что молодые части умеют только маршировать, но совершенно не знают боевого ученья, что блестящим парадом Донское командование втерло очки Кругу. Тогда Круг потребовал произвести тактическое ученье. По его выбору были вызваны пешие и конные части. Великолепно проделанное полевое ученье наглядно убедило членов Круга в ложности и необоснованности высказанных предположений.

После этого парада молодая армия и имя Донского Атамана, как талантливого организатора, не сходило с уст. Такой оборот дела совершенно обескуражил противников Атамана. Не зная, что предпринять и что найти новое для обвинения Донского Правительства, оппозиция решила тормозить работу Круга и оттягивать выборы Атамана. Их расчеты зиждились на выигрыше времени в надежде, что, быть может, еще удастся как-нибудь взбудоражить общественное мнение и настроить Круг против Атамана[215]). С этой целью интриги, злостная клевета и нелепые выдумки вновь были пущены в ход. Временами страсти настолько разгорались, что Дону грозила опасность стать ареной политической игры, весьма вредной для дела[216]).

---

215) Ген. Лукомский впадает в глубокую ошибку, утверждая, что оттяжка выборов Атамна была сделана ген. Красновым с целью выиграть время и дать страстям перебродить. Наоборот, для сторонников Атамана и для него самого было весьма выгодно ускорить выборы, так как обстановка крайне благоприятствовала нам. Выборы фактически затягивала оппозиция, дабы иметь время изменить настроения Круга в свою пользу. Архив Русской Революции, том V, стр. 94.

216) Ко мне временами приходили члены Круга и сетовали, что среди депутатов упорно распространяется слух, что я не казак ,что я — не офицер генерального штаба, а незаконно присвоил себе это звание, что, наконец, при случайных военных неудачах намекают на мое умышленное содействие этому. Вот на какие подлости пускались некоторые депутаты Круга, ослепленные звериной злобой и местью.

Новочеркасские события и колеблющееся настроение Круга не могли укрыться от внимания германцев. Немцам, конечно, было выгоднее иметь дело с сильным Атаманом, олицетворяющим собою всю полноту власти, нежели с Атаманом, связанным с целым коллективом, то есть с Кругом. Они с глубоким интересом следили за ходом работы Донского парламента, ожидая с нетерпением конечной развязки, т. е. предстоящих выборов Атамана. Непрекращающаяся борьба в Донском парламенте и разлагающее влияние праздных разговоров и резких пререканий между враждующими сторонами на общество, а главное, на Донскую армию, побудило немцев, до окончательного выяснения обстановки, занять выжидательную позицию и прекратить снабжение Дона оружием, снарядами и патронами[217]). Для нас это решение немцев было крайне тяжелым ударом, ибо, как раз в это время, на северном и восточном фронтах бои достигли своего высшего напряжения.

4 сентября майор Кохенхаузен сообщил Атаману: «Имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что за последнее время высшему командованию в Киеве стал известен целый ряд событий на Дону, произведших там очень нехорошее впечатление. Прежде всего, удивляются, что выборы Атамана, назначенные на 23 августа, не состоялись и отложены на неопределенный срок. В то время, как на фронте в тяжелой борьбе с большевиками дерутся доблестные и храбрые войска Вашего Превосходительства, Вы и Ваши министры отвлекаются от работы скучными и длинными заседаниями на Кругу. Высшее командование боится, что Ваше твердое и самостоятельное управление тормозится Кругом, его продолжительными спорами из-за внутренних конституционных вопросов, тем более, что враждебно настроенная Вашему Высокопревосходительству партия, стремится урезать полноту власти, Вам данной. Немецкое высшее командование не хочет вмешиваться во внутреннюю политику Дона, но не может умалчивать, что ослабление власти Атамана, вызовет менее дружеское отношение к Дону германцев. Высшее германское командование просит Вас потребовать немедленно выбора Атамана, которым несомненно будете избраны Вы, Ваше Высокопревосходительство (судя по всему тому, что нам известно), чтобы скорее приняться за работу и твердо вести Всевеликое Войско Донское к устроению его. Далее получено известие, что ген.-лейт. Богаевский, в одном из заседаний Круга, на котором Веше Высокопревосходительство не присутствовали, осуждал Вашу деятельность и все большое строительство на Дону в этот короткий срок, приписывал исключительно себе. В другом заседании он пытался ослабить речь генерала Черячукина, который беспристрастно описал положение дел на западном фронте. Ген. Богаевский выражал сомнение в окончательной победе германцев и указывал на близкое осуществление союзниками восточного фронта. На вывод наших войск из Таганрога он указал, как на последствие наших неудач на западном фронте, между тем, как, с нашей стороны, это было только доказательством наших дружеских и добрососедских отношений. Откровенно говоря, мне очень неприятно обращать внимание Вашего Высоко-

---

[217]) Они, надо полагать, опасались, что в случае, если партии, настроенные союзнически одержат на Круге победу, то оружие, выданное ими, может быть, если не пущено в действие против них, то все же обращено в их сторону.

превосходительства на отзывы Вашего Председателя министров тем более, что ген.-лейт. Богаевский не раз уверял меня в своем дружеском расположении к немцам. Я считаю себя все-таки обязанным поставить Вас в известность и предупредить, что если мнение г. Председателя министров действительно таково, то высшее командование германцев примет согласно с этим свои меры. Я еще пока не доносил об этом высшему командованию в Киеве, но буду принужден сделать это, если в будущем дойдут до меня слухи о враждебном отношении к немцам г. Председателя ... Я не могу скрыть от Вас, что все эти известия не могут произвести хорошее впечатление в Киеве, тем более, что высшее командование, очистив Таганрог, допустив туда донскую стражу, снабжая Дон оружием и политически действуя на Советскую власть на северном фронте, явно выказало высшую предупредительность. Отсрочка выборов Атамана дает возможность агитировать враждебным немцам элементам и я боюсь, что высшее командование сделает свои выводы и прекратит снабжение оружием. Примите уверения в моем совершенном уважении. Вашего Высокопревосходительства покорный слуга фон Кохенхаузен, майор генерального штаба».

Это письмо поразительно точно рисует обстановку того времени. В нем, кроме того, удивительно метко характеризуется и поведение ген. Богаевского. Нужно иметь в виду, что будучи негласным ставленником в Атаманы кругов Добровольческой армии, последний чрезвычайно тонко и лукаво вел свою линию, прикрываясь в то же время личиной друга П. Н. Краснова.

Только 12-го сентября Круг приступил к выборам Атамана. При обсуждении кандидатуры 4 округа (Усть-Медведицкий, Хоперский, 1-й Донской и Верхне-Донской) выдвинули двух кандидатов: ген. П. Н. Краснова и А. П. Богаевского, все же остальные — назвали одного П. Н. Краснова.

Весьма интересно поведение ген. Богаевского. Узнав о решении округов и учтя неблагопритную обстановку, он счел за лучшее отказаться от баллотировки. Мотивируя свой отказ, ген. Богаевский указал, что он не тянется к власти и не стремится быть атаманом ... «Но внешняя политика наша — сказал он, между прочим — определяется тем, что мы прижаты к стене и в то время пока вы занимаетесь перевыборами, я получил сведения, что прилив снарядов с Украины германцами задержан, а теперь получил официальное письмо [218]), что ежели я буду выбран атаманом, то германцы не будут оказывать никакой помощи — вот два главных основания почему я отказываюсь от атаманства [219]). Так, как будто выходило, что ген. Богаевский отказался от баллотировки.

В моей памяти ясно запечатлелись все детали этого исторического заседания Донского парламента. Было уже далеко за полночь, а многие формальности, связанные с выборами еще не были готовы. Торопливо и шумно суетились скорее покончить с ними. Сильная лихорадочная нервность охватила большинство депутатов Круга. Часто с мест

---

218) От кого он получил письмо, он не назвал и не мог бы назвать, ибо фактически такого письма не существовало.

219) Эта часть речи нигде не приведена в печати. Остальную ее часть можно найти у Г. Щепкина «Донской Атаман П. Н. Краснов», стр. 58 и 59.

раздавались разнообразные реплики, вызывавшие бурный протест той или другой враждебной стороны. Страсти разгорались все больше и больше. Атмосфера стала столь напряженной, что ежеминутно можно было ожидать еще более резких выпадов или каких-либо нежелательных инцидентов. Сидя в правительственной ложе, я внимательно наблюдал все происходившее, нетерпеливо ожидая конечного результата этой острой борьбы. В последний момент перед баллотировкой, какой-то депутат спросил председателя: «Можно ли на записке писать имя ген. Богаевского». На это преседатель Круга громко ответил: «Никто не может насиловать волю избирателей, каждый может писать имя будущего Атамана того, кого он хочет». Таким образом, после такого разъяснения председателя Круга, несмотря на свой отказ, фактически баллотировался в атаманы и ген. Богаевский. В этом случае, он ничего не терял: при неудаче ген. Богаевский всегда мог заявить, что он от баллотировки отказался, а при успехе — конечно, принял бы пернач, сославшись, на волю представителей всего казачества, избравших его, как бы против его желания. Одним словом, игра была без проигрыша. После 12 часов ночи 13 сентября в гробовой тишине были наконец, оглашены результаты выборов. Из 338 записок, 234 оказалось подано за П. Н. ген. Краснова, 70 за ген. А. Богаевского, 33 пустых и 1 за Войск. Ст. Г. Янова. Сторонники Краснова торжествовали. Они гордились тем, что одержали полную победу над своими противниками. Баллотировка наглядно показала, что только часть Круга стоит за Богаевского, огромное же большинство представителей казачества желает видеть Атаманом ген. Краснова.

16-го сентября 1918 года Краснов принес присягу на верность службы Всевеликому Войску Донскому. Церемония присяги была пышно и торжественно обставлена и происходила на Соборной площади в присутствии Войскового Круга, войск и огромного количества публики. А днем раньше, 15-го сентября 1918 года Круг постановил: [220]) Большой Войсковой Круг Всевеликого Войска Донского, призванный к государственному строительству родного Края . . . поставил во главе Всевеликого войска Донского Донского Атамана, предоставив ему в полном объеме власть управления военного и гражданского. Все население Дона, способное носить оружие, все достояние казаков и граждан, необходимое для обороны и их труд, а также денежные средства, предоставлены в руки Атамана. В руки Атамана, Верховного вождя Донской армии и флота, Круг передал все средства . . . пусть каждый казак и гражданин Всевеликого войска Донского памятует о свое долге перед родным краем, пусть в каждом из нас Атаман найдет верных исполнителей . . .»

Одновременно Круг на предложение Атамана издал постановление о переходе донцами границ войска. На этом я особенно настаивал, полагая, что такое постановление, в известной степени, может принести пользу и во многом облегчить ведение боевых операций. Свою волю Круг выразил следующими словами [221]):«Для наилучшего обеспечения наших границ, Донская армия должна выдвинуться за пределы обла-

[220]) Из Указа Большого Войскового Круга от 15 сент. 1918 г. (выдержка).
[221]) Приказ Донской армии № 844.

сти заняв города: Царицын, Камышев, Балашов, Новохоперск и Калач в районах Саратовской и Воронежской губерний».

21-го сентября Круг закончил свою работу и разъехался. Партии враждебной Атаману, не удалось ни свалить его, ни урезать в правах. Но в одном отношении оппозиция все-таки имела успех: ей удалось убедить Круг в необходимости оставить от Круга законодательную комиссию во главе с председателем В. Харламовым. В состав названной комиссии попали лица, главным образом, из противного лагеря Атаману. Оставшись в Новочеркасске, они, пользуясь своим положением, в достаточной мере тормозили работу Атамана. Больше того, та же комиссия завязала тесные сношения со ставкой Добровольческой армии, дабы общими усилиями, во что бы то ни стало свалить неугодного Атамана и на его место поставить ставленника ген. Деникина безвольного ген. А. Богаевского.

Начало августа надо считать началом нового периода борьбы Дона с большевиками. Основной задачей этого периода являлось: окончательное очищение приграничных полос Области от красных и обеспечение ее от угрозы извне, с целью дать населению возможность перейти к мирной жизни.

К этому времени, Донская область с юга была обеспечена войсками Добровольческой армии, очистившей от большевиков значительную часть Кубани и Ставропольской губернии. С запада не было опасности, так как Харьковская и Екатеринославская губернии были заняты германскими войсками, поддерживавшими в них строгий порядок. Но зато пределы области с востока, севера и северо-запада оставались все еще под угрозой вторжения извне противника и население, особенно приграничной полосы области, еще жило в вечном страхе за свою жизнь и имущество.

Было совершенно ясно, что до тех пор, пока противник владеет такими пунктами в приграничной с Доном полосе, как города Царицын, Камышин, Поворино, Борисоглебск, Новохоперск, Талы, Калач и Богучар и пользуется охватывающими область железными дорогами, проходящими через них, Донская армия не могла успешно выполнять задачу обеспечения границ области. Отсюда вытекала настоятельная необходимость выдвинуть Донскую армию за пределы области с целью овладения указанными выше пунктами.

Было решено, что первым этапом по выполнению этой задачи должно явиться наступление на восток для захвата Царицына и на северо-запад для занятия Богучара, Калача, Талы; на остальном фронте предполагалось сдерживать натиск красных активной обороной.

К началу августа, занятием Богучара донцами, часть этой программы была выполнена. Казалось назревал момент для осуществления и другой ее части, а именно овладения Царицыном, тем более что войска ген.Мамантова дружным натиском вдоль железнодорожных магистралей, ведущих к Царицыну, подошли уже почти вплотную к этому городу, обложив его с трех сторон. Однако, завершение этой задачи натолкнулось на серьезные препятствия.

Спасая свое положение, Советская власть, использовав заметное переутомление казачества 3-х месячной борьбой, перенесла центр тяжести борьбы исключительно на политику и широкой пропагандой через своих агентов, стала прививать фронтовым казакам, что задача

их кончена и нет никакой надобности казачеству переходить границы области, что переход границы служит не целям наилучшего обеспечения пределов Области, а лишь завоевательным замыслам Донского Правительства [222]). Идея «без аннексий» и здесь быстро была подхвачена казаками, пришедшими с германской войны. Среди них, начали ярко появляться признаки разложения, нашедшие выражение в митингах.

Это явление только лишний раз показало дальновидность и проницательность Донского командования и подтвердило основательность опасений Донского Атамана, когда он еще в мае месяце [223]) категорически противился провозглашению лозунга «Москва», признавая его несвоевременным для казаков и требующим для своего осуществления предварительной подготовки казачьих масс в этом направлении.

Однако, сознание необходимости перехода к выполнению дальнейшей задачи по освобождению России, а для этого — движение на Воронеж и дальше на Москву сильно озабочивало Донское командование. Добровольческая армия не признавала пока возможным покинуть Кубань. На все призывы Атамана выдвинуться на главное операционное направление — Воронеж—Москва, ген. Деникин отвечал отказом.

Двинуть дальше одних изнемогавших казаков, было невозможно. Крайняя усталость брала свое. Чувство жуткого одиночества в борьбе со всей огромной Россией, все более и более тяготило казачество. Чаще и чаще раздавались голоса, требовавшие скорее кончить войну с большевиками. «Пойдем и мы спасать Россию — говорили казаки — но пусть с нами идут солдаты и добровольцы. Дону самому не по силам справиться с многомиллионной, потерявшей голову Россией». Домашнее хозяйство без рабочих рук гибло и разваливалось. Пришлось в ущерб делу, уволить наиболее старых казаков для реализации урожая. Не сделать этого было нельзя. Дону грозила бы голодная смерть. Положение Войска Донского становилось все более и более критичным. Оставаться дальше в тех же условиях, значило бы рисковать потерять и то, что было уже сделано. Требовалось найти какой-то выход из тяжелого положения. Создавшаяся обстановка указывала на необходимость сформирования из крестьян Воронежской, Саратовской и Астраханской губерний, Русской армии, которая могла бы приступить к освобождению этих губерний от Советской власти.

Учитывая настроения казачьей массы командование было уверено, что для той же цели оно сможет двинуть Молодую Донскую армию, усиленную казаками из действующей армии, преимущественно младших сроков службы, а также казаков добровольцев [224]) (с большими окладами жалованья). Рассчитывать на большее не было никаких реальных оснований.

Для осуществления идеи сформирования неказачьей армии, Донской Атаман решил воспользоваться отчасти уже готовой организацией, созданной в Киеве союзом «Наша Родина». Будучи заинтересован в обеспечении от большевиков границ Украины, гетман Скоропадский,

---

[222]) Выше я указывал, что обвинение в этом нам бросили и круги Добровольческой армии. См. письмо ген. Алексеева.

[223]) Совещание в ст. Маньчской 15 мая 1918 года.

[224]) В общем это могло бы составить армию в 45—50 тысяч бойцов.

охотно давал средства на создание в Воронежской губернии русской армии. Выказывали желание помочь денежно и русские банки и, кроме того, предполагалось в широкой мере использовать и средства Дона.

Будущая армия получила наименование — «Южная». В ее состав, кроме частей, намеченных к формированию в Воронежской губернии, должны были войти части Астраханцев, образовав Астраханский корпус. Последние, численностью около 4-х тысяч штыков и сабель обороняли восточные степи за Манычем, ведя, время от времени успешные бои с бродячими шайками красных. Номинально Астраханцев возглавлял неудачный, с авантюристическими наклонностями Астраханский Атаман князь Тундутов. Астраханцы были раздеты, плохо вооружены, плохо организованы, а главное не имели хороших начальников. Нужно было, как можно скорее, их переформировать и взять всю организацию Астраханцев в железные руки. В состав Южной армии, намечалось также в будущем включение полков из Саратовских крестьян, составлявших в то время уже пехотную бригаду, отлично сражавшуюся с большевиками на границе своей губернии.

Итак, средства и люди для Южной армии были. Требовалось только найти энергичных старших начальников и достаточное количество кадровых офицеров, чтобы по примеру Постоянной Донской армии, создать новую, сильную и боеспособную армию.

По первоначальному плану, предполагалось Южную армию подчинить ген. Деникину, который бы взял на себя организацию и руководство. Выгод от этого было бы много, не считая и того, что работа добровольческого командования в Донской области по формированию и управлению этой армией, невольно сблизила бы донских и добровольческих руководителей и, быть может, несколько рассеяла вражду между ними, много вредившую общему делу.

Но начатые в этом отношении переговоры Донского Атамана с ген. Деникиным через генерала М. Драгомирова ни к чему положительному не привели. Словно над взаимоотношениями с добровольцами тяготело что-то роковое, что всегда мешало полюбовному разрешению возникавших вопросов.

В сферах Добровольческой армии, идея формирования такой неказачьей армии сочувствия не нашла. Наоборот, встретила даже явно отрицательное отношение. В создании Южной армии на границе Донской области, ген. Деникин усмотрел ослабление Добровольческой армии, умаление ее значения и даже для себя обиду. Не нравилось ему и то, что к этому делу был причастен Гетман и, значит, немцы, — его враги. «Немецкая затея, с целью вредить Добровольческой армии и задерживать офицеров на Украине» — злобно твердили в Екатеринодаре, умаляя тем самым значение Южной армии и создавая вокруг ее формирования весьма нездоровую атмосферу.

Кампания, поднятая Екатеринодарской прессой [225]) против Южной армии и наряду с этим крайне нелестные отзывы о ней ставки, вскоре

---

[225]) Наряду с явными вымыслами о каких-то тайных договорах Дона с Украиной, Екатеринодарская газета «Россия» (от 7 сентября 1918 года, № 19) не стеснялась помещать уже и такую чушь: «...В-третьих, Германия стремится использовать в борьбе с чехословаками так называемую «Южную армию»... от лиц, вступающих в Южную армию, отбирается обязательство воевать, если потребуется, против чехословаков и тех, кто будет с ними»...

возымели свое действие: лучшие офицеры стали воздерживаться от поступления в армию, боясь своим участием, скомпрометировать себя в глазах Добровольческого командования. В армию устремился худший элемент. Желали попасть, главным образом, те, кто далеко не отвечал назначению и не удовлетворял даже самым снисходительным требованиям. Я замечал, что в зачислении в формируемые полки видели лишь способ уклониться от боевой службы на фронте. Одновременно, спрос на тыловые должности сильно возрос.

Бойкотирование Екатеринодаром Южной армии, несомненно сильно отражалось на ее формировании. Между тем, для Дона создание Южной армии было вопросом жизни. Необходимость ее обусловливалась, как в видах дальнейшего продвижения вглубь за пределы Дона, так и в целях облегчения казакам военной службы, ибо при наличии этой армии возможно было бы часть казаков, хотя бы старше 45 лет, отпустить домой.

Чрезвычайно важное значение приобретал вопрос возглавления этой армии. Попытки ген. Краснова найти в высших кругах Добровольческого командования популярного русского генерала на пост командующего этой армией, окончились, как я упоминал, неудачей. Ставка продолжала занимать непримиримую позицию в отношении Южной армии. Поручить формирование ее одному из донских генералов, по понятным причинам, было бы нецелесообразно. Тогда Атаман решил с этой просьбой обратиться к герою Львова и Перемышля — безупречно честному и стоявшему вне политики ген. от артиллерии Н. И. Иванову. Принципиально не отказываясь, ген. Иванов, однако, прежде, чем окончательно принять предложение Атамана, решил поехать в Екатеринодар и заручиться согласием ген. Деникина. Как принял его главнокомандующий, какой разговор произошел между ними, мне неизвестно, но только ген. Иванов вернулся из Екатеринодара крайне мрачным. Видно было, что тамошняя атмосфера удручающе подействовала на старика. Тем не менее, считая формирование армии полезным русским делом, как он сам заявил Атаману, ген. Иванов согласился стать во главе армии с подчинением Донскому командованию [226]).

Здесь не могу не отметить, что в то время ген. Иванов уже сильно сдал. Ужасы революции и издевательство солдат, оставили на нем глубокий след. Заметно было, что временами ему начинала изменять память. Еще до сих пор мне памятны наши долгие беседы о нуждах Южной армии. Кончив, бывало один вопрос, мы переходили к следующему, но ген. Иванов, забыв, очевидно, вновь возвращался к первому, уже окончательно решенному. Так порой несколько часов дорогого времени уходило непродуктивно на подобные резговоры.

Своими наблюдениями я поделился с командующим армиями и Атаманом и просил их убедиться в правоте моих слов. Однако, я должен засвидетельствовать, что несмотря на этот минус, ген. Иванов с удивительной настойчивостью и энергией прилагал все усилия, чтобы преодолеть многочисленные препятствия, стоявшие на пути формированоя Южной армии. Если это ему в полной мере на удалось, то меньше всего вина лежит на нем. Главные причины неуспеха надо искать в том, что у него не было талантливых помощников, не было доста-

---

[226]) Приказ Всевеликому войску Донскому от 11 окт. 1918 г. № 1192.

точного количества хороших строевых офицеров, а также потребных средств для быстрого снаряжения и обмундирования войск. Не менее решающую роль в неудаче сыграла и ставка Добровольческой армии, окружившая атмосферой враждебности формирование этой армии. Виновато отчасти и Донское командование, всецело занятое вопросами ведения военных операций, Постоянной (Молодой) Донской армией и потому не уделявшее достаточного внимания формированию Южной армии.

Первоначально полагали, что подчиненная Донскому командованию в оперативном отношении, Южная армия в остальном будет самостоятельной. Но ведь для этого нужны были старшие начальники, привыкшие к самостоятельной работе. Таковых на Дону свободных не было. Они в избытке были в Добровольческой армии, болтаясь без дела в тылу, но дать их в Южную армию ген. Деникин не хотел. Столь же безуспешно несколько раз, я просил о том же и ген. Романовского.

Перевезенная из Киева в район Чертково-Кантемировка организация союза «Наша Родина», как остов будущей армии, оказалась весьма пестрым сбродом людей [227]). Добрая половина из них ничего общего с военным делом не имела: кандидаты на должности будущих губернаторов или градоначальников, статские советники, акцизные чиновники, исправники, дамы и девицы, сестры милосердия, никогда не видевшие раненых и больных, разнообразные председатели бывших еще в проекте многочисленных организаций, командиры несуществующих бригад и полков, священнослужители разных рангов и т. д., одним словом чрезвычайно разношерстный элемент, малопригодный к военной службе и к тому же настроенный весьма панически.

Атаман осмотрел эту кампанию и вынес гнетущее впечатление. Не имея времени поехать сам, я послал в район Чертково-Кантемировка, состоявших при мне для поручений штаб-офицеров и своих адъютантов, поручив им ознакомиться на месте с жизнью и настроением прибывшей организации. Каждому из них мною была дана специальная задача и точно указано место его пребывания. Привезенные ими сведения далеко меня не радовали. Они рисовали мне жуткую картину беззаботной жизни «организации», на фоне которой процветало пьянство, кутежи, скандалы, самоуправство, разгул и взяточничество. Безобразное поведение прибывших, вызвало в населении ближайшего района острое недовольство и справедливый ропот, готовый перейти в открытый бунт.

В боевом отношении названная организация была равноценна нулю. Нельзя было надеяться и на быстрое ее улучшение. Среди старших воинских чинов обнаружилась яркая тенденция к формированию больших штабов (армий, корпусов, дивизий), что, по-моему, не сулило успеха уже по одному тому, что для этого мы не располагали достаточным количеством ни средств, ни людей.

Суммируя все данные о новой организации, я приходил к убеждению, что для успеха дела, необходимо принять драконовские меры. Мне казалось нужным, прежде всего, применением военно-полевых судов, основательно расчистить эту компанию, одну треть разогнать, а из оставшихся сначала сформировать один полк, который и обучать непре-

---

[227]) Около 2 тысяч человек.

станно днем и ночью, обставив его жизнь суровыми казарменными условиями.. По мере прибытия укомплектований, постепенно формировать следующие полки, сводя их в высшие соединения. Я был уверен, что только при такой системе, можно было получить положительные результаты. Но для проведения этого в жизнь, нужны были решительные и энергичные люди. Таковых на Дону, как я говорил, свободных не было, а получить их из Добровольческой армии, не удалось. Одних же директив было недостаточно.

Неоднократно, докладывая свои соображения командующему армией и Атаману, я решительно настаивал на введении корректива в дело формирования Южной армии. В конце концов, мне удалось добиться некоторых результатов. Ген. Иванов был отдален от армии, с оставлением в почетной должности «Верховного наблюдающего» за формированием. Вместо наименования «Южная армия» было присвоено название «Воронежский корпус», непосредственное формирование которого было возложено на генерального штаба генерала князя Вадбольского. Уволено много несоответствующих старших начальников и прервана связь с союзом «Наша Родина».

В результате этих мероприятий, уже в сентябре месяце части Воронежского корпуса местами приняли боевое крещение. Но увеличить и довести их на должную высоту боеспособности не удалось. Этому в значительной степени помешали события, разыгравшиеся на Украине, победа союзников и, наконец, внутренние дела Дона, имевшие следствием уход главного организатора ген. Краснова и его ближайших помощников.

На этом я закончу описание попытки создания на территории Дона русской армии. В зарубежной печати уже имеются труды, с достаточной полнотой освещающие этот вопрос. Касается ее и ген. Деникин в своих «Очерках Русской Смуты» [228]), рисуя ее возникновение и существование весьма мрачными красками, как вредную, распущенную и развращенную организацию, «немецкую затею». Откуда ген. Деникин черпал сведения об Южной армии (корпусе), приписывая ей исключительно только отрицательные качества, мне неизвестно. Но стоя к этой армии несомненно ближе, чем ген. Деникин, я имею достаточно оснований утверждать, что изложенное им, зачастую не только далеко не отвечает истине, но даже искажены некоторые, общеизвестные факты.

Так, например, в письме Е. И. В. Великому Князю Николаю Николаевичу от 15 сент. 1918 г. [229]) ген. Алексеев, между прочим, упоминает и об Южной армии. Он пишет: «. . . но немцы с увлечением ухватились за создание, так называемой Южной армии, предводимой нашими аристократическими головами и так называемой Народной армии в Воронежской губ., где во главе формирования поставлен полк. Манакин, социал-революционер . . .»

Меня крайне удивляет, как мог ген. Алексеев давать такие информации, да еще Великому Князю, каковые совершенно не отвечают истинному положению. Ведь, прежде всего, была только одна Южная армия, но она то формировалась в Воронежской губернии. Затем полк. Манакин в период атаманства Краснова, не принимал никакого уча-

[228]) Том III, стр. 120.
[229]) «Очерки Русской Смуты», том III, стр. 256.

стия в Южной армии и вообще никогда не имел к ней никакого касательства. Поручить ему такое важное дело, конечно, нельзя было уже потому, что с ним он едва ли бы справился. В то время он состоял в должности начальника штаба северо-восточного фронта ген. Фицхелаурова и, следовательно, находился на границе Саратовской губернии [230]). В одном из боев в этом районе на нашу сторону целиком перешел большевистский полк Саратовских крестьян, изъявивший желание обратить свое оружие против красных. Через короткий срок тождественный случай повторился. Тогда явилась надежда на возможность и в будущем подобных переходов, почему у ген. Фицхелаурова возникла мысль создат особую бригаду из саратовских крестьян, а затем постепенно развернуть ее в дивизию и корпус. Я поддержал это начинание. Ген. Фицхелауров ходатайствовал на должность начальника бригады назначить весьма энергичного его начальника штаба полк. Манакина, а бригаду включить в штатный состав Донской армии. Просьба нами была уважена. В дальнейшем, было намечено, что когда Саратовская ячейка остававшаяся на фронте Фицхелаурова развернется в корпус, то ее хорошо сплотить, обмундировать, обучить, богато снабдить всем необходимым и уже в таком виде включить в ту армию, которая должна была выйти за пределы Дона и увлечь за собой казаков для освобождения России. Но это были мечты далекого будущего. Подтверждение всему этому можно видеть в приказе Всев. Войску Донскому от 23 авг. 1918 года № 810.

Говоря об Южной армии, я упоминал, что гетман Украины обещал Атаману свою помощь в деле создания этой армии, что он и подтвердил ген. Краснову при свидании с ним 20 октября 1918 г. на станции Скороходово, между Полтавой и Харьковом. Это свидание ген. Красновым подробно описано в «Архиве Русской революции» том V, в статье «Всевеликое Войско Донское» [231]). Здесь же я укажу лишь, что вернувшись в Новочеркасск, после разговора с Гетманом, П. Н. Краснов был полон радужных надежд. Результатом переговоров с Гетманом возникла мысль, вскоре претворившаяся в глубокую веру, что можно будет образовать мощный и тесный союз из осколков бывшей России (Украина, Дон, Кубань, Добровольческая армия, Терек, Грузия, Крым) и направить его в целом на борьбу с большевиками. По предложению Гетмана намечалось устроить съезд представителей от новых государственных образований для выработки общего плана борьбы с Советской властью. Посредником при переговорах с Добровольческой армие, Кубанью, Грузией и Крымом, Гетман Скоропадский просил быть П. Н. Краснова.

Едва ли нужно доказывать, что такую идею нельзя было не признать рациональной и вполне целесообразной. Тем более, что Гетман Скоропадский предоставлял в распоряжение союза богатейшее военное имущество, оставшееся на Украине от Русской армии и, кроме того, обещал и денежную помощь. Меня лично такое полезное начинание в деле борьбы с большевиками, сулившее нам несомненно большие выгоды, крайне радовало. Бесспорно, что попытку втянуть в борьбу с Со-

---

[230]) Ген. Фицхелауров высоко ценил Полк. Манакина, как талантливого офицера.

[231]) Ни командующий Донской армией, ни я на этом свидании не присутствовали. Атамана сопровождали только ген. М. Свечин и два адъютанта.

ветской властью все новые государственные образования и получить к тому же неограниченные запасы военного снаряжения, надо было только приветствовать.

Вполне разделяя эту мысль и всемерно стремясь провести ее в жизнь, Атаман написал ген. Лукомскому [232]) по этому поводу письмо, составленное, кстати сказать, в искренном и дружеском тоне [233]). Письмо это ставка приняла холодно. Ген. Деникину, надо полагать, не понравилось, что инициатива о союзе шла не от него, а от Гетмана и Краснова. Мало того: согласиться на переговоры с Гетманом, Грузией и Крымом, значило бы признать их самостоятельность, что было противно взглядам высших кругов Добровольческой армии. Не сочувствовал ген. Деникин, как уже знает читатель и идее образования «Южной армии», участие в которой принимал Гетман. Наконец, его раздражало, высказанное в письме ген. Краснова сомнение в помощь союзников и указание на необходимость больше рассчитывать на себя, на свои собственные русские силы, чем на какую-то помощь немцев или союзников.

В общем, ставка предложение Атамана не приняла. Окружение ген. Деникина продолжало упорно стоять на своем, добиваясь сначала уничтожения самостоятельности отдельных образований и признания ими главенства ген. Деникина, а затем уже допускало возможность какого-то сговора.

Такая постановка вопроса, ни в коей мере не могла быть приемлема, особенно Украиной, опиравшейся всецело на немцев, которых Добровольческая армия третировала, как своих врагов. Екатеринодарская пресса безостановочно продолжала свои жестокие атаки против Гетмана и Атамана, ежедневно обливая их ушатами грязи, клеветы, вымыслов и нелепой чуши, что лишь усиливало нашу вражду и способствовало изолированию Добровольческой армии.

Переходя к описанию боевых действий осеннего периода, надо указать, что на восточном Донском фронте, усыпив пропагандой дух казаков и сосредоточив к г. Царицыну большое количество войск, противник 9 августа перешел в энергичное наступление веерообразно от Царицына, вдоль трех железных дорог.

Очевидно красные начальники предполагали своими успехами произвести впечатление на Большой Войсковой Круг и воспользоваться им, как готовым органом, для захвата власти из рук Правительства и для внесения, тем самым, разногласия путем уничтожения единства власти. Видимо, советские главковерхи ожидали, что заседания Круга примут митинговый характер и тогда победа могла бы оказаться на их стороне. Надежды эти не оправдались. Большой Войсковой Круг, заслушав подробный отчет Правительства вообще и, в частности, доклад Донского командования за первый период борьбы по освобождению земли Войска Донского от большевиков, утвердил доложенный командованием план и приказал войскам выдвинуться за пределы Области [234]).

---

232) Ген. Деникин в это время не желал уже непосредственно сноситься с Донским Атаманом.

233) См. «Архив Русской революции», том VI.

234) Приказ Всев. Войску Донскому № 844.

Однако, пока голос Войскового Круга докатился до боевых линий, красные уже успели добиться значительных успехов и в средних числах сентября на Царицынском фронте и на северо-востоке они выдвинулись в глубь области примерно на два с половиной перехода от границы.

Удачнее для нас сложилась обстановка на северо-западе в Воронежской губернии. По овладению городом Богучаром в августе месяце, Донское командование решило достигнутый здесь успех развить возможно скорее, не дав большевикам времени оправиться. Во исполнение этого, войска северного фронта, парируя сильные удары противника, стали продвигаться в Воронежскую губернию. 26-го августа они заняли гор. Калач, а 22-го сентября овладели г. Павловском и большим селом Бутурлиновкой, служившим базой для красных войск этого района. Дабы парализовать наши успехи в Воронежской губернии, противник в конце сентября, превосходными силами сам перешел в контр-наступление. В районе Бутурлиновки, после ожесточенного боя, красные были на голову разгромлены и бежали, оставив нам огромные трофеи.

Вырвав у красных инициативу, нами немедленно была произведена нужная перегруппировка войск и приказано частям северного фронта вновь перейти в наступление, направляя главный удар на стык большевистских армий. Разгромив левый фланг VIII и правый IX советских армий в районе ст. Абрамовка—Талая, донцы захватили эти станции, где нашли богатую военную добычу. Эта неудача сильно встревожила большевиков и они решили, во что бы то ни стало, добиться здесь победы. С этой целью советское командование сосредоточило из свежеподвезенных войск, переброшенных преимущественно с Волжского фронта (I армия) кулак в 15 тысяч человек, который и бросило в решительное контрнаступление. Ударную группу войск составляла Нижегородская дивизия, перевезенная сюда по приказанию Троцкого. На нее советское командование возлагало особенно большие надежды. В этот период боев, успех сначала склонился на сторону красных. Им удалось отбросить наши части от границы Области на несколько переходов вглубь. Однако, здесь донцы задержались, перегруппировались и удачным маневром вышли в тыл противнику, совершенно окружив, зарвавшиеся большевистские части. Успех был полный. В руки казаков вновь попали огромные трофеи и свыше пяти тысяч пленных. Неотступно преследуя противника, донцы захватили г. Бобров, а 10-го ноября энергичным налетом овладели укрепленным железнодорожным узлом Лиски (от Воронежа около двух переходов), где были сосредоточены большевистские военные запасы.

После этого, оставив для обеспечения с запада небольшой заслон в районе ст. Лиски преимущественно из частей «Южно армии», Донское командование вынуждено было главные силы Северного фронта спешно перебросить на север в помощь Хоперцам.

Таким образом, в пределах Воронежской губернии, донцы, с помощью частей Южной армии успешно выполняли, поставленные им задачи.

Нельзя не отметить блестящую работу здесь лихого Гундоровского Георгиевского полка и его командира ген. Гусельщикова. В истории

борьбы Донского казачества с большевиками, этот полк вписал много небывало красочных страниц. Я глубоко верю, что придет время, когда деяния Гундоровского полка оживут в памяти будущих поколений, как пример безграничной отваги и геройства, быстроты и натиска и беспредельной любви к Родине. Большевики при встрече с Гундоровцами испытывали какой-то мистический и в то же время панический страх. Услыхав имя — Гундоровцы, красные уверенные в непобедимости этого полка, нередко сдавались без боя. Щеголевато одинаково одетые, богато снабженные за счет всего отбитого у большевиков, сплоченные воедино лозунгом — один за всех и все за одного, почти все георгиевские кавалеры за германскую войну, все рослые, здоровые — молодец к молодцу, Гундоровцы не знали поражений. Слава о них гремела по всему Донскому фронту, вселяя красным страх и ужас. Где Гундоровцы, там всегда успех, всегда победа, масса пленных, огромные трофей. Пополнений от штаба полк не искал. Его родная станица непосредственно слала таковые. Служить в Гундоровском полку считалось честью. Раненые, не успев еще оправиться, уже спешили вернуться в полк. Видеть Гундоровцев в тылу можно было очень редко. Они не любили тыла. В общем, полк был особенный, особенной была и его организация: 1 500—2 000 штыков, 300—400 шашек и полковая батарея, все в образцовом порядке и прекрасном виде. В наиболее опасных местах, в наиболее критические моменты, Гундоровцы всегда выручали. Пройдут десятки лет и память о Гундоровцах оживет. Она ярко воскреснет в легендах, которые из уст в уста будут катиться по берегам Тихого Дона и по широким привольным Донским степям.

Что касается дальнейших военных операций, то пользуясь несколькими железными дорогами, которые подходили к северной части Области, а также их охватывающим положением по отношению к Хоперскому округу, противник в августе месяце сосредоточил подавляющее количество войск на северной донской границе и предпринял одновременное концентрическое наступление против частей Донской армии, защищавших Хоперский район. Несмотря на свою малочисленность, Хоперцы сумели не только сдержать натиск противника, но нанести ему несколько серьезных поражений и к 4-му сентября совершенно очистить пределы округа от красной армии.

В течение сентября месяца противник стал деятельно готовиться к новой операции, но уже в более крупном масштабе. К границам Хоперского и Усть-Медведицкого округов были переброшены подкрепления численностью до 40 тыс. штыков и шашек при 110 орудиях. Собранные войска были прекрасно снабжены технически. Перед началом наступления части объезжал Троцкий. В зажигательных речах он подчеркивал необходимость очистить Дон от «Белогвардейщины» и забрать хлеб и уголь. Надо признать, что красное командование сделало все зависящее от него, чтобы обеспечить успех этой своей операции. Единственно, что в ней отсутствовало, был элемент внезапности, ибо о планах противника Донское командование было своевременно достаточно хорошо осведомлено, как из донесений нашей разведки, так и путем опроса перебежчиков. Эти данные побудили меня сосредоточить на угрожаемом участке фронта возможно большее количество войск и короткими контратаками вынудить противника к преждевременному

наступлению. В результате, начатая большевиками в конце сентября вторая операция [235]), как и первая, успеха не имела. Наступление противника, выдвинувшегося немного в пределы Дона, дружными контратаками Донских частей не только было повсюду остановлено, но к 10 ноября красные вновь были выброшены за границу Области.

С середины ноября у г. Новохоперска завязались ожесточенные бои, закончившиеся 18-го ноября окружением города. Все большевистские войска этого района, силой в 9 полков с большим количеством артиллерии, интендантскими и артиллерийскими складами попали в руки донцов. О количестве трофеев можно судить по числу одних зарядных ящиков, каковых было свыше пятисот.

Одновременно на северо-востоке Области в Усть-Медведицком округе шли кровавые бои. Дважды потерпев здесь поражения большевистская группа войск Миронова надолго после того потеряла боеспособность. Преследуя разбитого противника один из конных донских отрядов появился в 12 верстах от Камышина. Но малочисленность отряда и события, происшедшие в районе Царицына, не позволили Донскому командованию принять потребные меры для овладения этим городом.

Успех в Хоперском и Усть-Медведицком округах был достигнут путем сосредоточения всех сил северного фронта на угрожаемых направлениях и путем оголения важного Воронежского направления. Здесь были оставлены лишь жидкие заслоны и, ради спасения родных земель северных округов, донское командование вынуждено было пожертвовать железнодорожным узлом — Лисками и г. Бобровым в Воронежской губернии.

При сосредоточении войск на угрожаемых направлениях, Донское командование обычно встречало огромные трудности, что значительно осложняло вопрос руководства обороной Края. Я не говорю о технических неудобствах переброски войск с одного фронта на другой, когда за неимением железных дорог, таковую приходилось выполнять по грунтовым дорогам, становившимся, как известно, осенью почти непроезжими. Гораздо важнее другая сторона этого вопроса. В нормальных условиях, сосредоточение войск разрешалось бы простым снятием лишних войск с менее важных участков и направлением их туда, где то требовалось обстановкой. Но гражданская война имела свои особенности, каковые не всегда отвечали теории и требованиям военного искусства.

Надо было иметь в виду, что казаки только что пережили психологическую стадию защиты только своих родных станиц. Они охотно обороняли свои округа и временами безропотно выходили за пределы Области, но обязательно в непосредственной близости своего округа. Отрываться далеко от своих станиц казаки всемерно противились. Случалось иногда, что полк храбро сражается с большевиками вдали от своего округа, пока в последнем все благополучно. При первых вестях о наступлении красных в том районе и угрозы захвата ими казачьих станиц, станичники начинали выказывать нервное беспокойство за судьбу своих семей и своего имущества. В результате, под предлогом защиты своих родных станиц, происходило массовое дезертирство. Дабы сохранить полк, как боевую единицу, Донское командование вы-

[235]) Шесть отлично организованных дивизий.

нуждено было спешно перебрасывать его в родной его округ, хотя бы это и шло в ущерб требованиям общей обстановки. Приходилось, скажу я, всячески изощряться, дабы не выпускать управление фронтом из своих рук, что могло быть достигнуто главным образом сосредоточением войск в нужное время в нужном направлении. Часто с этой целью, я отзывал наиболее потрепанные полки в глубокий тыл. Там они переформировывались и пополнялись казаками разных станиц. Затем некоторое время обучались, сводились иногда в высшие соединения и только после того, направлялись на тот участок, где была задумана наступательная операция. Все это, конечно, было сопряжено с большими затруднениями, не говоря уже об огромной потери времени.

Нередко, по ходу военных действий, настоятельно требовалось пожертвовать временно частью территории Донской Области и 2—3 десятками казачьих станиц, чтобы сосредоточив нужные силы войск добиться решительного успеха на каком-либо одном направлении, а затем вернуть все потерянное, нанеся противнику поражение и надолго лишив его боеспособности. За такой способ действий, казалось бы, говорила и теория военного исккусства и здравый разсудок, но, к сожалению, применить его при тогдашней психологии казачества было совершенно немыслимо. Подобная операция привела бы к массовому оставлению своих частей казаками, как тех станиц, которые уже были заняты красными, так и тех, которым непосредственно угрожала опасность [236]). Кроме того, могли быть и другие последствия, как-то: неисполнение приказов, бунты, насилие над командным составом и т. п.

И казачество в целом и выразитель его воли — Круг, не допускали и мысли, чтобы не только часть территории, но даже одна казачья станица находилась, хотя бы и временно под владычеством красных. Надо было считаться и с тем, что неуспех сильно ожесточил большевиков. Занятие ими казачьих поселений обычно сопровождалось невероятными жестокостями и почти полным уничтожением казачьего имущества. В силу этих условий, на Донское командование выпадала крайне тяжелая задача: оберегать всю 800-верстную границу Войска Донского [237]) от вторжения противника, применяя кордонную стратегию. При крайне ограниченном количестве войск это в сущности было почти не выполнимо. На одну версту фронта приходилось примерно 5—6 бойцов, что было достаточно лишь для охраны и наблюдения границы, но отнюдь не для защиты. Использовать в нужной мере стратегическое сосредоточение войск, по причинам указанным выше, было невозможно. Успехи покупались, главным образом, местными тактическими маневрами войск при известных коррективах высшего Донского командования, вводимых им всеми правдами и неправдами.

Командование Донскими армиями не витало в области отвлеченных понятий, быть может с точки зрения чистого военного искусства и совершенно правильных, но жизнью неприемлимых. Ему приходилось применяться к особенностям борьбы казачества с большевиками, считаться с психологией казачьей массы, используя только наличные воз-

---

[236]) Все это касается только Действующей Донской армии. Молодая Донская армия, воспитанная на старых твердых основаниях, совершенно не была подвергнута этим явлениям.

[237]) Позднее свыше 1 000 верст.

можности и средства и постепенно, насколько позволяли обстоятельства, совершенствовать приемы борьбы и одновременно работать над изменением казачьего сознания.

Замечательно то, что высшие круги Добровольческой армии никак не хотели считаться с этим. Когда мне на совместных наших совещаниях приходилось излагать фактическую сторону борьбы на Донском фронте и отмечать ее особенности, они, мои положения, основанные на документальных данных, обычно встречали неуместными и даже грубыми замечаниями. Особенно удивительную близорукость и тупое упорство в таких случаях проявляли генералы А. Драгомиров и Лукомский. Они не терпели чужого мнения, относились ко всему свысока и затронутые вопросы чаще всего расценивали чисто теоретически.

Продолжая описание военных операций, должен сказать, что на Царицынском фронте части Донской армии, справившись с первым сильным натиском красных, спешно совершали перегруппировку и частичную реорганизацию. Дело в том, что семя, брошенное большевистской пропагандой, дало уже всходы и потребовались героические меры для их уничтожения. Окончив необходимую подготовку, Донское командование предприняло операцию по разгрому противника, действовавшего в районе Царицына.

Несмотря на то, что Молодая (Постоянная) армия не закончила полностью своего обучения и не прошла еще полного курса боевой стрельбы, было решено для поднятия настроения и дисциплины в расшатавшихся частях Царицынского фронта, двинуть на помощь ген. Мамантову небольшую часть этой армии. 1 и 2 Пластунские полки, 2-я Донская казачья дивизия, две тяжелых батареи и саперный батальон были направлены к Царицыну и доблести этой молодежи, с беззаветным мужеством отдававшей жизнь свою за Родину, главным образом и был обязан ген. Мамантов быстрым исправлением положения и своими громадными успехами.

Рядом последовательных ударов донцы сбили красных и отбросили их на восток. Молодые казачьи полки дрались с юношеским задором. Они смело шли навстречу врагу, отбирая у него орудия, пулеметы и бронепоезда. 25-го августа противнику было нанесено серьезное поражение в районе станций Тингута—Царицын; этот успех был развит и вдоль железной дороги Чир—Царицын. Когда же противник дрогнул и здесь, то наши части перешли в общее наступление и к началу октября части Донской армии, снова находились под стенами этого города. Однако, красные успели к этому времени собрать свежие войска, доведя численность Царицынского гарнизона до 50 тыс.человек при 180 орудиях и этой лавиной обрушились на слабые наши части. Огромный численный перевес противника, а главное, появление в тылу донцов целой большой большевистской дивизии Жлобы [238]), ускользнувшей из-под ударов Добровольческой армии и пришедшей от Ставрополя к Царицыну — значительно способствовало успеху красных.

Только геройское сопротивление и отчаянное упорство казаков, сдержали этот большевистский натиск. С большими потерями для обе-

[238]) Эта дивизия находилась на фронте против Добровольческой армии. Командование последней не уведомило меня об исчезновении дивизии с их фронта, почему ее появление у нас было неожиданным и неприятным сюрпризом.

их сторон, наступление противника было остановлено и наши части закрепились на линии в расстоянии 1—2 переходов от Царицына.

Кроме перечисленных больших операций на Донском фронте, в этот же период Донская армия вела напряженную борьбу с сильной степной группой противника, обосновавшейся в районе станций Куберло—Котельниково на юго-востоке Области. Настойчивыми атаками донцов, красные были вытеснены из этого района и в октябре месяце они присоединились к Царицынскому гарнизону.

Таким образом, в описанный период, т. е. с августа до начала ноября месяца, Донская армия и отчасти войска Южной армии, работая на фронте свыше 800 верст, успешно выполняли задачу по обеспечению Области от вторжения противника.

Несмотря на значительный численный перевес красных и их материальное и техническое богатство, несмотря на наличие у противника большого количества железнодорожных линий с выгодными их направлением и на крайнюю бедность таковых в Донской Области — все неоднократные попытки советских войск проникнуть на Дон, — были безуспешны. Натиск большевистских полчищ повсюду разбивался о казачью доблесть и искусство вождей. Донцы не только не пустили к себе красных, но сами вышли за пределы своей земли, с целью помочь своим соседям сбросить советское иго. В Воронежской и части Саратовской губерний донские казаки с успехом справились с этим и лишь на востоке неиссякаемость резервов красных не позволила им овладеть г. Царицыном. За этот же период окрепла и возросла Постоянная Донская армия. В ее рядах насчитывалось уже свыше 25 тыс. бойцов.

Но в ноябре месяце общая обстановка на Дону неожиданно сильно изменилась к худшему. В минуту страшного напряжения борьбы произошло величайшее событие: поражение Германии, отречение Императора Вильгельма от престола и, как следствие указанного — оставление немецкими войсками Украины. Там вскоре произошел переворот, началась анархия и создалась опасность вторжения в Донскую Область, сначала грабительских шаек Махно, а затем и советских войск, занявших Харьковскую и Екатеринославскую губернии. Население названных губерний и особенно численно значительный рабочий элемент угольного района, еще не вкусивший прелестей советского режима, легко поддался большевистской агитации. К казачьим войскам население приграничных полос с Областью, стало относиться чрезвычайно враждебно. Наоборот, всякий призыв большевиков образовывать летучие красные отряды, находил среди них живой отклик. Можно без опасения за ошибку сказать, что Советское правительство на Украине, неожиданно нашло весьма благоприятные для себя условия, а в лице населения встретило верного союзника. Оставление немцами на Украине огромного военного имущества, еще в большей степени облегчило им задачу создания в кратчайший срок численно большой и прекрасно снабженной всем необходимым красной армии.

При создавшейся обстановке вопрос военного снабжения Донской армии чрезвычайно обострился. События на Украине помешали Дону вывести громадные запасы военного имущества. Большое количество таковою погибло уже в пути, будучи разграблено бандами.. Поэтому каждая пушка, каждая винтовка, каждый патрон, получали особенную ценность, особое значение, стали бесконечно дороги.

Украина, как источник снабжения, не только отпала, но из доброго соседа — союзника Дона, превратилась в неприятеля. В ней повсюду возникали «советы» и «ревкомы». Они признавали только Московский «совнарком», а Петлюра, возглавлявший номинально власть, едва держался. Не надо было быть тогда пророком, чтобы предвидеть, чем все кончится на Украине.

Союзники — победители были где-то далеко. О них ходили пока смутные и крайне разноречивые слухи. Только впоследствии стало известно, что Великие Державы далеки были от намерения выполнить свои обязательства и своими войсками заменить на Украине германские гарнизоны. Они уклонились от этого, не захотев обеспечить в богатейшей южной половине России порядок, что для них тогда, конечно, не могло составить никакого затруднения и главное даже не вступая в борьбу с большевиками.

Потребность в предметах военного снабжения Донской армии и других войсковых соединений, выросших на Дону, выражалась в огромных цифрах. Еще ранее Донской Атаман, учитывая возможность непредвиденных случайностей, признавал наиболее правильным, чтобы снабжение армии базировалось, главным образом, на собственных средствах, нежели на подвозе извне, бывшем всегда неустойчивым. Ввиду этого, было обращено самое серьезное внимание, как на развитие продуктивности уже существовавших заводов и мастерских, так и на оборудование и приспособление для целей военных других заводов. Было даже приступлено к постройке и открытию новых фабрик и мастерских.

Однако, несмотря на все меры, принятые для установления на Дону собственного производства боевых припасов и предметов снаряжения и обмундирования, все же количество получаемого далеко не отвечало потребности армии. Число фабрик и заводов на ходу было весьма ограничено, не хватало необходимого сырья, не доставало технических сил.

Положение ухудшалось еще и тем, что на западной границе Области образовался новый, протяжением свыше 400 верст, чрезвычайно важный фронт. С этой стороны противник не только угрожал по кратчайшему направлению (40—60 верст) железнодорожным узлам Миллерово, Лихая, Зверево, т. е. угрожал прервать единственную стратегическую железную дорогу, обслуживающую войска почти всей Донской армии, но и создавал непосредственную угрозу и сердцу Области — г. Новочеркасску. С целью прикрыть Область с запада, Донское командование с болью в сердце, вынуждено было расходовать часть своего резерва — войска Молодой армии. На эти войска, как знает читатель, Донское командование возлагало большие надежды. Являясь наиболее спаянными и крепкими, они предназначились для парирования ударов противника в критический момент и для нанесения ему решительных, последних ударов и, главным образом, на севере, за пределами Области.

Придавая исключительное значени борьбе с Доном, ставя самое существование советской России в зависимость от исхода борьбы с Донским войском, Советская власть перебросила в ноябре месяце 1918 г. к пределам Дона и, преимущественно против северной и западной части Области, громадное количество войск. Сюда были направлены луч-

шие латышские полки, войска с Уральского фронта, а также части советской армии, долгое время обучавшиеся в центральной России. Против донцов развернулось пять советских армий, силой свыше 150 тыс. бойцов при 450 орудиях (Степная армия Терехова — 15 тыс. бойцов, 25 орудий; X армия Ворошилова — 67 тыс. б., 205 орудий; IX армия Егорова — 41 тыс. б., 100 ор.; VIII армия Чернявина — 15 тыс. б., 50 ор. и I армия — в период формирования, преимущественно из украинцев — более 20 тыс. б. при 70 орудиях).

На долю Добровольческой армии и Кубанцев на Кавказе приходилась Кавкасская большевистская армия Сорокина, силой 40 тыс. штыков, оторванная от центра и уже сильно потрепанная. Снабжение и пополнение этой армии из России было крайне затруднительно. Оно происходило весьма длинным путем: сначала в Саратов, Урбах, Астрахань, затем перегружаясь морем до Петровска или Дербента и, после снова по Кавказской железной дороге. Наоборот, снабжение советских армий, стоявших против Дона было до крайности облегчено, благодаря наличию весьма большого количества железных дорог и выгодного их направления. Всякий успех Добровольцев и Кубанцев на Кавказе, фактически ослабляя состав красной армии Сорокина, давал из занятой территории новый приток силы в Добрармию, увеличивая ее силы, как материально, так и морально. Нанося удар за ударом, Добровольческая армия и Кубанцы постепенно истощали своего противника, пока не обратили его в неорганизованные толпы, бежавшие в Грузию. Для кавказских большевиков западный берег Каспийского моря являлся пределом их отступления. Граница Грузии была закрыта. Последнее обстоятельство вынуждало их под напором Добровольческой армии распыляться на небольшие банды и искать спасения одиночным порядком.

Совершенно в иных условиях находился Донской фронт. Здесь, прежде всего, источником укомплектования советских армий, развернутых против Дона, служила вся многомиллионная Россия. Пользуясь несколькими железными дорогами, которые из центральной России вели на юг, красные могли безостановочно и быстро подвозить пополнения и также быстро перебрасывать свои части с одного участка на другой. Наличие в их руках богатейших запасов Российских армий и многочисленных мастерских, фабрик и заводов, позволило большевикам отлично вооружить и прекрасно обмундировать красную армию.

При сравнении театров борьбы с большевиками Донской и Добровольческой армий, а также и напряженности этой борьбы, необходимо учитывать и то весьма важное обстоятельство, что советская власть сумела под разными соусами использовать огромное количество русских генералов и кадровых офицеров, бывшей Императорской армии. Они дав свои военные знания и свой опыт, превратили разбойничьи большевистские банды, в стройную организацию, ввели в дело систему, установили высшие военные соединения, правильно управляемые штабами. Вся эта вооруженная и соответственным образом наэлектризованная масса, заново реорганизованная и непрерывно усиливаемая все новыми и новыми пополнениями, обрушилась именно на Донской фронт. Советская власть спешила смести сначала Донское войско, а затем расправиться и с Добровольческой армией. Встречая грудью же-

стокие и часто одновременные удары нескольких советских армий, Донское казачество, тем самым обеспечивало существование Добровольческой армии, давая ей возможность заканчивать очищение Северного Кавказа от остатков Сорокинской армии. Но сдерживая этот непрерывный натиск красных и проявляя максимум напряжения, Донское войско заметно обессиливало. Положение ухудшалось пассивностью нашего крестьянства. Если во время начала революции, крестьяне высказали максимум активности с целью прекратить войну и заняться мирным трудом, то теперь они не изъявляя особенного желания служить в рядах красной армии, не оказывали, однако, красным никакого сопротивления при проведении ими мобилизации. Большевики мобилизовали население до 45-летнего возраста и оно покорно шло на сборные пункты для отправки в войска. Последнее обстоятельство, конечно, в значительной мере облегчало советскому командованию вопрос пополнения армии.

В результате, несмотря на непрерывные успехи казачьего оружия, несмотря на огромные трофеи и десятки тысяч пленных, враг не только не уменьшался, но с каждым днем увеличивался. Борьба становилась все более напряженной, все более кровавой. Ряды противника не редели. На смену выбывших прибывали все новые части, расстроенные уводились в тыл, быстро пополнялись и вновь появлялись на фронте. Шли месяцы — и не было видно конца жестокой войне, не было видно никакого просвета. И по меткому выражению Атамана Краснова, донской казак уподобился сказочному богатырю, борющемуся со стоглавой гидрой. Отрубит одну голову, вместо нее вырастают две головы. В невероятно тяжелых условиях, с небывалой стойкостью отстаивали донские витязи свободу своего родного Края и свои родные очаги от навалившихся со всех сторон краснногвардейских полчищ.

Донская армия, насчитывавшая ранее более 65 тыс. бойцов, к этому времени значительно уменьшилась. Огромные потери в беспрерывных жестоких боях сильно ослабили ее состав. Из строевых частей выбыло до 40 процентов казаков и 70 процентов офицеров. Пополнять убыль было некем, ибо источник пополнения уже иссяк. Все казаки до 52 лет находились на фронте. В станицах жили лишь дряхлые старики, женщины, да подростки. Оставались еще крестьяне Донской Области преимущественно старших возрастов. Но рассчитывать на их помощь не приходилось. Искони настроенные к казакам враждебно, они были крайне ненадежны. При первых неудачах, они не только распылялись, но предавали своих соседей и уводили к красным командный состав. В этом отношении особенно выделялся Таганрогский округ — угольный район. Крестьяне этого округа, призванные в армию, явно проявили свое отрицательное отношение к казачьей борьбе с большевиками. Случаи массового дезертирства с уносом оружия и и злостная агитация, вынудили Донское командование заменить им службу военным налогом и назначением на принудительные тяжелые работы.

Потери в офицерском составе были особенно велики. Нередко полками уже командовали подъесаулы и даже сотники. Боевой успех покупался исключительно ценой маневра. Но обширность фронта и отсутствие железных дорог вынуждали переброску частей совершать похо-

дом, делая большие переходы и иной раз, для выигрыша времени, форсируя их. И зачастую, в жестокий мороз и холодную вьюгу, в легких шинелишках, в дырявых сапогах и плохих шапчонках, по колено в снегу, иногда и без горячей пищи, шли донцы по 30—50 верст и, не отдохнув, с похода, вступали в бой с сильным противником. И только казачья отвага да лихость — давали победу.

Необходимость прикрыть на огромном фронте от вторжения красных все казачьи станицы — исключала возможность, хотя бы на короткий срок отводить части в тыл и давать им вполне заслуженный и требуемый условиями сохранения здоровья, отдых.

Все были вынуждены оставаться в боевой линии и терпеть лишения и невзгоды. Силы надрывались, люди бесконечно уставали, конский состав совершенно истрепался. На почве переутомления, начали свирепствовать эпидемические заболевания. Армия с каждым днем таяла. Не хватало поездов и подвод увозить раненых и больных и были случаи замерзания их в пути. Борьба приобрела страшно суровый характер, тягота войны стала невыносимо тяжелой. Этим переутомлением воспользовались большевики и вновь усилили свою вредную агитацию, которая особенно сильна была в Воронежской губернии.

Ярко и красочно условия борьбы того времени характеризует П. Н. Краснов, говоря[239]): «Трогательную картину представляли в зимнее время казачьи транспорты, доставлявшие на позицию снаряды, колючую проволоку, хлеб и мясо. С оврага в овраг, с балки в балку по безграничной степи, по широкому военному шляху в сумраке короткого зимнего дня тянется длинный обоз. Утомились лохматые лошаденки и везут тихо, упорно, точно понимая всю важность того, что они делают. Не слышно криков понукания и не хлещут бичи над ними. Некому понукать. За подводами идут девочки и мальчики — подростки двенадцати, пятнадцати лет. Матери и старшие сестры остались дома заправлять хозяйством. Там без конца работы. Урожай большой, а убирать его некому. Без всякой мобилизации труда, все поднялось на работу. Женщины принялись жать, возить снопы, молотить, молоть, печь хлеб для своих кормильцев, которые все были на фронте. Тут захватила подводная повинность. Фронт ушел далеко от войска, потребовались транспорты . . .

И вот в зимнюю стужу дети возили клетки со снарядами, ящики с патронами, — без конвоя, без защиты, по глухой степи тянулись эти грозные транспорты и детские голоса звонко перекликались над ними.

Оттуда не шли порожняком, Везли страшную добычу . . . Добычу смерти . . . Везли раненых и тела убитых, чтобы похоронить на родном погосте. Хмуро маленькое личико, насупились юные брови, низко надвинута барашковая шапчонка на самые глаза. Мерно шагает казачок с ноготок за санями, на которых длинно вытянулись чьи-то тела, накрытыя рогожками и кулями. Иногда любопытный ветер приподнимает холст и чудится под ним чья-то вьющаяся мелкими завитками седая борода и рядом черные кудри казачьи.

— Кого везешь-то, хлопчик?

— Да вот деда, да бачку . . . Обоих вчера снарядом убило . . .

---

[239]) Приказы Всев. Войску Донскому от 24 октября 1918 г. за № 1274 и от 15 ноября за № 1512.

— и помолчав, гордо добавит: — на штурму рядом шли. Ихних много побили. Наши то, слышь, броневик ихний отбили, да пушек не то шесть, не то восемь забрали... Две тяжелых... С лошадьми, со всем... А вот бачку, да деда убило.»

На фронте в полках стояли люди от 19 до 52 лет, но были охотники и старше. Шел казак с сыном, а с ними увязывался и дед. «Все помогать буду — вы в бой пойдете, а я вам кашу сварю. Так-то». И стоял дед у каши, но когда услышал, что наша взяла, что на «уру» пошли, и его раззадорило. Позабыл и про кашу и пошел бить красных...

Таково было Войско Донское, одинокое в своей великой борьбе, но сильное своим глубоким патриотизмом и национальным чувством....»

Итак, в общем, в ноябре месяце положение было таково: 1) образовался новый фронт протяжением свыше 400 верст. 2) Противник занимал охватывающее положение с запада, непосредственно угрожая единственной стратегической железной дороге к центру Области — г. Новочеркасску. 3) Советская власть перебросила против донцов силы, превосходящие Донскую армию более, чем в три раза. 4) Резервов не было, ибо последний резерв, войска Молодой армии пришлось израсходовать. 5) Источник пополнения иссяк. 6) Ввиду переутомления были надломлены физические силы армии и, наконец, 7) моральные силы войск, действовавших в Воронежской губернии, были подорваны большевистской агитацией.

Как только были получены первые известия о победе наших союзников, Донской Атаман тотчас же предпринял шаги для установления с ними контакта. С целью выяснить намерения союзников в отношении России вообще, в частности в отношении Дона, 6-го ноября в г. Яссы было отправлено Донское посольство (Зимовая станица), в лице ген. Сазонова и полк. Янова (товарищ председателя Войскового Круга и бывший председатель Круга Спасения Дона).

В то же время, в Яссах уже находился ген. барон Майдель, посланный туда Атаманом по делам снабжения Дона артиллерийским довольствием. Ему удалось войти в связь с представителями союзного командования. По донесениям барона Майделя союзники, как будто были благожелательно настроены к Донскому войску и принципиально готовы были оказать ему свою поддержку. Сношения Атамана с немцами они считали вынужденными обстоятельствами и, в общем, обещали при первой к тому возможности, помочь Дону оружием и живой силой. Вместе с тем, они выказывали определенное желание ознакомиться с положением дел в Донской области. Таковы были в главных чертах информации барона Майделя. Учитывая настроение в Яссах Донским посланцам (Сазонову и Янову) было поручено передать письма Атамана командующему союзными войсками на востоке ген. Франшэ- д'Эсперэ, а копию его русскому посланнику в Румынии С. А. Поклевскому-Козелу. К этим письмам была приложена «Декларация Всевеликого Войска Донского», изданная еще 22-го мая 1918 года, следующего содержания:

«Всевеликое Войско Донское, существующее как самостоятельное государство с 1570 года и входящее в состав Российского Государства, как нераздельная часть его с 1645 года, во все времена и годы было верным сыном державы Российской и таковым осталось и после револю-

ции, стремясь вместе с Временным Правительством довести до Учредительного Собрания, на котором предполагалось установить образ государственного устройства и дальнейшие свои отношения к Российскому Государству.

Большой Донской Круг и выбранный Атаман Каледин не могли признать власть народных комиссаров за истинную и правомочную власть и отшатнулись от Советской России, ставшей игрушкой в руках безумцев большевиков и авантюристов и, провозгласивши себя самостоятельной Донской демократической республикой, вступили на путь борьбы с Советской властью.

Жертвою этой борьбы пал Атаман Каледин и Кругом Атаманская власть была передана Атаману Назарову. В кровавой борьбе с мятежными казаками и большевиками погиб мученической смертью на своем посту доблестный Атаман Назаров и власть Атамана временно перешла в руки Походного Атамана Попова.

Мужеством и энергией Донского казачества и его вождей и руководителей, войско Донское освобождено от большевиков и Кругом Спасения Дона я выбран 17-го сего мая (нового стиля) Донским Атаманом, с предоставлением мне впредь до созыва Большого Круга чрезвычайной власти, в основных законах указанной.

Объявляя об этом, я прошу Вас, милостивый государь, передать Вашему Правительству, что:

1) Впредь до образования в той или иной форме Единой России, войско Донское составляет самостоятельную демократическую республику мною возглавляемую.

2) На основании ранее, 21-го октября 1917 года, при Атамане Каледине заключенных договоров, Донская республика, как часть целого, входит в состав Юго-восточного союза — из населения территории Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск, горских народов Северного Кавказа и Черноморского побережья, вольных народов степей юго-востока России, Ставропольской губернии и части Царицынского уезда Саратовской губернии и обязуется поддерживать интересы этих государств и их законных правительств.

3) Относительно установления точных границ и торговых и иных отношений между Донским войском и Украиной ведутся переговоры, для чего послано посольство в лице Черячукина и Свечина.

4) Донское войско не находится ни с одной из держав в состоянии войны, но держа нейтралитет, ведет борьбу с разбойничьими бандами красногвардейцев, посланных в войско советом народных комиссаров.

5) И впредь Донское войско желает жить со всеми народами в мире, на основании взаимного уважения прав и законности и соблюдения общих интересов.

6) Донское войско предлагает всем государствам признать его права, впредь до образования в той или иной форме Единой России, на самостоятельное существование и государствам, заинтересованным в торговых или иных отношениях, прислать в Войско своих полномочных представителей, или консулов.

7) В свою очередь, Донское войско пошлет в эти государства свои «Зимовые станицы», то есть посольства, для установления дружеских отношений.

Обо всем этом прошу Вас, милостивый государь, широко объявить, с согласия Вашего Правительства, всем гражданам Вашего государства. Донской Атаман генерал-майор Краснов».

Не приводя полностью письма Донского Атамана генералу Франшэ-д'Эсперэ, я отмечу лишь основные его пункты. В нем ген. Краснов кратко характеризовал героическую борьбу Донских казаков с Советской властью и отмечал причины и условия, вынудившие войско Донское быть в сношениях с немцами. Далее он указывал на желательность объединения командования на Юге, кем-либо из популярных русских генералов (Щербачев или Иванов) и настаивал на сохранении полной самостоятельности Донского войска, пока не явится настоящее Российское Правительство, будь то Император или президент или пока не соберется полномочное Учредительное собрание. Говоря в письме о ген. Деникине, Краснов не расценивал его ни диктатором, ни полноправным Главнокомандующим, а смотрел на него лишь как на командующего союзной армией. Затем Атаман просил помощи от союзников не только материальными средствами борьбы, но, главным образом живой силой, оттеняя настоятельную необходимость скорейшего занятия союзными войсками Украины: «Податели этого письма — писал Донской Атаман — я это позволю себе еще раз повторить, являются вполне осведомленными и полномочными послами моими для переговоров с Державами Согласия, на которых мы и теперь, как и всегда, смотрим, как на своих верных союзников, при том обязанных нам за помощь в 1914, 1915 и 1916 годах, когда мы, русские, помогли им своими победами в Пруссии и Галиции».

Здесь весьма знаменательно, что к немцам, как нашему недавнему противнику, Атаман обращался всегда в форме просьбы и оказываемую ими войску помощь, компенсировал предоставлением им тех или иных экономических выгод. Наоборот, от союзников, Краснов, по существу, как видит читатель, требовал, считая их обязанными помогать России и, значит, Дону.

Прибыв в Яссы, Донское посольство не застало там ген. Франшэ-д' Эсперэ, а его заместитель ген. Бартелло встретил Донских делегатов чрезвычайно сухо. Оказалось, что Донская делегация несколько запоздала со своим приездом, ибо к этому времени союзники уже заочно признали ген. Деникина вождем на юге, расценивая его человеком непоколебимой верности союзнической ориентации. Как затем выяснилось, такое признание союзников не обошлось без деятельного участия агентов Добровольческого командования, всемерно черневших перед ними войско Донское и выставивших Атамана Краснова клевретом Императора Вильгельма.

Донское посольство уехало бы, как говорится, — не солоно хлебавши, если бы в дело не вмешался ген. Щербачев. Он устроил Донскому посольству вторичное свидание с ген. Бертелло и сумел уменьшить его недоброжелательство к Донскому Атаману. Услышав в истинном освещении историю событий на юге России и детально ознакомившись с обстановкой на Донском фронте, ген. Бертелло обещал Дону помощь наравне с Добровольческой армией. Он заявил, что на Украине останутся германские войска или их сменят войска англо-французских армий. Только вопрос о присылке на Дон представителей союзников

остался невыясненным. Скорее Донская делегация вынесла впечатление, что союзные представители будут посланы только в Добровольческую армию, ибо в Версале войско Донское не считали самостоятельным, а рассматривали его частью Добровольческой армии. Во всяком случае, в конечном итоге, миссия Донского посольства увенчалась успехом: окрепла уверенность будто бы союзники имеют серьезные намерения покончить с большевизмом в России, что им тогда, как победителям, конечно, не составляло особенного труда. Заверением их поддержать порядок на Украине, отпадала нависшая угроза левому флангу Донской армии и, наконец, они обещали широкую помощь оружием и живой силой. Когда это решение союзников стало известно в войске, оно чрезвычайно благотворно отразилось на настроении фронта и подняло в казачестве веру в конечную победу над противником. Будто в холодные, страшные и темные ноябрьские дни — вдруг повеяло теплом и рассветом. Точно вдали появились яркие полоски света и окрасили темные тучи отчаяния надеждой. Восемь месяцев Донские богатыри, отстаивая свободу свою, бились одни в непосильной борьбе. Но вот пришла весть... Союзники с ними и за них.

13-го ноября 1918 г. в г. Екатеринодаре по инициативе Добровольческого командования, под председательством ген. А. Драгомирова, было назначено совещание. Предполагалось рассмотреть вопросы единого представительства небольшевистской России на предстоящем мирном конгрессе, единого командования всеми вооруженными силами на юге России и объединение дела военного снабжения в руках главного начальника снабжения Добровольческой армии, в адрес которого в ближайшее время ожидалось поступление от союзников громадных запасов военного имущества и вооружения.

От Дона на это совещание Атаман назначил меня и ген.-лейтенантов Грекова и Свечина. Будучи моложе их, я, однако, в силу своего положения, фактически являлся главным представителем Войска на этом совещании. Стоя близко к Атаману, я был в курсе всех его замыслов и намерений и потому всякий вопрос мог разрешить в полном соответствии с программой Атамана.

С большой неохотой я принял предложение ген. Краснова. Скажу откровенно, что ехать в Екатеринодар мне ужасно не хотелось. Перспектива свидания с представителями Добровольческой армии сильно меня тяготила. Однако, все складывалось так, что я никак не мог уклониться от поездки. Командующий армией ген. Денисов, ввиду обостренных отношений с ген. Деникиным, ни за что не поехал бы в Екатеринодар и, значит, волей-неволей, эту миссию должен был выполнить я.

Перед отъездом названные генералы и я собирались у Атамана и совместно весьма детально обсуждали вопросы, подлежащие рассмотрению на предстоящем совещании. Вопрос единого представительства и вопрос объединения снабжения в руках начальника снабжения Добровольческой армии, как нам казалось, не мог вызвать особо острых дебатов. В этом отношении Атаман давал нам полный картбланш и мы могли идти на всякие уступки ставке. Гораздо труднее было сговориться с нею об едином командовании. Здесь предвиделись

большие трудности. Надо было совместить с одной стороны требования высших кругов Добровольческой армии, а с другой — наши вполне оправдываемые опасения, дабы каким-либо опрометчивым решением этого вопроса не вызвать либо недовольства в войске, либо еще хуже — крах Донского фронта. Мы определенно знали, что Добровольческое командование совершенно не желает учитывать психологию казачества и особенности его борьбы с большевиками. Знали и то, что высшие круги Добровольческой армии, вопрос единого командования рассматривают исключительно с точки зрения военного искусства и потому мы опасались, что едва ли удастся этот вопрос вылить в ту форму, которая была бы приемлема Донским войском, которое, кстати сказать, уже поголовно защищало границы Дона. Краснова очень интересовало предстоящее совещание и я должен сказать, что он искренно желал успешного достижения положительных результатов обеими заинтересованными сторонами. Перед отъездом Атаман дал мне «шпаргалку». В ней он еще раз кратко изложил свою точку зрения по всем нужным вопросам.

По дороге в Екатеринодар, в моем вагоне, мы совещались до глубокой ночи. Для облегчения выполнения нашей трудной миссии, мы поделили между собой роли, причем наиболее сложное и неприятное, т. е. вопрос единого командования должен был на совещании проводить я, как наиболее осведомленный с положением на фронте и чаяниями казачества.

Когда около 10 часов утра наш поезд прибыл в Екатеринодар, мы были поражены необычайно торжественным видом станции. Многочисленные флаги, преимущественно иностранные, украшали перрон и здание вокзала. Оказалось, наш приезд совпал с прибытием в Екатеринодар группы французских офицеров. Эту новость нам сообщил представитель Донского войска при Добровольческой армии ген. Смагин. Он с офицерами своего управления встретил нас на вокзале. Здесь же присутствовали и два офицера генерального штаба, назначенные Добровольческим командованием сопровождать нас. Приняв представление последних, мы их тотчас же отпустили, считая, что ген. Смагин обо всем информирован и в курсе всех Екатеринодарских событий.

Первое с чего мы начали — были официальные визиты. Побывали у ген. Деникина, его помощников, начальника штаба армии, Кубанского Атамана и других высших начальствующих лиц, заботясь как бы кого-либо не забыть. Долго мы нигде не засиживались. Везде нас принимали только официально и даже холодно. Это обстоятельство наглядно подтверждало враждебность Екатеринодара к Дону.

Из-за приезда союзных представителей, наше заседание было отложено на следующий день. Весь первый день прошел в официальных обедах, ужинах и раутах.

Среди горожан и особенно в военных кругах, царило большое оживление. Всюду чувствовался сильный подъем, все радостно ликовали. Словно далеко из-за моря прилетели весенние ласточки и с собой принесли тепло, а с ним надежду и радость.

Ведь тогда еще ныли глубокие раны мировой войны, еще памятны были поля Пруссии и горы русских трупов, принесенных Россией в

жертву за спасение Франции. У многих еще крепко жило сознание, что Россия честно выполняла свои обязательства и в целом никогда не была изменницей. Позорный Брестский мир, заключенный шайкой предателей, не был признан ни казаками, ни Добровольцами. Они не подчинились власти насильников и вступили с ними в неравный бой. И вот теперь, когда, обвеянные славой недавних побед в тяжелый для России час, пришли союзники, все взоры, все упования и надежды устрмились на них. У всех царило убеждение, что, если большевики — наши враги, то и их, ибо они — наши союзники, связанные с нами наиболее крепким союзом — потоками человеческой крови, пролитой Россией за общее дело. А кроме того, уже тогда для нас не было сомнения, что большевизм — страшная зараза, ужасное зло и смертельная опасность для всего человечества.

Французские офицеры, прибывшие в Екатеринодар были тогда центром общего внимания и восхищения. Их чествовали, как дорогих гостей, радушно, широко по-русски. Страстные, горячие, полные надежды и веры в союзников, без конца гремели тосты. Это внимание видимо их тронуло, ибо ответные их речи, казалось, были столь же искренни и рождали светлые надежды на будущее. Отлично владевший русским языком, капитан Эрлиш, в своих речах, многократно подчеркивал огромные заслуги России в минувшую войну и официально заявлял, что помощь союзников идет, что она уже близка, что она уже здесь, что не сегодня, завтра и войска, и пушки, и снаряды, и танки, и патроны будут у берегов Черного моря.

Как зачарованные, боясь пропустить хотя бы одно слово заморских гостей, мы с напряженным вниманием слушали их речи, вызывавшие у нас восторг и бурные овации.

С быстротой молнии, весть о приезде союзников разнеслась по югу России и проникла в самые отдаленные уголки фронта. Каждое слово, фраза, речь дорогих иностранцев, хваталась на лету, записывалась, печаталась и в десятках тысяч экземпляров достигала фронта. В воображении измученных бойцов, союзники рисовались недосягаемыми, окруженными ореолом славы, победителями непобедимых. И как следствие этого, угасший дух донцов вновь загорелся ярким пламенем. С новой силой воскресли отвага и доблесть. Отпали робость и уныние, родилась надежда, а с ней и радость сознания, что казаки не одиноки, что вместе с ними несокрушимая мощь союзников, которая идет и уже близка. Измученная и усталая Донская армия словно воспрянула духом. Она снова стала бить противника, брать у красных огромные трофеи и снова стойко загородила путь советским войскам в пределы Дона.

А в то же время, народная молва, соперничая с прессой, уже высаживала союзные войска на побережье [240]), вела их флот в Черное море, брала союзниками Псков, осаждала Петроград, десятки их транспортов сгружала в Новороссийске, Мариуполе, Севастополе и Одессе с несметными богатствами боевых и других припасов. Таковы были тог-

---

[240]) «По заявлению одного из членов Круга, только что прибывшего из Екатеринодара и располагающего сведениями из вполне достоверного источника, десант союзных войск в Новороссийске ожидается в ближайшем будущем. Главный контингент дессанта составят черные туземные войска — Сенегальские и Мадагаскарские». «Приазовский Край» от 6 ноября 1918 г.

да чаяния масс. Наблюдалось необычайное упоение славой союзников и в массе крепла непоколебимая вера в искренность их отношения к России. Даже люди, умудренные опытом и те заражались психозом того времени. Переоценивая отношение наших союзников к России, они зачастую сами помогали муссированию среди населения фантастических слухов. Так, например, председатель Войскового Круга В. А. Харламов, в день открытия второй сессии Круга 1-го февраля 1919 года в своей программной речи, говорил: «... союзники занимают Восточный фронт России под начальством Колчака. На севере подступы к Петрограду захвачены союзниками ...» [241]). Если председатель Круга притянул Антанту к Волге и Петрограду, то легко себе представить, какие чудовищные легенды о союзниках ходили среди простых казаков, видевших в них своих спасителей и с нетерпением ждавших от них помощи.

Должен признаться, что радость нашей первой встречи с представителями союзников была несколько омрачена. Дело в том, что, несмотря на наше присутствие, как официальных представителей Дона, во всех приветствиях, произносимых одной и другой сторонами, многократно отмечались только неисчислимые жертвы Добровольческой армии и ее героическая борьба с большевиками, подчеркивались заслуги Кубанцев и наряду с этим, совершенно замалчивались роль и значение Донского казачества. Не было сомнений, что нас умышленно игнорировали. Видно было, что французских офицеров основательно обработали в Екатеринодаре и внушили им неприязнь к Донскому казачеству, к тому казачеству, которое, стоя на главном операционном направлении, поголовно боролось с большевиками, где не было семьи, которая не потеряла бы главу, или одного из членов семьи. Даже глава Добровольческой армии — ген. Деникин, не счел нужным сгладить неприятное впечатление и в своей речи упомянуть о Доне и оттенить заслуги Донского казачества вообще в борьбе с Советской властью и, в частности, его значение для Добровольческой армии [242]). Такая явная и неуместная демонстрация против Дона, побудила меня воздержаться от какого-либо официального приветствия, как представителей союзников, так и наших хозяев — добровольцев и Кубанцев. Но дабы смягчить впечатление, я попросил ген. Смагина, как старшего в чине, совершенно кратко приветствовать от Дона французских офицеров и командование Добровольческой армии.

На следующий день состоялось наше совещание. От Добровольческой армии, кроме председательствовавшего — ген. А Драгомирова, на нем присутствовали генералы: Романовский, Лукомский, Санников и полк. Энгельке, а к нам прибавился ген. Смагин.

Вопрос единого представительства на мирном конгрессе прошел гладко и быстро. Горячие дебаты, как мы и предвидели вызвал вопрос единого командования. Теоретически представители Добровольческого командования были правы, настаивая на безотлагательном осуществлении единого командования на юге России под главенством ген. Деникина. Нам было ясно, что в едином командовании они, прежде

---

241) Газета «Донские Ведомости», 2 февраля 1919 года, № 28.

242) Газета «Приазовский Край» от 14 ноября 1918 года.

всего, видели возможность усиления Кавказского фронта Донской кавалерией. В их воображении она почему-то рисовалась в огромном количестве без дела болтающейся на Донском фронте. Развивая эту мысль, ген. Лукомский доказывал, что при едином командовании возможно будет временно ослабить Донской фронт, пожертвовать даже частью территории Донской области, с тем, чтобы усилив донцами войска Добровольческой армии, покончить с противником на Кавказе, а затем перебросить части на Донской театр и восстановить там положение. Такое положение, конечно, можно было оспаривать даже с точки зрения военной науки, требующей добиваться решительного успеха на главном театре борьбы, значит, на Донском фронте, а не ослаблять его во имя второстепенного, т. е. Кавказского [243]). Но главное было не в этом, оно заключалось в том, что представители Добровольческого командования предвзято и с известным предубеждением относились к нашему мнению. Выказывая полное неведение в донских вопросах, они вместе с тем, не желали учитывать реальных условий обстановки на Донском фронте и упрямо не верили нашим горячим доводам об истинном положении дел на Дону.

Прежде, чем окончательно приступить к рассмотрению этого больного вопроса, Донская делегация настаивала на предварительном ознакомлении присутствующих с действительным положением на Донском фронте и состоянием Донской армии. Представители Добровольческой армии согласились с этим. Тогда я обрисовал им обстановку на Донском фронте фактически такой, каковая не допускала и мысли о каком-либо его ослаблении. Наоборот, все говорило за необходимость немедленного усиления наших войск на главном операционном направлении. Но все эти наши доводы на представителей Добровольческого командования не действовали. Они и слышать не хотели об опасных последствиях, в случае попытки увода казачьих полков с Донского фронта или уступки части Донской территории противнику, что по нашему мнению, могло вызвать крайне нежелательные последствия и даже привести к катастрофе. Представители Добровольческого командования упорно защищали свою точку зрения, обещая уменьшение сил на Дону компенсировать присылкой нам орудий, пулеметов, автомобилей и винтовок, каковые они рассчитывали получить от союзников [244]).

— «Да поймите же,» —сказал я, — «что трофейные винтовки и пулеметы, и пушки мы сейчас имеем в достаточном количестве. Но у нас нет людей, которые управляли бы этими машинами и стреляли из них. Мы мобилизовали все, что могли. Весь людской запас исчерпан, все способные носить оружие, находятся на позициях без отдыха и смены.

---

[243]) Ген. Лукомский в гражданскую войну боевыми операциями непосредственно не ведал, близко к войскам не стоял, находясь все время в тылу, и ведая вопросами порядка административного. В силу этого, его рассуждения зачастую носили характер чисто кабинетный, вне зависимости от условий и обстановки. Военное положение было тогда таково: против Дона развернулось пять Советских армий, против Добровольческой армии и Кубанцев — одна, причем изолированная от центра и уже довольно потрепанная и дезорганизованная.

[244]) Ген. Лукомский сулил нам выгоды и говорил, что ими от союзников уже получено 13 тыс. винтовок и, если будет единое командование, то часть этого оружия пойдет и для Донской армии.

Успех покупается только маневром. Огромное протяжение фронта — около 1 200 верст, и необходимость прикрывать все казачьи станицы от вторжения противника, заставляет непрерывно перебрасывать полки с одного места на другое, не давая минимального отдыха. В итоге этого и люди и конский состав совершенно измотались. Ежедневные потери в боях не пополняются и полки тают. Наступившие внезапно жестокие морозы и недостаток теплого обмундирования, каждый день выводят с фронта сотни отмороженных. Офицерского состава не хватает и полками командуют сотники. Здесь меня упрекают, что я умышленно сгущаю краски. Указывают на непрерывные успехи Донского оружия, но, скажу откровенно, победы меня мало радуют. Будучи в курсе переживаний, насторений и нужд Донского фронта, я, на основании совокупности донесений, докладов и личных наблюдений, считаю себя обязанным заявить, что в своем напряжении Донское казачество дошло до кульминационного предела. Такое состояние, мне думается, продлится еще один-два месяца, а затем все может неожиданно и неудержимо покатиться назад. Дону нужна немедленная помощь. Единое командование в отвлеченном понятии, неоспоримо выгодно, но чтобы его провести в жизнь, надо считаться с реальной обстановкой и психологией казачества. Выдвиньтесь на главное направление, станьте плечом к плечу с Донцами, образуйте единый фронт, тогда у казаков исчезнет чувство гнетущего одиночества и они отлично поймут пользу единого командования. При движении за пределы Донской земли мы сможем вам дать корпус молодых казаков (Постоянную армию) и корпус казаков-добровольцев. Эти войска послушны и пойдут всюду, куда им прикажет «единое командование», а на остальное не посягайте. Установление единого командования и попытка использовать сейчас донские части на Кавказском фронте, без предварительного выдвижения Добровольческой армии на Донской фронт, пользы не даст, а вред несомненно будет. Большевики используют это, как козырь и разовьют сильнейшую агитацию на фронте, в чем мы имели уже случай убедиться, когда пробовали двинуть Донскую армию за границу Области. Наконец, закончил я, нельзя забывать, что мечта двинуть всю Донскую армию, т. е. все мужское население способное носить оружие — освобождать Россию, есть мечта и мечта неисполнимая, а для дела весьма опасная. Всякое муссирование подобной мысли грозит чреватыми последствиями и может привести к военным бунтам. Поголовно казаки могут защищать только свои родные курени и земли, но не освобождать Россию. Для последней цели Дон даст несколько десятков тысяч отлично организованных, великолепно снабженных прекрасно обученных и строго дисциплинированных бойцов, послушных единой воле начальника [245])».

[245]) Это все целиком приведено в моем рапорте Управляющему Военным и Морским отделами от 14 ноября 1918 года за № 2511, написанном мною по возвращении в Новочеркасск. Между тем, ген. Деникин почему-то в своей статье «История», помещенной в «Донской Летописи» (том III, стр. 361-371), приписывает мне наивные по форме и искаженные по смыслу, речи. Сам он на этом совещании не присутствовал, а стенографического отчета не велось. Впрочем, это — дело его совести. Большего внимания заслуживает то, что тогдашнее состояние Донской армии тот же автор характеризует так: «Уже в ноябре месяце, — говорит он, — не взирая на успех, в армии чувствовалась некоторая моральная неустойчивость». (Очерки Русской Смуты, том IV, стр. 62).

В ответ на это на голову Донской делегации посыпались резкие и неуместные упреки. Пользуясь старшинством, отчасти играя на нашей сдержанности, генералы Лукомский иДрагомиров, не считаясь с элементарными понятиями необходимого в таких случаях такта, забросали нас обидными фразами, обвиняя и в «военной безграмотности» и в «грубой насмешке над идеей единого командования» и т. д. и т. д. В общем, ряд хлестких, но неуместных замечаний и ненужных поучений. Донская делегация считала своим патриотическим долгом проявить максимум терпения и не обращать должного внимания на все бестактные выпады представителей Добровольческого командования. Наше искреннее желание было мирно сговориться с командованием Добровольческой армии. Самое, конечно, легкое было ответить в унисон на выпады и тем самым сделать невозможным какие-либо дальнейшие переговоры.

Единство командования, безусловно, военная аксиома при нормальных условиях и нормальной организации вооруженной силы. Но ведь условия были необычны, а ген. Деникин упорно не хотел считаться с этим и мерил все на аршин Добровольческой армии, совершенно не связанной ни народом, ни территорией.

В Екатеринодаре и слышать не желали, что казаки поголовно могут защищать только свои хаты и свою родную землю. Принудить же их поголовно пойти освобождать Россию не представлялось возможным и не было тогда той силы, которая бы заставила их выполнить это. Зная настроение казачьей массы, Донское командование все время лавировало между разными течениями, постепенно и осторожно устраняя вредные явления и исподволь подводя все в нормальное русло. И Атаман и его ближайшие помощники были глубоко убеждены, что первый приказ «единого командования» об уводе Донских частей на Кавказский фронт, вызвал бы тогда волнение, неповиновение, военный бунт или даже переход к красным. Имело ли право, спрошу я, при таких условиях Донское командование согласиться с требованиями представителей Добровольческой армии? Совершенно иное, если установлению единого командования, прешествовало бы появление частей Добровольческой армии на Донском фронте. Тогда бы не потребовалось

Чувство — скажу я — качество чисто субъективное и, если ген. Деникин, сидя за сотни верст от Донского фронта, чувствовал моральную неустойчивость Донской армии, то честь ему и хвала, ибо это — дар от Бога. Но мне думается, что в этом кроется что-то и другое, быть может, не одно только чувство. Надо полагать, что ген. Деникину был известен доклад начальника штаба Донских армий о положении на фронте не только с внешней стороны, но, главным образом, с внутренней, невидимой, так сказать, для обычного наблюдателя, но зато хорошо известный начальнику штаба армий, отдававшему тогда все время фронту. И было бы с его стороны справедливее сказать, что в то время, как Донская армия в ноябре месяце 1918 года одерживала победу за победой, ее начальник штаба на совещании 13 ноября в Екатеринодаре, открыто заявил, что победы его не радуют, что за ними кроется мрачное будущее и что если через месяц-полтора Донская армия не получит помощи, то она надорвет последние силы и неудержимо покатится назад. Там же он горячо убеждал присутствующих бросить всякую мысль о возможности снятия с Донского фронта хотя бы одного бойца. Не было бы лишним здесь добавить, что такое утверждение Начальника штаба Донских армий представители Добровольческого командования встретили, по установившейся у них традиции, не только с недоверием, но и с явным негодованием и осыпали его упреками и градом эпитетов, каковым, во всяком случае, на деловом совещании не могло быть места.

убеждать казаков в пользе единого командования. Самый факт появления добровольцев рядом с казаками, сразу расположил бы последних к ним. Следовало применяться к обстановке, а не витать в области бредовых идей и мечтаний о чем-то нереальном и неисполнимом.

Совещание кончилось, не дав почти никаких положительных результатов. Только у нас, у донцов накопилось еще больше горечи. Выходило, что добровольцы сулили нам журавля в небе, а мы хотели иметь, хотя бы, синицу, но в руках.

Вернувшись в Новочеркасск, мы подробно доложили Атаману и командующему армиями ход совещания, а я наше устное изложение, подкрепил еще письменным докладом за № 2511.

Сделанный мною на совещании в Екатеринодаре диагноз Донской армии, к сожалению, оказался совершенно правильным и через полтора месяца, как увидит читатель ниже, на почве переутомления с одной стороны, с другой — вследствие невыполнения союзниками своих обещаний, в казачьих частях произошел надлом, на фронте начались прискорбные явления: самовольное оставление позиций, переход к красным и Донская армия почти без боя, местами стала катиться назад. Произошло то, что я предсказывал, искренно убеждая Добровольческое командование прислушаться к моим словам и верить моим заявлениям. Однако, излишняя самоуверенность и необъяснимая предубежденность к нам Добровольческих верхов, явились непреодолимым препятствием к взаимному пониманию.

Французские офицеры, прибывшие в Екатеринодар, продолжали оставаться при штабе генерала Деникина и будучи, видимо, под влиянием враждебных Дону кругов Добровольческой армии, не собирались посетить Дон для установления непосредственных сношений с Донской властью. Это обстоятельство имело двоякое значение: во-первых — морально понижало авторитет и влияние Атамана в Войске, а во-вторых — создавало благоприятную почву для агитации против Краснова на внутреннем и внешнем фронтах. На всех перекрестках оппозиция злобно шипела: «Краснов — ставленник немцев, пока он — Атаман, союзники не будут сноситься с Доном, не приедут в Новочекасск, не помогут войску, а без их помощи Дон погибнет». А на фронте и в тылу большевики также интенсивно вели пропаганду и прививали казакам мыссль о том, что ни французские, ни английские солдаты воевать с Советской властью не будут, что они жаждут только вернуться домой и, по примеру России, свергнуть свои капиталистические Правительства, что уже проделано в Германии. — «Краснов и белопогонники нагло вас обманывают трудовых казаков» — дословно говорилось в большевистских прокламациях, — обещая помощь союзников, Солдаты и пролетариат всего мира теперь поняли, кому война выгодна и кому она несет разорение. Война нужна только богачам, буржуям да помещикам, Пролетариат же всех стран за мир и за советы . . . и т. д.» Несмотря на принятые Донским командованием меры противодействия, червь сомнения все же мало-помалу, подтачивал казачье сознание.

В эти дни, в Севастовополь прибыла англо-французская эскадра. Ата ману Зимовой станицы Донского войска при Крымском правительстве полк. Власову, удалось в порядке частном, познакомиться с англий-

ски адмиралом. Он заинтересовал его рассказом о положении на Дону, рассеял неправдоподобные слухи о Войске и уговорил его послать союзную делегацию в Новочеркасск. Адмирал согласился. 21 ноября под видом промеров Азовского моря из Севастополя в г. Таганрог вышло два миноносца — французский «Бристоль» и английский «Свен» под командой французского капитана Ошэна и английского капитана Бонда. Их цель была — посетить Донское Войско и на месте ознакомиться с положением дел.

Телеграмма о предстоящем прибытии в Новочеркасск представителей союзных армий молниеносно разнеслась по Войску. Всюду стали спешно готовиться к встрече. Новочеркасск сразу преобразился и принял праздничный вид. Вокзал, все казенные учреждения, а также и частные дома, были красиво декорированы, Российскими, донскими и иностранными флагами союзных Держав. Особенно тщательно была украшена Соборная площадь.

Ген. Краснов, умевший всегда необычайно торжественно обставить парады, на этот раз с особой тщательностью разработал церемониал[246]) встречи союзников, придав ему чрезвычайно большую помпу.

— «Для достойной встречи представителей тех государств — говорилось в приказе № 1582, — с которыми вместе в продолжении трех с половиной лет мы сражались за свободу и счастье Российского государства, которые помогли нам оружием и снаряжением в тяжелый 1915 год и отвлекли от нас несметные силы противника, которые и теперь с открытой душой идут к нам, чтобы помочь стереть с лица России гнойную язву большевизма и дать нам возможность победоносно закончить ужасную гражданскую войну, предписываю . . .» Далее шли детальные указания о церемонии встречи союзников.

Уже в Мариуполе, ко времени их прибытия, на вокзале был выставлен, в блестящем виде, почетный караул в составе одной сотни Лейб гв. Атаманского полка. То же было сделано в Таганроге 2-м пластунским казачьим полком. а в г. Ростове Лейб гв. Казачьим полком. Кроме того, на этих станциях гостей приветствовали и подносили хлеб-соль городские, общественные и торгово-промышленные депутации, делегации от учащихся и представители администрации и военных властей.

Для переезда по железной дороге на ст. Мариуполь им был предоставлен роскошный атаманский поезд.

Непосредственный визит на Дон представителей союзников, видимо, не на шутку встревожил Екатеринодар. Ведь приезд их в Новочеркасск, можно было рассматривать, как торжество политики ген. Краснова, что значительно путало карты Добровольческой ставки.

С целью уменьшить силу впечатления от этого посещения недоброжелатели Краснова приняли разнобразные меры и настойчиво стремились установить непосредственный контакт с приехавшими союзными офицерами, чтобы настроить их против Атамана и Дона.

Меня глубоко возмутило, когда мне принесли телеграмму министра торговли и промышленности Добровольческой армии, В. Лебеде-

[246]) Приказ Всевеликому Войску Донскому от 22 ноября № 1582.

ва [247]) из Екатеринодара на имя председателя Войскового Круга В. Харламова. В ней говорилось, что едущие на Дон представители союзников никем не уполномочены, по существу — подставные лица, нанятые Атаманом с целью инсценировать его дружбу с союзниками. Далее автор предлагал эти сведения в спешном порядке распространить в обществе.

Эту провокационную телеграмму я задержал у себя на 2—3 дня, предупредил о ней Атамана и командующего армиями и приказал установить самое тщательное наблюдение за телеграфом Новочеркасск—Екатеринодар.

У меня достаточно оснований утверждать, что посылка такой возмутительной телеграммы была сделана с ведома высшего командования Добровольческой армии. Посредничество третьих лиц — было излюбленным приемом ставки Добровольческой армии. Даже миссию получения от нас патронов и снарядов ген. Деникин признавал возможным возлагать иногда на частных лиц, совершенно непричастных к военному делу. Я помню, как с этой целью приезжал инженер Кригер-Войновский и другие «общественные деятели». Они излагали нам тяжелое положение Добровольческой армии и просили помочь ей, указывая при этом и точное количество снарядов и патронов. Видимо, временами, Добровольческое командование хотело остаться в стороне, иначе говоря — желало и невинность соблюсти и капитал приобрест. Ну, чем иным, как не этим можно было объяснить подобное посредничество, совершенно ненужное, когда при штабах армий, как знает читатель, находились представители командований, а еще проще было ген. Романовскому переговорить со мной по прямому проводу, что обычно он и делал.

Торжественную и величественную картину в день приезда гостей представлял г. Новочеркасск. От вокзала до собора на длинном Крещенском спуске, богато декорированном зеленью и флагами, по одну сторону стали развернутым строем войска (6 пеших сотен, 10 конных, 2 орудия и дружина скаутов), а по другую — шпалерами, учащиеся высших, средних и низших школ, многочисленные оркестры музыки и в огромном количестве любопытные Новочеркассцы.

На вокзале союзников ожидал почетный караул от 4-го Донского казачьего полка — сотня со знаменем и хором трубачей. Там их встретили командующий армиями и я, а от города, окружного атамана и Новочеркасской станицы — соответствующие депутации.

С вокзала гости [248]), в поданных им автомобилях, поехали в Новочеркасский собор на торжественное молебствие. При движении вереницы автомобилей к площади, сплошные стены войск и народа оглашали воздух могучими радостными криками «ура» и приехавших гостей засыпали живыми цветами. Все как-то невольно думали и верили, что

247) В. Лебедев краткое время был у нас на роли министра. После некрасивой аферы, вскрытой мною при помощи начальника Донской авиации полк. Усова, о стремлении его продавать Дону непринадлежащее ему авиационное имущество, он перекочевал в Екатеринодар, где был, несмотря на это, генералом Деникиным возведен на пост министра.

248) Прибыло: три английских офицера: кап. Бонд и лейтенанты Блумфельд и Монро и 10 матросов; французов было тоже трое: кап. Ошэн и лейтенанты Дюпро и Фар и 10 матросов.

приезд союзников знаменует конец большевизма. Оркестры музыки попеременно исполняли английский гимн и марсельезу.

Вся огромная Соборная площадь оказалась буквально запружена народом. Администрации пришлось прибегнуть к крайним мерам, чтобы дать возможность иностранным офицерам пройти к собору. К началу молебствия в собор прибыл Донской Атаман. По окончании богослужения, в честь союзников состоялся парад войск. Восхищению союзных офицеров не было границ, когда они узнали, что проходящие перед ними в блестящем порядке, части, созданы Атаманом всего лишь в полгода времени.

Вечером того же дня в Атаманском дворце, превращенном лесом цветочных деревьев, в зимний сад, Атаман и Правительство чествовали гостей парадным обедом. В числе приглашенных находились представители Добровольческой армии [249]), Кубани, народов Северного Кавказа и Астраханский Атаман.

Когда офицеры союзных армий вошли в зал, оркестр исполнил французский и английский гимны, а затем гимн Всевеликого Войска Донского: «Всколыхнулся, взволновался». Несмотря на официальный характер этого обеда, никакой натянутости, как то обычно бывает, в сущности не ощущалось.

Первым на французском языке произнес речь Донской Атаман. Он красочно и детально, этап за этапом, обрисовал героическую борьбу Донского казачества и его напряжение в ней, дошедшее до пределов.

«Сто четыре года тому назад, в марте месяце, — закончил свою речь ген. Краснов — французский народ приветствовал Императора Александра I и Российскую гвардию. И с этого дня началась новая эра в жизни Франции, выдвинувшая ее на первое место. Сто четыре года тому назад — наш Атаман граф Платов гостил в Лондоне. Мы ожидали вас в Москве. Мы ожидали вас, чтобы под звуки торжественных маршей и нашего гимна, вместе войти в Кремль, чтобы вместе испытать всю сладость мира и свободы. Великая Россия. В этих словах все наши мечты и надежды. А пока... Пока мы несчастны — ибо все так же льется кровь казаков и наши силы напряжены до последней степени, чтобы спасти Отечество...»

На тост Атамана сначала ответил английский капитан Бонд, сказав [250]): «Ваше Высокопревосходительство. Господа. От лица союзных наций, которые мы здесь представляем, я горд принести искреннюю благодарность за ваш горячий, дружественный прием. Мы горды, что нашей миссии выпала честь посетить Всевеликий Дон и видеть чудесных воинов Всевеликого Войска Донского, которые во всем мире славятся своим героизмом и стойкостью. Во-первых, я желаю ознакомить Ваше Высокопревосходительство с главной целью нашего посещения. Несколько подобных миссий посланы в разные места России с единственной целью близко ознакомиться и с вашей помощью узнать политическое и экономическое положение вещей. Сведения, которые Вы так добры нам дать, будут в мельчайших деталях переданы нашим

---

[249]) От Добровольческой армии присутствовали: ген. Боровский и полковники Скоблин и Шкуро; от Кубанского войска — ген. Гейман и член Рады П. Макаренко, от горцев — г. Гатагоу.

[250]) Я привожу речь в том переводе, как она была опубликована в газетах.

главнокомандующим. От точности же наших донесений будет зависеть и общая сводка, которая впоследствие будет иметь огромное значение. Одним словом, задача нашей миссии лишь получить сведения и донести их по назначению, не вдаваясь в критику или в рассуждения. Наша миссия прибыла, исполненная чувством дружбы, с надеждой, что при помощи союзных наций водворится свободная и Единая Россия, работающая в мире и благоденствии, рука об руку с союзными народами, так же благородно, как она дралась рука об руку с нами в прошлом. Я не смею высказывать своего мнения относительно вопроса, как Россия переживает это тяжелое время, но я знаю и вы согласитесь со мной, что одна из мудрейших фраз, когда-либо сказанных, — следующая: «семья в ссоре всегда обеднеет». Эти слова были доказаны и нам, ибо хотя мы дрались объединенными силами, все же победили мы врага лишь, когда все подчинились одному командиру, великому и доблестному маршалу Фош. Ваше Высокопревосходительство и господа, я еще раз благодарю за ваш радушный прием. Вы были добры чествовать нас исполнением нашего национального гимна. Я прошу вас дать и нам удовольствие выслушать ваш старый русский гимн».

На момент в зале наступило гробовое молчание. Тогда Атаман встал и громко сказал: «За Великую, Единую и Неделимую Россию. Ура». И мощные, величественные звуки старого русского гимна, огласили залы атаманского дворца. Четыре раза музыканты должны были повторять гимн при единодушных и громовых криках «ура» всех присутствовавших [251]).

Вторым от лица союзников говорил кап. Ошэн — представитель Франции.

«Ваше Превосходительство и господа, — сказал он — от имени Франции позвольте поблагодарить Вас, Ваше Превосходительство, за слово приветствия, за «добро пожаловать», с которым вам угодно было обратиться к нам. В равной мере благодарим мы и Донское казачество и все население за тот сердечный прием, который они нам оказали. Но что нас особенно глубоко тронуло — это восторженные поздравления, с которыми к нам обратились по поводу великой победы права над силой. Ставя поздравления эти в связь со всеми трагическими испытаниями, переживаемыми великой страной, мы видим, что сердце русских не перестало быть верным нам. И это обстоятельство является для нас огромной поддержкой в тот момент, когда начинается работа по возрождению России, к которой союзники примкнут всеми способами и всеми своими возможностями. Позвольте мне вам тотчас же указать на главную причину наших успехов, приведших в конце концов к победе. Нет сомнения, что союзные моряки и солдаты проявили большую выносливость всяким испытаниям и, тем не менее, да будет позволено французскому солдату сказать вам: все высказанные достоинства и добродетели не сумели бы одолеть остервенелого противника, если бы тесное единение не переставало бы жить между всеми союзными армиями, единение, вылившееся в конченом итоге в едином командовании, воплощенном в победной личности маршала Фоша. Так-

[251]) Мне думается, что после этого у иностранцев могло даже создаться впечатление, что на Дону настроение монархическое, но я бы сказал, это не совсем отвечало действительности.

же и на море осуществилось единое командование под победным вымпелом английского флота. И мы уверены, что все русские, любящие Родину, последуют за союзниками по этой дороге и что скоро мы увидим, как против врага встанет единый русский фронт. Это две победоносные сестры: благородная и блестящая Донская армия и бесстрашная Добровольческая, которые проливали и продолжают лить кровь за спасение общей родины и одержавшие уже столько блестящих побед, станут непобедимыми, когда тесно объединенные, образуя гранитный блок, они кинутся на врага. Вот в этой-то надежде я и поднимаю стакан: за доблестную армию Донских казаков, за ближайшее возрождение России»[252]).

Затем следовали тосты за английского короля Георга V, французского президента Раймонда Пуанкарэ, Добровольческую армию, Кубанцев, Астраханское войско и ответные речи присутствующих здесь их представителей. А старейший в Донском войске ген. А. Жеребков поднял бокал за доблестного Донского Атамана ген. П. Н. Краснова. Крики «ура» и буря долго несмолкаемой овации сопровождали этот тост.

По окончании обеда гостям было предложено кофе, а Войсковой хор исполнил казачьи песни. И только поздно ночью гости разъехались, унося с собой чувство благодарности за радушное казачье гостеприимство.

26 ноября в здании Областного Правления приехавших офицеров чествовала комиссия Законодательных предположений Большого Войскового Круга во главе с председателем Круга В. Харламовым. Обед этот не был так торжественно и блестяще обставлен, как Атаманский. Скорее он был демократичен. Наряду с блестящими мундирами, фраками и смокингами пестрели простые рубашки-косоворотки представителей черноземной части Круга. Однако оживление было общее.

От имени Войскового Круга гостей поздравил председатель Круга В. Харламов, пригласивший всех присутствующих почтить прежде всего память тех, кто отдал свою жизнь за честь и защиту Родины, в частности — донских казаков. Все встали, а хор исполнил «Вечную память». Затем В. Харламов пространно изложил все этапы тяжелых испытаний, пережитых казачеством, особенно подчеркнув, что оно оказалось подготовленным к восприятию свободы и не уподобилось рабу, сорвавшемуся с цепи, что казачество сумело сочетать блага свободы с порядком и законностью. Далее оратор отметил демократичность казачества, его внутреннюю дисциплину, патриотичность и тесную спайку, указав, что казачество подлинно государственный элемент — краеугольный камень новой свободной России, и подчеркнул, что казаки желают жить свободными в свободном государстве Российском. Свою речь В. Харламов закончил здравицей в честь гостей и заявлением, что казачество уверено в помощи, которую ему окажут наши доблестные союзники.

---

[252]) «Донские Ведомости» от 27 ноября (10 декабря) 1918 года. При оценке речей французских и английских офицеров надо иметь в виду, что главы союзных военных миссий находились тогда в Екатеринодаре при ставке ген. Деникина и прибывшие в Новочеркасск иностранные офицеры уже получили от них соответствующие инструкции, как они должны себя держать и что говорить .

После председателя Круга гостей приветствовал Донской Атаман, а затем ряд ораторов — членов Войскового Круга, представителей Кубани, Добровольческой армии и другие.

На эти многочисленные приветствия отвечали капитаны Бонд и Ошэн. Они подчеркивали заслуги России и обещали немедленно сообщить своим правительствам о высоком патриотизме казаков, о блестящей Молодой Донской армии, о нуждах Войска и заверяли в скорой помощи союзников.

Думаю, что никогда телеграф не работал так напряженно, как в этот день. Депутаты Круга день и ночь висели на аппаратах, спеша передать в станицы и на фронт свои впечатления от встречи с представителями союзников и каждое слово, сказанное ими.

Ввиду праздника Св. Георгия Победоносца 26 ноября, в этот день в Новочеркасск съехалось на традиционный парад и обед большое количество Георгиевских кавалеров. Многие из них на другой же день отправились по своим местам, часть прямо на боевые позиции. В свою очередь и они понесли с собой радостную весть — о близкой помощи союзников.

27 ноября иностранные гости осмотрели офицерскую школу, военное училище, Донской кадетский корпус, Мариинский институт и I-ое Реальное училище. Всюду их торжественно встречали и всюду они поражались образцовым порядком, продуманностью и налаженностью всего дела. Официальная часть Новочеркасского церемониала в честь союзных представителей закончилась роскошным раутом, после которого в 12 часов ночи они, вместе с Атаманом, поехали на позиции.

По пути, на ст. Кантемировка, Атаман представил их командующему Южной армией ген. Н. Иванову. Они осмотрели его войска, а затем поехали на северный фронт в Воронежскую губернию, где в станицах, слободах и селах их радостно и сердечно встречали казачьи и крестьянские депутации. То что они увидели в тылу и на фронте произвело на них глубокое впечатление. Они воочию убедились, что борьба Дона с большевиками приобрела чрезвычайно страшный и суровый характер и что напряжение казачества дошло до предела.

Вернувшись с фронта, гости побывали еще на Русско-Балтийском заводе в Таганроге, работавшем на оборону. После этого они оставили Новочеркасск и отправились на свои миноносцы. Только капитаны Бонд и Ошэн, снабженные необходимыми материалами, сводками, схемами и подробными сведения о том, что нужно Войску и что оно взамен этого может дать, поехали в Екатеринодар для личного доклада главам военных миссий, английскому генералу Пуль и французскому капитану Фукэ, о положении на Дону.

На основании личных наблюдений и разговоров с союзными офицерами, посетившими Войско, могу сказать, что уезжая с Дона они увозили с собой не только светлые воспоминания о широком казачьем радушии, но и твердое убеждение в неправдоподобности слухов, распускаемых противниками Донского Атамана о Войске. Во всем, даже в мелочах, они видели порядок, стройную систему, продуманность и, главное, жизненные и прочные основы, на которых покоилось Донское Войско, как временное самостоятельное государственное образование.

Посещение союзными офицерами Войска имело огромное моральное значение. Возможность получить помощь стала как-то ближе. Крепла вера и надежда в них и это вдохнуло в души усталых и измученных донцов новую силу, бодрость и новую веру в конечную победу над большевиками. Но время шло, а помощи не было.

Главы иностранных военных миссий продолжали оставаться в Екатеринодаре. Под влянием кругов Добровольческой армии, они заочно составили о Войске мнение далеко не в пользу последнего, а к докладам капитанов Бонда и Ошэна отнеслись весьма скептически.

Между тем, военная обстановка на Донском фронте осложнилась. На севере Области завязались ожесточенные бои. Пользуясь громадным превосходствам в силах, противник повел концентрическое наступление против войск Хоперского округа, а также и на фронте всей западной границы. По-видимому большевики намеревались отрезать весь север Области, прервав одновременно и железнодорожную магистраль Ноочеркасск — Лиски. Особенно стремителен был натиск красных с севера. Удачным маневром донцов, усиленных частями Усть-Медведицкого района, большевистская группа изменника Миронова, докатившаяся до ст. Филоново на железнодорожной линии Поворино — Царицын, была охвачена полукольцом и к концу ноября отброшена к границе Области.

Для восстановления положения во всем Хоперском районе и овладения г. Борисоглебском и ст. Поворино, Донское командование использовало сосредоточенный у г. Новохоперска отряд ген. Гусельщикова из войск, оперировавших в Воронежской губернии. С помощью названного отряда удалось овладеть г. Борисоглебском, ст. Поворино и восстановить равновесие на севере. Эта операция дала нам большое количество пленных и огромные трофеи. Однако ослабление войск, находившихся в Воронежской губернии, во имя спасения родного Хоперского округа, привело к потере Лисок и части Воронежской губернии.

Одновременно красные, сосредоточив большие силы в Харьковской и Екатеринославской губерниях, перешли в наступление с целью овладеть железнодорожными узлами Миллерово, Лихая, Зверево и Дебальцево. Для противника условия борьбы на этом фронте были крайне благоприятны. Район, густо покрытый железными дорогами, подходившими к границе Области, изобиловал рабочими-шахтерами. Встревоженные широкими обещаниями большевиков и не изжив первоначальной стадии революционных вожделений, они враждебно относились к казакам и явно содействовали большевикам. Шахтеры скрывали большевиков у себя, помогали им, сообщая в стан красных о расположении и всех передвижениях казачьих отрядов. Порча железнодорожных линий и крушения поездов сделались явлением обыденным. Часто отряд большевиков, окруженный казаками, распылялся, находя приют у населения и пряча оружие в глубоких тайниках подземных шахт. При продвижении донцов вперед красные быстро вооружались вновь, нападали с тыла, взрывали пути, грабили наши транспорты, нарушали подвоз, т. е. действовали по-партизански и были неуловимы. Казачьи отряды, выдвинувшиеся за границу Области, очутились окруженными со всех сторон видимым, а чаще скрытым и мало уязвимым противником. Тем не менее, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, напряженными и упорными боями в

приграничной полосе нового (западного) фронта, наступление красных повсюду было отбито. Все попытки противника проникнуть частично на Дон были безуспешны и пределы Области остались неприкосновенными. Войска Молодой (Постоянной) армии блестяще сдали свой первый экзамен.

Не так благоприятно разрешились события в Воронежской губернии. Здесь Советское правительство, ведя операции, одновременно подготовляло себе победу на фронте и усиленной агитацией в тылу Донских войск. К сожалению, не все Донские части смогли противодействовать большевистскому яду. Соблазнительные обещания «социалистического рая» нашли малодушных и доверчивых. Преступное семя, искусно брошенное советскими агитаторами, взошло и скоро дало ужасные плоды в виде войсковых митингов и отказа от исполнения боевых приказаний.

Расположение частей Донской армии вне пределов Области, их малочисленность, крестьянское население района, в значительной части сочувствовавшее большевизму, весьма заманчивые заверения советских агентов не переходить границу Области и прекратить войну, как только казаки разойдутся по домам, страшное переутомление казачества, огромный некомплект командного состава, недостаток технических средств и теплой одежды и, наконец, постепенное разочарование казачества в помощи союзников, — вот те обстоятельства, которые способствовали расстройству войск северного Донского фронта, начавшемуся в декабре месяце в пределах Воронежской губернии.

А между тем народная молва несла слухи, будто бы союзные войска высаживаются в Одессе, Севастополе, Батуме... что часть их уже прибыла в Новороссийск и что цветные дивизии союзников идут на помощь Дону... Но на Донском фронте все оставалось без перемен. Шли те же упорные бои, так же храбро отбивались от красных казаки и так же были одиноки. А за пределами Тихого Дона висела мрачная туча человеческой злобы и одичания. Медленно приближалась она к широким, вольным степям, неся с собой страшную месть разорения, голода и насилия. И то, что не могли сделать большевики силой оружия — победить, они сделали тем, что потрясли усталый дух донских казаков и влили в него яд сомнения и недоверия. Сначала тихим шепотом, потом открыто в прокламациях и листовках, стали писать казакам, что они обмануты, что никаких союзников нет, что союзники идут не с казаками, а против них, поддерживая большевиков... И стал падать дух измученных бойцов и началась измена... Вначале были колебания в отдельных частях, причем одна часть перешла на сторону красных[253]). Произошел прорыв фронта, соседние части смутились и отступили. В конце декабря несчастная мысль пришла в голову Вешенцам[254]), Мигулинцам и Казанцам бросить позиции, пойти к красным и сговориться с ними заключить самовольный мир. Мир на основании самоопределения народностей, мир без аннексий и контрибуций, о чем так много говорили большевики, постоянно повторяя, что они — друзья народа. Все шло гладко. Все обещали юркие молодые люди с драгоценными перстнями на холеных пальцах, выдававшие себя

[253]) Офицеров не тронули, но принудили разойтись по домам.

[254]) Верхне-Донской полк.

за трудовой народ. Обещали границу не переходить, казаков не трогать, приглашали жить в мире, перековав винтовки на плуги. Поверили этим обещаниям казаки названных станиц и разошлись по домам. Позорный пример частей, забывших свой долг перед Родиной, нашел себе подражателей. . . А через два-три дня в станицах появились красные и начали свою дикую расправу. Стали вывозить хлеб, угонять скот из станиц, убивать непокорных стариков, насиловать женщин. В том месте, откуда ушли казаки с фронта, осталась пустота и в нее стали спокойно вливаться полки и батареи красных. Верные долгу и казачьей присяге Войску, группы отдельных казаков пытались противодействовать, но дезорганизованные событиями, быстро рассеивались противником. Почти без боя, пало несколько казачьих станиц. К концу декабря, была очищена не только вся Воронежская губерния, но и на Донском фронте образовался значительный прорыв, что поставило мужественных Хоперцев, храбро отстаивавших свой округ, в тяжелое положение, ибо противник грозил выйти в глубокий их тыл.

Учитывая создавшееся положение на фронте и полагая, что от глав иностранных миссий, сидевших в Екатеринодаре и не желавших приезжать в Новочеркасск, зависит помощь Войску, Атаман написал английскому ген. Пуль письмо. Он просил его не верить ложным слухам, а приехать на Дон и лично проверить положение. В этом же письме Атаман откровенно высказывал свое мнение о ген. Деникине. Он подчеркивал желательность объединения антибольшевистских сил, действующих на юге России, кем-либо из популярных русских генералов, но только не ген. Деникиным.

На следующий день 7-го декабря 1918 г. ген. Пуль ответил Атаману следующим письмом:

Ваше письмо от 6/19 декабря лично передано мне есаулом Кульгавовым. Я должен поблагодарить Вас за то, что Вы так полно и откровенно высказали Ваши взгляды, хотя я очень сожалею, что они не гармонируют с моими собственными по вопросу о назначении генералисимуса, долженствующего командовать всеми русским армиями, действующими против большевиков. Я постараюсь ответить одинаково откровенно. Я осмелюсь указать Вашему Превосходительству, что я считаю вопрос назначения главнокомандующего пунктом, о котором следовало бы сперва посоветоваться с союзниками, так как я вынес впечатление из Вашего письма, что Вы считаете, что только с союзной помощью и союзным снабжением Вы сможете наступать, или даже удержать занятое Вами. Инструкции от моего правительства указали мне войти в связь с ген. Деникиным, представителем в Британском мнении Русских армий, действующих против большевиков. Поэтому я сожалею, что для меня невозможно обдумывать признание какого-либо другого офицера таковым представителем. Я вполне отдаю себе отчет в той великолепной работе, которую Ваше Превосходительство, так искусно выполнило с донскими казаками и я осмелюсь поздравить Ваше Превосходительство по случаю Ваших блистательных побед. Я надеюсь, что Ваше Превосходительство теперь покажете себя не только великим солдатом, но и великим патриотом. Если я буду вынужден вернуться и доложить моему Правительству, что между русскими генералами существует взаимная зависть и недоверие, это произведет самое болезненное впечатление и безусловно

уменьшит шансы того, что союзники окажут какую-либо помощь. Я предпочел бы донести, что, Ваше Превосходительство, показали себя настолько великим патриотом, что согласились даже подчинить Ваши собственные желания общему благу России и согласились служить под командой ген. Деникина. Как я уже устно уведомил князя Тундутова, я буду рад встретиться с Вашим Превосходительством неофициально и обсудить весь вопрос, в случае, если Вы этого пожелаете и я не думаю, что мы не придем к удовлетворительному разрешению этого вопроса. На это свидание, я привез бы с собой ген. Драгомирова из штаба ген. Деникина. Имею честь быть Вашего Превосходительства покорным слугой Ф. С. Пуль, генерал-майор. К-ий Британской миссии на Кавказе».

Ответ ген. Пуля, как видит читатель, далеко не пропитан чувством дружеского расположения к ген. Краснову, скорее в нем сквозит неприязнь, смешанная с иронией. В чем же искать разгадку такого отношения? Надо знать, что прибыв в Россию, ген. Пуль засел в Екатеринодаре, откуда события на юге и взаимоотношения между Доном и Добровольческой армией, расценивались через призму ставки Добровольческой армии. Оппозиция Донскому Правительству тогда уже прочно обосновалась в Екатеринодаре, т. е. в том месте, где плелись политические интриги против главы Дона, где культивировались и и процветали тыловая спекуляция, взяточничество, где вся атмосфера была заражена эпидемией морального распада, расплывавшагося во все стороны, захлеснувшего Добровольческую армию и угрожавшего уже Дону. Под флагом ставки Добровольческой армии, внутренние враги Дона, делали все, чтобы унизить Донского Атамана и очернить его перед союзниками. Особенно усердствовала Екатеринодарская пресса. Мне постоянно приходилось выслушивать недоумения и даже жалобы на строгость нашей цензуры на Дону, не допускавшей никогда и ничего против Добровольческой армии, в то время, как Екатеринодарская печать пестрела выпадами против Донского командования вообще и в частности Атамана. Еще на совещании в г. Екатеринодаре 13-го ноября, я настойчиво просил генералов Романовского и А. Драгомирова прекратить газетную травлю Войска. В противном случае, я угрожал им, дать такую же свободу и Донской печати. В результате будет взаимное обливание грязью, но кому это нужно — спросил я. Ген. Романовский обещал принять меры. Что же касается ген. А. Драгомирова, то он сначала все отрицал и даже возмущался, утверждая, что я клевещу на Екатеринодарскую прессу. Но когда я привел ему несколько конкретных примеров, подтвердив их документальными данными, он наивно заявил, что в Екатеринодаре — свобода печати (весьма однобокая, в таком случае — заметил я) и он не в силах на нее повлиять.

В общем, яростные нападки на Дон продолжались, роняя Войско в глазах иностранцев и подрывая авторитет власти. Верхи Добровольческой армии, как и надо было ожидать, больше всего кичились кристальной чистотой их армии в отношении союзников, а Дон упрекали в соглашательстве с немцами, называя нашу ориентацию «германской». Это был тот главный козырь, лейб-мотив, с которым носились по Гоголевски, как дурак с писаной торбой. О том, что Дон помогал Добровольческой армии, конечно, упорно замалчивали, старательно же-

лая скрыть, что боевые припасы, бравшиеся ими от Войска Донского, зачастую были немецкие. Дон, державший на своих плечах главную тяжесть борьбы с Советской властью, ставился теперь в положение великого грешника, пятнался самостийничеством, заливался грязью и в строгом покаянии должен был искать искупления в содеянных прегрешениях. А тягчайший его грех был лишь тот, что когда вся Россия жила под пятой большевизма, он этой власти не признал, восстал, сбросил ненавистные советские оковы и начал кровавую борьбу с насильниками. Как на острове, окруженные со всех сторон озверелыми бандами красных, безоружные Донские казаки, отстаивая свои права, брали оружие и боевые припасы там, где могли их найти и, доставая их, братски делились ими со всеми.

И дезертиры с Дона, и генералы «не у дел», и общественные деятели, мечтавшие о министерских портфелях на Дону, и другие обиженные и обойденные по мотивам личного порядка, — все тогда яростно ополчились против Донской власти. И если их поведению можно было дать хоть какое-либо объяснение, то никак нельзя было подыскать таковое поведению высших кругов Добровольческой армии. Ведь руководители последней отлично знали, что и возникновением и существованием своей армии, они были обязаны исключительно Дону и Атаману, сумевшему очистить Дон от большевиков и во всем богато помогавшему Добровольческой армии. В своем злобном порыве унизить Дон и поставить Донскую власть в зависимое положение от ген. Деникина, ставка Добровольческой армии настойчиво отговаривала ген. Пуля от посещения Войска Донского. Однако, настояния Донского Атамана, в конце концов, все же увенчались успехом. Свидание его с ген. Пуль состоялось на ст. Кущевка 13 декабря 1918 года. Поведение английского представителя в начале этого свидания ярко подтвердило насколько он был настроен против Дона и Атамана.

Помню холодное, неприветливое декабрьское утро, когда наш поезд, почти одновременно с добровольческим, прибыл на ст. Кущевка. Через несколько минут к Атаману пришел ген. А. Драгомиров. После обычного приветствия, он заявил, что разговор ген. Краснова с ген. Пуль может состояться лишь в поезде Добровольческой армии, ибо Донской Атаман находится на территории последней «за границей» Войска Донского [255]). Это заявление ген. Краснову не понравилось. Однако, не желая вступать в дебаты по этому вопросу с ген. Драгомировым, но соблюдая форму, Атаман, после ухода ген. Драгомирова, тотчас отдал ему ответный визит. Вернулся ген. Краснов видимо не в духе. А в это время, ген. Пуль сидел в своем вагоне, упорно не желая сделать визит Атаману. Разговор у нас не клеился, а ожидание становилось все более и более тягостным. Мы не знали что предпринять, как поступить, если бы в этот момент не появился английский полк. Кис, помощник ген. Пуля. Атаман принял его, я бы сказал, не только холодно, официально, но даже сурово. В повышенном тоне через переводчика он резко указал полк. Кису, что он прибыл на ст. Кущевку, как Донской Атаман — глава пятимиллионного свободного

---

[255]) Так говорил и устанавливал «границы» помощник главнокомандующего той армии, которая на своих знаменах имела: «Единую, Великую, Неделимую» и который обычно восставал против «самостийности».

населения, вести переговоры с ген. Пуль, а не с ним — полк. Кис, почему и требует к себе должного уважения, считая, что ген. Пуль обязан к нему явиться, а он немедленно ответит ему визитом. Редко когда Краснов был в таком раздраженном состоянии, как было тогда, когда он стуча по столу, говорил с Кисом. Последний ушел крайне обиженным. Обратившись к нам (командующему армиями и ко мне) Атаман сказал, примерно следующее: «Вот вы сами видите, Пуль разговаривать не желает, посылает вместо себя Киса, рассуждающего как гимназист. И вас я оторвал от дела и сам теряю время, а толку, думаю, никакого не будет». Затем обратясь ко мне добавил: «Иван Алексеевич, прикажите прицепить паровоз к поезду, — надо ехать домой».

Я ответил — хорошо — и вышел на перрон. Подозвав к себе коменданта поезда, я приказал ему подготовить поезд к отправке на Новочеркасск, но без моего разрешения ни в коем случае его не отправлять, меня искать, но «не находить», до тех пор, пока я сам не явлюсь. Отдавая такое распоряжение, я стремился выиграть время, имея смутную надежду, что быть может страсти утихнут и мы найдем какой-либо способ выйти из создавшегося положения. Около поезда на перроне я встретил ген. М. Свечина, приехавшего с нами, и ему рассказал все, чему был лично свидетель. Из разговора с ним я узнал, что переводчиком при ген. Пуль состоит полковник Звегинцев — его личный приятель, почему у нас возникла мысль попробовать в порядке частном через полк. Звегинцева уломать ген. Пуль пойти на уступки и явиться к Атаману. Начатые в этом направлении переговоры с полк. Звегинцевым, вскоре увенчались успехом. Возможно и то, что на Пуля подействовала угроза ген. Краснова немедленно уехать, почему он и стал несколько податливее. Во всяком случае, важно то, что цель была достигнута. Нам сообщили, что ген. Пуль ничего не имеет против делового свидания у Атамана, но ставит условием, чтобы обед состоялся в поезде Добровольческой армии. Против этого, конечно, возражений быть не могло. Я был крайне обрадован, когда, наконец, увидел ген. Пуля, входящим в вагон Атамана. Только примерно через час, как начался разговор его с Атаманом, в вагон вошел я и был Красновым представлен ген. Пуль. Последний произвел на меня на редкость хорошее впечатление. Никакой неприязни у него к Атаману, я не заметил. Наоборот, казалось, что он поддерживает ген. Краснова, всецело разделяя наши планы на борьбу с большевиками и оспаривая мнение уже присутствовавшего здесь и ген. С. Драгомирова. Трезвой оценкой событий, логикой и обоснованным изложением настоящего военного момента, а также целесообразностью способов дальнейшей борьбы с Советской властью, — Атаман сумел расположить к себе ген. Пуля.

Когда был поднят вопрос о подчинении ген. Деникину не только армии, но и Войска с его населением и средствами, ген. Краснов ответил на это категорическим отказом. Он заявил, что Донская армия может подчиниться ген. Деникину, но только как самостоятельная и через Атамана. Идти на большее подчинение Краснов противился. И не только оттого, что условия на Дону и психология казачьей массы не допускали этого, или, что мелочность характера ген. Деникина, его высокомерность и резкая прямолинейность, переходившая за-

частую в неуместную властность [256]), оттолкнули от него Донское командование, но еще и потому, что ни Донской Атаман, ни Донское командование не считали ген. Деникина талантливым организатором, способным улучшить положение, а скорее его ухудшить. Передать всецело в руки ген. Деникина хрупкий Донской организм, по мнению ген. Краснова, было равносильно развалить все то, что с такими нечеловеческими усилиями было сделано. Свои опасения он основывал на сравнении организации Донской и Добровольческой армий и методов борьбы, применяемых каждой. Действительно, за короткий, сравнительно срок, Дон был очищен от большевиков, армия, реорганизованная на основе точных штатов в стройную систему, успешно выдерживала натиск нескольких многотысячных советских армий. Уничтожена была партизанщина, а взамен создана образцовая Молодая армия и введены уставы. Несмотря на тяготу военной службы, Дон процветал. Использованы были все производительные силы Края и борьба с большевиками приобрела народный характер. Между тем, за тот же период, Добровольческая армия не смогла еще отрешиться от партизанщины, имела по-прежнему чрезвычайно пестрые полки, как по количеству, так и по составу, включительно до чисто офицерских, что борьбе с большевиками в известной степени придавало характер классовый. Все еще не было определенной системы и во многом проглядывала импровизация. В некоторых частях (Шкуро, Покровский) бывали грабежи, причем ставка Добровольческой армии на это явление закрывала глаза. Но особенно пышно процветал тыл Добровольцев. Там нашла приют целая армия каких-то таинственных личностей, подвизавшихся на почве чудовищной спекуляции, шантажа, политической игры и личной наживы.

Каждому кто был в Новочеркасске и Екатеринодаре бросался в глаза резкий контраст существовавший между этими городами. Хотя ген. Деникин и Новочеркасску приписывает все отрицательные стороны тылового города [257]), но это, надо полагать, происходит лишь потому, что сам он в этот период ни разу не был в Новочеркасске и пишет о том, чего сам не видел [258]).

Столь же ошибочно характеризует ген. Деникин (стр. 65) и внутреннее состояние Дона, наделяя казачью массу качествами, каковыми она никогда не обладала и выставляя в искаженном виде всю систему управления и весь административный аппарат, в короткий срок установивший на Дону спокойную жизнь.

«По всему краю, как отклик перенесенных бедствий — пишет он — вспыхнуло ярко чувство мести к большевикам [259]), которыми казаки искренно считали всех иногородних — крестьян и рабочих. Оно проявилось не только в некультурной массе казачества — произволом и дикими самосудами, но и в политике управления внутренних дел, в практике администрации, в работе полиции, значительных ка-

---

256) О «величии» ген. Деникина мне много приходилось слышать от лиц, умудренных житейским опытом и убеленных сединами (ген. Н. Мартос, А. Кельчевский).

257) «Очерки Русской Смуты», том III, стр. 65.

258) Первый раз он прибыл в столицу Дона в начале февраля месяца, после отставки ген. Краснова.

259) «Очерки Русской Смуты», том III, стр. 65.

рательных отрядов Исаева, Судиковского, «наводивших ужас и панику на население», в деятельности «Суда защиты Дона» и полевых судов».

Бросив такое тяжкое обвинение, ген. Деникин спешит скрыться под звездочку выноски — «из доклада комиссии Круга», но какой и когда не указывает.

Кто хотя немного знаком с жизнью любого парламента, не станет отрицать, что, как общее правило, оппозиция с трибуны нередко громит Правительство и для пущего эффекта не стесняется ни красными словечками, ни бросанием порой и чудовищных обвинений. Возможно, что последнее с Донского Круга, в сильно извращенном виде, докатилось до ген. Деникина, а он все воспринял, как непреложную истину.

Тысячи живых свидетелей могут подтвердить, что произвола на Дону, как явления общего порядка, не было, ни в самом начале восстания, ни в Красновский период.

В отличие от Добровольческой армии, даже самые младшие начальники [260]) самосудами не занимались и самовольно пленных не расстреливали; не истязали и не убивали арестованных и органы разведки, ибо таковых, в сущности, Донская армия почти не имела, ну, а о похождениях Добровольческой контрразведки, худая слава гремела по всему югу России и даже ее деятельность нашла отражение и в современной печати [261]).

«Суд Защиты Дона» именно и был учрежден с целью не дать места произволу. Если бы ген. Деникин ознакомился с его архивом, то он убедился бы, что большая половина дел касалась казаков, а не иногородних, значит о какой-либо мести крестьянам не могло быть и речи. Быть может, суд был строг (большую часть его составляли простые казаки), но важно то, что он руководился в своих решениях не местью, а велениями совести и, главное, был неподкупен — обстоятельство, которому можно было позавидовать. Достаточно вспомнить приговор суда над Подтелковым — и Подтелков и 73 человека его конвоя — все казаки (См. «Воспоминания», часть II) были присуждены к смертной казни.

Отряд Исаева, которому ген. Деникин приписывает наведение «ужаса и паники» — стоял в Ростове, составляя личный конвой градоначальника полк. Грекова. Об отряде Судиковского тем более говорить не приходится, ибо он существовал очень короткое время.

Наконец, неоспоримо то, что произвол, жестокость органов административной власти, отсутствие определенной системы и вообще несоответствие методов управления чаяниям масс, обычно вызывают

---

260) В эмиграции мне неоднократно пришлось встречать офицеров-добровольцев, искренне рассказывавших мне о порядках, существовавших в Добровольческой армии.

261) Что представляла контрразведка Добровольческой армии, испытал лично и я, проживая весной 1919 года в Гелинджике, как частное лицо, находясь, как начальник штаба Всевеликого Войска Донского в 4-х месячном отпуску. Проивол ее чинов дошел до того, что я был вынужден пригласить к себе начальника пункта и решительно ему заявить, что при повторении некорректностей его чинов, я протелеграфирую ген. Романовскому и попрошу его оградить меня от издевательств. Мое заявление подействовало и меня оставили в покое. Легко себе представить, что же они проделывали с теми, кто не был в состоянии себя защитить.

в населении недовольство, злобу и ненависть, выливающуюся, чаще всего, в восстании, как наиболее резкую форму протеста. То обстоятельство, что за целый год на Дону произошло только одно крайне ограниченное крестьянское восстание и то в Воронежской губернии в непосредственном тылу войск (село Филипповки) — показатель чрезвычайно характерный. А сколько, спрошу я, таковых было в районе, занятом Добровольческой армией, иногда под боком ставки? (Махно и другие).

Частые недоразумения Добровольческой армии с Кубанской Радой и попрание ген. Деникиным проявления Кубанской самостоятельности, в свою очередь, уменьшали на Дону симпатии к ген. Деникину.

Наконец, в самом плане борьбы были диаметрально противоположные расхождения: у ген. Деникина на первом месте доминировало стремление подчинить себе окраины, претендовавшие на самостоятельность и не признававшие большевиков, ни его, а затем, поход на Москву; наш план был иной — с окраинами жить в мире, не посягая на их самостоятельность, но, под тем или иным предлогом, вовлечь их в борьбу с большевиками, вытянув на главное Московское направление, рядом с казаками. Суммируя все изложенное, мы приходили к выводу, что полное подчинение ген. Деникину не сулило Дону никаких выгод и скорее могло иметь гибельные последствия.

Ген. А. Драгомиров продолжал настаивать на полном подчинении. Атаман горячо протестовал. Его поддерживал ген. Пуль, признавший форму объединения, предложенную ген. Красновым, вполне удовлетворительной и приемлемой. Чем больше дебатировался этот вопрос, тем все больше и больше ген. Пуль становился нашим сторонником. Он даже пообещал в ближайшие дни посетить войско и лично, на месте, ознакомиться куда лучше направить союзные части в помощь Дону.

Совещание кончилось к обоюдному удовольствию Краснова и Пуля. Последний был в отличном расположении духа и много шутил. Зато ген. А. Драгомиров оставался надутым. Видимо ему очень не нравилась дружба, начавшаяся между Атаманом и Пулем.

На обеде в поезде Добровольческой армии Атаман произнес, как всегда, блестящую речь, красочно оттенив необходимость во что бы то ни стало, скорой, немедленной помощи России.

Между прочим, он сказал: — «Я помню о союзе. Я знал, что будет день и час, когда придут нам на помощь союзники. Я знал, что им нужно иметь прочный плацдарм, откуда они могли бы начать свое освободительное триумфальное шествие. И в эту грозную минуту, я оперся на единственную руку помощи, которая была мне протянута, руку бывшего врага — германца и с его помощью я получил патроны и снаряды, я выравнял фронт и дал Войску Донскому свободу. Пускай близорукие политики осуждают и клеймят меня, я чувствую себя правым, потому что, если бы я этого не сделал, тогда я не имел бы удовольствия видеть вас, а Добровольческой армии пришлось бы вести войну на все фронты . . . [262]) Не донской народ и не донские казаки сделали это, а сделал я один, потому что

---

[262]) Думаю, что армия совсем бы не существовала и с этим согласится каждый, кто знал обстановку на юге России весной 1918 года.

вся полнота власти была у меня и, если я сделал спасением Дона преступление, я один и виноват, потому что я ни у кого не искал совета . . .» И далее: «. . . Промедление времени, смерти безвозвратной подобно. Сейчас Россия ждет вас. Сейчас она падет к вам, как падает зрелый плод. Сейчас поход к сердцу России — Москве — обратится в триумфальное шествие. Все будет сдаваться вам, отдавать оружие и идти с вами, воодушевленное, опьяненное тем запахом великой победы, который вы несете с собой . . .»

Атаману ответил ген. Пуль. Он восторженно отозвался о боевых действиях Донской армии и подчеркнул свое восхищение доблестью казачества. Свою речь ген. Пуль закончил словами: «Все эти удачные бои, организация и тот блестящий порядок, который царит сейчас на Дону, я приписываю исключительно Вам, Ваше Превосходительство. История оценит Вас и отведет Вам почетное место на своих страницах за то, что Вы один из первых повели упорную борьбу с большевиками, за то, что вы создали порядок, дали возможность людям жить и открыли широкие пути для создания Великой Единой России».

Уже было темно, когда мы, заручившись обещанием Пуля побывать в Новочеркасске, дружески с ним распрощались и поехали домой, глубоко уверенные в прибытие в ближайшие же дни союзных войск, как для занятия Украины, так и для непосредственного выдвижения на Донском фронте.

Прошло несколько дней, а ген. Пуль все еще оставался в Екатеринодаре. Между тем, события на Дону развивались довольно быстро не в нашу пользу.

На северном фронте к противнику безостановочно подходили все новые и новые подкрепления и он проявлял чрезвычайную активность, в то время, как наши части, поколебленные самовольным оставлением некоторыми полками своих позиций, не оказывая должного сопротивления, постепенно катились назад.

Только 21-го декабря, вместо ген. Пуля, в Новочеркасск приехал ген от инфантерии Щербачев. Он имел задачу окончательно примирить Донского Атамана с ген. Деникиным и осуществить на юге России единое командование. По его словам, без выполнения этого, союзники не хотели ничем помогать. Атаман откровенно высказал ген. Щербачеву свой взгляд на ген. Деникина и указал ему ту форму, в каковой Доном может быть приемлемо единое командование. Ген. Краснов всесторонне ознакомил ген. Щербачева с организацией Донской армии и огромной работой, выполненной Войсковым штабом, а также представил ему один из полков Молодой армии, вызванный по тревоге. Всем виденным ген. Щербачев остался чрезвычайно доволен. Не задерживаясь дальше в Новочеркасске, он немедленно выехал в Екатеринодар, предварительно заручившись согласием Атамана встретиться с ген. Деникиным, чтобы установить соглашение и оформить отношения между Доном и Добровольческой армией.

26-го декабря в жизни Войска Донского произошло важное событие. На станции Торговой, при личном свидании Донского Атамана и командующего Добровольческой армией, было достигнуто соглашение,

в силу которого ген. Деникин принял на себы командование сухопутными и морскими силами, действовавшими на юге России.

С целью показать читателю, как произошло это свидание, как велись дебаты на нем, как страстно каждая сторона отстаивала свою точку зрения, я целиком без сокращений или изменений, привожу здесь стенографически записанный протокол этого совещания [263]).

ПРОТОКОЛ

1918 года 26-го декабря в 10 часов 30 минут, по приходе поезда Главнокомандующего Добровольческой армии на станцию Торговую, в поезд Донского Атамана прибыл начальник штаба Главнокомандующего генерал Романовский. Непосредственно за его прибытием ген. Краснов прошел в поезд ген. Деникина.

Главнокомандующий, после этого, принял почетный караул от Астраханского корпуса и затем, в сопровождении свиты, вернулся в вагон-салон, где оставался ген. Краснов в обществе ген Щербачева.

В 12 часов 10 минут началось совещание, в котором принимали участие со стороны Всевеликого Войска Донского: Донской Атаман генерал от кавалерии П. Н. Краснов, командующий Донской армией генерал-лейт. С. В. Денисов, начальник штаба армии генерал-майор И. А. Поляков, генерал от кавалерии А. А. Смагин и помощник главного начальника военных снабжений генерал-майор А. В. Пономарев; со стороны Добровольческой армии: главнокомандующий А. И. Деникин, его помощник генерал А. М. Драгомиров, начальник штаба главнокомандующего генерал-лейтенант А. П. Романовский, помощник главного начальника снабжений Добровольческой армии генерал-майор Энгельке, генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев [264]).

Ген. Деникин. — Прежде, чем приступить к обсуждению вопросов, я считаю необходимым обратиться с просьбой к присутствующим, забыть личные обиды и оскорбления, забыть так основательно, чтобы не делать их предпосылками в своих суждениях. Только при таких условиях, возможно ожидать каких-либо результатов. Жизнь повелительно толкает нас на путь военного единства. Военные события ближайшего будущего будут развертываться в такой последовательности:

Две союзных дивизии высадились в Севастополе и Одессе. Затем будут прибывать предметы снабжения через Новороссийск для Добровольческой и Донской армий. Одновременно, будет продолжаться перевозка союзных войск и снабжения для армий будущего, которые предположены к развертыванию на юге России от Петровска до Либавы. Мы вошли в соглашение с командующим русскими силами в

---

[263]) Протокол составлен стенографически есаулом А. Агеевым, убитым в 1921 году в Болгарии, и является редким и единственным, весьма важным историческим документом. По моему указанию, он стоял вне вагона, в котором находились только лица, принимавшие участие в совещании, приоткрыв немного дверь, слышал все разговоры и, прекрасно зная стенографию, записывал их. Прибыв в Новочеркасск, он был изолирован и всю ночь в штабе переписывал протокол, который в готовом виде утром следующего дня получили: Донской Атаман ген. П. Н. Краснов, командующий армиями ген. С. В. Денисов и я.

[264]) Больше в вагоне-салоне никого не было. Все адъютанты и офицеры для поручений оставили вагон.

Закавказьи и тем обеспечили сбор и сохранение русского военного имущества Закавказской армии. Создан план перевозки русских Салоникских дивизий. Мы получили от союзников весь Черноморский тоннаж и распределим его между всеми образованиями, идущими по пути защиты русской государственности. Мы выработали военно-политический наказ послам на Версальскую конференцию и добьемся представительства России на мирном конгрессе. У нас работает особое Совещание, которое ведает закреплением территорий, занятых Добровольческой армией и введением в них нормального управления. Но кроме единства военного, нам необходимо единство общегосударственное. К созданию его подходим на следующих основаниях: 1) полное признание автономии новых государственных образований: в частности мы признаем огромную созидательную работу Донского Атамана. 2) во внешних сношениях мы достигли уже единства отчасти посылкой Сазонова. 3) необходимо объединить деятельность железных дорог, почт и телеграфов, банковской и денежной систем, таможенных сборов и пошлин; последних не в смысле поступления в единую государственную казну, а в смысле единства ставок. 4) Желателен общий суд, что почти уже достигнуто. Для нас безразлично, где он будет и как он будет осуществляться. Но мы желаем, чтобы Сенат был отделением Всероссийского Сената и действовал на основании Всероссийских законов. Работы по этим пунктам требует жизнь. И сама работа будет продуктивной, если мы не будем играть в прятки, поэтому необходимо прямое и гласное признание единого командования; необходимо объединение в тех отраслях государственной жизни, о которых я говорил, не затрагивая, однако, автономий и прав новых государственных образований.

Переходя к вопросу определения взаимоотношений органов единого командования в Донской армии, ген. Деникин заявил, что: 1) должны быть Донская армия и Донской фронт. 2) все вооруженные силы Дона должны быть подчинены в оперативном отношении Главнокомандующему, но ни одна Донская часть не будет уведена, если Дону угрожает опасность; операционные линии Дона соответствуют идее его обороны. 3) возможны уводы конницы, которой богат Дон, но в таких случаях это будет комепнсировано пехотой. 4) свободные резервы Дона будут применяться там, где это необходимо на соседних участках фронта. 5) желательно признать смешанное командование. В прошлом мы видели пользу от этого в операциях южнее Маньча, в будущем то же будет у Царицына, если донцам потребуется наша помощь. В области организации, мы признаем полное невмешательство в бытовые казачьи особенности. Корпуса Воронежский и Саратовский и неказачьи части Астраханского, формируемые в Донской армии, при продвижении вперед будут управляться на общих основаниях. Желательно, чтобы было не только единство в управлении войсками, но и единство в войсковой жизни — единство уставов. В этом не будет ломки: уставы разработаны на Дону и мы их вероятно примем; те же, которые не разработаны — будут составлены совместно. Необходимо урегулировать чинопроизводство, выработкой общих правил; в этом отношении мы можем придти на помощь Дону специалистами. В отношении назначений мы признаем исключительное право за Донским Атаманом до должности командира корпуса исключительно; коман-

диры же корпусов и выше должны назначаться Донским Атаманом по соглашению с Главнокомандующим. Должно быть полное единство назначений по генеральному штабу. Необходимо выработать общие нормы содержания и пенсий. В отношении мобилизации — казачье население Донской области мобилизуется на пополнение своих частей; иногороднее же население по мобилизации должно подлежать общей разверстке, причем мобилизационные органы должны быть в распоряжении Донских властей с подчинением их Главнокомандующему. Снабжение необходимо объединить при Главнокомандующем, так как иностранцы за каждый прибывающий пароход требуют уголь и хлеб, а удовлетворение этих требований для одной Добровольческой армии является затруднительным. Объединение должно быть проведено без вмешательства в Донское снабжение и должно касаться только свободных средств Дона. Излишки его могут быть применены для нужд других армий и наоборот. В снабжении должно быть соблюдено единство норм, кроме специального довольствия Донских казаков.

Ген. Краснов. — Большая часть перечисленных мероприятий относится к будущему, а не к настоящему. Во внешних сношениях Дон пошел Вам навстречу и поручил представительство С. Д. Сазонову. Делегации, которая будет его сопровождать, даны инструкции ничем не заявлять себя до тех пор, пока речь будет идти по вопросам общегосударственного строительства и заявить о себе, когда будет необходимо просить о признании Донской автономии; я лично думаю, что к объединению железных дорог особых препятствий нет. Против объединения финансов и банков есть возражения, частного характера, ибо то, положение, которое прислано, не может быть признано Доном, так как в нем Дону отведено последнее место, в то самое время, когда он является почти единственным и во всяком случае главным плательщиком. Когда будет много плательщиков — тогда иное дело: теперь же предоставляется уместным отвести в положении большее место для Дона. Относительно почт и телеграфов и суда — соглашение можно считать состоявшимся. В частности Донской Сенат составлен из бывших сенаторов Всероссийского Сената. Всевеликое Войско Донское склонно и называть его Российским Сенатом и не настаивает на том, чтобы он был обязательно на Дону.

Гласное признание единого командования невозможно теперь, ибо вслед за этим казаки уйдут по станицам. Донская армия должна быть автономной; Атаман может быть подчинен Главнокомандующему и по уговору с ним перебрасывать войска. Но резервов нет — мы работаем за счет маневрирования. И говорить об излишках не приходится. А когда нам обеспечат левый и правый фланги, тогда, может быть, можно будет говорить. У меня есть корпус в 20—30 тысяч молодых казаков, за которых я могу поручиться. Потом, к этому можно будет добавить некоторое количество добровольцев. Что касается настоящего положения, то должен признаться, что заставить казаков — вне моих сил. Это приведет к катастрофе, так как казак распропагандирован и научен и социалистами и кадетами не любить Россию, боится снова попасть под палку генеральскую и солдатскую. Большевизм на Дону еще не искоренен. Принять предлагаемые Вами меры — это значит разрушить то, что создано: это значит больному тифом дать бифштекс — сытную пищу, которая убьет его. Обмен конницей и пехотой

— возможен, но в очень осторожной форме и только на соседних фронтах. Кроме корпуса молодых казаков, я ничего не смогу дать. Свободных резервов нет и я их не вижу. У нас все от 18-ти до 48 лет на фронте. Весна и лето потребуют людей в станицы, надо будет демобилизовать часть армии. Благодаря войне в этом году не засеяно и одного процента озимых полей. Если же и весной поля останутся невозделанными — будет голод.

Смешанное командование допустимо, но в исключительных случаях, например, на стыках. Неказачьему командованию казаки не верят. Опыт Воронежского корпуса привел их сознание к тому, что неказаки теряют все то, что казаками занято. В этом вопросе надо быть очень осторожным. Воронежский, Саратовский и Астраханский корпуса могу передать, когда угодно. Они создавались мною лишь для увлечения казаков за границу.

Единые уставы могу приветствовать. Но оговорюсь, что они у нас все кончены и только часть из них не может быть снабжена рисунками из-за технических трудностей. Эта задержка временная. Наши уставы точный сколок с имперских уставов. Изменения произошли только в замене названий в казачьем стиле. Кроме того, добавлен подробный отдел владения ручным оружием. Дальнейшая переделка их вполне возможна, если этого будет требовать польза дела.

Общие правила чинопроизводства возможны, когда создается русская армия.

Назначения в Донскую армию со стороны не допустимы. Это закроет дорогу казакам и вызове ропот. У нас не хватает офицеров генерального штаба и мы стоим перед вопросом об открытии собственной школы колонновожатых. Имеющимися офицерами генерального штаба мы дорожим — они нужны для нас в высшие штабы и как преподаватели и профессора. Курсистов мы не можем считать за офицеров генерального штаба — это суррогат.

По вопросу о нормах содержания и пенсий — мы хотим быть хозяевами. Мы являемся плательщиками и нормы определяются Войсковым Кругом. Наш бюджет ограничен.

Мобилизация иногороднего населения на общих основаниях возможна при уверенности, что она не ударит по казачьему тылу — они почти все большевики. Мы поэтому, в этом вопросе, действуем очень осторожно — мобилизовали молодых и спешим закрепить их за собой переводом в казаки. Крестьян у нас 53%, а казаков 47%. Мобилизация иногороднего населения может повторить на Дону создание солдатских полков — виновников гибели Атамана Каледина и Ростова.

В снабжении желательно единство. Но для нас необходимы гарантии, что все предметы снабжения в наш адрес доходили бы на Дон. В настоящий момент Донское снабжение не может работать нормально, так как заставы Добровольческой армии не пропускают того, что закуплено Доном. Например, в Севастополе задержаны тяжелые орудия и в Славянске 50 санитарных вагонов, закупленных Доном. На единство снабжения мы согласны, если казаки не будут его пасынками. Хлеба на Дону нет. Угля мы можем дать сколько угодно — дайте подвижной состав. Общий учет необходим.

Ген. Деникин. — По специальным вопросам мною будет предоставлено высказаться генералу Драгомирову. Я же остановлюсь на неко-

торых местах ответа Донского Атамана и в частности должен отметить, что он весь проникнут недоверием. Может быть, многое здесь объясняется недоразумением. Так, например, вопрос об использовании излишков Донской конницы на других участках фронта является вопросом будущего. Я знаю, что на Дону возможны такие условия, когда брать части будет нельзя, неправильного применения взятых частей не будет. Что касается уставов, то мы ими воспользуемся, если они окончены составлением.

В вопросе о назначениях, я не говорил, что единое комадование лишает Донского Атамана права на это. Я говорил только, что назначения на высшие командные должности должны делаться Донским Атаманом по соглашению с Главнокомандующим и из тех кандидатов, которые будут названы Донским Атаманом; за Главнокомандующим я разумел только право отвода этих кандидатов. Генеральный штаб у нас есть; в нем даже избыток. Вопрос об офицерах генерального штаба у нас централизован у генерал-квартирмейстера. Использование генерального штаба есть вопрос доверия между Главнокомандующим и Донским Атаманом.

В отношении содержания, я не говорил об его увеличении, а только считал необходимым урегулировать этот вопрос. Нельзя считать нормальным, что офицеры Астраханского корпуса получают содержание на сто процентов больше наших. Мы увеличили оклад в армии на 50%, но равнозначущих ставок не достигли.

В отношении мобилизации мы желаем воспользоваться живой неказачьей силой с Дона. Если условия жизни на Дону таковы, что нежелательно загромождать территорию Дона, дайте нам, — мы этот материал используем. Мы мобилизовали иногороднее население на Кубани и Ставропольских крестьян и крупного случая измены у нас не было. У нас был только случай, когда две роты крестьян Ставропольской губернии, перебили своих офицеров и передались на сторону красных. Вы возьмите себе сколько вам нужно, а избыток поступит нам.

Задержки тяжелых орудий не было. Мы телеграфировали адмиралу Конину разобрать этот вопрос и когда выяснили, что эти орудия береговые, предписали не чинить препятствий к вывозу их на Дон. В дальнейшем единственной причиной задержки было отсутствие тоннажа [265]). Относительно инцидента в Славянске, я считаю странным разговаривать. Славянск Добровольческой армией занят не был, застав мы там не имели и поэтому брать на себя ответственность за задержку грузов кем-то не можем.

Однако, все перечисленные вопросы, я считаю вопросами второстепенными. Главное расхождение у нас с Донским Атаманом в вопросе об едином командовании. Донской Атаман не согласен на гласное признание единого командования и в этом я вижу его недоверие.

Ген. Краснов. — Недоверие не у меня, а у казаков. Читает выдержки из разговоров по аппарату с генералом Ситниковым 24-го декабря о разложении в Мигулинском и Казанском полках и его причинах.

---

[265]) В действительности же специальный пароход, посланный Донским командованием для перевозки орудий, долгие недели стоял в Севастополе, ожидая разрешения на вывоз орудий.

— Если теперь поставить во главе Донской армии русского генерала, то скажут, что казаков хотят вести на Москву. Всяким политическим шагом, пользуются партии, чтобы вести борьбу против меня, но, ведя борьбу против меня, они разрушают то, что создано Донским правительством. В этом отношении особую роль играет Екатеринодар. Оттуда идет литература, оттуда плывут деньги. Так например, на днях в войсках Восточного фронта вместе с праздничными подарками от г. Парамонова было прислано 1 000 номеров газеты «Истина», издающейся в Екатеринодаре и роздано казакам 500 000 рублей деньгами. Трудно поэтому ожидать окончательного политического оздоровления. Однородную деятельность проявляет Миронов [266]), ведя широкую пропаганду прокламациями. Раньше он писал: «Краснов продал Дон немцам»; теперь он напишет: «Краснов продал Дон русским генералам» [267]).

Я единое командование признаю, мой штаб признает, но я же должен сказать Вам правду: верьте мне, я стремлюсь к Единой России, но принятием той меры, на которую Вы меня толкаете, мы развалим все то, что на Дону создано.

Ген. Драгомиров. — Деятельность, направленная к воссозданию России в недалеком будущем проявится от Петровска на правом фланге до Либавы на левом; эта идея объединит Дагестан, Кубань, Крым, Малороссию и Новороссию. Кто может отрицать, что на этом пространстве необходимо единое распоряжение. Но где же практический выход, как мы могли бы о нем сговориться.

Его указали нам союзники. Антон Иванович не искал главнокомандования, на него указали союзники. Только одного его они признают на юге России. Фактически мы работаем, но мы же должны и оформить свое сотрудничество. Каким образом?

Ген. Краснов. — Отдайте приказ. Я его не опубликую в Войске, но обязуюсь выполнять. Я буду подчиняться, я буду помогать. Подчинить приказом армии нельзя. К сожалению, почва для этого готовилась в Екатеринодаре. Прокламации и пасквили пишут в Добровольческой армии.

Ген. Драгомиров. — Нет. В Добровольческой армии ничего не пишут.

Ген. Деникин. — Это несерьезно.

Ген. Краснов. — Нет, это очень важно. Казаки очень хорошо разбираются: это пишут большевики, а это — в Добровольческой армии.

Ген. Деникин. — И сам ничего не писал и никаких директив никому в этом смысле не отдавал. Я знал, что около работы политических партий на сегодняшнем заседании сплетутся страсти. Я просил поэтому, при открытии, забыть старые обиды и оскорбления. Надо забыть обиды, иначе мы совещаемся бесцельно.

Ген. Краснов. — В Старобельском уезде у меня сейчас 20 тыс. мобилизованных крестьян, нужны офицеры. Если бы добровольцы стали рядом, то этим облегчили бы казакам положение, которые тогда бы поняли идею единого командования.

---

[266]) Казачий офицер, перешедший к большевикам.
[267]) Прокламации Миронова.

Ген. Драгомиров. — В ближайшем будущем единое командование ничего от Дона не потребует.

Ген. Деникин. — говорит о том, что если трехтысячный состав Харьковского корпуса увеличится, то единое командование сможет придти на помощь.

Ген. Краснов. — предлагает взять Старобельских крестьян и Воронежский корпус.

Ген. Драгомиров. — Единое командование, снабжение, обмен офицерами, живая сила, все это даст лучшие результаты. Как сделать это безболезненно?

Ген. Краснов. — Общее командование сейчас невозможно по тем причинам, о которых я говорил.

Ген. Драгомиров. — А чем жъ объяснить переход целого полка из Южной армии?

Ген. Денисов. — Такого случая не было.

Ген. Романовский. — Переход целого полка к генералу Май-Маевскому.

Ген. Поляков. — Уверяю, такого случая не было.

Ген. Краснов. — Донская армия разрушается из района Добровольческой армии. Агитаторы вербуют добровольцев в тылу Восточного фронта и на севере. Конечно, из боевой линии пойдет масса в тыл и на хорошее жалованье.

Ген. Деникин. — Мы обращаемся к взаимным обвинениям.Если обвиняют меня, то и я заявлю, что самое создание Южной армии противопоставлялось росту значения армии Добровольческой. Применялись многочисленные неблаговидные предлоги, чтобы сделать нашу вербовку безуспешной.

Ген. Краснов. — Нет, это неверно. Южная армия создавалась для выдвижения вперед. Надо было, чтобы крестьяне перешли границу и увлекли за собой казаков.

Ген. Драгомиров. — призывает к единению, утверждая, что права Атамана не будут урезаны. — Вы будете назначать.

Ген. Краснов. — Кого назначать. Если мне пришлют Семилетова и Сидорина [268]) я их не могу признать.

Ген. Романовский. — В этих вопросах нельзя останавливаться на полумерах. Мы должны ясно видеть перед собой наши цели, но мы не боимся действительности. Надо стать лицом к лицу к ней. Поход на Москву — это вопрос будущего, а сейчас вопрос об общей обороне. Здесь из русского генерала пытаются сделать пугало для казаков. Это несущественно. Ведь есть же свой Атаман и свое правительство. Кто может быть против единого командования? В этом источник взаимопомощи. Масса недоразумений в настоящем — результаты его отсутствия.

На предложение принять Старобельский уезд генерал Романовский указывает, что добровольцы в тяжелом положении, как донцы, но тем не менее они обеспечивают уже западную и восточную границы войска Донского. В Торговой имеются кадры двух пехотных полков без дела, а при едином командовании могла бы быть произведена перегруппировка.

---

[268]) Донские генералы, дезертировавшие с Дона в ставку Добр. армии.

Ген. Краснов. — Горе в том, что единое командование относится не к будущему, а к настоящему. Настоящая же обстановка в Донской армии характеризуется читанной телеграммой из которой видно, что казаки неказачьему командованию не верят.

Ген. Романовский. — Появятся наши части под Царицыном и появится и доверие.

Ген. Краснов. — Сначала появитесь.

Ген. Деникин. — Так разговаривать невозможно; надо кончать.

Ген. Щербачев. — Я лицо нейтральное и думаю, что поэтому мне будут верить одинаково все. Хотя мне странно, что в нашей среде есть недоверие. Позвольте спросить вас — кто здесь собрались? Русские люди... Мы будем правдивы... Отдельные государственные образования не могут быть длительными. Это может быть мечтою только тех, кто желает гибели России. Наши союзники также идут навстречу созданию Единой России. Поэтому — у кого русское сердце, тот должен быть с нами. Я считаю, что те мотивы, о которых здесь с такой искренностью говорил Главнокомандующий — частности, иллюстрации. Эти примеры могут быть побеждены более глубокими причинами и их надо предвидеть. Два года назад мое положение было гораздо более тяжелым. Я командовал румынскими войсками, относившимся ко мне враждебно. У меня не было формальных оснований. Русское правительство на заключило никаких конвенций. Мог ли я, при таких условиях, рассчитываат, что мои приказы будут выполняться румынами. И тем не менее, я добился этого. Король по секретной конвенции не имел никаких прав, я имел право. Я доказал королю, что он не может нести ответственности. Будучи его помощником, я подчинил себе румынские армии и заставил их проводить мои оперативные планы. Там было труднее, там были румыны и русские. Здесь две армии — Добровольческая и Донская. Обе армии русские. Там мы достигли соглашения — неужели здесь оно невозможно?

Единственный важный вопрос — единство командования, а все остальное частности. Не будет единого командования, никогда ни о чем не сговоримся, так как все остальное рушится само собой.

Предположим, что единое командование по нашему невозможно. Но союзники его требуют и развал Дона им не страшен. Надо пойти им теперь же навстречу. Если этого не будет — они могут сказать: мы уйдем.

Что тогда получится? Мы должны отдать дань глубокого уважения Донскому Атаману за его труд и энергию. Я был на Дону и вынес убеждение, что Дон своим настоящим положением обязан всецело ему. Назовите мне лицо, которое его заменит. Мне более страшен уход Атамана, а не брожение казаков. Это пропаганда — она сделана не казаками и не офицерами. Надо их убедить. Если Вы этого пожелаете, Вы этого достигнете. Откладывать объединение нельзя. Нельзя допустить, чтобы весь Дон был против этого. Частности не есть доказательство, Добровольческая и Донская армии — русские армии, их можно создать при едином командовании.

Что мы видим в Сибири? Там был большевизм, а потом разрозненная деятельность и только единая воля адмирала Колчака, привела Сибирь к ее настоящему положению. Так должно быть и здесь. Если люди этому мешают — надо их преследовать. Главнокомандующий го-

ворил искренно. При энергии генерала Краснова он все победит. Помощь союзников за нами. Затягивая соглашение мы рискуем ею.

Ген. Краснов. — Здесь недоразумение. Я, Донское правительство за единое командование, войско также не против него. Но надо к вопросу его осуществления подходить осторожнее, чем это здесь предлагается. Надо сочетать события по времени. Пришлите хоть одну роту французов. Я не оптимист. Можно пережить еще многое — помощь медлит. Пусть придут — тогда будет отдан и приказ.

Мы к автономии не стремились. Мы сейчас самостоятельны потому, что раньше мы были одиноки. Дон вкусил благо свободы и казак не поймет теперь почему его подчиняют единому командованию. Единое командование необходимо. Давайте создадим его секретным обязательством. Гласное признание только послужит средством широкой пропаганды против идеи единой России. Парамонов уже развалил Дон и Войсковое Правительство. Дону нужна моральная помощь, а между тем факт назначения единого командования истолкуется газетами, как учреждение военной диктатуры. Приказ нужно зафиксировать секретным образом, подобно тому, как это было в Румынии. Дону для себя помощи не нужно. Мы стучимся в открытые двери: подпишем секретное обязательство и приказ, которые я не опубликую.

Ген. Деникин. — Вы говорите, что корпуса Вы создавали для движения вперед. Движение на Москву должно быть планомерным. Мы должны занимать города гарнизонами. Как Дон сможет это выполнить?

Ген. Драгомиров. — Я одного не могу понять — ведь казаки народ разумный. В едином командовании, кроме пользы нет ничего и казаки это поймут. Поход Дона на Москву — это звучит гордо, но ведь это же на два, три перехода.

На Кубани казаки стоят за регулярное командование и при формировании своей армии задерживают русских офицеров.

Ген. Краснов. — Вы говорите, что казаки народ разумный. Они понимают, что есть Кубанская и Донская армии. Пришлите отряд под Царицын — казаки поймут и в настоящее время единство командования. Я отлично представляю себе его выгоды, но по казачьим настроениям, я не властен всюду преследовать только пользу дела. Так, например, на Царицынском фронте командует генерал Мамантов — в военном отношении посредственный человек. Начальник штаба у него генерал Келчевский — несомненно талантливый человек. Во имя пользы дела хотелось бы, чтобы Келчевский заменил на посту Мамантова, но этой замены не поддержат казаки 2-го Донского округа, где Мамантов пользуется особенной популярностью, хотя он и неприродный казак. Уйдет Мамантов, — уйдут и все казаки 2-го Донского округа.

Ген. Деникин. — У себя в армии мы не наблюдали особой остроты в этом вопросе. У нас есть третий корпус — чисто казачий; там на всех командных должностях — одни казаки. Есть и смешанные отряды. Кубанцы не могут претендовать на крупные штабы, так как у них нет офицеров генерального штаба. Из пяти корпусов тремя командуют неказаки, двумя казаки. Теперь на очереди стоит выделение особой Кубанской армии и Кубанцы с удовольствием оставили у себя многих неказаков, например, барона Врангеля. В Кубанской армии, понятно, командующий или Походный Атаман будет казак.

Ген. Драгомиров. — Речь идет об едином русском командовании, а не о подчинении Добровольческой армии. Она выделяется.

Ген. Краснов. — Казаки в этом не разберутся. Партии используют. Парамонов получит лишний козырь агитации.

Ген. Щербачев. — Кто такой Парамонов?

Ген. Краснов. — Ваше Превосходительство, Антон Иванович. Акту объединения командования должно предшествовать появление Добровольческих частей на Донском фронте.

Ген. Романовский. — У нас уже стоят части на Донском фронте.

Ген. Денисов. — В тылу у нас стоят, а не на фронте.

Ген. Романовский. — Это можно оспаривать. Что Вы называете фронтом и тылом. Вы не признаете до сих пор единства фронта, а мы притягиваем противника на себя. Мы могли бы уйти . . .

Ген. Поляков. — Это увеличило бы наш фронт на одну армию. Мы теперь сдерживаем пять, имея фронт свыше 1 000 верст.

Ген. Краснов. — Заключим секретное соглашение. А то 1-го февраля соберется Круг и спросит на каких основаниях?

Ген. Романовский. — Но если и не будет объявлено, то Круг все равно спросит. Из этого секрета не сделаешь.

Ген. Драгомиров. — Секрета из этого делать нельзя. Надо сообща выработать текст приказа и его опубликовать.

Ген. Краснов. — Текст такой: «. . . за исключением Донской армии, которая остается в подчинении Донского Атамана».

Ген. Драгомиров. — Этот текст не годится. У Антона Ивановича были оговорки красной нитью. Как огласить? Ведь работа у нас уже идет. Придут союзники, а у нас разрозненность.

Ген. Краснов. — Когда придут, тогда и будем разговаривать.

Ген. Драгомиров. — Единое командование должно уже теперь начать разговаривать с союзниками о снабжении.

Ген. Краснов. — Мы на это снабжение не рассчитываем. Оно поступает в Добровольческую армию и потому она может одна вести переговоры с союзниками. Для этого единое командование не требуется.

Ген. Денисов. — Вам нужно единое командование, нам нужны ружья. Вы получили 18 тысяч винтовок и не дали нам ни одной . . .

Ген. Деникин. — Откуда эти сведения? Они из газетного фельетона.

Ген. Поляков. — Если считать таковым заявление Вашего помощника ген. Лукомского на совещании 13-го ноября в Екатеринодаре о прибытии в адрес Добровольческой армии около 18 тыс. винтовок и нескольких миллионов патронов.

Ген. Деникин. — Не может быть. Это из «Приазовского Края». Вы ссылаетесь на отсутствующее лицо. Мы получили от союзников только 8 тысяч винтовок, переделанных под турецкий патрон. Союзники были очень смущены. Эти винтовки нам не нужны. Если у Вас есть в них надобность — мы их Вам уступим, но к ним нет ни одного патрона.

Ген. Краснов. — Вы хотите приказ — пишите: все армии подчиняются Вам, кроме Донской, которая остается у Донского Атамана.

Ген. Романовский. — Генерал Щербачев говорил здесь о Вашей энергии. Мы были на Дону больше генерала Щербачева и имеем возможность ценить Вас еще больше. Многое останется в Ваших руках и в руках Вашего штаба.

Ген. Краснов. — Нам очень трудно. Мы стоим перед развалом в Хоперском и Усть-Медведицком округах. Союзники казаков только манят. Их неприход фронт разлагает. Единое командование будет только повод для лишних разговоров. А по существу это — все же «мы».

Ген. Драгомиров. — Да все те же «мы», но объединенные.

Ген. Деникин. — Я еще до свидания просил у союзников одну дивизию для Дона.

Ген. Краснов. — Помощь необходима, хотя бы минимальная, хотя бы была хоть видимость помощи.

Ген. Денисов. — Вот теперь мы вынуждены снять свои части из района южнее Маныча.

Ген. Романовский. — Вы уводите свои части в период наших операций у Минеральных вод, а мы в период угрозы Торговой пожертвовали Ставрополем и помогли все-таки Вам.

Ген. Денисов. — Вам это неприятно, а нам надо.

Ген. Романовский. — Потому что нет единого командования — нет предвидения. Вы сами не знаете, как у Вас сложится завтрашний день.

Ген. Поляков. — Ваше Превосходительство, ведь Донские части южнее Маныча в районе Торговой появились по просьбе Добровольческой армии и были выделены не из резерва, а сняты с боевой линии.

Ген. Романовский. — Отлично. А для кого нужна то Торговая, для кого ее оборона имела смысл? Ведь нам она не нужна.

Ген. Поляков. — Ваш тыл и коммуникация . . .

Ген. Деникин. — Ваша коммуникация, а не моя. Для Добровольческой армии потеря Торговой имела бы психологическое значение: ну потеряли бы часть хлеба — вот и все. У Вас же была бы нарушена вся коммуникация.

Ген. Денисов. — При едином командовании Вы Донской армии не используете. У нас народ. У Вас интеллигенция. Как их объединить?

Ген. Краснов. — А при едином командовании Семилетов будет продолжать формирование своей дивизии?

Ген. Денисов. — Его агенты ездят по фронту и указывают пути для дезертирования в Добровольческую армию. Дело доходит даже до инструкций о разборке пулеметов и вывозе их в тыл.

Ген. Драгомиров. — Об этом нам ничего неизвестно. Но приказ то должен же быть.

Ген. Краснов. — Он истолкуется как поход на Москву. Сказать казаку о походе на Москву — это губить дело.

Ген. Драгомиров. — А Вы уже говорили . . . В своих приказах говорили.

Ген. Деникин. — И не один раз. Да еще нас за собой тянули, словно мы уперлись и не желаем идти.

Ген. Краснов. — Я подготовлял общественное мнение.

Ген. Деникин. — Если объявление приказа психологически невозможно, то вопрос придется снять.

Ген. Краснов. — Либо осторожный приказ, либо не обязывайте меня отдавать приказ.

Ген. Драгомиров. — Единое командование признали все, кроме Вас. Вы не хотите.

Ген. Краснов. — Соглашение может быть — либо особым приказом, либо оговоркою, что Дона не тронут на Москву.

Ген. Деникин. — Надо кончать...

Ген. Щербачев. — Председатель Круга сказал, что Крут единое командование признает.

Ген. Краснов. — Г. Харламов не несет ответственности за фронт, ее несу я. Я знаю, что скажет фронт. Для себя нам от союзников помощь не нужна. Вы нас толкаете на Москву — что мы получим от Вас для этого? Если до первого февраля нам не помогут, мы потеряем весь север области. Избежать это можно либо секретным приказом, либо деликатным изложением.

Ген. Щербачев. — Может быть здесь особый вопрос. Янов в Яссах мне говорил, что Дон признает главнокомандующим меня, а генерала Деникина не признает. Генерал Сазонов это подтвердил.

Ген. Краснов. — Это отчасти правда. И Вы, и Колчак — люди посторонние. Раньше мы просили у добровольцев помощи — нам в ней отказали.

Ген. Драгомиров. — Если бы было единое командование, были бы посланы и полки.

Ген. Краснов. — Когда придут полки — тогда последует приказ об едином командовании.

Ген. Денисов. — Третья дивизия стоит в тылу у Вас.

Ген. Драгомиров. — Дайте время, она продвинется.

Ген. Романовский. — Третья дивизия заняла узлы. Не трудно понять, что это важнее обладания Старобельским уездом, который не представляет никакой важности.

Ген. Деникин. — Это борьба за власть. Я ее никогда не вел. Буду работать так, как могу. Психологически соглашение невозможно.

Ген. Драгомиров. — Принцип единства власти — священный принцип. Начало всех начал — многовластие. Соглашение нам необходимо. Если Вы захотите — Вы его достигнете.

Ген. Щербачев. — Завтра приедут к Вам союзники, что Вы им скажете?

Ген. Краснов. — То же самое, что сказал Вам и Пулю. Они меня поймут.

Ген. Романовский. — Будем помогать друг другу.

Ген. Краснов. — Чем? У меня помогать нечем.

Ген. Драгомиров. — Нет, есть чем помогать. Вы многим помогали и еще Бог даст поможете. Надо выработать приказ.

Ген. Краснов. — Его можно распубликовать, но отдать его я не могу. Это зальет Дон кровью и превратит его в Советскую Россию.

Ген. Щербачев. — Если соглашения не будет — что будет тогда?

Ген. Краснов. — Казаки укрепятся.

Ген. Щербачев. — Это точка зрения самостийников.

Ген. Деникин. — Значит нечего говорить. Если несогласие укрепить фронт — надо его признать, надо идти на него.

Ген. Краснов. — Без Круга нельзя говорить.

Ген. Щербачев. — Соберите Круг.

Ген. Краснов. — В настоящий момент собрать нельзя.

Ген. Денисов. — Весь фронт будет дома.

Ген. Драгомиров. — Чтобы преодолеть большевиков надо перейти к формированиям и единому командованию.

Ген. Романовский. — Может быть выработать редакцию.

Ген. Краснов. — В приказе необходимо упомянуть об автономии Дона.

Ген. Щербачев. — Приемлемо (его никто не поддерживает).

Ген. Денисов. — На фронте Добровольческой армии противник без связи с Москвой.

Ген. Драгомиров. — А откуда же боевые припасы?

Ген. Денисов. — Средства местных большевиков и Кавказской армии.

Ген. Деникин. — Я слышу только оскорбления, Ваше Превосходительство. Вы ничего не представляете.

Ген. Поляков. — Да вот 13-го ноября ген. Лукомский заявил, что с точки зрения единого командования можно временно пожертвовать частью территории Дона, перейти там к обороне, использовав казачьи полки на другом направлении, с тем, чтобы через некоторое время восстановить положение и на Донском фронте. Теоретически — он прав, но зная обстановку на фронте и психологию казачества, я утверждаю, что это приведет к катастрофе . . .

Ген. Драгомиров. — А по Вашему как же? Кардонная стратегия?

Ген. Поляков. — К сожалению — да, лучше кардонная стратегия, чем крах.

Ген. Денисов. — У нас враг Москва и Воронеж. У Вас местные большевики.

Ген. Деникин. — Господь с Вами. В этом Ваше злобное отношение к Добровольческой армии. Конечно, соглашение невозможно.

Ген. Драгомиров. — В то время, когда мы учились, мы стыдились говорить о таких вещах. Не знаю являются ли с точки зрения новой науки приобретением Ваши слова?

Ген. Денисов. — На это ничего не могу возразить.

Ген. Драгомиров. — Поэтому, лучше бы было молчать.

Ген. Деникин. — Разговор принимает страшный характер. Я дезертировать не могу. Я буду работать, но в других рамках. От работы меня удалит только сила событий или пуля врага.

Ген. Смагин. — Димитрий Егорович, ведь казалось бы, как близко подошли и вдруг такие резкости. Соглашение ведь есть. Нужно только его оформить (Все пишут, молчание).

Генерал Драгомиров предлагает проект приказа с перечислением подчиненных главнокомандующему местностей включительно до Одесского градоначальства. Генерал Деникин отклоняет этот проект, говоря, что всякое новое приобретение территории потребует его изменения.

Ген. Романовский. — Территорию, на которой будет действовать власть главнокомандующего можно обобщить в названии на юге России.

Ген. Краснов. — Этот приказ я должен буду опубликовать с дополнениями, что Донская армия подчиняется в пределах операций, предначертанных Войсковым Кругом.

Ген. Романовский. — Надо, чтобы войсками ни Круг, ни Рада не распоряжались. В Кубанской конституции указано, что право вывода войск за границу есть привилегия Атамана.

Ген. Краснов. — У нас на Круге было три кардинальных вопроса:

земля, недра и задачи армии. У нас ведь армии нет — у нас вооруженный народ и он сам себе ставит задачи.

Ген. Щербачев. — Таким образом интересы России отошли на второй план.

Ген. Краснов. — Соглашение достигнуто, надо провести его в жизнь, учитывая силы и настроения.

Ген. Деникин. — Приказ с указанием о невыводе войск моей властью с Дона невозможен. Он не только обеспечивает Вашу автономию, но он указывает и другим образованиям аналогичные пути. Пожелают не выходить Кубанцы с Кубани, татары из Крыма.

Ген. Краснов. — Менять приказы Круга я не властен. Я выборный Атаман, я присягал на службу Всевеликому Войску Донскому и нарушить этой присяги не могу. Если Вам нужно выводить войска, отдайте секретный приказ. Я доложу его в закрытом заседании Круга. Тогда последуют его решения и я должен буду их исполнить.

Ген. Деникин. — Из единого командования нельзя делать секретов.

Ген. Краснов. — Тогда есть другой выход: я не отдам по Войску Ваш приказ.

Ген. Романовский. — Но у Вас же спросят — подчиняетесь ли Вы?

Ген. Краснов. — Я отвечу вопросом: объявлял ли я этот приказ по Войску?

Ген. Романовский. — Значит, он не будет иметь для Вас обвзательной силы.

Ген. Краснов. — Нет будет. Я его выполню в возможной мере. Если бы в настоящий момент была бы союзная помощь, условия для опубликования приказа были бы другими . . . хотя бы одна рота . . .

Ген. Драгомиров. — Одну роту, пожалуй, можно будет доставить. Надо поговорить с Пулем.

Ген. Деникин. — Это не будет помощь. Нельзя из такого серьезного вопроса делать буффонады.

Ген. Краснов. — Конечно, это не будет помощь живой сиой. Но в моральном отношении это имело бы значение.

Ген. Поляков. — До сих пор мы несем жертвы.

Ген. Романовский. — А за нами Вы их отрицаете. По Вашему имена Корнилова, Маркова, Алексеева ничего не значут.

Ген. Поляков. — Нет значут, но это другое.

Ген. Денисов. — А где же государственность? Это Кубань и Дон.

Ген. Драгомиров. — Но кроме Кубани и Дона есть Ставропольская губерния, Черноморье и Крым. Наконец и Дон и Кубань возникновением своей государственности в значительной степени обязаны Добровольческой армии.

Ген. Поляков. — Еще в большей степени последняя обязана Дону.

Ген. Щербачев. — Корень не в усталости казаков. У Вас причины другие.

Ген. Драгомиров. — На Дону много демагогии.

(пропуск).

Ген. Деникин. — С Вами, Ваше Превосходительство, невозможно разговаривать. Вы все время говорите резкости и совершенно нас отрицаете.

Ген. Драгомиров. — Необходимо подчинение армии общему командованию. Краснов персонально нам не нужен. Мы олицетворяем его с

могуществом Дона и потому считаем необходимым сотрудничество именно с ним. Подчинение главнокомандующему его в наших глазах равносильно подчинению армии. Если Петр Николаевич найдет нужным подчиниться — соглашение будет состоявшимся.

Ген. Денисов. — Этого приказа желают кадеты для того, чтобы пользоваться им в борьбе за свержение Атамана.

Ген. Драгомиров — По моим сведениям уход Атамана был бы для них нежелателен. Они его поддерживают.

Ген. Романовский. — Может быть, выражение о невыводе войск с Дона можно будет смягчить.

Ген. Краснов. — Посмотрим. Я могу предложить такую редакцию: конституция Войска не будет нарушена.

Ген. Драгомиров. — Это значительно мягче. Это может быть приемлемо.

Ген. Щербачев. — Против этого нельзя возражать.

Ген. Романовский. — Согласен.

(Готовится приказ).

Ген. Краснов. — Надо принять меры против злостной агитации из Екатеринодара. Оттуда расходуют частные средства на политическую борьбу. Я лишен возможности делать это. За два дня праздников я получил один миллион двести пятьдесят тысяч рублей и передал их в казначейство.

Ген. Щербачев. — Это яркий показатель того доверия, которым Вы пользуетесь на Дону.

Ген. Краснов. — Но тем не менее, я должен сплошь и рядом уговаривать. В этом отношении я совершенно уверен только в одном корпусе, который у меня воспитывается на идеях Петрограда и Москвы.

(Читается приказ).

Приказ

Главнокомандующего вооруженными силами Юга России

По соглашению с Атаманами Всевеликого Войска Донского и Кубанского[269]) сего числа я вступаю в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на юге России.

Генерал-лейтенант Деникин.

Атаман читает свое добавление:

Объявляя этот приказ Российским армиям на земле Всевеликого войска Донского находящимся, подтверждаю, что по соглашению моему с Главнокомандующим вооруженными силами юга России Генерал-Лейтенантом Деникиным, конституция Всевеликого войска Донского, Большим Войсковым Кругом 15-го сентября сего года утвержденная, нарушена не будет. Достояние Донских казаков, их земли, недра земельные, условия быта и службы Донских армий затронуты не будут. Единое командование — современная и неизбежная ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками.

Донской Атаман Генерал от кавалерии Краснов.

Соглашение было достигнуто в 15 часов 5 минут. Обмен приказами состоялся в 15 часов 20 минут. В 17 часов 10 минут, после обеда в поез-

[269]) От Кубанцев никто не присутствовал.

де Главнокомандующего, поезд Донского Аатамана с генералом Красновым и свитой отбыл на Новочеркасск».

Выработанный приказ в тот же день был опубликован армиям на земле Всевеликого войска Донского находящимся [270]).

И так, объединение осуществилось. Но скажу откровенно, невеселыми мы ехали домой. Нас беспокоила мысль, как и в какой форме начнет генерал Деникин проводить в жизнь «единое командование». Особенно мрачен был командующий армиями ген. Денисов. Он всю дорогу ворчал, говоря, что подписав соглашение Атаман этим, подписал смертный приговор и себе и Войску. Я держался иного мнения. Мне казалось, что, наконец, лопнул тот нарыв, вокруг которого разгорались страсти, сплетались интриги, рождались небылицы и распускалась злостная клевета о Донской власти. Хотелось верить, что с этого момента все пойдет гладко и начнется дружная работа обеих армий. К сожалению, этим моим надеждам не суждено было сбыться. Достигнутая форма объединения видимо не вполне удовлетворяла ген. Деникина. Хотя на совещании он и призывал «забыть личные обиды и оскорбления», но сам, однако, не смог стать выше этих чувств, не смог основательно и навсегда побороть свою неприязнь к ген Краснову и Донскому командованию. Последующие его действия, о чем я укажу ниже, воочию убедят читателя в правоте высказанного.

Ни в положении Донской армии, ни в работе Донского штаба «единое командование» вначале ничем не отразилось. Прибыв в Новочеркасск, я пригласил к себе начальников отделов моего штаба, а затем и всех офицеров, которым и разъяснил смысл состоявшегося объединения. — «Отныне» — закончил я —«наш штаб является подчиненным штабу Добровольческой армии, а потому каждое требование, поступающее оттуда в соответствующие отделы, должно быть выполнено незамедлительно и безоговорочно. Я требую забыть прежние недоразумения и обиды, начать дружескую работу и во всем идти навстречу штабу Добровольческой армии». Не скажу, чтобы это мое заявление вызвало у офицеров штаба какой-либо подъем или радость. Скорее, казалось, многие приняли эту новость как-то печально, мрачно и во всяком случае без всякого одушевления.

Логическим следствием состоявшегося соглашения с ген. Деникиным явился приезд в Новочеркасск 28 декабря 1918 года ген. Пуля. С ним прибыл его начальник штаба полк. Кис и три английских офицера, а также представитель генерала Франше д'Эсперэ — кап. Фукэ, представитель генерала Бертелло — кап. Бертелло и два лейтенанта: Эглон и Эрлиш.

По установившемуся уже обычаю, в тот же день вечером в Атаманском дворце в честь гостей состоялся парадный обед. В приветственной речи ген. Краснов дал полную картину трагедии России и Дона и рельефно подчеркнул настоятельную необходимость незамедлительной помощи Войску.

— «Ровно месяц тому назад в этом самом зале —сказал он — я имел счастье приветствовать первых из союзных офицеров, прибывших к нам — капитана Бонда и капитана Ошэн. Я говорил тогда о

[270]) Приказ Российским армиям на земле Всев. войска Донского находящимся от 26 декабря 1918 года, № 9.

том громадном значении, которое имеет теперь время. Я говорил, что не неделями и месяцами измеряется оно, но только часами. Я говорил о тех потоках крови невинных жертв, стариков, священников, женщин и детей, которые льются каждый день там, где была когда-то наша общая родина — Россия. Я умолял от имени этой России придти и помочь. Страшный кровавый туман замутил мозги темного народа и только вы, от которых брызжет счастьем величайшей победы, можете рассеять этот туман. Вы не послушались тогда меня, старика, искушенного в борьбе с большевиками и знающего, что такое яд их ужасной пропаганды. Медленно и осторожно, с большими разговорами и совещаниями приближаетесь Вы к этому гаду, на которого надо смело броситься и раздавить его. И наши враги в вашей осторожности видят ваше бессилие. А изнемогшие в борьбе братья наши теряют последние силы. За этот месяц пала под ударами вся Украина, богатая и пышная с обильной жатвой недавнего урожая. Усталые полки Южной армии и истомленные непосильной борьбой на многоверстовом фронте казаки, сдали большую часть Воронежской губернии. Богатый хлебом плодородный край превращается в пустыню. Идут кровавые расстрелы и тысячи невинных гибнут в вихре безумия. Вас ждут, господа, осужденные на смерть. В ваших руках жизнь и смерть. Ужели же Вы оттолкнете протянутые руки и холодно будете смотреть, как избивают женщин, как бьют детей на глазах у матерей и ждать чего-то. Ждать тогда, когда надо действовать. Ваш приезд тогда вдохнул силы. Явился порыв. Полки пошли вперед. Уже недалеко было до Воронежа... Но порыв не терпит перерыва и не видя помощи сейчас — изнемогли бойцы, истратили силы и молча отступают. Вы, господа, военные люди. И Вы знаете, что такое бой, и Вы знаете, что значит подача резерва вовремя, и как мало значит приход резерва тогда, когда разъяренный враг уже победил и уничтожил первую линию... Россия взывает о помощи... Франция, — говорит она — вспомни о наших могилах в Восточной Пруссии в дни Вашей славной битвы на Марне, Франция, не забудь наших галицийских покойников в тяжелые дни Вердена. Пока Россия была здорова, — она быле верной союзницей. Но чем виновата Россия, что она заболела этой страшной болезнью побежденных. Помогите ей. Исцелите ее. О, какой ужас творится в Москве, в Рязани, в Воронеже, в Харькове, повсюду в России. Темнота, голод, голод. Плач женщин и детей и пьяные оргии дикарей, сопровождаемые расстрелами... Во всем мире праздник Христов. Во всем мире тишина и радость покоя и только в России не прекращаясь — вот уже пятый год гремят выстрелы, льется кровь и сироты, без дома и крова, умирают от голода... Несите нам свободу, пока не поздно. Несите теперь, пока еще есть живые люди в Русской земле... Идите туда, где Вас ждет триумфальное шествие среди ликующего народа. Пройдут недели и, если не пойдете Вы, там будут пепелища сожженных деревень и плач и трупы, и вместо богатого края — пустыня. Время не ждет. Силы бойцов тают. Их становится все меньше и меньше...» [271]).

В гробовой тишине говорил Атаман Краснов. Каждое его слово глубоко западало в души присутствующих. Все взоры устремились на Пуля, с нетерпением ожидая, что он скажет в ответ, когда ген. Краснов

---

[271]) Газета «Донские Ведомости» от 29 декабря 1918 года.

закончил свою речь провозглашением тоста за здоровье Короля Англии и за всю страну.

— «Ваше Высокопревосходительство и господа» — начал свою речь представитель Англии. «От своего имени и от имени моих товарищей благодарю Вас за честь, которую Вы нам оказали, провозглашением тоста за здоровье Его Величества короля Англии и за нашу страну. Всякий, кто слышал трогательные слова Донского Атамана, не мог не обратить на них внимания, не мог не принять близко к сердцу того, о чем он говорил. Наше присутствие здесь доказывает, что мы не забыли своего долга и, что мы хотим оказать Вам помощь. Мы будем Вас поддерживать и окажем содействие. Но надо помнить, что при теперешних перевозочных средствах трудно оказать немедленно большую помощь. Однако, за те три недели, как я и французы находимся на русской территории, нами уже доставлено 50 тысяч винтовок, несколько миллионов патронов, большое количество медицинского и всякого другого снаряжения. Перед моим отъездом сюда я получил телеграмму из Лондона, в которой говорится, что приняты меры к доставке тяжелой и легкой артиллерии, винтовок, 500 тонн медикаментов, аэропланов и танков. И я надеюсь, Вы сознаете, что за короткое время той передышки, какую мы сами имеем, после войны с Германией, мы оказали всю возможную помощь. Я надеюсь также, что когда, по возвращении с Дона, я поеду к себе в Англию и расскажу там про героическую борьбу Дона и Добровольческой армии, то мой рассказ вызовет общее сочувствие. Мы восхищаемся и преклоняемся перед тем, что сделали казаки, Атаман ген. Краснов и генералы Денисов и Поляков. Мы чтим вместе с Вами память тех жертв, что страна принесла, чтобы избавиться от большевиков. И ничто не заставит нас забыть про Россию. Что касается до настоящего положения, то мне представляется, что оно не так плохо, как это может казаться. На востоке дела улучшились и мы возлагаем большие надежды на адмирала Колчака, от которого в ближайшем будущем можно ожидать многого. Прежде чем кончить мою речь и провозгласить тост за здоровье нашего хозяина, я бросаю взгляд свой на развешенные в этом зале портреты атаманов, выдающихся людей, служивших своей родине. Я позволю себе заглянуть в будущее и, мне кажется, что будет в этом зале висеть и еще один портрет. Это будет портрет замечательного государственного деятеля, великого и достойного сына своей Родины, одним из первых, положившего труд на спасение России. И когда в этой зале будут посетители, они спросят: а где портрет Краснова. И им покажут на этот портрет. За здоровье Донских казаков и их доблестного Атамана».

Громовое и долго несмолкавшее ура покрыло последние слова ген. Пуля. Как только смолкли аплодисменты, встал капитан Фукэ.

— «От имени командования союзными войсками» — начал он — «и от имени победоносной французской армии, я рад приветствовать на Донской земле Атамана Краснова, который не только как большой военный человек, но и как дипломат, открыл широкие двери победы для своей страны. Победа теперь близка. И я приветствую героическую Донскую армию и все казачество, которое все время сопротивлялось большевикам. И теперь, когда Вы стали под одни зна-

мена с вашими союзниками, я уверен, Вам предстоит блестящая будущность. Рука об руку с нами, Вы пойдете спасать Россию и недалек тот час, когда Вы, как добрые патриоты, поклонитесь святыням Московского Кремля. Гордо и победоносно Вы войдете в Москву и восстановите вашу великую и прекрасную Родину. Мы Ваши собратья по оружию, мы не забудем великой клятвы дружбы нас соединяющей. Позвольте мне напомнить Вам слова нашего гимна: «настал день победы». Эти слова относятся не только к нам, но и к Вам, к Дону и России. И поднимая свой бокал за генерала Краснова, за офицеров и казаков Донских, я, вместе с тем, подымаю бокал за Вашу будущую победу и за Великую Россию» [272]).

Затем на чистом русском языке, с приемами митингового оратора, зажигательную речь произнес французский лейтенант Эрлиш. Его речь особенно понравилась рядовым казакам — членам Круга. Лейтенант Эрлиш, в общем, еще раз подтвердил, что союзники с казаками и, что союзная помощь Войску уже идет и в ближайшие дни будет на Дону

После многократных официальных заверений полномочных представителей союзных армий, можно ли было, спрошу я, сомневаться или не верить их обещаниям? Верили все и все радовались и ликовали в предчувствии скорой победы и скорого мира. И события на Донском фронте, и колебания казачьих частей, и наши временные неуспехи на севере, — уже не казались столь грозными — ведь помощь союзников была не за горами.

Уверенность в скорую помощь союзников была настолько сильна, что вносила известный корректив и в наши оперативные соображения. Я тогда считал главной задачей Донских армий — удержать лишь завоеванное до прибытия армий союзников, а затем, получив материальную и моральную поддержку, перейти к решительным активным действиям. Еще большую надежду на эту помощь возлагали войсковые начальники. В тяжелые, самые критические моменты, они поддерживали угасший дух бойцов, обещая им близкую помощь союзников и требуя от войск напрячь последние силы и ни шагу не уступать противнику. Все жили, я бы сказал, иллюзиями. И эти иллюзии внедрили в казачество сами представители союзников своими официальными заверениями о близкой помощи, быть может, не сознавая, что за неисполнение ими своих обещаний, казачеству придется расплачиваться потоками человеческой крови. Донские армии были тогда до крайности переутомлены. Мало того, они были уже больны последними событиями на северном Донском фронте, а союзные представители ежедневными категорическими заявлениями о скорой помощи, давали им морфий, забывая, что долго держать больного в таком состоянии нельзя.

Болея душой за Донские армии, я в те дни, невольно с особо теплым чувством вспоминал представителей немецкого командования, наших недавних врагов. Не было случая, чтобы они не исполнили своих обещаний и тем самым нарушили бы наши оперативные предположения.

---

[272]) Газета «Донские Ведомости» от 30 декабря 1918 года.

Около 10 часов вечера, прямо с обеда, иностранные офицеры в сопровождении Атамана, командующего армией, меня и нескольких офицеров штаба, отправились на вокзал для следования на восточный фронт.

Утром 29 декабря атаманский поезд медленно подошел к станции Чир — где находился штаб ген. Мамантова, командующего восточным фронтом. На станции нас ожидали начальствующие лица, депутации от станиц и громадная толпа народа. На перроне, взявши «на караул», стоял почетный караул с хором трубачей. Что Донское казачество поголовно ополчилось против большевиков, дав максимум напряжения, лучше всего свидетельствует этот караул, подробное описание которому дает П. Н. Краснов в статье «Всевеликое Войско Донское» [273]), говоря: «На правом фланге стоял взвод «дедов». Седые бороды по грудь, старые темные лица в глубоких морщинах, точно лики святых угодников на старообрядческих иконах, смотрели остро и сурово из-под надвинутых на брови папах. Особенная стариковская выправка, отзывающая временами прежней муштры, была в их старых фигурах, одетых в чистые шинели и увешанных золотыми и серебряными крестами на георгиевских лентах: — за Лавгу, за Плевну, за Геок—Тепэ, за Ляоян и Лидиатунь... Три войны и тени трех императоров стояли за ними... Рядом с ними был бравый, коренастый и кряжистый взвод «отцов». Это были те самые «фронтовики», которые еще так недавно бунтовали, не зная куда пристать, сбитые с толка революцией и целым рядом свобод, объять которые не мог их ум В своей строго форменной одежде, они производили впечатление старых русских дореволюционных войск. И, наконец, еще левее был взвод «внуков» — от Постоянной армии, от химического ее взвода. Это уже была юная молодежь — парни 19 и 20 лет. Долго любовался караулом Пул. Он медленно шел с Атаманом по фронту, внимательно вглядываясь в лицо каждого казака и новые мысли зарождались в его уме. Он понимал теперь то, чего упорно не хотели понять на западе. он понимал то, чего он не мог понять в Екатеринодаре, что это народная, а не классовая война. Он видел грубые, мозолистые руки хлебопашцев, сжимавших эфес шашек и он понимал, что эти люди действительно отстаивают свои дома, борются за право жизни...»

Осмотрев затем расположенный недалеко от станции авиационный отряд и выслушав от начальника штаба восточного фронта ген. А Келчевского оперативный доклад о положении на фронте, мы двинулись дальше. У разъезда Рычкова союзникам были показаны маневры одного из наших ударных батальонов. Узнав, что наши полки нормально имеют 3 500 человек, батальоны 1 000, конные сотни по 140 шашек, он был чрезвычайно поражен таким большим составом.

На станции Карловской мы осмотрели тяжелые орудия, бронированный поезд и их команды, причем, узнав о недостатке тяжелых снарядов, ген. Пуль, здесь же отдал распоряжение послать телеграмму союзному командованию о немедленной высылке таковых [274]). Дольше мы задержались у резерва, обходя пехоту, артиллерию и

[273]) Архив Русской Революции. Том V, стр. 295-296.
[274]) Снаряды, конечно, высланы не были.

конницу. С большим любопытством союзные офицеры осматривали каждую мелочь, интересовались каждой деталью.

С разрешения Атамана, французский лейтенант Эрлиш обратился по русски к войскам и с большим подъемом сказал следующее: «Дорогие друзья. Вопреки многому тому, что говорится вам о союзниках, я имею право утверждать, что мы не забыли союза и мы пришли сюда, чтобы помочь вам устроить вашу жизнь так, как этого пожелает народ. В вашем лице мы видим русский народ и мы не можем примириться с теми людьми, которые посягнули на волю русского народа, имя которым насильники. Мы не забыли той крови, которая была пролита русскими за нас в Пруссии, в Карпатах и на Кавказе и мы имеем возможность помочь тем, кто вместе с нами отстаивал идеи права и свободы, те идеи, которые отрицал германский империализм. И мы думаем, что мы должны помочь нашим русским союзникам. Мы заявляем поэтому, что мы с вами, что мы совместно с вами и что мы за вас. Вот будут говорить, что мы вам не помогаем. Не верьте — это пропаганда, это деятельность тех, кому нужен раздор, кому нужна вражда, кто забрызгал кровью русское трехцветное знамя и заменил его в Брест-Литовске красными тряпками. Мы вам поможем, но имейте терпение, нам нужно время. Мы придем и мы поможем вам — страдальцам своими средствами и совместно с вами рука об руку пойдем в Москву, в Святой Кремль и дадим возможность всему народу русскому без насилий высказать свою волю. И мы глубоко верим, что снова будет русский народ, что снова будет Россия, что снова будет наш союз. И я бросаю клич: да здравствует Единая, Неделимая, Великая Россия, да здравствует Всевеликий Дон — краса и гордость России, да здравствуют ваши победы, да здравствует союз России, Франции и Англии. Ура» [275]).

Слова лейт. Эрлиш были покрыты громовым, задушевным »ура». После этого войска с песнями прошли перед союзниками.

Ген. Пуля во что бы то ни стало тянуло посмотреть окопы. Его желание было удовлетворено. Увидев небольшие канавы, кое-где углубленные ямами с набросанной в них соломой и камышем, без блиндажей, без железобетонных построек, без намека не только на комфорт, к чему привыкли иностранцы на западном фронте, но даже без самых элементарных удобств — союзные офицеры были весьма разочарованы.

— «А сколько дней остаются казаки в этих окопах, да еще при таком страшном морозе?» — спросил Пуль.

— «Три дня в окопах, три дня в резерве на хуторе» — ответил ему ген. Мамантов.

— «Наши не могли бы так» — сказал Пуль.

Уже стало темно, когда мы двинулись в обратный путь. Заметно было, что виденное в этот день сильно потрясло ген. Пуля. Отведя Атамана в сторону, он поделился с ним своими впечатлениями и добавил, что едучи на Дон, он полагал встретить здесь, как и в Добровольческой армии — молодежь, детей, интеллигенцию, офицерские батальоны в 60—80 человек, а вместо этого увидел настоящую, крепкую армию.

---

[275]) Газета «Донские Ведомости» от 30 декабря 1918 года.

После интимного обеда на станции Карповская в столовой ген. Мамантова, с горячими речами и новыми заверениями союзных представителей о немедленной их помощи Дону, мы распрощались с командующим восточным фронтом и отправились на ст. Провалье, для осмотра конного Провальского завода, составлявшего всегда особую заботу Атамана. Здесь были показаны чистокровные производители — дети Гальтимора и матки, скаковые лошади и молодняк. И опять Пуль восторгался богатством Войска и царившим всюду порядком.

30 декабря союзные миссии отправились в г. Ростов для осмотра Владикавказских мастерских. Там ремонтировались паровозы, строились блиндированные платформы, санитарные поезда и оборудовались поезда-бани. Затем, они осмотрели еще и другие заводы, приспособленные нами для военных целей.

Уже ни в чем не надо было убеждать ген. Пуля. Со свойственной ему английской любознательностью, он сам интересовался всеми отраслями жизни. Характерно то, что он не ограничился лишь показной внешностью, но хотел видеть и оборотную сторону медали. Он восхищался порядком в армии и доблестью казаков, удивлялся налаженностью государственного аппарата, на основе демократических принципов, восхвалял огромный организаторский талант и мудрое руководтсво Атамана и Донского командования и с каждым днем становился все больше и больше другом ген. Краснова.

Пожив на Дону и лично детально ознакомясь с обстановкой ген. Пуль, ясно почувствовал всю неподдельную трагедию казачества. Он отлично понял и полное перенапряжение сил при отсутствии источников пополнения и резервов, и необычайно тяжелые условия борьбы при недостатке боевых припасов и, одновременно, с этим, на пороге земли Донской, видел несметные полчища красных. Убедившись в непосильной борьбе казачества, ген. Пуль и кап. Фукэ обещали срочно прислать танки, аэропланы, орудия и снаряды, обещали дать и живую силу. И казаки все еще верили и ждали эту помощь. На прощанье ген. Пуль сделал распоряжение о немедленном направлении из Батума на Дон союзной бригады и просил заготовить для солдат теплые полушубки.

Так, устами своих представителей, говорила Антанта, но как далеки были слова от ужасной действительности. Повторные, настойчивые требования ген. Пуля о немедленной присылке помощи Дону, оставались гласом вопиющего в пустыне и, в конечном результате, привели к отстранению его от должности и замене его ген Бригсом — сухим пунктуалистом.

Великие державы, упоенные славой своего успеха, почивали на победных лаврах и все еще колебались. Глубокое заблуждение по русскому вопросу царило в Версале. Быть может, сказывалось и всеобщее утомление войной. Никому не хотелось, когда уже заключен мир, идти снова в бой, в холодную и далекую страну. А возможно и то, что серьезно верили, что фонтанами красноречия своих представителей, союзникам удастся сокрушить стальную силу красных штыков. Предательство большевиков, заключивших Брестский мир уже, как будто, кануло в вечность. Их считали только за крайнюю социалистическую партию. Правдивым суждениям о большевиках, как узурпаторах власти, народных угнетателях, палачах небывалого террора и,

наконец, мировой опасности большевизма — серьезного значения не придавали. Не видели и для себя опасности, говоря, что большевизм — удел слабых. На Западе начинало преобладать течение невмешательства в русские дела, а в Англии доминировало мнение, что для Англии лучше, если в России будет еще хуже. Наша история насчитывает много случаев использования международными силами Российского развала, но, к нашей — русской гордости, всякий раз, Россия оправлялась от пережитой смуты и доказывала Миру, не только свою жизнеспособность великого государства, но и способность, в конечном результате, решительно отстоять свои права и интересы.

Повторные заявления представителей союзных держав о том, что они окажут помощь Войску, мало-помалу, опьянили надеждой казачество. Но гости уехали с Дона и там все оставалось по-прежнему. Шли ужасные кровавые бои и казачество, напрягая последние остатки сил, нервно и нетерпеливо ожидало обещанную помощь.

Обстановка, между тем, делалась все хуже и хуже. Достигнув бескровной победы на северо-западном Донском фронте, противник всеми силами обрушился против севера Области — Хоперского округа. Громадное численное превосходство красных, трудность вследствие большого снега и сильных морозов маневрировать и бить противника по частям, наконец, угроза тылу с запада, со стороны Верхне-Донского округа, — все это, вынудило Хоперцев к отходу на юг. Разложение войск, начавшееся в Воронежской губернии, не могло не отразиться на состоянии духа Хоперского и Усть-Медведицкого округов. Страшное слово — измена — докатилось до Хоперцев и они, потеряв мужество, перестали быть стойкими. Они, никогда не считавшие врага, начали его считать и когда увидели, как они одиноки и малочисленны в сравнении с противником, стали отступать, бросая временами в глубоком снегу орудия и обозы. Со всех сторон Войсковой штаб засыпался телеграммами. Рисуя в них тяжелое и часто критическое положение, войсковые начальники обычно подчеркивали требование казаков — показать им союзников и их обещание двинуться тогда вперед и победить противника. Но что можно было сделать? Самое большое — еще раз услышать категорическое заявление ген. Пуля или кап. Фукэ о близкой их помощи Дону и этот свой разговор целиком передать войскам [276]). Ужас положения увеличивался еще и тем, что у меня уже самого закрадывалось чувство недоверия ко всем крикливым и пышным заверениям иностранных представителей. Однако, высказать старшим войсковым начальникам эти свои сомнения, я не признавал возможным. Разговаривая с ними по аппарату, я всячески затаивал от них эти свои чувства и ограничивался лишь обрисовкой общего положения и передачей всего того, что, когда и как было сказано нам представителями союзных армий.

А в эти же дни к Хоперцам пробирались советские агенты и говорили: «Если союзники с вами, мы драться не будем, положим оружие и сдадимся на их милость. Но у вас нет союзников, вас обманывают».

К 20 января противником почти без боя был занят Хоперский и значительная часть Усть-Медведицкого округов. Вера в союзную помощь постепенно падала в казачестве. Физически усталые, еще более

[276]) Разговор обычно происходил по аппарату Юза.

потрясенные морально, донские части оставляли свои позиции и уже нередко отходили только перед призраком противника. Лишь местами, некоторые из них оказывали красным отчаянное сопротивление. Но это были отдельные кучки героев, небольшие, но закаленные в боях части, не потерявшие еще сердца и сохранившие дух. И опять в эти критические дни, неувядаемую славу стяжал себе лихой Гундоровский полк. Под командой ген. Гусельщикова, гундоровцы дрались как львы, являя собой редкий пример героизма и безграничной любви к родному Дону.

Северный фронт шатался и заметно терял силу. Развал постепенно ширился. Для восстановления положения, Донскому командованию пришлось принять экстренные, чрезвычайные меры. Срочно были призваны казаки южных округов всех возрастов, способные носить оружие и ими сменены внутренние гарнизоны. С железных дорог были сняты охранные сотни, выделены части с западного фронта и, кроме того, готовились части Молодой армии для ударной группы. Одновременно, спешно приводились в порядок расстроеные полки северного фронта, оставшиеся верными присяге и не пожелавшие признать власть красных. Измученные и голодные, по колено в снегу, часто с отмороженными конечностями, выбиваясь из сил, брели станичники на юг одиночным порядком или небольшими группами, горя одним желанием скорее стать в ряды и отомстить врагу и предателям.

Для вооружения тогда потребовалось сразу большее количество винтовок. Наличных запасов оказалось недостаточным и нужно было во что бы то ни стало найти все необходимое. В это время, я получил извещение о прибытии в Новороссийск первого транспорта союзников, с большим запасом боевого снаряжения. Помощь, казалось, была более, чем кстати. Но увы, вскоре мне пришлось горько разочароваться. Действительно, как выяснилось, привезли несколько тысяч русских винтовок, переделанных под турецкий патрон. Командование Добровольческой армии охотно уступало их нам, как ненужный хлам, ибо к этим винотовкам не было ни одного патрона. Союзники, надо признать, были смущены такой своей помощью. Но, к сожалению, за первым конфузом повторился второй, еще более характерный. Нам стало известно о прибытии в адрес Добровольческой армии свыше 40 тысяч комплектов зимнего обмундирования и обуви. Понятно, что при огромном недостатке такового в армии и при сильных морозах, это обстоятельство не могло не иметь на ход дела положительного значения. Каково же было разочарование, когда при распаковке убедились, что все привезенное ничто иное, как старое русское поношенное и совершенно истрепанное обмундирование, которое во время войны, по истечении известного срока носки, отбиралось весной у солдат и, чтобы не загромождать ближайшего тыла, тюковалось, дезинфицировалось и, как ненужное, отправлялось в глубокий тыл на фабрики. Такова была на первых порах помощь наших союзников. При таких условиях, естественно, уже не приходилось вести расчеты на них. Надо было выходить из тяжелого положения, надеясь только на собственные силы и средства.

С целью в короткий срок обмундировать призываемых казаков, Донское командование обратилось с призывом к населению помочь ему

в этом и надо сказать, что этот призыв нашел горячий отклик среди обывателей. Благоприятному разрешению этого вопроса много способствовало и то обстоятельство, что большинство мобилизованных стариков явилось в теплом обмундировании и почти в полном снаряжении, за исключением винтовки. Наконец, были использованы и последние жалкие запасы снаряжения, что в общем, с грехом пополам, позволило справиться с этим вопросом.

Более трудно обстояло дело с вооружением. Запасы свободного оружия и самый тщательный сбор в частях войск излишков такового, далеко не покрыл нужды в нем.

А между тем, события на северном Донском фронте становились более грозными. Казачьи части почти без сопротивления, отходили к югу. Красные совершенно обнаглели. Особенно страдали занятые ими станицы. Там большевики чинили жестокую расправу и беспощадно мстили тем, чьи близкие не остались в станице, а с оружием в руках, ушли на юг.

Одновременно с событиями на севере и западе Области, шла упорная борьба на подступах к Царицыну. С 20 ноября донцы, нанеся здесь несколько поражений противнику у хуторов Степанникова, Бузиновки и Лозного, далеко отбросили красных на восток, взяв свыше 6 тыс. пленных и богатую военную добычу.

26-го декабря в горячем бою у сел. Дубовый Овраг, донская конница снова разбила противника и затем повторными ударами у Чапурников, Червленой, Сарепты, станции Воропаново и Гумрак, красные окончательно были смяты и с громадными потерями спешно отошли в Царицын. В руки донцов снова попало несколько тысяч пленных и большие трофеи. К 5 января донские полки стояли непосредственно у стен красного Царицына, имея объектом действия его предместья и самый город.

К чести казаков восточного фронта, большевистская пропаганда успеха здесь не имела. Зараза, привитая большевиками казакам на северо-западе Области, их не коснулась. Непрерывные успехи донцов на этом фронте, неудержимый наступательный их порыв, огромное количество пленных и трофеев и, наконец, полная растерянность противника, — давали основание Донскому командованию рассчитывать на скорое овладение Царицыном. Взятие в то время Царицына, помимо больших материальных выгод, имело бы огромное моральное значение и без сомнения отрезвляюще подействовало не только на малодушных казаков Северного фронта, но и подняло бы дух и всего Донского казачества. Сверх того, успешное окончание операции здесь освобождало большое количество войск, каковые могли быть использованы для восстановления Северного фронта и помощи на других направлениях. Эти соображения побуждали Донское командование, несмотря на тяжелую обстановку и важные события на севере, проявить большую выдержку и ни в коем случае выделением отсюда частей, не ослабить войск Царицынского фронта. Кроме того, были еще и другие соображения, заставляющие держаться именно такого плана действий. Дело в том, что Добровольческое командование уже имело свободные войска и обещало перебросить на помощь донцам несколько пластунских батальонов. Следовательно, у нас было полное основание пола-

гать, что с Царицыном будет покончено в ближайшие дни. По заверению штаба Добровольческой армии, пластуны уже приступили к погрузке на ст. Торговой, т. е. в расстоянии суток езды по железной дороге до Царицына.

Наступление сильных морозов, при отсутствии у донцов достаточно теплой одежды, получение противником подкреплений и проявленное им крайне упорное сопротивление, а также необходимость перегруппировки частей, вынудили ген. Мамантова, сделать перерыв в активных действиях и, главное, выждать прибытия обещанных Добровольческой армией пластунских батальонов, с тем, чтобы общими усилиями произвести штурм, сильно укрепленного Царицынского района. Этим перерывом воспользовались красные. С 12-го января они сами повели бешенные атаки, стремясь разжать полукольцо наших войск. Все атаки противника с громадными для него потерями были нами отбиты и донцы ни шагу не уступили красным.

Время шло, а пластуны к нам не прибывали. Бесконечно долгие мои разговоры по аппарату с ген. Романовским по этому вопросу, не давали нужных результатов. Сначала меня заверяли, что пластуны уже приступили к погрузке, но затем вскоре я получил уведомление, что они еще не прибыли к месту посадки, что пластуны не могут начать погрузку, ибо крайне утомлены длинным переходом. А через день или два на мой новый запрос, мне заявили, что для пластунов не хватает подвижного состава, хотя это я предусмотрел заранее и своевременно предложил подать на станцию наши составы. Мне было ясно, что вопрос о переброске пластунов на Донской фронт затягивается и откладывается на неопределенное время. Истинные мотивы этой задержки всячески замалчивались, но каждый раз ставка Добровольческой армии пыталась задержку объяснить какими-либо новыми причинами.

Между тем, официальное обещание прислать пластунские части, побудило командующего восточным Донским фронтом ген. Мамантова ввести известный корректив в свои оперативные соображения и сверх того, для поднятия духа войск, объявить об этом в приказе.

12-го января я поехал в Екатеринодар для доклада Главнокомандующему обстановки на Донском фронте. Предстояло разрешить несколько довольно важных вопросов. Во-первых, надо было во что бы то ни стало, настоять на усилении дивизии ген. Май-Маевского Добровольческой армии. Эта дивизия, выдвинутая на Мариупольское направелние, была крайне слабого состава, продвигалась на север весьма медленно и, в общем, пока что, вся ее для нас польза выразилась в том, что мы могли снять в этом районе всего лишь две наши сотни. Во-вторых, нужно было добиться присылки на Царицынское направление уже давно обещанных батальонов, а попутно решить и несколько других вопросов.

По прибытии в Екатеринодар, ген. Смагин [277]) встретил меня на вокзале и предупредил, что ген. Романовский меня ожидает, желая присутствовать при моем докладе Главнокомандующему. В виду этого, я прямо с вокзала, поехал к нему. Начальник штаба принял меня, внешне, весьма любезно. Я вкратце ознакомил его с обстановкой у

---

[277]) Представитель Донского командования при Ставке.

нас и нашими нуждами. После этого, ген. Романовский по телефону предупредил ген. Деникина о моем приезде, причем, кладя телефонную трубку, он улыбаясь и с заметной иронией в голосе, промолвил: «А у Главнокомандующего сейчас члены вашего Круга В. А. Харламов, П. М. Агеев [278]) и кто-то еще, делают доклад о положении на Донском фронте». Должен признаться, что если до этого времени я не придавал никакого значения и не верил, доходившим до меня слухам о том, что будто бы Главнокомандующий свои заключения о военном положении на Донском фронте и ходе боевых действий, основывает не столько на официальных донесениях и докладах Донского командования, — сколько на рассказах и нашептывании безответственных лиц, к тому же полных профанов в военном деле, то теперь, конечно, в этом уже нельзя было сомневаться. То что раньше я считал сплетней или клеветой, ронявших ген. Деникина, как Главнокомандующего, теперь это оказывалось сущей правдой, которую подтверждал сам начальник штаба Добровольческой армии и таким тоном, в котором звучала ирония и нотка осуждения им подобного порядка. Когда мы прибыли к Главнокомандующему, то там никого не застали. Доморощенные стратеги поспешили удалится, чтобы не попасть передо мной в неловкое и даже смешное положение. Кроме ген. Романовского при моем докладе присутствовал ген. Лукомский. Главнокомандующий сидел, а мы все стояли. Касаясь каждого фронта в отдельности, я последовательно рисовал донскую обстановку.

В ряду других вопросов был поднят и вопрос о перевозке одного или двух полков Добровольческой армии с Кубани в район Дебальцево на усиление дивизии ген. Май-Маевского, оперировавшей там и, как я говорил, ввиду своей малочисленности, едва удерживавшей занятое ею положение. На Донском фронте наиболее слабое место был — север. Для подкрепления его и поднятия духа казаков, там уже выставлялись заслоны из новых, стойких войск, примерно в расстоянии 250—300 верст от Новочеркасска. Кроме того, одновременно с этим, сосредоточивалась ударная группа из частей Молодой армии для нанесения противнику решительного поражения. На востоке донцы были под Царицыном, от столицы Дона более 300 верст. На западной границе, самой близкой к Новочеркасску (60—80 верст), все атаки противника успешно отбивались нами уже в течение почти трех месяцев. И только в районе Дебальцево, занятом частями Добровольческой армии, т. е. дивизией ген. Май-Маевского, красные временами имели успех, почему туда и предназначалась помощь. Казалось бы, такая обстановка и здравый рассудок подсказывали направить эти подкрепления к угрожаемому пункту, кратчайшим направлением, т. е. через Ростов, Таганрог. Но безответственные стратеги, только что бывшие у Главнокомандующего, убедили его, вести эти полки кружным путем через Новочеркасск. Они уверили Главнокомандующего, что в Новочеркасске паника и что появление Добровольцев на вокзале, по их мнению, успокоит население. Несмотря на лживость самого факта и наивность доводов «донские стратеги», однако, имели успех. Только мои категорические доводы о вздорности и нелепости этих слухов, в чем легко

[278]) В «Очерках Русской Смуты», том III, стр. 61, ген. Деникин этого депутата уже именует «донским демагогом, социалистом, ныне большевиком».

можно было убедиться, а также заявление, что в случае действительного возникновения паники в Новочеркасске, — к чему сейчас нет никаких оснований, — у нас имеется значительный (около 5 тыс. человек), отлично дисциплинированный гарнизон, преимущественно из частей Постоянной армии, каковой для успокоения жителей достаточно будет провести по городу с музыкой, — в конце концов разубедили Главнокомандующего. В самом деле, направление эшелонов добровольцев через станцию Новочеркасск, даже при наличии в городе паники, прошло бы, конечно, незаметно, успокоения не внесло, а время было бы потеряно.

В дальнейшем, оттеняя в своем докладе весьма тяжелую обстановку на северном Донском фронте, я указал на настоятельную необходимость немедленной присылки туда подкреплений добровольцев или Кубанцев. Я сказал, что с помощью их нам удастся быстро ликвидировать продвижение противника, а успех, кроме того, весьма благотворно отразится на состоянии духа казаков этого фронта. Совместная боевая работа, добавил я, сблизит казаков с добровольцами и донцы воочию убедятся, что они не одиноки. Главнокомандующий перебил меня и резко сказал: «Вы просите помощи, а сами [279]) злейшие враги Добровольческой армии» [280]). Наступила длинная неловкая пауза. Быть может, ген. Деникин и сам понял неуместность своей фразы, но упорствуя, не счел нужным, как-нибудь сгладить тягостное впечатление. Обойдя молчанием незаслуженный упрек, я скомкал конец доклада, и поспешил уехать в Новочеркасск. В душе у меня невольно наростало сознание бесполезности, при таком отношении к нам Главнокомандующего, надеяться на какие-либо положительные результаты моего доклада. Несомненно было, что личные счеты и побуждения того же порядка у ген. Деникине доминировали над интересами общего дела. Стали яснее обрисовываться невидимые ранее причины и таинственные силы, оттягивавшие перевозку пластунских батальонов, тормозившие вывоз со ст. Караванная материалов, нужных для Таганрогского завода [281]), задерживавшие отправку на Дон тяжелых орудий, купленных нами в Севастополе [282]). В общем зрела мысль, что в разыгравшихся страстях злобы и ненависти, тонули общие интересы дела и на верх всплывала ненасытная жажда личной мести. В тяжелый момент для Войска, ген. Деникин признавал возможным сводить личные счета. Невероятной и, может быть, кошмарно-чудовищной, покажется читателю эта мысль, но, к сожалению, беспристрастный анализ его отношения тогда к Донской власти, неуклонно приводит к такому заключению. Донское командование было бельмом в глазах ставки До-

---

279) Надо понимать — Донское командование.

280) Эта фраза в тот же день сделалась известной многим. Вечером ген. Смагин, наш представитель при Главнокомандующем, передал мне (возможно, по просьбе Деникина), что ген. Деникин как будто бы раскаивается, что дал волю своему чувству, забыв, что он — Главнокомандующий, выслушивающий доклад начальника штаба той армии, подчинить которую себе он так упорно добивался.

281) Ген. Май-Маевский запретил вывоз с порохового завода, находившегося на ст. Караванная, тринитроула и аммонала, необходимых для снаряжения снарядов на нашем Таганрогском заводе, работавшем для всего юга.

282) Посланный за этими орудиями на специальном пароходе офицер телеграфировал в Новочеркасск: «Адмирал Конин получил приказание ген. Деникина никому покамест ничего не давать».

бровольческой армии. В то время, как Кубань, с помощью Добровольцев, освободилась от красных и ген. Деникину, в силу этих условий, удалось сломить и подчинить себе Кубанское казачество, Дон оставался самостоятельным и гордился своей независимостью. Донское Войско не только само освободилось от большевиков, но и сумело создать образцовую армию и широко помогать Добровольческой армии. Правы те, кто утверждает: не будь Дона, не было бы и Добровольческой армии. Он щеголял своим порядком, как на фронте, так и в тылу, чем не могла похвастаться Добровольческая армия. Под давлением союзников, Донская власть признала над собой, и то вынужденно, главенство ген. Деникина, но перед тем устами своего Атамана она заявила, что в ген. Деникине не видит то лицо, которое могло бы успешно справиться с предстоящей огромной задачей водительства всеми вооруженными силами юга России. Было подчеркнуто, что до сего времени ген. Деникин не проявил себя ни политическим деятелем государственного масштаба, ни талантливым организатором, ни дальновидным дипломатом. Одного же военного таланта и солдатской прямолинейности при той чрезвычайно сложной и запутанной внешней и внутренней обстановке и при нахождении еще Добровольческой армии на казачьей территории, бесспорно было недостаточно.

Я не берусь судить насколько были основательны такие предположения. Главное то, что они были высказаны открыто и даже, я бы сказал, официально, что, конечно, задело ген. Деникина.

Предсказания ген. Краснова в отношении ген. Деникина сбылись: «Деникинский период» кончился крушением, а сам ген. Деникин нашел себе спасение на английском миноносце. Возможно, что современникам еще не по силам разобраться насколько в этом повинен ген. Деникин, как Главнокомандующий. Только будущий историк сумеет беспристрастно разобраться в действительных причинах краха «Белого движения» на юге и скажет свое последнее правдивое слово. Сейчас же, мне кажется, важно зафиксировать те и другие положения, имевшие тогда место, так или иначе влиявшие на общий ход событий.

Аттестация, данная Донским Атаманом ген. Деникину, во всяком случае, не могла быть приятной последнему и он считал себя обиженным, если не оскорбленным. Анализ отношений ставки к Донским событиям, дает мне основание утверждать, что тяжелое тогда положение Дона не волновало Главнокомандующего в той мере, как это должно было быть. Даже больше: ухудшение обстановки на нашем фронте в Екатеринодаре считали тем козырем, которым на предстоящей сессии Большого Войскового Круга, готовили бить и гордого Атамана Краснова и его ближайших помощников. В то же время, для ставки Добровольческой армии представлялся благоприятный случай явиться в роли, якобы, спасителей Дона. В перспективе рисовалась двоякая выгода: можно было используя тяжелый момент устранить Краснова и его окружение, затем оказать Войску помощь, чем значительно облегчалась возможность скрутить и подчинить себе, по примеру Кубани и Дон. Нельзя было подыскать никаких других причин, которыми руководился ген. Деникин, оттягивая помощь Войску [283]). Эти мотивы

[283]) После отставки Краснова на Донском фронте немедленно появились Добровольческие и Кубанские части.

не укрылись от Донского Атамана. Между ним и Добровольческим командованием в январе месяце завязалась чрезвычайно интересная переписка. В ней Атаман, откровенно указывал, что для него не тайна, что он неугоден Екатеринодару и, быть может, для дела будет лучше, если он на ближайшей февральской сессии Круга откажется и уйдет с поста [284]). Ген. Деникин ответил Краснову, что это — личное дело Атамана с Кругом и вмешиваться в него он не будет. Таким ответом Ген. Деникин хотел показать, что он стоит в стороне от внутренней жизни Дона и не желает принимать в ней никакого участия. На самом деле, это была, так сказать, внешняя, показная сторона, скрывавшая собою интенсивную работу кругов Добровольческой армии, стремившихся во что бы то ни стало, свалить ген. Краснова.

В эти полные тревог и забот дни, в Новочеркасск прибыл представитель Франции кап. Фукэ. Он долго совещался с Атаманом, интересовался положением на фронте, состоянием Донской армии и настроением войск. Результатом этого было то, что в тот же день 27-го января, он отправил телеграмму своему командованию, требуя немедленного направления союзной пехотной бригады в гор. Луганск для обеспечения нашего левого фланга. Вне сомнения, что появление на Донском фронте в этот момент союзных войск имело бы огромное моральное значение и решающим образом отразилось бы на конечном исходе борьбы. Участие капитана Фукэ в судьбе Дона и решительность, проявленная при истребовании срочно помощи Войску, рассеяли немного мои сомнения и заставили думать, что судьба России союзникам, как будто бы, не безразлична. Но уже в полдень следующего дня, я был горько разочарован, когда увидел Атамана. Оказалось, что поведение «благородного» [285]) представителя или представителя «благородной» Франции, неожиданно приняло совершенно иной оборот, весьма далекий от какого-либо благородства. Прежде всего, этот капитан попросил к себе в гостиницу Атамана и там потребовал, чтобы войсковой штаб детально осведомлял его и ген. Франшэ д'Эсперэ о событиях на фронте и всех распоряжениях, а затем предложил Атаману подписать следующие условия:

«Мы, представитель французского главного командования на Черном море, кап. Фукэ с одной стороны и Донской Атаман, председатель совета министров Донского войска, представители Донского правительства и Круга с другой, сим удостоверяем, что с сего числа и впредь: 1) Мы вполне признаем полное и единое командование над собой генерала Деникина и его совета министров. 2) Как высшую над собой власть в военном, политическом, административном и внутреннем отношении, признаем власть французского Главнокомандующего ген. Франшэ д'Эсперэ. 3) Согласно с переговорами 9 февраля (28 января) с кап. Фукэ все эти вопросы выяснены с ним вместе и что с сего времени все распоряжения, отдаваемые Войску, будут делаться с ведома капитана Фукэ. 4) Мы обязываемся всем достоянием Войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе «Донец» и где бы они ни находились и происшедших

---

[284]) «Архив Русской Революции», том V, стр. 300-306.

[285]) Кап Фукэ выдавал себя за офицера генерального штаба, но как выяснилось, он кончил лишь ускоренные курсы военного времени и, в сущности, был лишь суррогат офицера генерального штаба.

вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы, мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к ней 5-типроцентной надбавки за все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 года, для чего составить особую комиссию из представителей угольных промышленников (французских) и французского консула».

Когда Атаман прочитал этот возмутительнейший документ, между ним и кап. Фукэ произошел следующий разговор:

— «Это все?» —возмущенным тоном спросил Атаман.

— «Все», —ответил Фукэ. —«Без этого вы не получите ни одного солдата. — „Mais, mon ami", вы понимаете, что в вашем положении — „il n'y a pas d'issu! . . .".

— «Замолчите» — крикнул Атаман. — «Эти ваши условия я доложу совету управляющих, я сообщу всему Кругу . . . Пусть знают, как помогает нам благородная Франция»[286]).

Едва ли нужно пояснять, что приведенный документ сразу же рассеял иллюзии в какое-то благородство победоносной Франции к своему бывшему союзнику и вскрыл голый и ничем не прикрытый цинизм. Даже наши враги — немцы в своих аппетитах были гораздо сдержаннее и скромнее и никогда не ставили Дону таких диких и жестоких условий. Так вот кому молилось Добровольческое командование. Вот кому оно пело гимны и дифирамбы, не допуская никаких компромиссов и всемерно сохраняя кристальную чистоту своей верности союзникам. А ген. Деникин только во имя этого, избегал контакта с немцами, предпочитая кровью русского офицерства и юношества добывать снаряды и патроны у противника — большевиков, нежели взять их у немцев.

Перебирая недавнее прошлое, невольно вспоминается, как многие с пеной у рта негодовали на немцев за их беспринципность и как наряду с этим идеализировали союзников, возводя их на недосягаемую высоту. А затем, сама жизнь, обнажила их голое бесстыдство. Краснова часто обвиняли, что он отдал Дон в немецкую кабалу. Но в сущности, это была пустая фраза, слова, необоснованные упреки, тупая злоба близоруких политиков и стремление их, как-нибудь очернить и унизить Атамана. Здесь же, в этом документе, черным по белому, требовали подчинения и Дона и Добровольческой армии и в политическом, и в военном, и в административном, и во внутреннем отношениях, французскому генералу Франшэ д'Эсперэ, да еще через его представителя кап. Фукэ, человека, скажу я, недалекого, весьма ограниченного кругозора, пустого и хвастливого француза. Требуя полного подчинения, Франция, однако, ничего не обещала и ничем не обязывалась. Идти в такую кабалу Атаман не мог. Несмотря на критическое положение северного фронта, он имел мужество с негодованием отвергнуть ультиматум кап. Фукэ, В тот же день ген. Краснов отправил генералу Франшэ д'Эсперэ письмо с новой просьбой немедленно помочь Дону. В этом письме Атаман ясно подчеркнул, что эта

[286]) «Архив Русской Революции», том V, стр. 309.

помощь — долг Франции. Одновременно, о поведении кап. Фукэ, его требовании и о своем категорическом отказе, ген. Краснов уведомил ген. Деникина. Злополучный представитель Франции, уехавший накануне в Екатеринодар, однако, не унимался. Он оттуда телеграфировал Атаману, заявляя, что союзные войска не будут посланы в Луганск до тех пор, пока Донской Атаман, не подпишет предложенных ему условий.

Атаман назначил экстренное совещание управляющих отделами и членов Круга, бывших в Новочеркасске. Он доложил им требование кап. Фукэ и свой категорический отказ. Весьма характерно то, что интеллигентная часть совещания одобрила действия Атамана, а простые казаки — депутаты Круга, угрюмо молчали, видимо готовые лезть в какую угодно кабалу, лишь бы избавиться от большевиков.

С действиями Атамана вполне согласился Главнокомандующий и в тот же день Атаманом была получена следующая телеграмма: «Главнокомандующий получил Ваше письмо и приложенные документы, возмущен сделанными Вам предложениями, которые произведены без ведома Главнокомандующего и вполне одобряет Ваше отношение к предложениям. Подробная телеграмма следует вслед за этим. Екатеринодар, 30 января 1919 года. 01524. Романовский».

Вскоре пресловутый представитель Франции исчез с Екатеринодарского горизонта. Возможно, что это явилось следствием письма ген. Деникина генералу Франшэ д'Эсперэ. В нем ген. Деникин выразил уверенность, что «эти несоответствующие достоинству русского имени документы... не были присланы французским командованием, а явились результатом неправильного понимания капитаном Фукэ всей от-ответственности сделанного им по личной инициативе выступления...» На это свое письмо, как признается ген. Деникин, он ответа от ген. Франшэ д'Эсперэ не получил [287]).

В средних числах января 1919 года, противник против наших 38 тыс. бойцов при 168 орудиях и 491 пулемете сосредоточил 124 тыс. штыков и сабель, 435 орудий и 1 337 пулеметов (армии I, VIII, IX, X и Степная). Несмотря на более чем тройное превосходство в силах, наши части на востоке, победоносно продвигались вперед и вновь подошли к стенам Царицына. На северо-востоке, войска Усть-Медведицкого района, вследствие отхода войск Северного фронта, были вынуждены, сначала оттянуть только свой левый фланг, а затем, в дальнейшем, всем фронтом, отойти несколько назад. Северный донской фронт, включая и части, занимавшие ранее район Воронежской губернии, постепенно отходил на юг, в среднем, по 6 верст в сутки. На нем кое-где, образовались пустоты, куда свободно могли вливаться части противника. Казаки местами оказывали упорное сопротивление, местами распылялись или сдавались противнику, чаще подавленные морально, отступали без боя. На западной границе Области, продолжались ожесточенные бои. Противник, превосходивший здесь нас численно в несколько раз, упорно добивался успеха на этом направлении. Однако, все его яростные атаки, неизменно отбивались частями Молодой армии. Одновременно, дивизия ген. Май-Маевского, сосредо-

---

287) «Очерки Русской Смуты, том IV, стр. 76.

точенная в районе Мариуполь-Волновахи, постепенно продвигалась вперед с целью занять район Дебальцево и освободить там части наших войск, каковые могли быть использованы на других направлениях.

Таким образом, наибольшие опасения на Донском фронте внушал север. Ввиду этого, Донское командование энергично принимало меры, чтобы остановить здесь дальнейшее продвижение красных в глубь Области, восстановить Северный фронт, вдохнуть в него веру в свои силы и дать решительный отпор обнаглевшему противнику. С этой целью, помимо мер, указанных выше, Донское командование сосредоточивало в районе Миллерово-Глубокая сильный кулак из свежих войск. Предполагалось, когда назреет момент, внезапным и энергичным наступлением в северо-восточном направлении, сбить зарвавшиеся части противника и затем, двигаясь далее, выйти в глубокий тыл красных, тем самым принудив на всем фронте к отходу. Такой способ действий, мне казался более целесообразным, чем затыкание пустот, образовавшихся на фронте, особенно учитывая психологию противника при неожиданной неудаче легко поддаваться панике, а также и психологию казаков — развивавших при успехе большую наступательную энергию.

Наши резервы полностью еще не были исчерпаны. Не считая военного училища, офицерской школы, старшей сотни кадетского корпуса и нескольких других отдельных сотен, мы располагали кроме того, свежей, отлично обученной, прекрасной 1-й Донской казачьей дивизией из состава Молодой армии, несшей гарнизонную службу. Гвардейская ее бригада находилась в Ростове и Таганроге, а 4-й Донской полк и учебный в Новочеркасске. Части этой дивизии постепенно уже были освобождены от гарнизонной службы и в любой момент могли выступить туда, где это потребует обстановка.

Надо еще отметить, что, если казаки северных округов пали духом, потеряли сердце, утратили веру в свою силу и мощь и в страхе отходили перед красными, то наоборот, казаки — южане, бывшие ближе к центру Дона и потому неподдавшиеся пропаганде, встали все, как один. Они клялись, скорее умереть, чем сдать свои станицы ненавистному противнику. Воинственность казаков-южан сильно повышалась еще и тем, что из районов, занятых красными, доходили вести о бесчеловечных расправах и зверствах, творимых там. Эти слухи весьма отрезвляюще действовали на станичников, приводя их к сознанию, что бессмысленно сдаваться на милость победителей, что единственный исход — сражаться до конца.

Учитывая общую обстановку и настроение казаков южных округов, а кроме того, располагая в достаточном количестве силами для нанесения зарвавшемуся противнику решительного контр удара, Донское командование смело смотрело на будущее. Оно методично и планомерно проводило в жизнь намеченные мероприятия, глубоко веря в скорое изменение положения в благоприятную для донцов сторону. Сверх того, Добровольческая армия, почти совсем покончила с противником на Кубани и Северном Кавказе. Ее освободившиеся части могли быть брошены на главный Донской фронт, тем более, что объединение с ген. Деникиным, уже состоялось. В то же время, не подлежало ника-

кому сомнению, что разгром большевиками Дона, приведет к гибели и Добровольческую армию. Но, как выше я отмечал, с помощью Дону ген. Деникин не спешил. Все говорило за то, что оппозиция Донскому Атаману, осев в Екатеринодаре, в тесном контакте с кругами Добровольческой армии, стремилась использовать временный неуспех Донской армии и во что бы то ни стало, свалить ген. Краснова. С горечью приходится констатировать, что в дни наиболее тяжелых испытаний, выпавших на Войско, в ставке велась возмутительная и опасная для общего дела, закулисная игра. Элементы враждебно настроенные к ген. Краснову, в том числе и часть членов Круга, вместе с председателем Харламовым, почти ежедневно посещали Екатеринодар. Они устраивали тайные и явные совещания, делали Главнокомандующему безответственные доклады, искажая положение и внося в дело ужасную путаницу и хаос. Краснов горячо протестовал против такого порядка [288]), но ген. Деникин, потворствуя Донской оппозиции, отнекивался и не желал устранить ненормальности, мешавшие правильной работе. Нападки на Донское командование не уменьшались. Напротив, с каждым днем, они прогрессировали в очень резкой форме. Донская оппозиция, при негласном участии Ставки, неистовствовала, становясь все более наглой. Мне было только неясно, как в Екатеринодаре не хотели понять, что валя Краснова, вместе с тем, рубят один из крупных корней, подтачивают одну из главных основ всего Белого Движения на юге. Клеветам и грязным выпадам Екатеринодарской прессы, не было границ. На все лады поносили и порочили Донскую власть. Буквально злорадствовали над неудачами на Донском фронте, причем номера газет с наиболее бесстыдными пасквилями, появлялись и на Донском фронте, различными подпольными путями, с очевидной целью подорвать доверие казачьих масс к Донскому командованию [289]). В общем, систематически велась кампания против Атамана и его ближайших помощников. Документально было установлено деятельное участие в ней крупного донского промышленника и спекулянта Н. Парамонова, не жалевшего денег на агитацию против Краснова. Здесь будет уместным обратить внимание читателя на то, что когда на нашем совещании с представителями Добровольческой армии, Атаман охарактеризовав Н. Парамонова, как вредного деятеля, заметил, что ходят слухи будто бы Главнокомандующий предполагает назначить этого субъекта на пост управляющего отделом пропаганды, — то генералы Деникин и Драгомиров, были возмущены таким его предположением. Они даже обиделись, что у Атамана могла родиться подобная вздорная мысль. А в результате, ровно через две недели, Парамонов получил именно это назначение. Такие факты, с одной стороны, убеждали нас в том, что нельзя было придавать никакого значения заверениям Добровольческого командования, а с другой — еще больше обостряли наши отношения со ставкой Добровольческой армии. Атаману, например, как я уже говорил, ген. Деникин сообщил, что он не же-

288) «Архив Русской Революции», том V, стр. 303.

289) Номера газеты «Истина» с циничными выпадами против Атамна и Донского командования появились, например, на фронте вместе с Рождественскими подарками. Таким образом казачий фронт засыпался прокламациями с двух сторон: спереди — большевиками, сзади — «своими».

лает вмешиваться во внутренние дела Дона [290]), а одновременно с этим он завязывает тесные сношения с оппозицией Донскому Атаману и принимает деятельное участие в обсуждении вопроса заместителя Атаману, намечая преемником «верноподданного» ему ген. А. Богаевского[291]). Любопытно то, что такой способ действий ген. Деникин называет легальным («Очерки Русской Смуты», том III, стр. 122), говоря: «В то время, когда командование Добровольческой армии стремилось к объединению вооруженных сил Юга — путями легальными, Атаман Краснов желал подчинить или устранить со своего пути Добровольческую армию, какими средствами безразлично». Ни подчинить себе, ни устранить Добровольческую армию, Атаман никогда не собирался. Если бы у ген. Краснова было подобное стремление, то во всяком случае я, как его начальник штаба, об этом безусловно знал бы. Но мне было хорошо известно, что следствием поддержки ставкой политических и личных врагов ген. Краснова, явилось значительное обнагление оппозиционно-настроенных групп, нашедшее проявление в весьма разнообразных формах. Учитывая, что маятник боевого счастья качнулся в сторону противника, кучка депутатов Круга во главе с председателем, решили использовать этот момент и потребовали экстренного созыва Круга. Атаман категорически этому воспротивился. Он считал, что экстренный созыв Круга болезненно отзовется на фронте и без того уже потрясенном последними событиями. И Атаман безусловно был прав. Но его отказ чрезвычайно озлобил Харламова [292]) и К°. и они еще с большей злобой ополчились против Краснова.

Ближайшая сессия Большого Войскового Круга была назначена на 1 февраля 1919 года. В последних числах января в Новочеркасск уже стали постепенно прибывать депутаты Донского Парламента. Про-

[290]) 20 января 1919 года Краснов писал главнокомандующему: «1-го февраля съезжается Круг и, если я не получу от Вас моральной поддержки и требования остаться на своем посту, я буду настаивать об освобождении от несения обязанностей Донского Атамана»...

[291]) Ген. А. Богаевский был на Дону управляющим отделом Иностранных дел и одновременно председателем Совета управляющих. Как старый сослуживец ген. Краснова, он пользовался его любовью и особым доверием. К сожалению, этого доверия ген. Богаевский не оправдал. Примкнув к оппозиции Атаману, он исподволь вел интриги против ген. Краснова и в то же время являлся передатчиком всех наших тайн ставке, да еще с известными комментариями, соответствовавшими вкусам Екатеринодара. За эту его деятельность ген. Деникин дает ему блестящую аттестацию, говоря: «Было два человека — Богаевский и Эльснер (Очерки Русской Смуты, том III, стр. 126), оба люди спокойные и уравновешенные, которые больше других работали над тем, чтобы сгладить трения между Новочеркасском и ставкой Добровольческой армии, но им это решительно не удавалось». Если считать передачу наших секретных сношений отдела Иностранных дел — деянием полезным и могущим улучшить взаимоотношения Донского и Добровольческого командований, то тогда еще можно с этим согласиться. Но мне думается, что это было не что иное, как подливание масла в огонь вражды между Донским и Добровольческим командованиями. Факты передачи секретных бумаг подтверждает и сам ген. Деникин, говоря: «...но вскоре мы получили копию инструкции, данной Атаманом послу своему ген. Черячукину, посланному в начале июня на Украину, а также второго письма, отправленного 5 июля Германскому Императору...» (Очерки Русской Смуты, том III, стр. 60). Роль ген. Богаевского весьма метко характеризовал ген. Денисов, неоднократно предостерегая меня держаться в стороне от Африкана Петровича и часто повторяя: «Петр Николаевич (Краснов) у себя на груди откармливает змею».

[292]) Председатель Круга.

тивники Атамана все свое внимание тогда сосредоточили на них, с целью обработать и склонить их на свою сторону, в борьбе против Краснова. Но как они ни усердствовали в этом, как ни осуждали политику Донского Атамана, как ни раздували временные неуспехи на фронте — желательных результатов они не достигли. Из разговоров с прибывшими членами Круга, постепенно выяснилось, что Краснова им не свалить. Простые казаки-депутаты и слышать не хотели об его уходе, да еще в грозный для Дона час. Они верили своему Атаману, любили и ценили его. Этот неуспех отнюдь не обезкуражил оппозицию, но лишь побудил ее идти к той же цели иным путем, а именно — использовать временный неуспех на фронте и нанести главный удар по командующему армией ген. С. Денисову. Было решено неудачи на Донском фронте приписать не силе обстоятельств и переутомлению казачества, как то фактически было, а неумелому ведению операций и ошибкам Донского командования. Такой план сулил больше успеха. Игра велась на благородстве ген. Краснова. Нельзя было сомневаться. что ген. Краснов не согласится ценой смещения своих ближайших помощников, удержать в своих руках атаманский пернач. Вследствие этого началась гнусная, беспринципная, бесстыдная и подлая травля Донского командования.

Мне пришлось как-то слышать, будто бы Краснов своей политикой возбудил против себя большую часть общества, вооружил все слои населения. Такое утверждение совершенно не отвечает действительному положению. В массе — и казачество, и население Области фактически было на стороне Краснова. Они были благодарны ему уже за то. что он им дал все то, чего они так страстно хотели, а именно: покой, безопасность и порядок. Но дело в том, что обычно общество чрезвычайно в массе инертно. К несчастью же, наиболее активные его члены оказались тогда в стане наших врагов, являясь будирующим и опасным элементом на местах. В лице Донского Парламента эти люди, прежде всего, видели объект, источник средств для достижения ими узко эгоистических целей, не имевших ничего общего с благом Дона. В слепой злобе и неудержимой погоне за личной наживой, самоуверенном невежестве, крикливом упрямстве и вязкой мести по мотивам личным, они готовы были скорее развалить все дело, чем отказаться от своей затеи. Оппозицию не составляла какая-либо определенная политическая группировка, за ней не стояло и никаких организованных масс, а все сводилось к безответственной группе интеллигентов, прикрывавшихся красивыми фразами, но говоривших, в сущности, только от своего имени. С каждым днем эта кампания наглела. Бороться с нею было весьма трудно, ибо шансы борьбы были далеко не одинаковы. Тогда как Донское командование, дорожа каждой минутой. все свое время отдавало борьбе с большевиками, оппозиция, насчитывая в своих рядах 90% бездельников, все свое время уделяла на то, чтобы подорвать доверие масс к Донской власти. Что это было именно так, сознается и ген. Деникин, говоря: «оппозиция Атаману была сильна интеллектуально и работала нередко приемами, подрывавшими идею Донской власти [293]). К сожалению Донской Атаман, по своей доброте, не хотел внять гласу Донского командования, предла-

[293]) «Очерки Русской Смуты», том III, стр. 249.

гавшему неожиданным применением самых беспощадных и драконовских мер, уничтожить и с корнем вырвать оппозицию, чем раз и навсегда притупился бы к ней вкус и у других.

До открытия Круга оставалось еще несколько дней, когда его председатель Харламов явился к Атаману и от лица кучки депутатов — своих единомышленников, потребовал отставки командующего армией и моей.

— «Право назначения и смещения лиц командного состава армии, на основании Донской конституции, принадлежит мне, как верховному Вождю Донской армии и флота», — ответил ему Атаман, — «генерала Денисова и ген. Полякова я считаю вполне на местах. Это честные и талантливые люди, безупречной нравственности и отлично знающие свое дело. Сменят их в дни развала и неудач на фронте я считаю опасным. Они и так делают невозможное».

— «Ну, а если Круг потребует их увольнения?» — спросил Харламов.

— «Круг нарушит законы и я тогда не могу оставаться Атаманом, я потребую увольнения с поста Атамана» [294]).

Ответ не только удовлетворил, но и обрадовал Харламова. Он не сомневался, что Краснов не нарушит своего обещания и, значит, план принятый оппозицией, с целью свалить Атамана, приведет к желательным результатам.

Работать при таких условиях было тогда крайне тяжело, а между тем военная обстановка была такова, что как раз требовала полного напряжения сил. Личной жизни у меня вообще не было. Если раньше я уделял работе 14—16 часов, то начиная с декабря месяца, она отнимала у меня 18—20 часов в сутки, а иногда и больше. Приходилось проводить бессонные ночи, решая сложные, ответственные вопросы по перегруппировке и сосредоточению сил, отдавать многочисленные приказы и приказания, вести длинные переговоры по аппарату [295]). Сверх того, надо было принимать многочисленные визиты членов Круга, желавших получить объяснения о событиях в их округах, а также делать ежедневные доклады, прибывшим уже в Новочеркасск депутатам Круга, отвечая по несколько раз на одни и те же нередко праздные и нелепые, а иногда и злобные вопросы, что естественно, сильно меня нервировало, истощая последние силы.

К моменту открытия второй сессии Большого Войскового Круга, военная обстановка на фронте, хотя несколько и улучшилась, но все же часть Донской земли по линии Кантемировка, Еланская, ст. Себряково, Земковская, оставалась занятой большевиками. В войсках северного фронта заметно наступил перелом к лучшему. Казаки этого фронта уже не отступали беспорядочно, как раньше, а задерживались в некоторых точках, оказывая противнику упорное сопротивление. Боевое счастье вновь понемногу возвращалось к нам. Сказывались и результаты мер, принятых Донским командованием.

А в это время, в столице Дона — Новочеркасске, в ожидании от-

---

[294]) «Архив Русской Революции», том V, стр. 205.

[295]) Командующим фронтами мною было объявлено, что в любое время дня и ночи они могут вызывать меня к аппарату.

крытия Круга и решающего слова Донского Парламента, было крайне приподнятое и нервное настроение.

Многие утверждают, что нет на свете более разумных и одаренных людей, чем русские. Взятые отдельно, они удивительно толковы и симпатичны. Соединенные вместе под чьим-нибудь умным и честным водительством, они способны на большие дела и даже чудеса. Но, если те же русские соберутся самостоятельно для решения больших государственных или своих маленьких дел, то часто они обращаются в беспастушное стадо. Мгновенно появляется чрезвычайная важность, крикливая самоуверенность, граничащая с невежеством, тупое упрямство, месть по личным счетам, пренебрежение к чужому мнению, придирки к каждому ошибочному слову и предвзятое решение, дать скорее провалиться всему делу, чем согласиться с правотой противника. Достаточно вспомнить 1917 год расцвета «уговариваний», митингов, потоков праздных слов и бесконечного количества самых невероятно бессмысленных резолюций. Разве было исключением, что ораторы, высказывавшие диаметрально противоположные мнения — награждались аплодисментами совершенно в одинаковой степени. Случались и более курьезные эпизоды. На одном собрании, помню, был проголосован какой-то вопрос, принятый всеми присутствовашими единогласно. Минут через десять, председатель поставил тот же вопрос, но в обратном смысле и... результат получился поразительный — он также был принят единогласно. Когда же все разъяснилось, то вышел большой конфуз.

Люди беспринципные, хитрые, ловкие, сознательно играющие на демагогии, подмечают эти стороны и, действуя на них, обращают собрание в слепое и послушное орудие своих достижений. Подобной участи не избежал и Войсковой Круг февральского созыва. В его составе нашлись депутаты, сумевшие демагогичесим путем, разжечь страсти и увлечь за собой большинство.

Рано утром, в день открытия Круга, к Атаману вновь явился В. Харламов и сообщил ему, что Круг решил в категорической форме требовать отставки Денисова и моей.

— «В такой же категорической форме и я потребую свою отставку» —ответил ему Атаман. — «Согласитесь, Василий Акимович, что лишить армию в теперешнее тяжелое время и командующего армией и начальника штаба — это подвергнуть ее катастрофе. Планы обороны знаем только мы трое. Если уже Денисов и Поляков так ненавистны Кругу, я могу убрать их постепенно, по окончании наступления Красной армии, тогда когда подготовлю им заместителей, но убрать их обоих сейчас — это все равно, что обрубить мне обе руки. Да и кем заместить их — я не знаю. Единственный, кто разбирается в обстановке и более или менее в курсе дел, это ген. Келчевский, но он знает только Царицынский фронт, и он не казак».

— «А генерал Сидорин», — сказал Харламов.

— Нет, нет, никогда. Только не Сидорин. Это нечестный человек, погубивший наступление Корнилова на Петроград. Это интриган. И притом он пьет», — сказал Атаман.

— «Но решение Круга неизменно. Денисов и Поляков должны уйти» —настойчиво повторил Харламов.

— «Уйду и я» —сказал Атаман [296]).

В 11 часов утра 1-го февраля состоялся молебен. По окончании молебна, депутаты направились в зал Дворянского областного правления, где большой программной речью Атамана началась деловая работа Донского Парламента.

Я с большим вниманием наблюдал Круг. Бросалась в глаза особенная наэлектризованность и какая-то странная, неестественная напряженность. Большинство депутатов было крайне озабочено. На их лицах отражалось не то недоумение, как у людей, попавших в тупик, не то сосредоточенность и упорное стремление разрешить какую-то трудную и тяжелую для них задачу. Иногда, попадались лица, сиявшие вызывающей улыбкой. То были члены из противного Атаману лагеря.

Ясно и правдиво ген. Краснов обрисовал военную обстановку. Он подробно изложил Кругу ход переговоров с союзниками, а также историю вопроса об едином командовании вооруженными силами юга России. Касаясь причин неудач на фронте, Атаман совершенно правильно указал на чрезмерную растянутость нашего фронта, увеличившегося с уходом немцев с Украины на одну треть, на огромное превосходство в силах и технике противника, на разочарование казачества в помощи союзников, на чрезвычайное его переутомление непосильной борьбой, полное оскудение источников пополнения и, как результат, всего этого — упадок духа и веры в свои силы, уныние и растерянность.

Атамана слушали с большим напряжением. Твердое и обоснованное его заверение, что в ближайшие дни положение будет исправлено к чему командованием приняты уже меры, подняло настроение, приободрило депутатов и бурные, долго несмолкавшие аплодисменты Круга, были ответом Атаману на его последние слова.

После небольшого перерыва в закрытом заседании ген. Краснов информировал парламент о гнусном ультиматуме представителя Франции — кап. Фукэ и о своем решительном отказе, а затем огласил свою переписку с ген. Деникиным и Кубанским Атаманом. Этим кончилось первое заседание Большого Войскового Круга.

Вечернее заседание Круга началось коротким докладом Председателя Совета управляющих ген. А. Богаевского о внешнем положении Войска, а затем выступил командующий Донской армией ген. С. Денисов.

Справедливость требует отметить, что Денисову пришлось говорить в чрезвычайно тяжелой обстановке, в атмосфере насыщенной недоброжелательством к нему, что, естественно, не могло не давить на его психику. Ему доподлинно было известно, что отставка его предрешена. Он знал, что кучка его личных врагов, главным образом лица, выгнанные со службы за неспособность, пьянство и неблаговидные поступки [297]), привили большинству членов Круга, в том числе даже его

---

[296]) «Архив Русской Революции», том V, стр. 313.

[297]) В качестве добровольного защитника преступной и вредной для общего дела деятельности этих лиц, выступил ген. Деникин, выставляя их «жертвами Красновского произвола» («Очерки Русской Смуты», том III, стр. 249).

всегдашним поклонникам, что источник всех зол, бедствий и неудач на фронте — только командующий армией.

Изнервничавшийся и исхудалый от бессонных ночей, в зловещей тишине говорил ген. Денисов. Наглядными картами и схемами он пояснил условия борьбы на Донском фронте. Временами с мест раздавались неуместные и глупые реплики.

«Утомление казаков» — говорил ген. Денисов — «чувствовалось ясно еще в ноябре месяце. Начальник штаба ген. Поляков докладывал, что его не радуют все те огромные успехи, какие были нами достигнуты, и, если нам не будет оказана посторонняя помощь, то врял-ли мы удержим все то, чем завладели [298]).

Второй причиной была гибель надежды на иноземную помощь, о ней много говорилось и писалось и фронт слишком долго ждал прибытия этой помощи. Нам присылалось много телеграмм с вопросом: когда же, наконец, прибудут союзники. И их неприход сыграл роковую роль.

Но главную роль в наших неудачах сыграла агитация. Агитация не только большевистская, пустившая в ход все средства — подкупы, посулы, обман, клевету и прочее, но и другая, которая выражалась в том, что общественные деятели домогались несколько раз моего свержения, настаивая несколько раз на моей отставке» [299]).

«По окончании доклада Командующего армией, пишет ген. Краснов [300]) — «на трибуну начали выходить один за другим все те генералы и штаб-офицеры, которые были, в свое время, удалены ген. Денисовым от службы и добились звания членов Войскового Круга. Вышел генерального штаба полковник Бабкин, удаленный за трусость и глупость, вышел ген. Семилетов, лихой предводитель детских партизанских отрядов, эксплоатировавший детей и командовавший партизанами из такого далека, где не слышны были пушечные выстрелы, удаленный за неправильно составленные отчеты, вышел генерального штаба полк. Гнилорыбов [301]), удаленный за трусость и агитацию против Атамана, ген.-лейт. Семенов, обвиненный в лихоимстве в Ростове и, наконец, ген. Сидорин. Они задавали праздные, но волнующие большинство Круга, серую его часть, вопросы:

— Достаточно ли было уделено внимания нуждам фронта и нуждам станиц?

— Посетил ли командующий армией все важнейшие пункты фронта и беседовал ли с казаками?

— Были ли своевременно приняты меры против злоупотреблений реквизициями, особенно против действий монархической организации, так называемой «Южной армии» и ее карательных отрядов?

— Приведены ли в исполнение принятые Войсковым Кругом постановления о пособии семьям мобилизованных, о вознаграждении за утраченных лошадей, имущество и прочее? (Более чем на два миллиарда рублей).

---

[298]) Мой письменный доклад командующему армией и Атаману, после совещания в г. Екатеринодаре 13 ноября 1918 года.

[299]) Сообщение о заседаниях Войскового Круга 1-8 февраля 1919 года.

[300]) Совершенно правильно ген. Краснов описывает это заседание Круга и удивительно точно дает оценку ораторам, выступавшим против Денисова.

[301]) Ускоренных выпусков академии. Сначала был в эмиграции, а затем перешел к большевикам.

— Была ли армия обута и одета?

— Почему своевременно не были мобилизованы иногородние?

— Обращалось ли достаточное внимание на состояние железных дорог? На санитарную часть? На состояние вооружения? [302]).

Так продолжалось несколько часов. Несколько часов ген. Денисов отбивался от яростных нападков кучки депутатов, мстивших ему, при молчаливом попустительстве остальной массы Парламента. Сыпались все новые и новые бесцельные и явно преднамеренные вопросы, имевшие в основе вывести ген. Денисова из душевного равновесия, сбить его и уловить на каком-нибудь противоречии. Этой возмутительной пытки над командующим армией не выдержал Атаман. Он потребовал себе слово и сказал: «Вот уже три часа присутствую при недопустимой травле командующего армией. Того, кто освободил от большевиков Новочеркасск, лично руководя атакующими цепями, того кому Войско Донское обязано и своими победами и своей свободой. Вот вся награда с вашей стороны за те тяжелые и ответственные годы, какие пали на его долю. На моих глазах он исхудал, изнервничался... Вы мне не раз говорили о его смене. Но если вы хотите бороться с врагом и дальше и победить его, то никакой смены быть не может. В бурю не вырывают руля у опытного и знающего море рулевого. Такие опыты до добра не доводят. Я спрошу всех тех генералов, которые сейчас с такой злобной критикой выступили против командующего армией, почему они не у дел и прячутся за его спину?

— Выгнали, — раздались голоса Сидорина, Бабкина и Семилетова с мест.

— И за дело — ответил Атаман. — Отчего нападают на человека, который так много сделал для общего дела? Невозможно работать с армией лишенной всего необходимого, а этот человек одел и обул армию. Теперешнее положение произошло не по его вине. Я знаю, как велика усталость на фронте. Вместе с командующим армией, я объехал все фронты и знаю, что казаки дали больше, нежели могли. Я суровый человек, — но я не могу осудить тех, кто теперь отходит. Нельзя доводить людей до последнего, а мы довели. Смотрите струна очень крепка, но и она лопается, если ее чрезмерно натягивать»[303]).

Слова Атамана произвели глубокое впечатление на Донской Парламент. Произошел, я бы сказал, психологический сдвиг в пользу Денисова. Ген. Краснов пробил дорогу к сердцу и совести депутатов. Поставь сейчас вопрос отставки ген. Денисова на баллотировку, Круг бы ее не принял. Это поняли сторонники Атамана, но понял также и хитрый Харламов. Он предложил поэтому прения о докладе командующего армией, перенести на следующий день, а предварительно рассмотреть этот вопрос в окружных заседаниях.

Однако, судьба была против Денисова. В ночь на 2 февраля на члена Круга П. Агеева, видного оппозиционера, докладчика по земельному вопросу, направленному против крупных землевладельцев, в пустынной улице г. Новочеркасска, двумя неизвестными молодыми людьми, одетыми в солдатские шинели — было совершено покушение. П. Агеев оказался раненым пулей в живот, но несмертельно. До этого вре-

---

302) «Архив Русской Революции», том V, стр. 315-316.
303) «Архив Русской Революции», том V, стр. 17.

мени политических убийств и террористических актов на Дону еще не было, почему известие о покушении на члена Круга произвело на всех тягостное впечатление. Круг сильно волновался, ибо судя по всем деталям покушения, оно носило чисто политический характер. Такой случай враги Атамана, конечно, не упустили и немедленно использовали его в целях нужной им агитации. Они применили чрезвычайно упрощенную формулу: страдающим лицом явился левый член оппозиции Атаману, следовательно, покушение организовано правыми, т. е. правительством. Несмотря на абсурдность такого толкования, оно, тем не менее, имело успех. Упускали главное и не хотели учитывать того, что Атаман и Правительство в тот момент более, чем когда-либо, были заинтересованы в спокойствии и благоволении к нему членов Круга, не говоря уже о том — что пускаться на подобные приемы устранения своих политических противников ни Атаману, ни Правительству не имело никакого смысла. Ведь они располагали более верными средствами, применение коих при желании всегда можно было обосновать законами и требованиями военной обстановки.

В итоге — благожелательное настроение к Донскому командованию, созданное Атаманом накануне, теперь, под влиянием раздувания покушения на Агеева, у большинства депутатов, сменилось недружелюбием, растерянностью и даже опасением за свою личную жизнь.

В заседании Круга 2-го февраля, начавшемуся в 6 часов вечера, председатели окружных совещаний сделали заявление о том, что «забота о защите Дона, о поднятии его обороноспособности должна быть снята с ген. Денисова и ген. Полякова и передана лицу, пользующемуся в глазах Войскового Круга большим доверием[304]). Затем этот вопрос был поставлен на решение Круга и 7 округов вынесли постановление о недоверии командующему армией ген. Денисову и мне, как начальнику штаба[305]).

Такое решение возмутило Атамана. Он вышел на эстраду и, указав Кругу всю огромную ответственность перед Войском, какую он берет на себя, вынося такое постановление, добавил: «Выраженное вами недоверие к командующему армией ген. Денисову и начальнику штаба ген. Полякову, я отношу всецело к себе, потому, что являюсь верховным вождем и руководителем Донской армии, а они только мои подчиненные и исполнители моей воли. Я уже вчера говорил вам, что устранить от сотрудничества со мной этих лиц — это значит, обрубить у меня правую и левую руки. Согласиться на их замену я не могу, а потому я отказываюсь от должности Донского Атамана и прошу избрать мне преемника»[306]).

Сказав это, генерал Краснов оставил зал заседания. С мест раздались крики депутатов: «Атамана задержать, Атаману остаться, Атама-

304) «Донская Летопись», том III, стр. 143.

305) Представители Черкасского, Ростовского и Таганрогского округов, наоборот, вынесли доверие. Так фактически происходило это заседание. Между тем К. Каклюшин («Донская Летопись», том III, стр. 143), давая волю своей фантазии, пишет, что вопрос недоверия командующему армией и начальнику штаба, поставленный на решение В. Круга, был решен всем В. Кругом, за исключением одного голоса, в смысле недоверия, что является беззастенчивым его вымыслом, искажающим фактическую действительность. Автор.

306) «Архив Русской Революции», том V, стр. 318.

ну верим, не уходите, просим остаться». И опять Харламов правильно учел настроение Круга. Он понял, что дебатировать вопрос отставки Атамана в этот момент опасно, а потому он решил сделать перерыв, чтобы подготовить членов в нужном для оппозиции направлении.

В сделанном перерыве, «для обмена мнений» сторонники Атамана и нейтральные депутаты Круга подверглись решительной и последней обработке. Оппозиция била ва-банк. Во что бы то ни стало спешили склонить большинство Круга на свою сторону и с этой целью беззастенчиво лгали депутатам — простым казакам. Последние, слушая мудреные слова господ интеллигентов, силились понять их, но не могли уловить тайный их смысл и только в недоумении и смущении разводили руками. Им горячо доказывали, что Атаман переутомился и не хочет больше оставаться на своем посту, что он сам просит отдыха. А в то же время таинственно шептали, что Войску от ухода Атамана будет только польза, ибо союзники заявили, что до тех пор пока на Дону будет Атаманом ген. Краснов, они не окажут Войску помощь. Не желает помогать Дону и Добровольческая армия, так как ген. Деникин в ссоре с ген. Красновым. Но главное, что смущало и волновало серую часть Круга — были категорические утверждения интеллигентов, что после ухода Атамана Краснова, Войску будет легче, ибо старшие возраста казаков будут безотлагательно отпущены домой, а на смену им на Дон придут союзные войска, добровольцы, Кубанцы и сообща быстро справятся с противником. Так бесстыдно и преступно лгали казакам, лишь бы убедить их принять отставку Атамана Краснова. И если, мне думается, простым казакам-депутатам было жаль расстаться со своим любимым Атаманом, столь много сделавшим для Дона, то еще больше им было жаль своих родных станиц, которыми тогда владели красные. Быть может, многое в настоящем им было и непонятно и туманно, но зато в будущем им сулили чрезвычайно соблазнительные перспективы.

Необычайно странную картину, помню я, представляло тогда помещение Донского Парламента. Все комнаты и коридоры были буквально запружены депутатами и лицами, не принадлежащими к составу Круга, но почему-то принимавшими горячее участие в его жизни в тот момент. Разбившись на кучки члены Круга оживленно дебатировали вопрос отставки Атамана. Я вышел из ложи и прошелся по длинным коридорам здания. Везде было одно и то же: один или два интеллигента, из лагеря оппозиции, окруженные простыми казаками-депутатами, горячо убеждали их принять отставку ген. Краснова. Не лишено интереса, что при моем приближении к той или другой группе, споры на момент стихали, а оппозиционеры пугливо озирались, словно опасаясь, что я вступлю в разговор. Наконец, депутаты были позваны занять места. Наэлектризованный лживыми обещаниями лидеров оппозиции, дезертирами с Дона, Донской Парламент небольшим большинством принял отставку Атамана. Депутаты Круга в массе не обнаружили ни твердости характера, ни мудрости римлян, судивших вождей не по результатам, зависящим от множества случайностей, а по проявленным ими свойствами и дарованиями.[307])

---

[307]) В общем, члены Донского Парламента, в массе своей, не выдержали экзамена на политическую зрелость. Они пошли за кучкой демагогов и подстрекате-

Как только состоялось это постановление, я не теряя времени, тотчас же написал рапорт об увольнении меня в 4-х месячный отпуск по болезни и лично повез его во дворец. Там я застал Атамана и командующего армией. Это был момент, так сказать, междувластия. Старая власть сложила свои полномочия, а новая пока не вступила в исполнение обязанностей, так как указ Круга о принятии им отставки Атамана, не был еще официально вручен ген. Краснову. Командующий армией и я воспользовались этим моментом и получили согласие Атамана: он на отставку, я — на отпуск.[308]) П. Н. Краснов в этот момент, оставался совершенно спокойным и даже шутил. Ген. Денисов был несколько взволнован, но не столько тем, что Круг принял отставку Атамана, сколько той травлей, которой он был подвергнут когда докладывал Кругу о военном положении Дона. Что касается меня, то я болел душой и за Атамана и за командующего армией. Меня глубоко возмутило отношение Круга к ним. Ведь именно им войско донское всецело было обязано и своим освобождением от большевиков и своим процветанием. Эти люди работали не покладая рук, работали безкорыстно, отдавая все свои силы, ум и знание на пользу общего дела. А в результате, Донской Парламент, идя за кучкой демагогов, кучкой бездельников и людей более чем сомнительной репутации, вместо преклонения перед самоотверженностью этих лиц и вместо глубокой благодарности — выразил им недоверие... Но одно меня радовало — это мой предстоящий отпуск, ибо мне необходимо было восстановить и поправить совершенно расстроенное мое здоровье.

Здесь же, между прочим, мы решили дабы не осложнять положение и своим присутствием не вносить диссонанс в работу нового Правительства, — в ближайшие дни покинуть пределы Дона.

Около 12 часов ночи Ген. Богаевский прибыл во дворец и привез указ Войскового Круга о принятии отставки Донского Атамана и о том, что атаманская власть в Войске Донском, согласно ст. 21 Основных законов Всевеликого войска Донского, впредь до избрания Кругом Атамана, переходит председателю совета Управляющих отделами т. е. ген. А. Богаевскому.

Не желая присутствовать при разговоре Богаевского с Атаманом, я сославшись на необходимость немедленно передать все дела своему

лей против Атамана, Донского командования и порядка существовавшего на Дону и не осознали, что являются лишь игрушкой в руках тех, кто в свои руки захватил В. Круг. Они не поняли того, что у этих вожаков нет никаких высоких побуждений в отношении Дона и что их главными побудительными мотивами является удовлетворение личной мести и злобы, стремление занять теплые местечки и обеспечить свое личное благополучие. Выдающегося Донского Атамна генерала П. Н. Краснова валили при помощи ген. Деникина... и свалили, передав пернач безвольному и во всем послушному заправилам на Круге. А свалив и подчинив во всех отношениях Дон ген. Деникину, сами выказали полную свою несостоятельность к созидательной работе.

В конечном результате эти «правители и законодатели» докатились до Новороссийска, где нашли: «казакам нет места на судах», и где разыгралась небывалая в истории казачества трагедия, как следствие преступной их нераспорядительности. Казаки в числе десятков тысяч были брошены на милость большевиков, а «законодатели» озаботились лишь спасением самих себя.

[308]) Атаман Краснов не разрешил уволить меня в отставку, несмотря на мои повторные просьбы, в этом мне отказало и новое Донское правительство, считая необходимым привлечь меня к работе.

помощнику ген. Райскому, поехал в штаб. Здесь, несмотря на поздний час, все чины штаба были на своих местах. В моей приемной, в ожидании меня, собрались все мои ближайшие помощники. Я пригласил к себе ген. Райского, I-го генерал-квартирмейстера полк. Кислова и II-го ген.-квартирмейстера ген. Епихова. Мое удивление, было крайне велико, когда каждый из них вручил мне рапорт с просьбой об увольнении его в отставку, мотивируя это каждый по своему. Они заявили, что служить при новом командовании, особенно с ген. Сидориным, уже тогда выдвигавшемся на должность начальника штаба или командующего армией, они категорически не желают. В беседе с ними, у меня прошел целый час. Потребовалось много усилий, дабы удержать их от этого необдуманного шага. В конце концов, мне удалось убедить их, что, если они не желают оставаться работать при новой власти, то не делать этого сейчас, а сделать позже, дабы это не носило характер саботажа. Мне казалось, что было совершенно недопустимым в такой момент лишить штаб главных ответственных работников и, кроме того, такой их поступок мог рассматриваться, как противозаконнный. Во время разговора с ними, мне доложили, что ген. Богаевский ожидает моего приезда к нему с докладом о положении на фронте.[309]) С ним тогда у меня произошел весьма интересный разговор по телефону. Я заявил Африкану Петровичу, что считаю себя уже в отпуску и потому с докладом к нему не поеду, а пришлю своего помощника или I-го генерал-квартирмейстера, т. е. сделаю все, что могу сейчас сделать. Ген. Богаевский начал меня настойчиво уговаривать оставаться на своем посту, горячо доказывая, что ни он, ни Круг в целом, абсолютно ничего не имеют лично против меня, что моей работой все довольны, но что весь удар был направлен исключительно на командующего армией ген. Денисова (вопрос об Атамане он дипломатически замалчивал), своими действиями, вызвавшего негодование Круга. Или Африкан Петрович был так наивен, или искренно заблуждался или же по обыкновению кривил душой, я тогда понять не мог. Избегая, однако, дальше дебатировать и еще больше обострять этот больной вопрос, я поблагодарил Африкана Петровича за поток ласковых слов в отношении меня, но все же категорически заявил ему, что я остаюсь при своем решении и что как будущего моего заместителя могу рекомендовать ген. А. Келчевского. На этом и кончился наш разговор по телефону.

Но и мой помощник и I-й генерал-квартирмейстер упорно уклонились от поездки с докладом к ген. Богаевскому. Первый ссылался на слабое знание им военной обстановки и оперативных предположений, второй, наоборот, напирал на полную свою неосведомленность в вопросах общих. Тогда я отправил их обоих к ген. Богаевскому, а сам, сделав последние резолюции на срочных телеграммах и отдав распоряжение о спешном напечатании прощального приказа П. Н. Краснова[310]) поехал домой, зная, что там собрались мои близкие и друзья, с нетерпением меня ожидавшие.

Почти до утра, в кругу родных и приятелей мы обсуждали послед-

---

[309]) Обстановка на фронте к этому времени значительно улучшилась. Отовсюду шли хорошие, радостные вести о наших победах.

[310]) Приказ Всевеликому Войску Донскому от 2 февраля 1919 года № 280.

ние события, строили разные планы и делали всевозможные предположения о будущем.

На другой день, после отставки ген. Краснова, т. е. 3-го февраля в Новочеркасск впервые приехал ген. Деникин и посетил Круг. Его встретили с особенной торжественностью и даже с подчеркнутой помпой. Отвечая на приветствия председателя Круга, Главнокомандующий такими словами определил цель своего приезда: «Я приехал сказал он — исполнить свой долг: поклониться праху мертвых и приветствовать живых, чьим трудом и подвигом держится Донская земля. Я приехал приветствовать Войсковой Круг, олицетворяющий разум, совесть и волю Всевеликого Войска Донского».[311]) Далее ген. Деникин оттенил, что он не хочет вмешиваться во внутренние дела Дона, сказав: «Верю, что Ваша внутренняя распря, в которой я не могу и не хочу быть судьей, не отразится в борьбе с врагом Дона и России на общей дружной работе».

Насколько такое заявление Главнокомандующего отвечало истине и насколько его слова о «невмешательстве» в дела Дона, соответствовали его действиям, беспристрастно разберется история, выяснив попутно и двуличность ген. Деникина. Я же, как живой свидетель всех Донских событий и наших взаимоотношений с Добровольческой армией, имею достаточно оснований утверждать, что затея донской оппозиции свалить Краснова, зародилась не без влияния и содействия высших кругов Добровольческой армии. Мало того, в лице ставки Добровольческой армии, донская оппозиция в своем стремлении умалить и подорвать в Войске престиж ген. Краснова, нашла себе верного и чрезвычайно активного союзника.

Командование Донской армией принял начальник 1 Донской казачьей дивизии ген. Ф. Абрамов, а должность начальника штаба временно стал исполнять мой помощник ген. Райский. Такое положение продолжалось только два дня. И по своему характеру и по своим взглядам на управление армией и вообще ведение военного дела, ген. Абрамов видимо не отвечал желаниям той кучке членов Круга, фактически державших в своих руках тогда всю власть.

Поэтому для меня не явилось неожиданностью, когда 5-го февраля 1919 г. ген. Богаевский опубликовал следующий приказ: «С согласия Главнокомандующего вооруженными силами на юге России ген.-лейтенанта Деникина, командующим Донской армией назначается генерального штаба ген. Сидорин Владимир. Начальником штаба Донской армии назначается генерального штаба ген.-лейтенант Келчевский Анатолий».[312])

Я уже несколько раз упоминал о Сидорине и потому совершенно не удивительно то беспокойство и тревога, которые вызвал этот приказ у всех кто болел душой и за Дон и за Россию.

Еще можно понять и объяснить, что слабовольный ген. А. Богаевский, под влиянием известной части Круга, добиваясь атаманского

---

311) Речь генерала Деникина приведена полностью в газете «Донские Ведомости» от 4 февраля 1919 года, № 30.

312) Приказ Всев. Войску Донскому № 281 от 5 февраля 1919 года. Интересно, что в этом приказе обо мне не упомянуто, и таким образом я, оставаясь начальником штаба Войска, числился в отпуску, что и было проведено в приказе по Войску от 2 февраля 1919 года.

пернача, вынужден был решиться на это назначение, но поражает, как мог дать на это свое согласие ген. Деникин. Ведь он отлично знал и моральный облик ген. Сидорина и его ограниченность в военном деле и всю его предшествующую деятельность, заслуживающую только самого сурового осуждения.[313])

В сущности Сидорина на этот пост выдвигала кучка донских демагогов с Харламовым и Агеевым во главе. А Богаевский и Деникин не нашли в себе мужества воспрепятствовать этому, несмотря на очевидный вред от такого назначения.

Заслуживает внимания, что «заправилы» Войскового Круга лихорадочно спешили узаконить уход Краснова и его помощников. С этой целью, в срочном порядке, был составлен Указ Донской армии, в котором недоверие старому командованию армии мотивировалось «установлением наличности серьезных упущений в военной части».[314]) А через два дня, они уподобились унтер-офицерской вдове и сами себя высекли, приняв постановление создать комиссию по обороне и поручить ей «выяснить создавшуюся военную обстановку, причины неудачи на фронте и заняться творческой работой в помощ командованию».[315])

И так, сначала, «упущения, как будто были установлены», но тогда учреждение комиссии с целью выяснения причин неуспеха на фронте, конечно, излишне.

На самом деле здесь имело значение иное обстоятельство: на всякий случай страховали себя — авось, что-нибудь найдется, хотя бы и задним числом. И надо признать, что «комиссия» более чем тщательно искала «грехи» старого военного командования. Не менее усердно она помогала новому Донскому командованию в ведении военных операций и так успешно и плодотворно занималась «творческой работой», что столица Дона — Новочеркасск, едва не стала добычей красных уже в апреле месяце 1919 года. После этого, не дав никаких позитивных результатов, «поиски» прекратились и комиссия распалась.

---

[313]) Уже через три месяца после назначения, Сидорин начал своеобразно пользоваться своим положением. Много шума вызвала тогда «мешочная панама», обогатившая компанию «Сидорин, Воронков и другие», связанная с превышением власти командующим армией и вызвавшая даже протест Атамана. Интересны подвиги этого генерала и на другом поприще, так, например: выведя штаб Донской армии из Новочеркасска на ст. Миллерово, Сидорин для собственного развлечения к штабному поезду прицепил вагон с опереткой. И вот картинки, рисовавшие нравы нового командования со слов тех, кто не только своей кровью, но и жизнью запечатлел любовь к родине: роскошный вагон-ресторан, зеркальные окна, залитые ослепительным светом электричества, на столах — цветы, обилие яств, редкие дорогие вина, шампанское, и среди этой обстановки полупьяный командующий армией со своим ближайшим окружением в обществе полуоголенных артисток. А рядом: товарные вагоны, до отказа набитые ранеными и тифозными. Они уже несколько дней в пути без санитарного надзора, голодные и холодные. Не составляли тайны и порядки штаба Добровольческой армии ген. Май-Маевского, любителя хорошо покушать, покутить и выпить. А результатом было то, что большевикам не надо было писать и разбрасывать прокламации; нравы, царившие в больших штабах белых, действовали на войска более разлагающе, чем все проповеди о большевистском рае.

[314]) «Донские Ведомости» от 6 февраля 1919 года, № 32.

[315]) «Донские Ведомости» от 6 февраля 1919 г., № 32. Отчет о заседании Круга 4 февраля и доклад В. Харламова, в котором красной нитью проходит его настойчивое желание убедить депутатов Круга в пользе для Дона от ухода ген. Краснова.

Ушел П. Н. Краснов, а с ним и ближайшие его сотрудники.

Как бы ни клеветали, сколько бы ни злословили враги П. Н. Краснова — нельзя было отрицать одного — огромной его творческой и чрезвычайно полезной работы для Дона. Ему главным образом, обязано было Войско Донское своим освобождением от красного ига. Возрождение Дона при необычайно тяжелых обстоятельствах, создание образцовой армии, восстановление благосостояния казаков и нормальных условий жизни — все это явилось результатом его талантливых организаторских способностей и большого государственного ума.

Вечером 6-го февраля, бывший Атаман П. Н. Краснов, командующий армией С. В. Денисов и я, в специальном поезде, состоявшем из 3-х вагонов-салонов, покинули столицу Дона.

На станции Ростов ген. Краснова встретили, выставленные на перроне, сотня лейб-гвардии Казачьего полка и все офицеры полка, во главе с командиром. Я был невольным свидетелем этого трогательного прощания лейб-казаков со своим любимым Атаманом. Многие из присутствовавших плакали. Здесь же нам было суждено еще раз увидеть ген. А. Богаевского, прибывшего в Ростов, почти одновременно с нами. Он вошел в наш поезд и с каждым из нас весьма любезно распрощался.

Уход Краснова не прошел безболезненно. Казачьи массы хорошо знали Краснова. Они сроднились с ним, верили ему, много перенесли с ним тяжелых испытаний и всегда Атаман с честью выводил их из самых трудных положений. Многие простые казаки чутьем угадывали правду и по-своему расценивали события. Пошел глухой, а местами даже открытый ропот, появилось недовольство, боевые части заволновались. От имени казаков и офицеров за подписью старших начальников со всех фронтов на имя Атамана и председателя Круга, посыпались телеграммы. В них категорически требовали, чтобы Круг не принимал отставки ген. Краснова, а последнего просили не оставлять Войско в тяжелую минуту.[316]) Но эти телеграммы по распоряжению председателя Круга были задержаны и по назначению не переданы.

Дабы успокоить казаков и умирить страсти, Круг, в срочном порядке, отправил многочисленные делегации с задачей в «истинном виде» осветить на фронте картину происшедших событий.[317])

Новым Атаманом был избран ген. А. П. Богаевский. Это избрание в точности отвечало программе, составленной в Екатеринодаре и одобренной «верхами» Круга. Безвольный и бесхарактерный Африкан Петрович, как нельзя лучше, удовлетворял желаниям Екатеринодара и заправилам Круга. Весьма знаменательно, что как только Донским Атаманом стал А. Богаевский, на помощь Дону немедленно начали прибывать добровольческие и Кубанские части. Нашлись и свободные войска, хватило и подвижного состава. Донская столица в несколько дней буквально была запружена Екатеринодарцами и сразу же резко изменила свою строгую физиономию, превратившись в типичный тыловой город со всеми его отрицательными сторонами.

---

[316]) Мне невольно приходит одно сравнение: когда в конце 1919 г. произошла трагедия вооруженных сил юга России, то войска потеряли веру в вождя генерала Деникина, что и решило его участь; иное произошло с Красновым: войска остались ему верны и преданы, а Донской парламент, подогретый кучкой демагогов, при участии верхов Добрармии, свалил Краснова.

[317]) Отчет о заседании Круга 7 и 8 февраля 1919 года.

Вступление ген. Богаевского на атаманское место и прибытие добровольцев было ознаменовано небывалыми Лукуловскими пирами. А между тем, обстановка на фронте вновь стала грозной.

Одновременно с этим, на дележку власти в Новочеркасск отовсюду слетались искатели легкой наживы и теплых мест. Началась расплата за «работу». Донскую армию получил, один из главных актеров, ген. Сидорин. В угоду генералу Семилетову, прибывшему в Новочеркасск 6-го февраля из Екатеринодара со своим отрядом[318] каковой, кстати сказать, состоял исключительно из дезертиров Донской армии, с благословения Атамана Богаевского возродили партизан [319]). А в результате — бесцельно погибли тысячи юношей и детей.[320]) Начальником штаба партизанских отрядов стал генерального штаба небезызвестный полк. Гущин.[321]) Председателем Совета Управляющих назначили, ранее саботировавшего П. Х. ген. Попова,[322]) начальником его канцелярии сделали известного уже читателю полк. А. Бабкина.[323]) Другие лица получили большие штабы, или дивизии и корпуса. Портфели в правительстве были столь же быстро разобраны, но не столько по желанию Атамана, сколько с соизволения г. г. Харламова и Агеева. Однако, лакомых мест на всех не хватило. Часть осталась, как бы за штатом. Тогда, не мудрствуя лукаво, увеличили число штабов и тыловых должностей и это, как раз в то время, когда количество войск значительно уменьшилось. Создали, например, отдельно Управляющего Военным и Морским отделами с его канцелярией, а бывший единый штаб разделили на два: штаб армии и войсковой, мера, надо заметить, чрезвычайно неудачная[324]).

Учредили целый ряд совершенно ненужных «наблюдающих» по разным отраслям деятельности, над ними поставили «главнонаблюдающих», над которыми, в свою очередь сидели «сверхнаблюдающие». Казалось, как-будто удовлетворили аппетиты всех. Одновременно открыли беспощадное гонение на «Красновцев» . . . и начали производить основательную чистку всего того, что было связано с этим именем.

Но не прошел и месяц, как «свои люди» уже начали враждовать, сделались врагами, злобно смотрели один на другого, готовые сцепиться, при всяком случае. Вновь начались интриги, междуусобная грызня. А в минуты откровения и сознания тяжести Атаманского пернача — глава Дона ген. А. Богаевский жаловался на свое одиночество, говоря, что каждый подкапывается под другого, ему некому довериться, не на

---

318) Формирование этого отряда упорно отрицали генералы Деникин и Драгомиров.

319) «Донские Ведомости» от 12 февраля 1919 года, № 37. Постановление Круга об избрании комиссии для приветствия возродившихся партизан, и «Донские Ведомости» от 5 марта, № 54, статья «Смотр».

320) Я всегда был противником участия в гражданской борьбе детей, не окрепших физически, считая, что польза приносимая ими далеко не соответствует жертвам.

321) Известный своей вредной деятельностью в Петербурге в дни революции, а на Дону арестованный за поведение несоответствующее званию офицера и агитацию против Атамана. Наконец и в эмиграции его деятельность весьма сомнительна.

322) См. «Воспоминания», часть III и IV.

323) Об этом полковнике упоминалось выше.

324) См. «Воспоминания», часть II.

кого положиться, что бывшие его друзья — стали врагами . . . Созревала жатва того, что усердно сяели сами . . .

Весь описанный период борьбы Донских казаков с Советской властью соответствует тому времени, когда Дон под главенством Атамана П. Н. Краснова был самостоятельным, когда он, как сказочный богатырь, один на своих плечах выдерживал почти в течение года страшный натиск огромных полчищ красных. Временами богатырь уставал, утомлялся рубить врага, делал передышку, набирался свежих сил, снова вставал на защиту родной земли и снова беспощадно бил противника.

Дальнейшие события, как-то: новое восстание Верхне-Донцов и казаков севера, явившееся главным фактором очищения летом 1919 г. Донской земли от красных, новая оборона границ Области, рейд ген. Мамантова, разнообразные и неудачные эксперименты над казачеством, имевшие следствием потерю целиком родной Области и всех прежних завоеваний Донцов, крушение политики Деникина, трагедия фронта и казачества, катастрофическое отступление вооруженных сил юга России и частичный уход их в Крым, а с ними и небольшой части казачества, все это, вместе взятое, должно послужить содержанием второго периода гражданской борьбы на юге России.

Югославия — Загреб.

1925 г.

Конец